

НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА

СЛЕДЫ СХОДЯТСЯ В КОСМ

* ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

* ПОСЛЕДНИЙ ВОЛЬНЫЙ ИНДЕЕЦ АМЕРИКИ

ДИРГЕМЫ ОТКРЫВАЮТ ТАИНУ *

РАБОТА ДЛ
«ЗАВЕЩАНИЕ» НИЛЬСА БОРА
ГОРНОЙ ТРОПОЙ КА

* СЫНОВЬЯ СОЛНЦА

* ГДЕ

ТРУБКА КОРСАРА

ПОЧТИ ЛЮДИ

**Издательство
«Мысль»**

ПУТЕШЕСТВИЯ

ПРИКЛЮЧЕНИЯ

ФАНТАСТИКА

ПОВЕСТИ · РАССКАЗЫ

ОЧЕРКИ · СТАТЬИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ»

МОСКВА · 1969

ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Редакционная коллегия:

Н. Я. БОЛОТНИКОВ (составитель), П. Н. БУРЛАКА,
И. А. ЕФРЕМОВ, Б. С. ЕВГЕНЬЕВ, И. М. ЗАБЕЛИН,
А. П. КАЗАНЦЕВ, С. Н. КУМКЕС,
Н. Н. ПРОНИН (ответственный секретарь),
С. М. УСПЕНСКИЙ

Оформление художника Ю. А. Боярского

Николай Коротеев

РОДНОЙ БРАТ ЖЕНЬШЕНЯ

✱

Повесть

«Я устал как хороший пес на прекрасной осенней тяге».

Это единственная фраза, которую я смог написать перед первым выходом в тайгу. В тот день я передал своему научному руководителю рукопись докторской диссертации. Точнее, работу, которая может стать — должна стать! — моей докторской диссертацией.

Мне очень повезло. В двадцать шесть лет претендовать на такое звание в области экспериментальной терапии...

Я хотел немного отдохнуть и сразу переключиться на другую тему. Однако шеф решил иначе — посоветовал отправиться в тайгу. Побродить с корневщиками — искателями женьшеня. Очевидно, потому, что из дома отдыха можно сбежать, а из тайги — нет.

Я пошел на уступку. Прощаясь со мной, шеф подарил общую тетрадь. Я сунул ее в рюкзак, считая, что она вообще не понадобится.

Шеф лукаво улыбнулся:

— Не прячьте далеко. Добавления и исправления в диссертацию, когда вернетесь.

— Ваши...

— Нет, свои.

В лаборатории я мало интересовался самим корнем. Меня занимали свойства препарата. Можно сказать так: я испытывал автомобиль или самолет и просто не думал о рудознатцах, что искали месторождение, добывали металл и плавил сталь, из которой сделана машина. А теперь я окунулся в незнакомый и таинственный для меня мир.

В конторе по заготовке женьшеня меня встретил крупный, тучный и румяный заведующий. Он показался мне неуместным здесь. Тут хотелось видеть такого старичка-лесовичка со всклокоченной бородой и хитрыми, глубоко посаженными глазами.

— Вот посмотрите,— сказал заведующий, проводя меня в темноватое помещение. Пахло мхом и древесной корой. На стеллажах лежали лубяные конверты. В них хранился принесенный из тайги женьшень. У меня было такое ощущение, словно я вошел в сокровищницу. Необыкновенную и таинственную.

— Урожай этого года,— продолжал заведующий,— интересные есть корешки. Хоть бы этот.

У меня в руках оказалась лубяная коробка, сложенная наподобие конверта, пахнущая кедровой смолой. Раскрыв ее, я увидел... скульптуру индийского танцовщика теплого желтого тона. Это впечатление было настолько сильно, что я невольно протянул руки к корню, желая убедиться, не овладел ли мною зрительный обман: это настоящий корень, выросший в тайге, а не искусно сделанная вещь? Из головы танцовщика, подобно пышному узору, поднимался черенок с розеткой из шести листьев.

— Упие!

— Упие...— недоуменно подтвердил заведующий.

Мне оставалось только улыбнуться. Не говорить же о том, что в период подготовки к диссертации мне понадобилось прочитать всем известную и доступную литературу о женьшене и не только о нем. Теорию я знал. Но вот такой корень держал в руках впервые.

— Вы знаете жаргон ва-панцуй? — спросил меня заведующий.

— Господину истинному духу гор, охраняющему леса! Моя радость сверкает, как чешуя рыбы, как оперение фазана. Владыке гор и лесов, охраняющему прирост богатства. Если просят, непременно обещаю: просящему нет отказа! — выпалил я единым духом.

Лицо заведующего действительно засверкало, как чешуя рыбы и как оперение фазана:

— Ну, я вижу, что корневщикам в вашей компании скучно не будет.

— Трудно сказать. Могу пройти в двух шагах от женьшеня и не увидеть его.

— Ну-ну... А я-то хотел дать вам инструкцию почитать. В помощь, так сказать, начинающему корневщику, — и показал еще несколько корней.

Один из них оказался «сиписе», молодой четырехлистный женьшень. И хотя листья были отрезаны, возраст его определялся по кольцам-перетяжкам на теле. Другой — «тантаза» семнадцати—двадцати лет. Но он оказался «женским» — два его отростка — «ноги» — были переплетены, словно положены одна на другую.

— Верно, — проговорил заведующий и передал мне женьшень из конверта, лежавшего отдельно. Он принадлежал к «упие», корням старым, особенно ценным, возраст которых несколько десятилетий. Весил он граммов сто. Редкий экземпляр.

— Хорош?

— Хорош-то хорош...

Мне почему-то захотелось внимательнее присмотреться к корню. На ощупь женьшень обычно бывает упруг, но не хрупок. А этот, казалось, нажми чуть посильнее, и он сломается. Наконец я догадался. Корень, очевидно, «подпоили». Такие штуки корневщики еще выкидывают иногда. Хотя за это и страдают. «Подпаивают» — опускают примерно на сутки в воду, чтоб прибавить вес.

Вслушав, заведующий сказал, что читать инструкцию мне не надо. Однако я попросил посмотреть. Она начиналась так:

«Женьшень — исключительно ценное лекарственное растение, применяемое в восточной медицине. Запасы корня в других странах давно полностью исчезли. Единственным местом в настоящее время, где растет дикий женьшень, является наш советский Дальний Восток...»

Стоял конец августа. Корневщики уже давно находились в тайге. И я отправился туда с «оказией» — мрачного вида корневщиком Саввой Петровичем. Он принес из тайги очень ценный корень, какие обычно не хранят при себе: мало ли что может случиться. Да хотя бы подмокнуть под дождем, подпоиться.

Теперь Савва Петрович возвращался в бригаду, и я с ним.

Выехали ранним утром на попутке. Километров тридцать тряслись по разбитому в пыль лесовозному проселку. Я сидел, по младости лет, в кузове. Парило знойное муссонное предгрозье. Высоченные ослепительные облака походили на фантастической величины пирожное безе. Солнце пекло сквозь влажный воздух.

За машиной тянулся кометной длины пыльный хвост. Деревья по обочинам стояли желтые от пыли. Ехали мы часов шесть. Наконец машина остановилась у чайной. Я выпрыгнул из кузова.

Савва Петрович, выйдя из кабины, стоял у открытой дверцы и, вытаскивая из кармана по монетке, собирал на пиво шоферу. Немало удивив шофера и старого корневщика, я дал полтинник.

— Мы не на зарплате, — проворчал Савва Петрович. — Мы что потопаем, то и полопаем.

В чайной Савва Петрович скинул кепку, которая наверняка была приобретена еще во время нэпа, снял кургузую, с обрезанными полами солдатскую шинель. На мне была такая же, с шефова плеча. Я знал, что Савве Петровичу за шестьдесят, но выглядел он лет на сорок. Может, и помоложе. В его густой шевелюре не заблудился ни один седой волос. Облик корневщика не оставлял сомнения, что он, во-первых, давно и с толком принимает женьшень и, во-вторых, действие этого лекарства для здоровья было достоверно явным.

Савва Петрович взял полтора обеда, сто граммов водки и два чистых стакана. Я — обычный обед. Устроившись за столом, корневщик вытянул из котомки фляжку военного образца и плеснул в стаканы чуть желтоватой жидкости. Я принюхался и узнал женьшень.

Один из стаканов, в котором было граммов двадцать настойки, Савва Петрович пододвинул ко мне.

— Вы и летом пьете женьшень?

— Угу, — не разжимая губ, невразумительно ответил мне мрачный Савва Петрович.

— Я слышал, что летом этого не делают?

— Гм... — неопределенно отозвался корневщик.

— Или вы сокращаете прием вполтину? — Я помнил, что в очерке В. К. Арсеньева говорится лишь о сокращении вполтину обычной дозы — тридцать — сорок граммов — настоянной на женьшене водки или сорокапроцентного спирта.

Савва Петрович кивнул.

— А наибольшие дозы приходятся на февраль — март, как раз перед весной?

— Угу.

Разлив по стаканам настойку, Савва Петрович перелил водку, взятую в буфете, во фляжку.

— Верую. И сам проверял его действие.

— Ну и как? — Савва Петрович принялся за еду.

— Действует.

В свое время меня поразила элегантность подхода шефа к проблеме.

В фармакологии, науке о лекарствах, как и в любой другой, работа начинается с того, что природе, объекту исследования, задается вопрос: что ты, какими свойствами обладаешь, как действуешь? Но прежде чем задать такой вопрос, необходимо разобратся: что считать действием, как его измерять, каким образом, чем, в чем?

При приеме пирамидона проходит головная боль. Мята и ментол рефлекторно расширяют сосуды, особенно сосуды сердца. Действие этих лекарств проверено практикой, и любой ученик средней школы может поставить эксперимент и убедиться в правильности утверждения.

Но действие женьшеня оставалось неуловимым в течение пяти тысячелетий. Было заметно: что-то на что-то действует, но что и на что — неизвестно. Явно: люди, принимавшие женьшень, чувствовали себя бодрее, здоровее...

Поистине корень жизни!

А неизвестное — «на что действует?», «каким образом?», «что считать?» — эти проклятые вопросы оставались без ответа. Обычный подход к женьшеню, как к лекарству, не годился. Он не улучшал, — видимо, измеряемо, — работу сердца или другого органа, не снимал боль, не уничтожал возбудителя. Женьшень был невидимкой в организме. «Бодрее», «здоровее» — понятия весьма и весьма субъективные. «Бодрее» — кого? Себя... «Здоровее» — кого? Себя...

То, что невозможно сосчитать и измерить, — призрак в науке. Действие женьшеня, вполне естественно, относилось в счет психологического фактора. Например, если человека убедить, что к его коже прислонена раскаленная монета, то на этом месте появится ожог. Но так бывает далеко не у всех.

Люди любят и умеют верить до самозабвения.

Шеф решил оценить эффект, который не улавливался пять тысяч лет. Он служил на флоте, во Владике, знал: многие местные жители пьют женьшень. Ему хотелось найти общее в ощущениях тех, кто пользуется легендарным корнем. Время от времени шеф, тогда молодой флотский врач, встречался со стариками и пожилыми корневщиками, которые сами, как правило, обязательно пили настойку.

Разговор за разговором записывался в блокнот. Общие вопросы: «Зачем... Почему вы пьете женьшень?» — стали сменяться конкретными: «Снимает ли он чувство усталости? Помогает ли при дальних переходах?» Так постепенно в спутанном клубке легенд о всеисцеляющем корне шеф заметил красную нить — работоспособность. Женьшень повышает работоспособность.

Ни в одной из специальных работ по медицине и фармакологии исследование женьшеня по такому признаку не проводилось. Работоспособность организма. Это то, что можно наблюдать, оценить. Этот показатель можно измерить. В эргах. Во времени, интенсивности. Работоспособность не бесконечна. Наступает утомление. Есть предел, до которого можно считать. Можно выявить среднюю работоспособность крысы. Например, заставить ее плавать в бассейне с отвесными краями до полного утомления, пока животное не погрузится на дно.

Обычные лабораторные животные на обычном рационе выбивались из сил в среднем через час. А если им перед плаванием

вести настойку женьшеня? Если утверждения корневищников правильны и прием настойки помогает им преодолевать усталость, то и работоспособность крыс должна повыситься.

Действительно, одноразовое введение крысам женьшеня в полтора раза увеличивало время их принудительного плавания. Так вопрос, правильно заданный природе, не остается без точного ответа...

Я принял за второе, сдобрил хлебно-мясные котлеты солидной порцией горчицы, предложил приправу Савве Петровичу.

— Много нельзя, — сказал корневищик.

— Почему?

В ответ прозвучало неопределенное:

— Гм-м...

На этот раз никаких научных аналогий я припомнить не смог. Вздохнув, я принял на веру табу.

Потом мы отправились к перевалу, за которым жил приятель Саввы Петровича и где осталась моторка. Мы быстро прошли селом. Наконец я вдохнул настоящего таежного воздуха. Зелень самых разных оттенков покрывала склоны сопок. Казалось, перед глазами яркая мозаичная картина... Каждая крона была освещена будто особо и светилась особо.

Как-то невольно на несколько минут показалось, что иду я не по дальневосточной тайге, а по родному брянскому лесу. Только в отличие от звонкого, даже в августе, светлого и прозрачного леса кругом молчала углубленная в себя тайга.

По самой опушке, на солнцепеке, вдоль каменистой осыпи поднимались стройные стволы с ветками, усаженными большими колючками. Верхушка высокого, в несколько метров, кустарника очень напоминала пальмовую. Огромные, едва ли не в метр, листья раскрывались венчиком, из которого поднималось бледно-белое соцветие. Это была одна из родственниц женьшеня — аралия колючая.

Савва Петрович похлопал по гладкому стволу аралии и с завистью сказал:

— Вот бы так женьшень рос! Приходи и бери сколько хочешь.

— Тогда заготовка его стоила бы гроши.

— Да-а...

Корневищик принял мое замечание близко к сердцу.

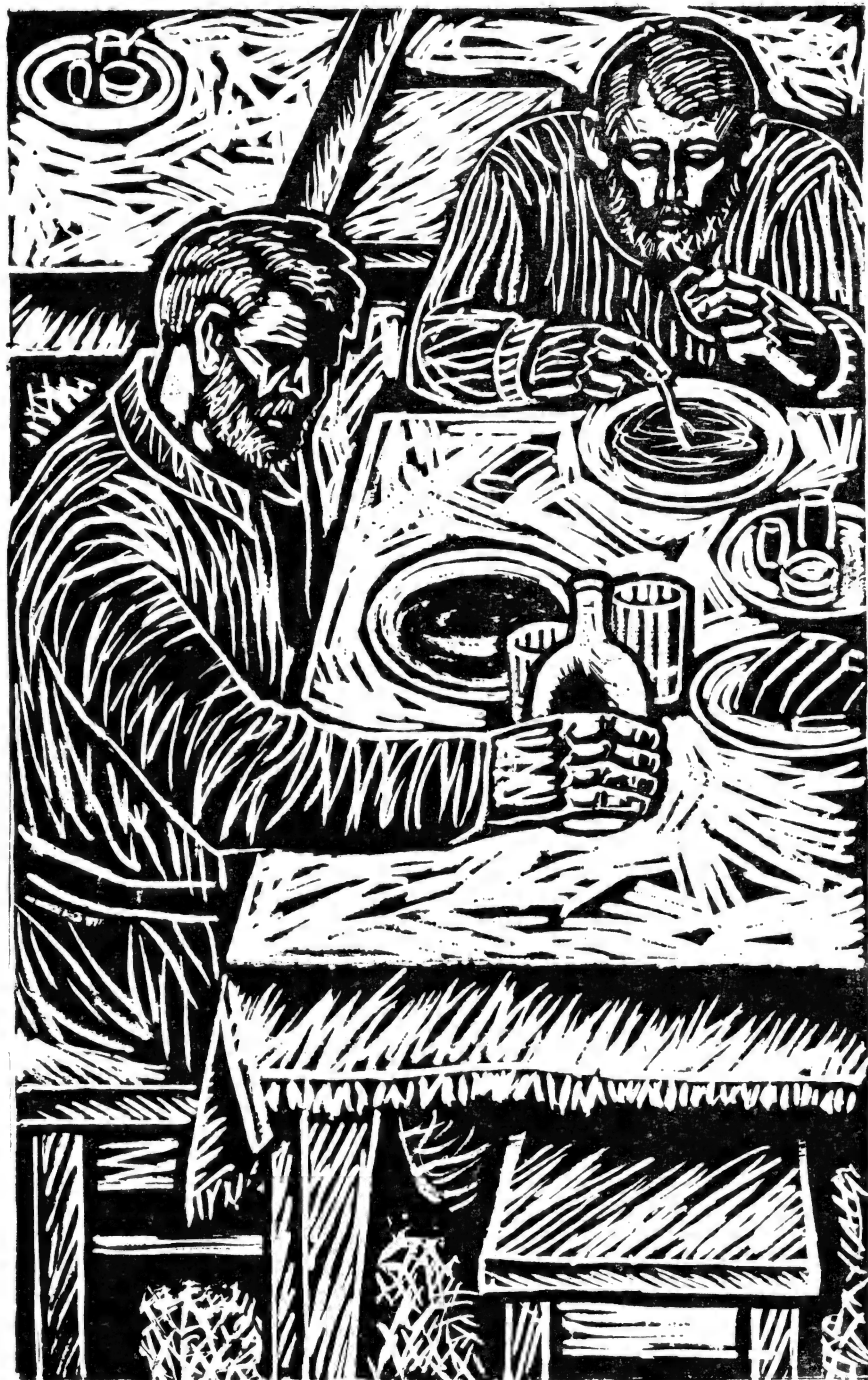
— А было время, когда он рос как кошачий корень — валерьянка. На каждом шагу.

— Было? — удивился Савва Петрович.

— Несколько миллионов лет назад.

— Откуда же тогда это известно? — хмыкнул Савва Петрович. Этот вопрос он задал, видимо, из вежливости и, не дожидаясь ответа, пошел вверх по крутому склону, ловко перепрыгивая с одной каменной глыбы на другую.

Я же продолжал думать о женьшене, который рос здесь как обычная трава миллионы лет назад. Ведь только так и

можно предположить, что человек обратил на него внимание. Именно о погоне за беглецом, за исчезающим видом говорится в преданиях. Возможно, на памяти древнего человека происходили геологические сдвиги, после которых климат в этих краях значительно изменился и корень жизни стал реликтом.

В этом вопросе я позволил себе домысел и отнес открытие людьми лекарственных качеств женьшеня в более далекие времена, чем самые древние труды по медицине. Ведь на чем-то, на каких-то опытах должны основываться эти выводы. Тем более что четыреста лет — время, когда женьшень появился в Европе и до последней поры, — изучение корня шло то эмпирическим путем, когда настойку давали больным и она не действовала, то по канонам классической фармакологии — влияние лекарства на изолированный орган. И в том и в другом случаях фармакологи пришли к правильным выводам: женьшень не оказывает никакого действия — полезен, как сельдерей.

Нужен был новый метод. От него требовались два условия: изучение действия лекарства на здоровый организм в целом, на болевой организм в целом.

Однако на протяжении последних четырех веков ботаники спорили, что называть истинным женьшенем. На первый взгляд вопрос может показаться схоластическим. Но только на первый взгляд. Если корень валерианы посчитать лютиком едким, корень валерианы не потеряет своих лечебных качеств, но люди могут воспользоваться лютиком, посчитав его за целебную траву. Впрочем, это уже другая история. Закончился спор тем, что ботаники мира признали классификацию рода *панакс гинзен* русского ученого Мейера.

Так существует *панакс гинзен* Мейера, женьшень истинный, описанный Мейером. Затем *панакс пятилистный* Линнея. В отличие от истинного женьшеня *линеевский* встречается лишь в Канаде. В самостоятельный вид был выделен японский *панакс*, также описанный Мейером. Открытый датским ботаником в Гималаях еще один вид *панакса* обозначен как *псевдогинзен* Уоллича. И наконец, пятый вид — *трехлистный* Линнея — растет в Северной Америке.

Под пологом тайги было нежарко, сильно пахло мхом, сыростью и всеми деревьями и цветами сразу, и лишь по мере приближения к бархату усиливался резкий запах его черных, похожих на черемуху ягод, возле аралий другие ароматы перебивали смолистый дух.

С подъемом к перевалу лиственные деревья уступили место ели, увешанной, словно лохмотьями, сизым мхом-бородачом. Потом мы лезли вверх по скалам, голым и обернутым дымчатым лишайником и зеленым мхом.

Мне стало не до рассуждений, потому что Савва Петрович с легкостью козла перепрыгивал с камня на камень, а я старался не отставать от него и не отставал, хотя и трудно приходилось. Когда мы достигли наконец перевала, вечерело. Открывшиеся таежные дали подернулись синеватой дымкой.

— Как добрались? — спросил Савва Петрович, будто поднимался я один.

— Хорошо. — Я для вящей убедительности обернулся, глянул вниз. Если бы о таком подъеме меня предупредили в институте, я посмеялся бы над шутниками. Я точно не знаю градацию трудностей для альпинистов, но тот скальный участок, который мы преодолели за полдня, вполне можно было отнести к средней категории.

Уснул я сразу. Поднялся хорошо отдохнувшим. Шинелька стала влажной и тяжелой от росы, и я с большим удовольствием пошел за дровами. Орудя маленьким таежным топориком, быстро справился с заданием и хорошо разогрелся. Умыться как следует не пришлось. Я протер лицо влажными ладонями, смочив их о росную траву. Завтракали мы не торопясь. Заря еще только занималась. В долине, куда нам предстояло спускаться, копился густой туман.

Мы отправились по гребню сопки. Поднявшись из седловины, попали в сумрачный хвойный лес. Деревья лезли из земли, раздвигая в стороны угловатые камни и скалы, сплошь поросшие мхом. Подлеска почти не было. Кое-где поднимались какие-то чахлые кустики. С восходом солнца туман поднялся из долины, и позади нас, на перевале, засвистел и загрохотал ветер. Окружающее казалось выхваченным откуда-то из угрюмой сказки с необыкновенно мрачным концом.

Когда стало совсем светло и туман унесло, я обратил внимание на низкие заросли не то травы, не то низкорослого кустарника с широкими листьями, похожими на перепончатые лопы, на толстых полупрозрачных стеблях. Растение напоминало декоративную комнатную бегонию.

Это была еще одна родственница женьшеня — трава со странным знахарским названием: заманиха. Я видел ее в гербарии семейства аралиевых. Оно немногочисленно. На Дальнем Востоке всего восемь представителей, считая женьшень, а всего в семействе — тридцать растений.

Наконец мы миновали угрюмый лес и стали спускаться. Нас окружил высокий прямоствольный кустарник. Он поднимался из земли сразу десятками черенков и окутывался густой шапкой листвы то на уровне груди, то над головой. Кусты походили на разрывы снарядов, какими их рисуют дети. Лозы, устремленные вверх, поросли густой, словно пятидневной щетиной.

Неожиданно Савва Петрович остановился и стал оглядываться. Я тоже. Теперь я разглядел, что кусты росли цепями. От одного, самого высокого и, видимо, самого старого, в стороны разбегался молодняк, выстроившись точно по ранжиру.

— О ты черт! — выругался Савва Петрович. — Заскочили в чертово логово. Хоть обратно вертайся. Прорубаться придется. Беритесь за топор. Не выпустит чертов куст.

— Что?

— Заскочили, говорю, в чертово логово. Не видите: дикий перед кругом, чертов куст.

— Этот!?

— Да, кругом... Пообдерем теперь одежку... Али и впрямь вертаться?

Я присел у молодого светло-зеленого побега, пробившегося из земли, видимо, только в этом году.

Савва Петрович, истолковавший мое любопытство по-своему, махнул рукой и сказал:

— Напрасно нагибаетесь! Не панцуй это. Обманка. Тот же самый чертов куст, нетронник. Только молодой. Столько имен у этого проклятого куста, что заблудиться, как и в нем самом, можно. А по-ученому и совсем его названия не выговоришь. Мудреное.

— Элеутерококк.

— Вот-вот. Элулетерок.

— Элеутерококк.

— Один пес. Не обойдешь его, не объедешь. Попал в заросли, словно в колдовское место. Чуть не всю одежонку с тебя посдирает. Сейчас попробуете.

Я с нежностью смотрел на яркие молодые побег.

— Да что вы припили к этому чертову кусту? — не выдержал Савва Петрович.

— Этот чертов куст еще покажет себя.

— Да. Берите топор.

— Элеутерококк — брат и соперник женьшеня.

— Соперник? Это соперник? — Савва Петрович впервые за наше знакомство рассмеялся. — Только не говорите кому еще... Не только засмеют, шайками закидают.

— И все-таки она вертится!

— Чего? — Савва Петрович нахмурил брови и посмотрел на меня с некоторым любопытством... — Идемте, а то мы и к концу недели до своих не доберемся.

Я не стал спорить.

Перчаток у меня, конечно, не было. Руки вскоре были в кровавых царапинах и ссадинах, лицо тоже. Вначале Савва Петрович ругмя ругал чертов куст, а потом обозлился до немоты.

Взяв в руки топор, я с неохотой прорубался сквозь заросли своего любимца — чертова куста. Он показал себя достойным противником. Только часа через два, взмокшие от пота, исцарапанные в кровь, мы наконец-таки выбрались на свободу. Отерев пот с лица, Савва Петрович отшвырнул в сторону сцепившийся колючками пук ветвей:

— Коли чертов куст тот же женьшень, на кой ляд нам мучиться? Наберем да и пойдем в контору. Пусть нам платят как за панцуй.

— Полезность и стоимость — разные вещи, — напомнил я Савве Петровичу.

— Не слышал я о лечебных деревьях и кустах. Лечат травами.

— А цветы липы — потогонное, настойка рябины помогает от головной боли...

— Женьшень-то от всех болезней помогает, — парировал Савва Петрович.

И снова, не дожидаясь ответа, Савва Петрович двинулся вперед, словно не предвидел возражений.

— Ни от чего женьшень не помогает и никакую болезнь не излечивает, — сказал я ему вдогонку.

— Задарма тогда ходим, задарма нам деньги платят, — пробурчал корневщик и с досадой махнул рукой.

Как ему было объяснить, что я прав, когда говорю — не помогает, не поможет даже при головной боли, не лечит, не излечит даже насморка! Женьшень как бы закаливает организм, если уж сравнение нужно, словно физкультура и спорт. Он делает организм более устойчивым к повреждающим факторам. Шеф это доказал!

Что значит помогать? Что значит лечить?

У человека болит голова. Она может болеть от тысячи и одной причины. Устраняет ли пирамидон причину болей? Нет. Он снимает к примеру спазм сосудов мозга. На время — и только. Лекарство в этом случае не имеет к причине болезни никакого отношения. Оно ликвидирует излишнее напряжение на отдельном участке, и если организм успеет восстановить равновесие, то боль действительно пройдет, а если нет, то она возобновится.

Пенициллин тоже не лечит. Он помогает организму справиться с возбудителем болезни. Женьшень не снимает излишнего напряжения на отдельном участке, например головную боль. Он предупреждает возникновение самого напряжения, помогая организму заранее отрегулировать поведение сосудов. Женьшень не уничтожает возбудителя, он помогает организму заранее наладить свои системы для борьбы с микробом.

Женьшень повышает работоспособность, надежность различных систем организма в его постоянной борьбе с внешними воздействиями: переохлаждением, перегревом, перегрузками, отравлениями. Женьшень помогает организму стать таким, чтобы системы не выходили из параметров, которые в нашем понимании именуются здоровьем. В этом смысле женьшень не излечивает человека, а создает условия для пребывания в состоянии здоровья...

Раз попав в безвыходную ловушку чертова куста, Савва Петрович двигался очень осмотрительно, обходя его густые заросли, и продолжал ворчать. Но, по-моему, мы находились в

сокровищнице, куда более богатой, чем тысячи фантастически крупных корней женьшеня.

Искать женьшень трудно. Разводить — не менее. Поэтому еще двадцать лет назад при Дальневосточном филиале Сибирского отделения Академии наук СССР был создан Комитет по изучению женьшеня и других лекарственных растений Дальнего Востока или просто — Женьшеневый комитет. Его возглавил мой шеф.

Создание официального комитета внесло весьма малое облегчение. Цена на «корень жизни», как и теперь, оставалась высокой, изучение его было дорогостоящим предприятием. Однако слова «и других» в названии комитета обязывали. Шеф высказал предположение: если растения одного ботанического семейства, как правило, обладают сходными или подобными свойствами, то, очевидно, и семейство аралиевых, к которому относится род панакс, не представляет исключения.

В сферу биологического и фармакологического изучения попали заманиха, аралия маньчжурская, аралия колючая, акантопанакс и ехинопанакс — травы, кустарники и даже деревья, чего обычно фармакологи не исследовали. Ревизия семейства аралиевых проводилась полная. Ею занялся молодой тогда аспирант Хабаровского медицинского института Фруентов. По совершенно случайным обстоятельствам Фруентов откладывал исследования чертова куста — элеутерококка колючего — «на закуску». Ученый не сумел закончить его проверку, перешел на работу в Ленинград. Доводить ревизию семейства аралиевых до конца выпало на долю шефа. Я говорю «выпало на долю» потому, что никто, и сам шеф в том числе, не предполагал, какие возможности таит в себе элеутерококк, он же нетронник, дикий перец, чертов куст.

Первые же опыты заставили шефа отнестись к чертову кусту с самым пристальным вниманием.

«Дайте мне точку опоры...» Она нужна не только для того, чтобы перевернуть земной шар. Она необходима и в фармакологии. Шеф нашел точку опоры для исследования действия женьшеня и других аралиевых — работоспособность организма. Тут стоит посмотреть на работоспособность с иной стороны, медицинской. Здесь надежность всех систем организма обеспечивается бесперебойностью питания, окисления.

Итак, точка опоры — работоспособность, точка отсчета — результаты опытов с женьшенем. Новый объект исследования — элеутерококк, он же нетронник, дикий перец, чертов куст. Метод — стимуляция дыхания.

Опыты с женьшенем убедили, что его не следует принимать как стимулирующее средство, повышающее выносливость резко, скачком, перед подъемом на большие высоты, перед жесткой физической нагрузкой. Почему? Он значительно повышает

внутриклеточное дыхание, заставляет мышцы трудиться с полной отдачей, но этот эффект выше, чем возможность организма обеспечить его.

А элеутерококк? Сравнительные эксперименты с женьшенем по стимуляции дыхания показали: элеутерококк в отличие от женьшеня может быть использован непосредственно перед подъемом на большие высоты, непосредственно перед жесткой физической нагрузкой, и одновременно, подобно женьшеню, элеутерококк — отличное тонизирующее средство.

При дальнейших сравнительных экспериментах это «в отличие» и «одновременно» неизменно повторялись. И главное — в отличие от женьшеня запасы элеутерококка в тайге практически неисчерпаемы, а как лекарство элеутерококк в ряде случаев по действию оказался лучше, нежели знаменитый легендарный родственник.

Я оглядывался вокруг, рассматривая великолепные заросли таежного «гадкого утенка», таежной «золушки», самого, пожалуй, «бедного родственника женьшеня», хотя, как заметил еще В. К. Арсеньев, «самого ближайшего родственника» барчука и аристократа.

Я не узнал своего любимца! Да что было видно мной? Модельные кусты? Вырытые корни? Отдельные побеги? Высохшие листья? Слякоти с надписью «Жидкий экстракт элеутерококка»?

Какое длинное, тяжелое, уныло-прозаическое название! Я бы назвал его «Эликсир жизни»...

— Пропать его в тайге, а пользы никакой, — продолжал сетовать корневищник. — Если только ягоды вместо перцу для приправы попробовать. Не верю я в него.

— В женьшень тоже, наверное, не сразу уверовали. Даже наверняка не сразу.

Вечером у костра грустный Савва Петрович неожиданно сказал:

— Нет мне удачи. Шутка ли, за вычетом двух лет гражданской да четырех в Отечественную, считай, без малого полсотни годков в тайгу гоняю, и хоть бы раз упие в руки дался. Ни единой. А в этом сезоне, на второй день, шагах в ста от табора... Смотрю — не верю. Зажмурился, аж до белизны в глазах. Открыл — стоит. Кругом трава от ветра колышется, а ножка с красными ягодами будто каменная — не дрогнет. Высокий, по пояс мне, стебель. Чуть пониже ягод — венчик лиственной. словно шесть ладоней с растопыренными пальцами в стороны расставил. Совсем ослабел я. Колени будто подломились. Опустился на землю. Ползком к нему. Давай руками палую листву отгребать. Дрожат подлые пальцы — уёму нет. Выполол вокруг траву. Чисто около головки, лишь стебелек какой-то за нее зацепился. Протянул я руку... И будто черт меня толкнул! Надломил шейку... Обесценил корень. Он сок потеряет — гнить начнет...

Савва Петрович посмотрел на меня. Долгим, внимательным взглядом.

— Своими, вот этими руками. Чуть со свету не сжили меня бригадные. Такой корень погубить. Столько денег потерять!

Он опять посмотрел на меня. И снова долго и пристально глядел. Чего он ожидал? Сочувствия, сожаления?

— Рубликов шестьсот отвалили бы в конторе... И решился я опустить на ночь корень в воду. Подпоить, стало быть. И головку веточкой пришил. Да... И полсотни беспорочных лет — кобелю под хвост.

Лишь теперь понял я отношение ко мне Саввы Петровича. Он считал, что начальник конторы не преминул передать мне историю о величии и падении корневища. Но заведующий конторой ничего мне не говорил.

Я смотрел в небо, словно из глубокого колодца. Вершины деревьев, черные, похожие на застывшие клубы, четко ограничивали ультрамариновую глубину, в которой застыли звезды. Я перевел взгляд на костер. Огонь ползал по веткам сушняка, желтый, медлительный, подолгу выбирая, какую бы из хворостин обвить. И с такой же раздумчивостью и неторопливостью мои спутники, вернее, те люди, спутником которых был я, пили парующий в вечерней прохладе чай из больших кружек.

Савва Петрович без умолку говорит. Он явно почувствовал облегчение после признания в грехах.

— А вот почему такая разница между диким и выращенным? — обращается он ко мне.

— У нас в институте проверяли свойство и того и другого. Разницы нет или почти нет.

Я заметил, что мои новые знакомые стали прислушиваться к разговору.

Савва Петрович ухмыльнулся.

— «Почти»... В тайге «почти рядом» — сто верст.

— Мы считали по городскому масштабу.

— Приготавливали вы его как? — спросил корневище. — Каким способом?

— Древним, корейским. После промывки вкладываем корень вовнутрь выпотрошенного цыпленка, запечатываем в фарфоровый сосуд и держим на пару до тех пор, пока корень и цыпленок не превратятся в однородную массу. Потом даем по чайной ложке.

Корневище рассмеялось все, дружно, по достоинству оценив приведенный в шутку рецепт из древней книги по фармакологии.

— Во всяком случае, — продолжал я уже серьезно, — наверное, не стоит жарить корень на решетчатых противнях, по три, по четыре раза вываривать его в сиропе из тростникового сахара...

— Но мы-то не так... — прервал меня Савва Петрович.

— Не так. У нас промышленная сушка проводится в застекленных ящиках с отверстиями по бокам, под сильными электрическими лампами.

Распалась на угли толстая ветка в костре, мелочь засыпала пламя. Взметнулись, шарахаясь, в темноте искры. Огонь опал, померк. Тяжкий, мучительный и тоскующий вопль огласил тайгу:

— Уа-ва-ах-ха-ха-ууу-а...

От неожиданности у меня мурашки побежали по спине. И опять неподалеку, в гнетуще-мрачной тиши, захлебываясь страданием, возопил голос.

— А-ха-ха-ууу-а-ай!

Я старался не подать виду, что мне жутко. Молчали и корневишки.

Вспыхнули ветки, завалившие жар костра. Пламя осветило поляну, свет добрался чуть не до вершин. И над нами тенью пронеслось нечто огромное, несуразное, кувыркнулось в воздухе и, не издав ни звука, ни шороха, растаяло в чаще.

— Душа Ван-ганго,— срывающимся голосом пробормотал Савва Петрович.— Уходить отсюда надо. Не будет удачи.

— Удача... Была удача...— Пал Палыч махнул рукой и обратился ко мне, успокаивая.— Это филин-рыболов. У него размах крыльев — два метра. Он и пролетел над поляной. А раньше корневишки, ва-панцуй, думали, что это души трех братьев перекликаются. Души потерявших друг друга.

Наверное, мне не удалось скрыть не то испуга, не то оторопи, и Пал Палыч это заметил. Я подвинулся ближе к костру.

— Один на всей земле корень такой есть,— продолжал Пал Палыч, хитровато прищурившись.— Может, говорят, он в птицу или тигра, а то в простой камень обернуться. Вот поэтому его очень трудно найти. Филин пролетел. А вдруг и не филин это вовсе, а женьшень обернулся птицей. Узнать оборотня можно. Коли ты испугался, закрыл глаза и птица ли, зверь ли, камень исчезли, то и был женьшень.

Третий бригадник, самый старший, Никодим, сидел у костра, усталый, истомленный. Я не слышал еще его голоса.

Затрещал костер. Недовольно нахмутив брови, Пал Палыч посмотрел на Савву, вздохнул.

— Опять еловых веток понасбирал? Гляди теперь, чтоб искра в одежде не запуталась.

Боясь, что разговор отвлечет рассказчика, я спросил:

— А дальше? Дальше-то...

Я читал легенды и сказки о женьшене. Но в книгах они не тронули во мне той особой струночки, что заставляет сердце замирать или биться сильнее. Песни и сказки надо слушать там, где они родились.

— Давно-давно женьшень жил в Китае, на юге,— принялся негромко втолковывать Пал Палыч.— Однако никто не знал о существовании целебного корня. Но пророк Лао-цзы открыл его тайны и назвал людям приметы женьшеня. Тогда растение сбегало в горные страны севера. Люди снова потеряли его, пока ученый Лао Хань-ван, разговаривая с другими полезными тра-

вами, не открыл убежище беглеца. И опять женьшень скрылся. Он перекочевал в Уссурийский край.

Много веков прошло... И люди снова открыли обиталище беглеца. Три брата отправились к берегам Великого океана, чтоб достать чудесный корень. Но они заблудились в тайге и погибли. Все три брата: и Ван-ганго, и Касаван, и Лиу-у.

С тех пор их неприкаянные души бродят по щабобам, перекликаются между собой. Все пытаются выбраться из зеленого моря. Поэтому в давние времена, когда китайские женьшенщики являлись в наши края за корнем, ни в жизнь не ходили в ту сторону, откуда слышались «голоса братьев».

Чтобы не оставаться в долгу перед корневищиками, я рассказал о малоизвестных записках Владимира Клавдиевича Арсеньева. При упоминании этого имени третий корневищик, Никодим, вроде бы очнулся от транса. Он поднял вялый взгляд. У меня было время присмотреться к нему и поставить свой диагноз до того, как он ко мне обратился. Я рассказал, что в блокнотах замечательного путешественника и краеведа были такие записи:

«Владелец аптеки уверял меня, что в сырую погоду женьшень издает слабый, едва заметный фосфорический свет и распространяет пряный специфический запах». Или еще: «Хозяин женьшеня передал мне, что чувствует необъяснимое, доходящее до галлюцинации беспокойство, когда корень лежит в его комнате». Встречались в бумагах Владимира Клавдиевича и вырезки из тогдашних газет, которые сообщали куда более сногшибательные слухи: «Женьшень — лесной брат осьминога. Если у спирта растет множество паучьих ног, то женьшеню дадено еще больше косматых лап и когтей. Этот демонический корень обвиняет больного в лунные ночи и колдовским образом вбирает в себя его недуги». И еще есть запись, что черный сок панцую, которого вообще не существует, дает человеку дар кладовидения.

А еще говорят...

Может быть, я и рассказал бы, что еще слышал, но зуд на спине и шее стал непреодолимым. Поглядев на мои усердные почесывания, Пал Палыч велел снять рубашку. Я повиновался.

— Э, доктор, да на тебе десятка два клещей! Как же ты терпел?

— Терпел...

Пал Палыч каленой иглой принялся выковыривать клещей. Я собрал в кулак все свое терпение и проявил его квантум сатис— сколько требовалось.

Пока мне оперировали спину и шею, Савва Петрович коптил над костром мое белье. Он уверял, будто это помогает. Я успокаивал себя тем, что в августе клещи, как правило, не заражают энцефалитом, и надеялся не стать неприятным исключением. Однако меня очень обеспокоило поведение Никодима. Я не вытерпел и спросил, что с ним.

Тогда он заговорил,

— Стар я, между прочим, стал. Выдохся в тайге. Не по мне она становится. Вот так, между прочим, и становится совсем не по мне. Походил-походил неделю, походил другую, оно, хождение-то, вылезает боком. Настоячку женьшеневую я, между прочим, не потребляю летом. Десны слабые. Кровить начинают. В мае приходится бросать пить настоячку. Вот и силы убегают, убегают.

Свирепый вид Никодима, его привычка многократно выговаривать «между прочим» и при этом вскидывать куда-то, чуть не на лысое темя, брови, на кои переселились, видимо, все волосы с головы, не вязались с тонким, почти девичьим говорком.

Слушая его, я как-то вдруг подумал о том, что было бы очень хорошо поставить опыт... С согласия Никодима, конечно. В отличие от женьшения настойку элеутерококка можно принимать круглый год. Это ли не явное преимущество! В опыте с Никодимом не заключалось никакого риска. Препарат — настойка элеутерококка — давно проверен всесторонне. Пожалуй, десяток, если не больше, клиник страны приняли его на вооружение. Собственно, то, что я хотел предложить Никодиму попринимать настойку элеутерококка вместо женьшения, нельзя было назвать опытом. Это просто обычный совет врача.

Я решил, что другого, лучшего, случая мне не представится.

Утомление у Никодима было очень ярко выражено, а работами шефа было доказано: чем ярче, сильнее фон утомления или болезни, тем достовернее, отчетливее действие женьшения и элеутерококка. Женьшень Никодим не принимал три месяца. По законам, божеским и человеческим, тонизирующее, длительное общеукрепляющее, действие женьшения должно прекратиться совсем, или почти совсем, даже по таежным масштабам.

Почему бы мне не попробовать — на таком-то ярком фоне! — действие настойки элеутерококка.

Однако прежде всего надо исключить, что Никодим заболел. Простыл хотя бы. Я осмотрел его, но ничего особенного, кроме некоторых возрастных изменений, не обнаружил.

Я буду—контроль. Савва Петрович и Пал Палыч, сам видел, принимают женьшень. Правда, силы, как говорят, неравные. Но мне дает право равняться со старцами моя нетренированность.

Путь мне преградил куст, наглухо оплетенный кишмишем. Чуть пригнувшись, я схватил рукой купину, чтоб откинуть в сторону и пройти.

Я откинул, а разогнувшись, окаменел...

На уровне моих глаз, в шаге, плавала тупая, величиной с кулак голова змеи. Она походила на тупорылый ботинок и была так страшна, как если бы ботинок обрел способность подняться сам по себе в воздух и вытаращить желтые, остекленевшие в безумной ярости глаза.

Я сделал невероятный, немыслимый прыжок, кинулся прочь, не разбирая дороги и вопя, пока не упал, запутавшись в каких-то ползучих растениях, и не смог подняться.

Меня трясло и било — не то судороги, не то истерика.

Это я сегодня могу писать, а три дня я занимался тем, что беспрестанно оглядывался. Каждая ветка дерева, каждый сухой сук на земле казались мне змеей.

Теперь я могу рассказать своим подопытным мышам перед экспериментом, что такое стресс — реакция напряжения. В сильном ее проявлении.

Когда я интуитивно понял, что передо мною змея, нервы мои сработали. По их приказу в кровь из надпочечников было впрыснуто большое количество адреналина. В следующую десятую секунду сузились кровеносные сосуды. Значит, я побледнел. Как полотно. В груди ощутился ледяной комок. Раздражитель — змея — очень сильный, и, следовательно, сузились не только кровеносные сосуды, но и лимфатические, а также вилочковая железа, находящаяся за грудиной. Отсюда и ощущение холода или, как говорят, страха, который спирает дыхание, перехватывает горло. Впрочем, ощущение «в зобу дыханье сперло» возникает и от большой радости. Радость тоже стресс. И при радости процессы, реакция организма та же. Крайности сходятся.

Почти каждое заболевание начинается с реакции напряжения, или общего адаптационного, приспособительного, синдрома. Стресс характеризуется недомоганием, потерей аппетита, апатией. Это, пожалуй, одна из древнейших реакций, приобретенных человеком в процессе эволюции, похожа на каменный топор. Она действует далеко не всегда расчетливо. По ряду обстоятельств она может «сойти с рельс» и направиться по пути полома, а не спасения организма. Говорят же «умер от страха». Впрочем, можно и от радости.

Это характерно не только для человека, но, очевидно, для всех позвоночных приматов. Обезьяны часто погибают от стресса. В литературе, в частности, описан случай, когда шимпанзе, которую везли на пароходе, погибла от испуга, услышав гудок.

И вот три года назад в одном из разговоров с шефом мы как-то подошли к мысли, которая нам обоим показалась фантастической. А она действительно выглядела фантастической! И заключалась в предположении, что лекарства с таким широким спектром действия, как женьшень и элеутерококк, должны каким-то образом влиять на течение реакции напряжения. Оказывать определенное действие на адаптационный, приспособительный, синдром. Помогают же эти вещества переносить организму большую физическую нагрузку, сильный холод и жару, отравления ядохимикатами, различные болезни. При всех этих воздействиях у подопытного животного тоже возникает стресс.

Идею, что существуют лекарства, влияющие на адаптационный синдром, выдвинул учитель шефа, ленинградский ученый,

профессор Николай Васильевич Лебедев. Он назвал такие препараты адаптогенами. Лебедевым же был синтезирован такой адаптоген, как дибазол. Этот препарат понижает кровяное давление при гипертонии, а в очень небольших дозах действует в ряде случаев подобно женьшеню и элеутерококку.

Но одно — идея о влиянии на адаптационный синдром, другое — каковы конкретные действия препаратов. Задумавшись об этом, мы с шефом предположили, что адаптогены должны усиливать стрессорные влияния.

— Попробуйте, — предложил шеф. — Попробуйте.

— Результаты, я думаю, можно предвидеть.

— Вероятно... — осторожно заметил шеф.

Предположения мои были просты.

Еще за несколько веков, если не тысячелетий, до того, как медики подошли к изучению реакции напряжения, люди, в частности римляне, использовали стресс для уничтожения неугодных. Они их распинали. Распятие — сильный стрессор. У нас, экспериментаторов, это называется иммобилизацией, обездвиживанием.

Срок, после которого наступает летальный исход, тоже определен римлянами: конец третьих суток.

Согласно динамике процесса, реакция напряжения делится на три стадии, или фазы: тревоги — аларм-фаза, резистентности, или устойчивости, и истощения.

Впрочем, это описание реакции напряжения условно. Однако при всех вариантах течения стресса триада: гипертрофия надпочечников с увеличением секреции; уменьшение вилочковой железы и лимфатического аппарата; кровоизлияния в желудке и кишечнике — неизменно есть.

Я сказал шефу, что мне хочется провести ряд опытов по количественной оценке действия адаптогенов на течение стресса. Например, на увеличение веса надпочечников, сердца, печени, почек у крыс, подвергнутых иммобилизации.

Шеф сказал:

— Это прямо-таки захватывающая мысль. Избрать в качестве фармакологической мишени не симптом, не заболевание, как таковое, не уничтожение возбудителя, а приспособительную реакцию, которая встречается почти при всех заболеваниях.

Я сказал:

— Попытка фармакологической регуляции стресса.

Шеф поправил:

— Опыт фармакологической регуляции стресса.

Пять дней не прикасался к запискам. Глупость какая-то. То главное, что останется в моей голове после возвращения из таежной ссылки, и будет нужно. А записи — ерунда.

Неужели я не запомню, что после приема настойки элеутерококка Никодим повеселел, проходил весь день вместе с нами по бокам сопки в поисках неизвестно чего.

Хожение, хожение с сопочки на сопочку... Обрыдло!

Идут дожди. Третьи сутки на мне все мокро. Чихаю. А может быть, контрольной «мышке» наипростейшим образом плохо?

Никто из стариков не чихает и не кашляет. Никодим «потребляет», как он говорит, «чертову» настойку и не отстает от бригадных. Сегодня за ужином Никодим сердито спросил, почему я не «потребляю», как и он, «чертову» настойку. До чего же старики наблюдательны! Ведь я ни слова не сказал о том, что лезанье по сопкам мне нелегко.

Принял.

Очень устал и хочется спать. О завтрашнем выходе в тайгу, на поиски барчука, «банчуя», как называют его некоторые лингвисты, думаю словно о каторжной работе.

Кой черт дернул меня согласиться на предложения шефа...

Набрели на старую-престарую избушку, если можно так назвать срубик с дерновой крышей, на которой выросли чернотольная береза и еще какие-то деревья. Хоть подобие жилья.

Не пошел на поиски. Чего ходить?

Утром, как и вчера вечером, бодрый Никодим уговорил меня выпить из моего пузырька «чертовой» настойки.

Посмеяться даже неохота. Лежу на нарах. На улице пасмурно. На душе смутно. Поспал. Захотелось поесть. Перед едой выпил еще сорок капель своей «чертовой» настойки. Сварил и поел что-то вроде кондера — жидкой пшенной кашицы. Только не с салом, а с дичью. Пал Палыч — заядлый охотник по перу. Впрочем, он один обладатель «малопульки». Не из Никодимова же карабина птиц бить. А у Саввы Петровича и у меня, кроме ножей, у меня перочинный, да топориков, оружия нет.

Хоть и ммурилось с утра, но дождь, видимо, так и не соберется. Плынут по небу кучевые облака, но не летние. Те высокие, четкие, каждый клуб в них вырисовывается ясно, а «нонешние» будто на снимке с плохой резкостью.

Старики мои припозднились. Чтоб не остыл суп, замотал рухлядь из одежды.

Сколько же энергии в моих стариках, черт возьми! Мы уже неделю бродим без толку. Теперь, хоть и недостаточно хорошо, я представляю, что такое поиск непотерянного. Сезон, на круговую, считай, три месяца: подготовка, сборы, дорога туда, поиски, дорога обратно.

Дорогонько стоит им каждый рублик! Почитай, по штуке с версты. Да с какой! Романтический флёр, которым окутываются вечера и ночевки у костра, оборачивается разодранными в кровь лицом и шей, клещами, которых приходится извлекать из кожи калеными иглами.

Кстати, из абстрактно-романтического ли человеколюбия заставил меня Никодим, да и другие уговаривали, принимать «чертову» настойку? Главное для них — не дать мне разболеться.

Тогда — закон тайги свят: пришлось бы бросить корневание и на своем горбу тащить меня до первого населенного пункта.

Вернувшись, никто из стариков не обратил внимание на мои старания по части кулинарии. За тем меня в лагере и оставляли. Видимо, был между ними серьезный разговор. При мне они не ссорились. Но из их замечаний мелком я мог сделать вывод, что был прав, когда предположил: они ищут мифическую плантацию женьшеня. Старики не говорят о поисках прямо: они суеверны, словно кладоискатели.

Вот опять разговор «около»:

— Завтра Авдотьки моей сын в школу пойдет, между прочим, — вздыхает Никодим. — Почитай, наш сезон, как собачий хвост, завернулся.

Никодим отхлебывает чай из кружки, воздымает на темя лохматые брови, шевелит ими, опускает в раздумье, снова принимается за чай.

— Лихоманка им в печенку! — восклицает впечатлительный Пал Палыч и размазывает по щеке едва не сотню мошек. — Подыхать тварям давно пора, а они туда же — жрут.

— Того гляди, дожди начнутся... Роса холодней родниковой воды... Вертаться пора. Не по берегам же домой топать. — Пал Палыч смотрит на пар, поднимающийся из кружки с горячим чаем, и вид у него такой, словно именно там, в легкой поволоче меняющихся очертаний, он видит то, о чем говорит.

Мне думается, единственная надежда на полное примирение стариков — находка старой плантации, в которую я попросту не верю.

Я узнал об этих поисках из разговоров обиняком. Будто бы еще отец Никодима в начале века наткнулся в тайге на смертельно раненного грабителями-хунхузами ва-панцюя — искателя женьшеня, китайца.

Отец Никодима вынес пострадавшего и долго выхаживал его у себя дома. Однако спасти ва-панцюя не удалось. Стар он был и дряхл, а ранение серьезное. В то время охота на корневищников среди китайцев-контрабандистов, их-то и называли хунхузами, была делом распространенным и прибыльным. По условиям царских властей ва-панцюю разрешалось приходить в тайгу безоружным. Его подстерегали при выходе из тайги соплеменники и грабили.

Так вот перед смертью старик-корневищик и рассказал отцу Никодима о своей плантации женьшеня. Около двадцати лет собирал ва-панцуй молодые корни и высаживал их в тайном месте. Набралось там десятка три корней. Корневищик сказал, что плантация эта якобы находится в верховьях реки, по которой мы шли. Но где точно — неизвестно. Ни отец Никодима, ни сам Никодим не могли найти приметы — одинокой лиственницы посреди поляны за «серебряной» рекой.

Впрочем, в любом поиске надежда часто сменяется неуверенностью.

Однажды шеф спросил о делах, а я ответил, что данные в моих опытах лезут на стену и понять ничего невозможно. Наши предположения о том, что адаптогены должны подстегивать стресс, летят вверх тормашками. Мне следовало заняться изучением фармакологического влияния женьшеня на изменение лунной орбиты.

— А почему вы так обижены на женьшень? — удивился шеф.

— Потому, что элеутерококк как заменитель, я думаю, лучше дощопочтенного женьшеня.

Шеф рассеянно улыбнулся, сунул руки в карманы халата:

— Женьшень не заменитель. У него отличный от элеутерококка характер, как у нас с вами, например. А разность характера даже у лекарств — это не так уж плохо.

Я отложил в сторону пинцет и ланцет, постарался примирительно улыбнуться.

— Факты ползают по потолку.

— Это уже интересно.

Но мне было недо шуток. Факты действительно «ползали по потолку». Уже не первый год мы изучали влияние адаптогенов на неспецифическую сопротивляемость организма в сторону ее повышения. Адаптогены — женьшень, элеутерококк, дибазол — явно, достоверно, вне всякого сомнения повышали неспецифическую сопротивляемость организма к холоду, физической усталости, перегреву, отравлению химическими веществами. Поэтому мы давали содержащимся в обычных условиях здоровым мышам элеутерококк. Закономерно было, с нашей точки зрения, при иммобилизации ожидать обычных стрессорных изменений: увеличения веса надпочечников, их стимуляции и соответственно падения содержания холестерина. Вот уж — пошли за шерстью, а вернулись стрижеными!

Выслушав все это, шеф присел на стул рядом, и мы вместе с ним проверили результаты экспериментов.

— Да, ошибка исключается, — сказал он, когда мы закончили работу. — Что вы думаете?

— Подумать...

— Когда придумаете, зайдите.

Я не зашел к нему, когда придумал: не был достаточно уверен в правильности подхода. Собственно, я ничего не сделал, а взял «отходы» — крыс из другого опыта, которым вводился физиологический раствор, обычных крыс из контроля. В моем опыте в контроле крысам вводился спирт, такой же, как в настойке элеутерококка. У меня появилась третья точка отсчета.

Сравнив результаты, я не поверил своим глазам; результаты при введении физраствора и элеутерококка одинаковы! Проверка с женьшенем дала тот же показатель.

Адаптогены не действовали...

А спирт увеличивал вес надпочечников, снижал содержание холестерина. Он действовал.

Факты выходили из повиновения.

Следовательно, механизм повышения неспецифической сопротивляемости при стрессе и механизм, который позволяет повышать неспецифическую сопротивляемость организма при даче адаптогенов, различны!

Фантастическая идея — возможность подстегнуть стресс и дать организму дополнительные силы для борьбы — оказалась синей птицей, и только.

Я пошел к шефу.

— В аналогичной в принципе ситуации, — выслушав меня, ответил шеф, — отказываются не от идеи, а от предвзятого объяснения фактов. И только. В частности, Пастер говорил примерно так: ничего нельзя сделать без предвзятой идеи, надо только иметь мудрость не верить в те дедукции, которые не подтверждаются опытом. Понимаете?

— Очень полезная мысль.

Шеф рассеянно улыбнулся.

Иногда я становлюсь нестерпимым.

— Вы упустили одну деталь, — сказал шеф.

— Изменить предвзятую идею?

— Само собой, — сказал шеф. — Почему нет разницы, достоверной разницы между результатами введения физраствора и элеутерококка? Ведь с элеутерококком вы вводили такое количество спирта, которого было достаточно в контроле снизить показатель...

В окно кабинета виднелся бок сопки, поросший дубняком. Снег выпал давным-давно, но деревья стояли золотые, с необлетевшими листьями. Я постарался сидеть смирно и решить задачу: почему не убежала лошадь, которая была привязана вожжами к коновязи?

Когда я сказал об этом шефу, мы вместе очень хорошо посмеялись.

Элеутерококк и женьшень в проведенном мной опыте выполняли роль вожжей, которые сдерживали реакцию организма на спирт. Следовало выпаривать его перед введением. И тогда передо мной открылись планы продолжения исследования, обещавшего быть интересным и перспективным.

Я оглядел стол, заваленный трупами крыс.

— Лихо! Получается, что фармакологическая регуляция стресса — это борьба за исправление механизма стресса. Борьба с излишествами, с вероятными повреждениями, которые стресс может нанести. Женьшень, дибазол и элеутерококк не подстегивают стресс, как мы предполагали, а обуздывают его. Буквально они «объезжают» стресс, как лошадь.

Я протянул руку к выключателю, чтобы зажечь свет в комнате. Пошарил, пошарил... Пока не вспомнил — не в городе я, и костер догорел совсем, потому и темно.

Проснулся бодрым. Схватил чайник и побежал к ручью, чтобы набрать воды и умыться. Уже по дороге вспомнил, с каким любопытством поглядели на меня старики. Сдержав шаг, я пошел неторопливо, раздумывая о том, что и со мной опыт удался. Утомление проходило. Не только Никодима, но и меня вывела из состояния депрессии «чертова» настойка.

Я с удовольствием умылся и, захватив воды, бегом отправился к избушке. Навстречу попались старики, степенные, благообразные. Они чередой шли умываться.

После завтрака мы двинулись в тайгу. Сегодня она не пугала меня. Впереди Никодим, левее — Пал Палыч, а я с Саввой Петровичем еще левее и чуть сзади — половиной журавлиного клина. В руках у меня была, как у всех, палка по плечо, будто страннический посох.

Не спеша мы поднялись из распадка на склон сопки метров на сто. В монографии Грушвицкого написано, что женьшень, как правило, не растет по долинам рек, ручьев, в марах да болотах. Там слишком много влаги. Он поднимается выше: от двухсот до пятисот метров над уровнем моря.

Не прошло и четверти часа, а я был мокр с головы до ног от росы. Солнце пробивается сквозь раскидистые вершины мерцающими бликами. Мокрые листья блестят и переливаются, точно вспышки водной ряби, и думается, идешь по дну ручья, а то, что ты мокр, только усиливает впечатление.

Вспыхнул меж зелени красный огонек — женьшень!.. Подошел поближе — бузина. Но азарт поиска тянется. Вдруг корень найду я первый!

Двигаемся по южной стороне сопки. Я знаю, что на строго северных склонах корень не растет. Ботаник нашего института Зинаида Ивановна Гутникова несколько лет работала над этой темой по Сунутинскому заповеднику. Она писала: «...большинство находжений его относится к пологим склонам — юго-восточных, юго-западных и западных экспозиций».

— Какая сволочь это учинила? — обернувшись ко мне, проговорил Савва Петрович.

Я оглядел кедр. На стволе на уровне груди виднелась большая затеска, или лубодерина. Судя по глубине ее, по наплывам коры, можно было предположить, что лет сорок назад здесь был найден большой корень. Но лубодерина была изуродована топором. Затеска заплыла, стерлась.

— Кого сюда черт занес? — продолжал ворчать корневищик. — Раньше наш брат найдет корень — выроет, а семена посеет. До единого. Не каждое семечко у женьшеня всхожее. Из десяти шесть, редко семь взойдет. Да считай, в год по грамму корень в весе прибавляет. Сколько времени пройдет? Редко кому из женьшенщиков свой корень удавалось выкопать.

— А теперь?

Савва Петрович степенно отер тугое молодое лицо, усмехнулся.

— Как это вам... Суеверия потеряли.

— Что?

— Суеверия потеряли. Суеверия эти по рукам, по ногам корневища опутывали. Чужое возьмешь — своего не найдешь. Не дастся панцуй в нечестные руки. Семечко не посеешь — духа гор и лесов обидишь. Опять наказание — нет находки. Вот и считай, что суеверия-то на пользу шли. А теперь — сам с усам — ничего нипочем. Тайга богата!

Я не нашелся, что ответить. В таком воспитательном смысле суеверия, может, и полезны?

Еще и еще раз внимательно осмотрев траву меж деревьями, Савва Петрович вздохнул, и мы отправились дальше. И снова каждая красная точка в траве будила в душе надежду, но радость оказывалась преждевременной.

Повернуло на вторую половину дня.

— Панцуй! — донеслось до меня слабое восклицание Саввы Петровича. Я мигом оказался подле корневища. Савва Петрович стоял на коленях в густой и высокой траве. Виднелась лишь его серая кепка. Я пригнулся и с трудом разглядел в траве одинокую красную точку. Присмотревшись пристальнее, увидел один-единственный плодик на зеленом соцветии, один-единственный.

Не поднимаясь с колен и делая пассы, словно профессиональный гипнотизер, Савва Петрович приблизился к ростку женьшеня. Движениями сомнамбулы начал отгрести от ростка — хилого, тощего дистрофика — палые листья, опаливать траву вокруг. Старик не замечал меня.

Что самое странное, дистрофик был сипие — растение с четырьмя листьями, которые розеткой окружали стебель. Корню наверняка исполнилось более двадцати лет.

Савва Петрович вынул из-за пазухи две костяные палочки и движениями часовщика принялся отгрести почву от стебелька растения. Мне подумалось, что корневище не дышит. Однако, видимо утомившись, Савва Петрович выпрямился, не поднимаясь с колен, потер поясницу:

— Вот говорят, убегает в землю женьшень от недоброго человека. Смотрите — чуть не утек.

А «утечь» он и вправду собирался. «Шейка» корня, как женьшенячки называют корневище, ушла глубоко в землю.

— Посидел бы корень еще лет пять в земле, еще глубже утек, — сказал я.

— Ишь... Кто ж его туда тащит?

— Женьшень сам втягивается в землю. Есть такие растения со втягивающимся корнем. Зимой он, словно медведь, как и все наши растения, спит. Весной пробуждается, тянется корешками-мочками вглубь за влагой. Уходят в землю корешки, отсасывают воду и корень за собой тащат. Бывает, что женьшень за одно лето на два сантиметра в землю уходит. Это точно.

— А ведь вот уходит,— обрадованно сказал Савва Петрович.— Недаром говорят! Что же тогда бывает, когда пустой корень находят? Мякоти внутри не остается.

— Повредил его кто-то... Он сгнивает. Одна пробковая оболочка остается. Как у старого хрена.

Савва Петрович недовольно покачал головой.

— Больно просто...

— Не совсем. Просто мы привыкли считать растение, дерево вроде бы мертвым. А на самом деле растения живые. Не меньше, чем любое животное. Ведь корень зарывает в грунт зимующую почку. Может, потому, что в процессе приспособления корень выработал в своей биологии именно такие механизмы, он и дожил до наших дней. Ведь женьшень — древнее, реликтовое растение.

— Верно ведь,— улыбнулся Савва Петрович.

— Как же вы, корневищники, объясняете, что корень женьшеня часто не стоит в земле, как морковь, а лежит на боку? Барчуком этаким, лентяем? — спросил я в свою очередь.

— Больше так: раз похож на человека, то и привычки человеческие. Лежачие корни очень полезны.

— Правильно подмечено, лежащий корень по качеству лучше.

— Ложится-то он зачем?

— Почвы в тайге бедные. Плодородный слой всего несколько сантиметров. От силы два десятка. Вот и не хочет, человеческим языком говоря, женьшень идти в глубину, где пищи мало, и ложится. В таком положении сколько ни расти, всегда перегной древесного будет достаточно. Любит женьшень этот древесный перегной. Потому и «гоняется» за ним.

Передохнув за разговором, Савва Петрович принялся снова выкапывать щуплый корешок. Я стоял, прислонившись к обросшему мхом камню. С точки зрения корневищника, при выкопке женьшеня я не годился даже в разнорабочие. Я размышлял о том, как трудно дать научное обоснование эмпирически найденному народом открытию действия женьшеня. А казалось бы, все очень просто.

Не только врачей, но и больных теперь несколько не удивляет назначение при самых различных заболеваниях глюкозы и витаминов, этих общеукрепляющих средств. Но уже одно понятие «повышение неспецифической сопротивляемости» вызывает недоумение. Однако «специфическое» или «неспецифическое» объясняется несложно. Прививка, вакцинация, повышает сопротивляемость организма к определенному заболеванию, а состояние неспецифической повышенной сопротивляемости, если не гарантирует, то во всяком случае помогает организму в его борьбе против многих заболеваний и вредных воздействий.

На одном из челябинских заводов в осеннее время был проведен опыт с адаптогеном дибазолом. В течение десяти дней рабочим

давали дибазол. Количество простудных заболеваний сократилось наполовину. Было сохранено здоровье сотням людей. Многие из них избежали губительных осложнений. Экономисты, безусловно, подсчитали, что дало такое профилактическое мероприятие заводу. А затраты? Четвертинка таблетки 0,02—всего 0,005 на прием. Три четверти таблетки в день.

Во Владивостоке такой же опыт был проведен с элеутерококком. Его получали десять дней люди, которые недавно прибыли в город и плохо акклиматизировались. Гнилая приморская весна и коренных жителей нередко укладывает в постель. Из четырехсот человек, принимавших профилактически в течение десяти дней настойку элеутерококка, заболело легкой формой простуды всего пятеро.

Но дело не только в простуде. Есть болезни, куда более серьезные и сложные. Однако большинство из них начинается стереотипно — реакцией напряжения: недомоганием, потерей аппетита, исхуданием. Вот эту реакцию и решено было использовать в качестве фармакологической мишени.

Не верно, что адаптогены можно было бы сравнить с живой водой, спасающей от гибели. Нет, животные, подвергнутые сильному стрессорному воздействию, погибали. Но важно было установить картину их борьбы за жизнь.

Все адаптогены — дибазол, женьшень, элеутерококк — в равной степени препятствовали исхуданию животных, появлению кровоизлияний в желудке, атрофии печени, почек, сердца.

Это основное, главное, то, что мы искали.

Я уверен, что по нашей работе можно спорить о многом, можно не соглашаться с нами по частностям, но два вывода практически неоспоримы. Они твердо установлены. Кто бы ни стал проводить и повторять эксперименты подобного порядка, придет к двум фактам. Во-первых, адаптогены изменяют течение стресса, и, во-вторых, эти изменения благоприятны для организма и свидетельствуют о повышении его сопротивляемости.

И все-таки я чувствую, что это выводы только наши, нашей группы, нашего института. Пока я не вижу, как подойти к более широкому обобщению.

Шеф, пожалуй, посоветовал бы...

А Савва Петрович все еще оперировал корень. Я насчитал тридцать восемь мочек, когда он наконец поднялся с корешком в руках. Женьшень был величиной с мизинец, но очень походил на человечка. Это доставило Савве Петровичу большую радость. Он няичился с ним, словно с младенцем, бородатым и сморщенным.

— А мочковат-то! Мочковат-то! — восклицал он.

Когда стало смеркаться, мы отправились в лагерь. Нас заждались, волновались. Но отужинали. Пал Палыч мыл миски. Никодим сидел нахмурившись, глядел в огонь. Вздернув брови, он посмотрел на нас блеклыми старческими глазами.

— Все поперезабыл. Али места так изменились?

Савва Петрович передал конверт с корешком Пал Палычу. Тот достал плоский деревянный ящичек, открыл его. Там оказались старые аптекарские весы с разновесами.

— Шесть и три десятых грамма. А выглядит он на все сто рублей. Ишь какой лесовичок.

— Ты мне его не считай, Пал Палыч, — Савва поднес ложку ко рту, но задержал хлебок. — Себе возьму. Больно хорош.

— Спать пора, — то ли приказал, то ли посоветовал Никодим. — Завтра через реку переправимся. Еще одну сопочку обломаем. Может, пофартит.

Пишу на тот случай, если нам не удастся выбраться. Главное, жаль, что, может быть, не удастся закончить работу, довести ее до конца. Да... А месяц назад я считал: в диссертации нельзя изменить ни строчки.

Но прав был шеф.

Теперь мне ясно: в том виде, в каком я сдал диссертацию шефу, она не закончена. Далеко не закончена. Огромный, нужный, просто необходимый материал словно позабыт мною. А он очень важен, принципиально важен.

Не знаю, будут ли нас искать и найдут ли эти записки. Возможно, если и станут искать, то не скоро. Разверстые хляби небесные, как сказал Никодим, наверное, натворили в долинах такого, что теперь не до нас.

Никто не ведает, где мы. Может быть, речная коловерьт, вооруженная торпедами-таранами в виде плавника, пощадит нас, обитающих на ветвях, подобно нашим узконосым предкам.

Ладно. Об этом потом. Обо всем потом. А сейчас лишь бы плавник не сбил кедр. Даже Никодим не помнит такого наводнения, называет его потопом. Это видно и по кедру, на котором мы нашли убежище. И про это потом. Сейчас только о главном.

Теперь, когда казалось, что работа закончена, мне совершенно необходимо заново просмотреть всю литературу по адаптогенам. Но уже в свете своей темы «Проблемы фармакологической регуляции стресса». Я не сомневаюсь: такой подход во многом дополнит диссертацию. Ведь наши эксперименты проведены в довольно ограниченном объеме. И будет непростительной глупостью опустить уже известные достоверные данные. Их полно. Они, данные о воздействии адаптогенов на стресс, спрятаны, словно ядрышки в скорлупе, в других отличных научных работах. Хотя те посвящены совсем иным темам, в них, помимо воли авторов и независимо от цели исследования, четко прослеживается действие адаптогенов на реакцию напряжения.

Насколько же широк круг воздействий, к которым адаптогены повышают сопротивляемость?

Здесь, на кедре, на крохотной площадке, что кое-как соорудили Никодим и Пал Палыч, у меня нет научной библиотеки. Придется записывать на память.

В историческом плане действие адаптогенов впервые было изучено при нагрузках, требующих мышечного напряжения. Оказалось, что адаптогены повышают работоспособность. Дибазол, женьшень и элеутерококк проявили себя почти одинаковыми по силе. Они увеличивали продолжительность принудительного, до полного утомления, плавания мышей с нагрузкой на сорок четыре — сорок девять процентов.

За первыми сообщениями последовал целый поток работ. Известно, что стресс — системная реакция, в ней участвуют многие системы и органы. В нашей работе определялись лишь некоторые данные по эндокринной системе. Но литературные источники показывают ряд фактов влияния адаптогенов на проявление стресса, на нарушения со стороны нервной системы, сердечно-сосудистой деятельности, формулы крови, обмена веществ и так далее.

Адаптогены влияют на течение многих приспособительных реакций и патологических процессов: воспаление, развитие иммунитета, регенерацию, злокачественный рост. Сказанного достаточно. Важно, чтобы в случае чего (плавать-то я не умею) записи четко передали основную мысль: широкий спектр действия адаптогенов объясняется проявлением одного свойства — их способностью регулировать развитие общего приспособительного синдрома.

Знобит, в глазах словно горсть песка. Мы снова в охотничьей избушке с черноствольной березой на дерновой крыше. На столе тонким языком коптит жировичок. Рядом, на лавке, лежит Пал Палыч. Он бредит. Я ничем не в состоянии ему помочь. Единственное, чем я могу облегчить его страдания, — класть на его пылающий лоб тряпицу, смоченную в холодной воде, подносить к его запекшимся губам чашку с кислым соком лимонника.

Я врач, который знает все происходящее в организме больного. Я могу описать химическими формулами едва ли не все патологические процессы, совершающиеся в больном. Я твердо представляю, что нужно больному. Но у меня ничего нет для лечения, даже для облегчения его страданий. Будто я оказался в середине прошлого столетия.

Никодим и Савва Петрович смотрят на меня словно на колдуна или святого, которому стоит лишь подойти к одру страждущего, как тот восстанет и пойдет. Нет, больной не восстанет и не пойдет. У Пал Палыча крупозная пневмония. Надо за три-четыре дня доставить Пал Палыча в больницу или здесь достать пенициллин, что равносильно чуду воскрешения. Иначе я не поручусь за жизнь Пал Палыча.

Аккуратнейший, щепетильнейший Пал Палыч прекратил прием женьшеня еще в мае и пил перед едой стопочку, двадцать граммов разведенного спирта, «чтоб не отвыкнуть». Все знали. Не знал лишь я. Таким образом, получилось, что контрольным «подопытным кроликом» оказался не я, а Пал Палыч...

На следующее утро после находки Саввой Петровичем хилого, дистрофичного корня Пал Палыч пошел с «малопулькой» добыть дичинки на обед. Явился он к полудню. Пал Палыч был увешен рябчиками и фазанами. Я подумал, что так, наверное, должен выглядеть страстный охотник по перу из Подмоскovie, впервые попавший в благодатные дальневосточные края.

— Зачем вы столько набрали? — спросил я.

— Счастья решил попытать, — ответил Пал Палыч и крикнул в избушку: — Никодим!

Вышел заспанный Никодим с вздытыми на лоб бровями, посмотрел на пестрый ворох дичи у порога, удовлетворенно крикнул.

— Я и на той стороне был. Четырех рябчиков да двух фазанов стрелил. Перья на хвостах у них заломаны для отметки, — сказал Пал Палыч.

— Оно, может быть, и повезет.

Я пока не понимал, о чем речь.

— А остальных мы как узнаем? — спросил Савва Петрович.

— Узнаем, — ответил Пал Палыч. — Тоже заметки есть. Не без этого. Разберемся. Было бы в чем.

Никодим принялся рыться в тушках, нашел птиц с заломанными хвостами.

— Очень та сопочка, между прочим, любопытна...

Пал Палыч вытащил чайник из потухшего, но сохранившего под пеплом жар костра, принялся чаевать.

Любопытство разбирало меня сверх всякой меры.

Положив на порожек голову рябчика, Савва Петрович ударом ножа отсек ее и, не дав себе труда ощипать птицу, ловким движением вскрыл тушку. Потом он вытащил из рябчика зоб, желудок и кишки. Все остальное, что, собственно, и годилось в пищу, он отшвырнул ударом ноги. Затем вскрыл зоб и стал с видом авгура копать в травинках и камешках, которыми тот был набит.

Никодим поступил так же, а Пал Палыч пил чай и внимательно и настороженно приглядывался к действиям того и другого.

— Ни черта! — и Савва Петрович взялся за следующую птицу. Пал Палыч хмыкнул:

— А ты в первом же зобу хотел семена найти?

Мне осталось лишь обругать себя за недогадливость. Чего проще! Еще на первых уроках ботаники я слышал о том, что семена некоторых деревьев съедаются и разносятся птицами. Женьшень — редкое растение, но у него яркие ягоды. Обычно

рябчики и фазаны не уходят далеко от своих гнездовий. Тогда остается установить место, где убита птица, и в радиусе километра-двух обшарить каждый квадратный метр земли и найти женьшень.

— Вскрывать я умею. Давайте помогу.

— Помоги, — кивнул Пал Палыч.

Я протянул руку к тушкам, отобранным Саввой Петровичем.

— Из кучи бери, — бросил он.

Не ощущая все-таки особого доверия к этой женьшеневой рулетке, я взял первую попавшуюся птицу из кучи и занялся привычным делом. Мой рябчик оказался «пустым номером».

— Вот! — Савва Петрович протянул на ладони три женьшеневых семени. — В зобу нашел.

Корневщики повскакали с мест и принялись рассматривать костянки. На мою долю семян не досталось. Я следил за тем, как корневщики сначала по раздельности рассматривали желтые, фасолевидные, величиной с ноготь мизинца косточки.

— Совсем свежие.

— Утренние, может быть.

— Определенно утренние, — настойчиво проговорил Савва Петрович. — Тут, на этом берегу склеванные.

— Это как сказать. Видишь, я перышки на хвосте заломал. Значит, летел он с той стороны.

Я заметил, что следует не увлекаться и быть методичным. Надо осмотреть внутренности всех птиц. Вероятнее всего, не один рябчик упал на яркие ягоды.

Меня выслушали со вниманием.

— Рябчики, они больше стайками держатся. Очень может быть, что еще семена найдем. — Никодим не хуже прозектора расправлялся с тушками птиц. Во внутренностях фазана он нашел еще два семечка.

— Так это не сегодняшние! — вскинулся Савва Петрович.

Никодим склонил лысую голову к одному плечу, к другому, вознес брови на лоб:

— Вот что. И на этом берегу, между прочим, может быть. Разделиться нам надо. Ты тут смотри — места не много осталось. Сопочку мы едва не всю обломали. Может быть, пофартит тебе.

— Правильно, правильно, — засуетился Савва. — Все равно добыча на всех. На всю бригаду.

Брови Никодима влезли на темя:

— Кто ж про то рассуждает. Непотерянное не найдено, ему и меры нет, а уговор бригадный свят, между прочим.

— И доктора с собой возьмите. Все помощь. Какой-никакой, а лишний глаз. Я уж тут один справлюсь. Чего ему за мной хвостом ходить.

Савва Петрович говорил так, словно меня здесь не было.

Отойдя от нас поодаль, Пал Палыч смотрел с яра на ту сторону реки, на сопочку. А совсем-совсем далеко, сквозь чистейший воздух виделись серые, тяжелые тучи, точно притаившийся враг.

У корневщиков хватило выдержки и терпения кое-как сварить обед, поесть... И вскоре мы переправились на моторке.

Чуть ниже нашей переправы стремительное течение разбивал на два рукава скалистый островок. Он поднимался из воды острыми камнями, напоминающими нос дредноута или брига. Впечатление усиливалось тем, что на кремнистой почве островка росли, словно мачты, три кедра: два молодых, стройных и один, в самой высокой части, старый, душлистый, приземистый и разлапистый, с почти плоской кроной.

Вдоль реки рос густой тальник. Свежий ветер отворачивал листья кустов, показывая их изнанку. Берега казались серебряными. Мы причалили и затащили лодку за тальниковую опушку.

Я видел, что корневщикам не придется скорее уйти на поиски.

— Идите, — предложил я. — С лагерем справлюсь. Палатку поставлю, ужин состряпаю. Идите.

Давно уже перевалило за полдень, и отправляться в тайгу особого резона не было: три-четыре часа светлого времени оставалось, но они пошли.

Я исподволь задумался о том, что значит найти старую плантацию женьшеня. Ведь, очевидно, не один десяток лет бродил Никодим в этом районе, и каждый год то крепла, то таяла его надежда найти таежный клад.

Я поставил палатку, заготовил дрова, запалил костер и приготовил ужин. Быстро темнело, но корневщиков не было.

Из-за гор, со стороны океана, натянуло перистых облаков. Небо поседело. Усилился ветер. И под покровом плотно сбившихся высоких перистых облаков из-за дальних сопок выползли низкие, стелющиеся лохмотья туч. Стал накрапывать дождь.

В темноте я издали услышал громкие возбужденные голоса Никодима и Пал Палыча. Они о чем-то спорили. Потом замолчали. Вскоре они ступили в круг света, отбрасываемого костром.

— Доктор, — позвал Пал Палыч. — Считаю нашли!

— Покажите.

— Не корень нашли. Зарубки видели, хао-шу-хуа. Такие стертые, что заплыли, между прочим.

— Но ведь разглядел же ты! Разглядел. Не темнота — и плантацию нашли бы. Стрели-ка пару раз, пусть Савва знает.

— Нечего стрелять, между прочим. Мало ли зарубок в тайге может быть. Вот пощупаем корешки своими руками, тогда, между прочим, и кричи: «Панцуй!» А так — радость прежде дела.

— Дом кирпичный отгрохает, чтоб и правнуки помнили Пал Палыча! А? Доктор! И террасу застекленную построю. Чай в дождик пить. Чтоб самовар шумел и дождик перекрывал.

Я был на стороне осторожного Никодима. Возможно, у меня начал меняться характер? Или мне не хотелось, чтоб мои спутники нашли плантацию?

— Да, — сказал я рассеянно.

— Завтра с нами пойдешь, — ободряюще сказал Пал Палыч, по-своему расценивший мой ответ.

— Дождь, между прочим, расходится.

— Эка важность. Захватим палатку, натянем пологом — и копайся. Лишь бы корешок был. А выцарапать — выцарапаем.

— Давай, доктор, на сон грядущий, между прочим, «чертовой» настоечки выпьем. Труда, может, много потребуется завтра.

Никодим накапал себе и протянул склянку мне.

— А я — своей.

— Все шутишь? — Никодим недовольно покосился на Пал Палыча.

Тогда я не придавал значения этому замечанию.

Спали мы плохо. Поднялись разом, молча, торопливо, точно обиженные чем-то друг на друга. Сняли палатку, взяли ее с собой и пошли, продираясь сквозь мокрые кусты.

Тайга была серая, будто насупилась. Дождь отчетливо бил по листьям. Мы прошли километра два по косогору.

— Вот! — Никодим остановился и ткнул пальцем вперед. — Видишь?

Желтые стволы кедров, серые — бархата и коричневые — лип высились вперемешку. Действительно, на коре близстоящего кедра я увидел пять выпуклых наплывов.

— Пятьдесят шагов до столба, вбитого в землю. Двадцать пять — до женьшеня. Значит, столб искать надо. По кругу двинемся. Вот и пойдём, — засуетился Пал Палыч. — Отсчитаем — и пойдём. В ряд. Чего же мы стоим?

— Думаем.

— Чего же думать?

— Не мельтеши, Павел. Дай с духом собраться. Ведь не корешок плюгавый ищем, а целый клад, между прочим.

— Если он цел...

Я невольно осмотрелся. Но не ощутил волнения, которое, наверное, должны испытывать кладоискатели в нескольких шагах от сокровищницы. Мне хотелось, чтобы корневишки поскорее нашли женьшень и перестали себя мучить.

— Идем...

И не веря никаким зарубкам и расчетам, Никодим велел нам стать рядом с ним, и первый круг мы совершили вокруг ствола кедра с зарубками. Двигались чрезвычайно медленно, раздвигая посохами траву, осматривая каждый лист, каждый сантиметр почвы. Так, будто раскручивая спираль, мы кружили около часа.

— Стоп! В глазах рябит. Краснеется все, между прочим.

— Рябит, кругом рябит.

— Да нет же! Смотрите!

— Закрой, между прочим, глаза. И открой.

Я закрыл глаза, даже помотал для верности головой. Открыл.

— Да вот же!

— Ты, Павел, видишь?

— Вижу... А ты?

— Тоже, между прочим, вижу.

И я видел несколько ярко-красных точек в траве.

Мы подошли к маленькой полянке, не полянке даже, а небольшой прогалине между большими деревьями, тенистой, очевидно, в солнечные дни, но в то же время достаточно освещенной в предполдневные и послеполуденные часы. На полянке в разных направлениях валялось несколько древних полусгнивших стволов. Травостой на ней был очень разнообразен, не низок и не высок...

В общем, если бы я был ботаником, то, наверное, сказал бы, что полянка — оптимальное по освещенности, по увлажненности и по растительному сообществу место.

При беглом взгляде я насчитал восемнадцать цветоножек женьшеня, поднявшихся на разную высоту. В розетках оставалось всего по несколько ягод, и ни одна розетка не была полной.

— Вот. Нашли!

Я посмотрел на лица Никодима и Пал Палыча. Они были в крупных каплях пота.

— Сосчитать, значит, надо. И выкопать все подчистую.

— Это зачем? — Никодим снял шапку и вытер пот. — Возьмем самые крупные. Времени не хватит. Задождит, между прочим.

— Мало ли что... Вдруг прознают место. Такое дело — только мигни. Слово неосторожное — отбоя от охотников не будет.

Я сказал:

— Слова никто от меня не услышит.

— Ладно, доктор... Сосчитать корешки, между прочим, надо. Четырнадцать корней оказались упие! Двадцать семь — си-пие и тридцать один — тантаза. Росли они на площади в три десятка квадратных метров между поваленными стволами, которые как бы ограничивали размеры плантации.

— Вот. Упие и возьмем.

— Посмотрим. Лишь бы дождь не разошелся. И Савву надо сюда. Пусть потрудится. Доктор сходит, позовет.

Я согласился.

— Особо не пали, между прочим, — предупредил Никодим, передавая мне свой хилый карабин. — Стрельни три раза и жди, пока он придет, потом перевезешь.

Придя на берег к лодке, я не без трепета трижды выпалил из разболтанного карабина, который, к моему удивлению, остался цел, и стал ждать появления на том берегу Саввы Петровича. Дождь расходился и через час превратился в ливень. Вода в реке, исхлестанная струями, стала черной и пенной. Я пожалел, что чересчур точно выполнил приказание Никодима. Мне следовало съездить на тот берег и там пострелять.

Саввы Петровича не было. Я очень проголодался без завтрака, а время настало обедать. Решил посмотреть Савву Петровича последний раз и идти в лагерь. Я вылез из-под лодки и едва не по колено ухнул в воду. Побуревшая река вышла из берегов и уже

затопила тальники. Ветки кустов, подобно водорослям, тащились по течению. Оно волокло на своем хребте всякий лесной хлам, скопившийся по берегам: прутья, ветки, даже целые сухостоины.

Мне приходилось лишь слышать о таких ливневых паводках на таежных реках, и в первые минуты я лишь растерянно смотрел на взбеленившуюся воду. Наконец догадался вытянуть повыше лодку и завернутый в кусок брезента мотор. Он был собственностью Пал Палыча, а тот умел беречь вещи. Управившись с этим делом, промокший до костей, я пустился, не особо разбирая дороги, к корневщикам.

Они были поглощены работой под тентом из палатки.

Шесть прекраснейших корней уже лежали на лубяных подстилках-конвертах, устланных мхом. Их оставалось лишь запаковать, но, очевидно, красота панцуя сильно подействовала на корневщиков, и они нарочно держали женьшень открытым, чтобы, оторвавшись на мгновение от препарирования мочек, взглянуть на извлеченные драгоценности.

— Где Савва? — спросил стоявший на четвереньках Пал Палыч. Он не повернул головы и продолжал быстро и ловко орудовать костяными палочками.

Никодим не спросил ни о чем. Видимо, ему попалась заковыристая мочка.

Я принялся долго и подробно рассказывать о стрельбе, ожидании и наводнении. Они вроде слушали, но не понимали. Пришлось дважды повторить, что река взбунтовалась. Только тогда Никодим повернул голову к Пал Палычу:

— Еще по корню, между прочим, выпарапаем.

— Да. Вода, того гляди, пойдет по склону. Хотя выше и лежит ствол, но такого ливня он не сдержит.

— Сдержит. Полсотни лет, между прочим, держал.

— Не больно-то, — бубнил, не поднимая головы, Пал Палыч. — Чего мы выкопали, а уж три «спящих» корешка нашли.

Тут я обратил внимание на отдельно лежащую лубянку с тремя корнями, у которых не было мочек. Иногда при неблагоприятных условиях женьшень не погибает, а словно впадает в состояние латергии, или анабиоза. Корень не дает побега, не растет, но и не гниет. Он действительно словно дремлет в земле. Так может продолжаться не один год и даже десятилетие. Потом, будто вдруг, женьшень просыпается, оживает, почка на головке стебля дает побег, и растение продолжает жить как ни в чем не бывало.

— Наводнение! — повторил я.

Мне было непонятно, почему эта весть совсем не взволновала корневщиков. Но я ошибался.

Наконец Никодим выпрямился, потер поясницу, видимо занемевшую от долгого неподвижного и неудобного положения:

— Вот. Подвезло, да заколдобило. К завтраму здесь не земля — жижа, между прочим, будет. Напьются корни, поенные станут.

— Давай, давай, Никодим. Разговорился не ко времени.

— Подожди минутку, спина занемела. Пройди такой ливень на неделю раньше — и нашли бы плантацию, да ни корешка не взяли бы.

— Будет. Взяли же! И еще сколько! Килограмма два. Не меньше. А всего здесь десять будет. Не меньше. Первый сорт корешки, экстра!

— Может быть, и десять килограмм, между прочим, — сказал Никодим и снова опустился на локти.

Тогда разогнулся Пал Палыч, и на лице его было такое выражение, словно перед его взором маячила осуществленная мечта.

Ливень, пробиваясь сквозь кроны, грохотал по тенту.

— Что делать-то будем? — спросил я.

— Выкопаем корень — и в избушку. Переждем непогоду — и домой. Распроцаемся с кладом до будущего сезона. Вот тогда...

Пал Палыч не договорил, покосился на Никодима и принялся орудовать палочками.

Пасмурный, непогожий день гас быстро. Ливень трудился, как на поденщине, по заявлению Пал Палыча. Закончив выкопку, Пал Палыч и Никодим завернули лубянки сначала в свои шинели — мою не взяли лишь потому, что она была слишком мокра, — потом в палатку.

— Лишь бы корни не испортить, — приговаривал Пал Палыч. — Напоим — пропадут наши труды ни за грош.

Тюк получился внушительный. Под веревку проделали жердь и понесли его на плечах. К реке подошли в густых сумерках, казавшихся совсем непроглядными, потому что ливень не прекращался. Вода в реке поднялась и подступила к корме лодки, хотя я втащил ее от уреза метра на два выше. Пал Палыч снял брезент с мотора и еще раз укутал тюк с женьшенем. Потом приладил двигатель на корме.

— Напрасно, Паша. Попадет, может быть, плавучая коряжина под винт — разнесет.

— Новый купим! Нам теперь что! Нам теперь корешки беречь надо.

— Шинель мою наденьте, — предложил я. — Продрогли в рубахах под дождем.

— Сам берегись, доктор. Мы привычные — и моченые, и сухенные. Через полчаса в избушке у печки обогреемся, чайком побалуемся.

Противоположный берег, верх которого едва можно было различить на фоне темного обложного неба, выглядел каменным монолитом. Направо, вниз по течению, белой оторочкой прибрежной пены обозначился остров. Он выглядел небольшим пятном. Видимо, его сильно затопило.

Спустили лодку. Пал Палыч положил тюк на нос, залез сам. Потом велел забираться мне. Я сел на дно. Никодим впрыгнул последним. Течение подхватило нас. Мотор заработал с первого рывка дергачом. Никодим направил лодку наискось по течению.

Мы находились на середине реки, неподалеку от пенистой полосы, обозначившей остров, когда в днище что-то ударило. Послышался треск, и сук с силой уперся мне в бок. Не будь на мне шнели, сук вскрыл бы мне грудную клетку не хуже скальпеля.

Лодка остановилась на мгновение, и, хотя мотор работал на полную мощь, вывороченное дерево-плавун, протаранившее лодку, поволокло нас к острову.

— Понесло... — прокричал Никодим.

— Держись! — отозвался Пал Палыч. — На остров тащит. Цепляйся! Не то корни потопим!

На наше счастье, выворотень ткнулся в подножие старого кедра, стоявшего на подтопленном острове, и мы высадились. Пал Палыч первым делом упрятал в дупло тюк с корнями и велел мне снять шинель, чтобы завесить отверстие.

Ночью вода продолжала подниматься, затопила пятачок у корней кедра, на который мы высадились. Пришлось забраться на ветви, благо росли они невысоко.

Двое суток вели мы «ветвистый» образ жизни, голодали, пока Савва Петрович не связал небольшой плотик. Он спустил его с излучины на веревке, сплетенной из лыка, и мы по одному выбрались на берег.

Дождь не переставал, хотя и утих немного.

В избушке первым делом осмотрели корни. Они были сухи.

Вечером у Пал Палыча подскочила температура. Я простучал его грудную клетку, обнаружил тупость в средней доле правого легкого.

Мы с Никодимом отделались, кажется, лишь катаром верхних дыхательных путей.

В тот же вечер Пал Палычу стали давать по кусочку сырого корня женьшеня. Но я-то знал, что это не поможет. Раньше надо было. Может быть, у него достанет сил справиться с пневмонией. В его возрасте это весьма трудно.

Сегодня в пять часов тридцать пять минут Пал Палыч скончался.

Мы донесли его все-таки до районной больницы. Это было позавчера. Ударные дозы пенициллина, я уверен, сделали свое дело. Я попросил врача, чтобы он сделал необходимые анализы и установил, были ли убиты в легких пневмококки. Знаю наверняка: да. Но патологический процесс остановить не удалось. Он стал подобен поезду, который покинула бригада машинистов, — неуправляемым. Катастрофа в данном случае была неминуема.

Никодим и Савва Петрович начали было хлопотать, желая отвезти тело Пал Палыча в город. Но зная больничные порядки, я сказал им, что тело выдадут только родным и надо оформить соответствующие документы.

— Дети у него есть? — спросил я.

— А как же! Четверо сыновей и три дочери. Мы им отцовскую долю полностью выделим, вы не беспокойтесь. Всю сполна, со всех выкопанных корней. Тем более такое дело,— Савва Петрович сокрушенно покачал головой без единого седого волоса.

— Я не беспокоюсь.

Мы сели на попутку и отправились. Корни, чтоб не намокли случаем, Никодим взял с собой в кабину. Я и Савва Петрович устроились в кузове.

Светило солнце, но дорога, раскисший проселок, еще не просхла, и вездеход тащился с трудом.

Об авторе

Коротеев Николай Иванович, член Союза журналистов СССР. Родился в 1927 году в Калининe. По образованию медик. В 1956 году защитил диплом в Литературном институте имени А. М. Горького. Печататься начал в 1949 году. Работал в газете «Комсомольская правда», журналах «Вокруг света» и «Искатель». Основная тема творчества — человек и природа. Написал несколько приключенческих повестей — «Выстрел в тайге», «Огненная западня», «Быль о якутских алмазах». Автор интересуется и военной темой — повести «Испания в сердце моем», «Когда в беде по грудь» и другие. В альманахе публикуется впервые. Работает над приключенческой повестью о нефтяниках.

ТАНЕЦ АНИТРЫ

✱

Рассказ

В этом заснеженном мире кабина словно капля тепла, пропахшего соляжкой и табаком. Иногда я мысленно взлетаю в белесое поднебесье, повисаю в обжигающем морозе и вижу черную крупинку трактора, нацепленную на серую нитку следа. А нитка вытягивается из-за горизонта, и не видать ее начала. Среди низких таежных сопок, рядом с пустынным руслом реки так она тонка: дунь — порвется. Не верится, что можно протянуть ее по этой мертвой бесконечности...

И я опускаюсь обратно к скорлупке кабины, отгородившей меня от просторов жестокого холода.

Работает двигатель. Я засыпаю и просыпаюсь под его урчание, вдыхая его тепло. Который день его не выключаю. И нельзя выключать — замерзнешь. А если не замерзнешь, то утром сколько возни. За ночь так проморозит, так схватит и просквозит металл, что

сталь делается хрупкой и детали могут полететь разом. Конечно, научился я и промерзший двигатель пускать. На санях у меня разрезанная пополам железная бочка. Нальешь в нее солярки, поставишь между гусеницами на снег и подожжешь, а сверху на капот бросишь брезент. Лишь так и можно отогреть заледенелое сердце машины.

В этих краях тягучая, нескончаемая, коченеющая зима. Самая для нас в такую пору работа. Летом не сунешься никуда через болота. Лишь зимой открываются проломные дороги на прямик.

Так и живу я в кабине трактора. Совсем отвык от людей. Покажись на пути человек, не поверил бы глазам. Не может тут быть людей. Знаю: не может быть. Лишь в конце пути, еще в неделе езды, если все будет хорошо, приеду я к домику, где живет наш геолог, и там неподалеку охотничье зимовье.

Очень хороший этот домик. Я привез его еще по первопутку на санях и поставил под сопкой в тихом месте. Уж я его утеплил — лучше нельзя. С трех сторон нагреб пуховые сугробы, накрыл по самую крышу. А внутри печечка, столик у оконца и откидные лавки, как в вагоне.

Голутвин, геолог, там остался. Что ему! Отсиживается в тепле, охотится, к лету готовится. Скоро с ним увижусь, с бородатым неряхой, с приветливым и беспашашным моим другом. Половина пути осталась.

В белой пустыне, в одинаковости дней и ночей можно отчаяться, если б не это мое дело — вести машину, тащить сани с оборудованием. И еще — это уж так, для души — я напеваю мелодии Грига. Много их у меня, все, что передают по радио. На базе, как доберусь до приемника, не оттащишь — буду слушать музыку. Редко такое удаётся, еще реже — напасть на Грига. Поэтому и запоминаю, чтоб взять с собой.

В долгих поездках, когда совсем один, очень люблю вспоминать его музыку. Очень. И удивительно мне, как мог человек такое сделать, и приятно, что сам все это помню, все могу повторить, будто целый оркестр у меня в голове. Ни на чем не умею играть, а музыку запоминаю и не забываю. Который раз слушаю каждую вещь, и не надоедает.

Так дни и ночи нанизываются на дорогу, на мелодии и шум мотора. И зимняя пустыня, будто прислушиваясь, покорно ложится под гусеницы. Ни ветром, ни пургой не замечает моего следа...

Медленно, однообразно тянется время, словно загустевшее на морозе. Очень уж сегодня он крепок. В кабину ледяными змеями вползает из каждой щелки.

...Но что такое?

Эх, так его!

Резко торможу. Мгновение сижу неподвижно, откинувшись на спинку. Мутная, тоскливая боль пронизывает меня с головы до ног.

Левое полотно порвалось... Мертво обнажились черные катки. Вот несчастье так несчастье... Прыгаю в снег. Дыхание у губ с треском опадает инеем.

Полотно вытянулось темной полосой на примятом снегу. Палец лопнул. Два куска стального стержня остались в гнездах, а середка вылетела вон.

Как теперь скрепить полотно? Проволокой?.. В санях есть несколько мотков толстой проволоки.

Мороз ледяным лезвием вспарывает ватник, режет ноги. Даже в меховых рукавицах мерзнут пальцы. Пока поднимал полотно, примерял звенья, совсем руки заоченели.

Замотал проволокой, а душа неспокойна: слабо, хлипко получилось. Разве что для пробы. Проехал немножко — порвалось. Где проволоке держать, если стальной стержень не стерпел!

Тяжко и тревожно мне. Один я одишешенек в бесконечных снегах. Ни инструмента, ни помощи. Палец-то на заводе прессовали, а у меня лишь ломик да молоток.

Не до музыки тут. Но она сама льется. Не пойму даже почему, так мне сейчас не по себе. Танец Анитры. Да, хорошо помню танец Анитры. Иногда забываю названия, а тут помню: слушал с месяца назад в передаче из Иркутска.

Я достал из саней половинку бочки, залил соляром, подтащил к трактору и поджег. Сначала пламя будто ежилось, боялось мороза, а потом зацвело и показалось мне Анитрой. В таком она должна быть платье — из пламени на белом снегу.

Конец полотна со сломанным пальцем я сунул в огонь. Погрел руки и лицо, повернулся спиной. Тут хоть волчком крутись, все равно где-нибудь да пропорет мороз одежду.

Как неудобно пристраивается тяжелое полотно. Не хочет поддаваться. Наконец придумал: сложил два мотка проволоки, на них последнее звено и прижал его к балке саней. Приставил к торцу пальца ломик и начал долбить молотком, стараясь выбить палец из втулки. Когда металл остывал, я снова грел звено и опять стучал.

Ранние сумерки быстро скрыли округу. Тьма запахнулась надо мной. Только бочка гудела рядом. Только плясала над ней Анитра в красном и желтом платье, и черные волосы ее опадали до снега.

Долго не мог я разобраться, поддался ли палец. Иногда изменчивый свет обманывал: казалось, наклоннулся чуть заметный зазор. Но это было не так...

Черт знает, может, палец еще на заводе намертво приварился к втулке? Но я бил и бил молотком по ломiku. Грел звено и снова бил. Бил долго. Сгорела Анитра. Пламя, бесформенное и коптящее, осталось на её месте. Пропала и музыка. Не пропадал лишь один звук: удар молотка о ломик, короткий и глуховатый. Голос двигателя не считаю: его я не слышу.

Перед глазами все время стоял ободок втулки и палец, который за весь вечер не захотел подвинуться ни на волосок. Теперь я знал

каждую зазубрину на закопченном металле и видел проклятое звено, даже закрыв глаза. Однообразное движение руки с молотком стало привычным.

Неожиданно для самого себя я решил, что пора отдохнуть. Сунул в пламя банку тушенки и достал из кабины котелок с водой. Воды оказалось мало. Подсыпал сухого, как мел, снега. Не верилось, что он может растопиться.

После тушенки, сухарей и кипятка я понял, что здорово устал за день. Завалился в кабину и уснул. Ночью несколько раз будил сам себя: дергалась правая рука, и снилось, что чертов палец выскочил наконец из втулки. Последний раз проснулся, когда замутнелся рассвет.

Залил в бочку соляру. Есть не хотелось. Лед в забытом на снегу котелке запушился морозными перьями.

Опять бесконечная работа — молотком по ломику.

Только среди дня я заметил, что палец немного сдвинулся с места. Я не поверил глазам. Отчистил втулку от копоти, сличил с другими. Да. Верно. Сдвинулся.

Я сел на проволоку и впервые огляделся вокруг. Где-то далеко над сопками протянула к небу руки Анитра. Значит, она танцевала всю ночь и весь день, а я забыл про нее. Бедняга. Как она замерзла, наверно, в трескучей тайге...

Разогревая тушенку, я все время смотрел на звено: любовался совсем теперь заметным зазором. И старался не думать о другом конце стального пальца. Тот еще труднее. Он слева. Бить по нему очень неловко, и я еще не придумал, как зажимать полотно, чтобы удар приходился ловчее.

К вечеру палец совсем поддался и выскочил на снег. Анитра снова пришла ко мне и танцевала на бочке в своем красном платье. Эта сказка, выдуманная мной, эта игра скрашивала одиночество.

Я работал почти всю ночь и еще день. Когда второй обломок пальца упал в снег, я даже не обрадовался, а бросился в кабину и заснул, едва прикрыв дверь.

Утром скрепил звенья ломиком, и трактор пошел хорошо. Ему, как и мне, надоело стоять столько времени на одном месте.

Почти незаметно менялась волнистая линия сопки. Медленно протягивалось мимо привычное однообразие пути. Трактор входил в студеный простор, как игла в кусок льда. Все здесь тягучее, постепенное. Время тут считать нельзя и загадывать вперед тоже нельзя. Собираясь я вскорости добраться до Голутвина, а полотно лопнуло и отстал разом на несколько дней.

Не скоро отчеркнулась вдаль угловатая полоса темных скал. Обрадовался я им, как родным. Для нездешнего человека они просто камень, обмерзший льдом и снегом. А я знаю: там, за скалами, в распадке возле ручья, на высокой залысине, куда не достает паводок, у самой листвяжной гущины, стоит наш домик.

Не проберет его никакая пурга, никакой мороз не подточит под пего ножа. Оконце, наверно, завалило снегом. Едва ли Голут-

вин стал его отчищать. Очень он ленив насчет чистоты, этот Голутвин. Все ему абы как, лишь бы тепло... Занавозил теперь лавки всяким хламом, и в домике не продохнуть от запаха шкурок, забытой протухшей тушенки и невесть какого еще зловония. За это я его не люблю. А так хороший парень, приветливый и душевный.

Мне очень хочется посидеть в домике, поговорить, поваляться на лавке, вытянувшись во весь рост, вымыться. Хочется услышать голос Голутвина, увидеть обрадованное лицо. Он ведь один, как филин. Редко когда зайдут охотники. А у меня есть спирт и фруктовый компот «Слива». Вот загогочет Голутвин! Знаю: схватит меня за плечи и станет трясти. Тогда я возьму его за пояс, подставлю ногу и повалю на пол. Мы будем бороться и хохотать. А потом сядем ужинать, и Голутвин будет расспрашивать о новостях на базе.

Но пока все это далеко. Еще струятся сопки, еще долго до звонкого взлета скал, до лиственниц и пихт, проколовших сыпучие сугробы, до узкой и уютной долинки ручья...

Полотно-то мое держится. Работает ломик. Я смотрю, как он проползает, как цепко схватывает злополучные звенья. Потом перевожу взгляд на далекие скалы и вспоминаю, как танцевала Анитра. А кто она такая — не знаю. Про кого это пропел Григ? О нем-то я знаю все. Он, как я, жил на Севере. Известна мне такая жизнь. Очень подходит его музыка к нашим местам. Знал он северные края, просторы эти, сказочность их и суровость морозных далей. Вот уж я понял так понял!

Хоть и медленно, а приближались скалы, подступали ко мне, все смелее прорывали плавную линию сопки, ровную полосу берега. И когда они выросли каменным лесом, уперлись в небо обглоданными столбами и острым углом рассекли мир, двигаться дальше к их подножию стало невозможно.

Я свернул в распадок, повел машину по долине между низкими сопками, сзади горы, в которой река выглодала скалы. Вот радость какая: совсем рядом с моей дорогой наметились полустертые следы лыж. Это Голутвин проходил. Первый раз за столько дней попался мне след человека. Не ветряная заструга, не разлом снеговой, а живой след. Да, живой след. И я стал ждать, когда из-за поворота выйдет навстречу Голутвин. Он должен издали услышать рокот двигателя. Сейчас он надевает лыжи, его бородатое лицо смеется и глаза смеются, и руки смеются и не могут пристегнуть ремни. Он рад встрече еще больше, чем я: с осени не видел своих.

Всматриваюсь вперед. Скоро должна показаться маленькая точка на склоне. Она скатится вниз, поплывет навстречу, превратится в фигуру человека и станет этим бородатым, высоким, прокуренным Голутвиным. Он бросит лыжи на сани, заберется ко мне в кабину и захочет повести трактор. Я уступлю ему свое место, откинусь на сиденье и буду смотреть, как он неловко управляет с рычагами, как смеется, как приближается поворот, а за ним, слева, в сугробе, наш домик...

Проходит время. Я тороплю его и чувствую, что оно прошло, а Голутвина все нет на склоне. Значит, ушел на охоту. Обидно. Так всегда бывает: напридумашь, распишешь встречу, а получается совсем по-другому.

Скоро я перестал его ждать. Поворот был совсем рядом. Вот и конец пути. Я остановил трактор, приглушил двигатель, прыгнул в снег. Здесь должна быть тропка к ручью. Голутвин ушел давно. Ее сильно припорошило. Но я с нетерпением побежал вверх.

...Это было страшно, что я увидел. Даже не страшно, а непонятно. Страх я еще не мог почувствовать, не мог осознать, не мог рассмотреть этот выгоревший, вывернутый наизнанку сугроб, который лежал на месте домика...

Я подошел. Подошел через силу. Заставил себя заглянуть в сугроб. Обгоревшие доски, перевернутая печечка, перекрученный ствол ружья, оплавленная кастрюля... Я опустился в эту черную яму, раздвинул угли.

Отлегло от души. Голутвину удалось уйти.

Вылез, присмотрелся к тропинке. Снег на закраине был поцарапан. Здесь что-то тащили вниз. Собачьи следы то выбегали на снег, то пропадали на тропе.

У ручья след лыж заметен бороздами волокуши. На лыжах шли двое. Что они тащили? Продукты или третьего? Третьего, конечно. Зачем столько продуктов, да и склад не тронут. След вел вниз по долине. Это охотники из-за реки. У них зимовье в двух днях ходьбы.

Не знаю, что случилось. Но скорее всего охотники приносили спирт... Эх, Голутвин!

Я побрел к трактору. Остановил двигатель. Постоял. Потом положил в мешок тушенку, сухари, достал с саней лыжи, взял карабин.

И тут я впервые услышал, как громко скрипит снег и какая тишина. И тоскливо упало сердце. Я посмотрел на трактор. Ломик торчал из полотна у самой кабины. И чего мне так не везет в эту поездку?

Слева дыбилась черная с проседью шкура горы, справа к долине подступали индевелые сопки. Я поправил на плече карабин и пошел по следу.

Об авторе

Димчевский Николай Владимирович, член Союза журналистов СССР. Родился в 1926 году в Москве. Работает в издательстве «Советская Россия». В 1966 году опубликовал в нашем сборнике повесть «Калитка в синеву». В 1968 году в издательстве «Советский писатель» вышла книга стихов «Прорубь». В настоящее время работает над повестью из жизни топографов.

ТРУБКА КОРСАРА

*

Очерк

Счастливый Роджер

В пятницу, 21 марта 1592 года, у атлантического выхода из Магелланова пролива пиратская бригантина «Блэк дез» («Черная смерть») атаковала «Инфанту» — четырехмачтовый галеон, шедший с перуанским золотом в Испанию. У этого события, имевшего значительные последствия для истории географических открытий, было романтическое начало.

В январе того же 1592 года капитан бригантины, известный среди корсаров как Джереми Дэвис (настоящее имя Джон Фредерик Дэвис), напав в Карибском море на французское судно, захватил в плен юную путешественницу графиню Терезу де Бурже. Сорокадвухлетний пират предложил французенке руку и сердце. Брак с графиней для него вовсе не являлся чем-то сверхъестественным. Джереми был сыном английского лорда—владельца обширного поместья, судоверфи и фабрики по изготовлению парусины.

Двадцати одного года от роду, закончив Ливерпульские мореходные классы, Дэвис взял одну из отцовских бригантин, нарек ее грозным именем и предпочел государственной службе судьбу вольного морского разбойника. За измену королю и пиратские нападения на отечественные корабли суд Англии заочно приговорил его к смертной казни. Но привести приговор в исполнение было не так просто. Бесстрашный смертник гулял по морям-океанам. Он был знаменитым корсаром и по-прежнему оставался лордом, о чем у него имелось свидетельство с солидной королевской печатью. Джереми и предъявил его юной графине, дабы та не подумала, что на ее руку претендует обыкновенный разбойник.

Тереза де Бурже была, однако, не из тех, на кого светский титул мог произвести впечатление. Сохранились дневники графини, из которых видно, как происходило сватовство и как вела себя при этом пленная француженка.

«...Я содрогалась от ужаса, ожидая, как мне казалось, неизбежного. Варварский наряд людей с бригантины, чьи грубые небритые лица были синими от неумеренного потребления рома, не оставлял никаких сомнений, в чьи руки я попала. Нисколько не смущаясь присутствием на корабле дамы, хотя бы и пленницы, эти люди позволяли себе работать или празднично сидеть на палубе обнаженными до пояса. Приличные шляпы я видела на очень немногих. Все другие украшали головы красными повязками, напоминавшими косынки парижских мясников.

Неделю я провела в уединенной каюте, возле которой неотступно несли службу охранников два корсара. Мне подавали обильную пищу, требуя отведать каждого угощения, и дважды на дню приказывали одеваться для прогулки. В те часы, когда я стояла на палубе, с радостью и тревогой вдыхая морской воздух и тоскуя о свободе, ко мне подходил Джереми. На его вопрос о моем здоровье, заданный с неизменной приветливой улыбкой, чаще всего я не отвечала. Не сказав более ничего, он уходил, поигрывая резной индейской палочкой, которую всегда имел при себе. Я же оставалась в недоумении и еще большей тревоге. Вопреки всем страданиям уже тогда что-то будило во мне к нему симпатию. Его высокие из ярко-желтого сафьяна ботфорты мне казались ужасно безвкусными, но сказать подобное о камзоле я не могла. Шитый золотом голубой испанский бархат безупречно облегал его фигуру и хорошо сочетался с цветом глаз.

На восьмой день Джереми сделал мне предложение, предъявив королевское свидетельство о своем звании лорда, на которое я не обратила внимания, не придав ему значения. Растерянности у меня не было, с уверенностью могу сказать лишь о возникшей у меня в ту минуту новой решимости к сопротивлению. Но вскоре я успокоилась. Предложение Джереми открыло мне, зачем понадобилась эта неделя невыносимого для меня выжидания. Он имел намерение дать мне время осознать свое положение, чтобы затем без труда получить мое согласие.

Вспышка гнева только обнажила бы мою подчиненность обстоятельствам. Сдержав чувство справедливого возмущения, я изобразила на своем лице удивление, сказав небрежно: «Благодарю вас, капитан. Если весть о вашем предложении дойдет до Парижа, граф Франсуа де Бурже будет польщен». Мною владело желание показать свое бесстрашие. Только так я могла добиться у этих людей уважения и права на независимые поступки в дальнейшем.

Да простит меня господь бог, не видя никакой возможности уйти от судьбы, я с тайной пылкостью готовила себя к необычному...

Скрытая за холодной внешностью пылкая натура Терезы де Бурже жаждала острых ощущений. В то же время графине была не чужда и практичность. Понимая, что, став женой пирата, она должна будет порвать всякую связь с родительским домом и тем самым потерять право на наследство, графиня желала прежде, чем пойти под венец, обеспечить свое будущее. Джереми обещал все устроить. Ему как раз сообщили, что из перуанского порта Кальяо вышел галеон с золотом. «Блэк дез» без промедления двинулась ему навстречу, к Магелланову проливу.

Испанские галеоны были особо прочными, труднопотопляемыми кораблями, которые строились специально для перевозки ценностей. На них устанавливалась мощная артиллерия и плавали отборные, прекрасно вооруженные команды. Двадцатидвухпушечная бригантина с полсотней корсаров шла против громадины, имевшей на борту восемьдесят четыре пушки и почти двести аркебуз.

Джереми привык побеждать. Теперь же, когда этого требовали интересы его женитьбы, он стремился к победе вдвойне. Призрак богатой добычи увлек за капитаном всех корсаров. Недостаток в численности им восполняла отвага.

Вот уже в борт галеона вцепились abordажные крючья, завязался жаркий рукопашный бой и тут... Редко отступавшие корсары были вынуждены обратиться в бегство. Благо они вовремя заметили, как из пролива вышли еще три испанских корабля. Это был запоздавший эскорт галеона, о существовании которого пираты не подозревали.

Корабли пустились в погоню за бригантиной. Она мчалась на восток, куда дул попутный ветер. Испанцы не отставали. От быстрого пиратского корабля они держались всего в двух-трех милях. При свете полной луны им хорошо было видно бригантину даже ночью.

На второй день утром вперёдсмотрящий на фок-мачте «Блэк дез» неожиданно крикнул:

— Земля!

Прямо по курсу показался неизвестный берег. До него было миль восемь. В окуляре подзорной трубы отчетливо вырисовывались высокие мрачные утесы, изрезанные многочисленными бухтами. На подступах к ним повсюду из воды торчали камни.

Бригантина попала в ловушку. Поворачивать на север или на юг, в обход нежданной земли, не было смысла. В бою с галеоном «Блэк дез» получила тяжелые повреждения и в бейдевинде испанцы легко бы ее настигли. Оставалось либо выброситься на неизвестный берег, если камни позволят к нему подойти, либо сдаться на милость преследователей, которые, судя по всему, решили расправиться с пиратами любой ценой.

Кормчий бригантины правил к берегу. Еще пять миль, четыре... Вдруг заполоскались нижний фор-марсель и фок, потом начали обвисать другие паруса. Ровно дувший ветер внезапно утих. В миле от берега бригантина остановилась. Потеряли ход и корабли испанцев.

До полудня бригантина и корабли лежали в дрейфе, ждали, когда задует ветер. Испанцам казалось, что корсарам от них не уйти. Преследователи видели и неприступный скалистый берег, тянувшийся далеко на север и юг, и непроходимые камни вблизи него. Испанцы также знали, что в бейдевинде идти с обычной своей скоростью бригантина не в состоянии. Они поняли это в первые же часы погони.

Судьбе, однако, было угодно сохранить пиратам жизнь и свободу, а их капитану даровать к тому же место в истории.

В полдень на море опустился туман. Пространство, отделявшее бригантину от испанских кораблей, заволокло густой сизой завесой. Воспользовавшись этим, корсары на шлюпках двинулись к берегу. На буксире они тащили за собой бригантину. Продовольствие, бочки с пресной водой и корабельные ценности были перегружены в шлюпки.

Джереми решил обмануть испанцев. Он был уверен, что «Блэк дез» на камнях разобьется. Но там, где не пройдет большой корабль, могут пройти шлюпки. Когда рассеется туман, испанцы увидят останки пиратского корабля и наверняка подумают, что его экипаж погиб. Корсары же успеют скрыться где-нибудь за скалами.

Против ожидания в гряде камней оказался проход и для бригантины. Тогда Джереми изменил план. Пираты спрятались за скалами сами и скрыли от глаз испанцев бригантину. На камнях же оставили разбитую шлюпку, клочья старых парусов и судовую мелочь, которая всегда всплывает при кораблекрушении. Для большей убедительности в расщелине одного из подводных камней закрепили верхнюю часть обломанной мачты.

Джереми не ошибся. Веселый роджер, как называли тогда пиратский флаг, на этот раз оказался счастливым. Испанцы действительно сочли корсаров погибшими и повернули назад. Неведомый берег их не заинтересовал.

Честь первооткрывателя Фолклендских островов досталась английскому пирату Джереми Дэвису, или Джону Фредерику Дэвису.

...На моем столе лежит древняя индейская трубка. Красная гончарная глина посерела от времени и стала гладкой, как

мрамор. Края трубки чуть выцерблены. На коротком прямом чубуке едва угадываются резные линии узора.

Когда-то эту трубку курил Джереми. В пиратском роду Дэвисов она хранилась почти четыреста лет и вот теперь по воле случая попала ко мне. Трубка корсара — одна из самых дорогих моих реликвий. Глядя на нее, я вспоминаю свое путешествие на Фолкленды и встречу с потомками знаменитого корсара.

Столица Антарктики

Второй день над «неистовыми» пятидесятыми широтами светило солнце. Оно было по-зимнему неяркое, но окружающий мир под его холодными лучами изменился до неузнаваемости. После свирепых штормов с метелями и ледяными ливнями вдруг полный штиль. Ни зыбинок.

Мы шли в Порт-Стэнли — главный порт и единственный город Фолклендского архипелага. Он стоит на северо-восточном берегу острова Восточный Фолкленд.

От поворота в узкий, как река, залив до самой якорной стоянки путь нашему кораблю показывал дельфин. Лоцман, высокий тощий англичанин, говорил лишь, какая где нужна скорость. Но и это было излишним. Дельфин, резвясь и играя, все время держался метрах в сорока впереди корабля. Когда же судно подходило к опасному месту, расстояние между нами начинало сокращаться. Замедляя свои грациозные прыжки, дельфин как бы предупреждал: «Тихе ход!»

Надвинув на лоб капитанскую фуражку, лоцман попыхивал сигарой. Глаза его улыбались.

— Бэби знает фарватер не хуже меня.

Оказывается, девять лет назад этот дельфин, тогда еще малыш, отбилсЯ от стаи и чуть было не погиб. В здешних водах откуда-то появилась тропическая разбойница — рыба-меч. Дельфиненок, видимо, принял ее за своего сородича. Когда она ринулась к нему, чтобы пронзить его своим острым, как шпага, оружием, он весело поплыл ей навстречу.

Малыша спас меткий гарпун, вовремя брошенный с «Каталины» — старой рыбацкой лодки.

Убитую акулу (она весила килограммов семьсот) на буксире потащили в порт. Дельфиненок сначала был обескуражен.казалось, внезапную перемену в поведении акулы он находил странной. Так охотно согласилась с ним играть и вдруг сразу затихла. Потом малыш исполнился. Тыкаясь носом в громадную рыбину, начал выталкивать ее голову из воды, как это делают дельфины, помогая друг другу в трудную минуту, чтобы дать пострадавшему сородичу возможность дышать.

В порту акулу подняли на пирс. Оставшись один, дельфиненок долго метался по бухте. С пирса ему бросали рыбу, но он не обра-

щал на нее внимания. Ему хотелось найти акулу. Дельфиненок то кружил вокруг ставшей на прикол «Каталины», то нырял под шире, то снова носился по бухте.

Утром рыбаки опять выходили в море. Дельфиненок был тут как тут. Вероятно, он не покидал бухту всю ночь.

Удивительнее всего то, что малыш уже знал «Каталину». По заливу шли рядом три лодки, все в общем одинаковые, но Бэби (так его окрестили в то утро) плыл именно за «Каталиной». Он не отходил от нее весь день. А вечером, когда она возвращалась в порт, вдруг вырвался вперед. Словно приглашал рыбаков идти за ним. Он вел их к причалу, точно к тому месту, где они вчера останавливались.

На следующий день все повторилось. Бэби не расставался с «Каталиной» два летних месяца.

С наступлением осенних холодов рыбаки выволокли свои лодки на берег. Без «Каталины» дельфиненку было скучно, и он подружился с лоцманским катером, который и осенью, и зимой выходил в море встречать корабли, идущие в Порт-Стэнли. Через несколько месяцев Бэби так поднатерел в лоцманском деле, что вскоре и сам стал заправским «лоцманом».

Фолклендские, или Малуинские, острова лежат в двухстах шестидесяти милях восточнее атлантической горловины Магелланова пролива, между 51-м и 53-м градусами южной широты. В северном полушарии это параллели Лондона, Курска и Воронежа. Но нет здесь ничего, что напоминало бы природу Англии или средней полосы России. Омытые холодным субантарктическим течением, берега Восточного Фолкленда, самого большого из двухсот островов архипелага, с моря кажутся голой каменистой пустыней. Даже когда светит солнце, над грязно-бурой холмистой землей висит вязкий туман. В непроглядной дали, возвышаясь над клубами низко ползущих туч, расплывчато виднеется скалистая громада горы Асборн. Ее вершина поднята над уровнем моря метров на семьсот. Когда-то это был вулкан, потом ветер и дождь превратили вулканический конус в бесформенную груду камня.

Фолкленды,— пожалуй, одно из самых дождливых и сумрачных мест на земле. Летом дожди морозящие, нудные, в остальное время года — проливные, с градом и оледеневшим снегом. На островах не бывает больших морозов, но нет и настоящего тепла. В середине лета температура воздуха плюс 10—12 градусов, а зимой ртутный столбик чаще всего держится на нуле. Солнце выходит из-за туч лишь изредка. Нам просто повезло, что мы увидели Восточный Фолкленд в солнечную погоду.

Пока корабль, следуя за дельфином, медленно шел узким рукавом залива Баркли, на голых берегах мы не видели никаких признаков человека. Гогочущее, свистящее, каркающее царство морских птиц. Хищные кormораны, гуси, утки, буревестники... Над нашими мачтами, словно привороженный, кружил одинокий альбатрос — величавая птица, будто облитая светло-коричневой эмалью.

Поворот, еще поворот... Неожиданно на лобастом каменном мыску появилась старинная береговая пушка. Ржавое жерло нацелено прямо на корабль. Невольно становится не по себе. И недоумение: откуда она взялась на птичьем-то базаре?

Наконец за длинной песчаной косой залив распахнулся—бухта. Как тихое продолговатое озеро. Впереди, чуть правее курса,—полузатопленный трехмачтовый барк. Обломленные рей, висячие обрывки такелажа, прогнивший, с побитыми бортами корпус. Но все же это был барк... Месяц назад мы заходили в Пунта-Аренас, чилийский порт в Магеллановом проливе. В гавани там стояли на мертвых якорях барки, клиперы, бригантины. Построенные еще в прошлом веке, они были в таком же запущенном состоянии, как и этот барк на рейде Порт-Стэнли. И все же трудно было оторвать от них взгляд. Дивные видения вставали передо мной. Безбрежный голубой океан, белые паруса, пенный след за кормой... Крылья грез несли меня к тем славным дням, когда парусный флот былладыкой морей и океанов. И вот теперь, в заливе Баркли, я переживал то же волнение. Снова я вижу полные ветра паруса барков, клиперов, бригантин...

А вы, что без конца всю жизнь
Из года в год
Руинам и вещам вести привыкли счет,
Что знаете о нас, которым с детских лет
Дороги озарил жемчужный звездный свет?

Метрах в двухстах от полузатопленного барка стояли ярко расцвеченные прогулочные яхты. В бухте, где в последний раз отдал свои якоря старый барк, эти пластмассовые красотки казались досадным недоразумением.

Смеяться любим мы под грохоты лавин,
И ветер мчит наш смех к далеким очагам.
Мы утром на заре под парусом скользим
По вспененным волнам.
Но зори, паруса — не поклоняться ж им?
До зорь и парусов какое дело нам?

Должно быть, какое-то дело все же есть. За барком на возвышенном правом берегу белыми камнями по замшелому бурому граниту чья-то рука выложила огромный парус и три слова: «Бигль», «Барракуда», «Протектор». Три известных английских корабля, оказавших этой бухте честь своими визитами. Первым был парусный «Бигль». На нем приходил на Фолкленды Чарлз Дарвин.

Когда входил в бухту, Порт-Стэнли сразу весь как на ладони. Вдоль левого берега, будто по наклонной шахматной доске, ровными рядами выстроились сотни три маленьких домиков под красными и голубыми крышами. Несколько двухэтажных серых коробок выглядят среди них неуклюжими громадинами. На окраинах города слева и справа изящные островерхие церкви: одна протестантская, другая католическая. Вынесены они на противопо-

ложные концы города, словно во избежание соперничества двух религий.

Ближе к воде, на высоком обрывистом мысу, — серого гранита монумент с пушечными ядрами и ковчегом наверху. Памятник, поставленный в честь победы англичан в первую мировую войну. Германская эскадра под командой адмирала графа Шпее в ноябре 1914 года пыталась войти в залив Баркли, чтобы разрушить порт и военные объекты на берегу Восточного Фолкленда, но в бою с английскими кораблями потерпела поражение.

Такого мрачного впечатления, как сам Восточный Фолкленд, Порт-Стэнли не производит. Городишко очень опрятный. Улицы заасфальтированы или выложены брусчаткой, а кое-где на заболоченных местах устланы досками, как у нас в северных поселках. Чистота. На обочинах мостовых и возле многих домов пробивается даже почти зеленая трава и растут кустарники с мелкой густой листвой. У резиденции губернатора и против городского госпиталя они выросли выше крыш. Мы были поражены, увидев настоящую ель. Она была такой же, как и у нас, стройной, с разлапистыми ветвями и мягкой, нежной хвоей, только не зеленой. И на хвое все та же фолклендская буризна.

Хотя весь город можно обойти за сорок минут, мне доставляло удовольствие бродить по нему часами. В архитектурном отношении на берег залива Баркли перенесена вся многоликая Англия, исключая разве что непригодные для здешних мест современные здания из стекла и бетона. На некоторые дома заглядываешься, как на удивительные игрушки: какой-нибудь эдинбургский или плимутский дворец в миниатюре. А всего-то обыкновенный жилой дом.

Над Порт-Стэнли витает дух патриархальной Великобритании. У входа в резиденцию губернатора два солдата, одетые в форму старой шотландской гвардии. Женщины носят платья, которые были модными, быть может, во времена Диккенса. Сосед идет вечером навестить соседа, обязательно нарядившись в официальный черный смокинг.

«Мой дом — моя крепость». Заборы, внушительные, обитые железом двери. Вместо дверных ручек тяжелые бронзовые кольца, которые держат в зубах добродушно оскаленные львы. Если окно выходит на улицу, оно всегда завешено портьерой. На каждой калитке и на дверях дома до блеска начищенная медная табличка: имя хозяина и его социальное положение или место работы и должность. Порт-Стэнли невелик. Кому принадлежит какой дом — известно, но все же...

Ездить в городе некуда, в любой конец легко пройти пешком, а на острове нет дорог. Но автомобиль — свидетель достатка. И во дворах то там, то здесь рядом с теплицами (в них выращивают овощи и цветы) гаражи. Конечно, автомобиль должен быть при-

**К очерку А. Иванченко
«ТРУБКА КОРСАРА»**

**В Южной Атлантике штормы быва-
ют жестокими...**

Тасмания, где теперь живет Том Морган, за тысячи миль от Британских островов, а чем это не английский пейзаж?

Этот морской слон чем-то недоволен. На всякий случай заходим с тыла

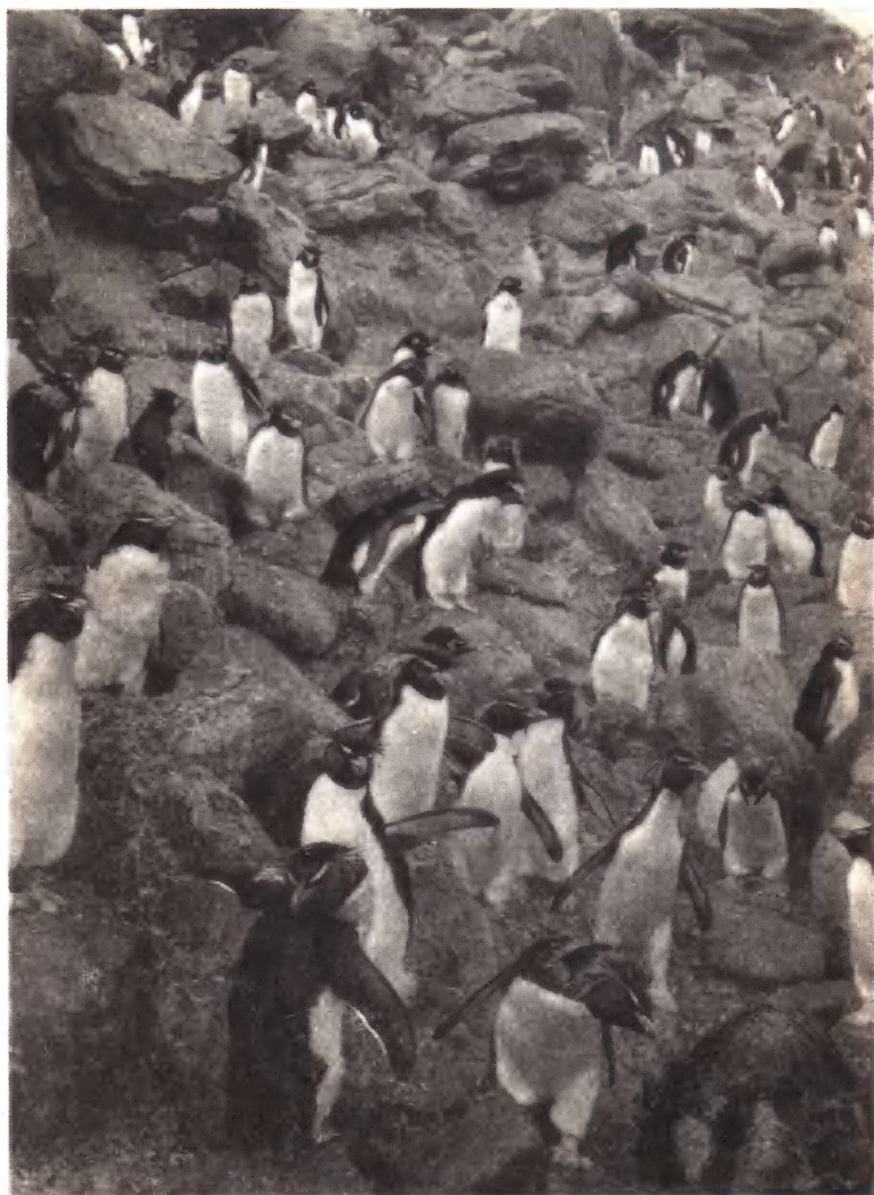

Прекрасна природа острова Фату-Хива, и все-таки старший из Дэвисов предпочел обосноваться на суровых Малуинах

Семья Дэвисов (слева направо): Джек, Энни, Редмонд, Маргарет, Агнесс

Основное население острова Нью-Айленд — пингвины

личным, то есть по крайней мере довоенным, и непременно британской марки. Самый фешенебельный новейший форд в Порт-Стэнли, видимо, ничего бы не стоил. Во-первых, он не английский, а во-вторых, слишком криклив. Конный экипаж с четырехгранными старинными фонарями куда более приятен. Но иметь «неприличную» американскую прогулочную яхту считается вполне допустимым.

В городе тысяча двести человек населения. Все, естественно, друг с другом знакомы, но при встрече, дабы не прослыть развязным болтуном, никто никому не задаст лишнего вопроса и не скажет ничего, о чем его не спросят. Однако, если мистер Салливен, который собирается купить, допустим, новый костюм, войдет в магазин и сразу, так сказать, без лишних слов будет интересоваться нужным предметом, он рискует навести окружающих на мысль, что ему уже нечего надеть.

Предварительно надо продемонстрировать свое отличное настроение и попытаться завести с продавцом или хозяином магазина (лучше, конечно, с хозяином) такую непринужденную светскую беседу. Как будто мистеру Салливену ужасно не терпелось повидать мистера Лессинга. Потом, как бы между прочим, можно вспомнить:

— Да, мистер Лессинг, говорят, вы получили какие-то костюмы. Что, есть приличные?

— О да, мистер Салливен, последняя партия очень удачна. Желаете взглянуть?

Мистер Салливен не против. Пожалуй, он посмотрит. Костюм, собственно, ему не нужен, такую покупку на ближайшее время он, кажется, даже не планировал, но если подойдет... Только поэтому покупка обсуждается долго, тщательно и с такой придирчивостью, которая способна вывести из терпения кого угодно, но не мистера Лессинга. Он прекрасно знает, что без покупки мистер Салливен от него не уйдет, а потому с любезным благодушием выслушивает все придирки, на кое-что мягко возразит, но что-нибудь критическое добавит и от себя. Пусть мистер Салливен убедится в его беспристрастии и не воображает, что, если этот костюм мистер Лессинг не продаст, его бизнес не так уж пострадает.

На приеме у губернатора я попросил его назвать самую характерную черту рядового жителя Порт-Стэнли. Сэр Космо Хаскард с улыбкой сказал:

— Я думаю, умение управлять своей мимикой.

В магазин мистер Салливен идет сияющий от счастья (он доволен жизнью, у него все есть, ему ничего не нужно), в церковь входит скорбящим, даже если в этот день его любимая жена родила долгожданного первенца, по улице шагает озабоченным (он не бездельник, чтобы празднично шататься), в официальном месте его лицо — сама деловитость. На людях мистер Салливен остается самим собой разве что в зале кинотеатра... когда погасят свет.

Однажды в пивном баре я наблюдал интересную сцену.

К стойке подошел старик с коротко подстриженной бородой. В нем сразу был виден моряк — один из тех, кто еще на парусниках огибал мыс Горн. Об этом говорили крапчатый ноготь на правом мизинце и большая медная серьга в левом ухе — предмет зависти многих моряков времен парусного флота. Такую серьгу имел право носить только тот, кто испытал бури пролива Дрейка. У моряков всех наций это была как бы почетная медаль. Определенный размер и вес, на лицевой стороне — контур созвездия Южного Креста, на обороте — очертания мыса Горн. Вместе с серьгой выдавался специальный диплом за подписью бога морей Нептуна, в котором говорилось, что «сей поименованный мореход, обходя в широтах ураганных край Земли, мысом Горн нареченный, выказал отвагу похвальную да мужество неунывное и не токмо снискал уважение товарищей великое, но и милостью нашей навечно причислен к избранныкам нашим».

Мы круги ада все прошли,
На пир к чертям охотно забрели.
В проливе Дрейка, у мыса Горн,
Мы рифы брали, пивали грог.
Эге-ей, ха-ха!
Горячий грог и медная серьга.
Эге-ей, ха-ха!
Горячий грог и медная серьга.

Старику было, вероятно, за семьдесят, но держался он бодро. В зубах у него торчала черная морская трубка, седую голову прикрывала молодецки сдвинутая на затылок зюйдвестка. Брезентовая куртка, грубошерстный серый свитер, узкие парусиновые джинсы. На ногах тяжелые яловые ботинки. Коренаст, приземист, в прозрачно-голубых глазах добродушная улыбка.

— Хэлло, Стив! — вскинув руку, по-приятельски приветствовал он бармена. — Сегодня ты снова не в духе. Я видел тебя утром, ты шел открывать бар. Мне кажется, с утра ты был веселее.

— Хэлло, — мрачно ответил неповоротливый, круглый, как бочка, Стив. — Я очень рад вам, мистер Белчер.

— Ну, если так, тогда кружечку пива, Стив.

Злобно пыхтя, бармен молча налил кружку. Старик пить не торопился.

— Стив, — посасывая трубку, сказал он доверительно и неожиданно грустно, — мое общество на тебя скверно действует, ты становишься хмур, как пролив Дрейка. Да, Стив, с годами у нас портится характер. Я отлично тебя понимаю, Стив. Никто не виноват, что в этом городе один бар и он принадлежит тебе. Ну что, Стив, ты скажешь?

Бармен багровел от ярости.

— Мистер Белчер, прошу извинить меня, ваша кружка налита.

— Да, Стив, ты, как всегда, очень любезен. — Облокотившись на стойку, старик пододвинул к себе кружку, медленно начал пить.

— Хорошее пиво. Что поделаешь, моя слабость. Без пива старый Мартин, как теперешний корабль без мазута. Конечно, Стив, за десять лет я, пожалуй, тебе надоел. Но разве мне нечем платить? Сколько я тебе должен, Стив, ты когда-нибудь скажешь?

Казалось, бармен вот-вот взорвется. Но он нашел в себе силы сказать почти спокойно:

— Мистер Белчер, ваше присутствие в моем баре для меня большая честь, прошу вас не говорить о деньгах.

За столиками в баре сидело человек двадцать. Все делали вид, словно заняты только своим пивом, но вряд ли из этого разговора они упустили хоть слово.

Я слушал и живо представлял себе портовые харчевни старой Англии. В любой из них обладатель серьги Дрейка мог пить и есть бесплатно. Это был неписанный закон, обычай, который никто не смел нарушить. Угостить «избранника Нептуна» почиталось за честь. Если моряк с медной серьгой в левом ухе пытался заплатить хозяину харчевни за угощение, он тем самым выражал свое недовольство. Значит, в харчевне плохо кормили или обслуживали гостей недостаточно расторопно.

Английские бармены в портовых городах ненавидели «избранников Нептуна». Во-первых, они приносили убыток, а во-вторых, от них можно было ожидать какой угодно выходки. Эта братия стояла вне всякого контроля. Барменов спасало только то, что люди с серьгой Дрейка встречались редко. Большинство судов, огибая Южную Америку, предпочитали идти Магеллановым проливом. К мысу Горн шли единицы.

Свое первоначальное значение серьга Дрейка давно утратила. Она по-прежнему существует и так же вызывает у моряков уважение и зависть, но уже никаких прав ее владельцу не дает, даже в Англии. Былое отношение к «избранникам Нептуна» сохранилось до наших дней, наверное, только в Порт-Стэнли. Бармен Стив терпит Мартина Белчера десять лет. Брат у старика деньги ему не позволяет страх испортить репутацию бара, а бесплатно поить Мартина десять лет подряд накладно. Старика тоже неловко, но отказать себе в удовольствии выпить кружку пива он не может. Да и не его вина, что о деньгах бармен и слышать не желает. К тому же Мартин убежден, что пить бесплатно ему сам бог велел.

Древняя традиция превыше всего!

Этот маленький город, такой далекий от Англии, словно захвачен игрой в английскую старину.

Мне запомнился госпиталь. Ультрасовременное медицинское оборудование, прекрасные кабинеты, лаборатории, великолепно оформленные палаты для больных. Детская палата носит имя адмирала Ворвуда. Входишь как в сказочное царство. Она вся в картинах. Фантастическая жизнь леса, зверей и моря. Все картины так объемны, что невольно хочется потрогать их. Не взыравший ли это лис-комик, наряженный в пышный тюрбан и

клетчатую шотландскую юбочку? Не настоящий ли это клипер стремительно мчится по волнам?

В палате лежали два мальчика, больные ангиной. Мы застали их за каким-то спором. Увидев нас, они сразу притихли. Потом один, рыженький, не выдержал, со смехом обратился к доктору, который нас сопровождал:

— Мистер док, Дик говорит, что верхний парус на фок-мачте шхуны называется фор-марселем.

Доктор Слэсар плутовато подмигнул наголо стриженному пареньку, обиженно надувшему пухлые щеки.

— Дик немножко ошибся, он имел в виду фор-брамсель.

В глазах рыженького блеснуло торжество.

— Я же говорил! И на барке. Док, вы знаете, что я сказал Дику? Я сказал, что капитан Кук плавал на фрегате. А Дик говорит, что у него был бриг. Но это неверно, я знаю совершенно точно: капитан Кук плавал на фрегате. Скажите, док, ведь на фрегате?

Вытянув шею, Дик с надеждой смотрел на доктора.

— Мне кажется, Петі, у капитана Кука было два корабля: бриг и фрегат.

— Два? Почему два? Док, вы ошибаетесь, у одного капитана не может быть двух кораблей.

— Хорошо, Петі, потом я тебе все объясню.

Покинув детскую палату, мы прошли в другое крыло здания. Здесь не было даже больничного запаха. Огромный холл, похожий на громадную гостиную в каком-нибудь саксонском замке. Высооченные потолки, тяжелые темные кресла, камин. В холодном полумраке его пламя косыми отблесками падало на развешанные по стенам портреты пышно разодетых средневековых дам, королей, герцогов.

Массивная дубовая дверь вела на обширный балкон. Она была полуоткрыта. Сидя в кресле-качалке, сухоощавая пожилая леди дышала свежим воздухом. Ее седые волосы были по старинной моде завиты локонами. Черное, с высоким глухим воротником платье спускалось до самого пола. На коленях у леди лежал томик Шекспира в старинном кожаном переплете.

— Прошу прощения, миссис Флеминг, — поздоровавшись, сказал доктор Слэсар. — Русские моряки пожелали осмотреть наш госпиталь.

— О, рашен! — Миссис Флеминг слегка кивнула нам головой, и ее сухие узкие губы чуть тронула благосклонная светская улыбка. — Ваш капитан, должно быть, смелый джентльмен. Если мне не изменяет память, русские в нашем городе еще не бывали. Россия слишком далеко.

— Теперь, миссис Флеминг, далеко лишь звезды, да и то не слишком.

— О да, я понимаю, но все же ваша страна далеко. И надолго вы к нам?

— Пока не пополним запас горючего и не закупим некоторые продукты. Недельку, видимо, постоянно.

— Как вы находите наш город?

— Очень милым.

— У нас мало солнца, но, если вы любите Великобританию, наш город, я думаю, вам понравится. Конечно, сейчас уже не эпоха Виктории, но что-то все же осталось.

Насквозь английский, Порт-Стэнли своим рождением обязан, однако, не англичанам.

Открыв Фолклендские острова, Джереми Дэвис впоследствии решил здесь поселиться. Но Восточный Фолкленд его не привлек. Для приговоренного к смертной казни пирата, искавшего на старости лет уединения и покоя, больше подходил Бивер — остров на западной окраине архипелага, тот самый, чьи скалы укрыли от испанцев «Блэк дез». Внешне он кажется совершенно безжизненным. Но в действительности условия для жизни на нем лучше, чем на многих других Фолклендских островах. За отвесными голыми утесами, сплошной стеной вставшими между сушей и морем, лежит котловина, заросшая шпажником, сельдереем и целыми плантациями дикого шавеля. На всем архипелаге только в затишной биверской котловине встречаются заросли малины и древовидного кустарника, напоминающего наш северный ивняк. Есть на Бивере и пресноводное озеро, на берегах которого гнездятся гуси и утки. Можно жить, не опасаясь ни голода, ни цинги. А кустарник — отличное топливо.

Скорее всего, на Восточном Фолкленде Дэвис вообще не бывал. Во всяком случае какого-нибудь приметного следа он здесь не оставил.

Колонизацию Восточного Фолкленда начал в 1763 году французский мореплаватель Луи Бугенвиль. На месте нынешнего Порт-Стэнли французы основали небольшой поселок. До этого открытый Дэвисом необитаемый архипелаг считался ничейным, и Франция объявила его своей собственностью, но спустя четыре года по политическим соображениям передала острова Испании. В то время у Магелланова пролива действовала неуловимая эскадра пиратских кораблей под командованием Дональда Дэвиса, правнука Джереми Дэвиса. Как и его прадед, Дональд охотился за богатыми испанскими кораблями. Чтобы покончить с корсарским разбоем, испанцы намеревались создать на Фолклендах военно-морскую базу. Сюда же они хотели ссылать неугодных лиц из мятежной Аргентины.

На берегу залива Баркли новые хозяева архипелага построили форт, портовые сооружения и заложили город. Из Аргентины были завезены лошади, крупный рогатый скот, свиньи и много патагонских кроликов. Но вскоре испанцам пришлось все покинуть. Добившись в 1816 году независимости, аргентинцы заставили

Испанию уйти и с Фолклендских островов. Большую часть построек они уничтожили, а сам архипелаг продали какому-то дельцу.

Это был период, когда в южном полушарии начинали развиваться китобойный промысел и добыча морского зверя. Сейчас котиков и тюленей на Фолклендах редко увидишь, а тогда, по описаниям очевидцев, их тут было множество. Пройти мимо такого лакомого куска английские промышленники никак не хотели. Воспользовавшись тем, что острова принадлежали частному лицу, могущественная Британская империя установила над ними свою опеку. Для этого не понадобилось никаких батальи. На Восточном Фолкленде вместе с двадцатью беглыми преступниками испанского происхождения и тремя проститутками жил англичанин, некий Генри Дженисон, бывший пират, не поладивший с Дональдом Дэвисом. Ему дали английский флаг, поручили поднять его выше и бдительно охранять. На том вся процедура с установлением опеки и закончилась. В Порт-Стэнли прибыли первый английский губернатор и отряд морской пехоты.

Укрепившись на Фолклендском архипелаге, Англия взяла под свой контроль весь атлантический сектор Антарктики: Южные Оркнейские острова, Южные Сандвичевы, Южные Шетландские, Южную Георгию и Землю Грейама. Добывать китов и морского зверя в этих районах можно было только по лицензиям фолклендского губернатора. В южной Атлантике Порт-Стэнли стал морской столицей Антарктики. Кроме иностранных китобойных флотилий и зверобойных шхун, регулярно начавших посещать залив Баркли, к фолклендскому порту было приписано много английских промысловых судов. Сюда ежедневно заходили танкеры, сухогрузы, торгово-пассажирские лайнеры. Порт-Стэнли имел спасательную морскую станцию, склады корабельного снаряжения, нефтехранилища, судоремонтные мастерские, заводы по переработке продуктов китобойного промысла и выделке шкур морского зверя.

Порт, драгоценные котиковые меха, китовый жир, масса притонов для моряков и торговля залежалыми товарами приносили колоссальные прибыли. Изощряясь в роскоши, отцы города, строя себе жилые дома, копировали древние британские дворцы и замки.

Но всему приходит конец. Морской зверь в Антарктике выбит, китобойный промысел Англия и многие другие страны прекратили за нерентабельностью. Звезда Порт-Стэнли закатилась. Уехали китопромышленники и большинство тех, кто на них работал, покинули город крупные коммерсанты, содержатели притонов и множество разного рода авантюристов, гревших руки на потоке ценностей и моряцкой бесшабашности. Остались те, кому некуда было деваться и кто сумел приспособиться к новым условиям.

Подобно городам американского золотоносного Севера Порт-Стэнли пережил бурный взлет и сокрушительное падение. Сейчас он держится в основном за счет фермеров, которые разводят на островах овец и молочный скот. Единственное предприятие города — маленькая фабрика по сортировке шерсти. Есть метеостанция, даю-

пчая прогноз погоды на Антарктику и пятидесятые южные широты. Есть также небольшая электростанция и радиоцентр. Две церкви, школа, госпиталь, почта, пять или шесть магазинчиков. Порт работает от случая к случаю. Два раза в месяц приходит судно из Лондона, иногда шхуны с соседних островов. Наше появление в заливе Баркли вызвало сенсацию: иностранные корабли в Порт-Стэнли давно не появлялись.

Сейчас шумного прошлого города как будто и не было вовсе. Пройдет редкий прохожий, лениво протрусит стая собак. Нарушить тишину не смеют даже они, бездомные дворняги. Кажется, этой патриархальной тишине не каких-то тридцать лет — века.

И вот теперь, когда Фолкленды едва оправдывают свое существование и, казалось бы, уже ни для кого не представляют никакого интереса, они неожиданно стали причиной международного конфликта. За полгода до нашего посещения залива Баркли в Порт-Стэнли произошло нечто невероятное.

Как-то в полдень на городском стадионе прямо на гаревой дорожке приземлился спортивный самолет с аргентинскими опознавательными знаками. Не выключив мотора, из пилотской кабины вывалился здоровенный детина в полувоенной форме цвета хаки. С минуту неизвестный оглядывался по сторонам, как бы желая убедиться, туда ли он попал. На поясе у него висели гранаты, большой нож и два крупнокалиберных пистолета, под мышкой — целлофановый пакет, в руках — готовый к бою автомат.

На стадионе тренировались бейсболисты. Изумленные спортсмены после первого замешательства побежали было к самолету, но вооруженный детина, дав предупредительную очередь из автомата, приказал им не двигаться. Затем он не спеша направился к флагштоку. Сдернул с него флаг фолклендского спортивного общества и спокойно, с торжественной медлительностью поднял государственный флаг Аргентины, который вынул из целлофанового пакета. Потом заминировал флагшток...

Пока жители Порт-Стэнли опомнились, самолет уже снова был в воздухе, кружил над городом, разбрасывая листовки:

«Эй вы, келперы *!

К вам обращаюсь я, Мигель Фитцджеральд. Убирайтесь отсюда к чертовой бабushке. Эти острова принадлежат Аргентине».

На следующий день о дерзкой выходке аргентинского летчика сообщили многие газеты мира. Англия заявила протест и потребовала наказать виновника. Но правительство Аргентины протест не приняло. Оно ответило тем, что объявило Мигеля Фитцджеральда национальным героем. И заодно подало на Англию жалобу в Организацию Объединенных Наций.

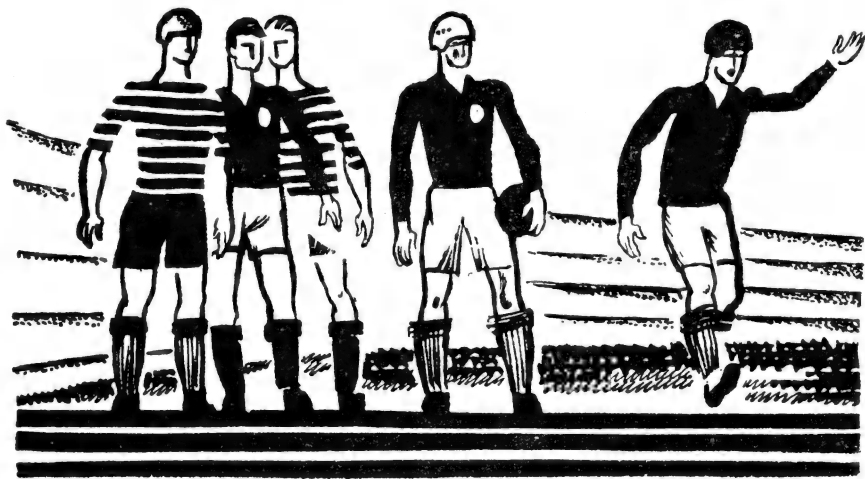
Полет Мигеля Фитцджеральда в Порт-Стэнли был подготовлен начатой в Аргентине кампанией за возвращение Фолклендских

* Келперы — выброшенные на берег и высушенные морские водоросли. Так аргентинцы презрительно называют англичан, живущих на Фолклендах.

островов (аргентинцы называют их Малуинскими). В Буэнос-Айресе вдруг решили, что тот делец, которому правительство Аргентины полтора века назад продало Фолкленды, был аргентинским подданным. Конечно, он давно умер. Сейчас никому неизвестно даже его имя, а не только подданство. Может быть, он вообще не был аргентинцем. Аргентинское государство, как таковое, в ту пору только создавалось. Острова мог купить чилиец, уругваец или испанец. А если аргентинец? Значит, престиж Аргентины все-таки ущемлен. Посягнув на частную собственность гражданина суверенной страны, Англия тем самым совершила недружественный акт не только по отношению к этому человеку, но и к его отечеству. Фолкленды должны быть возвращены Аргентине.

Когда Англия в 1833 году аннексировала острова, она вряд ли собиралась чем-либо это оправдывать. Британская империя была одной из сильнейших держав мира. Ее действия никто не оспаривал. Но так было когда-то. Теперь англичанам не остается ничего другого, как копаться в архивной пыли и доказывать, что если в истории Фолклендских островов и была допущена какая-то несправедливость, так только со стороны Франции. Она захватила и затем передала Испании архипелаг, на который имела право лишь Англия. Разве Фолкленды открыл не англичанин?

Спустя почти четыреста лет на свет опять появилось забытое имя Джереми Дэвиса, или Джона Фредерика Дэвиса. Некогда преданное проклятию, оно сейчас звучало как самый веский аргумент в притязаниях Англии на Фолклендские острова. Да, Дэвис был пиратом, и как разбойника его объявили вне закона, но он все

же являлся англичанином. Кто же, кроме Англии, может претендовать на открытые им земли?

Хотя бы Франция. Как известно, женой Дэвиса была французская графиня Тереза де Бурже. Именно она натолкнула Дэвиса на мысль идти к Магелланову проливу. Не будь на борту корабля Терезы де Бурже, не были бы открыты в тот год и Фолклендские острова. Следовательно, Франция претендовала на архипелаг вполне обоснованно. А раз так, то не вызывает сомнений и законность ее сделки с Испанией. Что же касается Аргентины, то в юго-восточной части Америки, куда относят и Фолклендские острова, она законная наследница Испании как бывшая колония, свергшая тиранию.

Но это абсурд. Кораблем командовала не Тереза де Бурже, а Дэвис. Только Дэвис и никто другой. На борту бригантин «Блэк дез» французская графиня находилась в качестве пленницы. Ее брак с Дэвисом был оформлен после открытия Фолклендского архипелага. А если бы и до открытия, то, выйдя замуж за англичанина, она сама стала подданной Англии.

Но Дэвис был лишен английского подданства. Разве человек, приговоренный к смертной казни, по законам Англии или законодательству любой другой страны, продолжает сохранять права гражданства? Графиню же никто не судил и не мог судить. Среди пиратов на бригантине она была единственным человеком, чьи гражданские права оставались в силе, так как на разбойный корабль графиня попала по принуждению. Отсюда аргентинцы делают вывод: с юридической точки зрения только Франция может сказать, что Фолкленды открыл ее подданный. И второе: хотя брак графини с Дэвисом, возможно, освятила церковь, признать его законным нельзя, ибо Дэвис стоял вне закона.

Спор за право владеть Фолклендами оказался настолько серьезным, что для его разрешения в Буэнос-Айрес пришлось вылететь принцу Филиппу — мужу нынешней королевы Англии. Но когда принц прибыл в Аргентину и остановился в посольстве Великобритании, здание посольства подверглось обстрелу.

Выстрелы одновременно раздавались в Буэнос-Айресе и в Порт-Стэнли. Восемнадцать вооруженных молодчиков из аргентинской фашистской организации «Такуара» повторили трюк Мигеля Фитцжеральда. Силой захватив у себя на родине пассажирский самолет, они прилетели в Порт-Стэнли, чтобы «освободить острова из-под власти Англии и вернуть их Аргентине». Но жители Порт-Стэнли и местная полиция на этот раз оказались начеку. Незваных гостей быстро заставили поднять руки.

Уступать Фолкленды Англия никому не намерена. За эти холмные, забытые богом острова она готова драться.

Доктор Слэсар

Мы познакомились с ним, когда наш корабль входил в залив Баркли. Следом за долговязым лоцманом на палубу поднялся еще более высокий и худой мужчина в штатском. На вид ему можно было дать лет пятьдесят. Он очень походил на жюль-верновского Паганеля. Длинная сутулая фигура, тонкая жилистая шея с выпирающим острым кадыком и большая круглая голова. Лоб сократовский, выпуклый, но лицо узкое, продолговатое, с двумя глубокими извилистыми морщинами, идущими от крыльев носа к уголкам широкого тонкогубого рта. На костистом с горбинкой носу неуклюжие очки; сквозь стекла светятся очень подвижные серые глаза. Взгляд удивленно-рассеянный. Внешнему облику Паганеля не соответствовала только одежда. На нем было зауженное в талии темное пальто, накрахмаленная белая рубашка и завязанный крупным узлом шелковый серый галстук с малиновой стрелкой. Тщательно отутюженные серые брюки, тупоносые ботинки. В левой руке он держал замшевые перчатки под цвет обуви. Для полного впечатления не хватало цилиндра и трости. Он был без головного убора. Взлохмаченные ветром, редкие седые волосы падали на лоб, вихрились на макушке, серебристыми перышками торчали за ушами, и от этого весь его респектабельный вид, как сказал бы художник, «не смотрелся». Милый, простецкий, чуточку растерянный Паганель.

За лоцманом в рулевую рубку он не пошел, остановился на палубе, где собрался почти весь экипаж корабля. Улыбнувшись, неожиданно сказал по-русски:

— Здравствуйте, товарищи!

Вряд ли мы были бы больше поражены, если бы услышали русскую речь на тихоокеанском атолле. Здесь, на сумрачных Фолклендах, это казалось еще более невероятным.

Видя наше изумление, живой Паганель смутился:

— Я исполнять обязанность карантинный врач. Доктор Слэсар — это есть я. — Слова он выговаривал старательно, но с согласованием у него не все ладилось. — Я понятно говорить?

— Да, да, конечно, вы говорите прекрасно. Нам просто не верится, что мы слышим русскую речь.

В его глазах вспыхнула радость.

— О, русский язык я говорить шибко немножко!

В этот момент на палубу, запыхавшись, выбежал наш судовой врач, Залман Аронович.

— Что вы держите человека? Это же карантинщик, я должен решить с ним массу вопросов. Гуд дэй, коллега! Плиз. — И жестом указал ему путь к судовому лазарету.

Потом, уже в бухте, проводив доктора Слэсара на берег, Залман Аронович сообщил мне:

— Вы знаете, этот Слэсар пригласил меня завтра на ужин. Я сказал ему, что со мной будет мой ассистент. Вы знаете, о ком я говорил? Я говорил о вас.

— Я ваш ассистент?!

— А что?

— Какой же я ассистент? Между прочим, он уже видел меня в матросской робе.

— Ну и что? Вы думаете, он помнит, кого видел? Это была одна секунда. Он запомнил меня, потому что я его коллега. Вы знаете, кто он? Он главный врач больницы. Порттовый карантин для него, как для моей бабушки Парижская академия.

— Но, Залман Аронович, это же смешно — ассистент! Лучше бы вы представили меня корреспондентом «Медицинской газеты». По крайней мере я был им.

— Кому это надо? Вы ничего не понимаете. На советском корабле работает врач и он имеет ассистента. Солидно! Скажите мне спасибо, я вам делаю материал, вы напишете целую «Белую академию»!

В чужой дом в чужой странеходишь всегда с волнением и тайной робостью. Там, за этим порогом, интимный мир человека, которого до конца, кажется, никогда не узнаешь. Обитель непостижимо-го. И невольно улыбнешься, заметив вдруг что-то давно знакомое.

Цветы. Хризантемы, гвоздики, астры... Такие же, как везде. Только тут они растут на веранде в больших деревянных ящиках.

Веник, совок для мусора, затоптанный ворсистый половик. В углу на грубоватом табурете ведро с водой и высокая медная кружка. Как в украинских сених.

На веранде доктор Слэсар сказал:

— Я есть... Как это, если без женщины?

— Холостяк.

— Йес, холостяк. Прошу не обращай внимание, если не шибко комфорт.

Скромничал он зря. Чистоте и комфорту в его квартире могла бы позавидовать любая женщина. Все выскоблено, вымыто, нигде ни соринки. И ничего лишнего.

В доме три комнаты: гостиная, спальня, столовая. Отдельная дверь из прихожей ведет на кухню, в которую из столовой прорублено небольшое квадратное окно, чтобы не носить еду через прихожую.

Обстановка гостиной тяжеловесна, но выдержана в определенном стиле и для просторной комнаты с высокими потолками вполне подходит. Светлые палевые обои и такого же цвета гардины приятно гармонируют с неяркими малиновыми коврами и вишневой полированной мебелью. Справа от двери углом стоит сервант с богатой коллекцией китайских фигурок из слоновой кости. Слева столик с напитками и еще один сервант с китайской резьбой. У противоположной стены — камин и два книжных шкафа. Сразу видно, что хозяин увлекается Антарктикой. Солидные академические издания трудов Скотта, Шеклтона, Борхгревинка, Джемса Росса, Бел-

линстаузена. Много книг современных исследователей Антарктики, в том числе и советских. На особом месте труды знаменитого английского ученого Слэсара Моара, принимавшего участие в антарктических экспедициях Шеклтона. Позже наш хозяин сказал нам, что Слэсар Моар его родной дядя.

Возле камина — столик для сигарет, полукруглый кожаный диван и два кресла.

Предложив нам присесть, хозяин извинился, что на минутку должен нас покинуть. Он вернулся с деревянным китайским подносом, на котором стояли стаканы и три серебряных рюмки.

— Виски, черри, водка?

У Залмана Ароновича блеснули глаза.

— Вы имеете водку? Настоящую?

Хозяин довольно заулыбался.

— О да, без дефект! Из Лондона я получать водка, сделанная в Ленинград. Для меня это есть шибко крепко, я пить черри энд вермут.

Он явно собирался нас ошеломить. Серебряные рюмки оказались серебром старинной русской чеканки. На каждой рюмке славянской вязью выгравировано: «Выпьем. Закусим. Завтра поправимся». На внешней стороне доньшка еще надпись, мельчайшая: «Новгород. В лето 1761».

Старинная русская чеканка по серебру встречается очень редко, и за границей ценится дороже золота. Сначала я решил, что это подделка, но хозяин показал нам убедительный документ. Покопавшись в книжном шкафу, он достал оттуда плотный лист бумаги с гербовой печатью: заключение экспертов, подтверждающих, что да, рюмки сделаны в Новгороде в 1761 году.

В камине жарко пылал торф. Я сидел в мягком кресле, курил и, полузакрыв глаза, наслаждался тишиной. Ни дрожащего стука корабельных машин, ни качки, ни буханья волн. Тишина.

Отблески огня плясали на лицах.

Доктор Слэсар рассказывал, как он попал на острова. Оказывается, всему виной эти серебряные рюмки.

Родился и вырос он в Лондоне. Получив медицинское образование, несколько лет работал в клинике, готовил диссертацию по нейрохирургии. Довести ее до конца не успел: началась война. Четыре года воевал, потом английский армейский госпиталь в Берлине.

В Германии встречался с русскими и заочно полюбил Россию, стал изучать русский язык. Его учителем был немецкий врач, который коллекционировал русские матрешки. Русскими сувенирами увлекся и доктор Слэсар. Постепенно это перешло в страсть. Когда, вернувшись в Англию, он однажды увидел в антикварном магазине старинное русское серебро, сразу же решил его купить, хотя сервиз (небольшое блюдо, кувшин и шесть рюмок) стоил

полторы тысячи фунтов стерлингов — цена автомобиля типа нашей «Волги».

Наличными у него оказалось только триста фунтов — все, что скопил за время работы в госпитале. Остальное хозяин магазина согласился получить через год. Чтобы быстрее расплатиться с антикваром, Слэсар завербовался судовым врачом на «Атланту» — экспедиционный корабль Королевского общества по изучению Антарктики. Конечно, он не думал об опасностях. Ему, тогда еще молодому человеку, рейс в Антарктику казался романтической прогулкой, сулившей к тому же немалую выгоду: за одиннадцать месяцев плавания судовому врачу полагалось почти три тысячи фунтов стерлингов.

Южнее Фолклендских островов, уже на обратном пути, старая «Атланта» в жестокий шторм столкнулась с айсбергом. Корабль получил большую пробоину и быстро начал тонуть. Команда сумела спустить шлюпки, но пищу и пресную воду взять не успели. Потерпевшим крушение повезло: на второй день шторм утих. Можно было осмотреться и что-то предпринять. К счастью, среди них нашлись опытные рыбаки. Из шлюпочного стального троса и клочков красного шерстяного шарфа смастерили несколько неплохих «самодуров».

До Восточного Фолкленда (он был ближайшим островом) добирался две недели. Сырую рыбу ели и высасывали из нее сок вместо воды.

В Порт-Стэнли экипаж затонувшей «Атланты» положили в госпиталь. От сильного истощения и всего пережитого потерпевшие крушение едва держались на ногах. Многие нуждались в серьезном лечении. Доктор Слэсар тоже. Последние три дня он лежал в шлюпке с воспалением легких. Но врача на Фолклендах не было. Весь медицинский персонал госпиталя представляли две санитарки и молоденькая фельдшерница.

Еще не окрепнув, доктор Слэсар был вынужден лечить и себя, и своих товарищей. Увидев это, юная фельдшерница поспешила выступить по местному радио с сообщением, что на Фолклендах, наконец, появился врач. В госпиталь началось паломничество. Всем вдруг понадобилось показаться врачу. Слэсар был зол, но что из того? Врач обязан выполнять свой профессиональный долг.

Потом Слэсара пригласили к губернатору, предложили остаться в Порт-Стэнли. Так он и застрял на Фолклендах. Ездил ненадолго в Лондон, чтобы уладить кое-какие дела, расплатиться с долгами и забрать необходимые вещи.

Наша беседа затянулась. Только в десятом часу доктор Слэсар вдруг вспомнил, что пригласил нас на ужин. Воскликнул по-русски:

— О, соловей басня не кормит! Много говорить, забывать пустой желудок гости, это есть не хорошо. Прошу извинить, теперь будем ужинать.

Вздохмаченный, длиннорукий, он засуетился:

— Мой кухня все готово, немножко надо ставить огонь. Сегодня я делал специально английский ужин.

В половине одиннадцатого мы были на пирсе. Там нас ждал судовой катер.

...Холодная дождливая ночь. Ветер. На душе и хорошо, и почему-то грустно.

Потомки знаменитого корсара

Время нашего пребывания в Порт-Стэнли истекло. Мы уже выбрали якорь, когда к пирсу подкатил «роллс-ройс» доктора Слэсара. Выйдя из машины, он бегом направился к стоявшей у причала моторке. Вскоре лодка затарахтела и полным ходом ринулась к нам.

На борт корабля мистер Слэсар поднялся, радостно улыбаясь.

— О, я пугался опоздать, — сказал он, переводя дыхание. — Шибко высокий шторм-трап, это есть не для мой сердце. — Похлопывая себя ладонью по груди, он старался скорее отдышаться. — Меня вызывать остров Нью-Айленд. Это есть далеко, надо лететь вертолет. Но нет погода.

Зная, что наш корабль должен идти на восток, предварительно обогнув с северо-запада Фолклендские острова, доктор Слэсар спрашивал капитана, не сможем ли мы по пути забросить его на Нью-Айленд. Ему только на полчаса нужно вернуться в госпиталь, чтобы собраться. На Нью-Айленде тяжело ранен семнадцатилетний юноша, большая потеря крови. Вызывая по радио врача, отец пострадавшего сказал, что кровотечение продолжается. А над морем сейчас везде грозы и штормовой ветер до девяти баллов, погода не для вертолета.

— Пожалуйста, мистер Слэсар, мы к вашим услугам, — сказал капитан. — За вами послать катер?

— О да, если можно. Через половина час я буду на пирс.

Он уже повернулся, чтобы уйти, но Залман Аронович его остановил.

— Вам незачем беспокоиться, коллега. Если мы зайдем на этот Нью-Айленд, то разве я не помогу больному? И вы говорите, там есть радио, мы вам сразу сообщим.

Доктор Слэсар в нерешительности замаялся.

— Большой спасибо, коллега, но не есть легко сказать, сколько надо время. Дежурный радист не спросить характер ранения, возможно, будет немного задержка.

— Ну так мы задержимся, великое дело! Я надеюсь, вы позволите, капитан?

Капитан ответил, что, если жизнь юноши будет в опасности, мы стоим у Нью-Айленда сколько понадобится. На том и договорились.

Из слов Слэсара выяснилось, что на Нью-Айленде живет всего одна семья. Это частный остров Джека Дэвиса — потомка того

Дэвиса, который открыл Фолкленды. Раненый юноша — единственный сын хозяина острова.

Мне очень захотелось увидеть потомков знаменитого корсара. О нем самом мне уже кое-что было известно, а о том, что где-то существуют его потомки, я и не подозревал. Жаль, Слэсар ничего не сказал о них раньше.

Из двухсот Фолклендских островов Нью-Айленд, пожалуй, самый маленький. Судя по данным английской лоции, его площадь не превышает сорока квадратных километров. Похожий на бумеранг лоскут земли, над которым беспрепятственно гуляют все океанские ветры.

Еще издали я увидел в бинокль беленький домик на берегу бухты и несколько хозяйственных построек из досок и гофрированного металла. От строений к монолитному бетонному пирсу тянулась узкая дощатая эстакада. У причальной стенки стояла небольшая парусно-паровая шхуна.

Моросил дождь, и остров выглядел уныло. За угрюмыми обрывистыми утесами начинался холмистый бурый ландшафт, такой же голый, как и на Восточном Фолкленде. По распадам бродили лошади, коровы и овцы. Все прибрежные скалы облепили птицы. Были видны колонии пингвинов, стаи альбатросов, диких гусей и бакланов. На краю одного обрыва среди бесчисленного множества пингвинов стоял, глядя на море, рыжий в белых яблоках бык. На шее у него болталось на цепи толстое бревно — известное средство против излишней бычьей резвости.

Более странное соседство трудно себе представить: пингвины и... домашний бык!

Минут через пятнадцать после того, как мы вошли в бухту, шхуна, отвалив от пирса, направилась к нам. У самого нашего борта она круто развернулась и остановилась. Это было старое китобойное судно, построенное, видимо, в конце прошлого века. Обшитый почерневшими досками яйцевидный корпус, высоко поднятая резная корма и сдвинутые к бортам два коротких бушприта, позволяющие установить на площадке между ними гарпунную пушку. Позади грот-мачты торчала труба.

Когда-то такие шхуны строили норвежцы. По своим мореходным качествам и прочности они долго считались лучшими в мире среди китобойных судов. На них ходили в Антарктику и охотились за китами даже во льдах моря Росса. Теперь в это верилось с трудом. Нелепый вид подошедшей к нам посудины вызвал только удивление.

На открытом ходовом мостике шхуны за штурвалом стоял высокий пожилой человек в грязном берете, очках и засаленном черном комбинезоне, из-под которого выглядывал воротничок белой рубашки, надетой под вылинявший голубой свитер.

— Я Джек Дэвис! — прокричал человек с шхуны. — Мне передали по радио, что у вас на борту врач.

— Это я, подойдите ближе к борту! — крикнул в ответ Залман Аронович. Он стоял у шторм-трапа, готовый спуститься на шхуну. Капитан разрешил мне сопровождать его.

Приняв нас на борт шхуны, мистер Дэвис, направляя судно к берегу, взволнованно говорил:

— Дважды в год к нам приходит рефрижератор из Монтевидео, и как-то была шхуна из Порт-Стэнли. Других судов я здесь не видел, вас послал сам бог. Мы были в отчаянии: этот глупый мальчик перерезал себе вены...

— Вены?! — У Залмана Ароновича округлились глаза. — Что же вы не сказали сразу? Скорее назад! Я должен взять необходимые инструменты. Это совсем другое, я не к тому готовился.

Я поразился докторской прыти. Как только шхуна опять повернула к борту нашего судна, он взлетел по шторм-трапу в несколько секунд. Это при его-то габаритах: сто шестьдесят пять сантиметров роста и сто десять килограммов веса!

— Редмонд сделал это в постели, — рассказывал мне Дэвис, пока мы ждали доктора. — В его комнате живет пингвин, он поднял шум: пингвины не терпят запаха крови. Жена пошла узнать, в чем дело. В первом часу ночи вдруг шум. Потом она позвала меня. Ред не давал себя бинтовать. Нам помогла Энни, это моя дочь... Мне семьдесят шесть, я не понимаю молодых людей. Они и сами не понимают, что им нужно. Глупый мальчик...

Я хотел спросить, что толкнуло Редмонда на такой шаг, но не решился. Дэвис как-то враз посуровел. Хмурая плоский безбровый лоб, достал из кармана кожаный кисет, медленно свернул самокрутку, закурил. Помолчав, сказал еще:

— Раньше ему нравилась говядина на углях. Сегодня я сделал, поджарил, как ему нравилось. Он не съел, вторые сутки ничего не ест.

— Это произошло вчера?

— Да, в ночь с воскресенья на понедельник. Вечером он, как всегда, хорошо поужинал. Потом играл с пингвином и немного спорил с дедом. У меня еще жив отец, ему сто три года. С Редом они давно не ладят. Дед его очень любит. Не всем молодым нравится, когда их любят. Я тут ничего не понимаю...

Парня мы застали едва живым. Мертвенно-бледный, он лежал на кровати совершенно безучастный ко всему, с неподвижно застывшими глазами.

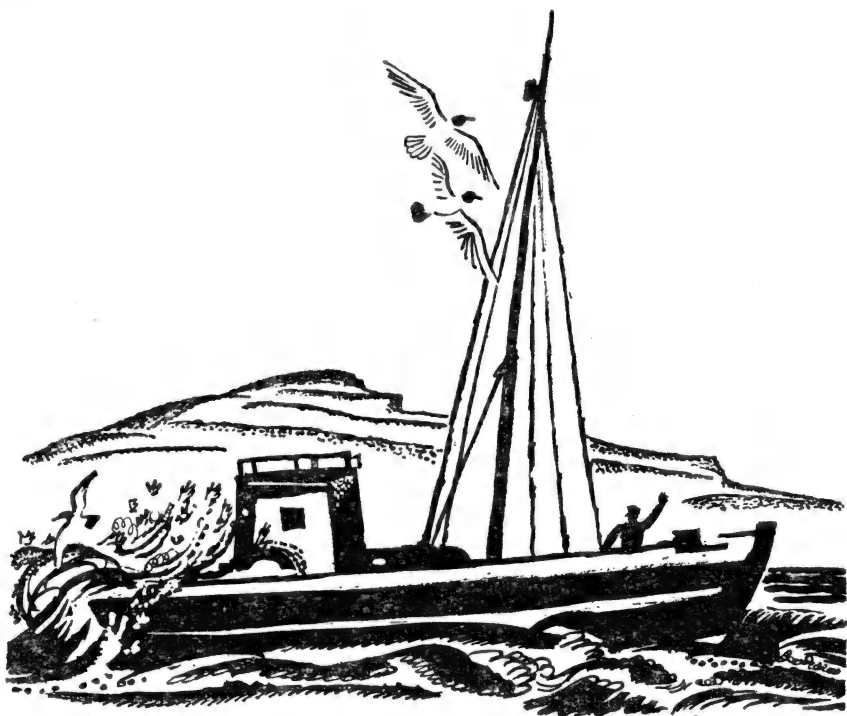
— Этот мальчик действительно плох, — натягивая халат, сказал Залман Аронович. — Вы видите, каков он? Он бы к вечеру умер.

Дэвисам доктор перевел свои слова иначе:

— Я говорю, что положение не блестящее, но пока ничего страшного. Ему нужна свежая кровь, литра два.

Вместе с Редмондом всех Дэвисов семь человек. Кровь деда и отца не годилась: они оба были слишком стары. Энни кормила двухмесячного ребенка, поэтому ее кандидатура тоже отпала. Оставались сорокалетняя миссис Агнесс, мать Реда, и его двоюродная сестра Марго. Но сначала нужно было узнать, какая группа крови у них и у юноши. Кровь родственников, даже матери и сына, совпадает по группе не всегда.

У Марго оказалась вторая группа, у миссис Агнесс — третья. Труднее было определить группу Реда. Доктор исколот ему все пальцы, так и не выжав из них ни капли. Пришлось класть под микроскоп бинты с уже заскорузлыми кровяными пятнами. Наконец выяснилось.

— Третья, — шумно вздохнул Залман Аронович и выразительно глянул на меня. Ему, корабельному врачу, моя группа крови была, конечно, известна.

— Ладно, — сказал я, пожав плечами.

— И сколько вам не жалко? — Свою одесскую манеру задавать вопросы Залман Аронович сохранял в любой обстановке.

— Да берите пол-литра! — вдруг расхрабрился я. Потом меня осенило: «Пол-литра — это же восьмая часть всей моей крови!» Но убавить щедрость теперь было неудобно.

Доктор перевел мой ответ Дэвисам, добавив:

— Мистер Иванченко желает сделать из вашего сына запорожского казака.

И, готовя прибор для переливания крови, принялся рассказывать, кто такие были запорожцы. Слушая, как он их восхваляет, представив меня будто бы выходцем из Запорожья, я краснел и с тягучей тоской ждал боли. Ничего на свете так не боюсь, как боли.

Когда прибор был готов, Залман Аронович сказал мне с усмешкой:

— Дух запорожца вы уже проявили, это было оценено по достоинству, а теперь прошу закатать правый рукав. Возьмем двести пятьдесят граммов, по донорской норме. Вполне достаточно. На борту мы имеем еще людей...

До того часа я не знал, что процедура выкачивания крови даже приятна.

Сначала чуть-чуть возбуждаешься, потом по всему телу разливается умиротворяющая нега, как от легкого опьянения. И только после перед глазами жиденький дымок да немножко липко во рту.

У Нью-Айленда наш корабль стоял неделю. Я был свободен от судовых работ и жил в доме Дэвисов. Теперь они считали меня своим родственником, кровным братом Редмонда.

...Древний Джон сидел в кресле-качалке. Он пододвинулся ближе к камину, кутался в грубошерстный домотканый плед, но ему было холодно. На сто третьем году жизни человеку нелегко согреться. Старик часто сморкался, заученным жестом нахлобучивал лохматую меховую шапку. У его ног, одетых в толстые шерстяные носки, на свалявшейся грязно-бурой овчине лежал рыжий огнеземельский кот, огромный и жирный. Время от времени старик осторожно ставил на него мерзнущие ступни. Сонно мурлыкая, кот покорно грел их своим телом.

Из выцветших глаз старика скатывались слезы. Они текли по рытвинам его морщин, как стекает роса по коре старого дерева. То были слезы не горя и не радости. Слезы зябнувшего старика. Кожу на лице Джона нельзя даже было назвать дряблой. Морщины высохли, словно потрескались. Они были почти коричневыми. Джона родила смуглая патагонка.

Старик курил закопченную глиняную трубку.

— Если Дэвисов не вешали, они всегда жили долго. Самоубийц у нас не бывало, — сказал он гордо. Его прищуренные, до странности белые глаза осуждающе смотрели на внука. — Ты слышишь, Ред, самоубийц у нас не бывало.

— Сто раз слышал, — огрызнулся Ред.

Перепалка между внуком и дедом началась со вчерашнего дня. Старик насупился, но, помолчав, сказал примирительно:

— Ты прав, Реди, я, кажется, повторяюсь. Говорить или слышать одно слово дважды Дэвисы никогда не любили.

Обложенный подушками, Ред полулежал в своей кровати. После операции шли уже четвертые сутки. Юноша был еще слаб, но на его щеках начинали проступать розовые жилки. По рекомендации врача миссис Агнесс отпаивала сына парным овечьим молоком. Через каждые два часа появлялась в комнате с белой эмалированной кружкой. Пышущая здоровьем и привлекательная, она жизнерадостно улыбалась:

— Как дела, Реди? Вот твоё молоко.

Усталые голубые глаза мальчика смотрели равнодушно.

— Спасибо, мама, — сухо говорил он. В присутствии деда Ред выдерживал характер.

Мрачного настроения сына мать, казалось, не замечала.

— Ты знаешь, Реди, возле нашего овчарника расцвели два чудесных мака. Я боюсь их сорвать, как бы раньше времени не опали лепестки. Или ты хочешь, чтобы я принесла эти маки?

— Нет, мама.

— Я тоже так подумала, пусть растут. Удивительно, не правда ли? Вдруг расцвели маки! До весны еще так далеко.

Пока, обхватив ладонями кружку, Ред медленно пил молоко, миссис Агнесс стояла у его кровати, рассказывая о каких-нибудь новостях. Голос у нее был певучий и ласковый, но без намека на сентиментальность.

На вид ей можно было дать лет тридцать пять. Невысокого роста, полногрудая, но с отличной фигурой, которую подчеркивал строгий мужской наряд: клетчатая рубаша, широкий кожаный ремень, галифе и высокие хромовые сапоги. Коротко подстриженные курчавые русые волосы. По-детски припухлые губы чуть приоткрыты в сверкающей белозубой улыбке. Спрятанные за очками умные серые глаза смотрели спокойно, но улыбка придавала ее лицу веселое оживление.

— Да, Реди, я забыла тебе сказать. По-моему, твоя Матильда сегодня будет с жеребенком.

Ред молча кивнул головой.

— Ты не рад?

— Нет, мама, я рад. — Видимо, новость его действительно обрадовала. Опустив на колени кружку с недопитым молоком, Ред против воли улыбнулся: — Родит третью кобылицу.

— Нет, Реди, я думаю, Матильда теперь обзаведется сыном.

— Ты и прошлый раз так говорила.

— Ну нет, Реди, будь справедлив. Я предполагала, но не утверждала. Это разные вещи.

— Сейчас ты утверждаешь?

— Три кобылицы подряд — многовато.

— Это не ответ, мама.

— Хорошо, Реди, скоро выясним. Давай свою кружку, мне пора готовить обед. Папа, тебе ничего не нужно?

— Нет, Агнесс.

— Может быть, вам? — она обратилась ко мне.

— Спасибо, миссис Агнесс.

Снова надолго мы остались втроем. Старик, умолкший при невестке, продолжал прерванную мысль. Его скрипучий голос звучал глухо и как бы с надрывом.

— Ты помнишь, Ред, я рассказывал тебе, как мне пришлось убить своего боцмана? Со мной тогда были твой отец и дядя Ричард. Ричарду еще не исполнилось восемнадцать, он был такой, как ты, Реди. Мы охотились у Земли Грейама. Кашалот разбил нам корму. Вильсон поднял панику, он боялся, что мы утонем. Ты помнишь, Ред, почему я убил Вильсона?

Юноша опять помрачнел.

— Хватит, надоело!

— Нет, Реди, ты должен послушать. Вильсон был неплохим парнем, и мне его жаль. Он не умел держать себя в руках. Поддавшись панике, мы бы погибли все, все Дэвисы. Я убил Вильсона, и бог мне судья. Пусть он покарает меня, если ему будет угодно. Я взял на себя тяжкий грех, Реди, я должен был спасти род Дэвисов. Твой отец и дядя Ричард были последними в нашем роду, я не мог их потерять. Ты, Реди, глупый мальчик, если не понимаешь, что я взял на себя грех ради тебя.

— На твоей душе грехов, как на овце блох.

— Нет, Реди, у меня один тяжкий грех. Ты помнишь, я говорил тебе, как Вильсон спас мне жизнь? Когда те трое увидели мои котиковые шкуры, я понял, что ночью они убьют меня. Вильсон сумел с ними справиться, и я дал ему слово взять его к себе боцманом. Мы оба были довольны. Ты, Реди, не понимаешь таких вещей. Мой тяжкий грех только смерть Вильсона. Если бы тебя не стало, она была бы напрасной. Теперь только ты можешь продолжить род Дэвисов.

Слушая деда, Ред нервно покусывал губы. От слов старика его всего передергивало.

— Ты слышишь, Алек, — обратился он ко мне, — он хочет сказать, будто действительно убил этого Вильсона из-за меня. Когда я родился, Вильсона не было на свете уже двадцать лет.

— Наверно, дед вообще имел в виду внуков. Ты зря, Реди, на него сердись, он волнуется за твою жизнь.

— От его волнений тошно становится. Забрался на этот проклятый остров, и теперь мы все сидим тут, как в тюрьме. На что мне такая жизнь?

Под столом проснулся золотоволосый пингвин. Вскочив, он ошалело глянул по сторонам, минуту постоял и затем важно поковылял к старику. Уткнувшись клювом в его колено, птица ждала ласки. Оттолкнув ее, старик хмуро проворчал:

— Пойди, Мак, скажи этому мальчику, зачем человеку дана жизнь.

Пингвин сердито зашипел, но, получив шлепок по лбу и легкий пинок в зад, вынужден был направиться к Реду. Остановившись у его кровати, он сложил на белой груди свои маленькие черные крылышки и рассеянно уставился в потолок. Весь его вид словно бы говорил: «Извини, Ред, но подойти к тебе меня заставили». Когда Ред бывал не в духе, общения с ним Мак благоразумно избегал. На сей раз пингвину, однако, ничего не грозило.

— Смотри, дед, даже Мак на тебя обижается, — неожиданно засмеялся Ред. Потом, обращаясь ко мне: — Тебе нравится наш Мак?

— Он славный малый.

— Ему всего два года. Маленьким он подрался с птенцом баклана. Тот его здорово стукнул. Если бы не я, Мак отдал бы концы. Я его вылечил. Он признает только меня и деда.

Забравшись с ногами в обитое бычьей шкурой кресло, я листал «Иллюстрированные лондонские новости». После тесной корабельной каюты маленькая комната Реда казалась очень просторной. Сложенный из нетесаного серого базальта камин, широкая деревянная кровать, стол, застеленный голубым бархатом. На окнах тяжелые бледно-зеленые гардины. В правом углу массивная этажерка. Старые издания Шекспира, Байрона, Диккенса и Фенимора Купера. Два тома Мопассана: «Жизнь» и «Милый друг». Нижнюю полку и две верхних занимали потрепанные комплекты «Иллюстрированных лондонских новостей». Над кроватью Реда вырезками из этого журнала была заклеена вся стена — женщины.

— Да, Реди, я знаю, мой мальчик, что тебе нужно, — устремив взгляд на стену, сказал старик. Трубка его давно погасла, но он все еще держал ее в зубах, для его лет на удивление крепких и совершенно белых. — В мои годы об этом уже не думают. Я забыл, Реди, что жизни без жизни не бывает.

Вздохнув, он плотнее закутался в плед, глубже нахлобучил шапку. Горбясь и грея о тело ленивого кота свои мерзнувшие ступни, долго молча смотрел в пылающий камин. Я почти физически чувствовал, как в его мозгу грузно ворочалась тяжелая мысль. Глядя на него, мы с Редом тоже молчали. Наконец он снова заговорил:

— Я тебе еще не надоед, Алек?

— Нет, мистер Дэвис, мне будет жаль с вами расставаться.

— Спасибо, Алек. Ты можешь называть меня дедом, это право ты заслужил. Если ты желаешь, я расскажу тебе про нашу семью.

Отец, дед и два прадеда Джона были пиратами, пойдя по стопам Джереми Дэвиса. Своим потомкам Джереми оставил в наследство глиняную индейскую трубку и две тетради дневников Терезы де Бурже, в которых она описывала отчаянную удачу корсаров. Тетради и трубка передавались из поколения в поколение, подогревая в жилах Дэвисов и без того горячую кровь прародителей.

В 1884 году, когда Джону исполнилось двадцать лет, семейные реликвии перешли к нему. Он получил их от отца вместе с новой бригантиной, построенной по специальному заказу на одной из лучших судоверфей Гавра. Чарлз, отец Джона, имел во Франции своих людей. Через них он сбывал добытые на морских дорогах ценности, и они же передали судоверфи его заказ на бригантину.

То был корабль-красавец. Длинный точеный бушприт, две наклоненные к корме мачты и стремительный стреловидный корпус, обитый тонкой кованой медью. При хорошем ветре «Флайинг стар» («Летящая звезда») давала двадцать миль в час.

О новом корабле для своих сыновей заботились все Дэвисы. Это было их правилом. Корабль же отца навсегда оставался его собственностью. Когда стареющий владелец судна, предчувствуя близкий конец, сходил на берег, из досок его бригантинны ему строили дом, а потом и сколачивали гроб. Так велел сделать Джереми, и так делали его потомки. И так же, как он, они приходили умирать на Фолкленды. Первым традицию рода нарушил Чарлз, отец Джона. Фолклендские острова к тому времени начали заселять английские колонисты. Закон и власть поменяли Чарлазу найти покой у родных могил. Он умер на необитаемом тихоокеанском атолле.

Чарлз был последним из Дэвисов, родившихся и умерших корсарами.

Повторить жизнь отца и деда Джону не пришлось. Его великолепная «Флайинг стар» не пенила морей и трех лет. Позже ему казалось, что он дал своему кораблю роковое имя. Летящая звезда долго не светит.

В апреле 1887 года после двухмесячного крейсирования в Атлантике «Флайинг стар» прошла проливом Дрейка, направляясь к островам Туамоту. Там, на атолле Тикахау, у Джона была одна из его береговых баз.

В пути им встретилось североамериканское торговое судно, шедшее в таитянский порт Папаэте. Хотя из Атлантики бригантина возвращалась с приличным «уловом», корсары считали, что упустить богатого янки не стоит.

Среди прочей добычи оказались бочки с ромом. Джон приказал запереть их на замок в продовольственном трюме. По опыту он знал, что иначе его люди могут напиться до беспамятства.

В те дни ему нездоровилось, ныла свежая пулевая рана в левом плече, которое было прострелено дважды.

Когда ограбленное американское судно осталось за кормой, Джон, передав управление бригантиной своему старшему помощ-

нику, удалился к себе в каюту. Плохое самочувствие у него всегда вызывало желание побыть в одиночестве. Он мог сутками не выходить из каюты и никого не принимать, даже стюарда. Ел бекон с сухарями, запивая лимонным или апельсиновым соком.

«Флайинг стар» шла своим курсом. Так думал Джон. Его не беспокоили, и он был уверен, что на корабле все в порядке. Только на следующий день вечером, когда бригантину начало сильно качать, он свистнул в переговорную трубу к рулевому. Ему не ответили.

В недоумении капитан поднялся на мостик. Паруса бригантины надувал штормовой ветер. Однако на корабле не было видно ни одной живой души. Бригантина шла неизвестно куда. В спицы рулевого колеса, чтобы оно не болталось, кто-то воткнул обломок реи.

Ошеломленный, Джон бросился в кают-компанию. Он уже догадался, что произошло.

Вся команда «Флайинг стар» была мертвецки пьяна. Кроме капитана единственным трезвым человеком на бригантине был Том Морган — двенадцатилетний мальчишка, которого пьяные корсары заставили себе прислуживать.

Попытки Джона хоть кого-нибудь привести в чувство не имели успеха. Большинство людей в бессознательном состоянии лежали на палубе, другие одурело смотрели на капитана, ничего не понимая. На все свои угрозы Джон слышал только пьяный бред и ленивую ругань.

Раздавленный собственным бессилием, капитан вернулся на мостик. С ним поднялся наверх и маленький Том. Стараясь взять себя в руки, Джон сказал мальчику:

— Ну что, Томми, тебе нравится эта свистопляска?

— Вы говорите о море, сэр?

Шторм кренчал. В ревущем мраке бригантина то взлетала на головокружительную высоту, то, задрав корму, отвесно падала в пропасть. Казалось, еще один такой прыжок, и все будет кончено.

Джон не мог себе простить, что, зная своих людей, так легкомысленно поверил в их благоразумие. Управлять бригантиной с полным парусным вооружением теперь было невозможно. Убрать паруса два человека не смогли бы даже в тихую погоду, а в такой шторм нужен был десяток умелых рук, чтобы взять рифы.

— Да, Томми, я говорю о море. Как ты думаешь, мачты выдержат?

— Да, сэр, они крепкие.

— Это плохо, Томми, нас может опрокинуть. Тебе нужно надеть спасательный пояс.

— Разве мы не в открытом океане, сэр?

— Это ничего не меняет.

— Да, сэр. И здесь, мне кажется, много акул. Мы давно идем в теплых водах.

— Брось, Томми, делай, что тебе говорят.

— Хорошо, сэр, я принесу и ваш пояс.

— Сначала надень сам.

— Слушаю, сэр.

«Рыжий чертенок», — ласково подумал Джон. Он редко о ком так думал. В его корсарском сердце находилось место только для этого мальчика.

На «Флайинг стар» Том был общим любимцем. Послушный и неизменно спокойный, он правился всем. В этом маленьком создании жили скромность и доброта, которых так не хватало окружавшим его людям.

Вернувшись на мостик, Том протянул Джону пробковый пояс.

— Возьмите, сэр, это ваш.

— Спасибо, Томми, повесь его на штурвал.

Они стояли рядом, держась за поручни, — длинный бородатый капитан и маленький худой юнга. Капитан чувствовал потребность сказать мальчику что-нибудь хорошее.

— Ты помнишь, Томми, я когда-то убил альбатроса? — не найдя ничего лучшего, спросил Джон.

— Да, сэр, это было на «Жгучей индианке». Вы сняли с его лап кожу и сделали себе ремень для пистолета.

— Говорят, убивать альбатроса не следует. Рано или поздно дух птицы отомстит моряку.

— Да, сэр, я помню, вам это говорил боцман Мортон. Вы над ним смеялись.

— Тебе не кажется, что я был глуп?

— Нет, сэр, вы поступили так, как считали нужным. Ваш отец не любил, чтобы его желание оставалось невыполненным.

— Ты прав, Томми...

Джон хотел сказать, что теперь он сожалеет о том поступке, но не сказал. Разговаривая с мальчиком, он пытался представить, где они сейчас находятся. Уже много часов стихия гнала бригантину на северо-запад, а им нужно было идти прямо на запад.

— Ты не заметил, Томми, какой ветер был в полдень?

— Я не мог этого заметить, сэр. Меня с утра не выпускали из кают-компаний.

Джон успокаивал себя мыслью, что впереди открытый океан. Если бригантина до сих пор не опрокинулась, она, пожалуй, выдержит натиск урагана до конца.

Он еще успел поделиться этой мыслью с мальчиком.

Внезапно бешеный бег бригантины приостановился. Вдруг, резко дернувшись назад, парусник со страшным скрежетом круто полез вверх. Встав на дыбы, корабль пошатнулся и, ломая обшивку корпуса, рухнул на правый борт.

Капитан и мальчик повисли на поручнях мостика. В первое мгновение Джон подумал, что они наскочили на коралловый риф. С трудом добравшись до штурвала, он торопливо нацепил спасательный пояс, но так его и не надел. В густом сумраке ночи глаза различили вдали от корабля черный силуэт гор.

Бригантину выбросило на берег.

За сто три года, прожитые на свете, Джон многое уже забыл. Из памяти выпали целые десятилетия. Но не те двадцать семь дней. Те дни забыть было невозможно.

Берег, на который их выбросило, Джон принял за остров Флинт. Год назад он проходил на своей бригаantine мимо него и запомнил очертания горных вершин. Когда рассвело, ему показалось, что это те же вершины. Ничего дурного о населении Флинта он не слышал, поэтому и не подозревал здесь никакой опасности. Говорили, что на этом острове живет небольшое племя мирных полинезийских рыбаков.

Как только корсары пришли в себя, они без всякой предосторожности занялись устройством временного лагеря. Корабль здорово пострадал от катастрофы, но Джон надеялся, что им удастся заделать пробоины и снова стащить бригаantine на воду.

Несколько человек сразу же отправились в глубь острова на поиски необходимого леса. Еще четверым Джон приказал пройти вдоль берега, чтобы выяснить, где находится поселение туземцев. Вблизи того места, куда выбросило «Флайинг стар», в море впадала какая-то речушка, росли кокосовые пальмы и много апельсиновых деревьев, но не было видно никакого жилья.

Возле корабля осталось тридцать человек. Все работали на берегу, расчищали площадки для палаток. Неожиданно с трех сторон на них посыпались камни.

У корсаров не было времени опомниться. Когда Джон, бросив лопату, рванул из-за пояса пистолет, двое из нападавших уже повисли на его плечах. Они выскочили словно из-под земли. С неистовым воем, визгом и воплями. Их было не меньше сотни. Потом, неся на бамбуковых шестах огромные деревянные клетки, из леса вышло еще столько же.

Кажется, впервые за двадцать три года жизни Джона охватил ужас. Только сейчас, увидев клетки, он понял, как жестоко ошибся. Это был не мирный Флинт. Они попали на маркизский остров Фату-Хива, к каннибалам. Клетки, в которые фатухивцы сажали своих пленников, знала вся Океания.

Их долго куда-то несли. Едва приметная тропа, извиваясь по зарослям тропического леса, взбиралась все выше и выше в гору. Потом она так же долго змеилась по склону. Наконец оборвалась. Путь преградила пропасть. Узкое каменистое ущелье будто рассекало гору на две части.

Остановившись, маркизанцы столпились вокруг клетки Джона. Смеясь и жестикулируя, они шумно что-то обсуждали. Очевидно, их удивляла внешность Джона. У него была почти такая же, как у них, смуглая кожа и такие же жесткие черные волосы. Но глаза голубые, а борода — красная. Он красил ее каким-то индейским зельем, которое досталось ему от отца.

Жители атолла Тикахау, где Джону часто приходилось бывать на своей базе, немного научили его полинезийскому языку. Маркизанцы говорили на том же тягучем, будто одно бесконечное

слово, диалекте. Но Джон ничего не понимал, он был слишком потрясен.

— Гадье, мразь, грязная сволочь! — с затравленной яростью плевался он. Горло его давила лишняя тошнота. Эти мерзавцы сожрут его, обглодают его кости, как собаки.

Вдруг позади, где-то в длинном ряду стоявших на тропе клеток раздался голос маленького Тома:

— Сэр, капитан!

У Джона екнуло сердце.

— Да, мой мальчик! Что с тобой, Томми?

— Ничего, сэр, — спокойно и, как показалось Джону, даже весело ответил мальчик. — Я в клетке. Они нас съедят?

Джон проглотил комок.

— Откуда ты взял, Томми? Что за вздор лезет тебе в голову?

Мальчик чувствовал, что капитан сказал ему неправду. Томми отлично все чувствовал.

— Капитан, — сказал он. — Хотите, я вам спою?

В клетках растроганно зашумели.

— Томми, рыжий ангелочек, ты не боишься?

— Разве со мной нет моих друзей корсаров? — В голосе мальчика прозвучала обыкновенная для него ирония.

— Да, Томми, мы с тобой. Но, Томми, ты ведь никогда не пел.

— Это ничего не значит, я буду петь сейчас. Хотите, капитан?

— Да, Томми. Если у тебя есть голос.

Благодарный отважному мальчику, Джон старался подавить внезапно нахлынувшее волнение. Его распирала незнакомая, остро режущая нежность.

Мальчик запел:

Смелей держи, рулевой,
Заплатишь ты головой
За верный курс корабля,
За даль, где лежит земля!
За красную в жилах кровь,
За счастье, жизнь и любовь
Заплатишь ты головой.
Смелей! — это жребий твой...

Джон не знал слез. Но тогда он, наверное, все же заплакал. Слушая мальчика, плакали все корсары. Он был их добрым гением, этот маленький Том.

Притихли и маркизанцы. В их черных глазищах застыло изумление. Должно быть, такого пленника они еще не видели.

А мальчик пел, и все ему, казалось, было трын-трава:

Жизнь морская — красивая сказка
Для бездомных и смелых бродяг.
Всех нас ждет роковая развязка, —
Ну так что же, хотя бы и так!
Ха-ха! Ха-ха!

В это время с той стороны ущелья над пропастью повис бревенчатый мост. Он выполз откуда-то из кустов. Толстые двойные лианы осторожно опустили его на край тропы.

Маркизанцы еще минуту стояли как завороженные. Потом они бросились к клеткам, подхватили их и трусцой побежали вперед.

Когда Джона перенесли через мост, за кустами он увидел обширное безлесое плато, на котором возвышались серые каменные стены — крепость. Даже в своем незавидном положении Джон невольно удивился. Эти каннибалы умели, оказывается, строить не только раздвижные мосты, но и настоящие крепости. Наблюдательные вышки, множество квадратных бойниц для камнеметательных орудий, зубчатые ворота из плотно сбитых стволов железного дерева.

На девяти островах Маркизского архипелага жил один из самых могучих и наиболее развитых народов Полинезии. Никто в этой части света не сопротивлялся так нашествию европейцев, как маркизанцы. Их не сумели покорить Испания и Соединенные Штаты Америки. Французы захватили восемь островов лишь после того, когда эти острова уже некому было защищать.

Вместе с длительными войнами европейцы несли сюда свои пороки: алкоголь, разврат, болезни. Никогда не знавшие чужеземной хвори и не имевшие к ней иммунитета, островитяне умирали тысячами. Их лекари умели врачевать любые раны и делать сложнейшие хирургические операции, но они были беспомощны перед вирусом гриппа.

Грипп, сифилис, холера и оспа уничтожали население одного острова за другим. Стотысячный народ погиб почти полностью. Французам оставалось только объявлять опустевшие острова своей собственностью.

Дольше всех держалось племя, жившее на острове Фату-Хива. Восемьдесят лет назад фатухивцы еще сохраняли независимость и полную изоляцию от внешнего мира. С самого начала против европейцев они были настроены враждебно и никаких других отношений с ними предпочитали не иметь. Покинув легко доступные прибрежные районы, они переселились в высокогорные каменные крепости, где защитой им служила сама природа. Эти крепости, созданные по всем правилам оборонительного искусства, на Фату-Хиве стоят до сих пор. Завладеть ими французы не могли очень долго. Они пытались было укрепиться на побережье, но всякий раз, когда их гарнизон высаживался на остров, среди солдат скоро поднималась паника.

Неуловимые фатухивцы, казалось, сидели за каждым кустом. Стоило солдату завестись, и он тотчас попадал в руки островитян. На второй-третий день после высадки европейцев на остров в расположении их лагеря откуда-то появлялось длинное деревянное блюдо, на котором лежал один из накануне исчезнувших. Зажаренный, с пучком петрушки во рту. На других Маркизских

островах французы такого не видели. С людоедством они встретились только здесь, на Фату-Хиве.

Это было удивительное племя. Светлокожие, как мало кто в Полинезии, статные, с правильными чертами лица, фатухивцы походили внешне на арабов. Быть может, они были единственными в Океании, кто признавал женщину равноправным членом общества. Вернее сказать, у них существовал логически обоснованный культ женщины. Она дарует жизнь и потому является посланцем богов на земле — ей нужно поклоняться. В ней все самое прекрасное — поэтому ее нужно ценить. Она слабее мужчины, но, если воин идет на войну, дома его заменяет жена — поэтому к ней нужно относиться с почтением. Если муж недостаточно ласково или без должного уважения обращался с женой, он заслуживал всеобщего осуждения. А если жена изменяла мужу, то в этом был виноват он сам, ибо верность женщины нужно заслужить. Для женщин было только два табу: им не позволялось есть мясо и плавать на лодке.

Фатухивцы были отважные воины и великолепные мореходы, чьи катамараны совершали набеги на дальние острова Полинезии. Умели строить грандиозные сооружения из камня, высекать в скалах величественные скульптуры. Занимались земледелием, рыболовством, любили песни, пляски и в общем были незлобивы. Но все это не мешало им оставаться каннибалами.

Фату-Хива наводила ужас, ее обходили десятой дорогой.

Надо было такому случиться, чтобы бригадину Дэвиса в ту памятную ночь 1887 года выбросило именно на этот остров.

В душе Джона густело отчаяние. Он думал о побеге, но дороги назад отсюда не было.

Триста лет реял над океанами роджер рода Дэвисов, триста лет хранила его удача. Двух Дэвисов повесили, трое погибли в бою. Но то были не те, кому отцы завещали свой флаг. Дэвисы, плававшие под роджером Джереми, поражений не знали. И вот такой конец.

Уже в воротах крепости Джон снова вспомнил убитого им альбатроса. На миг ему показалось, что черная птица витает над ним. Его взвинченные нервы медленно расслаблялись.

Если бы в тот момент ему кто-нибудь сказал, что его звезда не так уж трагична и для него в общем все закончится благополучно, он бы, конечно, не поверил. Как всякий обреченный, он еще на что-то надеялся, но разум надежду отвергал.

Крепостная стена окружала утопающий в зелени поселок — несколько десятков бамбуковых хижин с высокими стрельчатыми крышами и увитыми цветами верандами. Они стояли на плоских каменных фундаментах, словно на широких продолговатых столах. Перед каждой хижинкой в выступающей части фундамента, которая служила двором, была выдолблена овальная чаша — бассейн для купания.

Пленников несли к центру поселка, на большую, обсаженную цветущими кустарниками площадь, запруженную в этот час народом. Пропуская военных с клетками, толпа поспешно расступалась.

В конце площади на застеленном голубыми циновками дощатом помосте, поджав под себя ноги, сидел плечистый седой маркизанец, все тело которого — даже губы, веки и мочки ушей — было в татуировке. В руках он держал украшенную резьбой и жемчугом бамбуковую палочку — символ власти вождя. По бокам старого маркизанца и за его спиной стояли три мальчика с опахалами из пальмовых листьев.

В торжественной тишине подходя к помосту, длинная процессия с клетками остановилась. Один из военных, очевидно старший, размахивая руками, начал возбужденно что-то рассказывать вождю. Вероятно, о том, как ловко они захватили столько пленников. Вождь слушал, одобрительно покачивая головой. Лицо его было внимательным и строгим. Потом он вдруг встрепенулся. Джон услышал, как он нетерпеливо воскликнул:

— Хамаи! Несите сюда!

Вся толпа сразу взволновалась, все стали кричать:

— Эна оиа! Эна оиа! Вот он! Вот он!

Джон замер в тревоге. Он понял, что речь идет о маленьком Томе.

Измученный бессонной ночью и всем пережитым за эти сутки, мальчик все еще держался с вызывающим бесстрашием. Когда его клетку поднесли к вождю, он презрительно сказал:

— Каоха, таипи! Здравствуй, людоед! — На «Флайинг стар» эти два полинезийских слова знали все.

От неожиданности вождь сначала оторопел. Потом он хмыкнул, улыбнулся и наконец разразился громким хохотом.

— Оиа тане, оиа тане, — надрываясь от хохота, повторял он.

Не зная, что это значит, Том растерялся. Увидев рядом с собой клетку капитана, вдруг всхлипнул.

— Сэр, что ему нужно?

— Он говорит, Томми, что ты настоящий мужчина. Держись, мой мальчик.

В глазах юнга блеснула беспомощная ненависть.

— Проклятые таипи!

Позже, вспоминая те минуты, Джон подшучивал над Томом. Юный корсар упустил прекрасную возможность стать принцем каннибалов.

Мальчик так понравился старому вождю, что он решил усыновить его. Объявив об этом на всю площадь, он приказал выпустить Тома из клетки и предоставить ему полную свободу.

— Вы слышали, — говорил он, обращаясь к толпе, — он умеет говорить. Мои воины слышали его песни, он настоящий мужчина. Я буду его отцом, пусть это знают все.

Но тут выяснилось, что языка маркизанцев Том не понимает. Все сказанное вождем мальчику переводил Джон.

Вождь озадаченно нахмурился. То, что «говорить умел» Джон, его почему-то не удивляло.

— Хорошо, — после недолгого колебания сказал он. — Я возьму и тебя, краснобородый, ты будешь помогать мне говорить с сыном.

Но выпускать Джона из клетки он не собирался.

На Фату-Хиве Джон пробыл двадцать семь дней. Об освобождении из плена нечего было и мечтать. Даже Том, который ходил по селению маркизанцев где ему хотелось, выйти за ворота крепости не мог. Да и не было смысла. Все равно сам бы он с острова не ушел и его бы обязательно поймали.

К тому времени из команды «Флайинг стар», кроме Джона и мальчика, в живых никого не осталось. Джона, видимо, ждала такая же участь. Оказалось, что вождю он был нужен вовсе не в качестве переводчика. В разговоре с Томом старый маркизанец прекрасно обходился языком жестов. Джон понадобился ему для того, чтобы периодически получать от него красный волос. У безбородых маркизанцев волос из мужской бороды считался большой ценностью. Чем необычнее его цвет, тем выше цена. Фатухивцы делали из него браслеты.

Вождь не знал, что борода у Джона крашеная. Когда пленника побрили отточенным, как бритва, осколком камня и на его лице через день стала появляться черная щетина, глава острова был разочарован.

— Длинная свинья, — сказал он презрительно. Так маркизанцы называли пленников, предназначенных для каннибальских пиршеств.

Джону улыбнулось счастье: он понравился Апоро — пылкой молодой жене вождя. Она устроила ему побег и вместе с ним бежала с Фату-Хивы сама. С собой они взяли и Тома.

В побеге им помогали два воина, подкупленные Апоро. Они тайно снарядили им катамаран, способный выдержать плавание в открытом океане. На нем им удалось добраться до атолла Тикахау.

С профессией пирата Джон решил покончить. Он был последним Дэвисом и, попав в плен к каннибалам, с ужасом думал не столько о собственной смерти, как о гибели трехсотлетнего рода Дэвисов. Сохранить свой род — это было у них превыше всего, у всех Дэвисов. Скитальцы морей, они никогда не позволяли своим сыновьям пускаться в корсарские авантюры, пока у сына не родился сын. Джон нарушил завет отца и мог дорого поплатиться.

Женившись на маркизанке (кстати, женщины на Маркизских островах каннибалами не были, были только мужчины, для которых это носило, как и у многих других народов, видимо, ритуальный характер), капитан погибшего пиратского корабля поселился на Огненной Земле, стал зверобоем. Потом он купил китобоец и начал промысливать китов. На Огненной Земле Апоро родила ему двух сыновей, уже знакомого вам Джона и Ричарда. Том жил с ними до двадцати лет, затем уехал в Австралию.

В 1938 году Огненную Землю Дэвисы поменяли на Сан-Франциско. Занимались там рыболовством. Вторая мировая война отняла у Джона младшего сына. Ричард служил на подводной лодке, которую захватили японцы. Будучи в плену, он попал под атомную бомбардировку Хиросимы. Остался живым, но, вернувшись домой, умер от лучевой болезни.

Хиросима и смерть Ричарда настолько потрясли старого Джона, что он пустился скитаться по свету в поисках места, которое на случай новой войны можно было бы считать безопасным. Слово «война» для него стало синонимом всего, что он слышал о Хиросиме. Оно таило в себе жуткий смысл той катастрофы, которая, разразившись за океаном, убила его Ричарда в родном доме. Это было страшнее и каннибальского плена, и всех бывших корсарских сражений. Чудовищный смерч, одно видение которого несло в себе неотвратимую смерть.

Старик боялся за судьбу своей семьи. Джону-младшему тогда исполнилось уже пятьдесят шесть лет, но он только женился, и его молодая жена ждала ребенка.

Как раз в то время Аргентина впервые заявила свои претензии на Фолклендские острова. В газетной шумихе всплыло давно забытое имя Джереми Дэвиса. Слух об этом дошел до Джона-старшего. Запоздалой реабилитацией своего предка он решил воспользоваться. Предъявив правительству Великобритании две тетради дневников Терезы де Бурже, старик доказал, что является прямым потомком знаменитого корсара, и вместе с тем еще раз подтвердил, что Фолкленды действительно были открыты англичанином.

Английскому правительству было выгодно поселить Дэвиса на Фолклендах, и оно предоставило ему в вечное пользование необитаемый в ту пору Нью-Айленд. У Джека и Агнесс здесь родились Энни и Редмонд. И вот теперь, когда долгожданные внуки Джона выросли, семью Дэвисов постигло новое несчастье.

От матери Редмонд и Энни слышали рассказы о Большой земле, о том неизвестном юном Дэвисам мире, где живут тысячи и миллионы таких же, как они, ребят. Мать научила их грамоте, и они читали и перечитывали те немногие книги, которые Агнесс привезла с собой на остров. Жизнь на Нью-Айленде стала для них невыносимой. Они требовали от отца и деда покинуть осточертевший им остров и ехать куда угодно, лишь бы там были люди. Но их выслушивали со снисходительной усмешкой.

Дважды в год к Дэвисам приходил рефрижератор из Монтевидео, забирал шерсть и мясо, оставлял заказанные товары и почту — комплект журнала «Иллюстрированные лондонские новости». Редмонд и Энни задумали бежать на этом рефрижераторе в Уругвай. Но у них ничего не вышло. Подвела Энни, влюбившись в матроса, который стал отцом ее ребенка. Разгневанные родители прогнали с острова всю команду рефрижератора.

Энни родила дочь, и у нее теперь хватало забот, а Редмонд не желал оставаться на острове. Уехать ему не позволили. Тогда он перерезал себе вены.

Редмонд Дэвис — единственный продолжатель рода. Когда Джон-старший поселился на Нью-Айленде, он думал о внуках, о будущем поколении Дэвисов. Именно стремление сохранить род Дэвисов дало ему силы дьявольским трудом освоить суровый субантарктический остров. Теперь потерять Редмонда для него значило потерять все, во имя чего он жил.

Отчаянный поступок внука заставил старика заново переосмыслить все, что до сих пор казалось ему бесспорным. Помню, на прощание он мне сказал:

— Я был глуп, Алек, спрятав свою семью от мира, чтобы не поддаться всеобщему безумию. Люди должны жить среди людей, жизни без жизни не бывает. Да, Алек, я это понял. — Он протянул мне глиняную индейскую трубку — трубку Джереми. — Возьми, Алек, на память. Когда тебя спросят о Дэвисах, скажи, что у них все в порядке.

По рытвинам его морщин стекали слезы, — быть может, от старости, а быть может, это были слезы человека, осознавшего, что настоящие ценности он всю свою долгую жизнь искал не там, где нужно.

...Прощайте, Фолкленды! Никогда я вас больше не увижу и никогда не забуду.

Эге-эй, ха-ха!

Горячий грог и медная серьга...

Об авторе

Иванченко Александр Семенович, литератор, член Союза журналистов СССР. Родился в 1936 году в селе Мисайловка, Богуславского района, Киевской области. Публиковаться начал в 1957 году как автор детских книг («Растите быстрее», «Волшебная шкатулка»). Автор много бродил по свету, плавал на рыболовецких и экспедиционных судах. Эти путешествия отражены в книгах «Золотой материк», «В Южной Африке», «Оскорбленные звезды», «Дороги мужества», «Пламя джунглей». В альманахе выступает вторично. Сейчас заканчивает книгу о своем кругосветном путешествии «Соленые мили» для издательства «Мысль».

СКАЗАНИЕ О ПУСТОЗЕРСКЕ

Из дневника путешествия по Печоре

...И вот позади уже Полярный круг.

А Печора течет все дальше, к северу; такая же она широкая и полноводная, те же у нее луговые берега и песчаные косы, и так же лес стоит по высокому материковому берегу, помельче он стал, пореже, но все-таки лес. И деревни такие же, и люди занимаются своим обычным делом — рыбной ловлей, скотоводством, косят сено в лугах, словно это совсем не Заполярье, не край света...

«Край света», конечно, метафора. А ведь когда-то и в самом деле здесь считался край света, край земли русской. Летописец Нестор упоминает эти земли под именем «Печоры», «Югров» еще в XI веке. Некогда с этих земель Государь Великий Новгород собирал дань. В самом конце XV века нижняя Печора была присоединена к Московскому княжеству под именем «Югорского царства». Тогда же был

заложен здесь острог и назван Пустозерском. Был это самый северный острог (то есть укрепление, крепость) и первое русское поселение на Печоре.

Но где он теперь, Пустозерск? Одна память о нем осталась...

Мы подплываем к Нарьян-Мару, столице Ненецкого национального округа. Еще издали видны стрелы портовых кранов. Теплоход огибает остров, выходит на рейд. Красиво стоят морские суда на широком просторе реки — «иностранцы», пришли за лесом. Другие суда уже стоят под погрузкой у причальной стенки лесозавода. Далее — угольная пристань, пакгаузы, речной вокзал. Вот и конец нашего пути по Печоре.

Нарьян-Мар — лесоторговый порт, крупная рыболовецкая база, а сам город небольшой. Небольшой, но симпатичный, один из тех северных деревянных городов, где, по выражению поэта, «мостовые скрипят, как половицы». Мне нравится его простая, четкая планировка, ряды добротных двухэтажных домов, кустарниковые березы в сквериках, названия улиц — Ненецкая, Тундровая...

И вот здесь-то, в Нарьян-Маре, мы снова услышали слово «Пустозерск». На улице в разговоре прохожих было обронено про кого-то, кто поехал «в Пустозерск рыбу ловить». И это прозвучало как-то особенно: в исторические места уехал человек рыбачить, к несуществующему городу, на Пустое озеро. Мы стали расспрашивать старожилов, и оказалось, что Пустозерск от Нарьяна совсем недалеко: водой плыть по шарам — километров тридцать будет.

— Только нет там ничего, один обелиск поставлен, — говорили старожилы.

Ранним погожим утром, свежим и прохладным, похожим на утро в августе и в нашей средней полосе, мы с товарищем садились на катер, обычный пригородный катер, и с нами ехали местные жители с корзинками и лукошками за ягодами, за грибами — морошка поспела в тундре, брусника по сухим местам.

Мы доехали до Тельвиски, большой деревни, и пошли по песчаной дороге вдоль «виски» — протоки, соединяющей озеро с речным шаром («шар» по-северному — пролив, а также рукав реки). Шли мы еловым и лиственничным лесом по песчаным буграм, но лес этот невысок, старые деревья метров пяти, не выше, а березы — в рост человека, и все корявые, причудливо изогнутые, искривленные и переплетенные. По обочинам попадались ягоды и грибы. Брусника не кустилась на кочках, а плотно прилегала к земле, как трава-мурава, и сами ягоды были помельче, а грибы росли обыкновенные — подберезовики и маслята. И часто доносилось из глубины карликового леса: «Ау! Ау!»

Отдыхали на сенокосной полянке, окруженной частым сырым кустарником, возле небольшого чистого озерца, под стогом. Небо было ясное, день теплый, и невольно забывалось, где ты, какое тут Заполярье и какой Пустозерск.

Нескучной показалась дорога, все нам было интересно, и мы легко прошли восемнадцать километров до деревни Устье. Назва-

ние уже говорит, что стоит она на устье виски при впадении в озеро. И нам показали вдаль, за озером, холм: «Вон там Городок!»

Давно перестал Пустозерск быть городком, стал селом, потом деревушкой и совсем исчез, а название «Городок» так и держится за этим местом. Народная память долгоживуча: пусть в самые давние времена было поселение на этом месте, а все называют какой-нибудь холм «городец», «городище».

Забывший город, «мертвый город» — сколько их таких на территории нашей страны? Не так-то много. В Крыму, в Средней Азии... На территории древней Руси можно назвать Старую Рязань, еще севернее — недолго просуществовавший острог Орлец на Северной Двине, но так далеко, за Полярным кругом, у «дышащего моря», Ледовитого океана! Пожалуй, не знаем мы подобных примеров в исторической географии. И оттого особенно волнительно: тот самый Пустозерск увидишь!

Лодку мы нашли скоро: здесь все рыбачат, у всех моторки. И вот мы с рыбаком плывем виской, впадающей в озеро. По берегам хвощ и ера — низкие частые кусты ивняка. Странно представить, что по такой вот заросшей протоке когда-то ходили стройные парусные суда.

Мое волнение понятно — это волнение историка, увидевшего подлинный документ прошлого, грамоту, покрытую вековой пылью, ну хотя бы свиток, исчерченный рукой протопопа Аввакума. А Пустозерск, что ни говори, грамотка древняя, лист летописный, со своим сказанием. Вот только озеро переехать...

В нарастании и ниспадании гула стационарного мотора на карбасе мне чудится какой-то странный мотив. Постепенно он складывается в стройное, торжественное звучание. Вот входит неторопливая величая тема, начинает расти и заполняет все пространство органичным гулом, разворачивается во всю ширь, как открывшееся беспокойное озеро, и бурно устремляется вперед, взлетая на волнах.

Мотор гудит, поет один и тот же мотив, и, будь я композитором, наверное, написал бы симфонию или ораторию под названием «Пустозерск» или «Протопоп Аввакум». В ней передалось бы ощущение озерной шири, пустынности песчаных берегов, суровости северной природы и вместе с тем порыв, мятежность — кипение волн, неукротимость ветра на открытом пространстве.

Крутые волны в озере подбрасывают лодку, брызги летят в лицо — раз! раз! — все торжественнее суровое звучание, и все явственнее встает впереди холмистый мыс и на холме памятный обелиск и покосившиеся поморские кресты.

И вот — земля Пустозерска! Песчаный пологий берег, поросший сухой седой травой. Кажется, что и трава здесь хранит отпечаток старины. Входишь на холм — и открывается удивительное зрелище: среди низин и вод двумя тесными кучками стоят высокие кресты. С трех сторон блестит вода, за озером желтеют дюны, в противоположной стороне — тундряная степь и кустарник в отдалении, кажущийся лесом.

Города нет, от него остались затянутые песком ямы, догнивающие бревна. Где-то здесь, возле обелиска, церковь стояла, где-то здесь дорога пролежала, — песок давно сровнял все. Ничего нет. Только кресты, огромные, выше человеческого роста, серые, старые. Давно забыто, кому они поставлены, может быть, сотня и больше лет прошла, но, рассказывают, хранили их пустозеры, и, когда крест падал от времени, на его месте ставили новый и тем берегли память о предках. Но некому ныне заботиться о крестах — иные покосились, иные рухнули. Стоят «над вечным покоем», как у Левитана, только покой этот еще более суровый и величавый.

Большей отрешенности, пустынности трудно вообразить. Кажется, что и в самом деле ты на краю света, что тут земля кончилась и нет больше ничего, кроме серого неба, серых вод и хмурых песков. Так и русские землепроходцы, первыми пришедшие сюда, сказали, наверное: «Сие место пусто зело» — и нарекли свой острог именем пустынным. Есть и иная версия, что городок был назван по Пустому озеру. Но озеро не пустое, а обильное рыбой. Вероятно, названо так озеро по пустынности своих берегов.

Ходишь по бывшему городу — он был невелик, ширина полуострова, им некогда занимаемого, около километра — и напрасно пытаешься понять, где что было — улицы, дома. Судя по плану XVII века, дома располагались ближе к мысу, а в центре холма, на песках, — церкви, тюрьма, кладбище.

Из описаний путешественников, посещавших Пустозерск в прошлом веке, предстает городок, «маленький, уединенный, пустынный». «Как теперь, вижу его серенькие избы, из-за которых глядела одинокая деревянная церковь с колокольней. Весь он уютно сбился в кучу и словно только что вчера сломан острог — неправильный четверугольник с заостренными наверху толстыми и высокими бревнами, — как будто для того, чтобы селение все оставалось теперь на виду и на потеху ветров и выюг, набегающих сюда с океана, и неоглядность снежных полей, величина которых еще более усиливает пустынность и однообразие видов. Напросилась мысль о том, что это крайний и самый дальний предел моих странствий, что это одно из последних русских селений на севере, и еще сильнее сжала сердце та мысль непрошенная, что недаром здесь пустынность и бесприветная даль...»*

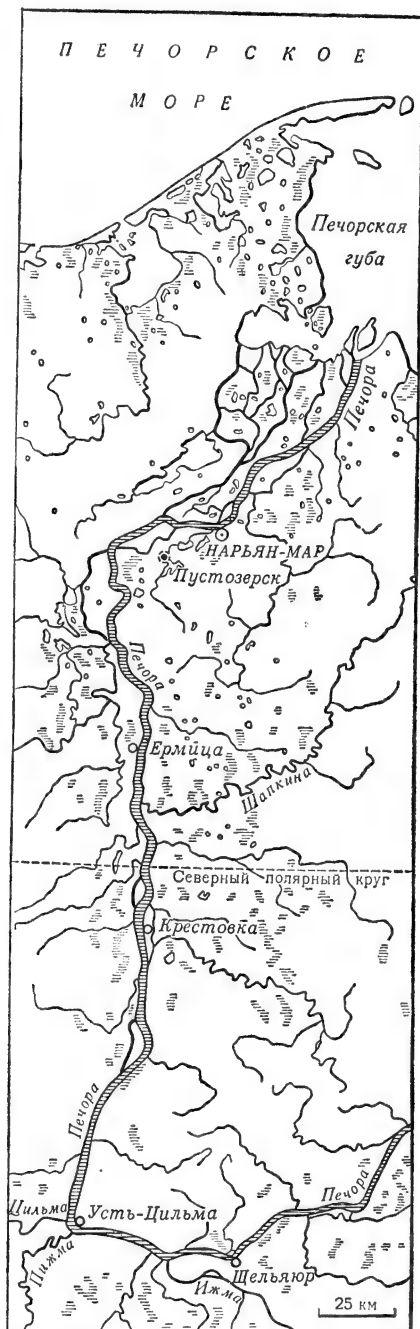
И сейчас три последних, покинутых дома стоят в стороне, на мысу. Идем туда, переходя какие-то канавы, по болотистому лугу. Два дома, большие, двухэтажные, разрушены: кровля рухнула, потолочные балки провисли, часть стен раскрыта, окна выбиты, полы прогнили. Валяются осколки стекла, ржавые кровельные листы, банки, ведра без днищ, всякий хлам, и, как везде на запустении, растет крапива. Но по остаткам домов видно, что жили пустозеры прочно, основательно, просторно — по-северному.

* С. В. Максимов. Год на Севере. М., 1890, стр. 450.

Только один небольшой дом, вросший в землю, еще сохраняется. На нем висит замок. В окно видно, что стоит там стол, скамья, на столе самовар, чайник и чашка. Рыбак сказал нам, что хозяин дома живет у них в Устье, а сюда приезжает косить сено, рыбачить и ночует иногда.

Берег здесь обрывистый, метров пять высоты, дальше, за городом, — песчаная коса, называемая Виселичный наволоок («наволоок» по-северному — мыс). По преданию, названа так потому, что вешали там воинственных карачеев. Карачей — кочевое племя, жившее у Карского моря (Лукоморья, по Нестору-летописцу). Они неоднократно нападали на город, недовольные данью. Про них ходили легенды, что не берет их ни пуля, ни нож, стойбища их видны только издали, а подойдешь ближе — уходят в землю.

Это легенда, обычно сопровождающая историю. А история Пустозерска, как уже упоминалось, начинается в эпоху, предшествующую походам Ермака и освоению Сибири. Острог на Крайнем Севере был форпостом Московского княжества. Первоначально жили в городке за бревенчатыми стенами стрельцы и служилые люди. Понемногу начали появляться русские селения на Печоре. Новгородец Ивашка Ластка пришел на устье речки Цильмы и занял место, получив грамоту от Ивана Грозного «жить и копить на государя слободу». И слобода «копилась», росла, народ шел на Север в поисках новых земель, лесных угодий, пушных и

рыбных богатств и свободы от крепостной неволи. Возникали новые деревни на нижней Печоре, все они входили в Пустозерское воеводство. Городок стал административным центром края.

Далекий и трудный был сюда путь. От Москвы ехали до Вологды трактом, далее водой через Сухону на Двину до Холмогор, оттуда через Пинежский волок на Мезень, с Мезени через тайболу* на Печору. Выезжали обычно с началом осени, чтобы пройти водную часть пути до ледостава, а через тайболу ехать уже на санях, когда мороз скует болота. Долгий путь. Известно, например, что протопопа Аввакума везли в ссылку в Пустозерск три месяца.

Недаром «край земли» стал местом ссылки наиболее опасных врагов царской власти. И вышеназванный Аввакум Петров прославил Пустозерск своей огненной славой.

Нет, не история раскола вспоминается здесь, на месте бывшего Пустозерска, а сам неистовый протопоп, положивший жизнь свою за идею, за свою «веру истинную». Аввакум из тех редких, цельных натур, характеров сильных, негибких, стойких до конца. Он стал вождем раскольников, но с той же яростью и неистовством мог стать вождем крестьянского восстания. Он бунтарь по натуре, непримиримый ко всякой неправде, не знающий колебаний.

Характер это русский, подлинный, он как живой встает со страниц своих книг и покрикивает словами своего «послания верным»: «Станем бога ради добре, станем мужески, не предадим благоверия!»

Его называют выдающимся писателем XVII века. Это дань уважения. А он никакой не писатель, не книжный, а живой человек своего времени и говорит не книжным, а живым, ярким, сочным народным языком. И для нас ныне протопоп тем дорог, что сберег он настоящий, не книжный, русский язык своего времени и утвердил его величие: «Люблю свой русский природный язык».

Он весь перед нами в своем бесхитростном житии: большая семья, нужда горькая, дикий быт средневековья; на цепи у печи сидят бешеные, он из них беса выгоняет, к нему в дом врываются недруги, бьют его нещадно, сам он тоже поучает силою грешных своих; и озаренные мученическим светом бесконечные скитания его, и бесконечные страдания. «Долго ли мука сея, протопоп, будет?» — спрашивает его жена, а он в ответ: «Марковна, до самой до смерти!»

Пятнадцать лет просидел протопоп в страшной пустозерской земляной тюрьме.

«Таже осыпали нас землею, и паки около земли другой струб, и паки около вся общая ограда за четырьмя замками; страже же стражему темницу. Да ладно, так хорошо! Я о том не тужу, запечатлен в живом аде плотно гораздо; ни очию возвести на небо возможно, едина скважина, сиречь окошко. В него пищу подают, что

* Тайбола — приземистый лес, сырой, болотистый, чащобный.

собаке; в него же и ветхая измещем; тут же и отдыхаем. Сперва зело тяжко от дыму было: иногда на землю валяясь удушиться, насилу отдохнешь. А на полу том воды по колени, — все беда. От печали великия и туги неначаяхомся и живи быти, многажды дух в телеси займется, яко мертв — насилу отдохнешь. А сежу наг, нет на мне ни рубашки, лишь крест с гоитаном» *.

Пятнадцать лет, зарытый в землю, по колено в воде — это и представить невозможно. А как представить, что человек писал в этой темнице? Немыслимо! А ведь именно в пустозерской темнице написал Аввакум все прославившие его сочинения, в том числе и свое знаменитое «Житие». Здесь крепла и росла его слава писателя и проповедника. «Послания к верным», к «чадам духовным», написанные ярким, огненным языком, искрами разносились по северной Руси — из Пустозерья на Мезень, на Пинегу, на Двину, в Поморье, — жгли сердца и пробуждали пламень бунтарства. Аввакум — страдалец и мученик в далеком Пустозерске — стал символом и знаменем раскола.

И все это было где-то здесь, где мы стоим, может быть, на этом месте, а может быть, на том? И суровость природы, и отрешенность, пустыньность здешних мест так близки кажутся суровому, аскетическому, сильному характеру бунтаря-протопопа.

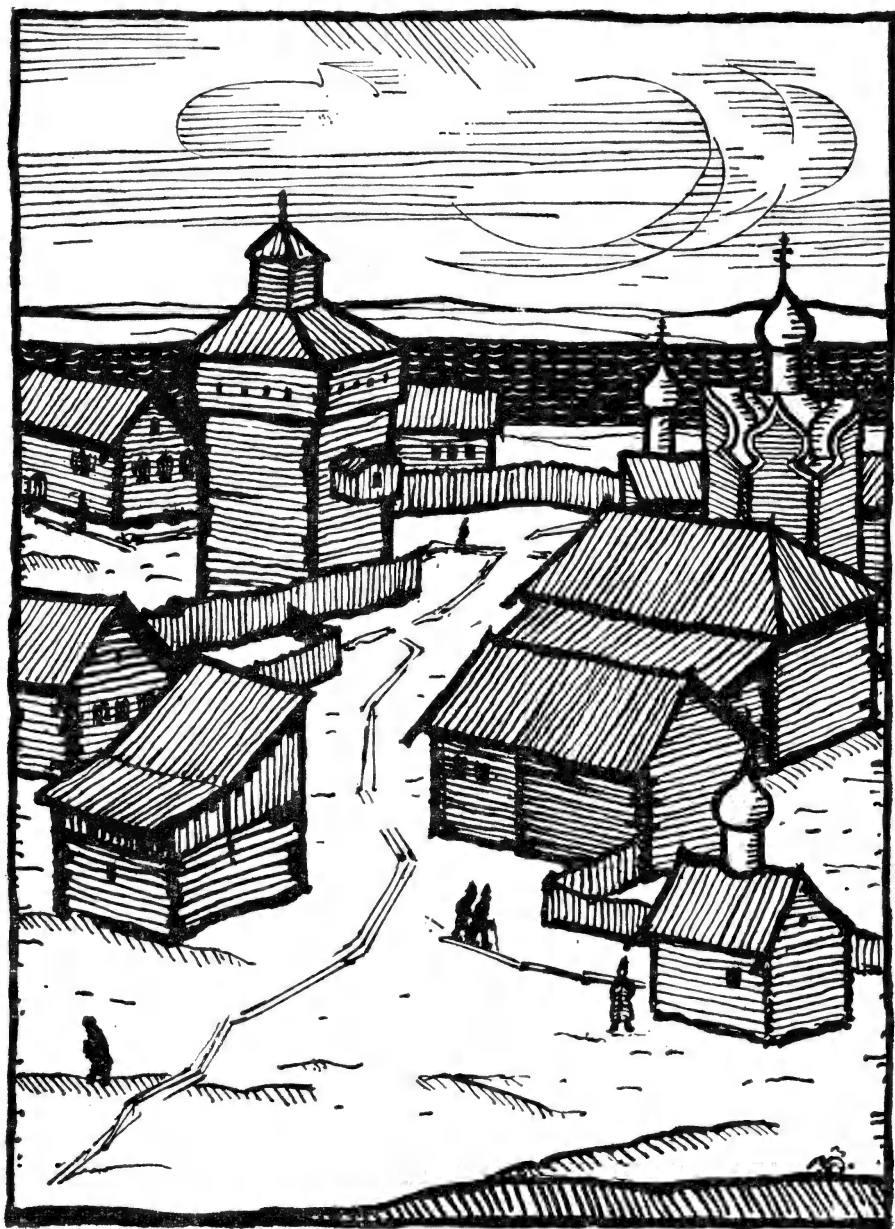
Историк С. М. Соловьев так характеризует Аввакума: «В соответствии богатырю-патриарху XVII век выставляет нам богатыря-протопопа, вследствие несдержанной силы ставшего заклятым врагом Никона и расколоучителем». Богатырский характер — да, такой он был!

В одну сторону, простираясь к Печоре, идет серая тундряная степь, в другую, за озером, — пески и тундра, над всем низкое небо, быстро несущиеся тучи, редкие лучи солнца в просветах. Ненадежна, изменчива здесь погода: утро было ясное, тихое, днем — ветер, тучи. Север... Только два месяца здесь лето, а снег лежит восемь месяцев.

Вот яма, ветры обнажили остатки обгорелых бревен. Уж не тут ли сожгли протопопа с «союзниками»? Прежде помнили это место, песочек там был такой белый-пребелый, брали его суеверные люди, от зубной боли будто бы помогал... Страшно представить: ярким факелом пылает сухое дерево, а люди в срубе поют молитвы и славят господа, сподобившего их кончины мученической... Было это 14 апреля 1682 года. В эти дни кончается зима на Печоре, появляются проталины, солнце не угасает во весь день и летят лебеди...

Воображение рисует новые сцены исторического романа, действие которого происходило здесь же, в Пустозерске. Новый образ возникает перед нами. Уже не протопоп, мужик, бунтарь, страдалец за «малых сих», за «веру истинную», а человек ученый, книжный, манер тонких, ближний боярин и хранитель царской печати, дипломат Артамон Сергеевич Матвеев. Был он любимцем царя

* «Житие протопопа Аввакума» по Прянишниковскому списку. Гоитан — шнурок, на котором носили тельный крест.

Алексея Михайловича, но при новом царе Федоре недруги добились его свержения, обвинив боярина в колдовстве и «покушении на жизнь царя через посредство аптекарской палаты».

Любопытно, что лет за десять до ссылки Матвеев вместе с мудрым философом Симеоном Полоцким послан был царем утешать непокорного Аввакума, но оба искушенных в богословии мужа не смогли поколебать непримиримого протопопа. И вот боярин сам попал в то же «место плачевное, в Пустозеро». Не сладко пришлось здесь сановнику, хотя и не в темнице он сидел, совсем он пал духом и писал слезные челобитные царю: «С голоду страждем». Совсем не то, что Аввакум записывал: «Да что бог придет, и аз то снем, а коли нет — ино и так добре. О Христе Иисусе питайся наш брат, живой мертвец...» Матвеев надеялся, Аввакум знал — он «жив погребен».

И в судьбе Матвеева вышла перемена: он был переведен с Пустозерья на Мезень, где тоже ему было солоно, а потом, с воцарением Петра, возвращен из ссылки и снова возвысился высоко. Но недолго торжествовал старый боярин. Вскоре погиб и он, только на месяц пережив протопопа, — Матвеев был растерзан в Кремле взбунтовавшимися стрельцами.

Так причудливо переплетаются порой человеческие судьбы.

В ссылку на Пустозеро попал и фаворит царевны Софьи Василий Васильевич Голицын, на место своего смертельного врага Матвеева. Был он незаурядным государственным деятелем, человеком большого ума, учености европейской, таким изображен он и в романе А. Н. Толстого «Петр Первый». И Голицын в свой черед страдал от голода и писал покаянные письма. В конце концов он был переведен на Пинежский волок, где и умер.

Так в XVII веке Пустозерск оказался вовлеченным в круговорот истории, оказался причастным к государственным потрясениям. Здесь рождалась слава одних и гибла слава других.

Но понемногу течение истории перестало задевать Пустозерье. В конце XVIII века Пустозерское воеводство было упразднено и административным центром сделан город Мезень. Пустозерск стал селом, центром Печорской волости, позже и это право отняла у него разросшаяся на правом берегу Печоры, в 250 километрах выше, Усть-Цильма.

Пустозерск хирел... Исчез сторожевой частокол, рушились древние церкви, убывало число домов, и только название оставалось — «Городок».

В «Энциклопедическом словаре» Брокгауза — Ефрона сказано, что в Пустозерске 130 жителей обоего пола и две церкви, с кратким резюме: «Никакого торгового и промышленного значения П. не имеет».

Ни в первом, ни во втором издании БСЭ о Пустозерске упоминаний нет: к этому времени он перестал существовать.

И вот стоит теперь посреди бывшего Пустозерска каменный обелиск с медной доской, на которой вкратце пересказана ле-

топись города. История на сем месте закончила свой путь. Никого здесь нет, одни мы, пришлецы.

— Первые вы такие у меня, — говорит рыбак. — Мало кто сюда ездит. Да и что смотреть-то тут?

Вроде бы и нечего. Пусто вокруг, один песчаный полуостров среди озера. И все-таки это какое-то притягивающее место, что-то в нем есть такое особенное, не зря же его выбрали для городка среди всех окрестных мест. Ощутима здесь суровая и величественная поэзия северной природы, витает здесь дух истории.

Не хочется так просто уходить отсюда, хочется понять прошлое, ощутить его дыхание, найти хоть что-то, примету какую-то былого. Но ничего — пусто место. Одни молчаливые кресты на кладбище. И остались в памяти от Пустозерска только ссылки, костры, виселицы...

Так неужели тем Пустозерск знаменит, что здесь людям было плохо?

Нет, в этом еще не вся правда о Пустозерске!

Жили здесь смелые русские люди. Занимались рыболовством, скотоводством, оленеводством, а больше морским промыслом. Промышлять ходили на Новую Землю. С попутным ветром на паруснике туда было три дня ходу. Эти дикие скалистые острова называли они ласково «Маткой». «Матка» их кормила: добывали моржа, тюленя, попадался и ошкуй — белый медведь...

Вспоминаются строки Хлебникова про поморов:

Ветер лапою ошкую
Снова бросится, тоскуя,
Грозно вырастет волна,
Возрастая в гневе старом,
И опять волны ударом
Вся ладья потрясена.

Так на своих ладьях забирались пустозеры в Студеный океан, далеко ходили, до самого Груманта — Шпицбергена. Арктическое лето коварно: чуть зазевался, увлекся промыслом — пали туманы, пришли льды, затерли ладьи, и приходится зимовать в избушке, сложенной из плавника. Начинаются долгие полярные ночи, лютый холод, цинга — трагическая полярная робинзонада... А сколько море взяло! Много безвестных поморских крестов оставлено на далеких северных островах. Вся жизнь людей здесь проходила в суровой, опасной борьбе с природой.

Это тоже история Пустозерска, героическая история, хотя действующие лица ее нам неизвестны. Это его слава, им записанная страница в историю покорения Арктики. И это — оправдание Пустозерска, ибо не прозябали здесь люди, а боролись, жили честно и смело.

Все еще хочется насмотреться окрест, жалко уходить — вряд ли еще выпадет случай попасть сюда, на «край земли»... Но рыбак давно терпеливо ждет нас, курит не первую папироску.

Снова гудит мотор, и удаляется холм с крестами и обелиском...

— Да, это надо было видеть! — говорит мне мой товарищ. Да, мы прошли всю Печору и видели Пустозерск!

Снова Устье. Рыбак так просто нас не отпускает: «Как же не поевши в дорогу?» И мы пьем с ним чай и едим соленую пелядку. Таков добрый северный обычай гостеприимства, и мы его чтим.

Обратно мы торопимся, чтобы не опоздать на последний катер из Тельвиски. Через три часа, изрядно усталые, приходим в деревню. Конец августа, сумерки сгущаются быстро. Вдали горят огни — порт Нарьян-Мар. А потом мы, вконец измученные (но довольные, как всегда прибавляется в подобных случаях), не чуя под собой ног, идем по дощатым тротуарам города, а нас обгоняют пассажиры с «Буковины» — быстроходного лайнера, пришедшего из Архангельска...

И тут остается только досказать последнее и важное: почему же запустел Пустозерск и исчез с лица земли? Здесь и ответ — в Нарьян-Маре.

Печоре давно был нужен порт в устье реки, свои «ворота в океан». Местоположение средневекового острога по тем временам было удачно: с трех сторон вода, с четвертой — открытая равнина. Но стоял он вдали от главного русла реки, и уже в XVIII веке к нему не могли подойти крупные суда — шары затянуло песком. Портом он быть не мог. Тем самым Пустозерску был подписан смертный приговор.

После долгих исследований и поисков в начале 30-х годов порт на Печоре был построен в месте, называемом Белошелье. Порт рос. Пустозеры разбирали свои дома, свозили на новое место, где была работа, начиналась новая жизнь (морские кустарные промыслы давно заглохли). Порт рос, а старый «городок» хирел и чах день ото дня, превратился совсем в крохотную деревеньку в несколько домов, а потом и деревеньку вдали от дорог забросили, ушли из нее люди.

Так исчез Пустозерск, но не пусто прошла его четырех с половиной вековая история. Свое дело он сделал и оставил преемника — Красный город, что по-ненецки и значит Нарьян-Мар.

Здесь бы надо сказать доброе слово о Нарьян-Маре, но о нем уже сложена песня. Да и не скажешь обо всем в двух словах: о семужном лове и рыбаках, о богатстве дельты Печоры, о том, что в его окрестностях на реке Шапкиной нашли нефть и город живет предчувствиями новой будоражащей жизни промышленного центра. Его история, я думаю, впереди. Он еще молодой, тридцатилетний. История и легенда его иная, и ему будет иной рассказ.

Об авторе

Г. Гунн (Гунькин Генрих Павлович), член Союза журналистов. Родился в 1930 году в Саратове. Окончил исторический факультет МГУ. Журналист, корреспондент журнала «Вокруг света», «Смена» и других.

В 1968 году в издательстве «Мысль» вышла книга «Онега впадает в Белое море». В альманахе публикуется впервые. В настоящее время автор работает над книгой о Печоре.

ДОЗОРНЫЕ ОТЧАЯННЫХ ГОР

✱

Очерк

Слишком тепло и светло у меня дома. И одиноко. Мне кажется, что мой дом там, где живут самые близкие мои друзья, с которыми довелось пережить много холодных, голодных, трудных дней и ночей.

Читаю Ливия и за строчками выпрєнных, слишком древних для сегодняшнего восприятия фраз чудятся узкие, бесконечные тропы. И по ним жидкой цепочкой, с большой осторожностью движется через Альпы стотысячное карфагенское войско.

Идет весна. Со склонов падают ручьи. Жидкая каша снега растекается под ногами. От нагретых камней поднимается пар, и туман скрывает от глаз узкую дорогу.

Ганнибал, сын Гамилькара Барки, героя 1-й Пунической войны, задумал нанести удар в спину своим давним врагам — римлянам. Он провел войско и слонов через ущелья Пиренеев, через беспокойную Галлию и

очутился в том месте, откуда римляне меньше всего ожидали нападения. Хорошо понимал знаменитый полководец, что этот поход через снежные, холодные горы очень рискован. У воинов нет одежды. Слоны, привыкшие к знойным саваннам, могут прийти в ярость от морозов и бескормицы. Но знает он и другое. В войне с сильным и хитрым противником только риск может привести к победе. Риск...

По ночам воины Ганнибала мерзнут от сильных ветров, днем их обжигает беспощадное горное солнце. Но они не ропщут. За Альпами их ждет золото, хлеб и вино богатой Этрурии, виноградной Цизальпинской Галлии, легкомысленной Калабрии. Они идут и идут — крепкоплечие, жестокие, смелые, готовые в любой миг схватиться с врагом. И вдруг...

Впрочем, что «вдруг»? Воины Ганнибала увидели то же самое, что испытывали многие из нас. Вернее, они сначала слышали грохот, похожий на грозу, подняли головы. Ясным и солнечным было небо, но на вершине за клубился снежный ком. Он растет на глазах, он захватывает деревья и камни, он стремительно наращивает бег и через минуту яростным снежным водопадом обрушивается на головы несчастных... Ганнибал теряет столько воинов, сколько не гибло ни в одной из его битв.

Эту беду Ливий назвал лавинами. И они остались так же, как остались горы. Только выросли люди, которые объявили лавинам войну.

Нет сил усидеть дома. Ребята сейчас там, в далеких горах. И предчувствие какой-то беды неудержимо влечет в горы...

...Николай Васильевич Максимов, а попросту Макс, потому как эта дружеская кличка лучше подходит к его кругленькой фигурке и суетливой натуре, руководит в Киргизии всеми лавинными станциями. Он и встречает меня в аэропорту, колотит по спине кулаком и щурит лукавые зеленые глазки:

— Все же прилетел, старина? Едем!

Городская гостиница побоку: цивилизация не для нас. Мы вместе были на леднике Иныльчек, брали пик Победы и Хан-Тенгри, тонули в Сарыджазе, жрали траву от голода, курили конский навоз, когда кончался табак.

А тех, кто уже бывал на Иныльчеке — одном из могущественных горных ледников мира, — никакой бедой не разлучишь, потому что тогда никто из нас не был уверен, что мы выйдем оттуда живыми. Такое не забывается.

Снегомерно-гидрографическая партия получила новый «газик». На его борту ребята нарисовали огромную эмблему: белый круг, белые горы и человечек с рюкзаком, согнутый в три погибели... Мы мчимся по дороге Фрунзе — Ош. Вокруг горы. Низкие тучи скрывают вершины. Мотор гудит, пуская из радиатора на подъемах колечки пара...

Помню стометровую каменную стену недалеко от подножия Хан-Тенгри — «повелителя духов». Мы подтаскиваем к ней части осадкомера — прибора для измерения осадков. Его только что наладили. Камнями выпрямили стальные стойки, которые погнулись при падении с вертолета. Руки у нас в синяках и ссадинах.

Смотрим вверх. Там расчищают от камней площадку для прибора Макс и Володя Зябкин — снегометрист. Пятерым — Юре Баранову, Володе Царенко, Сереже Айрапетянцу, Юре Акименко и мне — надо поднять шестидесятикилограммовую «бандуру» по этой стене. По ней и налегке пройти трудно: осыпь. Потрескавшиеся, разрушенные временем камни держатся чудом, они готовы в любое мгновение обрушиться на наши головы. У всех нас от ветра, стужи и солнца почернели лица, облупилась кожа на носу и щеках, губы иссеклись до крови.

Площадка, где будет стоять осадкомер, рядом. Ну какое это расстояние — сто метров? Пустяк! Николай Васильевич машет рукой: площадка готова. Мы подтягиваем под осадкомер веревку, завязываем концы петлями, чтобы удобнее было тащить, втискиваем плечи в эти петли. Выпрямяемся — кажется, кости хрустят от натуги. Шатаюсь, скользя на осыпи, делаем шаг, второй, третий... Бешено бьется сердце. В глазах плывут разноцветные круги. Судорожно хватаем ртом воздух. Как его мало здесь, на высоте пяти километров, рядом с Хан-Тенгри, возле которого уныло плывут белые облака!..

— Стоп! Остановка!

Ложимся рядом с осадкомером, не освобождаясь от петель. Прижимаемся к камням. От них тянет прохладой и льдом. После ночного мороза солнце еще не успело опалить их. Милая земля, дай сил, чтобы подтянуться вверх еще на три метра, потом еще, еще...

На высоте и килограмм — нелегкий груз. А у нас сейчас этих килограммов сто шестьдесят. По тридцать с лишним на одного. Поднимаемся еще на три метра и снова принимаем к камням, зацепившись за щели носками ботинок.

Интересно, сколько наших высотных шагов в этих трех метрах? Интересно, поднимемся ли мы когда-нибудь на площадку, где будем долбить камень, закрепляя стойки прибора и вбивая крючья для тросов-растяжек? Интересно, как вообще будет выглядеть мир, когда мы все-таки одолеем эту каменную стену?

Ночью мы коченеет от холода, днем нас жжет немилосердное солнце. Мы спорим о смысле жизни и даже ругаемся. Мы люди, а не экскаваторы. Но сюда, на пятикилометровую высоту, где никто не живет и жить не будет, мы пришли затем, чтобы затащить осадкомер. И он будет стоять, пока не проржавеет. И сюда ежегодно будут приходить люди и смотреть, сколько осадков выпадает в сердце Иньльчека, сколько воды он даст реке, сколько полей оросит и даст работы новым турбинам.

Мы первые, кто устанавливает здесь осадкомеры. И пришли первыми, потому что до нас здесь не было ни одной души и никто нигде: ни в Альпах, ни в Кордильерах, ни в Андах — не рисковал поднимать такие вот приборы к облакам.

Мы лезем по каменной стене, лезем упрямо, лезем на последнем дыхании, от злости и боли сжав зубы...

Разве такое забывается?

А сейчас «газик» бежит и бежит, накручивая на колеса километры дороги. Чем дальше, тем могущественнее горы и пропасти, тем больше снега, тем петлистее шоссе.

Впереди загораживает полнеба перевал Тюя-Ашу. На северной его стороне у входа в тоннель приютилась лавинная станция Володи Зябкина.

— Не ждет, — улыбается Макс.

Но Володя ждет. Сработал, как в большой деревне, беспроволочный телеграф. В курточке, в остроносых ботинках, уже отброшенных модой, в треухе с оторванным козырьком, он прыгает через сугробы:

— Знал: вернешься!

Рядом с баракom лавинной станции стоит другой барак. Оттуда несется дружный лай собак.

— Самые трудные соседи... коммунальная, словом, квартира, — неизвестно чему улыбается Володя. — Медицина над ними колдует. Вот она!

На крыльце стоят две девушки.

— Элла! — знакомит Володя, картинно подняв руку.

Приятная темноволосая девушка с раскосыми карими глазами, матово-смуглым лицом кивает нам.

— Ниночка!

Почти девочка, тоненькая, в голубых брючках чуть ниже колен, в ярком свитере, с пышно взбитыми, выкрашенными в рыжий цвет волосами, приплясывает на пороге.

Собираемся в тесной комнатке Володи. Мы редкие гости, как с другой планеты, с летающих блюд. Накрыт роскошный стол. Банки консервов, каша в мисках, капуста и весь запас красного вина «Киргизстан». Вместо стаканов кружки, неведомые черепушки, чашки от бритвенных приборов.

Николай Васильевич поднимает руку:

— Друзья мои! Вы всегда упрекали меня за высокопарность. Но я таков, и меня не изменить... В этом, понимаете ли, все. Нет подвига, равного терпению. Нет счастья, равного удовлетворению. Нет дара, равного дружбе. Сегодня мы снова вместе. За то, чтобы на всю жизнь!

Меня охватывает почти забытое чувство полного и блаженного покоя. Я пью вино. Теперь снова дома. У нас дом не там, где роди-

лись и живем, а где друзья и работа — настоящая работа, наслаждение, радость и жизнь.

Хмель ударяет в голову. Я смутно понимаю Володю, который что-то толкует о пике Нансена и Хан-Тенгри.

— О женщина — сосуд нектара, источник наслаждений! — шутит Макс, галантно ухаживая за Ниночкой. — Не будь у нас женщин, мы бы стали пещерными людьми!

— Перестаньте болтать глупости! — Ниночка передергивает плечиками и садится напротив, оттеснив Володю. Но Володя, пытаясь дотянуться до меня, почти ложится на стол и твердит свое:

— Помнишь, как мы переправлялись через Сарыджаз? А?

Я все помню. Только сейчас не могу об этом говорить. Перед глазами стол плывет, тени от лампочки плывут, журнальные красотки на стенах плывут. Делаю усилие над собой, тогда из нечеткости окружающего выплывает то возбужденное лицо Макса с седой бородкой клинышком и блестящей лысиной, то Володя с капельками пота на носу и потемневшими кудряшками, то пухлые, чуть приоткрытые, как у Брижит Бардо, губы Ниночки.

Я отвык от высоты. А Тюя-Ашу почти на три километра возвышается над уровнем моря. В крови, отравленной вином, скапливается, говорят, много углекислоты, и поэтому голову начинает разрываться боль.

— Не курите, мальчишки! — доносится издалека голос Ниночки.

— А помнишь Сарыджаз? — бубнит Володя.

«Не уходи, тебя я умоляю! Слова любви стократ я повторю», — дребезжит тенорком Макс.

Потом и голоса уплывают, переходят в неясный гомон...

Кто-то сильно сжимает плечо:

— Выйдем.

Я послушно поднимаюсь. Спотыкаясь о скамейки, выходим наружу. Света нет. Только луна. Она выбелила горную пустыню вокруг нас. Голубыми спинами горбятся вершины. За ними угадывается Ала-Кок — «святая зеленая гора». Я ее никогда не видел зеленой. Здесь ничто зеленое не растет. Но может быть, древний путник, который шел караванной тропой и взбирался на вечно-холодный наш перевал, все же нашел на ней верблюжью колючку и с радости нарек гору святой и зеленой. За Ала-Коком бледнеет пик Отважный, отвесный и острый, как зуб. И дальше тянутся горы. Все горы и горы до самой Ферганы.

— Приложи льдинку ко лбу, пройдет...

Теперь я узнаю голос Макса. Ветер приводит меня в чувство. Голова не совсем чугунная, кровь стучит, движется.

— Надолго к нам?

— Не знаю. Только я... сильно о вас соскучился, сильно...

У меня возникает желание прижаться к груди старого друга и заплакать, рассказать ему, как бесполезно жил с тех пор, как расстались.

Николай Васильевич стискивает мои плечи:

— И мы, старина, тоже скучали. Мы как братья сейчас, даже ближе братьев...

— Ты иди, Макс, одному постоять хочется, — прошу я, потом прислоняюсь к холодной стене и закрываю глаза. Вокруг неземная, глубокая, жуткая тишина. Не шуршит даже поземка у ног. Лицо ощущает острую и прозрачную прохладу, которой ночью дышат зимние горы.

Теперь со мной друзья. И горы, и снега, и лыжные тропки к дальним лоткам у лавиносборов. Морозный воздух вливается в легкие. Внизу под перевалом зажигается крохотный огонек. Кто-то

отчаянный гонит машину в ночь. Часа через два он будет у нас. Огонек то пропадает, то маячит снова — карабкается на перевал. Какая же нелегкая несет тебя, шофер? Спал бы ты лучше, спал...

Тихо прохожу на кухню. Она здесь и столовая, и клуб, где ребята обычно «гоняют козла», и курилка. Зажигаю керосиновую лампу. В окне искрится сугроб. На полке горкой сохнут алюминиевые миски и кружки: Ниночка с Эллой успели убрать со стола. На лавке — два бидона с водой и оставшаяся от праздника гречка. На стенах те же журнальные красотики, выцветшие от времени. У печи спит пес. Я не помню, как звали его. Знаю только, что ребята привезли его из Токтогула в рукавичке и спал он сначала под животом у кота Зямы. Теперь Зяма кутается в рыжей длинной шерсти собаки, и лапа пса покровительственно лежит на нем.

Ухожу в свою каморку и залезаю в спальный мешок. Сном младенца спит Володя Зябкин. Мое лицо щекочет мех, и я никак не могу уснуть.

Слышу гул машины. Ее мотор воеет, жалуется на крутой подъем и усталость. Так воют здесь, на Тянь-Шане, волки, когда их пугает луна и не чувят они козлиных троп.

Загудело сильнее. Гул врезался в мозг, как скоростное сверло, взлетел до пронзительной высоты и оборвался лопнувшей струной... Шофер сбросил газ и свернул к нашему дому. Скрипнула дверь. В коридоре застучали обледеневшие валенки. Кто-то из ребят встал, и шофер торопливо заговорил, чиркая спичку за спичкой, очевидно не в силах прикурить... Я догадался, что он просто свернул на огонек, потому как долго быть одному и плохо, и холодно.

2

Утром мы с Максом едем на станцию Ала-Бель. Там начальником Юра Баранов. Машина бежит по укатанной снежной дороге. По обочине ползают бульдозеры, сбрасывают снег под откос. Кое-где попадаются строчки лисьих следов. Несколько лет назад эти места были самыми дальними. Пропылит отара, промчатся дикие горные козлы, прокрадется лисица или волк — и снова все замрет, как сто и тысячу лет назад. А вот прошла дорога — и край ожил. Появились поселки. Они сейчас, в морозную, солнечную погоду, далеко видны по прямым сизым дымкам.

Станция Ала-Бель стоит на высоте три тысячи двести метров над уровнем моря. Впереди только один столбик дыма висит над белой горой. «Газик» бежит к нему, а он как будто отодвигается. Но вот наконец поворот, и прямо из сугробов вырастают два домика. В одном живут дорожники — их мы видели на работе, в другом — наши ребята, лавинщики.

Обычно Юра Баранов носит бороду. Вырастает она у него черная, пышная, разбойничья. Только голубые, доверчивые, как у ре-

бенка, глаза никак не подходят к этой бороде. Сейчас Юра выглядит опаленной курицей. И вправду, он спалил ее, а остатки сбрить пришлось. Руки перевязаны, но уже заживают. Месяц назад во вьюгу Юра растапливал печь и налил в темноте на дрова много солярки. Бросил спичку — сильный огонь перебросился к ведру. Едва удалось загасить...

После довольно долгого битья по рукам и спинам, расспросов и рассказов Юра заговорщицким тоном спрашивает:

— На лыжах пойдешь или на тракторе отвезти? Двадцать третий будем взрывать.

Лыжи, большие, тяжелые, с окованными железом краями и пластмассовой скользящей поверхностью, взбивают искристую пыль. В первую минуту идешь на одном дыхании, но потом чувствуешь, что-то сильно сжимает горло. Пока легкие не привыкнут к уменьшенной порции кислорода, ты будешь ощущать неодолимую тяжесть и одышку.

Хорошо, что дорога идет под уклон и легко скользят лыжи. Мне знаком путь. Видел я его и летом, когда черное, набухшее небо висело рядом и тучи цеплялись за вершины не в силах перевалить через Ала-Бель. Помнил и осенью, когда в желтых камнях пронзительно свистели улары, по склонам бродили круторогие козлы, отыскивая корм и нагуливая жир для длинной и голодной зимы. Сейчас дорога более пустынна, только горы такие же — вечноснежные, дикие, мрачные. В тени они фиолетовые, а там, где падает солнце, блестящие, как новая жесть. Снег покрыт ледяными чешуйками и звенит под лыжами. Распластав крылья, в далеком темно-синем небе кружит орел, — наверное, выследил козлов.

На склоне одной из гор замечаю фигурки. До них еще километров пять, но они уже хорошо видны, и не стоит большого труда отгадать, что справа мечется беспокойный Макс, поодаль от него движется, отыскивая более пологий путь, Юра Баранов, а напролом вверх лезет могучий Витя Сокол, техник-снегометрист.

На дороге стоят бульдозеры. Они перекрыли путь на то время, пока ребята будут спускать лавину.

Вот ребята подложили под лавиносбор взрывчатку. У огнепроводного шнура остался только Витя Сокол. Остальные зигзагами понеслись вниз.

Тороплюсь успеть к лавине. Но медики утверждают, что на высоте падает содержание сахара в крови и повышается количество молочной кислоты, которая сопутствует нашей усталости. Не знаю, что нам на высоте вредит, только ясно одно: работать здесь плохо. Дышишь, как старый астматик, чувствуешь, как слабо и болезненно ворочается сердце.

Юра из ракетницы пускает желтую ракету: внимание. Рассыпая искры, ракета летит над голубыми снегами и втыкается в камни. Витя поджигает шнур. Даже издали нам виден дымок. Витя, опустившись на палки и тормозя ими, мчится к дороге.

— Закурим? — спрашивает Макс, приплясывая.

— Ты же не куришь!

— Да разве сейчас утерпишь?!

Теперь будем ждать. В такие моменты, давно всеми замечено, время тянется, будто собираясь умереть. Секундная стрелка нервно скачет по циферблату, а минутная приклеивается к корпусу часов. Ждать... На глаза набегают слезы. Сквозь них и секундная стрелка начинает прыгать, как раненый кузнечик.. Макс бесцельно кружит вокруг скалы, Юра и Витя курят.

Особенно волнуется Юра. Он всегда волнуется. Живет и смотрит на мир глазами младенца. Сколько километров прошел по снегам, сколько видел лавин — и ничему не перестал удивляться. А у меня вдруг пропадает желание ждать этот стремительный поток снега и камней. Все будет так, как и должно быть. Чуда не произойдет. И мир не перевернется. И завтра, и послезавтра, и через год ребята будут делать одно и то же, как заводные. Работа лавинщика никогда не даст новизны. Она не пробудит мысль, не взбудоражит кровь. Наверное, и для Макса, сколько он ни волнуется, недостаточно того, что мы делаем. Работа токаря, яркая гипотеза исследователя, смелая мысль конструктора неизбежно включаются в орбиту общечеловеческих отношений. А что потеряет или приобретет человечество, от которого мы так далеко, если мы спустим или не спустим с одной из тысяч гор лавину?.. Нет, тут я неправ! Это бродит в голове отравленная кровь, так как еще не привык организм к верхогорью...

Дымок, подсвеченный солнцем, все еще вьется над снегом. Наверное, взрыва не произойдет. Мало ли что может случиться с огнепроводным шнуром, взрывателем или толком!

— Вот было однажды... — шепчет Макс не для того, чтобы рассказать еще одну историю, а чтобы скоротать время. — На Ала-Беле Юрка дал двухдневный отбой. Лавин и правда не предвиделось... Но я, понимаешь ли, поседел за одну ночь...

Взрыва еще не произошло, но что-то вдруг заставило замолчать Макса. Не шелохнулся воздух, не вздрогнули горы. Мы напрягли зрение и догадались, что именно встревожило Макса. Оттуда, где вился дымок, взлетела галка и круто взмыла в небо. И как только она скрылась за вершиной, вскипел снег. Вверх взвилось огромное облако. Еще секунду сугробы на склоне лежали неподвижно, а потом по ним побежали черные трещины, и вся гора двинулась, потекла вниз.

Неожиданно перехватило дыхание от ощущения чудовищной силы, которая рванулась навстречу нам, крошечным муравьям, даже микробам по сравнению с гигантской, бьющейся в снежной круговерти лавиной.

Потом долетел звук — глухой, грозный, тревожный, как восточный бубен. И вслед за ним по горам дробно покатилося печальное эхо. Кажется, отозвалась каждая вершинка, каждый камешек.

Что-то невыносимо свирепое было в этой лавине. Она ползла навстречу дороге, вздымая могучую грудь, и под ней стонала вся гора. Сотни всплесков там, где снег встречался с камнем, делали ее похожей на ад боя, перемалывающего крохотную дольку земли, на которой могла еще теплиться жизнь.

В очень давние времена двинувшиеся с гор снега сравнивали с дьявольской игрой воображения. Должно быть, только самый страшный ураган, самое лютое землетрясение, испепеляющая лава вулкана, что погубила Помпею, могли соперничать с этой лавиной. До нас уже долетал ветер ее дыхания, лицо колот снег, летящий со скоростью пули во все стороны, мы с тревогой посматривали на другие горы, готовые от сотрясения разразиться такими же лавинами, но поднаторевший глаз Николая Васильевича не уловил опасности.

— Порядок! — воскликнул он и, помолчав, добавил задумчиво: — Люблю, понимаешь ли... В этом все!

А снега еще клубились, вскипали, ворочали камни, но ложились у дороги в предсмертной агонии. Расчет был точный. Лавина не засыпала магистраль. Обессилив, она легла рядом. Но если бы ее не взорвали сейчас, то завтра, накопив достаточно снега и силы, она могла засыпать дорогу и стала бы могилой тому, кто ненадолго очутился бы здесь в этот момент.

Юра вложил в ракетницу зеленый патрон и выстрелил: путь свободен. И как ни пустынна вначале казалась дорога, по ней сразу же устремились грузовики, автобусы, «Победы» и «Волги». С двух сторон они шли — из Фрунзе в Ош, в дальний угол Киргизской республики, и обратно.

Вот эту дорогу и охраняют от лавин ребята станций Тюя-Ашу — северная и южная, Ала-Бель, Итагар. Другие лавинные станции в стороне от дороги сторожат поселки и рудники. Сторожат дено и ночью, потому что лавины в горах, как и пожары, наводнения, ураганы, землетрясения, наносят людям страшный ущерб. Веками они угрожали жителям гор. Люди приписывали лавины колдовству ведьм. Колдунов и колдуний четвертовали, жгли на кострах, изгоняли из своих мест. Когда возникала опасность лавин, жители гор закапывали в снег освященные яйца, надеясь задобрить злые силы.

Шли столетия за столетиями, а лавины грохотали, уничтожая леса на склонах, хороня под снегом дома и людей, разрушая дороги, телеграфные и электрические линии. Снег на склонах нарастал, изменял структуру от действия солнца и выюг, превращался в рассыпчатую массу, как песок барханов. Падая камешек, проходил человек — и сугробы срывались с обрывов, разгоняясь до скорости водопада. И казалось, не было такой силы, чтобы укротить их, сберечь то, что трудолюбиво воздвигали в горах люди...

— Так вот, была ночь,— продолжает Николай Васильевич рассказ, который он начал, когда мы ждали взрыва.

По обочинам торной, белой дороги, как грибы-лесовички, пробегают столбики с мохнатыми снежными шапками. «Газик» мчится по самому краю сугробов, изрытых лезвиями бульдозеров.

Была ночь... А накануне вечером Юра Баранов дал телеграмму, что лавин не будет по крайней мере два дня. Барометр не падал, понижалась, как обычно при устойчивой погоде, температура воздуха.

Юра и Витя Сокол возвращались с ближнего лотка. Солнце уже зашло, и черная тень ночи напознала на горы. В рюкзаках позванивали жестянки метелемера, плотномера и других необходимых для снегометристов вещей. Выглянула луна, осветив снега голубым, ясным светом. А за ней, как хористки, высыпали веселенькие звезды и дружно замигали двум лыжникам, которые легко и свободно скользили по голубой долине к домику, одиноко и призывно светящему на перевале Ала-Бель.

Юре, ленинградцу, эта ночь напоминала белые ночи июня в родном городе. И ему даже стало теплее. Воспоминания о родном доме, о родителях-стариках, о любимой девушке, которая живет там и ждет, всегда согревали его доброе, хорошее сердце.

Но погода, особенно в горах, преподносит часто сюрпризы. Откуда-то из долин и низин вдруг пробилась туча. Она отрезала ребятам дорогу. И сразу же подул ветер. Погасла луна. Стало совсем темно. Ветер почуял в туче союзницу, вскружил снег. Началась метель.

По равнине в пургу идти можно, был бы компас. В горах метель делает человека слепым и беспомощным. Без лыж ребята идти не могли, а с лыжами, заскользя, они в любой момент могли свалиться в пропасть или трещину, и никто никогда не смог бы их отыскать.

Ощупывая каждый метр, шли ребята, то и дело проваливаясь в сыпучем снегу. Но не хлесткая колючесть снега беспокоила Юру. «Ведь я дал двухдневный отбой лавинам», — сокрушался он.

— Может, машины не пойдут? Знают же шоферы, что могут начаться лавины, — сказал Витя.

— Пойдут, — ответил Баранов.

И как бы в подтверждение ветер донес далекий рокот мотора. Одолевая подъем, шел тяжелый грузовик. Юра выскочил на середину дороги и зажег фонарик, чтобы шофер заметил его и остановился. Скоро в снежной мгле тускло зажглись две желтые фары. Шофер затормозил, недовольно опуская боковое стекло и выстукая кабину.

— Мы из лавинной станции Ала-Бель, — стараясь перекрычать вой вьюги, сообщил Юра. — Куда едете?

— На Итагар. Везу овец.

— Зачем?

— У нас в совхозе выпало много снега, и мы перевозим овец на пастбище южнее, а то начнется падеж.

— Много машин?

— За мной идет караван. Из Фрунзе машинами помогли. Несчастье одно не приходит. Туча свалилась лишь на Ала-Бель. Если бы погода испортилась на всей трассе, то другие станции тоже подняли бы тревогу. Но на других станциях была спокойная звездная ночь, и радисты уже отключились от эфира. И как раз в эту спокойную звездную ночь по магистрали Фрунзе — Ош идет караван машин с грузом в тысячи овец, истощенных от голода. Овцы не могут долго оставаться без корма и гибнут.

Юра и Виктор налегли на палки. Может быть, какая-нибудь радиостанция работает и донесет весть об опасности до управления гидрометеослужбы, до Максимова, отвечающего в первую очередь за судьбы тех, кто находится в пути. А пока надо делать все возможное, чтобы спасти дорогу от лавин. Попробовать взорвать три лавиносбора, самых беспокойных на участке.

Внезапно вырастает домик станции. Все ребята на ногах. Радист Коля Дегтярев уже пытается вызвать соседние станции. Он стучит ключом в своей каморке, заставленной приемниками, батареями, передатчиками, и в такт его руке мигает зеленый глазок рации. Но станции не отвечают. В эфире, как и на дороге, есть свои правила движения. Отработав положенный срок, радист не имеет права мешать другим. Но сейчас Коля шлет позывные по коду «шторм». Сейчас те, кто его услышит, должны прийти ему на помощь, потому что решалась судьба большого каравана, пересекающего лавиноопасную зону на самом загроможденном Большого Киргизского хребта.

Ребята грузят в мешки взрывчатку, надевают лыжи, призраками исчезают во тьме. Они идут, как матросы-спасатели в шторм на помощь смертельно раненному кораблю. Ребята жили вдали от удовольствий и элементарных удобств. И внезапные побудки, и тревоги, и риск, и ночные бдения приучили их быть готовыми к любой неожиданности. Они привычно уходили в горы, поднимаясь навстречу снегам, которые тяжелели от груза спрессованного заряда, так неожиданно обрушившегося на перевал.

Кто-то все же услышал позывные станции Ала-Бель. Неведомый радист подключился к такому же незнакомому радисту дальше, и телеграмма долетела до Максимова. Человеку, всю жизнь прожившему в горах, не надо было гадать, что скрывается за строчками сухой телеграммы. Он знал суть нежданно-негаданно нагрянувшей беды. У Николая Васильевича всегда лежит рюкзак, где хранится все необходимое в дороге — спальный мешок, фуфайка, кулек сухарей в газетной бумаге. В любой момент он был готов отправиться в путь — в далекий или близкий. Для Макса Памир и Тянь-Шань не просто географические понятия. Эти области с ледниками, лавинами, грозами, разливами рек были для него спле-

тением судьбы, прочным и долговечным центром, куда он всегда возвращался, тем, что продолжало его беспокойную жизнь.

И, получив телеграмму, он сразу помчался туда, куда пришла беда.

...Веришь ли, поседел в ту ночь,— повторил Макс и лукаво улыбнулся, а я понял, что сказано это для красного слова.

Я ответил, что Макс скорее облысел, чем поседел. Тогда Николай Васильевич прищурил маленькие глазки и проговорил серьезно:

— Конечно, волнуешься, когда где-то тебя нет и ты не знаешь, что ребятишки делают. Все закончилось проще. Лавины на опасных снежных участках мы спустили, и машины с овцами прошли к Итагару...

4

Ала-Бель — самая трудная станция на участке дороги от Фрунзе до Оша. По количеству обрушившихся лавин с ней может потягаться разве что станция Тюя-Ашу-южная. Со всех сторон домик продувают свирепые ветры. И почти непрерывно топят печи. Сырой мелкий уголь сваривается в комях. Его бьешь клюкой, засыпаешь новый, а тепла нет. Очень долго варится на плите суп и гречка.

Я, как восьмой едок, обязан дежурить. На любой зимовке дежурить не так-то просто. Ребята взыскивают со всей строгостью. Еда — единственное для них удовольствие после тяжелой работы на холоде и ветру.

Но у меня плохо горит уголь, а дров мало. Неумолимо приближается время обеда. Бегу к соседям — ребятам-дорожникам. У них такой же дом, но пониже нашего, по самые окна в сугробах. Рядом стоят бульдозеры и скреперы. Обычно дорогу расчищают рано утром, иногда ночью. Днем на Ала-Беле меньше снегопадов.

В моторе одного из бульдозеров копается огромный парень с плоским, как у боксера, носом, оттопыренными ушами и низким лбом. Володя Скопенцов, несмотря на свирепое выражение лица, мягок и добр. Прошу у него солярку. Наливает в банку:

— Пойдем, я сам расшурую.

Володя идет вразвалку, громяхая об пол безразмерными кожаными бахилами. Он долго ковыряет в печи, мочит паклю соляркой. Уголь, словно почуяв умелую руку, занялся звонким и жарким огнем.

— Это он плохо горит не потому, что мелкий,— объясняет Володя, не спеша сооружая козью ножку,— кислорода ему здесь не хватает, тоже одышка.

Гудит печь. Звенят крышки кастрюль. По кухне, убогой даже для мужского общежития, растекается аромат капусты и тушенки.

— Ну, так я пойду,— произносит наконец Володя,— а вечером к нам приходи. С другими ребятами познакомлю. Мы здесь друг с дружкой хорошо живем, по-суседски...

Вечером у дорожников идет фильм «Где ты, Зульфия?». Картина старая, но Володя вбегает к нам, озверев от восторга:

— Братцы, кино приехало!

Праздника никто не ждал. Кинопередвижка никогда не появлялась на Ала-Беле. Во-первых, здесь мало народу, сбора не будет. Во-вторых, негде разместить аппаратуру и экран. Но на этот раз то ли механики решили завернуть на огонек и обогреться, то ли еще какая муха их укусила, они согласились показать «Зульфию».

На стене одной комнаты ребята натянули простыню, а проектор поставили в кухне. Луч боком цеплялся за косяк, почти треть кадра закрывала черная полоса, но нас, сгрудившихся на полу, это не смущало. Иногда лента рвалась, ее склеивали и крутили снова. Но в самом конце картины что-то стряслось с самим проектором. Те, кто фильма не видел, не знали, нашлась ли Зульфия. Популярно объяснил развязку сам механик, представитель народа, на земле которого мы работали:

— Оба получил квартир. Он на втором, она выше. Раз любит, женился. Болды?

Мы ответили «болды» — хватит, мол. И потекли разные истории, какие вспоминаются в благодушном настроении, когда никакая беда не зовет на мороз прочно установившейся зимы.

...Утром с бульдозеристом Славой я еду снимать замеры на лавиносборах. Вернее, Слава едет расчищать дорогу, а мне с ним по пути. Когда-то мне доводилось водить трактор. Прошу у Славы разрешения посидеть за рычагами. В грохочущем чреве бульдозера выжимаю сцепление, прибавляю газ. Машина плавно трогается с места и, развалив наметенный за ночь сугроб, пробивается к дороге. Слава опускает отвальный щит, и тут я понимаю, какая у дорожников работа. По обочинам бетонные столбики. Они засыпаны снегом. Надо так срезать снежный пласт, чтобы столбик не сбить и пройти ножом, как говорится, впритирочку. А в ушах грохот и лязг. Стучит и дрожит могучее стальное тело. Снежная пыль вьется как раз в том месте, куда надо смотреть да смотреть. В кабине понемногу теплеет, но покрываются инеем стекла. И я... заваливаю бульдозер в кювет. Предательские сугробы были на самом краю дороги. Я не успел отжать рычаг, и машина стала крениться в сторону глубокого, метров на сорок, обрыва. Я молча вытер холодный пот.

— Дорога злая, нырнуть можно, — сердито проговорил Слава.

Наверное, в этот момент у меня было отчаянное выражение лица, Слава подобрел и рассмеялся:

— Ничего, сейчас вытянем, а ты на всякий случай выйди.

— Да нет уж, вместе веселее, — произнес я не совсем уверенно.

Я повалил машину в кювет, когда светило солнце и не было ветра. А как работают ребята ночью, или в пургу, или в ветер, который дует на Ала-Беле, как в аэродинамической трубе?!

Слава медленно, словно нехотя, отпускает муфту сцепления. Бульдозер никак не хочет выбираться из сугроба. Одна гусеница

скребет наледь с дороги, другая бесполезно пашет снег, опускается ниже, и кабина наклоняется все круче и круче. Но машина, видно, как и мы, хочет уцелеть. Каким-то чудом она цепляется бесполезной гусеницей за камень, свалившийся с дороги, и Слава сильным рывком вытаскивает ее из обрыва.

На другом бульдозере приезжает Витя Сокол. Он привозит нехитрый наш инструмент. По сугробам мы идем к снегопункту — месту, где проводятся замеры. Оно постоянно, так как для любой науки, в том числе и снежной, нужны сравнения. В снегу стоит рейка с обозначениями. Она показывает, насколько вырос снежный пласт. Рядом на глубину всего пласта вырыта яма. В снег воткнуты термометры. По тому, как изменяются слои, кристаллизуясь и растворяясь, мы можем судить обо всем снежном покрове этого района, какая и когда была погода, какие вьюги надели тот или иной слой. Мы копошимся в яме, читая, как книгу, многообразие снежной толщи, занемевшими пальцами пишем в тетрадь наблюдений данные, берем пробы плотномером — словом, делаем ту обычную работу, которая входит в обязательную программу службы лавинных станций.

У Вити руки в ссадинах. Он водит трактор и колет дрова, прорубает лунки в ручье, откуда мы берем воду. Хозяйственный он человек. И у него тоже, как у одного полярника из Антарктиды, бывают белые сны — белая кошка, белый автомобиль, белый дом, белые сосны... Он очень давно работает на лавинных станциях.

Витя — бродяга по характеру. Когда он женился, то сказал подруге: «У меня есть вторая любовь, даже, может быть, большая, чем к тебе. Эта любовь — горы. Горы — моя работа. Любимая, вечная. Ведь для человека самое большое счастье, если хлеб добывается любимым делом, когда работа становится его судьбой».

И хотя Витя грустит о жене, которая часто пишет ему письма, сильнее он тоскует о горах, если они не рядом. Вот и пойми человека, какие дела рождают судьбу, какая любовь дороже других любовей...

5

Через несколько дней мы идем с Юрой Барановым на Итагар, лавинную станцию южнее Ала-Беля.

— Юра, а что ты будешь делать, когда исследуешь все горы и ледники? — спрашиваю я.

— В Антарктиду поеду. Там хорошо. Нет подчиненных, одни императоры. Пингвины, — улыбается Юра.

Он знает парня у себя на станции, но из такта не называет его имени. Гера, так и мы его пока назовем, давно и самозабвенно мечтает об Антарктиде. Торопится стереть какое-нибудь «белое пятно», пока они там еще есть. Когда он начал понимать мир, страна с триумфом отмечала рекорды первооткрывателей — дрейфо-

вали папанинцы, побеждали циклоны Раскова, Гризодубова и Осипенко, летел через Северный полюс Чкалов. Оттуда, из детского увлечения, и пришла мечта об Антарктиде. И хотя у Геры на лоб уже легли морщины, он никак не может отказаться от мальчишеской мечты. Он там, в затянувшемся детстве, которое было у него отнято долгой и трудной войной.

Готовясь к Антарктиде, Гера стал мастером на все руки. Научился слесарному и токарному делу, получил права механизатора широкого профиля, изучил радиодело и метеорологию. Обычно с весны он начинает писать заявления в Академию наук и Министерство морского флота. Письма в первой своей части похожи, как братья на выставке близнецов. Только в конце отличаются тем, что к перечню специальностей всегда прибавляется новая, чего нельзя сказать о стереотипных отказах академии и министерства, решивших не пускать Геру на шестой материк.

Вчера я сказал Гере:

— Берись-ка за гляциологию. Верное дело.

Гера долго смотрел на меня, стараясь угадать, шучу я или говорю серьезно. Но на этот раз он поймался без наживки.

— Пожалуй, сгрызу и гляциологию,— проговорил он задумчиво.— А вдруг сошлутся на возраст? Тогда никакими дипломами не убедишь.

— Не решатся...

Весь вечер Гера молчал, обдумывая новый в жизни поворот. Да и если серьезно, кто из нас не мечтает о «белых пятнах» и найденных островах?!

...Итагар—тоже два домика. Один принадлежит лавинщикам, другой — смотрителю дорожного участка. Станция тесно окружена горами, гораздо более живописными, чем на Ала-Беле. Здесь дышится легче. Высота над уровнем моря что-то около двух тысяч метров. Вдоль дороги, то ныряя под лед, то вытекая, струится маленькая горная речка Чичкан, по-русски Мышка. А за ней круто в горы взбираются леса — береза, арча, ель. Летом здесь тепло и привольно. Сейчас же леса прозрачны. Среди них видны скалы, припорошенные снегом. В некоторых местах будто прорублены просеки. Но здесь не гулял топор. Просеки сделали лавины. Они спустились с вершин, ломая и вырывая с корнем деревья.

С той же стороны, где построен домик станции и жилье дорожного смотрителя, обрывы. Когда строилась дорога, рабочие взрывами отбивали с боков гор метр за метром, и горы стали кривобокими, как разбитые параличом великаны. В этих местах на обочине стоят предупредительные щиты с надписью: «Опасная зона: камнепад!»

Становится не по себе, когда идешь под таким обрывом и ждешь, когда тебе на голову свалится камень. Ты косишься на бурую стенку. А стена вся в трещинах, камешки сверху сыплются, лопаются на дороге с сухим треском.

На крутом повороте дорога обледенела. На Итагаре недавно была оттепель, а сейчас подморозило. За рядом придорожных столбиков тридцатиметровый обрыв — камни, снег и речка, черная среди льда, — эта самая Мышка.

Петя Ткаченко, невысокого роста, худенький, белобрысый, дежурит на станции. Рука его, искалеченная детским полиомиелитом, скрыта накинутым на плечиполубуком. Здоровается он левой.

— А где Иткин? — спрашивает Юра.

— Ребята все на лотках. Да вы проходите, сейчас чай сотворю.

Домик станции на Итагаре опрятнее, чем на Ала-Беле, чище, теплее и... официальнее. На стенах инструкции, приказы Иткина — начальника этой станции, распорядок дня, график дежурств, схемы лавин. Есть даже комната для работы — столы, рулоны бумаги, линейки. Зимой, правда, она пустует: ребята экономят уголь. Хотя лес под боком, но рубить его нельзя: это заповедный в Киргизии лес.

В давние времена, когда вместо дороги проходила здесь тропа, Итагар был самым излюбленным местом для ночевок. По этой тропе шли караваны верблюдов из Ферганы и Кашгара, везли шелка, фрукты, пряности в горы к кочевникам-киргизам. Здесь купцы разбивали шатры, варили плов и бишбармак, пили кумыс. Здесь же поджидали их грабители.

Петя на Итагаре зимует второй год. Он закончил Харьковский техникум гидрометеослужбы и приехал на Тянь-Шань. Первую практику он провел в самом глухом южном углу Киргизии, к востоку от высокогорного озера Чатыркель, где протекает стремительный Кендык. Зимой река промерзает, образуя причудливые наледы. Летом же, когда начинают таять ледники, она становится бешеной, как знаменитый Терек.

Петя жил там в абсолютном одиночестве. Ни пастух, ни случайный путник не забредали к его палатке из кошмы. Бывало, что вертолет не мог забросить ему продукты, и тогда он питался рыбой, которая иногда попадала на крючок, и старыми сухарями. Он работал как заведенный. В восемь утра, в тринадцать, двадцать и в час ночи каждых суток проводил замеры реки. Когда кончался керосин для примуса, Петя отправлялся в горы, где росли редкие кустики верблюжатника. Он рвал их, обжигаясь колючками, и тащил вязанку иногда километров по десять — пятнадцать только ради того, чтобы ей сгореть за полчаса.

Еще хуже становилось, когда начинались дожди. Они были многоводными и долгими, как дожди тропиков. Они были ледяными, как дожди севера. Лед и солнце сталкивались на Аксае в бешеном поединке. Вода размывала горы. Со склонов сбегали сели. С вершин сыпались камни. В эти моменты Петя перебирался из палатки в пещеру, приобщаясь к «жизни предков».

Платон ставил мужество на последнее место среди добродетелей. С ним соглашался Экзюпери, утверждая, что мужество состоит из не очень красивых чувств: немного ярости, немного тщеславия,

значительная доля упрямства и пошленькое спортивное удовольствие... А к каким качествам отнести стойкость и мужество одного-единственного человека, который в течение ста дней и ночей работал в самом неприятном, не приспособленном для жилья месте в горах Тянь-Шаня?

Пока Петя кипятил чай, пришел Витя Иткин — сухощавый, в кефи, очках, с усиками. Вид у него был какой-то учительский. Позднее я узнал, что он и вправду закончил педагогический институт, преподавал математику в школе и вдруг однажды круто изменил профессию — стал гидрометеорологом.

За ужином собрались все итагарские ребята — большая семья. Чинно уселись за стол, не дощатый и грубый, как на Ала-Беле, а накрытый чистой клеенкой. Готовит Оля, жена радиста Славы, — маленькая, расторопная, стеснительная женщина. Она подает жареную картошку и опять же не в алюминиевых мисках, как на Ала-Беле, а в фарфоровых тарелочках и чай наливает не в кружки, а в стаканы с подстаканниками. И картошку ест, и чай пьет, как взрослые, любимец всей этой тихой и чинной, как сам Иткин, семьи Андрюшка — сын Оли и Славы.

После чая ребята включают радио и читают газетные новости — хорошо, что поблизости районный центр Токтогул и, стало быть, почта.

Все эти мелочи сразу бросаются в глаза после пресноватой и грубой жизни на Ала-Беле.

Выхожу на крыльцо. Монотонно гудит движок — дает свет. Тихо опускаются редкие снежинки. Не из туч, а с гор. В черноте неба, как льдинки, искрятся звезды. Мир недвижим и спокоен, таким и должен быть мир. Но наверное, я бы усомнился в справедливости этих слов, если бы в этот момент знал, что случится часом позже...

6

Мы уже легли в постели с хрустящими, накрахмаленными простынями, как вбежал растерянный Виктор Иткин:

— Наши убились!

— Где?

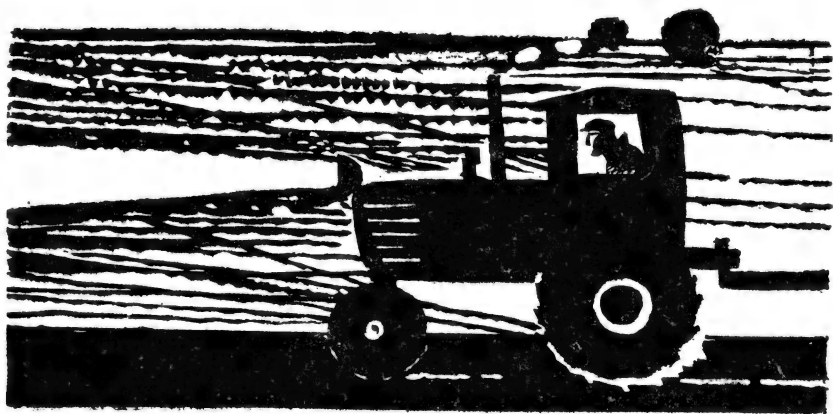
— Недалеко. У камнепада.

В мгновение вспоминаю утес в трещинах, столб с надписью: «Осторожно: камнепад!», обрыв к Чичкану, крутой поворот и обледеневшую дорогу.

Мы с Юрой торопливо накидываем полушубки. Во дворе тархтит «Беларусь» дорожного мастера с прицепом. Кто-то кричит взволнованно:

— Да едем же скорей!

Вскакиваю на прицеп, подхватываю за руку Петю Ткаченко. Трактор круто разворачивается и выбегает на дорогу. Рабочий-дорожник рассказывает:

— Еду на тракторе со стороны Ала-Беля. Обгоняет «газик» ваш, гидрометеослужбы. Вижу: вдали хлоп! Нег «газика»! Дальше еду. У поворота осветил фарами человека. Стоит на дороге, шатается, весь в крови. Испугался страшно и на все газы к нашему дорожному мастеру Герману. Тот, как был в майке, вскочил в кабину и к вам...

Внутри все дрожит. В жизни не так часто приходится видеть смерть. Свет от фар вырывает из темноты искореженные камни, горбы сугробов и вдруг — лежащих на дороге окровавленных людей. Двое катаются по земле. Третий лежит неподвижно.

Спрыгиваем. Освещаю фонариком лицо человека, который лежит неподвижно. Помутневшие глаза смотрят из полуоткрытых век. Лицо белое, без единой царапинки. Может, жив? Пересиливая себя, щупаю пульс. На левой руке чувствую толчки. Правая холодная, безжизненная, замшевая. И тут догадываюсь, что на левой идут часы. Пытаюсь разорвать галстук — не могу.

— Нож дайте!

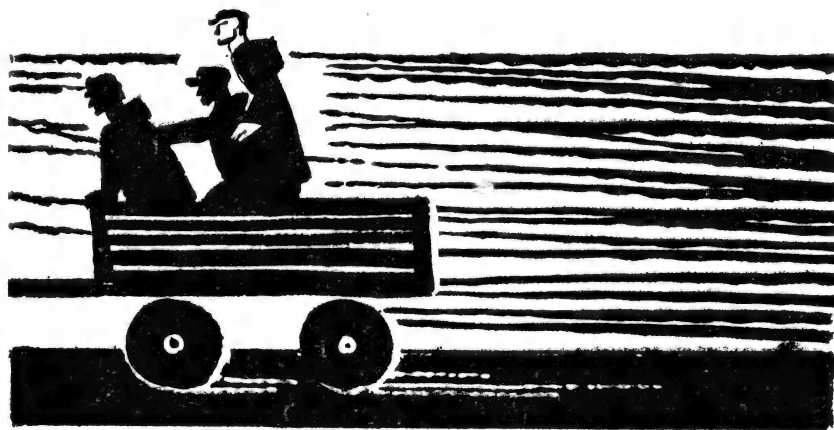
Кто-то подает охотничью финку. Разрезаю галстук и ворот. Некоторое время сижу рядом, тупо уставившись в лицо. Петя берет у меня фонарик. Вспоминаю, что иногда помогает искусственное дыхание. Поднимаю руки вверх, опускаю вниз, вверх, вниз... Руки тяжелые и непослушные. «Ну, очнись, дорогой!» — шепчу я, глядя в открытые с мутно-синей поволокой глаза. От напряжения начинаю задыхаться. Пот струйками течет по лицу.

— Да расстегните же мне воротник!

Кто-то услужливо расстегивает ворот.

Вверх, вниз, вбок... Кажется, что какой-то остаток жизни шевельнулся в человеке. Вверх, вниз... Минут через пятнадцать, совсем задохнувшись, опускаю руки. Бесполезно. Мертв.

— Я видел, как у него лицо побелело, когда ударились, — тихо говорит один из пострадавших.

Мы грузим тело на тракторную тележку, помогаем взобраться раненым. Едем на станцию. Звезды, луна, потемневший лес, бледные вершины. Озираемся тревожно и хмуро.

На станции кладем убитого в баню на полку. Вытягиваем согнутые ноги, закрываем глаза.

Наша комната превращается в лазарет. Пострадавших ребят устраиваем на койки. Юра принимается промывать и бинтовать раны, как заправский брат милосердия. Я же не могу видеть так много крови, выхожу на кухню, прошу у Пети Ткаченко сигареты.

— Надо раздобыть машину, вызовем «Скорую помощь» из Токтогула, — говорит Петя.

Опускаем на дороге шлагбаум. Ждем. Останавливаем МАЗ. Объясняем шоферу, в чем дело.

— Не могу.

— Тогда мы не пропустим, — сквозь зубы говорит Петя.

— Да не могу не потому, что не хочу. Моторы у меня в кузове. Пока разгрузим, часов пять пройдет.

Шофер и правда везет дизели.

Вторая машина пуста. Едем с Юрой Барановым, который уже перевязал ребят, за машиной скорой помощи. Наш грузовик заносит на поворотах. Стискиваю зубы и закрываю глаза. После того, что произошло, лихая езда не доставляет удовольствия.

После больницы выезжаем домой за сотрудником ГАИ. Поднимается с постели, едет. Служба. Зовут его Анатолий. Симпатичный молодой киргиз. Только что из армии. Зябко кутается в шинель.

Еще часа через два «Скорая помощь» увозит раненых. Мы осматриваем сорвавшуюся под откос машину. Ключья брезента. Развороченный мотор, целлофановый пакетик с пирожками на дорогу...

Едем назад. Молчим. В своей комнате зажигаем свет. Петя Ткаченко с Виктором Иткиным уже прибрали постели и сами ушли спать.

Анатолий вдруг извлекает из кармана шинели бутылку водки, разливает по стаканам.

— Кто погиб?

— Ильясов, — отвечает Юра и как бы про себя добавляет: — Умнейшая у нас в управлении голова. Начальник отдела метеорологии. Никому за всю жизнь не сделал подлянки. А скольких в люди вывел!

— Эх, семь дорог через порог...

Был человек. Остался пакетик с пирожками. И ученики. И память.

7

С высокогорья открывается огромная панорама застывших снегов, обнаживших бурные бока утесов и скал. В долинах держится туман. Он плотен и бел, как облачное море, которое мы видим с самолета. Из этого тумана выбегает тоненькая струйка ручья — Нарын. Струйка пробивается через большие и малые горы, собирает другие горные речки и в центральной Киргизии становится гневной и дикой. Нарын бьется в теснинах мутной волной, словно хочет раздвинуть горы. Он пенится и грохочет, срываясь с уступов.

В одном из таких мест и строится Токтогульская ГЭС — одна из замечательных строек Киргизии.

Когда едешь на стройку, тебя никак не покидает странное ощущение недолговечности земли, по которой проложена дорога. И поселок из саманных домиков с окнами во двор, и сильно разросшиеся пирамидальные тополя, и сады, слышавшие песни народного акына Токтогула Сатылганова, и колхозные кибитки — все это в скором времени уйдет на дно моря.

С высоты перевала Кок-Бель ясно видны облака, которые выстлали Токтогульскую долину, сделали ее похожей на будущее море, которое разольется, когда закончится стройка.

Строится станция в тесном ущелье. Два хребта утром и вечером заслоняют друг друга тенью. Лишь в полуденный час ненадолго здесь показывается солнце. Тот, кто видел стройки электростанций на Волге и Оби, на Енисее и Ангаре, тот поражался шире и размаху строительного фронта — лесами арматуры, колоннами машин, гигантами-экскаваторами. Здесь же все уменьшено в десятки раз. Нарын не шире уличного переулка. Он перегорожен перемычкой и стройку обходит через тоннель, пробитый в скале. На бывшем его дне экскаваторы и бульдозеры расчищают основание будущей плотины. А какая она будет ввысь? На скале отметка — «930 метров». Примерно на этом уровне будет гребень плотины. Это и поражает на Токтогуле. Высота! Не в силах раздаться **вверх**, станция взметнется вверх, упрется в отвесные скалы, чтобы сдержатъ бешеный напор воды.

В береговых скалах на высоте пробиваются тоннели и залы для энергетических цехов. Вверху дробится камень, гремят взрывы, стучат отбойные молотки. На высоте, на скользких отполированных склонах, работают люди особой профессии — скалолазы-высотники. В эбонитовых касках, обтянутые капроновыми репшнурами с замками и альпийскими кольцами, в горных ботинках на стальных триконах, они трясут горы взрывами, раскалывают камни отбойными молотками, пробивают тоннели.

А еще выше стройки, у самых вершин, скапливаются снега. Почему же они не рушатся на строителей, что заставляет их спокойно лежать на утесах или скатываться лавинами в другую сторону?

Когда еще шли изыскательские работы, проектировщики обратились в снегомерно-гидрографическую партию Максимова за консультацией: существует ли лавинная угроза строителям?

Перед походом в горы Николаю Васильевичу предложили альпинистское снаряжение, дали высотников-сопровождающих. Но Максимов вытащил из своего рюкзака простенькие «кошки», нацепил на сапоги и пошел — маленький, юркий, в своей потертой брезентовой куртке, старенькой шапке-ушанке. Он прошел там, где не решились бы пройти даже бывалые альпинисты.

Вот он поднимается вверх по скале. Камень, синий от холода, оброс изморозью. Ледоруб скользит по его глади и находит зацепку. Но выдержит ли она тяжесть тела? Максимов медленно и сильно тянет ручку ледоруба к себе. Кажется, выдержит. Свободной рукой он смахивает иней и видит едва заметную щель — так в старом доме трескается штукатурка. В эту щель он втыкает острый ковец крюка. Переносит на него собственную тяжесть и ледорубом ищет новую зацепку на несколько сантиметров выше первой.

Его страхуют снизу. Но что это за страховка — шанс из миллиона! На высоте десятиэтажного дома случилось то, что едва не стоило Максимова жизни. Забитый крюк, на котором держалась страховочная веревка, вдруг стал вылезать из щели. Неизвестно, какое чувство заставило Николая Васильевича взглянуть вверх. Крюк держался чудом, на самом кончике острия. Максимов рывком прижался к стене, ища у нее защиты. Крюк со звоном полетел вниз.

И все же он одолел эту стену, как и сотни других. Николай Васильевич провел в горах над местом будущей стройки много дней. Прощупал чуть ли не каждый метр снежной толщи, осмотрел все откосы и лавиносборы. Он дал свое заключение, рекомендовал, как дешевле и проще избавиться от снежной угрозы.

И теперь взрывы колышут горы, где-то ухают обвалы, спускаются снежные водопады, но строителей это не тревожит. Лавинщики свое дело сделали.

Последняя станция на дороге Фрунзе — Ош называется Тюя-Ашу-жунная. От других она отличается тем, что еще выше ее, на самом хребте, есть высотная лаборатория — маленький дощатый домик, где можно обогреться после замеров.

Я поднимаюсь к лаборатории вместе с техником-снегометристом Славой Гринюком. Снег глубокий, двухметровый. Блестит синими огоньками. Если бы не темные очки, мы бы скоро ослепли. В районе Тюя-Ашу самые крутые горы. И самые свирепые лавины.

Слава идет впереди, осторожно передвигая лыжи, с беспокойством поглядывая вокруг. У него красивое лицо, широкий подбородок, светло-русые волосы. Серьезный, какой-то вечно озабоченный и бесхитростный паренек на станции самый незаметный. Он родился в сороковом году. Отец его погиб на Курской дуге. Осталась мать в Ташкенте. После гидротехникума Слава пошел к Максиму и не жалеет об этом. Тюя-Ашу для него хорошая практика. Кругом следы сошедших лавин.

На мне свитер, теплая куртка. Жарко. Тяжелые лыжи проваливаются в сыпучий снег, и в эти моменты, пока барахтаешься, становишься совсем беспомощным. Я думаю о креплениях. Они брезентовые, полужесткие, быстро не скинешь. Да и вообще со снаряжением у нас скверно. Сколько людей в дороге — геологов, топографов, строителей, метеорологов, не меньше миллиона, а вот никак для них не придумают удобной походной одежды. Не хотят, что ли?

Перед нами крутая громада горы. Подкатывает к горлу одышка. Это состояние медики называют гипоксией — горной болезнью. На небольших высотах человек легко акклиматизируется. Но у нас высота сейчас более четырех тысяч метров, и никто к ней привыкнуть не может. Я барахтаюсь в снегу, то и дело протираю запотевающие очки, сплевываю тягучую слюну и хватаю ртом воздух. Чем выше, тем снег сыпучее и ненадежнее. Станция внизу уже совсем крохотный домик в сугробах и паутинах антенн.

Вдруг снег ухает и оседает. Стремительная трещина очерчивает границы уплотнившейся толщи. Не дай бог ей покатиться вниз!

Испуг проходит, и мы еще осторожнее, зигзагами, продолжаем подъем. Мы ясно осознаем, что если попадем под лавину, то не выберемся живыми.

Прямо под носками лыж возникает новая трещина. Внутри нее — сплошная синь, лицо смерти. Нам со Славой надо сохранять дистанцию метров в сорок, но мы невольно приближаемся друг к другу, нервы просят поддержки. Нога моя выскальзывает из креплений. Вытаскиваю ногу, как из трясины, дрожащими руками затягиваю ремни. И в этот момент слышу испуганный голос Славы:

— Лавина!

Клубясь, кипя, выворачивая из сугробов камни, на нас катится гигантская лава. Рывком разворачиваюсь и что есть силы налегаю

на палки. Но лыжи тонут в снегу, я не могу вырваться! Отчаянно взбивая снежную пыль, бегу со Славой к скале, которая должна спасти... Но лавина шадит нас. Лишь припугнув, она зацепилась за барьер, надутый боковым ветром, и успокоилась, покрыв трещинами все пространство горного склона.

У скалы хорошо и не страшно. Сидим, подставив солнцу лица. От камней тянет теплом. Раздумываем, что же делать дальше. Идти вперед по трещинам опасно, вверх по скале — круто. Назад? Мы четко видим нервные петли своих следов. Сверху склон кажется еще круче. Как же мы все-таки забрались по нему?

Слава стреляет красной ракетой в сторону домика станции. Кто-то должен следить за нами. Выходит начальник станции Кондратенко. В два голоса мы кричим, что дорога опасная, снег кругом в трещинах, рыхлый, сыпучий, мы можем попасть в лавину.

— А вы согласно схеме двигайтесь! — кричит Кондратенко.

Схему, наверное, составлял тот, кто ни разу не ходил по ней. Дурацкая схема.

— Извините, но я по ней не пойду! — кричит Слава.

— Пеняйте на себя, если нарушите схему!

Кондратенко — самый старый на станциях начальник. На будущий год он собирается уходить на пенсию и всего боится. Спорить с ним бесполезно.

Безопасно и тепло сидеть на камнях. А там, куда нам еще надо подняться, бегут тучи и дует ветер. Никуда не хочется идти. Но мы все же надеваем лыжи и идем вперед по трещинам.

На искрящейся белизне черными кляксами виднеются камни. Значит, там меньше снега. Вот бы до них дойти! Ускоряем шаги. И лыжи уже скребут о камни. Но дальше еще хуже. Висят карнизы. Не снег, а песок барханов. Глаз ищет новую цель и находит скалу. Только бы поскорее добраться до нее... Мы готовы верить в кого угодно, хоть в пророка, лишь бы на этом отрезке не шлохнулся карниз.

Осадка! Катится гул. Бесконечность малых снежинок в массе своей сердится и кричит. И вдруг новая лавина катится по склону. Мы провожаем ее цепенеющим взглядом. Она проходит мимо. Слава смотрит на меня и кривит побелевшие губы. Эта лавина накрыла бы нас, если бы мы пошли «согласно схеме»...

Часа через два показываются большие, как бастионы, скалы. Они на самом гребне перевала. На последнем дыхании, когда тело онемело от усталости, мы добираемся до них и падаем под небольшой снежный козырек. Здесь не сечет лицо лютый ветер. Тучи проносятся так близко, что их можно потрогать рукой.

Я вытаскиваю сигарету, прикуриваю. В горле першит. Беру в рот лыдинку и сосу, не чувствуя влаги.

Здесь, на гребне, стоят маленькие столбики с проводами. Провода обросли инеем и льдинками. Это приборы энергетиков. Они работали на Тюя-Ашу летом, испытывали опытную высоковольтную систему — прообраз линий электропередач. После окончания

строительства Токтогульской ГЭС через хребты Памира и Тянь-Шаня потянутся провода под напряжением пятьсот киловольт. Их придется тянуть по горным отрогам на высоте трех-четырёх тысяч метров. Какие потребуются опоры, как уберечься от потерь энергии в разреженной атмосфере, какую подобрать изоляцию — вот что хотят узнать инженеры.

С высоты перевала нам хорошо видны петельки дороги, грузовики-коробочки, навесы противолавинных сооружений, квадрати-

ки поселка Тюя-Ашу-северного. Все же хорошо устроен мир, если на него смотреть с высоты...

Лежим на снегу, курим, слушаем жгучую песню высотных ветров. Вровень с нами проплывает орел-бородач, раскинув широкие крылья. На непрошенных гостей он посматривает зло и печально. Слава на всякий случай заряжает ракетницу. Этот хищник запросто уносит барана. Может же бородач и нас принять за него... Покружившись, орел опускается на скалы вдали.

Нам же надо идти дальше. Идем по самой кромке гребня. Когда нас окутывает облако, останавливаемся. В этот момент ничего не видно, а обрыв в каком-нибудь полуметре. Облако проносится, и мы трогаемся дальше. Слава начинает посвистывать, значит, скоро домик, высотная наша лаборатория.

И еще одна горушка. Потом мы скользим чуть вниз, то и дело натыкаясь на камни. С этой стороны ветер сдул снег. Среди буржавых скал показался домик, обшитый досками. Он похож на сибирский балок, в котором живут геологи и охотники. Под навесом нечто вроде сарайчика — здесь припасены дрова и уголь. Дверь занесло снегом. Сбиваем наледь с креплений, разминаем уставшие ноги. Слава ищет лопату, чтобы раскопать дверь. Теперь этот домик станет нам пристанищем на день, ночь и еще день.

9

В оконце, залепленное снегом, струится слабый сиреневый свет. Он освещает железную печку с ржавой трубой, почерневший от копоти чайник, двухъярусные нары, фанерные листы стен, побеленные инеем спальные мешки и сломанные коробки барографов на полке. Здесь можно разместиться двоим, третьему не хватит места. Ребята, которые здесь были раньше, запасли для нас дров. Они лежат у трубы и успели подсохнуть. В углу стоит канистра с керосином.

Слава кладет дрова в печь. Огонь охватывает их, и труба начинает гудеть. Каморка нагревается за несколько минут, начинает пахнуть жильем. Мы постепенно освобождаемся от верхней одежды и долго сидим перед гудящей печкой. Стекло оконца трясет от ветра, но мы не обращаем на это никакого внимания. Сейчас мы вкушаем только тепло, а с ним жизнь.

На часах три пополудни. В это время надо начинать наблюдения. Надеваем куртки, выходим на мороз и ветер. Недалеко от домика стоит метеорологическая будка. Закопеченные термометры тоже в инее, как и вначале спальные мешки в домике. Температура минус тридцать семь. За будкой лавиносбор. Снег скован хрустящей коркой. Это плохо. Корка послужит удобными рельсами новой толще, которая когда-нибудь осядет на нее. За крутизной склона мы не видим дороги, но знаем, что она как раз под этим лавиносбором.

В центре снеговой ложбины копаем шурф. На гладкой стенке обозначаются слои. Внизу крупнозернистый снег с глубинным инеем, выше — мелкозернистый, еще выше — ветровая корка, твердая, как камень. После замеров температуры узнаем плотность каждой структуры. Отрезаем от каждого слоя кубик снега, опускаем в плотномер и взвешиваем. Вес делим на объем кубика и, учитывая коэффициент, получаем результат.

Если было бы тепло, мы со стороны походили бы на мальчиков, играющих на детской площадке. Через полчаса руки отказываются повиноваться. Лицо не чувствует ни холода, ни боли. Ноги с трудом сгибаются в коленях. Выбираемся из шурфа и бредем к домику, почти реально ощущая, как скрипят занемевшие кости.

Печка уже раскалилась от жары. Каморка наполнена горячим паром. Нет, что и говорить, земля, вернее, камни, на которых стоит наш домик, не дают ни хлеба, ни воды, ни угля. Но все же сейчас вдруг думается, что, добывая цифирь данных, мы помогаем другим людям добывать и хлеб, и воду, и уголь.

Слава садится за вычисления. Лицо его становится хмуро-серьезным, как у Пимена перед «последним сказанием».

Отогревшись, я набиваю в чайник снег из сугроба. Будет чай. Пусть от мороза трещат камни, ветер бьет бока о скалы, нам все нипочем. Мы боги на этой мертвой горе.

Уходит день. Тучи внизу становятся плотными и черными. Как угли, горят на них последние лучи. Багровый солнечный диск катится по зубьям хребтов. Снега теперь не белые, а скорее алые. Они так сильно насыщены этим цветом, что кажутся раскаленными изнутри.

Мы проводим новые замеры. На глазах меркнет свет. Тень ночи подбирается к нашему домику. В какой-то момент вспыхивает алая корона на дальних хребтах и гаснет тоже. По сгущающейся синеве неба плывет звездочка. Искусственный спутник. Так близко и неправдоподобно. Сердце охватывает волнение. Знал ли я когда-нибудь, гадал ли, что попаду в такую жуткую сказку, сотканную из всплесков рождающихся созвездий, немых гор, облаков под ногами и спутника — творения чуда и рук человеческих!

Славу тоже охватывает волнение при виде прощания дня и наступления ночи. Он торопливо курит сигарету, подсвечивая щетину на подбородке, и смотрит, как близкое небо выплескивает из глубины галактик звезду за звездой, как они вспыхивают праздничными ракетами, надувают паруса и движутся по бесконечному океану миров.

Молча мы возвращаемся в каморку. Слава залезает на верхние нары и долго ворочается в спальном мешке. Дребезжит оконце. Потрескивают в печке остывающие угли. Уныло шумит ветер...

Ночью в три я просыпаюсь и снова иду к лотку делать замеры. Та же мертвая, величественная панорама гор. Долина Сусамы

окутана облаками, подсвеченными невидимой луной. Черные пирамиды вершин похожи на пирамиды Хеопса — природа сама себе поставила памятники.

На следующий день потеплело. Ушли тучи, стих ветер. Мы закончили последние исследования и пилим дрова для будущих пришельцев.

Потом в последний раз осматриваем неказистый наш домик. Как-никак, а здорово придумали ребята, подняв сюда по бревнышку и построив его. В палатке было бы хуже. Надеваем лыжи и трогаемся в обратный путь.

Поземка уже замела следы. Кое-где со склона сползли лавины. Долго стоим на гребне перевала. Слава спрашивает:

— Петлями будем спускаться или прямо?

— Давай прямо.

Слава нахлобучивает шапку, садится на палки и катится вниз, поднимая облако снежной пыли. Через минуту он становится маленькой точкой. Собравшись с духом, начинаю спуск и я. Ветер упруго бьет в лицо. Лыжи вспахивают рыхлый лед. Нажимаю изо всех сил на палки. Сейчас не страшны лавины: не догонят...

Мы поднимались часа четыре, а спускаемся за каких-нибудь десять минут. Из-за поворота показывается домик станции. По двору ходит озабоченный Кондратенко. Увидев нас, он равнодушно спрашивает:

— Приехали? — и добавляет: — А я вот огурцами занялся, перебрать хочу, чтобы не заплесневели...

Как будто ничего не произошло!

Я собираю свой рюкзак, хочу засветло попасть на Тюя-Ашу-северную к Володе Зябкину. Володя, в такой же кургузой курточке, остроносых полуботинках, треухе с болтающимся козырьком, с бородкой клинышком и смеющимися лукавыми глазами, говорит мне:

— Чудак! Изменений захотел. У нас, как у ледников, все жизненные процессы замедленны.

В характере Володи есть такое, что с ним всегда весело. И беда не беда, и тоска не тоска. Неунывающий человек Володя.

С такими на дальних зимовках жить да жить.

10

Утром идет пушистый снег. Все бело, гор нет. Вакуум, как в шарике пинг-понга.

Радист по приказанию Володи объявил лавинную опасность. Дорога перестала жить. Ребята на лыжах отправились к лавино-сборам. Связавшись респиратором, чтобы не потерять друг друга, я с Володей иду к третьему лотку. Над дорогой здесь строится противолавинная галерея. Когда строительство окончится, не страшен будет обвал. Но сейчас огромные железобетонные стойки

прихвачены с фундаментом «на живую нитку». Малейшая лавина может сбить их и утащить в обрыв.

Володя поднимается вверх. Я не вижу его, но чувствую по туго натянутому шнуру. Глаза залепляет снег, колющие льдинки скатываются за воротник. Наконец шнур ослаб. Подтягиваю его к себе, наматывая на пояс. Из белой завесы медленно, словно фотография в проявителе, появляется Володя. Он задумчиво стоит перед рейкой с делениями.

— Ручаюсь, если задует, отсюда пойдет лавина, — говорит он. — На этом лотке она хитрющая, как лиса.

— Не та ли, что когда-то сбила компрессор?

— Она самая. Компрессор стоял на дороге, а она его, как спичечный коробок, приподняла и швырнула в обрыв километров на пять.

— Может, взорвем?

— Придется, — соглашается Володя.

Мы спускаемся вниз за взрывником. В рюкзак берем по десять мешочков тола, тащим наверх. Взрывник раскладывает мешочки, как покойников в братской могиле, вставляет взрыватели, соединяет их огнепроводным шнуром.

— Пронеси и помилуй, — улыбаясь, шепчет он и подставляет окурок к шнуру.

В нос ударяет резкий запах пороха. Мы мчимся к скале, которая должна укрыть от летящих камней.

Сухо щелкает первый взрыватель. И следом из снежной мглы выплескивается красное облако. Будто раскалывается облако. Земля становится мягкой и зыбкой. Нам не видна лавина. Мы догадываемся о ней лишь по скрипучему шелесту.

Минут через десять снег успокаивается. Лавина сошла, обогнув тяжелые бетонные стойки. Вышло так, как и хотелось.

Володя с лавинами на «ты». Он и сам попадал под них, и обходил, и боролся.

— Уж коль лавину пока побороть нельзя, то обмануть можно, — говорит Володя.

Он даже выработал для себя особые правила. Их можно сосчитать по пальцам и любопытно знать не только специалистам.

1. Самоотверженность не всегда оправдывает себя — так примерно звучит первый пункт Володиных правил. Тот, кто без крайней необходимости отважится идти на лавиноопасный склон, с таким же успехом может отплясывать кадрили на минном поле.

2. Если ты заметишь лавину, которая мчится на тебя, постарайся слаломом уйти от нее. Если она все же догонит тебя — освободись от лыж. Лыжи и палки в этом случае оказывают медвежью услугу. Они засасывают в глубь лавины, выворачивая суставы.

3. Если ты попал глубоко под снег, никакой совет не поможет. И все же в этом положении нельзя терять надежды. Верь: товарищи спасут.

4. Отчаявшийся погибает...

Была пурга и кончилась. Сошли лавины. Открылась дорога. Радист передал отбой.

Володя выходит из радиорубки и улыбается:

— Знаешь, кто к нам приезжает? Макс!

Оказывается, к Николаю Васильевичу во Фрунзе приехали сотрудники Среднеазиатского научно-исследовательского института гидрометеорологии и он повез их по станциям.

— А знаешь, что они хотят? — загадочно спрашивает Володя. — Будут искать участки, где можно стрелять по лавиносборам из миномета!

«Газик» гидрометеослужбы приезжает поздно. Николай Васильевич появляется в своей неизменной брезентовой курточке, сапогах, старой, защитного цвета рубашке, с брезентовой сумкой через плечо и рюкзаком. За ним идет Эрнест Красносельский, начальник лавинного отряда в институте.

Володе Зябкину хочется, чтобы Красносельский обратил внимание на его станцию.

— У нас лавинки классические, — расхваливает он свой участок. — И обзор великолепный, и снег нормальный, чуть тронь — и пойдут.

— Поселок, Володька, у тебя под боком, — скороговоркой сыплет Николай Васильевич. — А тяжелый миномет, понимаешь ли, не яйцо всмятку.

— Ну вот! Поселок, поселок, да мы на третьем лотке испытаем!

— А противолавинная галерея?

— Так ведь миномет не вниз, а вверх стреляет!

Макс сам в войну был артиллеристом, знает, что прицельную стрельбу из миномета вести трудно. Северная станция для испытаний не подходит. Он предлагает завтра с утра ехать на Тюя-Ашуюнью.

— Да какие там лавины? Тьфу! — хмурясь, плюется Володя.

Николай Васильевич плутовато щурит глаз:

— На будущий год туда тебя пошлю, узнаешь...

Далеко за полночь укладываемся в постели. Максимов хотя и не курит, но сегодня тянет сигарету за сигаретой.

— Эх, как хочется, чтобы к нам новую технику прислали. В ней, понимаешь ли, все! — вдруг садится он на кровати. — Не надо тол таскать в гору, себя гробить. Выстрелит миномет под брюхо лавине — и баста!

— Но помнится, тебя больше привлекала, так сказать, девственная романтика...

— И сейчас привлекает. Я уверен, пока будет жить человек, он будет ходить по земле и горам на своих двоих.

— Так зачем же миномет и дистанционное управление?

— Чтобы с лавинами лучше бороться. А исследовать любой кусок земли мы все равно будем ножками.

— Неисправимый ты романтик!

— Какой уж есть, — соглашается Макс и засыпает.

У него великолепная черта — сразу засыпать.

Рядом с ним спит Володя Зябкин, подложив под голову руки лодочкой. В окно льется лунный свет, и в этом свете и старый бродяга Макс, и молодой Володя становятся очень похожими друг на друга. Так же хмурится во сне их лоб, так же упрямо сжаты губы и так же воинственно торчат бородки клинышком. Одного поля ягоды...

Завтра я буду далеко от них. Доведется или не доведется встретиться снова? Юра Баранов, наверное, тоже спит. И Витя Иткин, и Петя Ткаченко, и Слава Гринюк — все спят. А может быть, кого-то разбудила пурга и он прислушивается к ветру и грохоту близких лавин? Может, кто-то из них идет сейчас в ночь взрывать лавиносбор? Может, кто-то пишет письмо родным или идет он, самый снежный человек, по кромке снежного карниза и читает любимые стихи:

Товарищ неизвестный мой,
С корой сожженных губ
Пойдет на кручи, как домой,
Сжимая ледоруб.

Пойдет в безмолвие снегов →
Пусть ноша нелегка,
Затянет он веревку вновь
Узлом проводника...

Луна серебрит в окне хрустальные сосульки. В соседней Фергане уже начали сев, в Грузии цветут яблони. Только здесь еще долго будет зима. И долго будут бодрствовать лавинщики — ее часовые.

Помню, в юности меня поразила одна книжка. Она называлась «Ледниковый щит и люди на нем». В ней рассказывалось о том, как группа молодых англичан исследовала центральную часть Гренландии. И вот на одной из станций они оставили единственного наблюдателя Огастайна Курто.

Полярник пробыл в одиночестве пять месяцев. Последние сорок пять дней он провел безвыходно в палатке, так как станция оказалась погребенной под толстым снегом и он не смог расчистить выход. У Курто кончился керосин. Целый месяц он пролежал в крошечной тьме, питаясь одним пеммиканом с маргарином.

И вот лежал Курто, почти не надеясь на избавление, и мучился над вопросом: почему люди забираются в такие отчаянные места?

В старину считали, что движущей силой была погоня за сокровищами. Но сокровища исчезли, а люди продолжают странствовать по свету. Жажда приключений? Но жизнь на Ледниковом щите или на станции Ала-Бель мало похожа на приключение. Может быть, любознательность? Желание снять покров тайны с неведомых явлений природы в самых заброшенных местах?

Возможно, но дело не только в этом.

Почему мы покидаем всех, кого любим, отказываемся от многих благ для того, чтобы приобрести немного знаний о нашей забавной старушке Земле? Чего мы достигаем?

Может быть, убегая от мира, мы в сущности морально хороним себя? Может быть, мы просто гнием подобно растению, выброшенному за садовую ограду, или же, напротив, приближаемся к реальности, яснее видим за ней великую цель?

Как ничтожны все мирские заботы для человека, который заброшен в условия, подобные здешним, какими грандиозными и жуткими представляются здесь силы, которые вращают Вселенную в пространстве!

Да, лежит человек в одиночестве и думает. Но сколько бы вопросов он ни задавал себе, ответом, очевидно, будет единственно то, что он не может жить без ощущения своей силы, своего места на земле и своей пользы для других людей.

Вот и идет он к черту на кулички, терпит тысячу бед и побеждает. Побеждает, каких бы мучений, боли, тревог это ни стоило.

И такого человека не переделать...

На рассвете снега горят алым пламенем. Заря окрасила их в такой цвет. Говорят, каждый цвет влияет на нас по-своему: синий усыпляет, желтый тревожит, красный зовет и будоражит. Значит, и сегодня снега звали к себе.

Об авторе

Федоровский Евгений Петрович, литератор, член Союза журналистов СССР. Родился в 1933 году в гор. Чесноковка, Алтайского края. Публиковаться начал с 1960 года как автор книги о походе подводной лодки «Северянка» в Атлантику («Секрет рыбьих стай»). Автор много путешествует по нашей стране и пишет очерковые книги: «Беспокойная прямая» (в соавторстве с А. Ефремовым), «Сто дорог, сто друзей», «Потерянный караван», «Орлиный услышишь там крик». В альманахе выступает впервые. Сейчас работает над книгой о своих поездках в Сибирь и на Дальний Восток.

МЕЛКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ

*

Рассказ

День выдался мглистым и серым. Уже минул полдень, но все вокруг освещалось так же тускло, как утром, когда, невидимое в тумане, вставало солнце над горизонтом. Низко и медленно брели по небу дымящиеся серые тучи, и было в них что-то сонное и вялое. Впечатление это усиливалось еще и тем, что не было ни дождя, ни ветра и в воздухе витали запахи начавшегося увядания.

Гошка Заварзин, тридцатилетний кладовщик, а в данном случае отпускник и рыбак, сидел на корме дюралевой лодки и ловил на удочку живца, чтобы на ночь поставить закидушки. Клевало редко, и Гошка досадовал. Еще совсем недавно он брал хорошие уловы, но снасти, которыми рыбачил, теперь запрещены. Гошка не видел в этом никакого резона. Именно от такого запрета, полагал он, браконьерство стало более изощренным и беспощадным. Раньше, когда разрешалось ловить

разными снастями, не надо было искать далеких кормовых да нерестовых мест. Можно было и поблизости добыть достаточно рыбы. Теперь же всякий норовит забраться подальше, чтобы всеми средствами наловить побольше. Так рассуждал Гошка и так объяснял все возрастающее оскудение рыбных запасов.

Он и сам мог забраться в глухое место, но у него уже не оставалось времени: через три дня отпуск кончался. И еще была причина: слишком много пошло бы бензина для моторки, чтобы добраться к верховьям реки. Пришлось подняться лишь в среднее течение и снасти взять самые немудрящие — закидушки, удочки да перемет на всякий случай.

Раньше у Гошки не было собственной лодки с подвесным мотором, не ездил он в такую даль, а рыбы привозил больше. Бывало, его жена ругалась, когда он пудами рыбу привозил и тем доставлял ей много хлопот. Теперь ворчит, что зря тратит время и деньги. А как же иначе? Лодка, мотор, горючее — все это денежки немалые. Да еще традиция глупая: как рыбалка, так водки бери с собой, будь она неладна! Вот и не окупаются расходы.

Теперьшний Гошкин напарник по рыбалке Ленька Пикузин работал в городской типографии. Человек он был новый, недавно приехал с курсов и поселился на частной квартире на Гошкиной улице. Мелкорослый, белобрысый очкарик, и ничего особенного, простяга. Так что Гошка сразу почувствовал себя выше. Впрочем, Гошке нравилось, что Ленька не вступает в пререкания и не лезет со своими советами. Оно и понятно: Гошка — многоопытный человек, а Ленька — зелень еще.

Познакомились они, когда Гошка возился с мотором. Подошел Ленька, стал помогать. Тут и договорились. Гошка решил не брать своего дядьку, человека пенсионного возраста, которого хотел было пригласить в напарники. Он стар, тучен и ленив — один балласт для лодки. Ленька же шустрый парень и, видать, будет послушным.

Вот они и рыбачат второй день. Место выбрал Гошка — глухое и безлюдное, по обеим сторонам реки высокие сопки и лес. Ночами ухают филины, режут дикие козлы. Леньке это в диковинку и страшно нравится. Гошка привычен и ночью спит как убитый. Улов, как считает Гошка, ниже среднего. С утра он добывает живца, к вечеру наживляет снасти и ставит их. Дело нетрудное и привычное для Гошки. Он и палатку поставил умеючи. Ленька полагал разбить лагерь на высоком берегу под деревьями. Гошка на это сказал:

— А ну сходи, посиди там минут пять.

Ленька побежал туда и вскоре вернулся, объявив, что заели комары.

— Ну то-то, — усмехнулся Гошка, — стоять надо на голой косе, у самой воды. Комар такие места не любит.

И правда, на косе благодать. Одно плохо — спать жестковато.

В отличие от Гошки Ленька целыми днями носится со спиннингом по заводям. Все надеется изловить крупную рыбину, но добыл пока что двух неказистых щурят. Гошка снисходительно посмеивается над Ленькиным азартом и спиннингом, который считает до смешного ненадежной снастью. К тому же спиннинг слишком много сил отнимает. А Ленька, чтобы оправдать глупое увлечение, к тому же хвастается:

— Спиннинг мышцы развивает. Вполне спортивная рыбалка... Какой воздух, какие краски, запах!..

— Ты, Ленька, прямо как барышня, — сказал ему на это Гошка. — Все ах да ох!..

Вчера вечером, после того как распили поллитровку, Ленька ударился в откровенность. Исповедался. Стихи, видишь ли, пишет. Прочитал длиннющее стихотворение. Спросил, нравится ли? Гошка похвалил: складно, мол, но так просто, чтобы Леньку не обидеть. Гошка считал, что после великих русских поэтов никто еще не написал порядочных стихов, все трескотня да заумь. Будь его воля, Гошка печатал бы только такие стихи, которые равнялись бы пушкинским и некрасовским. Тогда не лезли бы в поэты все кому не лень. Да и запоминать стихи легче, раз их немного.

Послушав Ленькины произведения, Гошка зло подумал: «Вот чунарик-очкарик! Тоже мне, поэт выискался!» И сегодня утром повторил это про себя, потому что Леньке вдруг понравилась такая вот нудная серая погода. В ней, дескать, этакое томление и усталость. Да еще вроде бы совершается какое-то там таинство.

И сейчас, сидя на корме своей лодки, Гошка решил, что, как только Ленька придет, надо заставить его дров запасти, костер распалить, чай поставить и закидушки размотать. И как раз в это время послышалось похрустывание гальки.

Потный, заеденный комарами, словно выцветший и воспаленный, Ленька всем своим видом как бы подчеркивал Гошкину весомость и спокойную уверенность.

— Ну ка-ак? — спросил Гошка.

— Уф! Не говори. Понимаешь... что-то громадное сорвалось.

— Ха! Это всегда так. Громадное всегда срывается.

— Да нет, правда!

Гошка промолчал, не стал спорить, потом сказал:

— Вот что, Леха. Костер и чаю свежего! А я еще живца половлю. Плохо что-то клюет сегодня. Погода такая, что и человека в сон клонит.

Ленька, опустившийся было на гальку отдохнуть, поднялся и побрел за хвостом. Когда он не слишком уставал, то и не замечал Гошкиного приказного тона. Но теперь это начинало его злить. Только и слышалось: «Сделай то, принеси это, сходи туда». Сам и с места не сдвинется. А как наловит живца, так Ленька же и вертится вокруг, помогает наживлять да закидушки ставить. Конечно, Гошка — опытный человек, но все-таки... Никто не заставляет Леньку бегать со спиннингом, но ведь совесть надо иметь!

Ленька наносил хворосту, не поленился — целую гору. Вскипятил воду, и, как только запахло чаем, Гошка повел носом и, не отрываясь от удочки, распорядился:

— Налей кружечку. Поддай остороженько, не греми.

Ленька исполнил просьбу и, вернувшись к костру, лег на галке, уставился в мутное небо. Хорошо было так лежать. Но вскоре Гошка объявил, что живца предостаточно. Потягиваясь и позевывая, вышел из лодки.

— Ну что, гнилая интеллигенция? Устал?

— Ничего, — сказал Ленька, — мне полезно. Давно не было физической нагрузки.

— Та-ак. Начнем наживлять, — распорядился Гошка.

Ленька встал, помахал руками, разминаясь, и спросил, не равновато ли.

— Живец не червяк. Мелочь не склюет. Можно и засветло ставить.

Конечно, Гошка был прав. Они еще налили по кружке чаю и вприкуску долго тянули пахучую жидкость. Шевельнулся ветерок — первый раз за весь день, и тут же послышался тихий и ласковый хрустально чистый звон. Казалось, в воздух поднялась стая каких-то бойких и веселых стеклянных насекомых. Ослаб ветерок и распался, растаял неведомый чудный звон. Но качнулся воздух — и опять донесся этот звук, только еще более явственный. Леньке почудилось, что в небе кружатся бесчисленные кулички и обучают полету птенцов — перекликаются, ликуют, празднуют. Затих ветер, смолкли и кулички. Так повторилось несколько раз. Ленька спросил, что это за непонятный звук. Гошка ничего не слышал. Усмехнулся и сказал:

— Это у тебя от усталости или нудности погоды.

Но вновь зазвенело — теперь уже без ветра, да так, что услышал и Гошка.

— Гм... Верно, — сказал он. — Сейчас узнаем, что это. — И начал поворачиваться и прислушиваться. Оказалось, в сотне метров от лодки узкой полоской вдоль реки падали очень редкие и крупные капли дождя. В сером воздухе их не было видно, но четкие пятячки, которые чеканились на воде, не оставляли сомнений. Каждая капля в застойной тишине странного этого дня рождала живой своеобразный звук. Будто хлопотливые цыплята, ликующе попискивая, клевали что-то звенящее.

— Ну вот, — проворчал Гошка, — не хватало еще дождя.

— Нет, ты послушай! Это же чудо! Ну просто божественная музыка!..

— Вообще-то интересно, — согласился Гошка, — редко так бывает.

— А я... знаешь, за один этот звон поехал бы рыбачить!

Гошка расхохотался:

— Ей-богу, ты чаю перепил.

А Ленька продолжал:

— Ведь тут нужно особое состояние погоды и даже самой природы, чтобы родились такие звуки. Может, и у нас с тобой какое-то особое состояние, а? — Он руки поднял вверх и крикнул: — Учись, несчастный, у природы! Эге-ге-ге-ей!

В ответ из-за реки донеслось эхо.

Они еще постояли, послушали, как в стороне звенит дождь. Потом Гошка переступил с ноги на ногу и сказал:

— Ладно. Наслушались. Пошли за живцами.

Но Ленька вдруг схватил его за локоть и начал делать таинственные знаки, показывая рукой в сторону реки. Над самой водой прямо на них, пересекая широкий плес, летела сильная светло-бурая птица. Она была метрах в полуста, когда Гошка завопил:

— Да это же филин! Ты гляди, он, гад, прямо на нас прет!..

И тут филин вдруг сел... на воду.

— Вот-те раз! Большой он, что ли? А?

С минуту филин сидел неподвижно, полураскрыв крылья, и казался мертвым. Течение разворачивало его и сносило к скалам. Потом он пошевелился и медленно, как башню на танке, повернул голову. В этом движении было что-то величественное и вместе с тем жалкое. Вот он расправил крылья, приподнялся и мощным толчком подался вперед. Помедлил и опять оттолкнулся. С каждым взмахом он все ближе подплывал к берегу.

— Беги! — приказал Гошка.

Ленька невольно подчинился, правда не побежал, а пошел с кружкой чаю в руках. Шел, следил за птицей и пошивал чай.

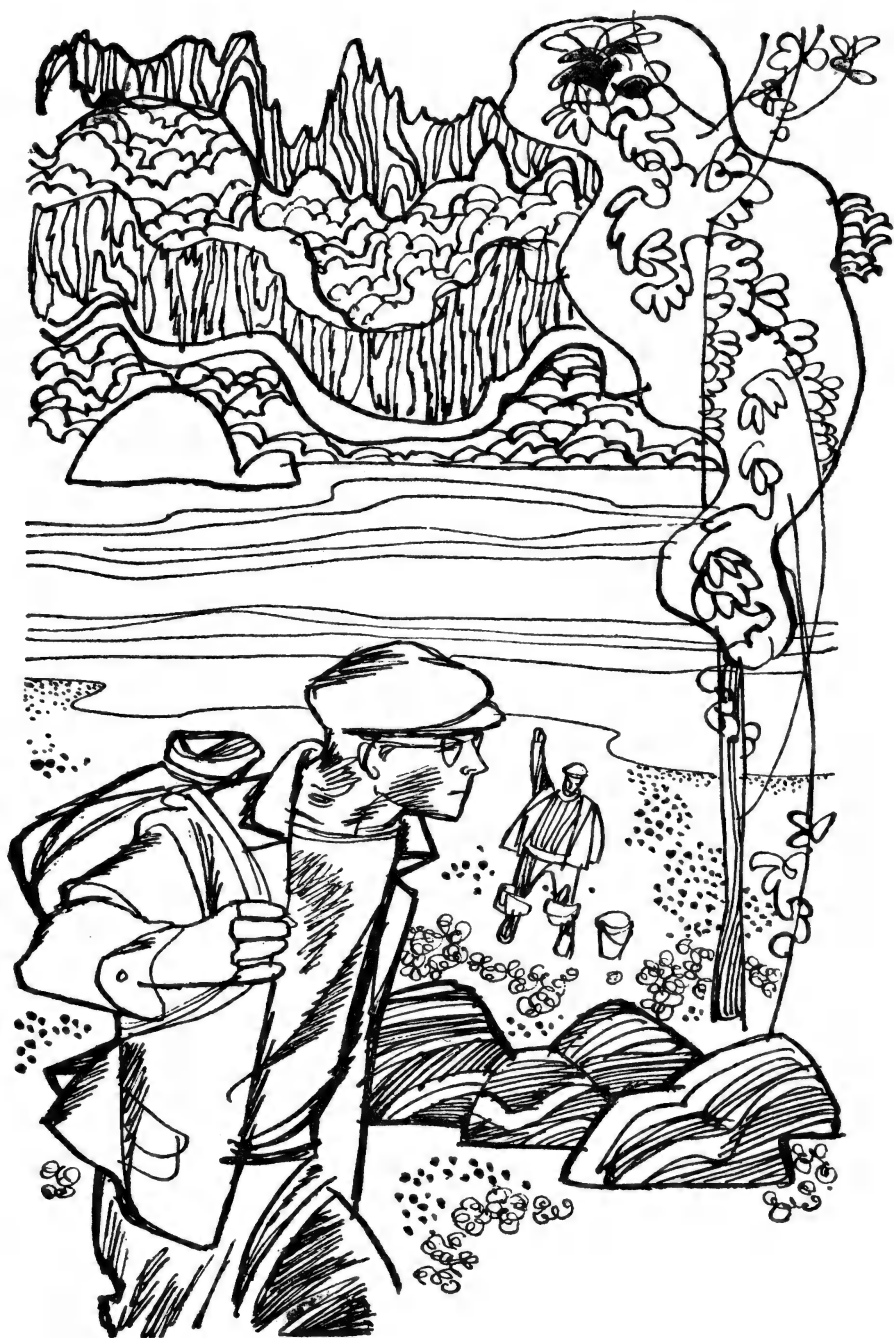
— Да торопись ты, тюфяк! И камень, камень захвати!.. Я чучело сделаю!..

У скал, на каменной осыпи, невидимый Гошке сидел выбравшийся из воды филин. Точнее, он стоял по-солдатски, плотно прижав крылья, сблизив лапы и повернув кошачью голову в сторону подходившего Леньки. С живота и ног филина стекала вода, и он был удивительно похож на человека в белых мокрых подштанниках. Красновато-огненные глаза, как две монеты, глядели прямо на Леньку, не мигая. Темный зрачок, напоминавший формой огуречное семя, стоял вертикально. Ленька подошел метров на десять. Филин начал беспокоиться, переминаясь, ворочать головой и пускать струйки белого помета. Поняв, что птице страшно, Ленька остановился. Ему хотелось, чтобы филин не испытывал страха и отнесся к человеку с доверием. Отхлебнув чаю и приветливо улыбаясь, он заговорил, как с другом.

— Ну что, браток? Беда стряслась? Да? А ты не бойся. Ну тебя к лешему. Что я, зверь, что ли? А? Ну?

Филин взмахнул крыльями, взлетел боком и упал в воду. И опять медленными мощными толчками выплыл на берег.

Ленька подошел поближе и снова начал разговаривать, стараясь придать голосу самые мягкие и ласковые нотки. Филин повел головой, как бы удивленно моргнув одним глазом, взлетел и упал в

воду. Когда он выбрался, взгромоздился на камень и повернул голову, Ленька не стал подходить, чтобы не мучить птицу.

— Что же с тобой случилось? Может, ты ослеп? А может, на наш огонек летел?

Гошка тем временем покрикивал.

— Ну что ты там? Где он?!

Ленька предостерегающе поднял руку — не ори, мол, а сам продолжал спрашивать:

— Может, подвела эта мутная погода? А? Может, ты совсем еще птенец, хоть и крупный?

— Ну что ты тянешь?! — вопил Гошка. — Где он? Бей же его! Ну!

Ленька надеялся, что ласковый голос успокоит птицу. Но стоило сделать шаг, как филин начинал проявлять беспокойство.

— А может, ты — филиниха и отвлекаешь нас от своих филинят, как утка, например, а? Или ты вещая птица и потешаешься над людьми?

Филин не моргая глядел на Леньку.

— Ну не бойся, слышишь? Не бойся.

У филина, конечно, были все основания не доверять человеку. Да и о каком доверии могла идти речь, если вот сейчас Гошка Заварзин кричит, возмущается Ленькиной медлительностью и требует убить филина, чтобы сделать чучело.

Ленька услышал, как сзади гроыхает галька, и понял, что Гошка вышел из терпения и бежит сюда.

— Ну, где он?! — донесся его решительный, воинственный возглас.

Ленька поспешил навстречу напарнику и, отвлекая Гошку, стал протирать очки.

— А его уже нету. Тют-тют...

— Как это нету?! Ты что?!

— Обсох и улетел, понимаешь? — Ленька махнул рукой в сторону реки.

— И-эх ты, р-растяпа! Рядом стоял. Такое чучело было! — Обозленный Гошка с презрением посмотрел на Леньку и, резко повернувшись, пошел прочь. Ленька молча побрел следом. Когда он ласково разговаривал с филином, то испытывал почти блаженство. Он казался себе мудрым и таким добрым. И мысли были хорошие, о том, что все живое хочет жить. Без нужды незачем убивать даже букашку, а тем более птицу, попавшую в беду.

Ленька был очень доволен, что не тронул филина и не дал его в обиду Гошке. Голос напарника хотя и не вывел Леньку из добродушного состояния, но что-то холодное и жесткое вползло в душу. Ленька всеми силами старался сохранить свое хорошее, словно бы просветленное настроение, и это ему пока удавалось... Но вот Гошка заговорил:

— Ну ладно... Черт с ним. Ты вот что. Палатку, шмотки, дрова — все перенеси вон туда, повыше. А то, кажется, вода

прибывает. А я буду костер тушить и закидушки настраивать. Давай поторапливайся.

И тут Ленька впервые почувствовал острую неприязнь к своему напарнику. Когда пришли к костру, Гошка слил последний чай и, прихлебывая из кружки и сплевывая чайники, начал носком сапога раскидывать головешки и не спеша затаптывать угли. А костер и тушить было ни к чему. Кругом голая сырая галька. Поджигай — не подожжешь!

«Туши, туши. Да еще дым разгони, все дело будет», — с раздражением думал Ленька. В движениях его появилась резковатость, лицо насупилось, только очки по-прежнему блестели бесстрастно-пронзительно. Он уложил в рюкзак свои вещи, зачехлил спиннинг, вскинул то и другое на плечи и полез на берег, а потом и на сопку, где была пешеходная тропа, которую он видел, когда собирал хворост.

Гошка с изумлением смотрел на удаляющегося Леньку.

— Ты что, белены объелся?! — заорал он. — Я куда велел идти?

— Объелся... Конечно, объелся, — ответил Ленька, — поищи себе новых лакеев!

— Ду-ур-рак! Ой дура-ак! У меня же мотор и лодка! Куда ты, чумной?! — кричал Гошка.

Но Ленька уже не отвечал. Он торопливо и смешно карабкался вверх на косогор.

Об авторе

Фотьев Николай Иванович. Родился в 1927 году в Алтайском крае. По специальности зоотехник. Публиковаться начал в конце 50-х годов как автор басен. Живет в гор. Благовещенске, член Амурского литобъединения. Работал в краевой газете. Автором опубликовано несколько небольших сборников басен и очерков, в Хабаровске готовится к изданию сборник его рассказов. В настоящее время занимается только литературной работой. В альманахе выступает впервые.

ГОРНОЙ ТРОПОЙ КАВКАЗА

Очерк

Охотники до красоты

Через Кавказ идут люди. Группа за группой. Все лето. И даже осенью. Вот цепочка в двадцать человек, все с рюкзаками, в зеленых штормовках. Кто в широкополой шляпе, кто с кавказским лопухом на голове, в косыночках, кепках. Солнце щедрое, жара, открытую голову подставлять нельзя. Куртки нараспашку, насколько позволяют лямки, штаны подвернуты, а в кедах хлопает. Такая уж дорога.

Идут молча, экономя силы. Впереди инструктор, бывалый человек. Он соизмеряет шаг по слабеньким, которых поставил прямо за собой.

Долго идут. Все вверх и вверх. Все к небу. Наконец минуют последнюю горку. Короткий привал. Осматриваются. Луга, лесные опушки, скалы, простор. Ветерок вольный и прохладный. Куда ни повернись — вершины и вершины. В туманной дали Чугуш. Еще дальше совсем синий Оштен. Как мираж.

Отсюда начинается спуск к морю. Но до моря еще далеко, их разделяют синие и черные леса, узкие долины, каменные ущелья. Две ночевки.

Инструктор протягивает руку влево.

— С того гребня можно увидеть море, а позади весь Кавказ. Если кто хочет...

Все хватаются за рюкзаки. Трое вырвались вперед. Не терпится.

Бегом на гребень. Только камни сыплются. Вошли и остановились, очарованные. Что увидели они там? И почему так взволнованы, так озарены их лица, минуту назад усталые и поседевшие?

Кавказ...

Идут через высокие перевалы туристы и даже те, кто никак не мог считать себя туристами.

Тысячи, десятки тысяч охотников за красотой.

Потом они весь год будут рассказывать о пережитом друзьям и знакомым. Еще сотни тысяч загорятся планами будущих путешествий.

А тот, кто не услышит очевидцев, кому не суждено пройти по трудным и поразительным тропам, прочитает о Кавказе все, что попадется на глаза. Романы, поэмы, рассказы.

И может быть, даже эти короткие зарисовки.

Горы — рукой подать

Перед ненастьем горы приближаются. Такой уж воздух. Кажется, совсем рядом тупая вершина Оштена, зубчатый Армянский перевал, великолепный Фишт. Любая складочка заметна. Вот поблескивает истаявший ледник, там темная бороздка ущелья. Луч солнца блеснул на скале — и она сделалась вдруг розовой, как полированный аматажинский мрамор. Черный заборчик из пихт увенчал гребень какой-то горы, и уже можно разглядеть в бинокль отдельные деревья, большие камни.

Не обольщайтесь: обман зрения. К Оштену придется топать три-четыре дня, перевалить семь параллельных хребтов, спускаться вниз до дрожи в коленях, путаться в диком лесу, где громадные скалы и бурелом то и дело встают на пути. И еще залезть в непролазную чащу рододендрона, растения с красивым названием, чьи стебли, как черные змеи, лежат на крутом склоне словно специально, чтобы скользить по ним в ущелье и затруднить подъем, когда в грудь тебе упираются десятки острых ветвей. Ловушка. Без проводника — ни шагу!

Упрямые и дерзкие все равно идут. Через леса и ущелья. Молчком, цепочкой, задыхаясь на подъемах. Жадно припадают к холодным ручьям. Прислушиваются к сумрачной тишине дебрей, где

ходят — должны же ходить! — медведи и кабаны. Оштен все еще впереди. И все такой же далекий.

Но вот наконец просторная альпика. Вдох облегчения. И громкий возглас радости.

Пошли шибче. Трава по плечи высотой. Цветы, каких нигде на свете не увидишь. Ковер, сотканный самой природой с таким блеском, что меркнут перед ним все семь чудес света. Ромашки-гиганты, лилии с глубочайшим бархатным отливом, нежно-фиолетовая кисть подобрешнего рододендрона, белые, восковой строгости эдельвейсы, колокольчики, горошек, анютины глазки в таком количестве, что хватит их на все клумбы мира!

Кружится голова от простора, аромата, красок. Среди лугового раздолья высятся васнецовские скалы, лежат дикие камни, поросшие зеленым мхом, падают вниз разноцветные осыпи. А впереди стоит долгожданная вершина, она на расстоянии вытянутой руки. На вершине солнце. Неужели здесь ее тронная зала?

Еще не все, не спешите.

За близким перевалом укрыты более таинственные ландшафты. Прохладный ветер летит с ближайшего ледника. Пахнет снегом и... морем. Оно еще далеко отсюда, наше Черное море, но аромат его уже слышится в повлажневшем воздухе. Часов пять назад пронесся над водой морской бриз, поднялся над лесами мелкогогорья, пропитался запахом понтийских джунглей и достиг перевала. Вперед! Через леса, ущелья — к морю!

Какое оно, море?

С большой высоты море странное. Кажется, что голубоватосинее бесконечное пространство поднялось в небо и где-то на высоте твоей собственной груди сомкнулось с таким же безбрежным голубым небом. Их разделяет едва заметная полосочка, чуть опущенная по изгибу земли у краев. Иногда небо голубее моря. Иногда наоборот. Но всегда эта картина поразительна до слез, настолько возвышенно чиста, что забудешь про все плохое на свете — про усталость, обиды, заботу, даже цепкое горе, если принес его с собой на эту заоблачную высоту. Все суета сует перед величием гор и картиной безбрежности моря. Один на один с прекрасной природой и сам человек становится выше, красивее, лучше. Наверное, в этом очищении природой и состоит привлекательность странствий.

Остановились на гребне горы, растерянные и очарованные. Дышат глубоко, взволнованно. У кого-то повлажнели глаза. О чем думают люди, любясь небывалым зрелищем?..

Прохладный ветер овеивает разгоряченные лица. С трудом отрываясь от созерцания далекого моря, взваливают рюкзаки и без команды инструктора идут дальше. Легким и дерзким шагом первооткрывателей.

Гроза

Если с утра на перевале ясное небо, блеск солнца и тишайшее безветрие, жди перемены.

Погода в горах меняется внезапно, с непостижимой быстротой.

Вот зацепился за вершину Фишта клочок пухлого облака. И тут же на него, как на толстую шпильку, начинают наматываться

белые нитки безобидных, растрепанных перьев тумана. Облако густеет, становится темнее. Солнце еще светит, голубизны много, но снизу, из-под ног туристов, из ущелий и провалов уже выплывают быстрые космы сгущенного в лесах тумана, они дерзко идут на штурм горы. Солнце плавит их, туман тает, но на смену погибшему выносятся лихие эскадроны новых клочьев, более тяжелых и темных. Справа, слева, из каждого ущелья и все к Фишту, Абадзеху, Оштену, вершины которых высоко подымаются над перевалом.

Добрались наконец до вершины, сомкнулись. И на перевале стало пасмурно. Прогрохотал первый гром, не страшный, даже немножко смешной гром, потому что бурчит он внизу, под ногами, в этих самых ущельях, откуда все еще подымается гроза.

Темнеет, темнеет. Голубизны все меньше. Гром набирает силу. Где-то, опять же внизу, блестит молния, раз, другой, и вот уже клонятся под ветром цветы, запахло водой, из лесу доносится слитный, усиливающийся шум, и вдруг как из ведра — сверху, снизу, с боков — хлынуло, заревело, закружило. Потоки воды, какие-то

неистовые, сплошные, шальные, закрыли все. От такого ливня не укрыться зонтом, болоньей, а тем более легким кавказским лопухом.

Минута, вторая — и все уже мокрые. Штормовки не защищают, они промокают, и уже нечего оберегать, прятаться: сухой нитки на одежде не осталось. Льет. Гремит...

Через полчаса ливень уносится к Чугушу, но космы туч все еще цепляются за скалы, никак не уходят. Долго и нудно капает сверху, поредевшие облака выцеживают мелкий, противный дождь, настроение портится, шутки повисают в мокром воздухе, а инструктор торопит идти и все шарит у себя по карманам, беспокоится за спички в целлофановой обертке. Он подходит к опушке леса, сворачивает с тропы. Знает, куда вести мокрых путешественников.

Перед ними огромная пихта — сорокаметровый черный шатер. Все враз ныряют под мокрые, отяжелевшие ветки и оказываются в сумрачном шалаше. Зато сухо. Хвоя под ногами шуршит, трещат ветки. Теперь костер — и скорее сушиться. Два костра! Места много. Нашелся валежник, веточки, по лицам побежали отблески огня. Теперь дождик не страшен.

Гроза гремит над перевалом, поливает другие группы на других тропах. От одежды валит пар.

Красота, братцы!

Все равно счастливые

Дальше, дальше...

Лес мокрый, хоть выжимай. Зацепил ветку — дождь. Поставишь ногу — хлупает. Везде вода, от нее не скроешься. Деревья отяжелели, орешник весь в бусинках воды, трава упала от тяжести ливня. На тропе лежат белые червячки — пахучий кивсяк. Лес пропитался запахом созревшего острого сыра, зелени, земли.

Пасмурно. Вьется бесконечная тропа. Сбоку грохочет помутневший ручей. Он пухнет на глазах, свирепеет, захлебывается и несет коряги, пеньки, камни. На него оглядываются с опаской.

Инструктор все время твердит:

— Два километра. Полтора. Семьсот метров.

Это до приюта. Обнадеживает, чтобы голову не вешали. Прививает, конечно. Не семьсот, вдвое больше. Кто тут считает метры?

Встречается пожилой лесник. Отступает в сторону от тропы, пропускает цепочку. Он в солдатском плаще с капюшоном, в резиновых сапогах. Сухой, деловито-замкнутый. Смотрит на туристов с нескрываемым сожалением. Дети, дети, что вас носит по мокрым дебрям?

Они идут мимо старого лесника, дети, которым и семнадцать, и сорок пять. Усталые, мокрые, еле ноги несут. Растрепались прически, ссутулились плечи, поступь мелкая, коленки дрожат.

И вдруг из середины цепочки веселый выкрик:

— Не жалейте нас, пожалуйста. Мы счастливые!

Двадцать улыбок с повернутых лиц. Тверже шаг. Помогают друг другу одолеть подъем у приюта, смеются над неловким толстяком, все вместе тащат его, скользят по грязи.

А лесник все стоит и смотрит им вслед.

Они счастливые...

Доброта

Приют на Бабуке. Точнее, на Бабук-Ауле.

Долина, как узкое и длинное корыто с зелеными стенками. Иногда просто каменные отвесы над рекой, чаще крутые склоны в кудрявых, густейших зарослях. На дне корыта, беснуясь среди необточенных каменных глыб, ревет зеленая Шахе. Узкая речка, а не перейдешь: свалит. Дерзкая, холодная река после дождей мутнеет, раздувается, тогда к ней вообще не подступишься.

На берегу неожиданная луговина, как солнечный зайчик в лесах. Мелкий клевер, шелковистый мятлик, цветы. Посредине островок из гигантских грецких орехов и каштана. Дикая черешня вся в черных сладких ягодах. Запах меда от цветов. И дым костра какой-то особенно пахучий, не едкий, как обычно.

Приют — всего два балагана с постелями, навес над кострами, столы и скамейки под орехом, на них горка чистой посуды. В стороне магазинчик и пекарня. Сквозь шиферную крышу ее просачивается синий дым и вкусный запах ситного хлеба.

Если на ночлег спускается больше шестидесяти туристов, на веселой лужайке возникает рядок рыжих от старости палаток. В них залезают на четвереньках, как в уютные норы.

Что нужно туристу? Свобода. Не комфорт, не джаз, не ванна. Да и откуда быть им под самым перевалом, в двух днях пути от моря? Зато на приюте есть Цолак Аракелян и Алеша Торлакян, два русских армянина, два добрых человека. Они знают, что нужно туристу.

Путники где-то еще на перевале, но туда сваливается туча. Алексей смотрит на небо и начинает сооружать костры под навесом. Ивановна, приходящий пекарь, вынимает из печи буханки. Придут ребята — а здесь гостеприимный кров, костры, теплый хлеб. Цолак протирает стекла в лампах. В этом ожидании все, что надо людям, идущим с гор: забота, внимание.

Туристы приходят, бросаются к кострам. Долой мокрую одежду! На жерди над огнем! В одних трусах бегут к реке. Звенит посуда, и вот уже запахло гречневой кашей, потащили остужать ведро с киселем.

Ночь темная, хоть глаз выколи. Краснеют костры, тесно сидят у огня москвичи, эстонцы, волжане, сибиряки. Поют, поют, песня уходит далеко по долине. Молчат горы, прислушиваются.

В шесть утра из-за горы Чемплеушки весело и беззастенчиво выкатывается солнце. Длинные, глазам видные лучи его вонзаются в сонный туман над рекой, сушат росный лес, съедают остатки

облаков, уснувших над ущельями. Оживает лес. Непрестанно поют свое веселое «цу-зун, цу-зун» зяблики, громко, отчетливо имитирует соловья серый дрозд. Отличное утро!

У костров хлопочут девчата. Заспанные хлопцы стыдливо пробегают на речку. Шуршит пересохшая, как пергамент, одежда.

Перед дорогой выстраиваются на линейке.

— Счастливого пути! — говорит Цолак.

— Физкульт-привет! Привет! Привет!

Это традиция. И благодарность за участие.

Уходят. Пустой приют. До двух часов, когда спустятся новые группы. Цолак и Алексей осматривают прибранные балаганы, чистую посуду. Порядок!

И отправляются ставить столбы, вешать провода. На ручье Бугучок уже работает гидроэлектростанция, они сделали ее сами. Не Братская, конечно, генератор на четыре киловатта, турбина. А что приюту надо? Два десятка лампочек и радиоприемник. Вполне обеспечит.

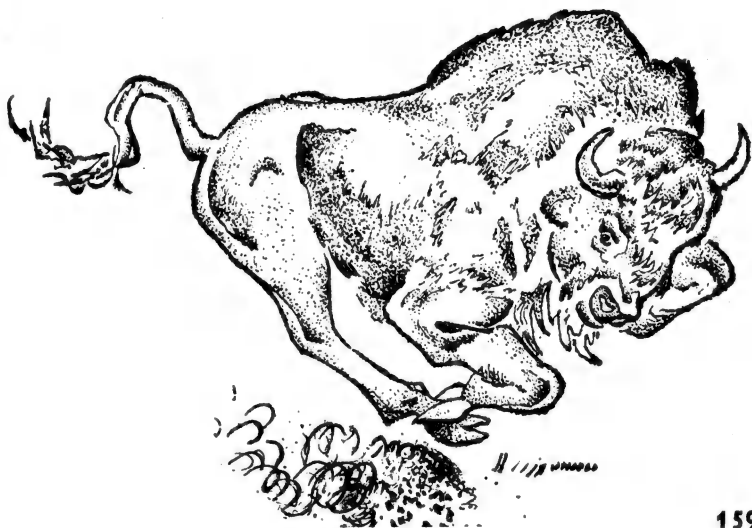
Скоро будет свет. Веселее все же.

А пока на приюте тишина, пчелиный гуд в каштанах. И вечный говор Шахе внизу.

Рассерженная зубриха

На туристских тропах зверя нет. Напрасно оглядываются ребята и держат палец на спуске зеркальной камеры. Зверь далеко ушел от людских троп. Ему не нравится шум, даже транзисторный голос Майи Кристалинской не привлекает.

Но зверя в горах много. Ой много!

Зубры ходят в долинах Киши и Умпыря. Глыбы темно-серой шерсти, насупленные космы над желтым, злым глазом. Подозрительные, тяжелые и быстрые, как танк в наступлении.

И вдруг неожиданная встреча. У жердевой оградки, за которой паслись зубриха-мама и ее милое дитя, сразу сбилась говорливая кучка туристов. Защелкали фотоаппараты, каждому хотелось ближе, чтобы на память. Экзотика!

Зубриха смотрела-смотрела, наконец рассердилась, сказала «фух-х», нагнула морду до земли, шаркнула копытом раз, другой, выбросила назад землю. Ах, вы еще стоите?! Сбычив страшенную шею, ринулась на ограду. Удар! И только щепки посыпались. Вырвалась и завертелась среди сосен на поляне. Никого. Пусто. Только валяются рюкзаки, открытые фотоаппараты, чья-то туфля в траве.

Повертела хвостом, еще раз сказала «фух-х» и, победно сверкнув глазами, пошла к своему глупенькому ребенку.

...Слезали с сосен не торопясь, с оглядкой. Облегченно переводили дух. Виногато улыбаясь, подбирали свои рюкзаки. Ну и ну...

Пожилой, белолицый интеллигент стоял около своей спасительной сосны и все смотрел на гладкий бронзовый ствол, на высокие ветки. Неогвизная мысль свертила ему голову: как он мог забраться на это?..

Видимо, пределы мужества и ловкости не всегда совпадают. Особенно, если нападает зубриха.

Урок природоведения

Дикая груша созрела.

Грушевых деревьев по Кавказу несчетно. Великаны, метров по двадцать пять. Ветки усыпаны сладко-терпкими мелкими плодами. Жители собирают где можно дичку, сушат. Отличные компоты.

Медведи тоже не прочь побаловаться. Созреет плод, упадет покрасневший. Ударится о камни, лопнет, сладким соком сочится. Далеко по лесу приторный запах. Осы вьются, пчелы целым роем. Кому не хочется сладкого сока?!

А если безветрие и груши не падают?..

Пришла медведица с маленьким, порылась в траве, искала. Нет плодов, нечем угостить сына. Встала на задние лапы, шею вытянула, носом водит. Вон они висят, желтые, спелые, осы роются вокруг веток. Око видит, зуб неймет. Обидно. Походила туда-сюда, силится пригнуть ветки, не достает. А сынок знай себе балуется, за бабочками гоняется. Ты мать, ты и корми. А то кричать буду.

Рявкнула, подозвала. Лапой подтолкнула к стволу: лезь. Не понимает, убежал за дерево. Еще раз шлепнула, побольнее. Взвизгнул, не знает, за что. Схватила обеими лапами, к стволу прижала: лезь. Заплакал, но вцепился в шершавую кору, повис. Медведица опять толкает снизу: ну же!.. Перехватился, глянул

через плечо, глазенки испуганные, а она все гонит. Раз-раз — и на ветке. А что делать?

Ползла и медведица. Обняла ствол, пыхтит, все-таки вес. Добралась до сучьев и пошла трясти, ломать. Медвежонок слышит, как градом урожай сыплется, посмотрел вниз, потом на мать. Догадался. Тоже потянул ветку. Отпустил. Посыпалось. Ага! Смелее взялся, достал другую, держится, ртом хватает, чавкает.

А медведица уже сползает и ему голос подает. Попробовал, как и она, задом. Трудно без привычки. И скучно. Пополз по нижней ветке, она клонится, качается, а ему весело. Мать снизу рычит, но где там. До самого конца добрался, повис, только тогда закричал. Медведица мигом к нему, два метра до земли. Говорит по-своему: прыгай! А он верещит, повис и лапами сучит.

Хлоп! Это она его лапой. Хлоп еще! Он кубарем в траву. Как мячик. Отбежал, огляделся. Ого, сколько добра!

Урок окончен. Под грушей, в чащобе слышится довольное чавканье. Выбирают самые сладкие.

Наелись. Отошли. Облюбовали ложбинку на краю спуска, откуда во все стороны видно, и легли. Медведица, как собака, свернулась калачиком, медвежонок к ней под мягкий живот. И уснули.

А под грушу пришли кабаны.

Добирать.

Это уже ночью. Они любят пастись ночами.

Шакал кричит

Под вечер явилась на приют очень решительная физкультурница и привела десять семиклассниц. Все честь честью, «дикая» группа. С рюкзаками, запасом пищи и пропуском из заповедника. Сказала:

— Это мои лучшие ученики. Пищать не умеют. Мы переночуем здесь, оставим вещи и утром налегке сбегает в горы. До пастбища Хуко. Говорят, недалеко, правда? Там озеро, пещера, пихтовый лес. К вечеру вернемся.

Чуть свет пошли на Черкесский перевал. Бодрым шагом бывалых туристов. Налегке, в синих тренировочных костюмчиках, на которых еще сохранились складки от маминого уюта. Впереди физкультурница со значком туриста, с кокетливой прической. Взяйтесь кострами синие ночи.

Вечер — их нет. Ночь — нет. На приюте беспокойство. Хуко — это тысяча шестьсот метров. Холодно. Как они там?

Утром, конечно, тревога. Пропадала группа. На поиск пошли лесники. А утро жаркое, дышать нечем. Не прошли и двух километров — бредут навстречу. Ссутулились, оборвались, глаза блуждают. Голодные, испуганные. От прически у решительной дамы ничего не осталось.

Накормили их на кордоне кислым молоком, хлебом. Расспросили. Конечно, заблудились. Не заметили, как сошли с тропы. А лес

бесконечный, дикий, ущелья, заросли. Ориентироваться не умеют. Поблуждали и сникли. А тут ночь, черная, как вакса. Сбились в кучку под каштаном, чтоб теплее, задремали. Ни фонаря, ни спичек.

И вдруг шакал метрах в десяти как завоет, заплачет. Волосы дыбом. Вскочили, прижались к стволу. А в темноте глазищи светятся, и опять адский вой, хохот.

— На дерево! — прошептала физкультурница.

Как котята полезли, ободрались. По веткам расселись. Так всю ночь и продрожали без сна и отдыха. Какой там сон! Упадешь, а внизу этот... Ну, как его... Может, барс. Может, волк голодный.

Спасибо утром напали на тропу, а то бы блуждать и блуждать.

— Они у меня не пищали. Правда ведь? — Учительница хоть этот козырь выставила.

— Правда! — неуверенно ответила группа. — Мы такие...

— Сейчас отдохнем, а завтра прорвемся на Хуко. Так, девочки?

— Та-ак!

Она их загипнотизировала этим Хуко.

Лесник посмотрел на усталые личики, на рваные костюмчики, испачканные руки, потом на самолюбивую учительницу и сказал:

— Дайте пропуск.

Взял и на глазах порвал.

— Идите в приют, отдохните и топайте в Дагомыс. Хватит с вас. А через месяц-другой милости просим. Если, конечно, урок запомнился. В горы, милая дамочка, не бегают. Это не парк.

Смирились, ушли.

В балагане физкультурница уговаривала девочек ничего не говорить дома. Не пищать, как настаивала она.

Они, должно быть, проговорились. Рассказали про шакала, про спасительный каштан. И про свою не в меру самонадеянную руководительницу. Издалека-то смешно.

Высокогорье

Вертолет как рабочая пчела. Трещит весь день, снует над долиной Мзымты, над горами. Сядет в Красной Поляне, нагрузится досками, рамами, дверными коробками, пиффером и пошел вдоль реки, вверх, к горам Псеашхо. Опустится возле озера Кардывач, выбросит доски — и назад, за очередным грузом.

Светло, ясно, солнечно. Вот и спешит, пока погода.

Возят разборные домики на горный приют у Кардывача. Высота — тысяча восемьсот метров, редкий пихтарник, береза, альпийские луга. И сказочной красоты провальное озеро с чистой зеленой водой — такой холодной, что даже форель дрожит, такой чистой, что на глубине тридцати метров видно стоящее отвесно дерево, когда-то сброшенное обвалом.

Здесь и воздух другой, чем в долинах, рафинированно-чистый, сладкий, дышать не надо, сам в легкие течет, бодрит, вызывает румянец на щеках. Недаром пастухи тащат за собой детей на все лето. Молоко, сыр, этот воздух, к осени ребятишки как налитое яблочко, зарядка на весь год.

Хмелеют не только от воздуха, от красоты тоже.

Во все стороны горы. То клыкастые, как открытая пасть волка, и голые, потому что на крутых склонах не может прицепиться даже можжевельник; то пологие, заросшие пихтой, толщина и высота которой заставляют сразу же назвать этот лес храмовой колоннадой, потому что и прохлада, и тишина, и торжественность в пихтовом лесу под стать самому величественному из храмов. Снежные вершины рядом, на одном метре уживаются зима и лето. Левой рукой можно сорвать веселый колокольчик, правой зацепить пригоршню снега и рассыпать его по цветущему лугу. Здесь начало ручьев, которые питают многоводные реки. Стелется среди камней высокогорный бук с железными по крепости ветками, лежат какие-то неведомые глыбы с крапинками руд и минералов, зияют пещеры, похожие на вход в Дантов ад. Таинственность, необычность на каждом шагу. Ощущение особой приподнятости, свободы и счастья.

Вот что такое Кардывач, граница России и Грузии.

И хорошо, если тут сделают приют для туристов. Хороший приют под стать окружающей природе.

К истокам Мзымты от Красной Поляны идет лесовозная дорога. От моря до Рицы и дальше до Авадхары прекрасное шоссе. Между концами этих дорог, от Мзымты до Авадхары, всего сорок километров. Если сделать этот участок проезжим, замкнется трехсоткилометровое, большей частью асфальтированное кольцо Адлер — Гагра — Рица — Авадхара — Пслух — Красная Поляна — Адлер.

Красивее, лучше этого маршрута не сыщешь во всей Европе. Да что в Европе!..

Кавказский каштан

Туристы спускаются с перевала. На южном склоне гор они попадают в лес, где много орешника, груши, черешни и каштана. Не лес, а сад, хотя в общем-то здесь хозяйничает не человек, а природа. Она отбирает, она растит породы.

Особенно велики каштановые деревья. Чудо-каштаны, до двух метров в обхвате. Представляете?

Это не те, что цветут огромными белыми фонариками на проспектах Киева, Одессы, Ростова, Краснодара и дают шоколадного цвета горьковатые плоды, называемые конским каштаном. Кавказский каштан мельче. Он съедобен и цветет иначе: белые стрелы мужских соцветий, скромная шеренга завязи. Легкий невестин наряд.

В долине Шахе есть деревья столетнего возраста, они помнят Шамиля. Тут же лежат упавшие лет десять назад от старости. Древесина у поверженных великанов покраснела, но все еще прочна, как литая медь. Кажется, совсем неистребимое дерево.

А знаете ли вы, что стропила Реймского собора сделаны из черноморского каштана? Что лучшие вина Италии зреют в каштановых бочках Кавказа?.. Но вот что прискорбно: в лесу нет подростка, нет молодых каштанов. Грустные урочища — одни старики. Как в семье без детей.

Похоже, что через полсотни лет на месте ценнейших каштанников встанет грабовый, а то и осиновый лес.

Может быть, слишком тщательно люди и звери подбирают плоды и на лесной подстилке не остается семени? Или биологическая среда изменилась?..

Одинокий скиталец

Кто там ходит неторопливым шагом горца — одинокий человек, нагруженный карабином, фотоаппаратом с трубой телеобъектива, рюкзаком и биноклем? Туда-сюда, похоже, без цели. По самым глухим уголкам высокогорья, среди скал на альпийских вершинах, по дебрям в сумрачных ущельях, по звериным тропам.

Ходит, останавливается, высматривает в бинокль, а потом вдруг снимает с себя груз, даже куртку и налегке крадется от камня к камню, прицеливается телеобъективом в едва заметных отсюда туров и многократно щелкает затвором, а потом уползает назад, весьма довольный, почти счастливый.

Или заберется на скалу, ляжет и часами наблюдает в бинокль за поляной, где бегают и ревет красавец олень и гордыми рогами своими роет землю, расшвыривает траву и как сумасшедший бросается на кусты, чтобы через минуту опять растревожить чуткую тишину своим призывным и страстным «бэ-эу-аа».

Падет на горы черная ночь, где-нибудь в укромной ложбине появится серая палаточка, робкий дым костра пробьется сквозь лещину, а у огня будет сидеть все тот же высокий, лобастый блондин и, щурясь от дыма, записывать мелким почерком все, что увидел, заметил, усвоил за прошедший долгий день.

Он уже много знает, этот одинокий горный бродяга с дипломом ученого-натуралиста. Скажет, где будут завтра туры-самцы, куда и зачем отправятся самки со своим детским садом — турятами. И сколько их на Кавказе, тринадцать или пятнадцать тысяч. Жизнь этих рогатых красавцев изучена, все они пересчитаны. Олени тоже, восемь или девять тысяч благородных оленей, которые сорок лет назад встречались здесь только единицами. Серны, медведи, кабаны, рыси, косули, дикие осторожнейшие горные индейки улары, эти пестрые, под цвет камня, дикари — всех жителей гор знает и обо всех расскажет Владислав Андреевич Котов, зоолог Кавказского заповедника.

Территория у него велика, все Западно-Кавказское нагорье и леса на площади в три тысячи шестьсот квадратных километров.

Котов уходит от людных троп, его редко встречают туристы. Он там, где дикие звери, в самых-самых заповедных местах, куда нет ходу туристам. Разве прорвется какой-нибудь отчаянный человек, влюбленный в природу, как и зоолог. Тогда ему честь и место у костра. Тогда беседа за полночь.

В журналах и сборниках ныне можно встретить отличные фотографии диких животных Кавказа. Под ними подпись: В. Котов. Нередки статьи в научных сборниках, заметки, очерки. Я думаю, что когда-нибудь мы прочитаем удивительно интересную книгу о жизни животных, написанную им. Кому же писать, как не зачарованному натуралисту?

Спальный мешок

Милая, старательная девушка-москвичка шла след в след за инструктором, худощавым черным жителем гор. Отсутствие опыта в странствиях, очки минус пять заставляли ее быть внимательной и сдержанной. Больше всего на свете она боялась сделать что-нибудь не так. Это ей удавалось.

Добрались до приюта, порядком устали. Ночь затянула долины черной тишиной. Быстро поужинали, немного посидели у костра, стали зевать наперегонки. Пора и на отдых. Из очень узкой долины Уруштена потянуло холодным ветром. Туристы полезли в спальные мешки.

Она долго возилась со своим мешком, расправила вкладыш, изучила пехитрое ватное сооружение со всех сторон и попробовала залезть в него. Ворочалась, охала, наконец надела очки, увидела инструктора и тихонько позвала:

— Мне что-то душно в нем, Владимир Петрович.

— Ну-ка, попробуйте еще раз, при мне.

Тут он увидел, как милая девушка с обескураживающей старательностью сунула голову туда, где полагается быть ногам. Словно улитка в раковину.

— Вот опять не получилось, — растерянно произнесла она. — Задохнуться можно.

— А вы иначе: сперва ноги, потом все остальное.

Чтобы не рассеяться, он до боли прикусил губу.

— Ну, теперь не душно? Вот и отлично.

Она улеглась поудобнее, надела очки. Мир приобрел реальность. Облегченно вздохнув, сказала:

— Спокойной ночи.

Благословенная темнота! Никто не заметил...

Над приютом посвистывая неслись и сшибались ветры из ущелья ручья Холодного и долины Уруштена. Глыбились темные контуры гор.

Уснули. Тихо. Один инструктор у огня. С доброй улыбкой на усталом лице.

Предупреждение

Сколько людей очарованно смотрят сейчас на сказочную красоту Западного Кавказа!

Не сосчитать. Ведь кроме тех, кто получил туристские путевки, по горным тропам Северного Кавказа и Черноморья идут десятки тысяч «диких».

Семьи, где живет дух странствий.

Школьники с учителями.

Парочки влюбленные, молодожены, решившие уединиться от шумного мира цивилизации хотя бы на время отпуска.

Пионеры со своим мудрым вожатым.

Охотники за впечатлениями, старые воины, некогда защищавшие Кавказ от немцев, друзья горожане, вдруг затосковавшие по природе, поэты, которым чего-то не хватает.

Двадцать тысяч человек за сезон только в одной Краснополянской турбазе. До сотни в день на тропе из Хаджох в Дагомыс. Тысяча в неделю из Архыза на Рицу, в Абхазию. И еще из Псебая, Горячего Ключа, Теберды, Майкопа через перевалы на юг, к морю.

Полмиллиона в год. И с каждым годом на диаграмме все больше кривая линия изгибается вверх.

Туристов на Кавказе любят и... боятся.

Если один из десяти захочет оставить свою памятную метку на дереве или камне, то через пять лет в горах не останется безымянных скал и буков. Как в окрестностях заасфальтированного Кисловодска.

А ведь Кавказ не только для нашего поколения. Он всегда должен оставаться девственно чистым, диким и привлекательным.

Сокровища природы такие же уники, как полотна Рембрандта и Рафаэля. Уничтожить их очень легко. Восстановить невозможно.

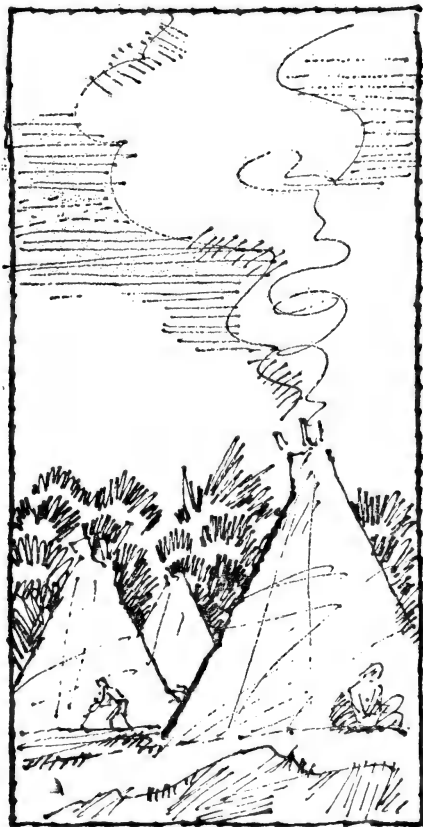
Кавказ — заметная драгоценность среди сокровищ нашей планеты. Сохранить его — в наших силах.

Об авторе

Пальман Вячеслав Иванович, член Союза писателей. Родился в 1914 году в гор. Скопине Рязанской обл. По профессии агроном. Автор шести книг, герои которых — люди советской деревни. Пробует силы и в жанре фантастики и приключений. Известны его книги, вышедшие в издательстве «Детская литература»: «Кратер Эршота», «Красное и зеленое», «За линией Габерландта». Сейчас работает над романом и повестью о Кавказе. В сборнике публикуется впервые.

ПОСЛЕДНИЙ ВОЛЬНЫЙ ИНДЕЕЦ АМЕРИКИ

*

То, о чем здесь написано, произошло полстолетия назад. Еще живы люди, которые видели все собственными глазами. В этой необычайной истории приняли участие два профессора Калифорнийского университета, антропологи Кребер и Вотерман. Впоследствии жена одного из них, Кребера, написала книгу о печальной судьбе последнего индейца из племени яги (яги).

Вот как это было.

29 августа 1911 года в калифорнийском городе Оровилле поймали «дикого человека». Об этом сенсационном известии сообщалось на первых страницах газет. Оно взбудоражило всех. А герой дня, «дикий человек», сидел в это время в тюрьме, в камере для умалишенных. Его нашли ранним утром в загоне для скота недалеко от городской бойни. Первыми его обнаружили собаки. Их лай разбудил мясников. Мясники подошли к загону.

Там, прижавшись к стене и дрожа от утреннего холода, стоял человек, по виду индеец. Он был истощен до предела. Его худое тело с выступающими ребрами было покрыто куском парусины с дыркой для головы. Это одеяние он носил на манер пончо.

Человек был среднего роста, скуластый и довольно светлокожий для индейца. Глаза его, черные, широко расставленные, смотрели настороженно. По вызову мясников приехал шериф и полиция. Пришельца окружили, надели на него наручники, хотя он и не думал сопротивляться. Затем препроводили в городскую тюрьму и посадили в камеру для сумасшедших. Вокруг тюрьмы собралась толпа горожан и окрестных фермеров. Всем хотелось поглазеть на «дикого человека».

Кто он, откуда? Никто не знал. Индеец молчал. Мало того, он ничего не ел, не пил и совсем не спал. Он ждал смерти. Чего другого он мог ждать, когда белые люди уже убили всех его близких, а теперь добрались и до него? С ним пытались говорить на языках индейских племен майду, вину и по-испански. Но это ни к чему не привело. Индеец не понимал ни слова.

А весть о нем разнеслась уже далеко за пределы Оровилля. Узнали о нем и в Калифорнийском университете. Профессор Кребер и профессор Вотерман сразу же выехали в Оровилль. Чем была вызвана такая поспешность?

Дело в том, что за три года до описываемых событий недалеко от Оровилля работала партия изыскателей. Однажды они натолкнулись на стоянку «диких», как они говорили, «не знавших цивилизации» индейцев. Но индейцы поспешно скрылись при виде белых людей. Вотерман с проводниками искал их несколько недель и не нашел. И вот теперь, услышав о «диком человеке» из Оровилля, он вспомнил о тех индейцах. Может быть, это один из них. Профессору не терпелось увидеть его, попытаться поговорить с ним.

Когда-то давно земли, где находится Оровилль, принадлежали индейскому племени яги. Может, этот человек последний, говорящий на языке племени? Вот какие мысли волновали ученых, вот почему они поспешили в Оровилль. Они не хотели упустить, весьма вероятно, единственную возможность узнать все об этом исчезнувшем племени. Ведь некогда Калифорнию населяли многочисленные индейские племена. С приходом белых они часто вымирали до последнего человека.

Профессор Вотерман, как только приехал в Оровилль, отправился в тюрьму. При нем была тетрадка со словами из языка племен, носивших общее название «яна». Он сел рядом с индейцем и стал громко произносить эти слова. Индеец слушал, молчал и ничего не понимал. Вотерман уже стал терять всякую надежду. Слов оставалось все меньше и меньше. Но вот он произнес «сивини», что на языке яна означает «желтая сосна». Индеец встрепенулся. Вотерман повторил это слово. Тогда индеец сам произнес его и дотронулся до сосновых досок своей кровати. Стена непонимания была сломлена. Они долго кричали друг другу «сивини», «сивини» и

стучали по кровати. Дальше дело пошло легче. Профессор узнал, что пленник действительно принадлежал к исчезнувшему племени яги. Оказалось, что язык этого племени не так уж сильно отличается от уже известных ученым диалектов северных и центральных яна. Они разговорились. Индеец спросил у Вотермана: «Ты индеец?» Вотерман ответил: «Да!»

Лицо индейца просветлело. Он перестал оглядываться по сторонам, как затравленный зверь. Он нашел друга.

Так ученые встретились с последним индейцем в Северной Америке, которого не коснулась «цивилизация», с человеком из каменного века. Ему дали имя Иши.

Пока не пришли белые

Предки Иши, индейцы племен яна, поселились в северной Калифорнии в незапамятные времена, три, а возможно, и четыре тысячи лет назад. Им принадлежали верховья восточных притоков реки Сакраменто и крутые, поросшие соснами и елями отроги горы Лассен.

Яна были немногочисленны и жили беднее своих соседей, индейцев майду и винтун, населявших долины Сакраменто и ее притоков. Храбрые и гордые, как все горцы, яна свысока смотрели на жителей долин.

Когда мы представляем себе индейцев, перед глазами встают образы высоких, стройных воинов с твердыми, как бы высеченными из гранита лицами. Воображение рисует людей, украшенных перьями, налетающих на стоянки белых переселенцев и потом у костра потрясающих скальпами. Индейцы Калифорнии были совсем другими. Среднего роста, круглолицые и спокойные, они понятия не имели о том, что такое скальп. Яна не клялись, не хвастались и втайне презирали белых за склонность к тому и другому. У них не было даже специального оружия для войны. Защищаясь или нападая, они пускали в ход орудия, которыми добывали себе пропитание: луки, стрелы, копья, гарпуны, камни и пращи. Во всей Калифорнии только у индейцев, живших у реки Колорадо, было военное оружие — боевая дубинка.

Климат в Калифорнии мягкий, субтропический. Почти круглый год там не нужна теплая одежда и кров. Женщины яна носили короткий передник из коры и круглую плетеную шапочку, мужчины — набедренную повязку из оленьей кожи. В холодную погоду этот наряд дополнялся украшенным замысловатыми узорами плащом из перьев или шкурок диких кошек и кроликов. На ногах индейцы носили сандалии, сделанные из оленьей кожи или плетеные из травы.

У яна было два диалекта: на одном говорили мужчины, на другом — женщины. Такое двуязычие встречается крайне редко. Известно оно у некоторых племен индейцев — карибов, живущих в

Вест-Индии. Двухязычие у карибов объясняется тем, что мужчины-карибы совершали набеги на острова, населенные индейцами, говорящими на языке аравака, убивали мужчин и захватывали в плен женщин. Женщины говорили на аравака и учили этому языку своих дочерей. Сыновья же пользовались языком своих отцов — кариба. У яна двухязычие развилось внутри племени, и причины его неизвестны. Детей воспитывала мать. Ей помогали бабушка и старшие девочки. Маленькие дети говорили на «женском» языке. Когда мальчики подрастали и не нуждались больше в материнском уходе, их забирали с собой на охоту отец, дядя или старший брат. Сначала ненадолго, а затем такие экспедиции становились все продолжительнее. В возрасте девяти-десяти лет мальчик-яна проводил большую часть времени с мужчинами. Тогда же он изучал свой второй язык — «мужской» диалект *. Подросткам, мальчикам и девочкам, запрещалось играть вместе, и даже братья и сестры должны были обращаться друг к другу на «вы». Неприлично было мужчине смотреть на тещу и невестку и оставаться с ней наедине. Так же должна была вести себя женщина по отношению к свекру и зятю.

Жилище семьи яна имело форму конуса, сложенного из шестов и покрытого кедровой или сосновой корой. Снаружи для тепла стенки засыпались землей на высоту около метра. Высота хижины достигала трех метров, диаметр — шести. Вокруг центрального шеста в земляном полу выкапывалось углубление, приблизительно трех метров в диаметре, глубиной около метра. Здесь был очаг, туда же складывали корзинки, черпаки, мешалки и прочие кухонные принадлежности.

Здесь готовили пищу, ели и спали в холодную погоду. Стены и пол покрывались циновками. Одежда, одежда, инструменты, охотничье снаряжение и корзинки со всяким добром висели на стенах или стояли на приподнятой части пола. Дети входили в хижину через небольшое, прикрытое крышкой отверстие в стене на уровне земли, взрослые пользовались отверстием для выхода дыма, проделанным в вершине конуса. Туда вел столб с зарубками. Жили в такой хижине отец, мать, дети, а иногда и дедушка с бабушкой.

Обычай яна разрешали многоженство. Но двух жен мог иметь только очень хороший охотник, способный прокормить большую семью. Таким мужем жены очень гордились, а так как обычно они к тому же бывали сестрами, то дополнительные осложнения в виде двух тещ и тестей отсутствовали.

Если семья была очень большая или несколько семей жили вместе, хижина строилась обширнее. Во всяком случае жили все очень тесно, и жесткие правила, регулирующие отношения между родственниками, помогали сохранять мир в семье. В каждом

* Мужчины и мальчики говорили на «мужском» диалекте только тогда, когда близости не было женщин. В присутствии женщин они говорили на «женском» диалекте. Конечно, женщины тоже знали «мужской» язык, но не говорили на нем. Это считалось неприличным.

селения был «мужской дом», куда женщины не допускались. Он заменял мужчинам клуб, школу и церковь, да и женщинам оказывал немалую услугу: по крайней мере мужчины не путались под ногами и не мешали вести хозяйство.

Семьи были немногочисленны, и численность племени оставалась примерно постоянной. Яна очень любила детей и всегда находила время для их воспитания. К детям относились мягко, спокойно, без баловства, но и без ненужных запретов. Яна, как и все индейцы Северной Америки, окружали мать до и после рождения ребенка заботой и вниманием. Ей не разрешали работать, после родов она оставалась на своем ложе и ела специально приготовленную пищу. За ней ухаживали мать или другая пожилая женщина и муж. Новорожденного сразу начинали подкармливать кашцей из желудевой муки. Обычное представление об индейской женщине — «скво», нагруженной, как вьючное животное, и плетущейся за своим идущим налегке мужем, не относится к индейкам Калифорнии. Все работали много: и мужчины, и женщины, и разделение труда было справедливым.

Год у яна начинался с приходом весны. Последние снежные «луны» года были для них самыми тяжелыми и голодными. Кролика или белки, случайно добытых охотниками в горах, не хватало, чтобы утолить голод, мучивший людей.

Но вот налетали весенние бури, первые вестники обновления природы. Холодный порывистый ветер, завывавший над хижинами, сменялся теплым дождем. Голые скалы плато, холмы и луга покрывались свежей зеленью молодого клевера. Солнце грело повесенному. Плескался и прыгал в бурлящих ручьях лосось, пробираясь против течения в верховья реки. Пока мужчины били рыбу гарпуном или ловили сетями, женщины наполняли корзины клевером. Выступающие ребра индейцев покрывались жирком, не плакали больше от голода дети. Кости лосося собирали, сушили, толкли в ступе и потом съедали, вознося хвалу этой рыбе, избавившей от голода.

Когда клевер подрастал и становился грубым и несъедобным, в пищу шли нежные луковички растений. Их ели сырыми или вареными. А главное — оленьмясо и бульон из него с молодой зеленью!

Весна — самое подходящее время, чтобы отпраздновать совершеннолетие дочери! Собирались друзья из соседних селений. Пировали, пели и танцевали шесть дней и шесть ночей. У яна было немного праздников, совершеннолетие дочери считалось одним из самых важных. Рождения и свадьбы отмечались куда скромнее, присутствовали только члены семьи и ближайшие друзья из своего селения.

За весной следовало лето, с солнечными и безоблачными днями и тяжелым от осыпавших его звезд ночным небом. Женщины торопились до наступления жары отремонтировать летние шалаши или построить новые. Летом в отрогах горы Лассен (индейцы называли ее Ваганупа) жара достигает почти 50 градусов Цельсия.

Дожди совсем не выпадают, раскаленный воздух неподвижен. Голые утесы и скалы излучают зной.

В середине дня жизнь в селении замирала. Индейцы отсиживались в шалахах и по несколько раз в день купались в ближнем ручье.

Женщины готовили вкусный и питательный напиток из ягод. Не пренебрегали и насекомыми. Жареные личинки, некоторые виды червей и кузнечики считались лакомым блюдом.

Утром, до наступления жары, и в долгие летние вечера индейцы ловили рыбу, охотились на диких уток и гусей. Эта птица считалась особым деликатесом. Женщины собирали ягоды манзаниты, бузины, барбариса, дикую малину, сливы и виноград, варили, готовили. Мужчины, женщины и дети спали под навесами. Детям говорили, как называются звезды, рассказывали легенды о том, как они попали на небо. Когда жара становилась невыносимой даже ночью, яна перекочевывали выше в горы, где было прохладнее и водилось много дичи. Мужчины уходили охотиться на несколько дней и приносили добычу.

Через месяц-другой яна возвращались в селения. К этому времени поспевали желуди, орехи, шишки. Желуди для калифорнийских индейцев были тем же, чем рис для китайцев или маис для мексиканцев. Сушеные желуди толкли в ступе, а из муки пекли хлеб или варили кашу. В дни сбора желудей устраивались большие временные лагеря, один на каждые два-три селения. Это было самое оживленное время в году. Желуди собирали все. Мужчины и мальчики сбивали их с деревьев. Женщины иногда всю ночь напролет, болтая и пересмеиваясь, очищали желуди от шелухи, сушили и складывали в корзины.

Потом мужчины отправлялись ловить рыбу: начинался осенний ход лосося. В лагере было шумно и весело, женские и детские голоса, лай собак не стихали до утра: выспаться можно будет и зимой!

С началом холодных осенних дождей яна расходились по своим селениям. За дождливыми месяцами следовали месяцы туманов. Индейцы в своих хижинах чинили луки и ловушки, плели корзины, делали каменные ножи и наконечники для стрел и копий. Особенно ценились тяжелые, длиной до полутора метров ножи из обсидиана. Они считались священными и употреблялись только для торжественных церемоний. По вечерам мужчины с сыновьями — подростками и юношами — уходили в мужские дома. Там мальчиков учили всему, что должен знать мужчина: охоте и рыбной ловле, правилам семейной жизни. А женщины, закончив домашние дела, обучали дочерей и внуков. Зимой хватало времени и на предания о том, как возник мир, как появились первые люди и животные, и на забавные истории о приключениях Койота и Лисицы, о том, что случалось с Медведем, Куницей и Ланью. Так, сидя у костра, завернувшись в теплые одеяла из кроличьего меха и прислушиваясь к шуму дождя, дожидались яна прихода весны.

Конец яги

В 1769 году в Калифорнию пришли белые. Для индейцев, населявших плодородные долины и пастбища, настали черные дни. Их истребляли или обращали в рабство, а земли забирали католические миссии. Но испанским земледельцам и пастухам-вакери не нужны были каменистые предгорья, где жили яна. Их оставили в покое. В 1848 году Калифорнию захватили Соединенные Штаты, а в конце семидесятих годов здесь нашли золото! Людской поток хлынул через горы Сьерра-Невада. По дубовым порослям, вдоль горных ручьев пробирались золотоискатели, вслед за ними потянулись крытые фургоны переселенцев.

Скот поселенцев — волы, коровы, овцы, свиньи — уничтожал в предгорьях траву, семена растений и желуди. Вооруженные пришельцы отгнали яна от ручьев, где индейцы ловили рыбу, в неприступные каньоны. Работы по промывке золота загрязняли реки, отпугивали лосося. Богатые луга яна были вытоптаны. Наступил голод.

В 1850 году, за двенадцать лет до рождения Иши, народ яна насчитывал две-три тысячи человек. В 1872 году, когда Иши было десять лет, южных яна больше не существовало, а из племен, живших в центральной и северной части страны, осталось в живых человек двадцать — тридцать. Те, что остались, в каждом белом видели убийцу и старались отплатить за гибель своих сородичей.

Американцы гордятся своими «пионерами», первыми белыми поселенцами в Калифорнии. Часть из них были семейными. Они пришли со своим скотом и имуществом и поселились на земле индейцев, как на своей собственной. Среди золотоискателей и охотников-трапперов было немало людей, способных стрелять в каждого индейца, который попадется на глаза, чтобы снять скальп. Один из них хвастался одеялом, подбитым скальпами индейцев. И никто его не привлёк к ответственности.

В 1851 году некий мистер Пентц, получивший впоследствии известность как организатор экспедиций против яна, встретил на тропе индейца. «Вид у него, — заявил мистер Пентц, — был угрожающий и воинственный. Поэтому мы с приятелями его поймали и повесили». В 1853 году у поселенцев увели корову. Мистер Пентц «с приятелями» выступил в поход. Результат — двадцать пять убитых индейцев. Одних застрелили, других повесили.

Такие экспедиции были не редкостью. К ним примыкали рудокопы, ковбои и просто бездельники, шатавшиеся по городу. В том же году вторая экспедиция под руководством Пентца захватила в качестве трофеев шестьдесят скальпов. Они принадлежали не только воинственным яна. Куда удобнее и безопаснее было скальпировать мирных майду, живших тут же, рядом.

До яги добраться было труднее. Лишенные своих охотничьих и рыболовных угодий и земель, где они собирали желуди и семена, голодные индейцы, если удавалось, подстреливали лошадей,

корову или овцу. Яги охотились на них, как на оленей, не понимая, что эти животные кому-то принадлежат. Возмущенные поселенцы, «чувствительная» совесть которых отнюдь не протестовала против захвата собственности индейцев, вызвали войска. В 1857 году рота кавалерии сделала попытку атаковать яги, но попала в засаду. Солдаты Соединенных Штатов улепетывали что было духу через заросли чаппаралья от краснокожих воинов, вооруженных луками и стрелами.

Несколько последующих экспедиций закончились не столь позорно: яги не удалось обнаружить. «Заслуга» уничтожения яна принадлежит полностью гражданскому населению. Ради такого дела поселенцы были готовы поступиться даже самым дорогим для них — деньгами. В 1859 году они собрали для начала три тысячи долларов в «фонд борьбы с милл-криками» (так поселенцы именовали яна, по названию реки, протекавшей по земле этого племени). Нашлись и руководители — Роберт А. Андерсон и его друг Хирам Гуд.

Впоследствии Андерсон написал мемуары. Они были опубликованы в 1909 году под названием «Война с милл-криками». Этот почтенный джентльмен не видел разницы между индейцами и дикими зверями. Нужно было от них избавиться, только и всего. Мистер Гуд расхотелся со своим другом и коллегой только в деталях. Гуд считал, что женщин и детей можно оставить в живых. Андерсон же полагал, что надежнее будет перебить всех. Как полагается в любом вестерне, Андерсона выбрали шерифом графства, защитником закона и порядка. Вначале удача не сопутствовала шерифу.

Отряд под командой Андерсона и Гуда вышел на северный берег Милл-Крик. Здесь отряд започевал. Селение индейцев находилось чуть ниже по течению. Наутро селение опустело. Ночью индейцы бесшумно повалили поперек русла реки дерево, перешли на южный берег и исчезли в зарослях чаппаралья. Поселенцы двинулись дальше к северу и очень скоро напали на след дюжины взрослых мужчин. Этот маленький отряд с хитростью перепелки, уводящей охотника от гнезда, две недели вел за собой карателей, ни разу не попавшись им на глаза.

Авторитет Андерсона и Гуда покачнулся. Чтобы восстановить его, «достоинные» вожди двинулись в страну мирных майду. Здесь им удалось поймать одинокого индейца. Его убили и оскальпировали. К вечеру отряд окружил индейскую деревню. Дождались утра. Первым из хижины вышел не индеец, а испанец, тем не менее Гуд выстрелил. Испанец побежал. Вторая пуля уложила его на месте. Разбуженные выстрелами, индейцы метались по деревне, падая под пулями поселенцев.

Вскоре люди Андерсона захватили врасплох группу яги — женщин, стариков и детей. Среди них находился один взрослый мужчина. Когда поселенцы открыли огонь, яги попрыгали в воду, стараясь укрыться под нависшими береговыми скалами. Воин

яги остался на берегу, отвлекая на себя огонь белых. Он упал мертвым, прежде чем его соплеменники успели спастись. Скальпы, по установившемуся обычаю, принадлежали начальнику.

Яна повели отчаянную партизанскую войну. Время от времени в горах находили труп погонщика волов, охотника или одинокого золотоискателя; стрела из раны всегда была вынута. Но сопротивление индейцев было заранее обречено на неудачу: слишком велико оказалось неравенство сил. Белые увеличивали размах «операций».

В августе 1864 года на ранчо все того же Пентца собрались наиболее воинственно настроенные поселенцы. Они сформировали два отряда виджилянтов. По-английски «виджилянт» значит «бдительный». Отряды «бдительных» состояли из отбросов общества — полупреступных элементов, завсегдатаев салунов и ночлежек — и людей «уважаемых» — лавочников, трактирщиков. Задача была ясной — перебить индейцев, а заодно поживиться добычей. К выполнению этой задачи виджилянты приступили с рвением.

О последнем этапе уничтожения яна известно из книги путешественника и ученого Иеремии Кертина. В девяностых годах прошлого века он собирал в Калифорнии легенды и мифы индейцев. Кертин старательно избегал называть имена виджилянтов, может быть не желая смущать их потомков. Напрасные старания: потомки с гордостью оглядывались на «добрые, старые времена».

Однако фермеры и владельцы ранчо не сочувствовали виджилянтам. К этому времени от южных яна почти никого не осталось, а многие северные и центральные яна работали на ранчо поселенцев. Виджилянты силой уводили их и тут же убивали. Число жертв росло: в одном месте убита женщина с ребенком, в другом — три женщины, двадцать яна в поселке Коттонвуд, триста — на празднике сбора желудей... К концу кампании в декабре остались только яна, укрывшиеся у «мирных» индейцев, и те, кого хозяевам ранчо, иногда с оружием в руках, удалось отстоять, — всего пятьдесят человек. Теперь виджилянты могли заняться яги.

Руководство этой операцией взяли на себя Андерсон и Гуд. Часть отряда под командой Андерсона обошла селение яги со стороны гор. Ночь была темной и безлунной. К утру 16 августа Андерсон вывел виджилянтов на холмы и отрезал яги путь к отступлению вверх по реке. Западнее, ниже по течению, расположился Гуд со своими людьми. Отсюда они могли обстреливать единственный брод через Милл-Крик. Когда рассвело настолько, что можно было видеть мушку в прорези прицела, Андерсон приказал открыть огонь. Спасаясь от пуль, яги бросились к броду. Там их встретили выстрелы виджилянтов Гуда. Вода Милл-Крик покраснела от крови. «Множество трупов плыло по течению», — писал впоследствии Андерсон. Виджилянты разграбили поселение и ушли, унося добычу и скальпы и оставив разрушенные хижины, перевернутые корзины с пищей, обломки луков, гарпунов и

непогребенные тела хозяев поселка. Среди немногих спасшихся был маленький Иши и его мать.

В своих воспоминаниях помощник Андерсона Сим Моак описывает еще одну «карательную экспедицию». Умиравшие от голода яги забрались в ранчо. Жена хозяина, некая миссис Сильва, увидела, как нагруженные провизией индейцы вылезали из окна. Через несколько часов Андерсон со своими людьми шел уже по следам «преступников». Яги сбросили в воду ствол дерева, по которому перешли реку, и думали, что избавились от преследования. Может быть, они вообще не знали, что их преследуют. Когда Андерсон вышел на гребень каньона, индейцы шли цепочкой, растянувшись по склону. Загремели выстрелы. Только одному индейцу, шедшему впереди, удалось добежать до реки. Он бросился в воду и укрылся за водопадом. Джек Моак, брат Сима, стрелял до тех пор, пока фигура, смутные очертания которой виднелись за стеной радужных брызг, не упала на колени и медленно сползла в каменную чашу водопада. Джек вытащил труп за волосы на берег. Блюстители закона захватили добычу яги, в том числе женскую шляпку с цветами.

Сим Моак так описывает торжественное возвращение «победителей»:

«Андерсон ехал на маленьком белом муле. Один из ребят сказал, что он должен надеть шляпу с цветочками. Мы вынули шляпу из вьюка, и Андерсон натянул ее на голову. К хвосту мула привязали скальп. Навстречу нам попало несколько фургонов с эмигрантами. Они ехали в Орегон. Возницы останавливали лошадей, из фургонов, раздвинув парусину, выглядывали женщины и дети. Забавное это было зрелище: огромный мужчина на крохотном муле, длинное ружье поперек седла, чепчик с цветочками и скальп».

«Честь» убийства последних яги принадлежала не Андерсону. Четверо бакеро, история сохранила их имена, — это Дж. Дж. Богарт, Джим Бейкер, Скотт Вильямс и Норман Кингслей — пасли скот в горах. Утром они напали на кровавый след, который оставил раненый бык. Вскоре они увидели сломанную стрелу и части туши быка. Охотники яги, убившие животное, боясь погони, взяли столько мяса, сколько могли унести, а остальное оставили в кустарнике.

Бакеро вернулись в свой лагерь, а на следующий день, уже с собаками, двинулись по следу дальше. След привел их к пещере, где спрятались яги. Их было около тридцати человек с грудными младенцами. Они запаслись мясом и чувствовали себя здесь в безопасности. Четверо вооруженных белых перестреляли беспомощных индейцев, не дав им даже выйти из пещеры.

Тихо стало на Милл-Крик. Поселенцы считали, что в живых не осталось ни одного яги. Смущало их только одно: кто-то унес тела убитых из пещеры. Их похоронили, а не сожгли, как полагалось по обычаю яги: дым погребальных костров мог привлечь убийц. Спасшиеся ушли в горы, в самое сердце своей страны. Там, в

ущельях и пещерах, жили лисы и змеи, встречался медведь, иногда лось или олень, но не было других людей. Там они образовали, как писал впоследствии Кребер, «самую малую свободную нацию в мире, которая с беспримерным мужеством и настойчивостью держалась против натиска «цивилизации» на двадцать пять лет дольше знаменитого отряда апашей * под командой Геронимо».

С тех пор никто не видел яги. Иногда случайно забредший в эти места охотник, прокараулив несколько дней среди скалистых обрывов и низкорослой горной поросли, замечал в наступивших сумерках отблеск маленького костра и мелькавшие около него тени. Но прежде чем ему удавалось подобраться на ружейный выстрел, тени исчезали. Яги наспех варили ужин и никогда теперь не ночевали у костра. И каждый день один из оставшихся в живых стоял на страже, спрятавшись за камнем или укрывшись в листе дерева.

У яги не осталось детей. Самым младшим был Иши. Но и дети не выдали бы беглецов. Индейцы говорят тихо, наверно поэтому и дети их почти никогда не кричат. Если приходит охота поплакать, они тихонько хнычут. Даже маленькие дети обычно держатся поближе к родителям.

Гарпуны и сети, луки и ловушки — оружие бесшумное. Жили яги в маленьких хижинах, замаскированных ветками деревьев. Они делали иногда большие переходы по руслу ручьев или прыгая с камня на камень, где их босые ноги не оставляли следов. Каждый отпечаток ноги на земле яги прикрывали опавшими листьями. Их тропы были проложены под густыми зарослями чаппарала. Даже олени выбирали более открытые места. Если ветка преграждала яги дорогу, он отодвигал ее медленно, понемногу или перетирал острым осколком камня. Процесс медленный, но бесшумный. Индейцы никогда не рубили деревьев. Дым их маленьких костров рассеивался раньше, чем поднимался над кустарником. Когда костер прогорал, они прикрывали его обломком скалы. Индейцы поднимались и опускались по отвесным стенам каньона на веревках: путь, укрытый нависающими сверху деревьями, более надежный, чем узкие крутые тропинки. К тому же пользоваться тропами следовало редко, чтобы они выглядели как звериные.

Так прошло двенадцать лет. Для новых поселенцев милл-крики стали почти легендой, хотя старожилы все же сомневались. Вот что-то зашуршало в кустах. Олень? А может быть, индеец? Кто знает?

Долина Милл-Крик менялась. Ранчо, лесопилни и поселки росли как грибы. Теперь их соединяли уже не тропки, а дороги. Край процветал, а для истинных хозяев земли это означало одно — голод. Кольцо поселений белых сжималось все туже, и яги вышли из укрытия. На одном ранчо пропал теленок, на другом — в шерсти овцы запутался наконечник стрелы, из хижины кто-то унес мешок с овсом.

* Апаша — племя индейцев.

В апреле 1885 года, возвращаясь домой, хозяин небольшого ранчо, Норвалл, услышал, что в его домике кто-то возится. Он подошел поближе и увидел, как из окна один за другим вылезали четверо индейцев: молодая женщина, старик и двое молодых мужчин — у одного из них была искалечена нога, второй был Иши. Увидев хозяина, они молча стали в ряд у стенки домика и стали ждать дальнейших событий. Ничего, кроме старой одежды, они не взяли, может быть потому, что из пищи там были только консервы в жестяных банках, назначения которых индейцы не знали. На женщине было три старых свитера Норвалла, старик держал потертый сюртук. Норвалл знаками показал индейцам, что они могут унести свою жалкую добычу. Больше он их не видел. Осенью кто-то опять побывал в его хижине. На этот раз ничего не пропало, а на столе стояли две плетеные корзины, какие делают яги.

Некто Д. Б. Лион рассказывал Вотерману, что в 1889 году, когда ему было двенадцать лет, он отправился на охоту с собакой. В зарослях кустарника послышался шорох. Собака бросилась туда, но через минуту смущенно вернулась, поджав хвост. Из кустов раздался визг дикой кошки. Лион швырнул в кусты камень. В ответ раздалось ворчание, на этот раз похожее на человеческий голос. Расхрабрившись, Лион залез в кусты и споткнулся о лежащий на земле узел: в овечью шкуру были завернуты бараньи ноги и маленький пакет из оленьей кожи. Просвистели две стрелы, одна ударилась в камень, вторая упала у его ног. Третья стрела сорвала с него шляпу. Не дожидаясь четвертой, Лион подхватил пакет из оленьей кожи, упавшую стрелу и пустился наутек. Дома он развернул пакет. В нем был набор инструментов для изготовления наконечников стрел.

Тот же Лион с братом увидели как-то в кустарнике след босой человеческой ноги — очень широкий у пальцев, в мягкой земле отчетливо отпечатались глубокие трещины и морщины на подошве. Мальчики пошли по следу и на краю оврага увидели индейца. Тот тоже заметил их и, ни секунды не колеблясь, прыгнул с отвесного обрыва на росшее внизу дерево и исчез в листе.

Прошло еще несколько лет, и индейцы исчезли снова. Они ушли на Дир-Крик, Оленью реку, свое последнее пристанище. На южной стене каньона, на высоте 150 метров от дна, где бежал ручей, находился заросший густыми высокими деревьями карниз. Двести метров голой отвесной скалы надежно отделяли его от края каньона. Раньше здесь обитали гигантские серые медведи — гризли. Теперь поселились яги. Кроме Иши, в живых оставалось только трое: мать Иши, его сестра и старик, который не был им родственником.

Электрокомпания Оро решила строить плотину у слияния Оленьей и Серной рек. Трасса изыскателей проходила по карнизу — убежищу последних яги. Больная мать Иши не могла двигаться, не намного лучше чувствовал себя старик. Индейцам

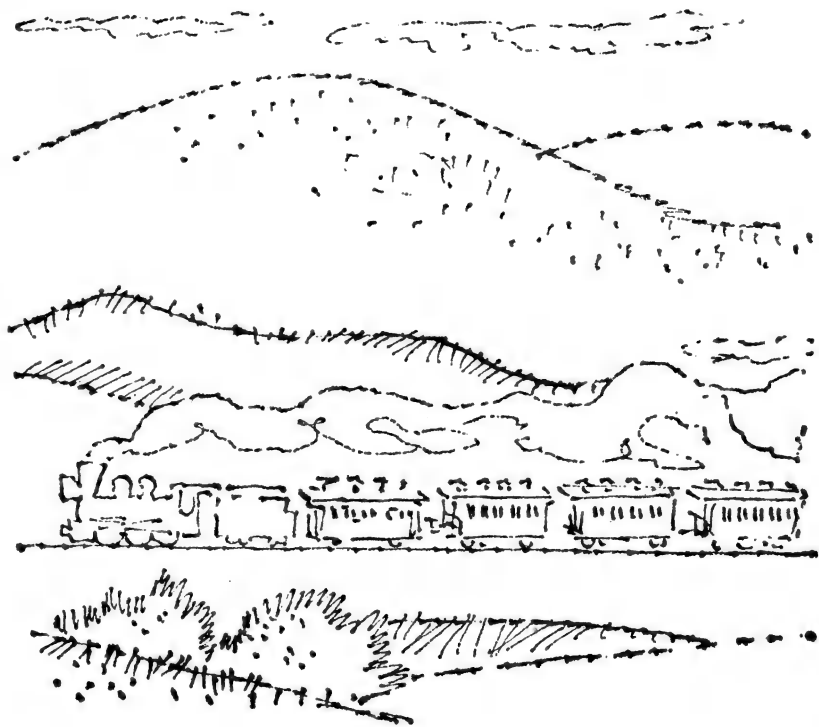

оставалось только затаиться и ждать в надежде, что изыскатели не заметят в густых зарослях их хижину. Но случилось иначе.

Это было 10 ноября 1908 года. Белые наткнулись на хижину. Они заметили, как за деревьями мелькнули две фигуры. Это были сестра Иши и старик. Больше их никто не видел. Под кучей шкур и лохмотьев нашли дрожащую от страха мать Иши. Лицо ее было изрезано глубокими морщинами, седые волосы в знак траура коротко острижены, опухшие ноги обмотаны полосками оленьей кожи. Около очага лежали палочки для добывания огня, кухонная утварь, лук, стрелы, гарпун, дубленные кожи, плащ из кроличьих шкур, в сарае нашли корзины с желудями и сушеной лососиной. Белые взяли все, что смогли унести, даже пищу. Как сувениры. Проводник Мерль Апперсон от своей доли отказался. Он предложил отнести старуху в лагерь, но изыскатели не согласились. На следующий день Апперсон все же вернулся: его мучило сознание содеянного зла. Но старухи уже не было. Он обшарил все окрестности и не нашел никаких следов индейцев.

Когда Иши, неся на себе мать, добрался до гор, там уже выпал снег. Пищи не было...

Много позже Иши, еще не умея говорить по-английски, пытался рассказать, что было в горах. Он изобразил женщину, сидящую над

огнем и бросающую раскаленные камни в корзинку с водой. «Пукка-пукка-пукка», — говорил он и пальцем показывал, как появляются и лопаются пузыри в каше из желудевой муки...

Жизнь в музее

Вотерман и Кребер решили отвезти Иши в Сан-Франциско и поселить его в антропологическом музее при университете. Получить на это разрешение властей было не так-то легко. Но вот наконец все формальности улажены.

Со времен «золотой лихорадки» никто не интересовался Оровиллем, маленьким городком, мирно дремавшим в тени апельсиновых рощ. Теперь о нем заговорили. И все из-за старого голого индейца, запертого в городской тюрьме. «Дикий человек из Оровилля!» «Профессор из Сан-Франциско сказал: «Это человек каменного века!» «Местные жители опасаются последствий, если «дикого человека» выпустят на свободу. Шериф считает опасения неосновательными».

Почтовое отделение завалено телеграммами от университетов и департамента внутренних дел, от частных лиц и газет. Валом валят репортеры. Тюремщики и те мексиканцы и индейцы,

которых приводили в тюрьму к Иши, чтобы узнать, на каком языке он говорит, стали популярными людьми в городе, их жадно расспрашивают. Женщины, узнав, что Иши отказывается есть, готовили ему для возбуждения аппетита лакомые блюда.

Для поездки в Сан-Франциско горожане снабдили Иши одеждой и обувью всех размеров. Иши натянул белье, рубашку, брюки и пиджак. С обувью было хуже. Ботинки стесняли его, были слишком жестки, в них он не чувствовал под ногами землю и спотыкался. Кроме того, бездействовали пальцы на ногах — в обуви ими ничего не ухватишь. Ботинки вернули владельцам.

Наступил день отъезда. Иши с Вотерманом вышли из тюрьмы и направились к вокзалу. Пригревало сентябрьское солнышко. Из-за заборов, из окон домов осторожно выглядывали женщины и дети. На платформе собралось несколько мужчин и мальчиков постарше. Они молча держались на расстоянии.

Тут Иши ждало первое испытание: демон белых людей весь в облаках дыма и искрах с ревом приближался к платформе. Сколько Иши себя помнил, два раза в день он слышал голос этого демона, доносившийся до Милл-Крик. Мать успокаивала мальчика, говоря, что демон следует за белыми и оставляет индейцев в покое. Сотни раз, спрятавшись за деревьями, он следил, как поезд извивался вниз, в долине, пытая и изрыгая облака пара. Но сейчас он был так близко! А потом, догадается ли демон, что Иши — индеец? Ведь он одет в платье белого, волосы у него острижены. Иши на всякий случай спрятался за ствол дерева.

Демон подошел к перрону и остановился. Белые, у которых было больше оснований для опасений, не боялись, влезли в тело демона, а один даже сидел в голове и махал рукой оставшимся. Отступать было поздно. Иши вернулся на платформу и вошел с Вотерманом в вагон.

В поезде Иши сидел тихо, старательно отводя глаза от соседей по купе. За окном мелькали холмы, поля, дома. Через несколько часов паром перевез поезд через залив. Из вагона Иши вышел тоже с опаской. Чудеса не кончились. Впереди была еще поездка на пароме, а потом в трамвае до Парнассус-Хайтс и нового дома Иши: антропологического музея.

Так Иши попал из каньона Дир-Крик в Сан-Франциско, из каменного века — в грохочущий век железа, денег и зарплаты, правительств и полиции, газет и бизнеса.

Прибытие Иши в Сан-Франциско прошло незамеченным. На следующий день газеты сделали свое дело. Репортеры, кинокомпании, цирковые и театральные антрепренеры в начале века были так же жадны до сенсаций, как их нынешние кино-, теле- и радиособратья. Музей на Парнассус-Хайтс осаждали вооруженные громоздкими камерами фоторепортеры и любопытствующие мужчины, женщины, дети.

Не оставили Иши своим вниманием и бизнесмены. Музей был завален деловыми предложениями. Импрессарио известных тогда

театров водевиля Пантаже и Орфеума обещали карьеру не только Иши, но и Креберу, если будет поставлена специальная «образовательная» программа с их участием. Антрепренеры рангом пониже, из тех, что держат палатки с платой за вход по пять и десять центов, просили «одолжить» им Иши, чтобы выставлять его напоказ или возить с бродячим цирком.

Предприниматели, не встретив «понимания» со стороны работников музея, скоро отказались от мысли заработать на Иши, но музей продолжали осаждать толпы людей, хотевших посмотреть на него, а если удастся, то и дотронуться или пожать руку последнему «дикому человеку» в Америке. Иши вежливо отвечал на рукопожатия, но сам никогда не протягивал руку первым.

Вскоре после приезда Иши должно было состояться официальное открытие музея. Ожидались важные гости: президент университета, попечители, «отцы города», профессора, а может быть, и губернатор штата! И все, конечно, захотели увидеть Иши.

Вотерман мрачно шутил, что для защиты индейца от посетителей его придется поместить в стеклянный ящик. Но руководители музея зря беспокоились: в чинах Иши не разбирался. Для него это были обычные посетители, а к ним он уже успел попривыкнуть. Время от времени Кребер подводил к аккуратно и чисто одетому, но все еще босому Иши нового гостя и представлял их друг другу. Следовало неизбежное рукопожатие. Имя гостя Иши повторял старательно и с немалым удовольствием: ему нравились незнакомые звуки слов, но своего имени не называл: калифорнийский индеец никогда не говорит, как его зовут. Иши произносил свое имя только тогда, когда разговаривал со знакомыми людьми. Поэтому, как ни старались репортеры узнать настоящее имя Иши, им это не удавалось. Из вежливости, желая смягчить отказ, Иши сказал, что долго жил один и некому было дать ему имя. Спасая своего подопечного от приставаний, Кребер называл его «Иши», что на языке яги значит «человек».

Иши показывал посетителям музея, как он добывает огонь, стреляет из лука, обтесывает наконечники стрел. Это нравилось больше всего, потому что готовый наконечник Иши отдавал кому-нибудь из зрителей. Спрос значительно превышал предложение.

Калифорнийские индейцы соблюдают во время еды строгий этикет. У каждого племени этикет, конечно, свой, но необходимость вести себя прилично за едой признают все.

На следующий день после приезда в музей Вотерман повез Иши к себе домой. За обедом Иши не спускал глаз с хозяйки дома, брал со стола такую же ложку или вилку, клал себе на тарелку столько же пищи, что и она, так же утирался салфеткой. Вотерман рассказывал потом, что Иши действовал так точно и быстро, что, казалось, он делал все одновременно с его женой. Обед имел неожиданный результат. С этого дня жена и дочь профессора ставили Иши в пример отцу семейства, требуя от него такой же аккуратности за столом. По обычаям своего народа, Иши следил и за

своей внешностью. Он ежедневно купался и расщепленной палочкой выщипывал волосы на верхней губе и подбородке. Ни один уважающий себя яги не показался бы на людях с невыщипанными усами и бородой.

Так прошли первые дни и недели в музее. Наступили будни. Кребер с Вотерманом стали задумываться о том, как прокормить Иши. До сих пор они покупали продукты и готовили ему завтрак и ленч в кухне музея, а обедали вместе с ним дома или в ресторане. Они же давали Иши карманные деньги на табак, леденцы, мороженое, а время от времени на кино. Как ни мало требовалось денег, сумма эта была обременительной для тощих кошельков ученых. Проблему разрешили, зачислив Иши в штат музея помощником швейцара с окладом 25 долларов в месяц. Теперь Иши с раннего утра орудовал шваброй, стирал пыль, а когда уходили посетители, убирал оставшийся мусор. Мусора хватало, особенно после школьных экскурсий. Иши был доволен. Он привык сам добывать себе средства к жизни, и вынужденное безделье его тяготило. Он научился подписывать чеки и сам обменивал их на серебряные монеты в полдоллара у хозяина небольшого магазина поблизости от музея.

Иши быстро учился всякому делу. У главного препаратора музея, Ворбортона, бывшего моряка, был сундучок с плотничьими инструментами. Работать Иши любил и уважал инструменты. Вскоре он пилил, строгал, сверлил и сколачивал детали не хуже Ворбортона, ловко и точно. Раз вступив на путь белого человека, Иши уже от него не отклонялся. Он наотрез отказался фотографироваться не одетым. Труднее всего ему было натягивать пиджак. Галстук для его рук, умевших вязать сложные узлы и плести корзины, затруднений не представлял. Достаточно было одного урока. Привык он и к обуви. Однажды, когда один из препараторов музея мыл пол, Иши увидел его босиком и долго и весело смеялся над непривычными для него деформированными обувью ногами белого. У Иши стопы были широкие и сильные, с крутым подъемом и прямыми пальцами.

Он сам покупал продукты в лавочках. Не хуже толковой домохозяйки выбирал покупки, приговаривал: «Сколько стоит? Дороговато!» и часто, совсем как домохозяйка, не мог устоять, если попадалось что-нибудь необычное или яркое. Например, свистулька или калейдоскоп. Он любил ездить на трамвае и никогда не путал номера маршрутов. Гулял в парке, близко подходя к животным и птицам своей бесшумной походкой.

Когда он возвращался домой, в его корзине были хлеб, мед, чай, сахар, рыба, мясо, сардины, сыр, картофель, бобы, рис, фрукты — сухие, консервированные и свежие (больше всего он любил консервированные груши), и все овощи, какие он мог достать. Из напитков он предпочитал чай. Кофе и молока не пил. И решительно отвергал виски. Масло он не ел, считая, что от него портится голос. Иши считал, что от яиц всятку бывает простуда,

поэтому ел только крутые. Газовая плита, по его мнению, портила еду. Он говорил: «Белые кладут хорошую пищу в кастрюлю, полную кипящей воды. Оставляют надолго. Пища варится слишком быстро. Мясо портится. Овощи портятся». Яна наливали в сосуд холодной воды и бросали туда раскаленные камни, пока вода не начинала кипеть. В такую воду опускали мясо, желудевую муку или овощи. Мясо и овощи вынимали еще твердыми.

Некоторые достижения цивилизации Иши нравились, к другим он оставался равнодушным. Одобрял стулья, кровати, столы, полотенца, одеяла. Водопровод и ватерклозет, по его мнению, придумал очень умный человек, как и электрическую лампочку, выключатель и газовую плиту. Телефон был для Иши забавен, но не так интригующе интересен, как свисток или калейдоскоп. Наибольший восторг вызывали спички.

Кто-то подарил Иши часы. Он носил их, заводил, но никогда не смотрел, который час. У него было какое-то обостренное чувство времени. Он никогда никуда не опаздывал.

Популярность Иши продолжала расти. Приглашения на лекции, обеды в частных домах и приемы в консульствах сыпались градом. Некая вдова даже предложила Иши свою руку, сердце и надежды на небольшое наследство. Пригласили его как-то на местный праздник в городок Чико в долине Сакраменто. Иши звали как почетного гостя дети и внуки тех, кто истребил его племя.

С помощью Иши ученые как бы обрели машину времени. Они могли собственными глазами видеть, как человек каменного века работает, зажигает огонь, охотится, ловит рыбу. Иши использовал те же материалы и работал так же, как люди каменного века во всех странах земного шара. Молотком ему служил гладкий, обкатанный водой тяжелый булыжник такой формы и размера, чтобы его было удобно держать в руке, — первый инструмент в истории человечества, прапрадед автоматических линий и лазера. Действуя крепким куском кости, как зубилом, Иши откалывал кусочки от другого камня, придавая ему нужную форму. Он умел шлифовать камень и из обломков базальтовых скал делал ступки и пестики, такие же, как те, в которых женщины его племени толкли желуди и семена растений.

Материалом Иши служил базальт, в других местах вместо базальта употреблялся гранит. Во всяком случае это должен был быть камень, легко поддающийся шлифовке. Но на таком камне никогда не получишь острую режущую кромку. Ножи, наконечники стрел и другие острые инструменты люди каменного века делали из силикатов, чаще всего из кремня. Еще лучше для этой цели подходит естественное стекло — обсидиан, аморфный камень, темный и непрозрачный.

Иши делал в музее свои наконечники для стрел не только из обсидиана. Годились и кремень, и агат, и битые бутылки.

Раздобыв кусок обсидиана величиной с буханку хлеба, Иши клал его на землю, приставлял к нему свое костяное зубило и

ударом каменного «молотка» отбивал кусок, достаточный для изготовления наконечника копья. Если нужно было делать наконечники для стрел, Иши молотком бил прямо по булыжнику, раскалывая его на куски помельче.

Отложив в сторону костяное зубило, Иши брал в левую руку заготовку (кусок обсидиана от пяти до десяти сантиметров длиной, в два-три сантиметра шириной и миллиметров восемь толщиной), а в правую — деревянную рукоятку (равную по длине расстоянию от его локтя до кончика среднего пальца), на конце которой был укреплен кусок оленьего рога. Прижав конец рукоятки локтем правой руки к боку и крепко ухватившись кистью за другой конец, Иши плавно, едва заметным движением нажимал на нижний конец заготовки книзу и вбок, постепенно усиливая нажим. От заготовки с легким треском отделялся кусочек обсидиана, оставляя на ее поверхности полукруглую лунку диаметром от полутора миллиметров до одного сантиметра. Следующая лунка делалась рядом с предыдущей. Отделял наконечник Иши маленьким отжимником, чтобы не сломать изделие.

Если в глаз Иши, а это случалось частенько, попадал осколок обсидиана, он оттягивал нижнее веко и изо всей силы хлопал себя по макушке. При этом осколок, по-видимому, вылетал из глаза.

Края у наконечника получались ровные, с мелкими зазубринками. Для различной дичи он изготавливал наконечники разной формы и размеров. Это была трудная и утомительная работа. На нее уходило около получаса. Иши сидел, не меняя позы, и нажимал на рукоятку ритмично, не слишком сильно и не слишком слабо, под ровный треск отлетающих осколков.

Когда Иши научил Вотермана добывать огонь трением, профессор пришел в восторг. На ближайшей лекции он объявил своим студентам, что отныне добывание огня первобытным способом входит в число обязательных практических работ, и тут же приступил к демонстрации опыта. Но на этот раз с ним не было Иши, и дело почему-то не ладилось. Профессор разогревался значительно быстрее дерева. Он снял куртку, потом жилет, но единственным результатом его усилий был жиденький дымок, поднимавшийся с кафедры. Восхищенная аудитория приветствовала результат эксперимента громом аплодисментов.

Из книги в книгу путешествует представление о том, что огонь можно зажечь, натирая одну дощечку другой. Пока еще никому не удалось добыть огня таким способом. И дело тут не в том, чтобы выбрать нужную породу дерева. Устройство, которое применял Иши, состояло из плоской дощечки и круглой палочки, «сверла», размером примерно в древко стрелы. В дощечке Иши делал обсидиановым ножом одну или две ямки глубиной в полсантиметра, от ямок прорезалась мелкая канавка до края дощечки. Дощечка должна быть мягкой, чем палочка, сухой, но не слишком старой и рыхлой. В канавку дощечки и на земле у конца канавки Иши насыпал сухой мох, пух чертополоха или мелко размолотый внутрен-

ний слой ивовой коры. Потом он садился на корточки, прижимал дощечку к земле пальцами ног (иногда он становился на нее коленями) и начинал быстро вращать «сверло» ладонями то в одну, то в другую сторону. От стенок ямки отделялись частички дерева, размельчаясь в пыль. Пыль темнела, обугливалась, начинала дымиться и, вытесняемая из ямки, заполняла канавку и сыпалась на землю. Тогда Иши начинал вращать «сверло» все быстрее и быстрее до тех пор, пока в начале канавки у самой ямки не появлялась крохотная искорка. Искорка бежала по канавке до кучки мха на земле. На загоревшийся мох Иши клал пучок сухой травы, мелкую стружку и осторожно раздувал огонь.

У себя в горах Иши пользовался тяжелыми корзинами из сосновых корней для хранения продовольствия и смолеными, плотно сплетенными корзинами для варки пищи. Изготовление корзин считалось женским делом, и потому Иши им не занимался. Зато он вил прочные и длинные веревки из конопля для лазания по скалам, веревки потоньше, тоже из конопля, и совсем тонкие шнуры и нити из оленьих жил для шитья и скручивания тетивы. Изготавливать копье, лук, стрелы, ловушки, силки и все, что связано с охотой и рыбной ловлей, Иши умел превосходно.

Вряд ли кто-нибудь из нынешних заядлых рыболовов задумывался над тем, что удилицу, леске, крючку и остроге не меньше лет, чем каменному топору. Иши пользовался удочкой, сетью, умел травить рыбу, но предпочитал ловить форель и мелкую рыбу волосяной петлей, крючком или сачком. Лососа он бил двузубым гарпуном. Зубья у такого гарпуна делались из кости или рога. На их концы надевались съемные зубцы с прикрепленной к ним леской, чтобы «вываживать» загарпуненного лосося. Для охоты с гарпуном Иши обычно залезал на скалу посередине реки, откуда ему хорошо была видна добыча в прозрачной воде.

Шли годы. Для Кребера и Вотермана Иши давно уже перестал быть просто этнографической диковиной, живой реликвией каменного века. Всегда спокойный, ровный и доброжелательный, он стал их другом, человеком, которого они любили и уважали.

В декабре 1914 года Иши заболел. Его бил кашель. В августе у врачей уже не оставалось сомнений — туберкулез. Умер он весной, в марте 1916 года. Смерть его была тяжелым ударом для друзей. Один из них, доктор Поп, писал:

«Умер последний вольный индеец Америки. Он умирал бесстрашно и стойко, и его уход от нас завершает главу истории».

От редакции

Здесь нами опубликован аннотированный перевод с английского книги Т. Кребер «Иши в двух мирах», сделанный М. Биром и Е. Буршко. Полностью книга будет опубликована в нашем издательстве в 1969 г. в переводе Е. Годиной. Книга Т. Кребер выдержала в США несколько изданий и переведена на многие европейские языки.

ДУМАЮЩИЙ МЕДВЕДЬ

*

Рассказ

В этой истории два главных действующих лица: кандидат наук Павел Васильевич Кравцов и безымянный медведь, если можно его рассматривать на равных, как «лицо». Вероятно, можно, учитывая, что роль его была ведущей, а сам он оказался думающим.

О медведе известно мало, но то, что известно, по-моему, представляет интерес и дает пищу для размышлений. Достоверность имеющихся сведений сомнений не вызывает. Кравцов — человек положительный, врать не станет, да и мы — прочие действующие лица — кое-что видели сами.

В отличие от медведя о Кравцове можно рассказать многое, но для этой истории важно, пожалуй, лишь следующее. Обычно считают, что все геологи — вечные странники. Это не совсем так. Шутники из геологов подразделяют теперь своих коллег на бродячих и сидячих. Ряды послед-

них в лабораториях и особенно в канцеляриях быстро растут.

Кравцов из числа сидячих. Окончив институт, он выращивает, и не без успеха, искусственные минералы. За восемь лет ему довелось выезжать лишь дважды — в отпуск, на курорт. Чаще не позволяя крайняя занятость. Вероятно, так продолжалось бы и дальше, но горный хрусталь оказался твердым орешком.

Без пластинок из хрусталя — стабилизатора радиоволн — нет хороших приемников, телевизоров и многих других приборов. Целая армия геологов и горняков во всем мире охотится за этими прозрачными кристаллами, но их не хватает.

Годы прошли напряженно и незаметно, пока в лаборатории на медной проволочке вырос первый кривобокий кристаллик — гадкий утенок, рожденный в автоклаве. Постепенно научились выращивать лебедят, но и они были рахитичны, их крылья не выдерживали напора волн.

Теоретические расчеты и чужие догадки о том, почему такими крепышами вырастают эти кристаллы в недрах земли, помогали мало. Надо было самому наблюдать, искать новые пути.

Поэтому Кравцов оказался у Полярного круга, в мире бродячих геологов. Первые дни с ним обращались как с маленьким. «Не отходите, заблудитесь!» — «Не свалитесь, дайте руку!» — «Не садитесь, тут могут быть змеи!» — и так далее...

Что там греха таить, Кравцов побаивался бурных рек, скользких скал и этой безоглядной тайги, которая была безмолвна днем, а ночью оглашалась трагическими криками. Среди своих новых коллег, загорелых и тренированных, он выглядел примерно так же, как его инкубаторные кристаллы среди настоящих: бледным, рыхловатым, явно не в форме.

Он с почтением смотрел, как уходили бродячие геологи в многодневные маршруты, захватив с собой только ружье, котелок да четыре «эс» — соль, сахар, сухари, спички. Остальное они находили в тайге, а главное, находили такие кристаллы, какие на медной проволочке могли ему только присниться.

Они были тут свои, а он чужой, вызывающий усмешки!

Надо отдать Кравцову должное — он очень старался: ходил в маршруты, что для него было совсем не обязательно, беззастенчиво карабкался по скалам, набивал веслами мозоли.

Вероятно, его рвение подхлестывалось еще одной, так сказать, негласной причиной.

Ее называли «своя парнишка Таня», что выражало всеобщую симпатию. Это чувство, по-видимому в несколько концентрированной дозе, ощутил и Кравцов, судя по блаженному выражению, с которым он выслушивал ее иногда довольно язвительные реплики.

— Не могу от них удержаться, — каялась нам Татьяна, — ведь я впервые беседую с кандидатом наук не на экзамене!

Кравцов очень старался не давать повода для острот, но это было нелегко, тем более что он отнюдь не уклонялся от бесед с

Татьяной. Ей он был обязан и тем, что за глаза его иногда называли теперь ковбой и Дубровский.

Доброжелательный начальник отдела снабдил Кравцова в дальнюю дорогу револьвером. Это был бог весть как уцелевший до наших дней огромный «Смит и Вессон», непрменный спутник ковбоев из юмористических рассказов О'Генри.

— Зачем он вам, этот «Смит энд Вессон»? — спросила «свой парень» Татьяна при первом знакомстве, скромно прикрыв ресницами синеву глаз.

— Как средство самозащиты, — солидно ответил Кравцов.

— Вы думаете, поможет, если, например, медведь? — Татьяна широко распахнула ресницы.

Бородатый Сергей издал горлом какой-то странный, булькающий звук.

Сведения Кравцова о медведях ограничивались художественной литературой, но отступать было некуда. Он сказал, не то смущенно, не то восторженно поглядывая на Татьяну:

— Примеры имеются. Помните, как Дубровский — в упор!

Это повеселило всех. Кравцову советовали пожертвовать этот ковбойский пистолет какому-нибудь театру, но вскоре, истратив половину патронов, убедились, что он пригоден не только для сцены: бой был сильный и верный. Револьвер оттягивал бок, но все же придавал уверенность, и Кравцов продолжал его носить, по возможности отвечая на шутки шутками. И вот именно благодаря этому средству самозащиты были выявлены незаурядные умственные способности какого-то медведя, а Кравцов побывал в двух шагах от смерти.

Это произошло 23 августа. Мы все должны были отправиться вниз по течению Орочи километров на двадцать, к скалам Суслова, где обнажались хрусталеносные жилы очень интересного строения.

Кравцов поднялся раньше всех, на рассвете.

— Битому не спится! — заметил Сергей, намекая на то, что вечером Кравцову крупно не повезло в преферансе.

— Причина, сэр, иная, вам непонятная, — трудовой энтузиазм! Я поеду на берестянке и вас, канительщиков, встречу на месте, держа кристаллы, как цветы!

Ждать, пока мы соберемся, оставалось не так уж долго, но, вероятно, Кравцову хотелось проявить самостоятельность,

показать, что он уже не нуждается в опеке. Никто не возражал.

— Не забудьте шляпу,— напомнила Татьяна.

— Благодарю вас,— ответил Кравцов, вернулся в палатку и надел шляпу.

— Она вам очень идет! — внимательно посмотрев, решила Татьяна и добавила: — Именно-такие носили все пикейные жилеты в «Золотом тельнке»!

— Они носили соломенные, а эта капроновая, вполне современная,— уточнил Кравцов, но, как парировать причисление его к пикейным жилетам, не нашелся.

«Своя парнишка» благожелательно помогла ему уложить в берестянку рюкзак, фотоаппарат, приемник, затем взглянула на револьвер, и в ее синих глазах снова заблестели смешинки.

— Советую привязать к левой ноге камень побольше, а то ваш «Смит» перевесит — еще опрокинетесь, а с ним не выплыть!

— Вы недооцениваете товарища «Смита», он уравновешен, а главное, не болтлив! — заметил Кравцов, осторожно влезая в берестянку, и был очень доволен, что последнее слово осталось за ним.

То, что плыл он не на современной байдарке, а на ее прародительнице — первобытной берестянке, купленной у последнего их изготовителя, старика-эвенка, свидетельствовало лишь о плохом снабжении, но для Кравцова была в этом особая романтическая прелесть. Он то напевал, в такт работая веслом, то, положив его поперек лодки, любовался скалистой тайгой.

Левый берег был серый, холодный, туманный, а на правом — скалы, лиственницы, цветы и травы — все было озарено солнцем так ярко, что приходилось щуриться. Река там голубела, просвечивая до дна. Птицы грелись, взлетая навстречу солнцу. Оно поднималось все выше, быстро, как вертолет, который доставил его сюда.

«Прошло всего две недели,— подумал Кравцов,— а лаборатория и весь привычный городской уклад уже где-то бесконечно далеко не только в пространстве, но и во времени».

Оглядывая берега, он в полный голос, тут некого было стесняться, запел озорную песню бродячих геологов, очень приближенно сохраняя мотив:

... на курортах не ищите нас,
Мы живем под тем меридианом,
Где Макар телят своих не пас.
В тайгу заброшены судьбой суровой,
Мы далеки от бани и пивной,
Давно не мытые, давно не бритые,
Сидим в палатке тесной и сырой!
Мы страдаем лишь от аппетита...

Солнце уже достало до левого берега. Струйками дыма исчез туман, и вся долина стала веселой, яркочерасочной. Почти под

самой берестянкой, не отставая, плыл таймень, играя плавниками.

— Эх, не захватил острогу! — пожалел Кравцов и усмехнулся, подумав, что две недели назад он имел более чем смутное представление о таком способе лова.

Следя за рыбой, он наклонился над бортом, увидел себя четко, как в зеркале. Он посвежел, глаза блестели... Нет, теперь он не выглядит таким «тепой», как в первые дни!

Кравцов задумался, долго сидел неподвижно и вдруг тихо сказал:

— Таня, поймите, эти годы я был подобен флюсу, мечтал только о кристаллах и ухаживал в основном за автоклавами...

Вздохнув, он включил приемник. Донеслось «...объявлено сто двадцать шестое серьезное предупреждение...», а ему была нужна музыка! Более далекие станции приемник брал еле-еле, неустойчиво. Кравцов знал, что стабилизатор в нем из кварца, изготовленного у него в лаборатории, так что и жаловаться было не на кого.

Река резко сузилась, забурилась. Кравцов поспешно взялся за весло. Километра два он мчался в сумрачном ущелье со скоростью автомобиля, швыряло, как на тряской дороге. Потом течение стало спокойным, открылась широкая заболоченная долина.

В невысоких береговых обрывах чернел угольный пласт, а выше, над кочковатым торфяником, сколько хватало взгляда, был бурелом. Замшелые, обломанные деревья, живые и мертвые, кренились в разные стороны, образуя многоярусный непроходимый завал. Было в этом пейзаже что-то такое архаическое, древнее, что Кравцов не удивился бы, увидев тут динозавра или мамонта. И вскоре он действительно увидел на правом берегу, где впадал ручей, сначала неопределенное буроватое пятно на зеленом фоне, а потом...

Вздрогнув, Кравцов перестал грести. Медведь!

Низко опустив голову, тот пил из ручья. Вода там поблескивала и, наверно, журчала, огибая камни. Поэтому зверь не услышал, как падали с весла звонкие капли.

Не задумываясь, привычным движением Кравцов открыл фотоаппарат, навел на бесконечность, четко увидел медведя в видоискателе. Тот стоял вполоборота, выделялся белый треугольник на его груди.

— Как сорочка, — отметил Кравцов, снимая, — только галстука не хватает!

Он не знал, что таких, белогрудых, охотники называют князьками и считают их самыми злыми и опасными.

Медведь все пил, не поднимая головы.

— Не чует: ветер встречный, — пробормотал Кравцов и как-то неожиданно для самого себя расстегнул кобуру ковбойского пистолета.

— Случай редкий, я же за водяным барьером, на быстрой лодке, ничем не рискую, — поспешно обдумывал он. — И это не озорство, не бессмысленное убийство, мы уже три дня на пшенном концентрате!

Уже оставалось метров двадцать, белая манишка медведя вырисовывалась четко, как мишень.

За эти дни у костра Кравцов наслушался охотничьих рассказов и знал, что стрелять надо в убойное место, лучше всего под лопатку, туда, где возле передней ноги от ходьбы вытерта шерсть.

Он уже был как раз напротив медведя и ясно видел потертость у левой ноги. С воды на таком расстоянии медведь не казался большим и страшным.

Соблазн был велик!

— Я же ничем не рискую, — убеждал себя Кравцов, — стреляю метко, это проверено. «Смит» бьет как винтовка, доску пробивает, это тоже проверено.

Все это было верно и все же так страшно, что Кравцову даже холодно стало. Сейчас или никогда!

Вероятно, Павел Васильевич воздержался бы от столь не свойственного ему начинания, но в это мгновение он подумал о Тане, вернее, увидел ее лицо с той особой, ему предназначенной насмешливой улыбкой.

— Я не ковбой, но и не пикейный жилет! — пробормотал он и начал целиться, изо всех сил сжимая револьвер обеими руками, щуря левый глаз, помня, что главное — не волноваться, плавно спустить курок!

Оглушительный грохот, толчок!

Кравцов ожидал всего: что медведь упадет, или убежит, или заревет, взвившись на дыбы. Может быть, даже примет человеческий облик и закричит: «Что ты, дурак, делаешь!»

Но Кравцов никак не ожидал, что медведь в то же мгновение прыгнет, как тигр, и, подняв фонтан брызг, поплывет на него, высовывая из воды только уши.

Кравцов выстрелил еще раз, почти не целясь. Руки задрожали, потребовалось большое усилие, чтобы заставить их выполнить приказ — сунуть револьвер вниз, под ногу, и схватить весло. Даже на олимпийских играх оно, наверно, не мелькало с такой скоростью! Правда, здесь количество не сочеталось с качеством — гребки получались короткие, слабые: уж очень Кравцов спешил. И все же берестянка бежала стремительно.

Кравцов при каждом гребке до хруста вертел шеей, поглядывая назад, с ужасом убеждаясь, что медведь догоняет.

«Что делать? Что? — думал он. — Бросить весло и стрелять? Ведь есть еще три патрона», — но руки дрожали, и он сознавал, что это невозможно. Пальцы до боли впились в весло и не хотели подчиняться. Да и сам он уже не верил ни в свою меткость, ни в пробойную силу ковбойского пистолета. Оставалось только одно:

спасаться, бежать! Он задышался, но темпа не сбавлял, весло мелькало быстро, как только можно, и даже еще быстрее!

При резком взмахе Кравцов чуть не опрокинулся и в это мгновение в воде, как в зеркале, увидел чье-то лицо, бледное, потное, испуганное, со страдальчески оскаленным ртом. Он так торопился, что даже не понял, что видит себя.

А медведь уже подплывал к берестянке. Уже до его красноглазой морды можно было достать веслом. Кравцов невольно отшатнулся в сторону и опять чуть не опрокинулся. Руки у него совсем обмякли, он замер, как загипнотизированный кроваво-красными глазками медведя. А тот поднял голову, должно быть поплыл стоя, оскалил пасть и заревел яростно, сипло, будто давясь. Готовясь вцепиться, он высунул из воды переднюю лапу.

Трагический конец наступил бы немедленно, но спасла капроновая шляпа. При очередном бессильном взмахе веслом она свалилась с потной головы, полетела в медведя. Тот даже подпрыгнул, наполовину выскочил из воды и вцепился в нее лапами. Сила их известна: медведь поднимает быка. С бешеной яростью терзал он шляпу, но — слава отечественной капроновой продукции! — прошло несколько секунд, прежде чем она разлетелась в клочья.

Кравцов за это время успел отплыть, а главное, преодолел гипноз и снова махал веслом, как на олимпийских. Инстинктивно, стараясь быстрее уйти от медведя, он изменил направление, плыл теперь не по течению, а поперек реки.

Догоняя, медведь снова плыл лежа, только уши торчали над водой. При каждой гребке, вертя шеей, Кравцов поглядывал назад. О чудо! Расстояние между ними не уменьшалось.

— Тяжел, его течение сносит, — решил Кравцов и, круто повернув, пошел против течения.

Медведь отставал. Берестянка скользила, едва касаясь воды. Уже их разделяло метров тридцать. Вдруг медведь поднял голову, завыл. Глаза его сверкнули, как красные сигнальные стекла. Он круто повернул и медленно поплыл к правому берегу.

Говорят, от счастья не умирают. Кравцов замер, задохнулся, обалдел, но не умер. словно пробуждаясь, он заметил, что все вокруг него меняется, светлеет, как после солнечного затмения. Опять был яркий, голубой день и серебристыми рыбками скользили по воде солнечные блики.

Постепенно стихал и шум. Оказалось, что он был только в его ушах, а кругом стояла прежняя первозданная тишина.

Гребя еле-еле, Кравцов все время смотрел назад. Он увидел, как вылез медведь, отряхнулся и вдруг побежал. Вот он поравнялся с лодкой (у Кравцова засосало под ложечкой), но нет, он не остановился, а дальше пулей пересек галечную косу, исчез в кустах, снова появился метров на семьдесят выше лодки и сразу бросился в реку.

«Поплыл! Он понял, что надо заплывать мне навстречу!» —

Кравцова так затрясло, что весло выбивало дробь о берестянку. Все снова стало как в тумане, потому что брызнули слезы и бешено заколотило сердце. Лишь только мозг не сдавался!

— Не раскисай! — закричал Кравцов, будто это не он, а кто-то другой всхлипывал и дрожал в берестянке. — Еще есть время, обдумай, положи весло, прямой глаза!

И он заставил себя выполнить команду. Плеснул в лицо, отерся рукавом. Медведь приближался.

«Бежать вниз бесполезно — догонит, на берегу тоже. Значит, выход один: плыть навстречу и резко вильнуть, чтобы его отнесло течением. А если не успею, надо что-то в него бросить, отвлечь внимание. И в последний момент стрелять в упор, как Дубровский».

Кравцов хотел снять с себя рубашку, но раздеваться было некогда да и вспомнил, что рюкзак лежит на корме. Не спуская глаз с темного пятна, мелькавшего посередине реки, Кравцов ощупью нашел рюкзак, вытащил куртку-непромокашку. И вдруг зазвучало: «Средь шумного бала случайно, в тревоге мирской суеты...» Кравцов вздрогнул, но тут же сообразил, что, доставая куртку, задел регулятор приемника. Он обрадовался этому: стало не так одиноко.

«А может, песня его испугает?» — Кравцов был рад ухватиться за любую соломинку и запустил приемник на полную громкость.

«... Мне стан твой понравился тонкий
И весь твой задумчивый вид...» —

на всю долину заливался великолепный тенор.

А медведь приближался. Кравцов сидел неподвижно, сжимая весло. Он заставил себя отдыхать, и только когда их разделяло метров десять, начал грести, направив берестянку на медведя.

«...Люблю ли тебя, я не знаю...» — надрывался певец.

Все ближе, ближе, он шел как летчик на таран, до боли стиснув зубы. Медведь поднял голову, высунул лапу. Он опять плыл стоя, готовился к удару.

«Куда повернуть? Вправо? Нет, влево. Нет, вправо», — лихорадочно соображал Кравцов.

Поставив весло почти вертикально, Кравцов начал загребать справа изо всех сил. Берестянка круто вильнула. Медведь рванулся к ней, но не достал метра два до кормы.

И все же нервы не выдержали — Кравцов швырнул ему в морду новенькую чешскую непромокашку! Только ключья от нее потекли, а не выгадал он на этом ничего — они одинаково потяряли темп...

Кравцов греб не так торопливо, как раньше, но сильно и резко. Опять от напряжения потемнело в глазах, и песня доносилась еле-еле, будто певец сорвал голос. Так продолжалось несколько минут. Медведь отставал. Вот он завыл, поглядел вслед лодке и снова поплыл к берегу.

В изнеможении почти лежа в берестянке, следил Кравцов, как его враг выбрался на берег, как отряхнулся и побежал, мелькая среди кустов.

Когда и чем все это кончится?

Пот застилал глаза, Кравцов слышал гулкие удары своего сердца, и ему было очень себя жалко. Неужели так нелепо оборвется жизнь?

Он вдруг увидел лабораторию и на стене, над автоклавами, в траурной рамке свою фотографию. Увидел скорбные лица близких и почему-то среди них Таню. Подумал: «Наверно, издадут сборник моих трудов, если добьются бумаги» — и вздохнул, всхлипывая...

«Вдоль по Питерской, по Тверской-Ямской...» — раздавался чей-то очень задорный голос.

С голубого неба на нос берестянки опустилась крупная оранжево-синяя бабочка. Крылья ее трепыхались: должно быть, она очень устала и тоже спасалась от гибели. Глядя на нее, Кравцов снова чуть не заплакал.

А медведь уже мчал ему навстречу, как торпедный катер. Начался третий тур.

В это время мы плыли на просмоленном черном баркасе. Какой-то шутник белилами изобразил на его носу флаг «Веселый Роджер». Баркас был оснащен подвесным мотором, но день выдался чудесный, не хотелось отравлять его грохотом и бензинным чадом. Мы плыли не торопясь, поставив косой парус. Борис и Татьяна загорали на носу. Сергей лежал на корме, придерживая руль бо-сой ногой.

От нечего делать я обозревал окрестности в бинокль. Вдруг увидел далеко впереди берестянку. Она двигалась навстречу нам. По здешним местам это было событие. Вгляделся: «Что за черт?

Ведь это наш ковбой жмет назад на все педали! Что-то случилось? Сергей, крутни!»

Затахтел мотор, и вскоре Кравцов, мокрый, взъерошенный, какой-то изменившийся и лицом, и телом, поспешно вскарабкался на борт баркаса.

— Вон там в кустах, бежит уже четвертый раз! — заорал он, и в черных его глазах блеснули слезинки.

Мы переглянулись: уж не чокнулся ли уважаемый кандидат наук?

— Что-то вроде мелькнуло, — подтвердил Борис.

Кравцов смотрел мимо нас, туда, на правый берег, где скользила черная тень. Руки его заметно дрожали, по серым щекам тек пот. Над берестянкой вился парок, по крутым ее бокам сползали капли. Казалось, и она вспотела. На носу, распластав крылья, дремала оранжево-синяя красавица бабочка. Хрипел приемник, сбившись с волны.

С подраненным медведем шутки плохи. Соблюдая осторожность, два ружья и «Смит» — на изготовке, мы причалили к тому месту у ручья, где все началось.

Кравцова и Таню оставили нести вахту на баркасе. Он посмотрел на нее тревожно, ожидая всегдашнего острословия. Но опасался напрасно.

На камнях виднелись кровавые пятна, но не густо.

— С такой раной он проживет до восьмидесяти! — решил Борис.

— Они больше пятидесяти не живут.

Наш Сергей отличался эрудицией.

— Тогда до пятидесяти, — согласился Борис, и мы поехали дальше.

Разговаривали на темы посторонние, с трудом их придумывая, понимая, что Кравцову надо дать прийти в себя.

Хрусталеносные жилы на скале Суслова действительно оказались великолепными; но Кравцов в этот день не любовался красотой минералов, не проявлял обычного интереса к тайнам их роста. Иногда он стремительно оглядывался, похрустывая шеей. Он все время молчал, а когда мы вернулись, лег спать не поужинав.

Только на следующий день вечером Кравцов рассказал нам все подробности, как он выразился, с протокольной точностью. Помоему, он даже несколько чрезмерно, в ущерб точности выставлял себя в смешном свете. Закончив, он помолчал, тревожно оглядел нас и спросил:

— Скажите откровенно, я трус?

Никто из нас этого не считал. Он уже был молчаливо признан своим парнем, бродячим геологом.

— Лучшее этому опровержение, что вы здесь, а не в медведе, — заметила Таня.

— А в такой переделке любой станет бледным и бедным! — поддержал из темноты кто-то.

— Зато теперь вам будет о чем рассказывать, — утешил Борис.

— Предпочту умолчать, уж больно эта история нелепа! — покачал головой Кравцов.

— Но мораль почтенна: соображай и не сдавайся! — изрек Сергей.

— Должен честно признать, — Кравцов прижал руку к сердцу, — правильно соображал не я, а медведь. Осенившая меня идея, что ему труднее догонять против течения, — сущий вздор! Дремучая глупость!

Это было неожиданно. Мудрость действий Кравцова сомнений не вызывала.

— Наговариваете на себя! — решила Татьяна. — Медведь тяжелый, шуба лохматая. Ему плыть против течения, конечно, труднее, чем легонькой лодочке.

— Точно так же, как и по течению! Вам, когда сдавали физику, видно, очень везло! — Кравцов впервые за весь этот день улыбнулся.

У Татьяны нашлись единомышленники. В ход была пущена артиллерия терминов: лобовое сопротивление, объемный вес, живая сила, — но и они не помогли.

Кравцов уверенно отмел все это.

— Дело ясное. Сначала он догонял, когда я удирал по течению, только потому, что руки со страху дрожали. Потом я стал грести лучше. Вот и все!

Несколько минут молчали. Потрескивали поленья, взлетели над костром золотые жучки, возвращаясь серыми угольками.

— Гораздо важнее другое, — тихо и очень серьезно сказал Кравцов. — Я с испуга перепутал причину и следствие, а ведь медведь соображал верно, понимал, что только по берегу меня догонит и получит преимущество, плывя навстречу, по течению. Это он повторил четыре раза. Значит, не случайно! Его действия были разумны, от этого не уйдешь!

Начался спор, долгий, шумный и довольно бестолковый. Кравцов в нем участия не принимал. Только когда страсти уже остыли и костер догорал, он сказал:

— Я не хочу обобщать, но тот медведь все же был думающим!

Спор начался снова. Не буду его продолжать. Должен лишь оговориться. Тогда, у костра, Кравцов ничего не говорил о Татьяне.

О его чувствах, о том, как он вздыхал в берестянке и вспоминал автоклавы, я узнал лишь через несколько лет при встрече.

Кравцов показал мне такие кристаллы, что, не будь медных проволочек, я никогда не признал бы их инкубаторными.

— Это память тех дней! — сказал он. — Прикосновение к земле давало силы не только Антею!

А когда сгустились сумерки и мы остались одни, он пожаловался: «Совсем замучили автоклавы!», пообещал: «Неприменно вырвусь и опять стану, хоть ненадолго, бродячим геологом!»

И вдруг разоткровенничался, все в его воспоминаниях выглядело таким прекрасным, а медведь был ну прямо мыслитель!

— Не смейтесь! — воскликнул он. — Ему я обязан уроком великой мудрости — соображать и не сдаваться!

Об авторе

Локерман Аркадий Александрович. Родился в 1913 году в Ростове-на-Дону. По образованию геолог, кандидат геолого-минералогических наук, имеет свыше пятидесяти научных работ. Автор написаны две повести — «Загадка «Белой гривы»» (Детгиз, 1959), «Сейши» (сборник «Приключения», изд-во «Молодая гвардия», 1968) — и несколько рассказов, опубликованных в разных журналах. Работает также и в жанре научно-популярного очерка. В сборнике выступает впервые.

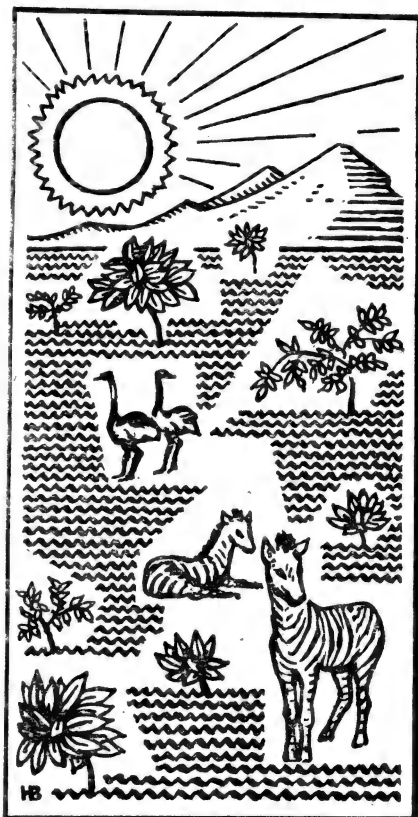
АМБОСЕЛИ — СЕРДЦЕ МАСАЙСКИХ СТЕПЕЙ

✱

Очерк

Я люблю работать по ночам. Все снят, в квартире полная тишина. И время будто останавливается, исчезает. Иногда я подхожу к окну: на улице дождь, ветер раскачивает фонарь перед домом, колышутся тени голых ветвей с последними уцелевшими листьями. Я кладу ладонь на холодное стекло и стираю с него влагу. Тени делаются четче, но за окном по-прежнему темнота. И я снова вижу далекое: иссушенную солнцем землю, жесткую редкую траву, плоские шапки акаций. И стада зебр и гну — вереницы черных точек на желтой равнине. А в небе кружат грифы...

...Давно кончились поля и плантации, непрерывной полосой окаймлявшие дорогу от самого Найроби, исчезли селения. Чем дальше к югу, тем все меньше заметен красноватый цвет земли, он уступает место

глинисто-серому. Вплотную к шоссе подступают густые заросли колючих кустарников. Это знаменитый африканский буш. Ветви почти лишены листьев, совсем не дают тени и похожи на сваленные в кучу обрывки проволочных заграждений. Их переплетение создает обманчивое впечатление прозрачности. Однако потревоженная автомобилем небольшая антилопа — жирафовая газель — исчезает в кустарнике почти мгновенно, точно растворяется. Буш тянется на десятки километров, заблудиться в нем легче легкого: ориентиров никаких, а местность просматривается лишь на несколько шагов.

Солнце прямо над головой. Небо затянуто белесоватой мглой, не то пылью, не то дымом, и солнце кажется мутным и тоже белесым. Под его лучами буш выглядит блеклым, бесцветным. Так встречает нас южная Кения, где обитает легендарное племя масаев.

Мы уже не новички в Африке: вторую неделю дышим африканским воздухом. Позади остались Найроби и Кампала, пальмы и банановые рощи Уганды, необъятная гладь озера Виктория, болотистые, заросшие густым лесом берега Белого Нила. А сейчас наш путь лежит к подножию Килиманджаро, в национальный парк Амбосели. Кусочек не тронутый временем саванны. Сердце Масайских степей.

Однообразие буша постепенно нарушается. Сначала появляются широкие просветы, поляны, а еще через час уже сами кусты кажутся всего лишь островками среди желтой равнины. Местами видны беловатые пятна — это солончаки. Все чаще попадаются группы зонтичных акаций. А вот уже их целые рощи.

Без мхов и лишайников нет тундры, без зонтичных акаций нет саванны. Плотные, плоские, как крыша, кроны и тонкие искривленные стволы придают пейзажу совершенно особый характер, неповторимый в своей прелести. Днем, когда солнце высоко и стволы деревьев исчезают в струящемся мареве, темные кроны как бы плавают в нагретом воздухе. Под акациями всегда зелено, яркие тугие подушки кустарников, свежая трава: здесь много тени.

Отлично ведет машину Мбингу, служащий туристической компании, наш гид, наш шофер, наш ангел-хранитель. По хорошей грунтовой дороге он выжимает из «фольксвагена» восемьдесят миль в час.

Впереди у дороги яркое пятно. Оно быстро приближается, и через минуту уже можно различить три высокие человеческие фигуры. Это африканцы, они идут навстречу по обочине шоссе. Смугло-коричневые лица, широкие плащи из красновато-коричневой материи, длинные блестящие копья. На шее у каждого — целый набор тонких ожерелий из разноцветного бисера, такие же украшения свисают на плечи: они вставлены в мочки ушей. Еще мгновение — и беззубые улыбки исчезли в пыльном шлейфе автомашины. И хотя встреча была мимолетной, мы сразу поняли, кто были эти стройные люди. Масаи! Те самые масаи, о которых столько написано!

Этнографы не считают масаев аборигенами Восточной Африки. Предполагается, что они потомки народов, пришедших из областей, которые лежат далеко к северу от современных Масайских степей. И тип лица масаев, и цвет кожи, и многие детали их быта — все это своеобразно. И даже язык: для масаев восточноафриканский эсперанто — суахили почти так же чужд, как английский. Масаи — особый народ. Время будто не коснулось их, они живут так же, как тысячу лет назад. До сих пор они почти ничего не покупают, разве что бисер для украшений да металлические заготовки для копий. Ни табак, ни алкоголь им незнакомы. Масаи не охотятся ради мяса, не обрабатывают землю. Скот — вот главное их богатство, источник жизни. Но и скотоводы-то они особые: только чрезвычайные обстоятельства могут заставить хозяина зарезать корову. Молоко, смешанное с кровью, — основное питание масаев. Приготавливается этот своеобразный коктейль так: шейную вену коровы надрезают легким ударом стрелы и собирают лениво вытекающую кровь в калebas — сосуд, сделанный из бутылочной тыквы. Затем туда же наливают молока — и кушанье готово. Ранку на шее коровы затыкают пучком шерсти, выдернутой из той же коровы, и припудривают пылью. Животное переносит эту операцию легко и уже через несколько минут чувствует себя совершенно здоровым.

Мы все дальше углубляемся в Масайские степи. Дорога становится хуже. Земля истоптана скотом, трава выбита, и совершенно непонятно, как могут здесь прокормиться тысячные стада. Изредка мелькают жилища масаев — невысокие, прижатые к земле хижины из сучьев, обмазанных глиной. Вокруг них ограда из колючего кустарника. Сюда загоняют скот на ночь. Но самих стад пока не видно. Нет и диких животных, окрестности кажутся безжизненными. Сонное состояние овладевает нами: видимо, начинают сказываться жара и тряска. Но вот большой щит с надписью, поясняющей, что мы въезжаем в национальный парк Амбосели. Вправо уходит узкая и малоезженная дорога. Если верить указателю, то она ведет к отелю Ол-Тукаи. Туда-то нам и нужно.

Как только свернули, увидели густое облако пыли: дорогу пересекает большое стадо. Коровы идут сплошным потоком, и шоферу приходится затормозить. Сдвигаем люк в крыше, поднимаем фотоаппараты, и тут из пыли появляются две фигуры. Это масаи, пастушата, мальчик и девочка. Им лет по двенадцать. В руках длинные палки, на плечах знакомые уже нам красновато-коричневые плащи. У девочки в разрезы мочек ушей вставлены довольно большие деревянные цилиндры — для растягивания разреза. Подrostки недоверчиво смотрят на наши объективы. Мальчик энергично жестикулирует, что-то быстро и долго говорит. Слова непонятны, но мысль ясна: не надо фотографировать коров. Не надо — не будем!

Пыльное облако светлеет, поток животных становится реже, можно трогаться. Коровы бурые и пестрые, черно-белые, низко-

рослые, очень худые. Пастушонок долго бежит рядом с машиной, что-то кричит. Таким и запомнился нам этот масайский мальчик: плащ развеивается за плечами, тонкое черное тело почти обнажено.

Дорога петляет в роще акаций и мимоз. Ветви громко скребут по машине, люк снова приходится закрыть: как бы не остаться без глаз! Еще немного — и впереди среди кустов зазеленели крыши палаток. Это и есть отель Ол-Тукай, палаточный лагерь. Машина останавливается позади каких-то непонятных сооружений: больших брезентовых кубов, загоронок, будок. Впереди отдых и ленч. Вылезаем, разминаемся. Приятно почувствовать под ногами твердую землю после многочасовой тряски. Проходим между палатками, с любопытством оглядываемся. Очень хорошо! Палатки выстроились двумя ровными перпендикулярными линиями в прозрачной тени огромных акаций. Отсюда хорошо видна саванна: желтая трава, зеленые бугры кустов, группы деревьев. Ничто не нарушает очарования пейзажа, кухня и все служебные помещения находятся за лагерем. Перед палатками только место для вечернего костра да небольшой столик — кормушка для птиц. Вокруг кормушки несколько легких кресел.

Через несколько минут служащие отеля приносят наши вещи и мы вступаем во владение палатками. Они двухместные, но очень просторные, в каждой — две кровати, стол, шкафы для одежды. Двери, стены и окна на молниях: в мгновение ока палатку можно превратить в открытый навес. Над крышей — дополнительный тент, в такой палатке не страшна никакая жара. Перед входом у каждой палатки — столик и два плетеных кресла, рядом тренога с тазом для умывания и кувшин с теплой водой. Позади — душ: это те самые брезентовые кубы, которые удивили нас при въезде в лагерь.

До ленча еще есть время. Мы наскоро смываем пыль и разбредаемся кто куда. Далеко уходить нельзя, но и рядом масса интересного. Вот с акации быстро слезает, почти сбегает обезьянка — зеленая мартишка. Не обращая внимания на людей, проходит между палатками и, обхватив лапами водопроводный кран, пьет. Затем вспрыгивает на палатку, ждет, что кто-нибудь даст сахару или банан.

А вот появляется необычайно колоритная фигура. Это молодой масай в полном военном облачении. В руке копье, у пояса — выгнутый и расписанный белой, черной и коричневой красками щит. Волосы заплетены в множество тонких косичек, уложены особым образом на затылке и лбу и смазаны своего рода кремом — красной глиной с жиром. Масаи — отважный народ, и для юноши дело чести — убить копьем льва или другого опасного зверя. Копья их замечательны: длинное, до метра, обоюдоострое лезвие, кованое из мягкого железа, насажено на небольшую, в две ладони, деревянную рукоятку, на которую с другой стороны надет тоже кованый и заостренный стержень. Стержень служит противовесом. А когда воин отдыхает, он втыкает копье в землю именно этим

стержнем. Молодой масай подходит к нам и останавливается в картинной позе. Видимо, ждет, что его будут фотографировать.

Я сажусь в кресло у птичьей кормушки. Бой выносит из палатки-столовой несколько кусочков папайи и раскладывает в кормушке. Сейчас же появляются птицы — африканские скворцы, ткачики. Они клюют желтую мякоть папайи, потом слетают на землю. У скворцов отливающая металлическим блеском спина и ржаво-красное брюшко. Белые глаза смотрят строго и зло. На нижних ветвях акации сидит крупный голубой зимородок. Миг — и он стремительно бросается мне под ноги, в траву, хватая какого-то жука и снова взлетает на дерево. Удивительное дело — зимородк вдали от воды, с повадками как у сорокопута.

Нас зовут в столовую. Там безлюдно, время ленча истекает. Чисто английское меню: фрукты, протертый суп, рыба, холодное мясо, сыр, снова фрукты и кофе. Мы пьем кофе и любимся саванной. Сейчас день, и крупных животных не видно. Они подходят к палаткам ночью.

Опять втискиваемся в горячий, душный «фольксваген», открываем окна, сдвигаем люк в крыше. Становится прохладнее. С шофером садится провожатый — плотный африканец с лихо закрученными усами. Он носит зеленую форменную фуражку — эмблему служащих национального парка Амбосели.

Парк лежит на границе Кении и Танзании. Это значительный, более тысячи квадратных миль, участок саванны, сохранивший свой первозданный облик. В недавнем прошлом здесь был резерват охотничьих животных, заказник, и лишь недавно Амбосели приобрел статус национального парка. Сейчас это одно из излюбленных мест отдыха туристов в Кении.

Амбосели славен своими слонами. Их здесь около двенадцати тысяч. Ездить без сопровождающего нельзя: среди слонов попадаются очень свирепые особи, которые могут напасть на машину. Обязанность провожатого — избежать такой встречи. Кроме слонов в Амбосели масса гну, зебр, различных газелей, много львов, жирафов, попадаются носороги, леопарды, буйволы. Правда, посещать разрешено лишь небольшую часть территории, и всех этих зверей нам вряд ли удастся увидеть.

...Сразу за рощей, где расположен лагерь, начинается болотистая низина. Слева — высокая зеленая стена тростника, справа — компактные, плотные куртины колючих кустов. Мы напряженно всматриваемся в эти заросли, ждем. Вскоре среди зелени различаем длинную серую спину носорога. На ней сидят небольшие красноклювые птицы. Подъезжаем ближе и останавливаемся, не заглушая мотора. Носорог приближается к нам и через минуту выходит на чистое место, осматривается, затем снова продолжает свой путь, пощипывая листики с кустов. Птицы слетают с его спины, но, покружив с криком в воздухе, опять усаживаются на прежнее место. Это буйволобые птицы, постоянные спутницы носорогов. Они выклеывают присосавшихся к коже клещей и, видимо,

работают на совесть: у этого носорога хорошо видны свежие потеки крови, узкими красными полосками пересекающие его лопатку.

Утолив первый «фотоголод», мы двигаемся дальше, вокруг болота. Снова остановка: наш гид возбужденно показывает рукой в сторону тростников... Слоны! Их почти не видно, лишь изредка в зелени мелькнут горбатые спины или вдруг появится голова с блестящими белыми бивнями и широкими опахалами ушей. Внезапно мы все, как по команде, оборачиваемся и замираем: с другой стороны из степи прямо на нас идет крупный слон-самец. Он весь на виду, залит солнцем. Бесшумно и широко ступая, животное проходит в каких-нибудь пятнадцати метрах от нас. Уши безжизненно висят, хобот опущен — слон спокоен. Кажется, он не замечает нас. Серая, изрезанная густой сетью морщин кожа как-то мягко переливается при движении, ноги удивительно стройны, особенно передние. Чуть раскачиваясь, слон пересекает дорогу, спускается к болоту и бесшумно исчезает в зеленой стене тростника. Несколько мгновений еще видны качающиеся верхушки растений, но вот и это движение прекратилось. Был слон — и нет. Только тут мы приходим в себя и оживленно обмениваемся впечатлениями.

Справа появляются группы акаций, подножия их оплетены густым кустарником. Многие деревья изуродованы: ободрана кора, обломаны, расщеплены сучья, часть акаций засохла. Это «работа» слонов. Неожиданно замечаем длинную тонкую шею жирафа. Контуры животного совершенно теряются, распадаются в мозаике солнечных пятен и теней. Скорее туда! Машину трясет и кидает на выбоинах, но мы вцепились в спинки сидений, напряженно всматриваемся в быстро приближающуюся рошу. Вот жираф уже виден отлично, он стоит, почти упираясь головой в плоскую крону акации. Не щиплет листьев, не смотрит на нас, а просто спокойно стоит. Во всей его фигуре какая-то отрешенность. Против света он воспринимается как тонкий черный силуэт, четкий и бестелесный. А за ним на низком желтом горизонте такие же четкие, такие же нереальные плоские шапки акаций.

Объезжаем густой колючий куст и чуть не задеваем колесами льва: он лежит в короткой тени, прижавшись к самому основанию куста. Лев молодой, с небольшой и неопрятной гривой, да и телосложение у него еще нескладное. Ему года три — львы растут медленно. Он напоминает крупную дворнягу, даже в выражении глаз что-то собачье. Фотографировать льва неудобно, он в тени, и мы начинаем выделывать вокруг него различные пируэты: то спереди заедем, то сзади. Наконец, наша «психическая атака» удается: лев встает и делает попытку уйти, а мы стараемся не пустить его в кусты. Зря старались: сил льва хватило только на десять шагов, там он и упал, прямо на солнце, и снова заснул. Но мы его уже отсняли — и когда шел, понуро опустив голову, и когда ложился. По правде говоря, снимали без особого энтузиазма. Уж очень вид не величественный, не львиный.

Заросли кустарника остались позади. Дальше, до самого горизонта, раскинулась открытая равнина, и лишь вдаль синеют не то горы, не то просто облака. Ну и конечно, акации — от них никуда не уйдешь.

Желтая редкая трава — везде проплешины сухой, колкой земли. И густая сеть троп, глубоких, как небольшие канавки. В них мягкая пыль, бесчисленное множество ямок-следов. Тропы сливаются, расходятся, перекрещиваются, но все они направляются к болотистой низине, где мы только что были, к водою.

Длинная цепочка черных точек растянулась по желтой равнине. Это гну. Мы даже не едем им навстречу, просто останавливаем машину и ждем. Гну идут быстро, через несколько минут они уже хорошо видны. Горбатые спины, пепельно-серые бока, желтовато-белые бороды. Потряхивая низко опущенными головами, часто, как-то механически переставляя ноги, соблюдая особый порядок, они проходят мимо нас. За каждым животным — чуть заметное облачко пыли. Хорошо слышны негромкое фырканье, какое-то хрюканье, чихание — словом, мирные, удивительно интимные звуки, звуки бредущего стада. Среди взрослых животных несколько телят. Они держатся вплотную к матерям, но не нарушают строя, идут, как большие, гуськом.

А с другой стороны появляется стадо зебр. Они светлее и издали не так заметны, как гну. Зебры проходят совсем рядом. Они то опускают головы к земле, будто принюхиваясь, на ходу срывают несколько жестких травинок, то снова настороженно смотрят вперед, подняв большие уши. И строя не держат, все время то одно, то другое животное вырывается вперед. Зебры так близко, что хочется погладить какую-нибудь из них по толстому симпатичному крупу. И тут же табунок изящных тонконогих антилоп. Лировидные рога, черная полоса по боку — газели Томсона, или попросту томми. Чтобы узнать их, даже не надо разглядывать окраску, достаточно посмотреть на хвост: он у томми довольно длинный, черно-белый и постоянно в движении. Вот и сейчас газели замерли, смотрят на нас, а хвосты точно маятники! Впереди два самца, чуть поодаль — безрогие самочки с детенышами. Вожаки недоверчивы, что-то им не нравится в нашей машине. Через секунду вся компания несется прочь, перепрыгивая через мелкие кустики. Прыжки удивительны: животное как бы повисает в воздухе, распластавшись и откинув назад голову. Отбежали немного и снова застыли, повернувшись в нашу сторону. Красивое зрелище!

А солнце все ниже и ниже. Тени заметно удлиняются. Надо поворачивать к дому: за час до заката надо быть уже в лагере. Ну что же, надо так надо. И тут мы замечаем автомобиль, который спешит наперерез. Останавливаемся, ожидаем. Машина подъезжает вплотную, и шоферы обмениваются несколькими фразами на суахили. На заднем сидении подъехавшей машины две пожилые дамы и такого же возраста джентльмен. Не опуская стекол, он молча приветствует нас, подняв руку. Снова трогаемся, но почему-то

не к дому, а в степь, к темнеющей вдаль стене тростника. В ответ на наш вопрос Мбингу коротко отвечает: «Симба!» Симба — на суахили лев. Отлично! На львов мы готовы смотреть сколько угодно. Быстро достигаем края болота, вдоль него, отделенная от тростника полосой кочкарника, идет довольно хорошая дорога. Машина резко прибавляет ходу. Среди кочек, метрах в пятидесяти от нас, неожиданно появляется пара бородавочников — самка с поросенком. Они стремительно удирают, подняв вверх тонкие хвосты. Вот они уже в тростнике, даже аппаратами мы не успели щелкнуть!

Дорога поворачивает вправо, потом еще поворот и... вот оно! У самой дороги, на ровной зеленой луговинке, лежат четыре львицы. Лежат как мертвые, даже головы не приподняли при нашем появлении. Останавливаемся в середине этого сонного квартета, смотрим, ждем. Проходит минута, пять, десять. Становится скучно. «Поехали!» Нехотя трогаемся, и тут вдруг одна из львиц поднимает голову, затем резко встает, потягивается и решительно отправляется к тростникам. «Там львята!» — и шофер пытается последовать за львицей. Но машина не в состоянии преодолеть кочкарник и после нескольких толчков останавливается. К счастью, вскоре из зеленых зарослей появляется львенок, толстый, пятнистый, большеухий. Он еще не совсем уверенно стоит на неровной земле, путается в траве, а тут еще наша машина задом выбирается из кочек и преграждает ему дорогу к матери. Боязливо оглядываясь, он обходит автомобиль и устремляется к одной из лежащих львиц. Та уже не спит, она смотрит на нас и, когда львенок наконец прижимается к ее боку, начинает нежно его облизывать. А из тростника появляется второй, затем третий львенок, а за ними еще и еще. Одни маленькие, как и первый, другие заметно крупнее, но все такие мягкие, такие пушистые! Каждый безошибочно находит свою мать. Возвращается с детьми и львица, уходившая в заросли. Теперь все в сборе, и от сонного настроения не осталось и следа. Львята играют, задирают друг друга, теребят матерей.

...Солнце из белесого становится оранжевым, потом краснеет. Зарозовело, зазолотилось и небо, четче стал проступать фиолетово-синий цвет далеких гор. Быстро опускаются сумерки, под акациями густеет темнота. Мы спешим к лагерю. Стада гну и зебр готовятся к ночлегу, часть животных уже лежит, другие тихо бродят, выбирая место для сна. Они неохотно расступаются, когда мы пересекаем им дорогу.

Внезапно машина останавливается. Мбингу показывает куда-то вперед, он возбужден, заметно волнуется. Мы ждем появления какого-нибудь нового зверя и не сразу понимаем его.

— Килиманджаро!

— Килиманджаро? Где?

Горизонт чист, там нет никаких крупных гор. И вдруг... Высоко-высоко, чуть ли не над головами, совсем не на земле, а пря-

мо в небе неясная белая полоса. Хватаем бинокли: да, это она, легендарная вершина, плоская, огромная, далекая. Совершенно невероятно: мы смотрим на Килиманджаро! Снега Килиманджаро! И мы благоговейно молчим.

Днем эта величайшая гора Африки не видна: высокое солнце, нагретый воздух и пыль обесцвечивает ее краски, растворяют ее в мареве. Только вечером и по утрам, да и то не каждый день, удается увидеть Килиманджаро. Да, нам повезло! Очень повезло!

Красный шар солнца еще над горизонтом, небо полно золотистой голубизны, а на земле ночь. Черными массами стоят деревья, черными скалами кажутся переплетения кустов. Мбингу включает фары, и мы видим проносящихся в их свете крупных ночных бабочек. Становится заметно холоднее, нужно закрыть люк и окна. Наконец среди стволов замелькали огоньки. Это лагерь. Через минуту мы разбредаемся по своим палаткам.

Окончательно стемнело. Появились звезды. В лагере тихо, но он не спит. Перед каждой палаткой на столике — яркая лампа, и весь лагерь кажется празднично иллюминированным. Со стороны кухни, позади палаток, слышатся негромкие голоса, тянет дымком. На центральной площадке горит костер, в креслах — неподвижные фигуры. Уставшие за день туристы молча смотрят в огонь.

В столовой много народу, и мы с трудом находим свободный стол. Слышна английская, немецкая, французская речь, позвякивают ложки, ножи. Опять суп, рыба, сыр и кофе. А потом мы занимаем кресла у костра, долго сидим, почти не пытаясь разговаривать, изредка подкладывая в огонь корявые, похожие на саксаул поленья. Но усталость берет свое, и все постепенно расходится по палаткам. Тогда мы, трое самых неутомимых, приступаем к осуществлению давно задуманного плана: пройтись по ночной саванне.

Вдали от ламп и костра ночь оказывается не такой уж темной. Взошла луна, и в ее свете почти белыми кажутся истоптанные тысячами копыт пятна голой земли. Зато под деревьями густая чернота. Мы идем тихо, близко друг к другу, до предела напрягая слух и зрение. Но ничего не видно, во всяком случае подозрительного. Уже исчезли вдали огни лагеря. Кругом только тени и серебристое лунное сияние. И ничего живого, будто все вымерло. И вдруг с противоположного конца поляны, из темноты, раздается пронзительный вопль. Мы замираем, потом садимся: так видно дальше. Но все тихо. Осторожно поднимаемся, и тут же совсем близко раздается другой звук — легкое шуршание травы. Оно доносится из черной громады кустов и акаций. Кто-то большой тихо двигается в темноте. Кто? Слоны? Носорог? Поминутно останавливаясь, не спеша, без резких движений мы начинаем отступать. И хотя в ту ночь с нами ничего не случилось, мы были бесконечно рады увидеть лагерные огни. И уже только когда я лег в постель, догадка внезапно озарила меня: голос принадлежал гиене! Ну конечно, как же мы сразу не узнали? А вот кто шуршал?..

Гасим лампу, застегиваем палатку, забираемся под прохладные простыни. День был как год. Я закрываю глаза и вижу иссушенную солнцем землю, жесткую редкую траву, плоские шапки акаций. И стада зебр и гну: вереницы черных точек на желтой равнине. А в небе кружат грифы...

...— Бвана, тембо!

Я вскакиваю, пол неприятно холодит ступни. В полутьме рассвета вижу в дверях палатки боя. Тембо? Тембо — это слон, но откуда он? В чем дело? А бой уже будит соседей. И тут же все понимаю: резкий, визгливый, отрывистый звук, кажется, встряхивает палатку. Слоны у самого лагеря! Бросаюсь к двери и, как был, в трусах и майке, погружаюсь в холодный предрассветный туман.

В полусотне метров, вдоль лагеря крупными шагами, чуть приседая на задние ноги, идет слон. Огромная серая фигура движется удивительно легко, совершенно беззвучно, точно плывет в мутном свете начинающегося дня. Уши развернуты, поставлены парусами, хобот, извиваясь, резко поворачивается то вправо, то влево: слон раздражен, обеспокоен. Внезапно тот же пронзительный звук — не то визг, не то рев — наполняет лагерь. Еще минута — и слона уже не видно.

Я оглядываюсь. У всех палаток поеживаются от холода полуодетые люди. Лица взволнованные, испуганные, счастливые. И тут я вспоминаю: так вот кто шуршал травой ночью!

Восток залит золотистым сиянием. Из-за горизонта выплывает красное солнце. Черные силуэты акаций резки, отчетливы; под деревьями, среди кустов еще держится сумрак. На ветвях одного из деревьев целые гирлянды ночевавших здесь грифов. Птицы уже проснулись. Скоро одна за другой они поднимутся в воздух, чтобы узнать, что принесла им прошедшая ночь. Начинается новый день. День, полный чудес.

Об авторе

Флинт Владимир Евгеньевич. Родился в 1924 году в Москве. По образованию зоолог, кандидат биологических наук. Имеет около ста научных работ. Опубликовал в журналах очерки — «Я видел гнездо стерха», «На берегах Виктории-Нила» и другие. В альманахе выступает вторично. Сейчас работает над книгами об исчезающих животных и о поездках в Африку — «Львы дают интервью».

Е. Васильева,
И. Халифман

ВТОРОЙ ВАРИАНТ

*

Очерк

Отрывок из сопроводительного письма, посланного с находкой

...Как только стало ясно содержание связочки тетрадей, обнаруженных в институтском архиве, мы решили, расшифровав записи, познакомить вас с ними. Стенограмма писана, конечно, по старой системе. Ох и помывались с переводом! Думаем, материал составлен между 1960 и 1970 годами. Но может быть, и ошибаемся... Фамилии в тексте проверили, они реальны, цитаты точны. Словом, это деловой обзор, правда «несколько» устаревший, но в том-то его прелесть.

Добавлю: на обложке наискосок написано: «В т о р о й в а р и а н т».

Сама стенограмма начинается со второй тетради, первая заполнена несколькими разрозненными отрывками, вроде бы эпиграфами.

Сначала идет выписка из неустановленного пока источника, озаглавленная: «О б я з а т е л ь н ы е т е м ы д е т с к и х и н е д е т с к и х м е ч

таний, или варианты фантастических сюжетов, используемых взрослыми, когда они пишут для ребят старшего и старого возраста». Вот тексты самих заметок: «...Омолодиться... Стать невидимкой... Превратиться в гиганта или лилипута... Летать как птица... Оживлять статуи... Одаривать речью животных... Путешествовать в прошлое и будущее... Разум человеческий всегда был жажден до чудесного и искушаем невозможным. На протяжении всей истории мы видим его верящим во всякие мифы, сочиняющим фантазии, каждая из которых может рассматриваться как самозадание, выраженное в образе. Так удовлетворяется скрытая мечта, так деятельный ум побуждается к дерзаниям, которые, пожалуй, не могли быть подсказаны и одушевлены одним лишь здравым смыслом и строгим расчетом. В ряду таких самозаданий не последнее место занимает завоевание бессмертия...»

Далее приведена по-немецки цитата из Маркса; в ней говорится, что капитализм интересуется только максимумом рабочей силы, который можно привести в движение в течение рабочего дня, и что цель достигается сокращением жизни рабочего. Рядом вклеен вырезанный из Программы Коммунистической партии Советского Союза текст всего раздела: «Забота о здоровье и увеличении продолжительности жизни».

Цветным карандашом обведена цитата из романа Стефана Цвейга «Нетерпение сердца»: «...каждый из нас привык с благоговением относиться к докторам... То и дело читаешь в газетах, что за чудеса они творят: зашивают раны на сердце, делают пересадку глаз... Стало быть...» На этих словах цитата оборвана.

Далее приведено известное высказывание Максима Горького из письма С. Т. Григорьеву: «Нимало не удивлюсь, если вскорости открыто будет действительное и мощно действующее средство для продолжения жизни, хотя мечту многих о бессмертии — считаю глупой...»

Особое место в первой тетради занимает короткая поэтическая дискуссия: строки звенят, рифмы сверкают, как рапиры.

Сначала Вадим Шефнер: «Нас не обманешь божьим раем, бессмертья нет, мы это знаем...»

За ним Михаил Светлов: «Никакого нам не надо рая! Только надо, чтоб пришел тот век, где бы жил и рос, не умирая, благородных мыслей человек!..»

И конечно, миниатюра Леонида Мартынова: «Люди будут жить по полтора ста, а быть может, и по двести — триста лет, но не вырастет такая каста, для которой вовсе смерти нет. Полтысячелетие — и basta! А быть может, это тоже бред — ограничивать пятисотлетием? Ну, посмотрим, по вопросам этим создан будет Всеземной совет».

Последняя страница отведена чистой науке. Выписка из трудов академика И. А. Ребиндера: «Второй закон термодинамики

требует смерти всего родившегося. Но он не устанавливает срока жизни. В нем отсутствует понятие времени, а это обычно упускают. Существо может жить практически безгранично, и это не будет нарушением второго закона». Потом две строки из польского сборника «Кибернетические вопросы процесса жизни». Вот они: «Для организмов характерно стремление возможно дольше прожить, выражающееся уравнением $\int_0^{tx} S \cdot P_a \cdot dt = mxt$ ».

Во всей рукописи нет указаний на то, кто ее автор. Может, вы по каким-нибудь косвенным данным догадаетесь? При всех условиях хочется знать, чего стоит находка...

О враче Гуфеланде и памятнике, которого он удостоен

В старости Линней любил повторять, что он не вступает ни в какие дискуссии. «Лета мои, коих я достиг, мои занятия и характер запрещают мне поднимать перчатку, бросаемую противниками. Через их голову я обращаюсь к потомству!» — отвечал ученый на уколы и выпады явных недругов и скрытых недоброжелателей. Он не ошибся в ожиданиях. Потомство сохранило не только общие принципы систематики, разработанной первым инвентаризатором живой природы, но и многие придуманные им названия растительных и животных видов.

Однако мало кто из пользующихся его номенклатурой помнит, что великий швед совсем не был склонен к всепрощению, что он и сейчас подсмеивается над отравлявшими ему жизнь умными и неумными противниками.

Ядовитое растение, зарегистрированное как «бюффония», получило название в честь давнего Линнеева врага Жоржа Бюффона... Уродливая «плюкенетия» сохранила для будущего имя ботаника Плюкенета, высказывавшего по меньшей мере несообразные мнения насчет трудов Линнея.

Как видим, даже сухая и постная терминология биологов отмечена родимыми пятнами живой истории науки. Подобно топонимике, показавшей, что в названиях гор и урочищ, рек и городов живут отзвуки истории стран и народов, зоо- и фитонимика помогают обнаруживать в названиях растений и животных либо их происхождение, либо их приметы и свойства, либо даже отзвуки гремевших когда-то дискуссий, распрей школ, столкновений течений, интересов...

Существуют в этом языке натуралистов также и почетные, трудом приобретенные памятники-названия, которыми увековечены имена маршалов науки и ее рядовых, дело и смысл их жизни. Взять, к примеру, Макробиотуса Гуфеланди — вид из класса Тардиграда (тихоходки). Напоминающая микроскопического научка

тварюшка, высохнув, по виду ничем не отличается от песчинки или пылинки, а в то же время сохраняет способность воскреснуть, ожить. Попад в влажную среду, мертвая песчинка вновь становится нормальной тихоходкой. Разве не настоящей находкой было присвоить этому существу имя Вильгельма Гюфеланда — немецкого врача конца XVIII — начала XIX века, автора одного из первых капитальных трудов об искусстве предотвращения преждевременной старости? Называлось это сочинение «Макробиотика, или Средство продлить человеческую жизнь».

В сущности вся медицина со дня возникновения и до нашего времени стремится к этой цели, сосредоточивает усилия на борьбе с болезнями, добивается prolongации жизни через ликвидацию причин, прямо или косвенно ее сокращающих.

«Не подлежит сомнению, — писал К. А. Тимирязев, — что с успехами предупредительной медицины и гигиены явится возможность значительно увеличить среднюю продолжительность жизни». В другом месте ясно намечается и второй вариант решения задачи: «Если бы были устранены все внешние причины, грозящие жизни, могла ли бы она быть продолжена на неопределенное время? Другими словами, являются ли старость и смерть необходимыми последствиями жизни? Многим это представляется лежащим вне сомнения. Но некоторые физиологи, как Мечников, думают, что сама старость только форма и результат болезни».

Конечно, Мечников намного опередил свое время, когда во «Введении в научное изучение смерти» бесстрашно утверждал: «Привыкли считать смерть чем-то столь естественным и неизбежным, что с давних пор на нее смотрят как на свойство, присущее всякому организму. Однако, когда биологи стали ближе изучать этот вопрос, они напрасно искали какого-нибудь доказательства этому мнению, принятому всеми за догмат».

Мечников считал не только желательным, но и возможным изменить состояние старости. Счастливый, насыщенный жизнью, свободный от болезней человек будет без страха смотреть в неотвратимое будущее.

Передовые люди века горячо поддерживали ученого. «В настоящую минуту трудно даже подсчитать то сбережение духовных сил и представить себе то бодрое душевное настроение, которое должно наступить с реальным устранением дисгармоний нашей природы, — писал профессор Н. А. Умов по поводу мечниковских «Этюдов о природе человека». — Осуществление мысли Мечникова сделать старость физиологической и развить инстинкт смерти соответствует изменению нашей природы, обильному последствиями для высших проявлений духовной жизни человека».

Прошло немногим больше полувека с тех пор, как Мечников окончил жизненный путь, завещав своим последователям не расходовать время и силы на изобретение магических средств бессмертия, на создание волшебных таблеток от старости или открытие чудодейственных способов омоложения, но терпеливо, настойчиво

изучать механизм нормального старения, чтоб на основе добытых знаний разработать методы предупреждения ненормального или преждевременного старения. Решение такой задачи биологически связано с цепью явлений, родственных тем, которые воплощены в уже упоминавшейся тихоходке, или тем, которые мы обнаруживаем у общественных насекомых, о чем речь впереди.

Тихоходка и ракетоплан, летящий со скоростью света

Пожалуй, наиболее каверзной из трудностей, с какими сталкивается автор научно-фантастического произведения, когда задумывает отправить космический корабль с Земли к планетам дальних галактик, остается проблема сохранить путешественникам жизнь до прибытия к цели.

Пусть даже ракетоплан несется со скоростью солнечного луча, а время для космонавтов течет медленнее, чем на Земле. Все равно продолжительность сверхдальних полетов не укладывается в рамки человеческой жизни. Самые масштабы предприятия вступают в противоречие с возможностями отдельного человека.

Чтобы выйти из положения, писатели-фантасты наделяют своих героев некоторыми свойствами тихоходки Макробиотуса.

У природы, скажем наперед, есть не один способ решить задачу продления жизни. В греческом мифе о мойрах первая из них, по имени Клото, держит прялку, вторая, Лахесис, прядет нить жизни. Она владеет, оказывается, множеством (и чем дальше продвигается наука, тем больше их становится известно) разных приемов и уловок, которые делают свитую нить прочной и гибкой. Побеждая в мечтах всемогущую третью мойру — Атропос — с ее ножницами, обрезающими нить жизни, греки создали в своем эпосе как бы противовес мрачному мифу о трех сестрах-пряках... Геракл, он же Геркулес римлян, осиливает саму смерть подобно героям сказок русского и других народов. Спящая красавица возвращена к жизни жарким поцелуем... Богатырь, павший на поле брани и уже истекший кровью, воскресает, едва его спрыснут живой водой... Даже в предание о Гидре — у нее на месте отрубленной головы отрастает новая — вплетен все тот же мотив неодолимости жизни.

У этих полудетских мечтаний человечества есть, если вдуматься, грани соприкосновения с действительностью, точки опоры в реальном мире. В конце концов, пусть односторонне, пусть преувеличенно, иллюзорно, фантазмагорически, все они отражают некие реальные свойства и черты органической жизни.

Та же Гидра с головой, отрастающей на месте отрубленной, или мифическая обоюдоголовая змея Амфисбена — разве это чистый вымысел?

Оставим романтических красавиц и закованных в доспехи сказочных богатырей, вернемся на землю и, чтоб далеко не ходить, посмотрим себе под ноги, где, извиваясь, ползет дождевой червь, отнюдь не прекрасный и предельно голый. Этого червя мы впервые увидели еще в раннем детстве и тогда уже узнали, что его можно разрубить надвое острой лопатой, а он продолжает жить: у него голова отрастает на месте отрубленной, а бывает, образуется вместе отрубленного хвоста. Как же легко мы об этом забываем, как быстро перестаем удивляться, как незаметно приучаемся проходить мимо обыденных чудес природы.

Разве в опытах итальянца Лаццаро Спалланцани у легочных моллюсков на месте удаленной головы не выросла новая? Разве не появляется у краба клешня взамен отломанной? Разве истертые в пыль губки не собираются затем в живые системы? Ведь если даже смешать живую массу двух разных губок — лиссодендорикс и микроциона, то клетки каждого вида вскоре соберутся, образуя свой самостоятельный живой комплекс.

Разве не то же происходит у полипов?

Сколько подобных примеров привел Абраам Трамблэ в своих полузабытых теперь «Мемуарах к истории одного вида пресноводных полипов с руками в форме рогов»! Трамблэ показал, что полипы не только воспроизводят утраченные части, но даже восстанавливаются целиком из отдельных отрезков.

Современник Трамблэ профессор Руанского университета Ле Ка торжественно предсказал: «Две вещи прославят в веках главные прозрения XVIII века — это, во-первых, открытие электричества и, во-вторых, открытие пресноводных полипов».

В те времена послы регулярно доносили дворам о ходе опытов с полипами, проводимых Трамблэ и всеми, кто по его примеру изучал явление регенерации. Жадный интерес к почти неизвестным дотоле полипам вполне понятен. Его питала обольстительная, хотя и смутная, догадка... Ведь здесь природа как бы приподнимала завесу над тайной жизни и смерти.

Не случайно лейпцигский профессор теологии Х. А. Крузиус в двухтомном «Наставлении к добропорядочному и осторожному размышлению над природными явлениями» именем церкви объявлял греховными мысли тех, кто противопоставляет свои дерзкие помыслы воле всевышнего. Но заклинания Крузиуса не смогли помешать новым открытиям в опытах на иглокожих, членистоногих, даже на позвоночных — амфибиях, рептилиях. Регенерация — свойство восстановления утерянных частей тела — оказалась широко разлитым явлением в живой природе, и не только в мире флоры, но и фауны.

Подумать только, все эти турбеллярии, хламидомоны, вся чуть ли не схоластическая премудрость, построенная из обломков латинских и греческих корней! С облегчением оставляем мы этот скучный груз в школьном учебнике биологии, так и не узнав ни о тех надеждах, которые возлагались на них в

прошлом, ни о тех обещаниях, которые заключены в них для будущего.

Но можно ли проходить мимо тихоходок с их поразительными резервами жизнеспособности? Уже Спалланцани показал, что не один, а многие их виды способны оживать после полного высушивания. Смело беря объекты для опытов с далеких друг от друга ступеней систематической лестницы и столь же смело сопоставляя внешне далекие друг от друга явления, Спалланцани (недаром он прозван Непистовым!) нашел, что зимняя спячка многих позвоночных сродни мнимой смерти тихоходки.

Тихоходок, живущих в сырых низинах и во мхах, можно, высушив, держать в сосуде с чистым водородом, где дыхание и окисление полностью исключены. Две недели в этой в прямом смысле слова убийственной атмосфере провели тихоходки у экспериментатора, а перенесенные на свежий воздух и увлажненные, ожили. Чем сильнее высушены тихоходки, тем медленнее возвращаются они к жизни. Пробуждение от смертного сна растягивается в иных случаях на 250—1000 часов. И все же, проснувшись, эти крохи живут нормально.

Исследователи пошли дальше. Предельно высушив, помещают они животных в жидкий воздух, потом в еще больший холод — в жидкий водород. Четверть часа при температуре минус 253° проводят здесь тихоходки, точнее, то, что когда-то было тихоходками. Их окунают и в жидкий гелий с температурой минус 269° , даже минус 271° . Отсюда рукой подать до абсолютного нуля, когда газы переходят в твердое состояние. До такой температуры даже сказка не осмеливалась замораживать Снегурочку! А тихоходки, проведенные через все круги этого ада, оживали после возвращения в нормальную среду.

Из холода их можно бросать в полымья. Высушенных тихоходок нагревают до 100° , в безвоздушной среде до 140° , и все же, перенесенные на сырой мох, они воскресают. Обыкновенная влага мхов оказывает действие не менее волшебное, чем живая вода сказки.

Если обобщить историю опытов с Тардиградой со времен Антония Левенгука до наших дней, то тихоходок, пожалуй, вернее назвать не долгожителями-макробиотусами, а бессмертниками-имморталями.

После многих лет изучения зимней спячки животных наш соотечественник профессор Хорват признал: «С физиологической точки зрения здесь все невероятно! Самые строгие из наших описаний были бы сочтены за басни, не имей мы возможности наблюдать их».

И это было сказано еще до П. И. Бахметьева с его потрясшими научный мир опытами плавного оживления насквозь замороженных, витрифицированных, как вскоре стали говорить, то есть о с т е к л е н ы х, животных разных видов.

Теперь временный выход из жизни прослежен до мельчайших деталей и в лаборатории, и в природе. Уже многое известно о том,

как осуществляется этот «невероятный с физиологической точки зрения» процесс.

Вот реснитчатые инфузории. Массами плавают они в лужах и канавах, но, по мере того как солнце с каждой неделей поднимается выше и лужи подсыхают, инфузории изменяются. У них исчезают реснички, рот, глотка, плавно замедляются движения, потом вовсе замирает вакуола, оболочка сильно уплотняется... В новом состоянии (превратившись в цисту) инфузория выдерживает невзгоды, которые раньше ее сразу же погубили бы. Солнце полностью высушило лужи и канавы, жаркие лучи прокалили ил на дне и склонах, ветер поднял в воздух пыльное облако, а с пылью — цисты. Но инфузориям все нипочем. Обычно такие ненасытные, такие прожорливые, они могут теперь годами оставаться без пищи.

А вот пшеничная нематода, или, как ее когда-то называли, угрица, вредитель со звенящим, словно бубенчик, названием Ангилюлина тритици. Крошечные молодые угрицы живут в почве. Привлекаемые зеленью всходов, они пробираются в пазухи растения, вбуравливаются в ткань будущего колоса и одеваются как бы желваком из клеток пшеницы. В одном желваке — галле — может скопиться до 15 тысяч личинок. После того как микроскопический гарнизон вредителей пройдет две первые линьки, личинки высыхают в своих шкурках, и галлы заполняются массой тонких, сухих, неподвижных нитей. Отныне они, не меняясь, могут годами лежать с зерном в амбарах. Но стоит высеять зерно во влажную почву, нити набухнут, расправятся, выйдут в грунт и здесь, повторяя пройденное, дождутся зелени всходов. Известен случай, когда нематоды пролежали сухими 27 лет и ожили!

Вот другие черви, вот пиявки... Они проводят зиму, закопавшись в ил, неподвижные, ничем не питаясь... Вот гусеницы, превратившиеся в сосульку; излом их острый и ровный, упав, они со звоном разбиваются. Но сохраните их до весны, они оттают, и из них выйдут бабочки... Вспомним, как высыхают разные мелкие членистоногие, как окоченевают лягушки подо льдом в болотах, летучие мыши в пещерах, в дуплах, как цепенеют грызуны в норках, как спят летом тропические животные.

Некоторые тропические рыбы, когда пересыхают русла, закапываются поглубже в ил, другие с помощью жаберных крышек передвигаются в поисках новых водоемов, а двоякодышащая Протоптерус сеннектес окружает себя плотной капсулой из слизи, выделяемой кожей, и в таком органическом боксе находится до тех пор, пока вновь не польют дожди...

Теперь оглянемся на необятный мир листопадных кустарников и деревьев. Ведь они зимуют в состоянии, аналогичном спячке животных.

Поставим в один ряд все формы анабиоза, инцистрирования, периодов покоя, регулярных перерывов в развитии некоторых насекомых (такие перерывы именуют диапаузой), даже имитирующие

смерть приспособления «притворяшек», широко известные по повадкам жуков-щелкунов. Во всем этом, как писал один из крупнейших знатоков проблемы, советский биолог П. Ю. Шмидт, «мы видим проявление своеобразной диалектики жизни — жизнь для сохранения своего создает отсутствие жизни, как бы временную смерть».

Что же это, только опыт философского осмысления наблюдаемого в природе, или здесь могут быть обнаружены и какие-то практические подступы к делу?

Люди давно учатся управлять продолжительностью жизни организмов.

Взять семена многих однолетних дикарей-сорняков. Осыпаясь из одного и того же колоса, из одной и той же корзинки, из одного и того же стручка или соплодия, они нередко лежат в почве рядом, на одинаковой глубине, в тождественных условиях. А прорастают не все сразу, а на протяжении ряда лет. Такими были когда-то культурные растения. Теперь они всходят в посевах дружно, поднимаются в рядках сомкнутым строем и так же дружно колосятся. Поэтому каждый раз, «когда волнуется желтеющая нива», это зрелище воспринимается как победа труда, как праздник и торжество жизни. Мириады колосьев созревают, тихо шелестят на ветру, и никто не думает, что здесь собирает жатву смерть, что миллионы растений одновременно догорают, заканчивая свой жизненный путь.

Но есть места на земле, где урожай с посевов снимают не один раз в год. В лаборатории светофизиологии Ленинградского института агрофизики томаты плодоносят через 60 суток, то есть через 1500 часов после выгонки всходов. Это при всех условиях вдвое скорее, чем в поле. «Курьерское» растение, растение-стрела, растение-ракета! Вот каким стал томат в лабораторных теплицах.

Это тоже управление сроками жизни. Но здесь все пока только подготовительный класс...

Почти четверть тысячелетия назад, в 1719 году, Левенгук с помощью изобретенного им микроскопа открыл у многих мельчайших животных способность воскресать после кажущейся гибели. Заметим, что за 250 лет, прошедших с тех пор, люди науки все еще не пришли к единому толкованию фактов, открытых под линзами первого микроскопа, не решили, что же представляет состояние после прекращения видимой жизнедеятельности и до воскрешения организма: мнимая ли это смерть или скрытая жизнь?

Знаменитый Клод Бернар категорически утверждал, что в этих случаях жизнь останавливается, а не замедляется. Не менее знаменитый Сергей Навашин столь же уверенно заявлял: «Никто, рассуждая здраво, не скажет, что в засушенной и замороженной споре жизнь осталась «сидеть», как спящий сторож в будке. В такой споре, конечно, нет жизни». В наши дни биологи находят, что временная приостановка жизнедеятельности не меняет основного: сущностью жизни остается о б м е н в е щ е с т в.

При всем том широчайшая распространенность разных форм анабиоза позволяет рассчитывать, что, когда действующие здесь общие законы будут познаны, человек перешагнет порог приготовительного класса.

Об усаче из сапожной колодки и его собратях

Но не слишком ли высок порог? По росту ли он людям? Ставя эти законные вопросы, может быть, уместнее всего внимательнее присмотреться к насекомым. Ведь столько их изучено и описано за последние сто лет!

Вот, к примеру, наблюдение английского энтомолога Уотерхауза, случайно заметившего, что из его деревянной колодки для сохранения формы штиблет высыпается тонкая струйка опилок и трухи. Тщательно осмотрев деревяшку и опилки, Уотерхауз заключил, что в колодке живет личинка усача. Об этом сюрпризе энтомолог рассказал коллегам, а те посоветовали ему завести специальный дневник для наблюдений за личинкой.

Личинка оказалась достойной такого внимания: проведя под наблюдением в колодке свыше 10 лет, она сплошь источила дерево. Два с лишним стакана трухи собрал в качестве трофеев и вещественных доказательств Уотерхауз. И все же личинка так и не окуклилась, замерла из-за нехватки пищи. Всего она прожила, по расчетам ее биографа, 12 лет, а это минимум в три раза превышает срок жизни личинки усача в нормальных условиях.

Но и 12 лет для усача не рекорд. Мы убедимся в этом, когда от истории, словно заимствованной из «Записок Пиквикского клуба», перейдем к другой, кажущейся взятой напрокат из немецкой сказки с ее сентиментальными ужасами.

Тихим зимним вечером дед, сидя перед камином в своем резном кресле, которое было много старше собравшихся вокруг детишек, не спеша плел очередную повесть о гномах, великанах и привидениях. Все, затаив дыхание, слушали деда. Внезапно к его негромкому голосу примешались слабые, но вполне отчетливые скрип, царапанье, шорохи, наконец сердитый гуд.

Какой переполох поднялся, какой писк!

И вот при свете лампы все увидели здорового темного жука, который полз по спинке кресла, свесив невообразимые, длиннее всего тела усы... И еще все увидели в спинке кресла отверстие, из которого вышел жук.

Но ведь кресло было приобретено 15 лет назад. Сколько же времени развивался в нем усач?

Жука посадили в коробочку и, подробно описав обстоятельства, при каких он был обнаружен, отправили в музей. Специалисты опознали усача: это был Моногаммус конфузус.

И теперь тихими зимними вечерами дед рассказывал новому

**К очерку В. Флинта
«АМБОСЕЛИ — СЕРДЦЕ
МАСАЙСКИХ СТЕПЕЙ»**

Для борьбы с мухой цеце на доро-
гах устроены специальные пункты,
где проезжающие машины обраба-
тывают инсектицидами

Бесшумно и легко ступая, слон проходит в каких-нибудь пятнадцати метрах от нас

Чтобы узнать газель Томсона, достаточно взглянуть на хвост: он у томи длинный, черный и постоянно в движении

Стада гну готовятся к ночи: они тихо
бродят, выбирая место для сна

Зебры так близко, что хочется по-
гладить какую-нибудь из них по тол-
стому симпатичному крупу

На ветвях акации черные силуэты
ночевавших здесь грифов. Скоро
один за другим они поднимутся в
воздух узнать, что принесла им про-
шедшая ночь

Для носорога день кончается рано:
солнце еще не село, а он уже «сыг-
рал отбой». У африканского чибиса
здесь птенцы, и мать обеспокоена
неожиданным соседством

поколению внучат историю о жуке Моногаммус, которого в столичном музее перекрестили в конфузус якобы из-за конфуза, вызванного появлением его на свет.

Если отложить в сторону хотя бы и достоверные анекдоты в традиционном английском или немецком стиле и перейти к сухим протоколам, то мы найдем описания фактов, когда усачи выходили из мебели через 20, даже через 28 лет после рубки дерева. Один усач прожил по меньшей мере 45 лет. Ему был посвящен специальный доклад на заседании съезда энтомологов США.

Аналогичные казусы возможны не только в семействе усачей. Изба, в которой появилась на свет златка Бупрестис аурулента, принадлежала чуть ли не старику со старухой из пушкинской сказки: 63 года(!) провела личинка этого жука в потемневшем продывленном бревне, прежде чем развилась в совершенное насекомое — имаго.

Известны без преувеличения тысячи опытов, когда личинки, получая несвойственную им пищу, росли в несколько раз медленнее, чем на естественном корме.

Но вправе ли мы рассматривать удлинение срока одной стадии как увеличение продолжительности всей жизни? Видимо, да! Возьмем, к примеру, цикад, которых греческий поэт Ксенаρχ объявил «счастливейшими созданиями, чьи жены безголосы и немы». Личинки этих насекомых зарываются в почву на глубину чуть ли не в десять метров и проводят здесь многие годы. И вот что стоит отметить: ближе к тропикам эта цикада развивается 13 лет, а в более северных широтах — 17, то есть почти на четверть дольше нормального срока. Дозревающие насекомые лепят на поверхности почвы что-то вроде трубки высотой в несколько сантиметров. Через этот ход они и пробираются наружу, вползают на растение, в последний раз линяют, выходят на свободу в форме имаго и несколько дней оглушительно стрекочут (если это самец), призывая немую самку.

Кто не знает майского жука? Личинка его живет в почве три года, но, если на это время выпадает засуха, взрослый жук появляется на год позже. И здесь тот же парадокс: вследствие неблагоприятных условий срок жизни возрастает на целую треть!

Казалось бы, все зависит от внешних обстоятельств. Это бесспорно, однако дело здесь не так-то просто.

Вот, скажем, бабочки-мешочницы — недостаточно изученный родич всем знакомых молей. У мешочниц взрослые самки бескрылы и похожи на личинок. «Самки, — указывает один из классиков энтомологии, — никогда не покидают своих коконов, но откладывают яйца внутрь, да кроме того и внутрь своей куколочной оболочки, где из них вылупляются молодые, крайне многочисленные гусенички».

По правде говоря, не так уж много известно насекомых, которые заканчивают развитие, не успев переступить порог дома ни одной из своих шести ножек.

Спору нет, мешочницы — уникам, но разве поденки-эфемериды так уж далеко от них ушли? Трудно даже сообразить, с чего начать рассказ о жизни этого семиглазого (два глаза — фасетчатые столбики, два других тоже фасетчатые, из сотен фасеток, словно на висках, и сверх того три простых глазка на темени), безротого («ни следа каких бы то ни было ротовых органов» — свидетельствуют справочники), зато, как правило, дву-, а то и треххвостого создания. У поденки две пары крыльев, а длинное вытянутое брюшко ее — это надутый воздухом хитиновый пузырь, и только. Ведь рта у насекомого нет, для чего же ему пищеварительный тракт?

Первые стадии жизни поденка проводит в воде. Здесь из яйца выходит личинка, постепенно растет, превращается в личинку. Она дышит трахеальными жабрами, а после двух десятков линек, когда развитие завершено, личинка становится нимфой, и трахеальные жабры сбрасываются. Тут обитатель водной стихии взмывает в воздух.

«Это совершается почти мгновенно, — писал английский натуралист Джон Леббок. — Нимфа всплывает на поверхность воды, кожа у нее на спинке лопается, и сразу же окрылившееся насекомое поднимается в воздух и улетает. С момента появления первой трещины на спинке нимфы до отлета окрыленного насекомого не проходит и десяти секунд».

Роями толкуются поденки над водой, то падают, то взлетают на своих кисейных крыльях. В этих воздушных балетах встречаются оба пола, после чего мгновенно самки откладывают яйца, вернее, выбрасывают их над водой. Пакеты яиц быстро рассыпаются, расплываются, и яйца (блестящие точки) одно за другим тонут.

Некоторые виды поденок, погрузив брюшко в воду, откладывают яйца на камнях и растениях вдоль берега. Ни одно окрыленное насекомое не успевает увидеть солнечного света. «Супружеские и родительские обязанности выполняются в течение одной ночи и заканчиваются до наступления утра. Смерть настигает производителей еще до восхода солнца». Французский энтомолог Реомюр, засвидетельствовавший это, добавил, что описанные виды могут считаться настоящими Мафусаилами среди своих сородичей; большинство их существует в форме имаго всего лишь час, даже полчаса.

Из яиц через шесть-семь месяцев вылупляются личинки, а их развитие растягивается нередко на годы.

При благоприятных условиях поденки-эфемериды годами готовятся появиться на свет, проводят окрыленными считанные часы или даже минуты и погибают. Однако, если погода мешает полетам, их жизнь в виде закончивших развитие насекомых может продлиться до двух недель, то есть в д е с я т к и раз.

Какой же вывод мы вправе сделать из повести об усаче и его шестиногих собратях? Если история тихоходок и целого сонма их дальних и ближних родичей свидетельствует о присущей им способности переходить к скрытной жизни, то здесь, пожалуй,

все говорит о свойстве насекомых изменять для сохранения жизни длительность отдельных этапов метаморфозы.

По справедливому замечанию одного из крупнейших русских энтомологов, Н. А. Холодковского (это замечание сделано в статье о роли обобщения в биологической науке), природа так ослепительно сложна, так многостороння, что в ней могут встретиться неожиданные, разбивающие самые, казалось бы, логичные рассуждения. Обобщение представляется нам и близким, и естественным, как вдруг природа указывает совершенно иное решение вопроса.

Такое иное решение мы находим в биологии некоторых общественных перепончатокрылых. Между прочим, на этом примере мы имеем возможность выяснить, в какой мере предопределена продолжительность жизни отдельного насекомого, инстинктивно говоря, насколько она зависит от Клото — первой из трех сестер-прях.

О подземных согнездиях, заселенных Галиктами, и о секретах их общин

Во всем мире зарегистрировано около 20 тысяч видов пчел, относящихся к 18 семействам и 700 родам. В одном из них, а именно в роде Галикт, югославский биолог С. Грозданич и французская исследовательница С. Плято-Кеню независимо друг от друга открыли форму семьи, совершенно непохожую на известные донные у общественных насекомых.

Жизнь семей Галикты каемчатой (маргинатус) представляет собой настоящий сгусток диовин.

Черные или черно-зеленые галикты вдвое меньше медоносной пчелы. Они гнездятся в почве, проводя под землей фазы личинки и куколки, даже большую часть фазы совершенного насекомого, что само по себе уже довольно неожиданно для крылатых созданий. По этой причине галикты не часто попадают на глаза даже там, где больше всего распространены, — в южных, теплых краях.

Вот, перезимовав и дождавшись в своих подземных гнездах весны, разбуженные теплом галикты принялись открывать выход на поверхность, к свету. Вокруг уже все цветет, и пчелки находят в венчиках сколько угодно питательной пыльцы и нектара. Подкрепив силы (пчелы зимуют без всяких запасов), они принимаются каждая сама для себя прокладывать почти отвесный ход, ведущий на 30 сантиметров в глубину почвы. Галикта вырывает этот колодез поблизости от недавно покинутого материнского гнезда. Так и возникают разрастающиеся с годами городища галиктовых гнезд. В самом низу галикта вырывает пять-шесть ниш, каждая чуть больше горошины. Стенки их подобно стенкам самой шахты спрессованы и сглажены, потом строители облицовывают их смолой, своего рода глазурью.

Соорудив ячейки, галикта сносит в них пыльцу и нектар с растущих вокруг входа цветов. Корм укладывается аккуратными, плотно спрессованными хлебцами. Когда последний хлебец готов, галикта поднимается из ниши, как бы собираясь в новый фуражировочный полет. Но на этот раз, добравшись до входа, она останавливается и начинает, пятась, заваливать изнутри шахту, которую так старательно строила. Остаются лишь несколько последних сантиметров коридора и связанные с ним ячейки. В отрезанном от мира подземелье галикта откладывает яйца — по одному на хлебец.

Это происходит примерно в июле. Из яиц вскоре вылупляются личинки. Быстро поедая хлебец, на котором они лежат, личинки окукливаются и засыпают. К началу сентября (в эту пору на юге, где водятся галикты, еще сухо и тепло) в ячейх выводится первое поколение пчелок, ничем на вид не отличающихся от матери. Их всего пять-шесть, по числу ячеек. Молодые пчелки остаются в гнезде с матерью — основательницей подземного поселения. Вялые, без корма (он начисто съеден личинками) ползают они из ячеек в ячейку, облизывают друг друга и мать. Между тем почва остывает, и все население гнезда впадает в состояние покоя, засыпая натошак до весны. Жизнь в галиктах поддерживается теперь только питательными веществами жирового тела: у матери оно образовалось во время весеннего кормления, а у дочерей — еще тогда, когда они личинками поедали свой пыльцевой хлебец.

Пока пчелки спят, присмотримся к населению гнезда. Перед нами семья: мать и ее дочери. Такие семьи, правда неизмеримо многочисленнее, известны у ос, шмелей, медоносных пчел, муравьев, термитов. Но у этих насекомых молодые поколения, живущие с матерью, состоят из особей, заметно отличающихся от обоих родителей и повадками, и строением тела. Они практически бесплодны, в воспроизведении вида участвуют только как кормилицы самок и самцов, только как воспитательницы новых поколений. Это и есть физиологическая каста (стаза) рабочих. У галикта, напротив, дочери ничем не отличаются от матери, какой она была в молодости.

Итак, старшая пчела, окруженная похожими на нее дочерьми, зимует в подземелье. С весенним теплом жизнь здесь просыпается. Но мать теперь свободна: все, что раньше делала она, выполняют ее дочери. Они восстанавливают ход из гнезда на поверхность земли, ремонтируют построенные матерью ячейки, сооружают рядом новые. Сильными ножками и жвалами молодые пчелки быстро выбрасывают грунт на-гора. Вокруг выхода вырастает земляной валик. Первое время, пока грунт не успел просохнуть, валик свежей земли хорошо заметен. Просыхая и спекаясь на солнце, грунт превращается в неровный комок почвы. Внутри он пронизан отвесным каналом диаметром с карандаш. Нечто подобное трубам, которые слепляют из почвы, выходя на волю, нимфы цикад... Через гладкий, почти лакированный шахтный колодец молодые га-

ликты выскальзывают под открытое небо и, впервые расправив крылья, принимаются летать.

Теперь они добираются до корма, который ждет их в раскрывшихся цветках. Пчелки купаются в ароматных венчиках, вываливаются в золотой муке пыльцы, жадно едят ее, запивают нектаром.

Пока молодые пируют в цветках, мать одиноко бродит по опустевшему подземелью, необыкновенно чистому после ремонта и еще пахнущему глазурию стен. Оставленная всеми, она ждет. И вот начинают возвращаться насытившиеся и опудренные цветным дочери. Одни кормят мать пылью и нектаром, другие тем же кормом загружают ячей.

В гнезде теперь не менее 15—20 ячей, и в каждой лежит плотный пылевой хлебец, сдобренный нектаром. Пчелки перестают вылетать и принимаются, точь-в-точь как это делала прошлым летом их мать, заваливать изнутри ход песком и пылью. Опускаясь вниз, они отрезают гнездо от внешнего мира.

Эти пчелки вдвое моложе матери, но она продолжает жить, а дочери, разрушив ход в подземелье, одна за другой засыпают навсегда. Тела их оказываются обычно где-нибудь в уголке гнезда, в одном месте.

Удивительно выглядит это само собой возникающее кладбище с остатками крылатых галикт. Прожили они по году, чуть не все время провели под землей и, проработав на цветках лишь несколько дней, примерно одну двадцатую срока жизни, успели на год вперед накормить мать и снабдить пропитанием новое поколение ее дочерей, которым предстоит появиться.

Первая генерация потомства старой галикты погибла, но жизнь в устье шахты и нишах ячей не прекращается. Основательница гнезда, как и в прошлом году, откладывает на каждый пылевой хлебец по яйцу. Через положенное время вылупляются личинки, принимаются поедать собранный покойными сестрами корм, потом окукливаются, наконец, просыпаются в облике молодых галикт, одинаково похожих и на прошлогодних своих сестер, и на мать. Это пчелки второй генерации. Как и первые, они выводятся к началу сентября, ползают под землей вокруг матери, лижут и чистят друг друга язычками и, ни разу не покинув подземелья, не покорившись, зазимовывают.

Следующую весну, третий год жизни, встречает община, состоящая из старой галикты-матери и уже 15—20 ее дочерей, в точности повторяющих судьбу первого поколения рабочих. Через год гнездо будет состоять примерно из 50 ячей, из них вылупится 50 молодых галикт. Еще через год их станет 150, но порядок жизни в галиктовом гнезде неизменен. Разве только толчея пчел в подземелье становится все более оживленной, а холмик вокруг отвесного хода в гнездо весной все выше, все заметнее.

Но вот наступает еще одна весна, предпоследняя для взятого под наблюдение гнезда и последняя — пятая, иногда шестая — для матери-основательницы. Холмик и труба над выходом подня-

лись уже на пять — семь сантиметров, так высоко, как никогда в прошлом. Теперь строители ремонтируют и сооружают в общем до 500 ячеек, и грунта выбрасывается чуть не в сто раз больше, чем в первый год. Гроздь сферических ниш вокруг основания колодца стала большой и плотной. Когда пчелки начинают летать за кормом, у входа царит невиданное оживление. Фуражиры беспрерывно снуют двумя встречными потоками.

Но вот хлебцы уложены, ход запечатан, колодец разрушен, молодые — им всего по году! — галикты собираются на кладбище и здесь засыпают. А старая пчела-основательница, прожившая уже пять лет, снова засеивает все хлебцы.

Если бы дела шли, как и в первые годы, семье опять зимовать отрезанной от мира. Но на этот раз подземелье остается закрытым не до вешних дней, а только до осени. Впервые за все время после основания гнездо открывается сразу после того, как в ячейках проснутся молодые галикты, то есть к началу сентября. И теперь наружу ведет не общий, совместными силами проложенный коридор, а многочисленные неправильные ходы. По ним выбираются на волю молодые, первый раз появившиеся в семье самцы. Покидая свое подземелье, они улетают к чужим. Они ищут ходы в созревшие гнезда, где их ждут молодые самки. Самцы не слишком удаляются от дома: к ночи все возвращаются, а с утра опять возобновляют поиск невест.

Возвращение на почевку в родной дом — черта, свойственная у галикт лишь самцам вида *маргинатус*. У многих других видов известны так называемые ночные клубы, ночлежные сборища самцов. Листаешь работы, посвященные этим ночным клубам, рассматриваешь фотографии и не перестаешь удивляться. Голые стебельки, веточки, побеги облеплены комками тесно сгрудившихся насекомых. Что собирает их здесь? Помечая ночлежников капельками быстро сохнущей краски, убеждаешься: многие прилетают сюда и завтра, и послезавтра.

Но вернемся от этой удивительной и еще не имеющей объяснения повадки к нашей теме. Самцы Галикт каемчатых вылетают в поисках невест. Выводящиеся в этом гнезде следом за ними самки остаются дома, бродят в лабиринте подземных ячеек; здесь их и находят проникающие извне самцы — отпрыски других семей.

Свадебная пора продолжается иногда неделями. Потом самцы погибают, оставляя в гнездах молодых вдов, а вдовы стали уже и сиротами, так как престарелая мать — основательница семьи — тоже погибает. Из ее потомства в живых остаются лишь оплодотворенные самки. Весной они покинут старое гнездо, разлетятся и — тут мы возвращаемся к началу всей истории — выроят поблизости от материнской новые шахты с ячейками, заложат новые обитины, которым суждено существовать пять-шесть лет.

Теперь выделим из всего, что здесь рассказано, одно обстоятельство. Почему пчелки-галикты первых генераций живут лишь по году, а родительница их в пять-шесть раз дольше?

Прежде чем ответить, напомним деталь, о которой упоминалось только мельком. Выйдя из ячей, молодые пчелы облизывают мать и друг друга. Именно в этом дело — в контактах с матерью, в слизывании с ее тела выпота, вполне реального и вещественного, хотя и удивительного по воздействию. Пчелки, вкусившие его, теряют способность открыть выход из гнезда в начале осени, когда они рождаются, и жизнь их идет по иному руслу, строится совсем не так, как у матери.

Конечно, биохимики выяснят состав и формулу секрета самки-основательницы, физиологи проследят, по каким каналам передается на нервные центры его воздействие, парализующее одно лишь звено в цепи поведения рабочих пчелок. Но этого как раз достаточно, чтоб гнездо осталось запечатанным именно тогда, когда в еще теплом воздухе низко над землей носятся длинноусые женихи, проверяющие своими «антеннами» почвенные щели и трещины в поисках ходов к невестам. Весной же, когда выпот уже потерял свою тормозящую силу и не мешает пчелкам покинуть гнездо, женихов нигде и в помине нет, зато отовсюду галикт зовет аромат пыльцы и нектара. Этот призыв цветов окончательно уводит жизненный путь насекомых в русло рабочих особей.

Другое дело созревшее гнездо: потомство старой галикты здесь небывало многочисленно. Самку-основательницу кормит теперь весной рекордно большое число дочерей. Эта смесь богатого корма превращается в организме самки в яйца, из которых выводятся уже не одни лишь самки, как в первые годы, но и самцы. Они появляются в гнезде впервые. Кроме того, похоже, секрета самки уже не хватает на всех ее отпрысков (их уже чуть не 500!), а может быть, он просто не действует на самцов, которые открывают изнутри подземелье. Так или иначе, пути на волю проложены, самцы улетают, а вместо них в гнездо проникают чужие, которые находят своих невест, остающихся вскоре вдовами. Этим самкам, несколько не отличающимся от сестер прошлых генераций, предстоит, однако, прожить еще пять-шесть лет.

Вряд ли женоненавистнику Ксенарху, воспевшему счастье самцов-цикад, «чи жены безголосы и немые», понравилась бы существующая у галикт разновидность счастливого брака...

Но правы ли мы, считая одинаковыми самок-галикт всех поколений, и не переоцениваем ли значение выпота, которым мать словно околдовывает своих дочерей?

Если брать из молодых гнезд только что созревших пчелок и, помечая их краской, пересаживать в пятилетние гнезда, то прилетающие туда самцы не оказывают никакого предпочтения коренным обитательницам перед подкидышами, одинаково обращаются с ними. Весной подкидыши из молодых гнезд точно так же, как и коренные обитательницы старых, покидают кров и принимаются закладывать собственные ничуть не менее рьяно и несколько не менее успешно.

Вот еще зрелище, дающее повод призадуматься! Ведь если б оставить молодых пчел в родном гнезде, ни одна не прожила бы здесь более года, и на тринадцатый месяце останки оказались бы на подземном кладбище. Достаточно было пересадить тех же пчел в старое гнездо — и они прожили после того еще пять-шесть лет.

Подумать только: как легко, как просто здесь в пять-шесть раз продлить естественный срок жизни! До чего же богаты р е з е р в ы жизненности, насколько вероятные сроки жизни больше фактических!

Но может быть, так обстоит дело только у галикт?

Об улье, муравейнике, термитнике и уроке, который они могут преподать

Общину галикт можно сравнить с растением, которое на пятом году жизни зацветает и затем отмирает. Такие однократно цветущие растения ботаники называют монокарпическими. Семьи многих муравьев и термитов, живущих огромными колониями, представляют системы поликарпические, они словно цветут и плодоносят многократно. Ежегодно тысячи молодых крылатых самцов и самок — женихов и невест — вылетают в определенную пору из гнезд. Плодовитые самки (у муравьев) или супружеские пары (у термитов) расползаются, основывают молодые гнезда, которые со временем, разросшись в общину из сотен тысяч, а нередко и миллионов рабочих особей и солдат, регулярно порождают крылатых, призванных воспроизводить вид.

В этих огромных общинах муравьев и термитов каждая семья состоит из форм, не сходных по строению, повадкам и продолжительности жизни.

То же можно наблюдать и в небольших однолетних общинах ос и шмелей, чьи самки, перенесшие тяготы и испытания зимовки, весной оживают под лучами солнца и, как живые семена, всходят, обрастая молодыми поколениями. Эти семьи рассеивают к осени урожай плодовитых зимующих маток, а сами подобно однолетним злакам отмирают с наступлением предзимних холодов.

У всех общественных ос и шмелей особи, выводящиеся к концу лета, обычно зимуют и, следовательно, живут в два-три раза дольше, чем их сестры-рабочие, выводящиеся весной и к началу осени уже погибающие. Здесь различие в продолжительности существования рядовых насекомых и самки-основательницы не выходит за пределы отношения 1 : 2 или 1 : 3; у галикт оно составляет, как мы видели, 1 : 5 и 1 : 6, у муравьев же доходит до 1 : 10, даже до 1 : 20. При этом в семьях муравьев развитие зародышей может направляться так, что из них формируются в одних случаях сравнительно недолговечные солдаты или рабочие, в других — предназначенные для продолжения рода самки, а у термитов также и самцы, живущие по многу лет.

Знатоки муравьев — мирмекологи — научились воспитывать личинок так, что муравей Формика выходит из кокона не рабочим, способным прожить самое большое год, а развитой самкой, которая создает колонию и живет в ней 10, а то и 20 лет.

У термитов же не только женские, но и мужские особи, не только молодые рабочие, но и солдаты способны, даже пройдя первые этапы метаморфоза, изменять характер развития, и тогда насекомое развивается не в рабочего или солдата, а в долгоживущую крылатую особь. В этом случае, если обстоятельства окажутся благоприятными, насекомое проживет дольше, чем рабочие, даже не в 5 раз, как у галикт, и не в 10—20, как у муравьев, а в 20—30 раз! Каждое такое насекомое-долгожитель наглядно свидетельствует о возможности управления сроком жизни.

Немало доказательств тому демонстрирует и пчелиный улей.

Выйдя из яйца, личинка медоносной пчелы через шесть дней заматывается в кокон и, окуклившись в нем, засыпает. Это как бы введение в жизнь, предисловие к ней. Но если рабочая пчела появляется на свет весной или в начале лета, ей жить не дольше шести недель, тогда как рабочие пчелы последних летних генераций живут до следующей весны, значит во всяком случае больше шести месяцев. Это естественно: встречая первые холода, семья пчел должна состоять из насекомых, способных перенести зиму и еще воспитать первое весеннее поколение.

Мало того, в этой же семье, от тех же родителей происходит, такими же пчелами выкармливается матка, но она живет даже пять лет, и здесь уже не имеет значения, выведена она весной или осенью.

Попробуем сопоставить сроки жизни трех родных сестер: 6—26—260 недель... Чтобы яснее стали эти различия, применим масштабы, более близкие эмоциональному восприятию, и сопоставим, к примеру, 50-летнюю, 200-летнюю и 2000-летнюю продолжительность жизни!

Оставим в стороне матку. С первого до последнего часа ее личинка выкармливается особой, специально для нее приготовленной рабочей пчелами пищей — маточным молочком, королевским желе, как его стали в последние годы величать. Но рабочие-то пчелы все от первой до последней в сезоне поколений выкармливаются, так сказать, «на общем основании». Почему же в таком случае пчела, рожденная в сентябре, живет в пять раз дольше, чем ее родная сестра, появившаяся на свет в мае?

Было бы слишком долго описывать опыты, которые имели в конечном счете цель перестроить обмен веществ в недрах пчелиной семьи. Скажем об итогах: пчелы, рожденные весной, то есть такие, которым полагалось окончить жизненный путь через шесть-семь недель, продолжали благоденствовать не только через 50, но и через 100, через 200, 300, даже через 400 дней.

После того как доктор Анна Маурицио на Либefeldской опытной станции в Швейцарии проделала эти перестройки жизненных

сроков, сходные опыты проведены были во многих странах, в том числе и у нас. Средний лимит продолжительности жизни для пчелы удалось превысить чуть не в д е с я т е р о. Рабочие особи прожили по десять пчелиных веков!

В описываемых здесь экспериментах нет никакого насилия над природой, нет ничего искусственного, вымученного. Подобное можно наблюдать и в естественных условиях.

Взять трутней. Обычно они живут около ста дней. Но смерть настигает трутней не тогда, когда они не способны жить дольше; кончается лето, и пчелы изгоняют их из общины. В семьях же, потерявших матку, работницы своих братьев не изгоняют, и те благополучно зимуют и доживают до следующего лета.

Одним словом, везде существует скрытый, неиспользуемый запас жизнестойкости. Видимо, Клото мойра, зачинающая нить, делает ее достаточно прочной, и живое существо в состоянии прожить много дольше, чем живет на самом деле.

Значит, опираясь на богатые резервы жизнестойкости, присущие организмам, можно содействовать второй мойре — Лахесис — и подальше отеснить третью — Атропос — с ее смертоносными ножницами!

Это не сказка!

Заканчивая «Этюды о природе человека», И. И. Мечников писал: «Наше поколение не имеет никаких шансов дожить до физиологической смерти. Но... с каждым новым поколением окончательное решение задачи будет все ближе и ближе».

Что же, мы вправе сказать: дело к тому и идет. «Успехи предупредительной медицины и гигиены», умение предотвращать «внешние причины, грозящие жизни», превзошли в наши дни самые смелые ожидания. Охрана детства и оздоровление старости, целебные средства и воспитание невосприимчивости к заболеваниям, блокирование очагов болезней и мастерство хирургии — все обрело новые черты, все пропитано новыми силами.

Перестали уже быть сенсацией сообщения об опытах итальянца Петруччи, который два месяца поддерживал жизнь человеческого эмбриона вне организма в лаборатории, об успехах хирургов, вживляющих в сердце аппараты, облегчающие его работу, даже сообщения о пересадках сердца. Все больше совершенствуются искусственные легкие, искусственные почки и прочие приборы, где слиты воедино физиология и техника, где через системы обратной связи на автоматические устройства перекладываются многие функции организма. Так готовится драгоценный сплав, укрепляющий слабые звенья, в которых рвется цепь в критические для жизненного процесса моменты.

Мы стали свидетелями того, как вошли в медицинскую практику приемы оживления после клинической смерти. Сейчас вместе

с нами трудятся, среди нас ходят люди, уже не однажды, а дважды и трижды возвращенные к жизни. Вот они, умело использованные резервы жизнениости живого!

Оперирование больных в охлажденном — гипотермическом — состоянии, операции под непрерывно регулируемым наркозом — вот оно, вторжение практики в разведанные исследователями области сна и анабиоза. Операции на костных тканях (их побуждают расти, восстанавливаться) — вот он, прорыв в область, открытую изучением регенерации.

Несколько лет назад, принимая в Кремле медаль «За укрепление мира между народами», выдающийся ученый Джон Бернал произнес знаменательную речь. Большой раздел ее, посвященный перспективам использования энергии атома в мирных целях, затрагивал также некоторые чисто биологические аспекты.

«Научная мысль может быть освобождена от необходимости работать на войну и сможет направить все свои усилия на облегчение и лечение болезней и на борьбу с самой смертью... — говорил ученый. — Это не сказка и не волшебная страна, это реальная возможность, лежащая в пределах нашей досягаемости».

Должно быть, все теперь согласны с тем, что семью насекомых можно рассматривать как живую модель живого. Если целостный организм во многом представляет пока непроницаемый, «черный» ящик, то в семье насекомых физиологический процесс очень нагляден, можно сказать, разыгрывается в лицах. Это физиологическое лицедейство позволяет проследить почти все, что в лоне организма невидимо даже под ультрамикроскопом. Такие наблюдения помогают рассмотреть невидимое, услышать немое, схватить ускользающее.

Подобно этому и углубленное познание органического мира во всем его многообразии открывает возможность проникнуть в каждое существо в отдельности, подсказывает, какие черты и свойства можно в нем искать, когда они существуют только в зародыше, в наметке, или, наоборот, уже угасают.

Многое тут еще в перспективе...

Отрывок из ответного письма

...Насчет времени составления материала целиком согласен: конец шестидесятых годов прошлого века. Из текста видно, что в ту пору еще оставалась нерешенной проблема несовместимости тканей, и медицина делала только первые шаги в области пересадки органов. Кто автор? Трудно сказать, не хочу торопиться с выводами. Подозреваю также, что ему, должно быть, крепко попадало от тогдашних пуристов за чрезмерное увлечение дедукцией и непростительную склонность к воспарению.

Могу еще сообщить, что вся стенограмма прочитана на нашем старейшем семинаре по витабионике. Вы ведь о нем знаете? Это

тот самый, который своим девизом взял две строки (мы тоже не чужды поэзии) из знаменитого маршаковского стихотворения: «Человек, будь он хоть трижды гением, остается мыслящим растением...»

Знакомя семинар со стенограммой, я хотел показать своим будущим «трижды гениям», с какой малости может начинаться дело, даже такое, как штурм небес, как важно уметь находить надежные точки опоры в море неизвестного, соединять эти точки пролетами мостов в будущее.

Кажется, я вижу на вашем лице улыбку. Признаю, и я не чужд воспарения.

Аудитория раскусила мою хитрость с ходу, но отнеслась к маневру вполне великодушно. Один из выступавших, самый юный, заявил даже, что очень поучительно иметь возможность «в зрелом возрасте» посмотреть фильм, на котором ты видишь свои первые шаги, и послушать ленту, где записан твой детский лепет, декламация приготовишки.

...И хотя речь в самом деле идет о приготовительном классе, должен признаться, руанский комментатор Трамблэ профессор Ле Ка был в общем не так уж далек от истины...

Об авторах

Васильева Евгения Николаевна, член Союза журналистов. Родилась в 1923 году в Москве. Много лет проработала в издательстве «Молодая гвардия» и журнале «Вокруг света». Выступает в жанре научно-художественной литературы. Автор книги «Фабр» (серия ЖЗЛ) в соавторстве с И. Халифманом, очерка «Лупа и перо» в сборнике «Пути в незнаемое» и других очерков. В альманахе публикуется впервые.

Халифман Иосиф Аронович, член Союза писателей СССР, биолог, лауреат Государственной премии. Родился в 1902 году в гор. Могилеве-Подольском. Автор нескольких десятков научных статей и обзоров о насекомых. Широко известны в нашей стране его научно-художественные книги — «Пчелы», «Муравьи», «Они летят по заданию», «Пароль скрещенных антенн», «Отступившие в подземелье», «Фабр». В альманахе выступает впервые.

ОГНЕДЫШАЩАЯ ЗЕМЛЯ

*

Очерк

«Извержения вулканов здесь — постоянное явление. Особенно много их, как угасших, так и действующих, на островах Новая Британия. Землетрясениям часто сопутствуют катастрофические волны, внезапно меняющие рельеф дна... В прибрежных водах хищные ядовитые змеи, рыбы, медузы, осьминоги, скаты-хвостоколы... Множество опасных рифов, мелей, которые изучены совсем недостаточно. Высокая температура воздуха, большая влажность тяжело переносится человеком...»

— Гм, гм, после такой характеристики среди капитанов мало найдется смельчаков, чтобы привести корабль к этим берегам. Но если экспедиционное судно будет искать прото-ренные дороги, то мне остается перейти на тюлькин флот, на колесный речной пароход, — так говорил наш боцман, листая «Люцию южных морей».

«Витязь» приближался к Новой Британии — самому большо-

му острову архипелага Бисмарка и, пожалуй, самому глухому и менее всех исследованному уголку нашей планеты.

Вот уже полуостров Газели высунул далеко в море свои носатые мысы, густо поросшие мангровой темно-зеленой зарослью. Говорят, эта бухта, в которую мы входим, одна из красивейших в мире. Я немало видел гаваней, но вот когда судно миновало две отвесные хмурые скалы Давапия, часовыми застывшие у входа в бухту, и перед нами развернулось величественное зрелище, у меня захватило дух от восхищения.

Представьте себе кратер, наполненный водой. Его склоны увенчаны буйной тропической зеленью, и на фоне неба тоненьким стебельком вырисовывается каждая пальма... Нет-нет, этого не опишешь! Этот феномен природы надо видеть.

...И сразу, как только ноги наши коснулись земли, мы попали в плен необыкновенного, удивительного.

Рабаул — небольшой городок, раскинувшийся у подножия нескольких вулканов. Мы стоим у пирса. Пирс сделан из японского военного корабля, затонувшего во вторую мировую войну. Корпус корабля забетонирован, и к нему теперь швартуются суда. Над городом, справа от нас, полосы бледного дыма. То коптят вулканы Рабаланкаиа и Тавурвур. Тридцать пять лет назад во время извержения одного из вулканов землетрясение полностью разрушило Рабаул. Столицу австралийских колониальных владений перенесли отсюда в Новую Гвинею в Порт-Морсби, а Рабаул стал провинциальным городком. В нем сейчас большой завод по переработке копры в кокосовое масло, много магазинов, мелких мастерских. Нам обещают показать два чуда Новой Британии: завод и, естественно, вулкан.

Над территорией завода и далеко за его пределами, над всем городом виснет сладковатый запах копры. Огромные корпуса цехов. Один, второй, третий. Вот копру выгружают в бункер. Далее ее размалывают, а вот уже в чаны льется волнистая река кокосового масла. У пирса ошвартован танкер: его наполняют маслом — и в Австралию. Нас хотели удивить грандиозностью завода, цифрами: столько-то, мол, завод, может переработать копры. Что ж, много! Но вот теперь, когда я вспоминаю Рабаул, передо мной встают не гигантские цеха, не волнистые масляные реки. Я вспоминаю не солидные цифры выпуска продукции, а согнутых меланезийцев в цехах завода.

Утром под проливным дождем от пирса отчалила шхуна вулканологической станции. На ней ежедневно сотрудники станции посещают подножие Рабаланкаиа, замеряя температуру воды в лагуне, где бьют горячие родники. К ним примкнула и наша группа витязян: матросы, океанологи, морские геологи — всего 12 человек. Через час мы были уже возле небольшого рыбацкого селения Матуни, у самого подножия вулкана. Когда шхуна

пристала к берегу, один из новобританцев отвязал небольшую, все время дергавшуюся за кормой лодку и поплыл к мысу, к горячим источникам. А тем временем мы, вооруженные масками и ластами, стали нырять прямо с борта.

Здесь неглубоко. Это так называемая банка Маккензи.

О, сколько вокруг кораллов, и каких чудесных! Таких я не видел ни на Таити, ни на Фиджи, где, казалось, кораллы непревзойденной красоты. Все дно, словно весенний луг, усеяно каменными цветами разнообразнейших форм, размеров и оттенков. Но нас предупредили, что в этих водах полно ядовитых змей, и они не заставили себя ждать. Вот одна скользит ко мне, и, сознаюсь, я, позабыв о красоте подводного мира, удираю поближе к шхуне. Но и здесь, под килем шхуны, на дне, вижу скрученную в клубок морскую змею. Нет, воды эти не по мне. И я взбираюсь на борт.

Мне приходилось бывать в пещерах острова Родригес, на Гавайях подымался на потухший вулкан, а вот в кратер действующего вулкана не заглядывал. На Новой Британии такая возможность представилась.

Снизу страшно смотреть на Рабаланкаиа. Это великан с застывшими потоками лавы на склонах: громадные глыбы, переплавленные в адском котле Земли, громоздятся сурово, преграждая дорогу к кратеру. Желтеют куски серы. Склоны заросли кустарником и травой. Но чем выше, зелень исчезает и вулкан предстает во всей своей величественной недоступности. Голая, проклятая людьми и богом земля!

По местным поверьям, в вулканах живут злые духи. Вообще, меланезийцы твердо убеждены, что окружающие их леса и воды — обиталище злых демонов, демон, живущий под землей, особенно свиреп. Стоит ему немного рассердиться на людей, как он шевелится под землей и тогда из кратера выбрасывает огонь...

Основной кратер метрах в двухстах выше небольшого побочного кратера. Картина впечатляющая! Сам кратер представляет собой котловину, в которой может поместиться целое селение. Дно покрыто илом, склоны — из глыб серы, и отовсюду из щелей вырываются удушливые газы. Сейчас над кратером дует шальной ветер и сечет дождь: кажется, кто-то злой бросает в лицо мелкими камушками. По веревке, привязанной к валуну, я спускаюсь в кратер, за мной еще один парень из нашей экспедиции — Володя Дехтярев. Сверху летят камни, больно бьют по ногам. Мы все ниже и ниже. Становится невыносимо душно от зловония серы. Но вот наконец и дно. Мы подходим к щели. Прислушиваемся. Там что-то грозно клокочет, и оттуда пышет жаром, таким, что, если подставить руку, опалит.

Из камушков на дне кратера я выкладываю слово «Витязь» и подымаюсь наверх.

...А потом мы посетили дальнейшее селение и были свидетелями ловли морских черепах. На острове Новая Британия живет не-

сколько племен: есть племя Солнца, племя Рыбы. Как-то мы забрели далеко от Рабаула на крайний восточный мыс. Тихо бились волны о коралловый низинный берег. Перешептывались пальмы. Десятка два хижины притаилось у зеленой непроходимой рощи. Это селение рыбаков и ловцов черепах — племя сынов Хвостатой Рыбы. У каждого из них у левого глаза вытатуированы рисунки причудливой рыбы. Мы уселись возле челна-катамарана. Стройные неторопливые меланезийцы собирались начать ловлю черепах. Вечерело. Ярким полымем вспыхнул в последний раз оранжево-красный запад. Сгустились сумерки. Затаив дыхание, мы смотрим на церемонию ловли.

Несколько парней зашли в воду, бросили огромные сети. Старый папуас (на Новой Британии кроме меланезийцев живут и папуасы, выходцы из Новой Гвинеи), пожевав какой-то красный корень, выплюнул его в лагуну — на удачу.

А в это время на берегу женщины, детишки и мы, гости, сидим и слушаем, как поет сын джунглей Толуллай — юноша, наш проводник по меланезийским селениям.

Немало дивного было и в самом Рабауле. Ну, хотя бы базар. Чего только не увидишь здесь! Кокосовые орехи, бананы, диковинные фрукты, съедобные корни, овощи, для которых на нашем языке, кажется, и названий нет.

Базар — в центре города. В отличие от шумных и клокочущих базаров Сингапура или Цейлона, где к вам пристают продавцы, настойчиво предлагая свои товары, здесь тишина и безмолвие. Товары разложены на земле, возле них сидят женщины с детишками. Они пришли с гор. Большинство татуировано. У одних только лицо, у других — все тело.

Вот стоит, красуясь, очаровательная дикарка. Тело ее с головы и до пяток в рисунках-завитках. Кажется, что на ней полосатая матросская тельняшка. При рождении голову девочки туго обтянули полоской коры, и теперь голова ее, как и у каждого меланезийца, удлиненная. Прямые волосы подстрижены под «макитру».

Кроме фунтов, шиллингов здесь еще пользуются другими деньгами... На высушенный стебелек нанизано по десять или тридцать ракушек, каждая величиной с ноготок. Одна вязка равняется пяти шиллингам. За нее, скажем, можно купить кокосовый орех или несколько бананов. Впрочем, такие своеобразные деньги видели мы и в другом месте...

...Далеко от Рабаула за горами затерялись хижины. Вокруг них, словно кости, белеют голые стволы деревьев — энурло. Кора их идет на изготовление одежды. Сначала ее, как раньше у нас коноплю, бьют, потом выбеливают на солнце. И вот тогда за изготовление пестрых повязок берется самый искусный умелец.

Когда мы пришли в это селение, солнце стояло в зените. Было невыносимо жарко, впрочем не удивительно: календарь показывал начало января — разгар лета. Селение словно вымерло — ни души, только на поляне сидел вождь и, поджав под себя ноги, жевал бетель.

Через час, осмотрев селение, побродив по окрестностям, мы все сидели у хижины в ожидании ужина. На углях допекались плоды хлебного дерева величиной с человеческую голову. И вот наконец ужин готов. Женщина подает каждому по такой «булке», показывает, как надо есть. Обтирает подгоревшие бока «булок» травой, разламывает пополам и ест. Пробуем и мы. Вкусно. Напоминает не то картофель, не то плохо испеченный корж.

Мы немножко опоздали: всего несколько дней хозяин этой хижины женил своего сына. Как и всегда по такому случаю, была зажарена свинья, обложенная фруктами. Старому Яргуну, нашему хозяину, с невесткой посчастливилось: сын его купил себе жену дешево — всего-навсего за десять вязок перламутровых ракушек. Цена резко повышается или падает в зависимости от возраста невесты. Девушка четырнадцати лет стоит пятьдесят—тридцать вязок ракушек, а когда ей перевалило за двадцать, ее можно купить даже за десять вязок.

...Обычно, когда мы заходим в порты, на пирсе собирается множество людей, чтобы посмотреть на советское судно. Куда только не позабрасывали людей вихри минувших войн! В порту Рабаула нас встретил чех Владимир с женой Эльзой, эстонкой. Они давно живут в Меланезии.

Мы уже несколько часов сидели в хижине Владимира под высокими пальмами, на берегу голубой лагуны. Владимир показывал свои «трофеи»: барабаны кунду, стрелы, бамбуковые рожки, воздушные ружья — все, подаренное ему горными племенами, когда он, врач-рентгенолог, обходил остров.

С нами Торуэ, парень племени талзи, живущего в соседнем с Рабаулом селении. Стемнело, с гор повеяло прохладой: пробудился береговой бриз. Далеко над океаном повисла луна. В моих руках шкура огромной змеи. Шкуру эту подарил мне Владимир. Что с ней делать? Заметив мою нерешительность, Торуэ что-то сказал Владимиру, а тот мне:

— Бери, пригодится. Торуэ тебе расскажет легенду. Слушай!

— Эту легенду, — начинает юноша свой рассказ, — в моем племени передают из поколения в поколение. Видишь, вон какая полнолицая луна: щеки, губы, нос. Мы зовем ее, верней, его — луна мужского рода — То Пурго, что значит «дурак». Он действительно не умный. Когда-то на этом берегу их было двое: То Пурго да еще его старший брат То Кабинана. Они были всеильны. Сначала посадили пальмы, в море бросили рыбу, в лесах завели змей. Потом на острове появились люди: ловцы черепах, рыбаки.

Как-то старший брат велел То Пурго сойти на землю и подарить людям бессмертие, а змеям сократить жизнь. Люди должны были ежегодно менять кожу и тогда были бы вечно молоды. Но То Пурго сделал наоборот: змеям сказал, чтобы те меняли кожу, и таким образом сделал их живучими, а на людей послал всяческие несчастья. Но если обвязываться кожей змеи, когда настанет полнолуние, тогда даже к старому приходит сила и молодость, — закончил Торуэ свой рассказ.

Что мне оставалось делать? Я покорно взял увесистый подарок. Кожа питона не была высушена и тянула килограммов на десять! На судне я отдал эту кожу товарищам, но на всякий случай отрезал от нее небольшой кусочек и себе: авось стану бессмертным!

Об авторе

Тендюк Леонид Михайлович, член Союза писателей СССР. Родился в 1931 году в селе Владимировка, Кировоградской области (УССР). Начал выступать как автор очерков и фельетонов, но главное в его творчестве — поэзия. Напечатаны книги его стихов: «Поле мое, полюшко...», «Ручьи рождаются в горах». Опубликованы также книги очерков и публицистики — «Одиссея восточных морей» и «Искатели тайфунов». В сборнике печатается впервые.

СТАРАТЕЛИ

*

Очерк

Услышишь слово «Енисей» и сразу представляешь себе могучую реку, которая течет через бесконечную сибирскую тайгу в Северный Ледовитый океан. Мало кто думает при этом об ее истоках, где в нее впадают сотни горных, скачущих с камня на камень речек. А ведь Енисей начинается у самой Монголии, течет по удивительной стране Туве, прорезает Западный Саян и только после этого, полноводный и судоходный, катится через всю Сибирь в океан.

Четыре тысячи семьсот километров отделяют Москву от обелиска с надписью «Центр Азии», который стоит в городе Кызыле — столице Тувы. Весь этот путь нельзя проделать на поезде: в Туве нет железных дорог. А в некоторые районы можно попасть только на самолете или вьючными тропами.

Один из таких районов — Тоджинская впадина. Со всех сторон она окружена Саянскими хребтами.

Лежит эта чаша на высоте 800 метров над уровнем моря, а кругом горы высотой полторы-две тысячи метров. Южный и западный края чаши окаймляет Енисей, еще только рождающийся, буйный, а по северному — его приток Хым-Сара. В этой впадине не бывает ветров. Солнце светит с безоблачного неба 300 дней в году. И нет климата более континентального, чем в центре Азии. Зимой морозы доходят до 58 градусов, а летом иногда бывает 38 градусов жары. Ночи всегда холодные, даже в июне могут быть заморозки. И живут там отчаянные охотники-тувинцы и потомки казаков Ермака — русские.

...Рюкзаки уложены, билеты на самолет до Кызыла в кармане. С моим другом Евгением, которого я по-приятельски называю Стариком, мы едем в Тоджу. Я могу похвастать 24-летним рыболовным стажем, он — 30-летним. Но тайменей, которые водятся в верховьях Енисея, мы никогда не ловили. «Красуля, лень под названием тальмень, — пишет Сабанеев, — известна во всей Западной Сибири, где встречается как в больших реках, так и в речках, достигая громадной величины — до 48 килограммов и более».

Всего сутки прошли с той минуты, когда мы вышли с рюкзаками из дома на московской улице, и вот уже поселок Тора-Хем — центр Тоджи.

За пять с половиной часов донес нас ИЛ-18 до Красноярска. Отсюда до Кызыла — самолет поменьше. Через западный Саян над долинами, покрытыми темно-зеленым лесом, над скалистыми хребтами, снежными вершинами, горными озерами, над вьющимся Енисеем, над лесами, лесами... Из Кызыла в центр Тоджинской котловины нас несет совсем маленький биплан. И опять — хребты, леса, снежные вершины.

Стоит поселок у самого впадения в Енисей речки Тора-Хем. Живет в нем 800 человек, и не привыкли они к туристам. Нас приняли за геологов. «Новая, — говорят, — партия приехала». Мы не стараемся рассеять это впечатление. Оно даже помогает нам найти проводника и лодку с мотором. После долгих разговоров намечается маршрут: шестьдесят километров вниз по Енисею до впадения Хым-Сары, а потом в самые верховья притока. Там будто бы больше всего тайменей.

Наш Дерсу — Лёня Чернев. С грамотой он не очень дружен, но тайгу понимает и знает превосходно. В его обиходе понравившиеся нам слова: белковать, соболевать, орешничать — промышлять белку, соболя, кедровые орехи. Особая его страсть — волковать. Он согласился ехать с нами, потому что стоял август и охотнику, добывающему пушнину, нечего было делать.

Енисей не течет, а катит свои воды. Ударяет о каменистое дно — водяные струи сталкиваются, сплетаются, возникают воронки, завихрения, гребни. И мы не плывем, а несемся вниз. Сила течения и мотора складываются: наша скорость километров тридцать в час. Мелькают острова, протоки, перекаты. Старик полужелит на носу, Лёня управляет с мотором, я вычерпываю воду.

Через два часа устье Хым-Сары. Теперь надо плыть против течения, и мы еле ползем. На быстрине лодка почти совсем не движется, хотя мотор в 10 лошадиных сил отчаянно ревет. Приходится искать, где течение потише. Медленно проплывают живописные пейзажи.

Теперь я перебрался на нос лодки и привалился спиной к нашей поклаже. Московские мысли еще не выветрились из головы и копошатся, возникают в беспорядке. Действительность воспринимается несколько аллегорически. Река воспринимается как олицетворение жизни. Борьба с течением — как стремление к труднодостижимой цели.

— Смотрите! — восклицает Леня. — Белка через Хым-Сару плывет. Видно, удирала от кого-то.

Впереди, распушив хвост по воде, на самой стремнине борется с течением рыжий зверек. Большой хвост относит в сторону.

— Доплывет? — спрашиваю.

— Если таймень не схватит, обязательно доплывет.

По сторонам — горы, покрытые лесом. Преобладает лиственница с мягкими, шелковистыми иглами. Ее зелень густая и очень светлая, а стволы кирпично-красные, особенно на южной стороне. Но издали видна только зелень. Поэтому островки сосен рыжеют на этом фоне. А кедровники, как тени облаков, темно-зеленые. Елей не много. Они тянутся ввысь узкими свечками. Некоторые южные склоны гор безлесные. Они покрыты яркой травой и залиты солнцем. Леня называет их солонопеками.

Старик у нас за старшего. Он опытный «бродяга». Исходил Карелию, берега Белого моря, хаживал на медведя в архангельских лесах. На привалах мы невольно подлаживаемся под его темп. Быстро разгружаем лодку, разводим костер, ставим палатку. Все работают дружно, и уже через несколько дней сами собой складываются обязанности каждого в нехитрой, но чудесной лагерной жизни.

Леня молчалив, но, когда его расспрашиваешь, отвечает охотно. Старик задает ему бесконечные вопросы об охоте, о жизни, о тувинских золотых приисках. Мне особенно запомнился разговор о золотоискателях.

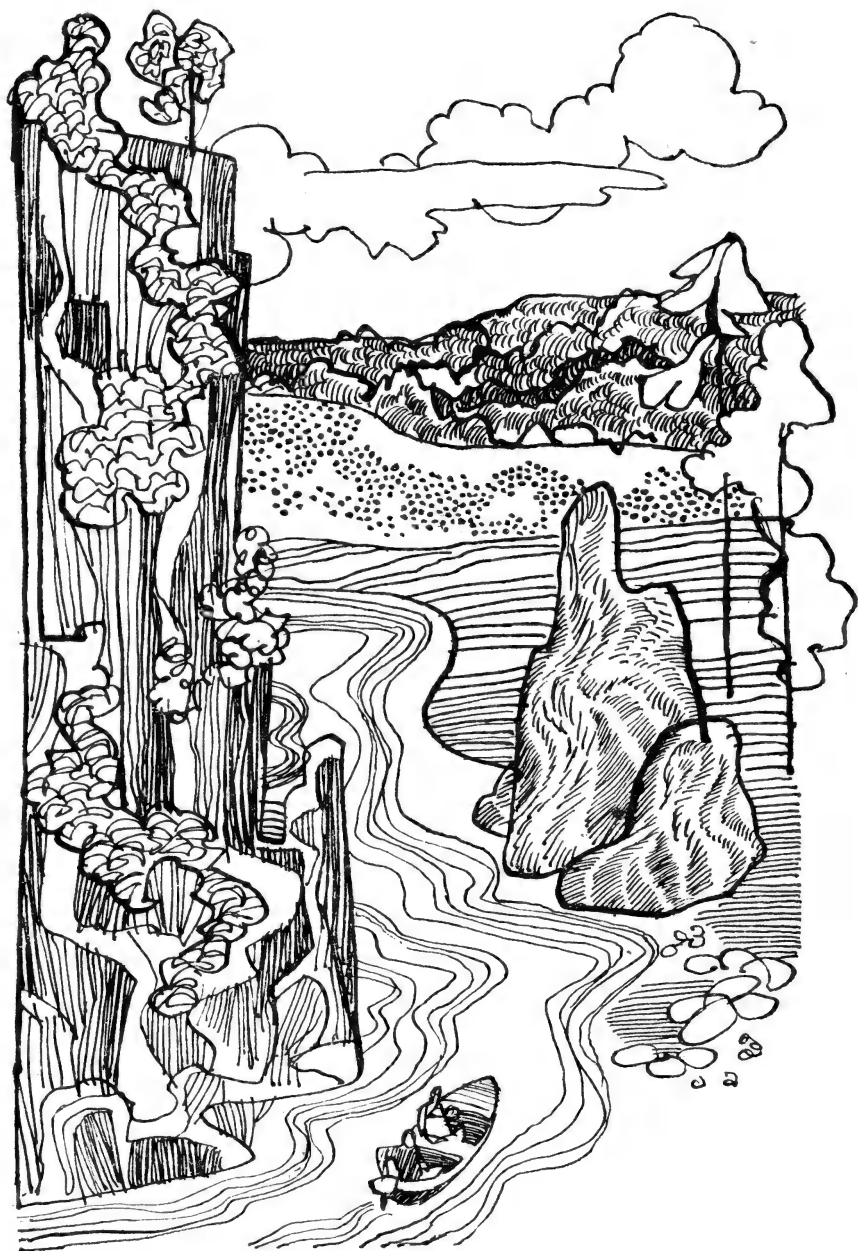
— Я бывал на золотом прииске в Хорале, — рассказывал Леня. — Старатели — пропащие люди. Золото моют, а света белого не видят. Он, старатель, всю жизнь к лотку привязан. И не бросит. Так до могилы и будет стараться.

— А сам золото мыл?

— Мыл...

— Как же не втянулся, не пропал, снова охотничать стал?

— Вовремя, однако, бросил. Был старателем, да вовремя бросил. Не успел пристраститься. И слава богу! Кто втянется, тот уже ничем заниматься больше не будет. Он, смотри-ка, золото из земли вынимает. Богатства ждет. А другое дело охота, например, когда еще деньги принесет? Зверя выследить надо. Суметь взять.

Шкурку не испортить. Сдать ее. Вишь, однако, сколько хлопот, пока деньги получишь. А тут враз золото. Это большая страсть, угарнее не придумаешь.

Однажды Лене надоело отвечать Старiku, и он сам спросил его.

— Вы все меня допрашиваете, что да как. Про жизнь, про охоту. Моя жизнь без хитрости. А вы чем занимаетесь?

— Как это? — озадачился Старик. — Я ученый, доктор наук.

— А друг ваш?

— Тоже.

— Что же, однако, вы, доктора, делаете? Людей лечите?

— Нет. Это звание такое. Оно разным ученым присуждается за научные труды. Вот, скажем, приезжает на Саяны геолог, изучает породы и доказывает, что в таком-то месте лежит пласт железной руды. А мы в своей области изучаем и доказываем. Исследуем причины болезней, которых врачи не умеют лечить, ищем способы их лечения.

— Важно, — сказал Леня и грустно добавил: — Много таких болезней, много. — Потом посмотрел внимательно и испытующе на наши небритые лица. Чтобы скрыть улыбку, я наклонился, снял сапог и стал перематывать портянку.

Не пересказать всех наших разговоров. Не описать видов, которые нам неожиданно открывали повороты реки. То вздымались вертикально над водой метров на двести потрескавшиеся, голые скалы с корявыми березками, приютившимися в щелях, то показывались ряды далеких, тающих в дымке лесистых холмов, то цепляющаяся за берег, но уже наклонившаяся над подмывающей ее водой сосна с покинутым гнездом коршуна.

Не сосчитать, сколько часов мы хлестались спиннингами. Кажется, вдоль и поперек исхлестали Хым-Сару. Каждый день вылавливали по несколько тайменей, но все небольшие, килограмма по полтора-два. Да еще веселую рыбу хариуса — форель сибирских рек.

На заходе солнца, когда мошкара жметя к воде, хариусы начинают свои танцы. Река покрывается сотнями всплесков и кругов. Это рыба гоняется за мошками, выпрыгивая, ловит их на лету.

Очень занятно ловить эту рыбу на крючок, к которому привязана маленькая метелка волос. Тронешь таким крючком поверхность воды — хариус хватает его, как мошку.

Нам попались только два крупных тайменя. Одного поймал Старик, другого я — в верхней точке нашего маршрута у впадения в Хым-Сару речки Киж-Хем. Там, на крутой излучине, с двух сторон окаймленной высокими каменистыми осыпями, была наша самая долгая стоянка.

Четыре дня и пять ночей провели мы там. Ходили в тайгу, еще более пышную, чем южноуральская. С зарослями черной и красной смородины, брусникой, с таинственными звериными

тропами, бесконечно любопытными рябчиками, осторожными глухарями, сердящимися и цокающими на людей белками.

В то памятное утро я, как всегда, встречал солнце со спиннингом в руках. Уже не одна блесна осталась на дне, зацепившись за камень. Поэтому я невольно чертыхнулся, когда почувствовал, что блесна снова за что-то прочно зацепилась. Но через несколько мгновений я почувствовал, что кто-то сильно и уверенно тащит ее в омут под обрывом.

«Он!» — подумал я, раскручивая катушку.

Удилище изогнулось и загудело, леска натянулась, как струна, и капли воды не стекали по ней, а разбрызгивались мелкими искрами. «Не волноваться, — пронеслось в голове, — хватило бы лески!»

А рыба все тянула и тянула. Леска, как нож, резала воду. В омуте рыба остановилась. Чтобы ее стронуть с места, я чуть-чуть подкрутил катушку. И вдруг она, словно поняв наконец, что попала на крючок, рванулась, кинулась вниз по течению, потом к берегу, потом на стремнину. С необычайной скоростью леска стала выходить из воды, и полутораметровый таймень, сверкнув малиновыми плавниками, вертикально выпрыгнул из воды во весь свой рост. Перевернулся в воздухе и так же вертикально ушел под воду.

Трижды он выпрыгивал, трижды ослабевала леска, и трижды я успевал, откинув удилище, натянуть ее. Таймень был на крючке.

Полчаса я боролся с ним, прежде чем, подцепив багром за жабры, вынул из воды. И вот он, красуля, килограммов на четырнадцать лежит передо мной как награда за многолетнюю верность рекам, рыбалке, Енисею.

Вечером была уха из головы тайменя.

— Послушай, — обратился я к Старiku, — о чем ты думал, когда тащил своего тайменя? Что ты чувствовал?

— Да как тебе сказать? Ни о чем особенном. Но кроме самой остроты переживания и охотничьей страсти было какое-то странное ощущение. Будто проверялось то, что я планировал, организовывал, делал, преодолевал, забираясь в такую даль. Ты прав, конечно, когда говоришь, что важен не улов, а все, вместе взятое: новые места, восходы солнца, встреченные люди, разговоры и думы. Это так. Но вот не поймай мы с тобой по настоящему тайменя, не было бы настоящей радости от Тувы, Тоджи, Енисея, Хым-Сары.

Через несколько дней мы вернулись в Тора-Хем. Перед нашим отлетом, чокнувшись с нами на прощание, Леня начал интересный разговор.

— Не пойму я, однако, зачем вы присезжали? Породы не собирали и карт не рисовали. Рыбы, правда, наловили. Я воп полбочонка засолил. В Москву, что ли, повезете?

— Нет, не повезем.

— Что же вам надо? Мокли в лодке, мерзли в палатке по ночам, в горы лазили за тремя кедровыми шишками.

— А помнишь, Ленья, ты нам про старателей рассказывал?

— Ну?

— Так вот, одни старатели землю моют, света белого не видят, чтобы деньги, как ты сказал, прямо из земли да в руку. А другие стараются истину отыскать. Мы говорили тебе, что болезни изучаем. Много их. Люди гибнут. Но почему? Не всегда известно. И вот сидят ученые и тоже белого света не видят. Одна у них цель — найти самое начало, причину болезни. И чем дальше, тем труднее такую золотую крупинку намыть. Стоит сбиться ученому, и окажется, что не ту породу всю жизнь моет. И нет золота.

— Зачем, однако, в Туву ехать?

— Вот и возникнет желание,— продолжал я,— белый свет посмотреть, свои мысли из головы выкинуть да разглядеть их со стороны — ту ли породу моешь? А чтобы мысли выкинуть, надо голову другим интересом занять. Вот ты, Ленья, Москву не видел. Скажи, хочется тебе ее посмотреть?

— Ну?

— А зачем? Скажешь — интересно. Вот и нам Туву поглядеть, тайменя поймать интересно. И Байкал посмотреть хочется. На Амур и на Чукотку заберемся! Ты вот волковать любишь. Видно, у тебя особая страсть к этому. А зачем? Соболя, пожалуй, легче добыть, безопаснее, и шкурка дороже.

— Да,— задумчиво произнес Ленья,— занятно с вашей наукой получается. Тысячи людей Енисей видят, а к его началу, может, один-два человека добирались. Карту нарисовали и рассказали всем. Слышал я, не сразу туда дошли. Тоже старатели. Я вот старателем по золоту не стал. Это хорошо. Жаль, что другого старателя из меня не вышло.

— Не то говоришь, Ленья. Каждый человек в своем деле старатель, если он душу в дело вкладывает. А белый свет, сам сказал, видеть хочется.

— Да. На следующее лето, однако, в Москву съезжу. Посмотрю.

— А в Париж не хочешь? — засмеялся Старик.

— Нет,— серьезно и веско ответил Ленья,— я сначала Москву посмотрю.

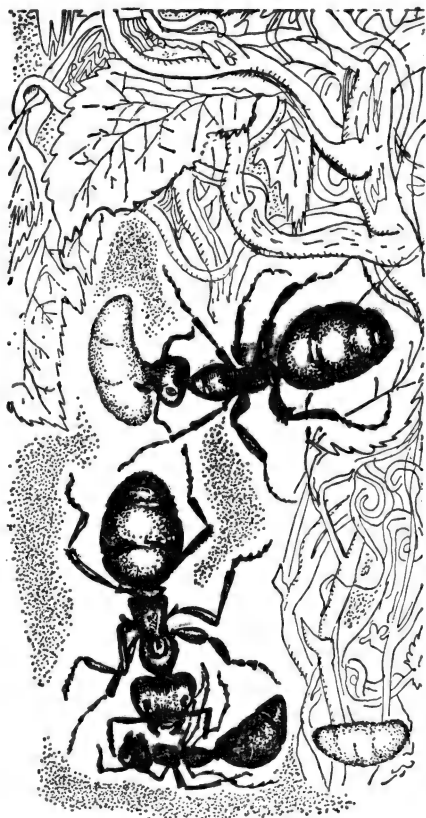
Об авторе

Петров Рэм Викторович, профессор, доктор наук, заведующий лабораторией Института биофизики Министерства здравоохранения СССР. Родился в 1930 году в г. Серафимовиче, Волгоградской обл. Окончил Воронежский медицинский институт. Автор 5 монографий и более 100 научных статей. Как автор научно-художественных произведений выступил с книгой «Сфинксы XX века» (изд-во «Молодая гвардия», 1967) о пересадке органов и тканей и об иммунологии и очерками «Мужество научной объективности». В сборнике публикуется впервые. В настоящее время работает над книгой «Человек делает открытие».

ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ

*

Животные-«архитекторы»

Образцы «архитектуры» в животном мире чрезвычайно разнообразны. У некоторых животных весьма смутное представление об удобном жилище, другие же создают удивительно сложные постройки. Странно, что даже среди близких по виду животных наблюдается бесконечное разнообразие «вкусов», касающихся расположения и размера жилищ, выбора материалов, используемых для строительства.

В мире пернатых можно найти жилища любого размера и формы. А у некоторых видов вообще нет гнезд, например у королевского пингуина, в распоряжении которого никаких других материалов, кроме снега, нет. Пингвин носит яйцо

* Известный английский зоолог и писатель Джеральд Даррелл знаком советскому читателю по книгам «Перегруженный ковчег», «Под пологом пьяного леса», «Земля шорохов».

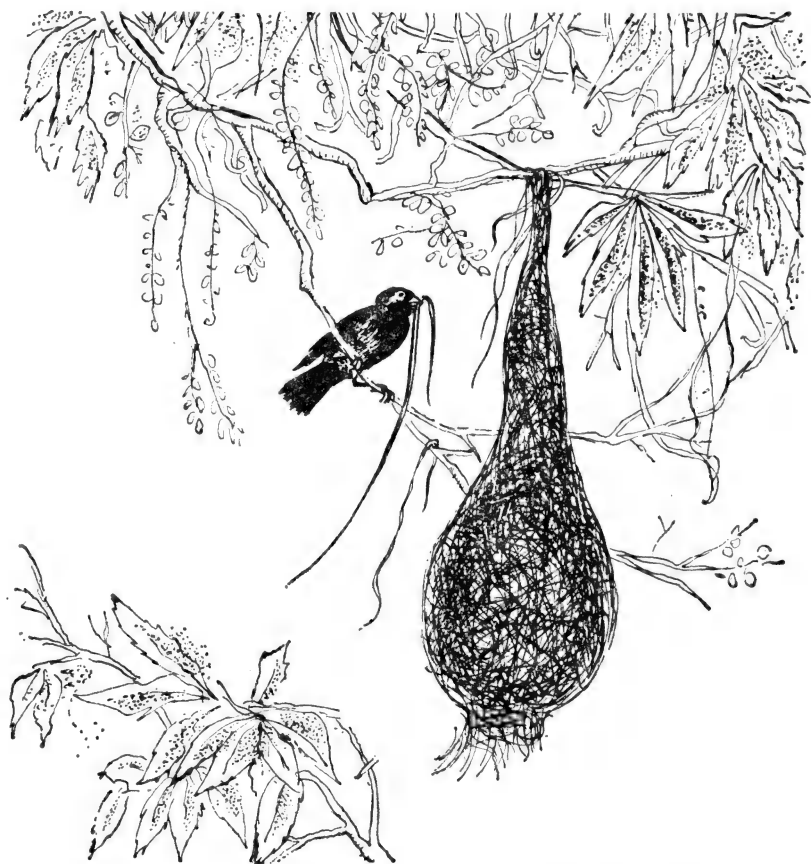
Отрывки, публикуемые здесь, взяты из книги «Встречи с живот-

на больших плоских лапах, а перья на животе нависают над яйцом и прикрывают его. Каменные стрижи строят хрупкое, в форме чаши гнездо из слюны и прутиков и прикрепляют его к стене пещеры. Очень любопытны гнезда у разных видов птиц-ткачей, обитающих в Африке. Один из видов этих птиц живет колонией в гнездах размером с полстога. Такое гнездо напоминает многоквартирный дом, в котором у каждой птицы свое помещение с отдельным входом. В этих гигантских гнездах вместе с «законными» жильцами селятся разнообразные мелкие животные — змеи, белки и другие. Не удивительно, что под тяжестью этих колоссальных гнезд нередко ломаются деревья. Обыкновенная птица-ткач из Западной Африки строит из пальмовых волокон аккуратное круглое гнездо, похожее на небольшую корзинку. Эти гнезда подвешены на ветках, так что дерево кажется усыпанным какими-то непонятными плодами. Звонкоголосые владельцы гнезд вступают в брак, высиживают яйца, вскармливают птенцов, пререкаются с соседями. Все это напоминает жизнь какой-нибудь небольшой деревушки.

Сооружая гнезда, ткачи научились завязывать узлы. Гнезда ткачей крепко привязаны к ветке, и нужно приложить большие усилия, чтобы сдвинуть их с места. Однажды я наблюдал, как ткач строил гнездо; это было поразительное зрелище. Он облюбовал для этого тонкую ветку высоко на дереве и подлетел туда с длинной ниткой пальмового волокна в клюве. Ткач сел на ветку, которая тут же начала раскачиваться, и он замахал крыльями, пытаясь сохранить равновесие. Наконец, усевшись достаточно прочно, он принялся жонглировать ниткой, пока не ухватился за самую ее середину. Потом попытался навесить ее на ветку таким образом, чтобы концы свешивались с одной стороны, а петля с другой. Ветка продолжала раскачиваться. Несколько раз ткач ронял нитку на землю и подбирал ее. Наконец он перекинул ее через ветку так, как ему хотелось. Тогда ткач придавил волоконец лапкой, наклонился вперед и продернул два свободных конца с одной стороны ветки через петлю на другой стороне и туго затянул их. После этого он полетел за следующим волокном и повторил весь трюк. Он занимался этим весь день, и к вечеру было завязано около тридцати ниточек, причем их концы болтались на ветке, напоминая бороду.

К сожалению, я пропустил следующие этапы строительства, и, когда снова увидел гнездо, оно было пустым: ткачи, по-видимому, вывели птенцов и улетели. Гнездо своей формой напоминало фляжку; на его конце было маленькое круглое отверстие, загороженное чем-то вроде крылечка из переплетенных волокон. Я попытался оторвать гнездо от ветки, но это оказалось невозможным, и в конце концов пришлось отломить ветку. Затем я

ными», на русском языке не издававшейся. Она представляет собой сборник очерков о жизни разнообразных, иногда малоизвестных животных. Свои наблюдения автор сделал во время экспедиций во многие страны мира.
Прим. ред.

попытался разорвать гнездо и посмотреть, что находится внутри. Но мне понадобилось немало времени и сил, чтобы сделать это, настолько искусно были переплетены и связаны пальмовые волокна. А ведь единственными инструментами птице служили ее собственные клюв и лапки!

В одной из моих поездок по Аргентине я заметил, что почти все пни и железнодорожные столбы в пампе украшены странными земляными сооружениями, напоминающими по размерам и форме футбольный мяч. Сначала я подумал, что это жилища термитов, столь типичные для пейзажа Западной Африки. И только когда я увидел, что на верху одного из этих сооружений сидит маленькая кругленькая птичка с ржаво-красной спинкой и серой грудкой, я понял, что это гнезда птицы-печника.

Найдя пустое гнездо, я осторожно разрезал его пополам и поразился искусству, с каким оно сделано. Грязь была смешана с крошечными кусочками сухой травы, корешков и шерстинок,

служившими как бы арматурой. Стенки гнезда толщиной примерно в полтора дюйма снаружи оставались шероховатыми, так сказать неоштукатуренными, зато внутри они были гладко отполированы. Вход в гнездо представлял собой маленькое отверстие в форме арки, оно вело в узкий проход. Проход шел вдоль внешних стенок гнезда и наконец выводил в полукруглое помещение, выложенное мягкой подстилкой из травинок и перьев. В целом все это напоминало раковину улитки.

Однажды мне удалось подсмотреть за парой, строящей гнездо. Птицы не обращали на меня никакого внимания, если я держался на расстоянии примерно двенадцати футов, хотя иногда они подлетали, чтобы взглянуть на меня поближе. Наклонив голову набок, они рассматривали меня некоторое время, потом взмахивали крыльшками, как бы пожимая плечами, и возвращались к своей работе. Гнездо было наполовину закончено: его основание птицы прочно прикрепили к верхушке столба, стены и внутренний коридор достигали высоты четырех-пяти дюймов. Оставалось только покрыть гнездо куполообразной крышей.

Ближайшее место, где можно были найти влажную почву, находилось на расстоянии полумили на берегу мелкой лагуны. Птицы прыгали вдоль кромки воды с суетливым и вместе с тем несколько напыщенным видом, тыкая клювом здесь и там. Требовалась грязь совершенно определенной густоты. Найдя подходящий участок, они принимались возбужденно прыгать по траве, подбирая корешки и травинки. Это выглядело так, будто у птиц вдруг отрасли усы. Пара летела с полными клювами к облюбованному участку влажной земли. Ловким движением опытного жонглера, не выронив ни единой травинки, птицы подхватывали изрядную порцию грязи. Забавно вскидывая клювы, они перемещали строительные материалы до тех пор, пока «усы» не становились совершенно грязными. Затем с приглушенным, но торжествующим писком пара летела к гнезду. Здесь груз укладывался в нужное место, уплотнялся и утрамбовывался до тех пор, пока плотно не приклеивался к стене. Потом птицы пробирались во внутреннюю часть гнезда и обрабатывали новый кусочек стены клювами, грудками и даже крыльями, чтобы добиться желаемой гладкости.

Но без сомнения, подлинные «архитекторы» в животном мире — это насекомые. Достаточно посмотреть, с какой математической точностью построены пчелиные соты. Насекомые способны создавать удивительные жилища из самых разнообразных материалов — дерева, бумаги, воска, глины, шелка, песка; столь же разнообразны их жилища и по конструкции.

Одно из первых наблюдений за животными-«архитекторами» я сделал в десятилетнем возрасте. Меня больше всего на свете интересовал животный мир водоемов, и я проводил все свободное время, вылавливая сачком из прудов и речушек насекомых, которых поселял в больших стеклянных банках. В одной из банок

находились личинки веснянки. Эти любопытные, похожие на гусениц существа прячутся в своеобразный шелковистый кокон, открытый с одного конца, а затем маскируют кокон снаружи подходящим материалом. Мои веснянки — довольно невзрачные обитатели стоячего пруда — украсили свои коконы кусочками отмерших водорослей.

Однако мне сказали, что, если вытащить веснянку из ее кокона и поместить в банку с чистой водой, она спрядет себе новый и замаскирует его любым материалом, который вы ей предоставите. Я решил проверить это на опыте. Четыре веснянки, хотя они и извивались от негодования, были осторожно вытащены из коконов. Затем я положил их в банку с чистой водой, на дне которой лежала горсть маленьких белых ракушек. К моему удивлению и радости, веснянки изящно украсили новые коконы ракушками.

Я пришел в такой восторг, что чуть не замучил несчастных веснянок. Несколько раз я заставлял их строить новые коконы, украшенные все более невероятными материалами. Мной даже было сделано интересное открытие: если в разгар строительных операций переселить веснянок в новую банку с другим материалом, то можно заставить их построить пестрые коконы. Одна веснянка, например, роскошно украсила половину кокона ракушками, другую — кусочками древесного угля. Однако моей величайшей победой было то, что я заставил трех из них украсить коконы осколками синего стекла, кусочками красного кирпича и белыми ракушками. Более того, эти материалы были расположены полосками, правда довольно неровными, но все-таки полосками.

Сражения в животном мире

Помню, как однажды в Греции я лежал на выжженном солнцем склоне холма, заросшего искривленными оливковыми деревьями и кустами мирта, и следил за развертывающейся у моих ног битвой. Мне посчастливилось наблюдать эту битву в качестве, если можно так выразиться, военного корреспондента. Ни до ни после мне ни разу не довелось видеть что-либо подобное.

Воевали две муравьиные армии. Атаковали блестящие, ярко-красные муравьи, а угольно-черные оборонялись.

Началось с того, что я заметил совершенно необычный муравейник. В нем обитали два вида муравьев — красные и черные, сосуществовавшие весьма мирно. Так как мне никогда прежде не доводилось видеть, чтобы два вида муравьев жили вместе, я решил понаблюдать и обнаружил, что красные были истинными владельцами муравейника, а черные — их «рабами», захваченными еще куколками. Прочтя о привычках «поработителей», я стал следить за муравейником в надежде проследить один из их

походов за «рабами». Прошло несколько месяцев, и я начал думать, что «поработители» или слишком ленивы, или у них вполне достаточно «рабов».

Крепость красных муравьев находилась у самых корней оливкового дерева, а в тридцати футах ниже по склону холма располагался муравейник черных. И вот в одно прекрасное утро я заметил несколько красных муравьев, ползающих приблизительно на расстоянии ярда от жилища черных. Вряд ли красные муравьи искали пищу, ибо передвигались без свойственной им проворной любознательности. Они ползали как будто без определенной цели. Время от времени муравьи, взбираясь по травинкам, замирали на самой верхушке, шевеля стебельками усиков. Иногда два из них встречались, останавливались как бы для дружеской беседы и трогали друг друга усиками. Только понаблюдав за ними, я понял, что они делают. Их передвижения были не такими бесцельными, как казались вначале, ибо муравьи очень тщательно, подобно охотничьим собакам обследовали каждый клочок земли, по которому должна была пройти их армия.

Черные муравьи были чем-то встревожены. Иногда один из них встречался с поработителями, поворачивался и бежал обратно к дому, к многочисленным группам своих сородичей, которые собирались кучками и, по-видимому, держали «военный совет». В течение двух дней «разведчики» армии красных муравьев продолжали тщательно исследовать местность. А потом начались «военные действия».

«Разведчики» в сопровождении четырех-пяти небольших отрядов подошли к черному муравейнику, и в двух-трех шагах от него завязались схватки. Черные муравьи отважно бросались на красных, но те быстро и яростно сжимали своими огромными челюстями голову или верхнюю часть туловища противника.

Основные силы «поработителей» спускались вниз по холму. Приблизительно через час они подошли на расстояние четырех-пяти шагов к муравейнику черных, и тут я с изумлением увидел, как они с поразительной точностью разделились на три колонны. Одна двигалась прямо на крепость черных, две другие начали заходить с флангов. Это была незабываемая картина. Мне казалось, что я рассматриваю с высоты птичьего полета поле битвы какого-то исторического сражения. Мне было хорошо видно расположение и атакующих, и обороняющихся; я видел колонны подкреплений, спешивших сквозь травяные джунгли, и две фланговые колонны «поработителей», подходивших все ближе и ближе к муравейнику. А те и не подозревали об этом маневре и собрались отражать натиск центральной колонны.

В конце концов черные все-таки заметили, что их окружают. Началась паника, часть муравьев бесцельно забегала по полю битвы, другие в испуге побежали прямо на красных «захватчиков» и были мгновенно убиты. Однако нашлись и такие, которые, казалось, сохраняли спокойствие. Они бросились внутрь крепости

и начали эвакуацию куколок в самую дальнюю от врагов часть муравейника. Но было слишком поздно. Заходящие с флангов колонны внезапно нарушили свои ряды и подобно красному приливу заполнили всю местность. «Поработители» преследовали черных муравьев, отбирали куколок. Если черные оказывали сопротивление, их немедленно умерщвляли. Однако наиболее трусливые спасали свою жизнь, бросая куколок. Вся местность была усеяна мертвыми и умирающими муравьями обоих видов. Красные собрали куколок и отправились обратно в свою крепость на холме. Больше мне ничего не удалось разглядеть, потому что совсем стемнело, и я с величайшей неохотой покинул поле боя.

Рано утром я вернулся и увидел, что война окончена. Черный муравейник опустел, остались лишь мертвые и искалеченные муравьи. Я поспешил к муравейнику красных и успел как раз вовремя, чтобы увидеть прибытие последней части армии, осторожно несущей в челюстях военные трофеи — куколок. У входа в муравейник победителей взволнованно приветствовали черные «рабы». Они касались усиками куколок, возбужденно суеились вокруг своих господ. В этом было что-то по-человечески неприятное.

Конечно, животные не ведут между собой никаких войн. Они сражаются, или защищаясь от врага, или нападая, чтобы добыть пищу. Наблюдая за «военными действиями» муравьев, я вспомнил о муравьином льве. Взрослый муравьиный лев очень похож на стрекозу и выглядит совершенно невинно. Но так сказать, в детском возрасте это прожорливое чудовище пользуется исключительно коварным методом для ловли добычи, значительную часть которой составляют муравьи.

Личинка муравьиного льва округлой формы, а ее огромная голова вооружена сильными клещевидными челюстями. Она закапывается в рыхлую песчаную почву и делает круглое углубление, напоминающее кратер вулкана. На дне, замаскировавшись песком, личинка поджидает добычу. Рано или поздно появляется муравей, спешащий с присущей всем муравьям деловитостью, и попадает на край кратера. Он пытается выбраться из него, но песок осыпается. Пока муравей тщетно старается выкарабкаться, струйки песка стекают вниз и будят притаившуюся в засаде личинку. Та немедленно приступает к действию. Орудуя большой головой и челюстями, она обрушивает сильную струю песка на муравья, все еще отчаянно барахтающегося на краю воронки. Сбитый с ног струей песка, муравей скатывается вниз и исчезает в огромной пасти. Через несколько секунд кратер пуст и на вид безопасен, но в глубине личинка муравьиного льва в это время пожирал свою добычу.

Одно из средств защиты безобидных животных — убедить врага в том, что оно на самом деле страшное, свирепое существо, которое лучше оставить в покое. Забавный пример такого притворства мне преподнесла желтая выпь, когда я коллекционировал

животных в Гвиане. Эту стройную птицу с изящным, остроконечным клювом и медлительными величественными движениями вырастил индеец, и поэтому она была совсем ручной. Я обычно позволял ей днем расхаживать вокруг лагеря и только вечером сажал в клетку. Прекрасное оперение желтой выпы имеет все оттенки осенней листвы, и когда птица стояла неподвижно на фоне деревьев, она совершенно исчезала из виду. Это была хрупкая, изящная небольшая птица, на вид совсем беззащитная.

Однажды в полдень три огромные, воинственно настроенные охотничьи собаки прибежали вслед за хозяином в лагерь. Одна из них увидела на краю леса выпь. Собака, наострив уши и тихо рыча, стала приближаться к птице. Две другие быстро присоединились к первой, и все три начали подкрадываться к выпы. Она позволила им приблизиться на расстояние около четырех футов, прежде чем соизволила заметить их. Затем она повернула голову, уничтожающе посмотрела на них и резко повернулась к ним клювом. Собаки замерли, видимо удивленные, что птица не удирает при их приближении, но все-таки подвинулись ближе. Выпь вдруг быстро наклонила голову и расправила крылья. В середине каждого крыла было красивое пятно, незаметное, когда крылья сложены. Сейчас пятна походили на глаза огромной совы, уставившейся на собак. Превращение смирной, слабенькой птички в существо, напоминающее разъяренного филина, произошло так молниеносно, что собаки **остановились и**, поджав хвосты, пустились наутек. Выпь сложила **крылья**, почистила клювом растрепавшиеся перышки на груди и опять замерла. По-видимому, собаки не причинили ей ни малейшего беспокойства.

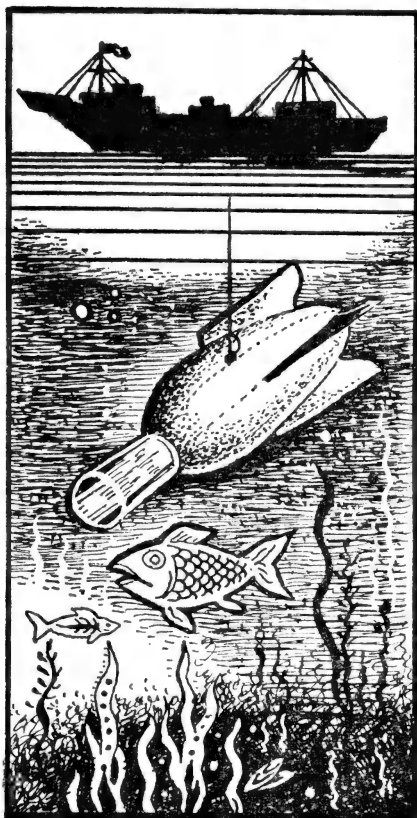
Перевод с английского
Э. Я. Полиенко

НАШЕСТВИЕ РЕЛИКТА

Очерк

Инженеры в панике

Возможно ли биологическое чудо? Ну, например, чтобы в наши дни опять возродились динозавры?

— Динозавры — нет, — ответил мне на такой вопрос знакомый биолог. — Но я могу рассказать о другом реликте, не менее интересном, чем доисторические чудовища, потому что он реальность. Слышал ли ты когда-нибудь о моллюске дрейссене?

И он сообщил мне удивительные вещи.

Ровно двести лет назад, в августе 1769 года, на берегу непроточного рукава Яика — так прежде называли реку Урал — стоял человек и держал в руках друзю ракушек, сцепленных друг с другом. Этих моллюсков он с трудом оторвал от камня, чтобы поближе рассмотреть полосатые раковинки, большие, маленькие и совсем крохотные...

Так была найдена и впервые описана «многовидная ракушка».

А человеком этим был Петр Симон Паллас, третий естествоиспытатель XVIII века, после Линнея и Бюффона, как его почтительно величали.

Паллас установил, что ракушка встречается только на Волге, Яике и Каспийском море.

Прошло несколько десятилетий. Зоологи время от времени обращали внимание на *Mytulus polymorphus*, вновь и вновь описывали ракушку, не видя от нее ни вреда, ни пользы.

И вдруг в 1824 году ее обнаруживают на другом конце континента — в лондонских доках. И словно прорвало: в 1825 году ракушку находят в восточнонемецких озерах, в 1826 году — в Рейне, еще через два года — в бассейне Эльбы. В короткий срок моллюск становится своеобразной зоологической знаменитостью. Пока что только среди ученых. Немцы называют его «странствующей зебровидной ракушкой». Бельгийский зоолог Бенеден присваивает ей имя знакомого аптекаря Dreissens.

Чтобы докопаться до причины странного поведения моллюска, его разводят в аквариумах, поતાкают всем его «капризам», меняют воду, подсчитывают прирост. Ученые роются в палеонтологических материалах, сравнивают, выдвигают гипотезы. И конечно, изучают всю родословную дрейссены.

...Триста миллионов лет назад в теплых морях карбона вымер моллюск неопилита. Подчинившись неумолимому закону эволюции, он уступил место другим, более приспособленным организмам. Но неопилит оставил после себя многочисленное потомство моллюсков. Чередовались геологические эпохи, менялись очертания материков и океанов, появлялись новые виды животных и исчезали, а моллюски все жили и множились. О их бесчисленном количестве свидетельствуют теперь многометровые слои ракушечника.

Незадолго до того, как древние волосатые приматы взяли в руки палку и, сами того не ведая, начали историю человеческого рода, в чистых пресноводных водоемах Европы появилась дрейссена. Вымирали креодонты, падали у водопоев на острую щетку ракушек. Мастодонты и динотерии тяжелыми слоновыми ногами впрессовывали их в каменистое дно рек. Не было водоема, где бы виноградными гроздьями не висела дрейссена. Ее распространение останавливали только горные хребты да соленые моря.

А потом пришло оледенение. Северные реки замерзли, южные помутнели. Бешенные ледниковые потоки несли камни и песок. Маленькие нежные сифоны — фильтры ракушек забивались тяжелыми взвесями. Дрейссена погибала. Осталась она только в небольших «оазисах», куда не дотянулись холодные языки ледников.

Воричному ее расселению по Европе помог человек. Суда на своих днищах разнесли ракушек по многим рекам. А там, где реки не соединялись между собой, человек построил каналы: Мариинскую систему, давшую выход из Волги в Неву, канал

Огинского, соединивший бассейны Немана и Днепра, многочисленные каналы Западной Европы, связавшие большинство рек и речек. И дрейссена не только выжила, но к началу нынешнего столетия распространилась почти в доледниковом ареале.

«Нашествие» моллюска на Европу было неожиданностью. В реках его распространение еще как-то ограничивала извечная в животном мире борьба за существование. А в проточных заводских прудах, в каналах и крупных водопроводах с их отстоявшейся и часто профильтрованной водой, где вмешательство человека нарушило естественное соотношение живых организмов, дрейссена ничто не мешало. И она стала размножаться темпами, встревожившими инженеров.

В девяностых годах прошлого века о «дрейсеновой опасности» начинает писать широкая пресса: ракушка забивает водопроводы Парижа и Арля. В 1895 году при чистке берлинского водопровода из труб выгребли целую гору моллюсков, удивившую размерами даже специалистов. В 1909 году на одной из датских электростанций пришлось чистить конденсаторы. Любопытные подсчитали тогда, что только за одну неделю из водотоков извлекли три миллиона ракушек. В 1912 году дрейссена закупорила 36-дюймовую трубу хемптонского водопровода на Темзе. Из нее вычистили 90 тонн ракушек.

Но самым поразительным было «завоевание» моллюском озера Балатон в Венгрии. До тридцатых годов нашего столетия дрейссены в озере не находили. Но потом через Балатон по системе каналов впервые прошло несколько судов. Они, как полагают, и занесли дрейссену на своих днищах. 12 сентября 1932 года один из сотрудников Балатонского биологического института, купаясь, уколол обо что-то ногу. Биолог оказался достаточно любопытным: он нырнул и нащупал под водой ракушку. Это была первая находка дрейссены в Балатоне. Ученые знали, что моллюск будет размножаться, но они не предвидели темпов. Всего через два года ракушка появилась всюду. Она сплошным слоем покрыла сооружения в гавани, сваи, лестницы купален, камни, днища судов, прибрежный тростник, стебли и листья рдестов и даже панцири и ноги раков. До 30 тысяч ракушек насчитывали местные жители на каждом квадратном метре дна.

В Советском Союзе с «дрейсеновой опасностью» впервые столкнулись на Днепрогэсе. Моллюски толстым слоем покрыли подводную часть плотины, решетки, напорные трубы и щиты гидростанции. Местами толщина обрастания достигала полуметра.

После войны дрейссена «напала» на канал имени Москвы. В 1947 году она там была в единичных экземплярах. А шесть лет спустя сплошь, в несколько ярусов, облепила бетонные берега и шлюзы.

Ракушка как будто идет вслед за людьми, появляется там, где человек вмешивается в природу. Мы строим плотины — она покрывает бетон толстым слоем. Погибая и разлагаясь, она обра-

зует сероводород, который приводит к коррозии бетона. Мы прокладываем гигантские трубопроводы — она закупоривает их. Бывало, что из-за этого останавливались заводы. Мы проектируем скоростные суда, а дрейссена цепляется за их корпуса и даже гребные винты. Скорость судов падает вдвое. Мы строим гидроэлектростанции — она мириадами повисает на сорозадерживающих решетках, словно хочет загородить путь воде.

Как с ней справиться? Первое, что приходит на ум, — яды. Отравить — и все тут, например хлором. Но оказалось, что это не так-то просто. При смертельной концентрации яда ракушки мгновенно закрывают створки и — пожалуйста! — ждут, пока у людей лопнет терпение. Малые же дозы для дрейссены не вредны.

Проще на бытовых водопроводах: там вода постоянно хлорируется. Но предприятиям хлорирование не подходит, им нужна чистая вода. А на ГЭС и того труднее: нельзя же хлорировать, например, всю Волгу. Слишком дорого. А кроме того, в реках есть и другая живность, которую травить совсем уж незачем. И все же на некоторых зарубежных электростанциях идут даже на это: так досаждают дрейссена.

Проблема борьбы с моллюском вошла ныне в планы большинства гидробиологических научных учреждений. Против него брошено едва ли не все, чем располагает современная наука: самые замысловатые сочетания покрытий от кузбасского лака с примесью ДДТ до «слоновой кости» с пиретрумом, электрический ток, горячая вода, хлор, медный купорос, гидроэлектрический эффект, ультразвук...

— Да что это за проклятие такое на нашу голову! — воскликнул я, наслушавшись этих страстей, всерьез напуганный рассказами биолога. — Неужели наша техническая мощь...

— Кто, по-твоему, сильнее, медведь или комар? — прервал биолог мою грозную тираду.

— Ну... — ответил я неопределенно.

— Медведь? Правильно. А помнишь сказочку, как комары медведя из болота прогнали? Он их лапами с размаху бил, по земле катался, дерево с корнем вырвал. И ничего с комарами не мог поделать. Так вот и мы с нашей технической мощью иногда напоминаем этого медведя. Один инженер хвалился: у меня, говорит, ничего в водовод не проскочит. И действительно, техника была на высоте. Скорость воды в трубе такая, что даже гаечный ключ, если уронить, несет как щепку. Фильтры крупные и мелкие. Вертушка специальная поставлена, перемалывает все в пыль. А через два года дрейссена все равно появилась.

— Но почему?!

— Чтобы успешно бороться с любым противником, нужно его знать, — ответил биолог. — Нужны долгие и серьезные научные

исследования. Они ведутся. Но я непосредственно этим не занимаюсь и рассказать ничего не могу. Советую поговорить с учеными, изучающими биологию дрейссены. Например, с кандидатом наук Михаилом Ивановичем Коровченко...

«Ракета КО»

Я лежу в спальном мешке на палубе, на самом носу, возле якорного клюза. Внизу плещут волны. Вверху бегут облака, посеребренные лунной ночью и веселые, розовые с восходом солнца.

Каждый раз, любуясь изменчивым рассветным небом, я говорю себе: «К дьяволу все мои привычки! Уйду в моряки!» Хотя знаю, что уже никуда не уйду — не тот возраст.

Хорошо мечтать, не вылезая из спального мешка. Но если вылезти и приподняться над стальным бортом, сразу ощущаешь, что ночь холодна и ветер свиреп. Приподнявшись, можно увидеть на палубе худощавого человека с сухим, выдубленным ветрами лицом. Это Коровченко. Дождливой ли ночью, ветреным ли утром, знойным ли днем он всегда на одном и том же месте — у правого борта, возле своего аппарата. Крутит ручку лебедки, сливает воду или промывает мешок. Аппарат этот носит громкое название «Ракета КО», что означает «количественная отсеивающая». По внешнему виду прибор напоминает авиационную бомбу со стабилизатором, подвешенную горизонтально. «Ракета» все время болтается над бортом и, по-видимому, служит основной причиной пристального внимания к нам пассажиров всех встречных судов.

Наше называется «Наука». Оно входит в состав флотилии речных научных судов Института биологии внутренних вод Академии наук СССР. Институт находится на берегу Рыбинского водохранилища. Это и была наша отправная точка. И вот мы уже неделю плывем по Волге, «прыгая» из водохранилища в водохранилище. Палуба завалена аккумуляторами, ящиками с приборами, рулонами клеенки, пенопластовыми кругами поплавков. Мы плывем все дальше и дальше. Одна феерическая картина сменяет другую: лиловый закат над Рыбинским морем, ночной туман с призрачными силуэтами буксиров и звоном склянок, блеск дальних костромских монастырей, сказочные зеленые обрывы Плеса, неожиданная радуга, перекинутая, словно мост, с берега на берег, неестественно красный рассвет под Городцом, сплошные грозы от Горького до Казани, песенные утесы Жигулей, знойное солнце над трубами Вольска и вольные просторы новых и новых водохранилищ с тяжелым морским накатом...

Впрочем, не все любят пейзажами. Судовой кок Соня с утра до вечера гремит кастрюлями. Капитан Жора Усатов все время глядит в бинокль, будто высматривает вражескую эскадру. Гидробиологи целыми днями что-то паяют, разбирают и вновь

собирают. А кандидат наук Коровченко крутит свою лебедку. Эту часть «научной» работы я быстро освоил и стал его добровольным помощником. Именно возле лебедки, налегая на рукоятку, я начал понимать, что наука — это не только творческие взлеты, а главным образом настойчивый, долгий и нередко однообразный труд.

Несколько раз в сутки мы опускаем «Ракету» за борт, некоторое время держим ее под водой на гудящем, как струна, стальном тросе, потом поднимаем на палубу, выливаем из резинового мешка воду, строго измеряя ее объем. Затем отдельно сливаем в склянку с формалином зеленую муть планктона. Это для того, чтобы потом в лаборатории точно подсчитать, сколько планктона в каждом кубометре речной воды.

«Ракета количественная отсеивающая» — изобретение Коровченко. Она весьма облегчила исследования, позволив процеживать большие объемы воды и брать пробы без остановки судна. Она сыграла немалую роль в разработке метода, который фактически спас гидроэлектростанции от дрейссены.

В свободные часы мы с Коровченко сидим на палубе и говорим о дрейссене.

— Почему механические вертушки не могут перемолоть ракушку?

— Ракушку перемололи бы. Да она не попадает в трубопроводы. Попадает велигер.

— Это еще что за чудо?

— Именно такой вопрос задают и конструкторы этих вертушек. Диву даешься. Ведь, прежде чем конструировать, надо хотя бы поинтересоваться, как эта дрейссена размножается и живет. А дело вот в чем...

Я внимательно слушал Коровченко. Плыли вечерние берега. В тяжелой фиолетовой воде всплескивала рыба. Судно бежало, как по асфальту, оставляя за кормой серебряный след. А под нами, в темных глубинах, обитал многоликий дрейссеновый род: мириады трохофор, велигеров, поствелигеров, сифонообразующих и просто ракушек, которых биологи называют странным грамматическим именем — дефинитивы.

Как только температура воды поднимается до 15 градусов, взрослая ракушка начинает выметывать в воду яйца. За сезон она успевает выкинуть до 70 тысяч яиц. Через сутки каждое из них уже личинка, так называемая трохофора. Еще через двое суток личинки превращаются в велигеров и поднимают «паруса». Именно так и называется приспособление, которое позволяет им «парить» в толще воды и путешествовать с течениями. Размер велигеров 170 микрон. С током воды они проникают всюду, и даже песчаные фильтры не могут их остановить.

Через десять дней велигер достигает в длину четверти миллиметра и начинает искать себе постоянное местожительство, твердый субстрат, как говорят ученые. Это уже поствелигер. Он еще может, если ему не понравится место, перебраться на новое.

И вот проходит месяц. Ракушка выросла до трех миллиметров и стала взрослой. Теперь она обречена жить и расти там, где осела в молодости, будь это подводный камень, раковина другой дрейсены, трубопровод, фильтрующая решетка или тонкая трубочка промышленного водотока. Ракушка крепится к стенке тонкими и упругими, как капрон, бисусными нитями. До 200 таких нитей гарантируют ей покой.

А человеку гарантируют хлопоты. Ведь порвать бисусные нити почти невозможно, скорее сорвешь с дрейсены створки раковины. Оставаясь на месте, ракушка увеличивается в 10—15 раз, выметывает новые десятки тысяч личинок, которые, когда подходит срок, оседают рядом, завоевывают новые площади, покрывают все вокруг толстой и прочной «шубой».

Умертвить всю эту массу живности нетрудно: достаточно лишь перекрыть воду, если это, разумеется, возможно. Но вычищать потом мертвую дрейсену — дорогой и тяжелый труд. Кроме того, при всех ухищрениях не удастся удалить ракушек отовсюду, особенно из небольших труб и трубочек. Бывает, что оставшаяся дрейсена с пуском системы заносится водой туда, где ее меньше всего ждут. Так и случилось на Волжской ГЭС. После капитального ремонта одного из мощных гидроагрегатов умерщвленной дрейсене понесло током воды в зазоры турбинного подшипника. Случилась авария. Это было последней каплей, переполнившей терпение инженеров. Они обратились за помощью к «чистой» науке.

Так нередко бывает. Нетрудно вспомнить примеры, когда, казалось бы, совершенно отвлеченные научные исследования приходили на помощь народному хозяйству. Седобородые профессора и очкастые аспиранты, хоть и не спешно, хоть и без гарантии успеха, но докапывались до корней истины, раскладывали по полочкам явления. Они не строили новых заводов, не увеличивали выпуск валовой продукции, они только отвечали на вопросы. Но этого оказывалось достаточно.

Проблемой дрейсены было предложено заняться Куйбышевской станции Института биологии внутренних вод. Станция эта находится в Тольятти. Белый домик сказочным теремком прилепился к краю зеленого обрыва. Вокруг шумит стройка: бывший провинциальный городишко Ставрополь, а ныне Тольятти, быстро превращается в один из крупнейших на Волге промышленных центров.

А возле белого домика биологической станции тихо. Тихо и в кабинетах, обилием заформалиненной живности напоминающих музейные залы: летом большинство сотрудников в экспедициях. За окнами серебристая даль залива с силуэтами судов и темный утес в туманной дымке. В этих вот кабинетах несколько лет назад и сосредоточился центр борьбы с «дрейсеновой опасностью». На столы ложились все новые книги и журналы на русском, немецком, английском, где говорилось о дрейсене. Таких работ оказалось более тысячи двухсот. Но, увы, почти во всех этих тру-

дах было очень мало главного — исследований экологии и биологии ранних стадий дрейссены. Лишь один из этих трудов оказался исключительно важным. На рубеже прошлого и настоящего веков немецкий ученый Мейзенгеймер занимался, казалось, весьма далеким от практики делом: изучал эмбриологию дрейссены. Возможно, многие считали его занятия самой что ни на есть «чистой» наукой. Но не будь их, нам пришлось бы проводить исследования сейчас. На это ушли бы годы. Труд Мейзенгеймера явился той основой, на которой можно было развернуть дальнейшие работы. Ученым стало ясно, что бороться с дрейссеной нужно на ее наиболее уязвимой личиночной стадии развития.

Оставалось выяснить, как развивается дрейссена в условиях волжских водохранилищ. Начались опыты со специальными садками, непрерывные и весьма утомительные наблюдения с единственной целью — накопить факты. Одних только наблюдений под микроскопом потребовалось свыше десяти тысяч.

Но как вести исследования непосредственно в водохранилище? Если пользоваться обычной методикой, принятой в гидробиологии, то есть брать в разных местах водоемов пробы на зоопланктон батометром, то таких проб понадобилось бы почти сто тысяч. А это означало растянуть работу на многие годы.

И тут случилось то, что нередко бывает в научных исследованиях: ученые стали инженерами, сами сконструировали и построили принципиально новый прибор для взятия проб — «Ракету КО». Она позволила свести число проб всего лишь до 375. Но объем обследованной воды при этом не уменьшился. «Ракета» профильтровала 1000 кубометров волжской воды. В результате этих исследований, длившихся без малого четыре года, выяснилось важное обстоятельство: численность велигеров не постоянна, за сезон бывает два-три резких взлета, когда насчитывается до 300—400 тысяч личинок в кубометре воды. И если срезать эти пики...

Так родилась идея уничтожать ракушки всего лишь два-три раза в году, когда основная масса моллюсков только-только осела на субстрат, а те, что осели между пиками, еще не стали взрослыми.

Наиболее подходящим из всех средств уничтожения дрейссены оказалась обыкновенная вода, подогретая до 60 градусов. Провести профилактику одного гидроагрегата можно в считанные минуты. Для этого нужно всего несколько кубометров такой воды. Электроды, вмонтированные в систему трубопроводов, превосходно справляются с такой задачей. Погибшая мелкая ракушка после включения гидроагрегата выносится водой в нижний бьеф плотины. Она нигде не накапливается и не засоряет трубопроводы, потому что створки ракушки еще не успели окрепнуть.

— Вот и все, — сказал в заключение Коровченко, но отнюдь не с облегчением. — Этот метод годен только для защиты гидроагрегатов. Для крупных промышленных водопроводов он не подходит. Там нужно другое. Что именно? Это решается в каждом конкретном случае...

Зло или благо?

А теперь я намерен сообщить нечто сенсационное. По крайней мере для меня именно так прозвучали слова Коровченко:

— Дрейссену надо не уничтожать, а разводить.

Согласитесь, читатель, что такое утверждение более чем странно. Все время говорилось о дрейссене как о кошмаре водопроводов и чуть ли не проклятии века, и вдруг — радуйтесь...

— Бороться с нею надо там, где она вредна, то есть лишь за водозаборными решетками гидротехнических сооружений, — продолжал Коровченко. — Во всех же других местах от нее никакого вреда, зато много пользы.

Есть такая наука — малакология. Она изучает моллюсков. Существует Европейский малакологический союз. Тысячи ученых посвящают моллюскам всю свою жизнь. Потому что моллюски — самый многочисленный после насекомых класс животных, их 112 тысяч видов.

Палеонтологи по древним раковинам узнают о прошлом нашей планеты. Геологи определяют по ним возраст породы, что помогает искать нефть, уголь, сланцы, природный газ. Строители возводят из ракушечника дома. Одесса, Симферополь, Севастополь, Керчь и другие южные города чуть ли не целиком построены из этого материала.

Моллюски дают жемчуг и перламутр. Но самая большая их ценность — белок, который они накапливают с большой быстротой. Вес биомассы моллюсков колоссален. От маленьких улиток до гигантских осьминогов и кальмаров, от деликатесных устриц до красавиц тридакн они в огромных количествах заселяют планету. Многие из них — лакомство для людей и превосходный корм для животных. По вкусовым качествам и питательности мясо моллюсков не уступает самой благородной рыбе. Это было известно во все времена.

Человечество все пристальнее всматривается в океан, видя в нем одну из основ будущего процветания. Сейчас мы переживаем эпоху, которая, возможно, будет иметь не меньшее значение в истории, чем в свое время был переход от охоты к скотоводству и земледелию. Привычные понятия пастбищ и лугов человек переносит на океан, на озера и реки. С каждым годом все больше становится культивируемых подводных лугов, где выращиваются водоросли. Делаются попытки создавать искусственные стада рыб, которые бы нагуливали вес в океане, а потом возвращались к берегу, к человеку. Развивается новая отрасль хозяйства — устрицеводство.

Если исходить из этих тенденций, то двустворчатые моллюски просто клад. На суше им даже нет аналога. На суше нет животных, которые бы росли как грибы. Представьте себе, что на поле, не признавая никаких грядок и междурядий, сплошь в несколько слоев растут... мясные котлеты. А ведь именно такое сравнение

приходит на ум, когда заходит речь о моллюсках как источниках пищи или корма. Это очень быстро сообразили венгерские крестьяне, когда в 1934 году началось массовое расселение дрейссены на озере Балатон. Они кормили ракушкой свиней и кур, применяли ее в качестве удобрения.

Коровченко рассказывает, что по его совету жители окраин Тольятти начали заготавливать дрейссену впрок, держа ее живой в воде. Для этого можно использовать простейшие деревянные рамы. Их опускают с мостков в воду и, когда они обрастут молодой дрейссеной, вытаскивают на берег. Вот и весь процесс заготовки корма для свиней или кур.

Дрейссена во всех стадиях развития — хороший корм для рыб. Белуги, севрюги и осетры Северного Каспия и Нижней Волги нагуливают жир именно на дрейссенных «пастбищах».

Сейчас, когда человечество все острее ощущает недостаток в чистой пресной воде, особенно важной становится и другая особенность дрейссены — способность очищать воду. Если налить в ведро мутной болотной воды и бросить туда десяток ракушек, то уже на другой день она будет как стеклышко.

Непрерывно в течение всего дня дрейссена фильтрует воду. Ракушка питается органическими взвешями, все, что несъедобно, она обволакивает слизью и в виде мелких катышков выбрасывает на дно. Недаром в тех местах, где много дрейссены, вода прозрачна. Ученые выяснили, что моллюск весом всего полграмма за 8—9 часов совершенно очищает пол-литра воды.

Но дрейссена не терпит той ядовитой мути, которую сбрасывают в реки некоторые предприятия. Если в районе стока промышленных вод дрейссена не живет, а в других местах водоема она есть, из одного этого можно заключить, что на предприятии плохо работает система очистки...

Вот так враг может оказаться другом, если его поближе узнать.

Когда-то Петр Симон Паллас писал, что из факта ненахождения ископаемых животных еще нельзя заключить, что они более не существуют. Дрейссена, найденная им в Яике, — тому доказательство. А в наши дни ученые нашли и прародителя всех земных моллюсков — неопилита. Оказалось, что это реликтовое чудо, вымершее, как полагали, 300 миллионов лет назад, живет в океане на трехкилометровой глубине. Кто знает, может быть, и он в свое время доставит много хлопот человеку? А может, принесет какие-то блага? Но как известно, беды приходят сами, а к благу надо идти. Идти — стало быть, изучать.

Об авторе

Рыбин Владимир Алексеевич, член Союза журналистов СССР, корреспондент журнала «Советский Союз». Родился в 1926 году в Костроме. Автор выступает в различных жанрах — очерка и рассказа, фотоочерка и поэзии — во многих журналах, газетах, альманахах. Работает над книгой «Из варяг в греки» о путешествии по древнему торговому пути. В сборнике публикуется впервые.

РАБОТА ДЛЯ НЕПОСЕД

✱

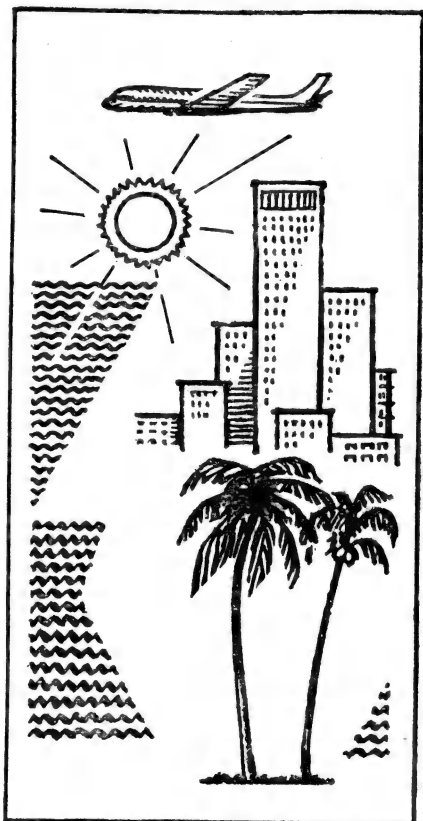
Записки «международного чиновника»

Это было десять лет назад, в 1957 году. Мы, двадцать четыре научных сотрудника, завершив на антарктической станции Литл Америка работу по программе Международного геофизического года, перебрались на транспорт «Вайндот». Наступил час прощания с Антарктидой.

Когда «Вайндот» тронулся в путь на север, мы, семеро метеорологов, работавших в Антарктическом международном центре погоды, собрались на палубе. Все были возбуждены, переполнены смешанными чувствами грусти и радости и как-то по-особому торжественно настроены.

Китс Морлей, австралийский синоптик из Мельбурна, отвел глаза от сверкающей снежной громады вулкана Эребус и тихо сказал то, что в сущности ощущал каждый из нас:

— Мы сейчас прощаемся не только со льдами, но и друг с другом. Трудно рассчитывать, чтобы даже двое из нас, семерых,

живущих в пяти странах, на четырех континентах Земли, встретились бы снова, и уж наверняка не встретиться нам всем вместе еще раз...

В самом деле, на такую возможность трудно было рассчитывать: Китс жил в Австралии, Жан Альт — во Франции, Альберто Аруиз — в Аргентине, Фред Фопей, Ник Ропар и Том Грэй — в США, а я — в СССР. Но в ту минуту никому как-то не хотелось об этом думать, и мы дружно зашумели, что-де «на свете всяко бывает» и что «только гора с горой не сходятся»... Но в душе каждый понимал: Китс прав.

За год совместной нелегкой жизни и работы мы по-настоящему сдружились. Так часто бывает у полярников на хорошей зимовке, когда и дела много, и работа интересная, и народ вокруг жизнерадостный, покладистый, внимательный друг к другу. А наша зимовка в Литл Америке, по мнению всех ее участников, была именно такой. И вот теперь нам предстояла разлука, и, по-видимому, навсегда...

Но оказывается, тесен, тесен мир! За годы, прошедшие с памятного дня нашего прощания на «Вайндоте», я повидал почти всех своих коллег. А произошло так потому, что я выбрал себе работу... впрочем, об этом ниже.

Первым, кого я встретил, был Китс Морлей. В 1962 году, возвращаясь из своей второй экспедиционной поездки в Антарктиду, я по дороге залетел в Мельбурн. Там в это время был развернут Международный центр погоды южного полушария. Конечно же, я не упустил случая навестить своего друга Китса. К этому времени он стал преподавателем метеорологии в авиационном колледже в Мельбурне.

Стоит ли говорить, какой радостной была наша встреча. Китс знакомил меня с городом и окрестностями, показал свой небольшой загородный домик, в котором жил с семьей, свой колледж и университет, где работала его жена, а также всемирно известный Мельбурнский олимпийский стадион...

Второй была встреча с Жаном Альтем. Произошло это в 1965 году на родине Жана. В то время я уже работал в Секретариате Всемирной метеорологической организации в Женеве, а Жан — в своем бюро погоды в Париже. На пасхальные каникулы он с семьей выезжал в Альпы, в горную французскую деревушку неподалеку от Женевы. Там-то я и навестил его, приехав на автомашине.

Целый день мы с Жаном вспоминали Антарктику, товарищей по зимовке. Я рассказал ему о встрече с Китсом, а он — о Томе Грее, которого видел на симпозиуме в Чили. Мы бродили по небольшому леднику, узкой лентой спускающемуся с гор в заросшую лесом долину, сравнивая уютный альпийский пейзаж с суровым антарктическим, а здешний миниатюрный ледничок — с гигантским шельфовым ледником Росса, который тянется на тысячи километров, стекая с приполюсного плато в океан.

— Где тебе больше нравится, Польша, в Альпах или в Антарктике? — спросил Жан.

— Каждое место по-своему красиво, — ответил я, к видимому удовольствию Жана, который вряд ли был бы в состоянии допустить существование пейзажей краше тех, что встречаются во Французских Альпах.

Жан расспрашивал меня о Всемирной метеорологической организации и ее Секретариате, в котором я работал. С 1951 года организация стала межправительственным агентством ООН (сокращенно именуемым ВМО), ведающим всеми метеорологическими проблемами. Жана очень интересовали условия работы в Секретариате ВМО. В свое время директор Французской национальной метеорологической службы предлагал Альту представлять их страну в этом международном учреждении. Но у Жана большая семья — пятеро детей школьного возраста, требовавших повседневного внимания обоих родителей, — и он сомневался, стоит ли перебираться из Парижа в Женеву.

В отделе технической помощи развивающимся странам, находившемся в моем ведении, была вакантная должность. Жана я хорошо знал и как ученого. Вместе с ним мы опубликовали книгу об особенностях погоды и климата Антарктики, изданную в США и в нашей стране на английском и русском языках. По своим деловым качествам, квалификации, знанию языков и другим данным, предъявляемым к сотрудникам ООН, Жан вполне подходил для работы в Секретариате ВМО, и я бы с радостью рекомендовал его. Но среди многочисленных обязанностей «международных чиновников», как часто называют сотрудников агентств ООН, есть одна очень специфическая, которая в данное время не могла быть Жану по душе, — необходимость частых и длительных поездок по всему земному шару. Услышав это, Жан вздохнул и сказал:

— Работа хотя и очень увлекательная, но, вижу, для непосед, а я... — И он снова вздохнул.

После мы с Жаном виделись не один раз. Он приезжал ко мне в Женеву, я навещал его на работе и дома, в Париже, когда приходилось бывать там по служебным делам организации. И всегда Жан спрашивал:

— Ну, как идут дела у непосед?

А у нас, непосед, дел было превеликое множество. Благодаря им я и смог посетить некоторые страны и в разное время хотя и ненадолго, но встретить своих друзей по зимовке в Литл Америке.

Официальная анкета, заполняемая поступающим на работу в Секретариат, содержит вопрос: готов ли будущий сотрудник к служебным поездкам всеми видами транспорта и на большие расстояния, позволяет ли ему совершать путешествия состояние его здоровья? И это отнюдь не праздный вопрос: работникам Секретариата ездить приходится много и часто довольно далеко. Особенно

много поездок выпадает на долю старших сотрудников — руководителей отделов и секций; некоторые из них проводят в командировках до половины своего служебного времени. В их национальных паспортах может не хватить места для проставления въездных виз, поэтому в дополнение к национальному им выдается еще специальный паспорт ООН, так называемый ласье-пасье — довольно объемистая книжка с большим количеством страничек для виз.

Служебные поездки — дело нелегкое. Чаще всего они предпринимаются для оперативного решения на месте множества дел организации, поэтому сотрудник должен быть хорошо осведомлен во всех вопросах деятельности Секретариата, быть в курсе переписки не только в пределах круга своих дел, но и круга дел коллег. Он заранее должен знать, с кем предстоит ему встретиться, и быть готовым к общению с десятками знакомых и незнакомых людей. Естественно, это требует постоянного напряженного внимания и практически поглощает все время пребывания в командировке. Не связанное со служебными обязанностями знакомство со страной, куда впервые приезжает сотрудник, сильно затруднено, и в целом поездку отнюдь нельзя рассматривать как туристскую. И все же ездить в командировки от ВМО интересно, хотя, как правило, и очень утомительно. Дни бывают так насыщены различными делами и встречами, что зачастую, возвращаясь вечерами в гостиницу, я валился от усталости не в состоянии даже записать свои впечатления. Приходилось делать это в пути, при перелетах.

В мае 1965 года мне довелось посетить Бразилию и Аргентину, числящиеся в документах ООН и Секретариата ВМО как развивающиеся страны, каковы они и в действительности.

...Южная Америка открылась моему взору с утренней зарей сквозь пелену разорванных высоко-кучевых облаков. Чуть-чуть угадывались горы, линия берега, затем стали видны огни селений, и, наконец, пригороды Рио, водная гладь залива, похожего на широкую реку, и за ней уже под тонкой пеленой утреннего тумана аэродром...

Перед выходом из самолета в Рио-де-Жанейро пассажирам, пересекавшим Атлантический океан, от имени САС (Скандинавской авиакомпании) были вручены подарки на память: французские духи «Гарвен» и живой цветок в пеглицу...

На аэродроме девушка в форме САС выкрикнула мою фамилию: меня разыскивал водитель машины, присланной за мной Георгом Явдехом, заместителем официального представителя (резидента) Бюро техпомощи ООН.

Рио-де-Жанейро как-то нереально красив. Высокие горы, сочная тропическая зелень на их склонах, пронизанный солнечным светом глубокий залив с белой полосой песчаных пляжей вдоль берега. Все нарядно, ярко, празднично. Но при более близком

знакомстве с жизнью этого крупнейшего бразильского города я убедился, что многое в нем плохо организовано, небрежно сделано, не продумано.

Мое наблюдение подтвердилось и во время беседы с директором Метеорологической службы Бразилии доктором Марденом дос Сантос. Этот еще молодой, энергичный человек — специалист в области сельскохозяйственной метеорологии; он сравнительно недавно занял пост директора, предложенный ему новым министром сельского хозяйства, которому подчинена Служба. Министр — ректор провинциального сельскохозяйственного колледжа, в котором доктор Сантос продолжает читать курс метеорологии, не желая порывать с преподавательской деятельностью. Эту работу он считал более стабильной и лучше гарантированной от случайностей, нежели директорская должность в министерстве. «У нас в Бразилии, — говорил он, — с уходом министра автоматически уходят со своих постов и все чиновники, им поставленные, а сколько министр будет оставаться в правительстве и как долго само правительство будет у власти — никто не знает».

Доктор Сантос не в восторге от состояния возглавляемой им Службы, большинство сотрудников которой, как он считал, — люди, случайно занявшиеся метеорологией. Многие из них плохо знали специальность и не желали учиться. Ему стоило большого труда найти среди них людей, которые согласились бы поехать повышать квалификацию за границу в качестве стипендиатов ВМО. Весьма показательно, что, как обнаружилось, в течение последнего года из ста пятидесяти сотрудников Службы лишь четверо брали книги в довольно большой библиотеке учреждения, а периодической литературой по специальности пользовался лишь один — доктор Ратисбона, возглавляющий отдел научных исследований.

При весьма ограниченных ассигнованиях на Метеорологическую службу в стране в одном лишь Рио-де-Жанейро работают, копируя друг друга, три метеорологических центра, принадлежащие различным ведомствам. Все три, конечно, плохо обеспечены и людьми, и оборудованием, и средствами связи. Объединить их в один хороший центр невозможно из-за соперничества министерств и департаментов, жаждущих «независимости» и «высокого уровня» деятельности, которая не может быть ниже, чем у «соперников».

Доктор Сантос горько сетовал по этому поводу. Я успокоил его, сказав, что пятнадцать лет назад, когда я работал в Москве, там было двенадцать самостоятельных прогностических метеорологических бюро и центров, и это несмотря на то, что у нас в стране с давних времен существует единая государственная гидрометеорологическая служба...

Мне понравилось, что новый директор Службы не просто говорил об имеющихся недостатках, но активно боролся за их устранение. В докторе Ратисбоне, ветеране и энтузиасте Ме-

метеорологической службы, молодой директор нашел хорошего помощника, активно поддерживавшего его в попытках вывести Службу из состояния запустения и косности, в которой она находилась долгие годы.

Сантос, Ратисбона и шофер директора Службы негр Вадо как бы представляли различные слои населения страны. Они могли служить примером разнородности этого интересного народа.

Доктор Сантос — выходец из старинной португальской семьи, еще в XVIII веке переселившейся в Бразилию в числе первых ее колонизаторов; он как бы олицетворяет собой тип «чисто белого» бразильца, которому и «положено» руководящее место в общественной и административной жизни государства.

В жилах доктора Ратисбоны течет и негритянская кровь, и кровь прабабки-индианки, и значительная примесь крови европейских народов, в том числе и немецкой — от одного из родителей. Внешне он типичный европеец, лишь форма верхней губы у него необычна и выдает его частично негритянское происхождение. Вадо — чистокровный африканский негр-мусульманин, очень добродушный и жизнерадостный. Все трое находятся на типичных в Бразилии для цвета их кожи ступенях общественной лестницы. Их зарплата находится в соотношении 4 : 3 : 1.

Все трое оказались очень милыми и каждый по-своему интересными людьми. Они помогли мне за короткие дни пребывания в их стране многое увидеть и лучше понять увиденное.

По делам, представлявшим взаимный интерес для Бразильской метеорологической службы и ВМО, мы с доктором Сантосом нанесли визит министру сельского хозяйства.

Перед этим мы зашли перекусить в рыбный ресторанчик неподалеку от здания министерства. В ресторанчике было полно народу, по-южному шумно, пестро и непринужденно. Пища вкусная, острая и недорогая; запивают ее отличным местным белым вином и пивом. Но, несмотря на обилие вентиляторов и близость моря, в ресторанчике было очень жарко: высокая температура и влажность воздуха сводили на нет эффект вентиляции — движение воздуха не приносило прохлады. Холодное вино и пиво помогали не надолго...

Но куда хуже оказалось в министерстве. В кабинете министра испортилась установка для кондиционирования воздуха и было жарко как в пекле. Оказывается, такое случается здесь довольно часто; иной раз не работают и лифты. Так, к сожалению, и было в день нашего визита. Пришлось подниматься на пятый этаж пешком — занятие в жару не из приятных.

Министр выглядел усталым то ли от жары, то ли от множества трудных дел, которые он каждодневно решает. Предложенный мной проект организации метеорологического образования в Бразилии его заинтересовал, он охотно согласился принять помощь ВМО и обещал сделать все необходимое, чтобы ускорить подписание формального соглашения по этому вопросу. Министру

хотелось бы получить через ВМО помощь ООН для освоения северо-восточных провинций страны, сельское хозяйство которых эпизодически страдает от засух. Он согласился расширить с помощью ВМО сеть гидрологических и метеорологических станций Бразилии, обещал позаботиться об обеспечении новых станций надежной связью, нужной для включения бразильской метеорологической сети в систему мировой службы погоды. Он выразил также готовность поддержать предложения доктора Сантоса о реформе Метеорологической службы страны в соответствии с современными требованиями. Я был рад услышать это, так как получение подобного заверения было едва ли не главной целью нашего визита.

Позже я убедился, что хотя и не все, но многое из обещанного министр сумел выполнить. Метеорологическая служба Бразилии получила реальную помощь от правительства, которой она долго и малоуспешно добивалась раньше.

Конечно же, для Бразилии разрешение метеорологических проблем не самое главное. И Сантос, и Ратисбона не скрывали, что самое больное место в жизни их страны — низкий жизненный уровень населения, низкая производительность и слабая механизация труда в промышленности и сельском хозяйстве, отрицательный баланс внешней торговли и как следствие постоянный валютный голод.

Я проехал на автомашине по дорогам Бразилии около тысячи километров, побывал в ряде больших и малых городов, многое повидал и услышал. Бразилия, как и Аргентина, — страна аграрно-индустриальная, но в отличие от соседки не может обеспечить себя хлебом. Ее основные сельскохозяйственные культуры — кофе, бобы, какао, сахарный тростник и хлопок — выращиваются главным образом на экспорт, и вся экономика страны сильно зависит от состояния мирового рынка, от уровня цен на эти культуры. Значительную часть валютных поступлений Бразилия тратит на покупку пшеницы. Занимая первое место в мире по производству и экспорту кофе, Бразилия вынуждена сокращать и искусственно ограничивать посевы этой культуры; около 10 процентов ежегодного урожая кофе в стране перерабатывается на удобрение.

Даже среди стран Южноамериканского континента Бразилия по своему экономическому положению занимает далеко не лучшее место. В ее границах находится почти 42 процента территории и примерно 32 процента населения Латинской Америки, и в то же время она производит менее 20 процентов валовой продукции и экспортирует лишь около седьмой части того, что приходится на долю всех стран этого континента.

Неофициальная статистика гласит, что из восьмидесятипяти-миллионного населения Бразилии около 10 процентов проживает в городах Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро и их пригородах. Около 10 миллионов — «чистые» негры, около половины — мулаты и выходцы из Азии — японцы, китайцы, остальные, то есть около трети населения, — белые. Много немцев — чуть ли не 3 миллиона.

Расовой проблемы в явном виде не существует, в стране внешне как будто бы решена национальная и расовая проблема (во всяком случае в законодательном, правовом и юридическом порядке). Никаких расовых ограничений ни в брачных законах, ни в образовании. Но самая бедная и наименее образованная часть населения все-таки негры. В некоторых штатах (Баия, например) их большинство. Они же составляют основное население трущоб Рио-де-Жанейро.

Население Бразилии растет очень быстро — по 3 миллиона в год. Средняя цифра национального дохода на душу населения составляет 250 долларов в год.

Объективно страна имеет все необходимое для быстрого развития: людей, природные ресурсы, землю и климат, благоприятные для сельского хозяйства; она богата и территориальными резервами. Местные экономисты считают, что стране нужны лишь квалифицированные кадры, хорошо поставленное образование и более совершенная общая организация. Последняя здесь явно не на высоте. Но прежде всего в Бразилии надлежит решить многочисленные социальные и классовые проблемы, без чего вряд ли возможен прогресс, о котором говорят ученые.

Здесь чудовищная смесь нового, современного (например, широкая и четко работающая сеть внутренних национальных авиалиний, связывающая все отдаленные районы страны) и старого, допотопного (неграмотность и ужасная бедность большей части населения, ручной труд в сельском хозяйстве, пренебрежение данными современной науки).

В программу моего визита входило посещение сельскохозяйственного колледжа в Пираси-Каба — небольшом городке в местности, считающейся житницей страны. Здешний колледж готовит агрономов и существует уже много лет. При нем есть кафедра физики и метеорологии, которую можно использовать в качестве ядра для будущего центра подготовки кадров метеоспециалистов Бразилии.

Город Пираси-Каба — родина доктора Сантоса — расположен у реки с водопадом того же названия, что по-индейски означает «место, где останавливается рыба». Действительно, в межень рыба не всегда преодолевает водопад и скапливается здесь. Ее ловят, жарят на вертелах на манер кавказских шашлыков и подают в ресторанчике у самого водопада.

Визит в колледж занял несколько часов. В колледже более двадцати кафедр, в том числе и упоминавшаяся кафедра физики и метеорологии. Факультетов нет, но есть десять отделений. Физико-математическое отделение и кафедру физики и метеорологии возглавляет профессор Сервеллини.

Я обратил внимание на обширность территории колледжа и обилие учебных и разного рода вспомогательных помещений. Но оборудование учебных лабораторий и кабинетов по микрометеорологии довольно примитивное, по остальным же разделам ме-

теорологии — обычное для учебных заведений неметеорологического профиля.

Мы с доктором Сантосом посетили еще городок Кампинас и находящуюся там научно-исследовательскую агрометеорологическую станцию. На хорошо оборудованной метеорологической площадке станции наряду с современными приборами мы увидели огромную, давно вышедшую из употребления «русскую» психрометрическую будку, которую можно встретить теперь лишь в метеорологических музеях. Интересными показались мне плоды тропической дыни, заросли сахарного тростника и кофейные плантации на участке станции и вокруг нее. На богатых красноземных почвах хорошо растут все эти необычные в нашей стране культуры.

На обратном пути из Пираси-Кабы мы с доктором Сантосом ненадолго остановились в Сан-Паулу, крупном промышленном городе с четырехмиллионным населением. Здесь мы посетили институт ядомедицины, где повидали множество змей, содержащихся в специальных ямах с гладкими цементными стенами. Демонстратор показывал публике разных змей, держал неядовитых в руках и даже на шее. Среди них были очень красивые; запомнился ложный коралл — оранжево-пятнистая змея необычайно оригинальной окраски.

В Сан-Паулу доктор Сантос меня покинул — его ждали дела в Пираси-Каба, — и я возвращался в Рио-де-Жанейро один, без сопровождающих. Весь обратный путь я чувствовал себя беспомощным среди толпы, разговаривающей только по-португальски, поэтому, как родному, обрадовался Вадо, встретившему меня с автомашиной в аэропорту.

На следующий день рано утром он отвез меня в международный аэропорт, откуда я должен был лететь в Аргентину, на родину еще одного моего коллеги по зимовке в Литл Америке — метеоролога-моряка Альберто Аруиза.

Именно благодаря Альберто у меня сложилось определенное представление об Аргентине еще задолго до приезда туда. В Антарктике, в Международном центре погоды, Альберто, скучая по родине, на протяжении долгой полярной ночи охотно рассказывал нам о природе, о людях своей страны, описывая ее города, обычаи народа, широкую, как море, реку Ла-Плата...

Мне также много рассказывал о своей родине, о состоянии образования, научных исследованиях и организации метеорологической службы и профессор Гарсия, известный специалист в области теоретической метеорологии, декан физического факультета университета в Буэнос-Айресе. Он представлял Аргентину в Международном комитете по атмосферным наукам и неоднократно бывал в Женеве. Метеослужба Аргентины — одна из лучших в Южной Америке. Как я убедился позже, большая заслуга в

этом принадлежала профессору Гарсия, на протяжении многих лет возглавлявшему ее и много сделавшему для ее модернизации и обеспечения квалифицированными специалистами.

Человек передовых научных взглядов, Гарсия был известен на родине как «вольнодумец» и даже «чрезмерно левый» для своего официального поста. Не удивительно, что в 1966 году, через год с небольшим после описываемой поездки, в результате одного из столь частых в Аргентине государственных переворотов Гарсия оказался неугодным властям и вынужден был искать работу за границей.

По воле случая из Рио-де-Жанейро я летел в одном самолете с советской делегацией, которую возглавляла академик А. А. Благонравов. Делегация направлялась туда же, куда и я, — на сессию Международного комитета по исследованию космоса и атмосферы (КОСПАР).

Первое мое впечатление о Буэнос-Айресе было самым благоприятным, чему способствовала и солнечная, но не жаркая погода, показавшаяся райской после тропической жары в Рио-де-Жанейро.

Улицы города чистые, прямые, широкие. У приезжего создается впечатление, что Аргентина богата славными генералами, чьи статуи, преимущественно конные, украшают ее города. Памятников генералам так много, что иногда их встречаешь по два на одной площади. На улицах и площадях много зелени.

Бросается в глаза однородность толпы на улицах: повсюду европейские лица, почти не видно ни мулатов, ни негров. В Аргентине по преимуществу живут выходцы из Испании; на юге страны после второй мировой войны появилось значительное количество немцев, в том числе и бывших нацистов, укrywшихся от наказания за совершенные ими в Европе преступления.

Вечером первого же дня я был в советском посольстве на приеме по случаю Дня Победы. Здесь я узнал, что сессия по изучению космоса и атмосферы будет происходить не в Буэнос-Айресе, а в курортном городе Мар-дель-Плата, на юге страны, подальше от политических демонстраций и активных выступлений столичной молодежи, протестовавшей против американского вторжения в Доминиканскую Республику и политики аргентинского правительства, питающей этой агрессии.

В специальном самолете на Мар-дель-Плата летело шестьдесят делегатов конференции КОСПАРа во главе с президентом профессором Руа.

Два автобуса с полисменом на мотоцикле впереди доставили нас в гостиницу «Провинциаль» на берегу океана. В связи с окончанием сезона гостиница уже было закрылась, но ради нас, участников конференции, ее вновь открыли.

В мае, который соответствует нашему ноябрю, в Рио было как в Сочи летом, в Буэнос-Айресе — как летом в Женеве, тогда как

в Мар-дель-Плата — как в сентябре в Ленинграде. Здесь впервые я почувствовал настоящую, столь привычную дома прохладу.

В городе чисто; торговали лишь фруктовые и кондитерские лавочки да еще кафе, чаще всего пустые.

На улицах намного меньше машин, чем в городах Бразилии, и в три-четыре раза меньше, чем в Буэнос-Айресе. Улицы прямые, с отличными мостовыми и тротуарами.

Океан пуст. Необозримые пляжи, но не с бразильским «крахмальным», белым, хрустящим под ногами песком, а с обычным, серым. Погода солнечная, теплая, с небольшим ветерком, но купающихся совсем нет.

Летом Мар-дель-Плата бывает переполнен; в иные месяцы его население превышает миллион человек, тогда как сейчас оно едва насчитывает тысяч триста. Здесь и летом нежарко, сюда едут на купальный сезон, спасаясь от тропической жары, из Перу, Колумбии, Бразилии. Казино, выставки, театры, рестораны и многочисленные отели рассчитаны на большой наплыв приезжих. В подвалах под отелями-небоскребами у самого берега моря оборудованы гаражи, раздевалки, купальни, турецкие бани, кафе, магазины. Все продумано и рассчитано для выкачивания денег из туристов.

В ресторанах и кафе хорошо и быстро кормят, подают отличные местные вина, аргентинские блюда: мясо на вертеле, бифштекс и другие мясные изделия с обязательной острой приправой.

Аргентинская кухня немного сродни грузинской, но помимо барашка здесь любят и говядину, которую готовят в больших кусках — в четверть или половину туши. Делается это обычно на глазах у посетителей ресторана (иногда прямо в центре зала) на специальном очаге или даже в витрине, хорошо видной как сидящим в зале, так и прохожим на улице.

Аргентина обеспечена продуктами питания лучше, нежели Бразилия, но все же ее не назовешь страной изобилия. Как и соседка, она задыхается от нехватки валюты и дефицита внешней торговли. Ее экономика в большой степени зависит от капиталовложений США, а внешняя торговля — от состояния мирового рынка, на котором аргентинскому экспорту приходится конкурировать с экспортом опять-таки США.

Страна аграрно-индустриальная, Аргентина достигла относительно высокого уровня капиталистического развития: продукция ее промышленного производства по объему почти равна продукции, производимой Бразилией, территория и население которой в три раза больше, чем Аргентины.

По традициям, культурному прошлому страна близка к Испании, выходцами из которой являются предки большинства жителей Аргентины. Однако в Аргентине сильно влияние североамериканского капитала и во многом чувствуется влияние американской культуры, образа жизни.

На сессии КОСПАРа и симпозиуме по изучению космоса было много американцев, из-за которых, собственно, сессию перенесли из Буэнос-Айреса в Мар-дель-Плата: студенты университета не захотели видеть в своей столице американских ученых.

На автомашине приехал из Буэнос-Айреса президент Международного союза геодезии и геофизики профессор Каплан, мой старый знакомый по Женеве. Много известных ученых, в том числе Митра из Индии, Маеда из Японии. Доклады о «космической» деятельности сделали представители разных стран. Один за другим выступили ученые из академий наук ФРГ и ГДР. Ведущий заседание вице-президент КОСПАРа Р. Портер из США, предоставляя им слово, делал ударение на словах «Академия наук» и скороговоркой, однако полностью, произносил названия стран Федеративная Республика Германии, Германская Демократическая Республика. Так с трибуны международной научной конференции американскому ученому пришлось признать существование ГДР. Представитель Аргентины принес извинения по поводу непредвиденной необходимости изменить место проведения сессии КОСПАРа и симпозиума. Снова политические вопросы оказались невольно в центре внимания участников научной конференции, хотя прямо об этом ничего с трибуны не говорилось.

Обычно для участников любой научной конференции местные власти устраивают увеселительные прогулки. И для делегатов КОСПАРа был организован выезд на «типичное ранчо», с музыкой, плясками и даже с гарцующими гаучо в пестрых местных одеждах. Сколь ни очевидна была нетипичность этого ранчо — богатейшей усадьбы в десяти километрах от Мар-дель-Плата, но в общем-то делегаты остались довольны.

Погода была с утра явно неблагоприятной: лил дождь, было холодно. Среди ровной открытой местности, напоминающей нашу южную степь, вдруг возник небольшой лесопарк с чудесными хвойными и лиственными деревьями, отлично ухоженными лужайками и асфальтированными дорожками.

Под навесом гостей уже ждали накрытые столы с ломтями белого аргентинского хлеба и бутылками сухого вина нескольких сортов. Рядом, под развесистыми деревьями, горели огромные костры, стояли чудовищного размера жаровни, на которых жарились, пеклись и подкапчивались говяжьи туши, целые горы мяса, колбас, бычьих внутренностей и прочих деликатесов.

Довольно-таки аппетитный запах, распространяемый ими, сразу настроил гостей на веселый лад. Выпив с дороги вина, все разбрелись по усадьбе. К этому времени подоспели верховые — гаучо. На них были широкополые шляпы, темные костюмы, яркие шерстяные шарфы и башлыки, сапоги со шпорами, широкие кожаные пояса. Гаучо гарцевали, улыбались и охотно позировали фотографам.

Потом всех пригласили к столам, и началось пиршество, а после него танцы местных артистов в национальных костюмах,

песни под гитару и бубен. У мужчин шаровары на манер казацких, сапоги гармошкой. Женщины в ярких кофтах и длинных широких юбках. Удивительно красочное зрелище!

По возвращении в Буэнос-Айрес я познакомился с Аргентинским бюро погоды и Управлением метеослужбы. В отличие от Бразилии, бедной квалифицированными метеорологическими кадрами, на факультете у профессора Гарсия работает много специалистов, в том числе и занимающихся гидродинамическими методами предвычисления погоды, использующих электронную вычислительную технику при составлении экспериментальных прогнозов. Не за горами время, когда и в оперативной работе аргентинские метеорологи будут использовать современные методы, на которые уже перешли передовые метеорологические службы многих стран Европы и Северной Америки.

С профессором Гарсия мы проехали за город, где заканчивалось строительство нового университетского городка. В нем уже разместился и работает небольшой центр по подготовке метеорологов для других южноамериканских стран. Руководит центром знакомый мне по прежним встречам в Аргентине Рубен Норсини. Здесь учатся двадцать шесть студентов-иностранцев, получающих стипендию ВМО. Мне были показаны учебные аудитории и подготовленные для студентов пособия, в том числе и комплект синоптических карт для анализа процессов, типичных для южного полушария, — своего рода первый учебный синоптический атлас. Профессор Гарсия выразил желание пригласить в Буэнос-Айрес советских ученых для чтения лекций по физике облаков студентам старших курсов физического факультета и аспирантам и просил меня помочь в этом. Впоследствии благодаря содействию академика Е. К. Федорова удалось организовать поездку профессора Н. С. Шишкина из Главной геофизической обсерватории имени Воейкова в Аргентину для чтения курса лекций.

За всеми этими деловыми визитами и беседами у меня едва хватило времени повидаться с Альберто Аруизом. Он успел только познакомить меня с семьей, показать Бюро погоды аргентинских военных моряков, а заодно и яхт-клуб, расположенный на берегу Ла-Платы. К сожалению, мы даже не смогли наговориться вволю. Мне надо было уезжать: через несколько дней в Женеве открывалась сессия Исполкома ВМО.

Прошло немногим меньше года после возвращения из Южной Америки, как мне снова пришлось отправиться в западное полушарие. На сей раз в Северную Америку, в Нью-Йорк. Вот там-то я и встретился с остальными литламериканцами... Но не буду забегать вперед.

Я летел на сессию Консультативного комитета ООН. Заодно решил побывать в американских центральных метеорологических учреждениях в Вашингтоне, в том числе и в Мировом метеорологическом центре.

Через своего американского коллегу Гордона Картрайта, зимовавшего в 1957 году на советской антарктической научной станции в Мирном, я связался с директором этого Центра доктором Томпсоном и получил согласие посетить Вашингтон в середине марта, перед сессией Консультативного комитета. Генеральный секретарь ВМО А. Девис поддержал меня в этом, и 14 марта 1966 года я вылетел в США. Полет в Вашингтон был спланирован так, что мне предстояла одна пересадка в Нью-Йорке с переездом из одного аэропорта в другой. На это отводилось вместе с таможенными формальностями около трех часов...

Сколь ни совершенно обслуживание пассажиров на международных авиатрассах, никто не может быть гарантирован от случайностей. Я убедился в этом очень скоро.

Уже стюардессы приступили к обычному ритуалу демонстрации внимательности и заботы об удобстве пассажиров, проверили, надежно ли пристегнуты ремни к креслам, и самолет начал разгон, как вдруг вместо того, чтобы оторваться от земли, наш самолет ДС-8 прекратил взлет и с выключенными двигателями покатился по взлетной полосе, едва сдерживаемый тормозами... Командир корабля подчеркнуто спокойно извинился за непредвиденную задержку по технической причине. Как длительна будет задержка, обещали сказать несколько позже...

Через два часа мы были уже в воздухе и, набирая высоту, пролетели над знакомыми мне «воротами», промытыми Роной между отрогами Альп и Юрой; затем пошла покрытая облачностью французская земля. Еще через час в облаках появились большие разрывы, через которые можно было видеть далеко внизу заснеженные Пиренеи — франко-испанскую границу. Над Испанией и Португалией летели уже в условиях ясной, безоблачной погоды, но так высоко, что Мадрид был виден лишь большим смутным пятном. Зато португальская столица предстала во всей красе: самолет снизился, чтобы сделать короткую остановку в Лиссабоне, заправиться горючим, перед тем как пересечь Атлантический океан.

В аэропорту, в зале для транзитных пассажиров, тщательно охраняемом салазаровской полицией и наглухо изолированном от остальных помещений вокзала, было непроходимо скучно и малоллюдно. Унылой обстановки этого места не в состоянии разрядить ни торговля сувенирами, ни даже раздача каждому пассажиру бесплатно небольших бутылочек с отличным португальским вином... Через полчаса пассажиры без сожаления покинули лиссабонский аэровокзал.

Когда мы подлетали к Нью-Йорку, уже спустились густые сумерки. Город был окутан плотной дымкой, едва пробиваемой

светом вечерних огней: под крыльями самолета мелькнуло что-то огромное, дымное, одновременно расплывчато-серое и местами яркое. Затем показалась широкая лента шоссе, водная гладь залива и, наконец, аэродром в какой-то низине — как оказалось, на острове Лонг-Айленд.

Как ни странно, но порядка в Нью-йоркском аэропорту имени президента Кеннеди заметно меньше, чем, скажем, в аэропортах Швейцарии или Франции: отсутствуют точные и четкие указатели, не так просто получить и устную информацию. Нет и той безукоризненной чистоты, которая присуща лучшим международным аэропортам Европы.

Не без труда разыскиваю зал, куда поступает багаж, привезенный самолетами из Европы. Вот и мой неразлучный спутник в странствиях — выдавший виды чемодан, оклеенный со всех сторон рекламными ярлыками отелей пяти континентов (в Антарктиде отелей пока нет). Таможенный чиновник, не взглянув не только на чемодан и его содержимое, но даже на меня, ставит свой таинственный знак, служащий пропуском внутрь страны, и как бы между прочим спрашивает:

— Вам в Вашингтон? — Получив утвердительный ответ, добавляет: — Можете оставить чемодан вот там, слева; его перевезут к очередному самолету на Вашингтон.

Я благодарю таможенника и выхожу на площадь перед зданием аэропорта, где, по словам Картрайта, должен быть желтый автобус для проезда на аэродром внутренних авиалиний. Нахожу остановку и сам автобус и, заняв в нем место, пытаюсь оглядеться. Уже темно, и даже при ярком уличном освещении это нелегко сделать. Вижу уходящую вдаль огромную дугу огней, огибающую комплект зданий аэропорта. С внешней и внутренней сторон дуги потоки автобусов и автомашин.

Автобус трогается, я переключаю свое внимание на остановки, названия которых водитель объявляет привычной скороговоркой, а надписи на щитах в куче других объявлений и указателей не всегда удается заметить. Вот и здание национальных авиалиний. Разыскиваю нужную мне конторку, оформляю билет. Коротая время, изучая карту города, купленную в киоске. В зале ожиданиялюдно, накурено и не очень чисто. Пассажиры проходят через зал сплошным потоком, задерживаясь на пять — десять минут в ожидании, когда объявят посадку на нужный им рейс. Самолеты вылетают часто. Все буднично, серо и не очень привлекательно, а потому и утомительно. Сказывается и усталость от длительной дороги, сдвиг во времени на целых шесть часов по сравнению с Европой: в Женеве уже глубокая ночь.

Попав наконец в Вашингтон, я убедился: этот город стоит путешествия через океан и бессонной ночи в кресле самолета. Среди многих достопримечательностей американской столицы специального

упоминания заслуживают музеи. Они доступны всем не только потому, что вход в них бесплатный, но и благодаря четкой и предельно ясной системе демонстрации экспонатов. Смитсоновский музей естественной истории без преувеличения можно назвать образцовым, в нем есть чему поучиться многим аналогичным музеям мира, в том числе и нашим антирелигиозным музеям. Более гармоничного сочетания высокого научного уровня подачи материала с простотой пояснений мне нигде не приходилось встречать. Любопытно, что почти во всех музеях за 25 центов можно взять радиопроводника по залам, обеспечивающего посетителя автономной лекцией-пояснениями о важнейших экспонатах.

Американская столица любопытна в архитектурном отношении. Если рассматривать общественные и жилые здания города каждое в отдельности, то они производят обычно хорошее впечатление: красивы, нарядны, построены из хороших материалов, часто в классическом древнегреческом или древнеримском стиле. Когда же смотришь на городской архитектурный ансамбль как на нечто целое, то скорее чувствуешь, чем понимаешь, что городу не хватает чего-то главного, что объединяло бы его, придавало бы законченность и столь важный для каждого города общий стиль или дух. Человек, мало понимающий в архитектуре, каким автор не стесняется показаться читателю, может прийти к вполне логичному выводу, что Вашингтон строило много хороших архитекторов, над которыми не было квалифицированного надзора со стороны главного городского зодчего. Так ли это на самом деле, я до конца не уверен.

Ключевая проблема современного Вашингтона — проблема паркинга, то есть возможности найти место для стоянки автомобиля. Это настолько серьезно сейчас, что в ряде случаев горожане не в состоянии пользоваться личными автомашинами, а для многих живущих за городом это весьма существенно. Со мной произошел такой анекдотичный случай. Профессор Немайес с супругой и я собрались на выставку картин. Нас взялся подвезти на своей машине бывший ученик профессора, мексиканский коллега, работающий сейчас в США. За рулем машины сидела его жена. Трижды объехав весь блок домов, примыкающий к зданию Национальной художественной галереи, и не найдя места для стоянки, она вынуждена была высадить нас у подъезда и отправиться искать место, чтобы поставить машину. Место это в конце концов ею было найдено... лишь дома. Мексиканская чета прибыла на выставку с большим опозданием на такси. Такого рода неудобства, как говорили мои коллеги, — одна из причин переселения многих американцев из крупных городов в маленькие.

Проблема паркинга способствует здесь процветанию владельцев предприятий, располагающих собственными земельными участками, пригодными для частных автостоянок. Одной из таких частных автостоянок, быстро приобретшей известность в центральной части города, стал ресторан «У Блэки», в недале-

ком прошлом невзрачная закусовая с чахлым садиком во дворе.

Именно в этот популярный ресторан, стилизованный под «дикий запад», яркий, броский, с картинами из жизни ковбоев, и привели меня полярники — друзья по антарктической зимовке. «Литламериканцы сегодня встречаются у Блэки», — заявил мне Билл Вайент, который в 1957 году на станции Литл Америка был моим соседом в крохотной шестиметровой комнатке, служившей нам домом в течение долгой полярной ночи. Теперь он работал в отделе антарктических исследований Национального метеорологического центра США.

Билл пришел за мной в здание Национального фонда науки в кабинет доктора Альберта Крери, бывшего научного руководителя нашей зимовки в Литл Америке. Кроме работающих с ним бывших литламериканцев Фреда Фонея и Тома Грея Билл привел еще одного метеоролога — Мортона Рубина, зимовавшего в 1958 году на советской антарктической станции в Мирном.

Доктор Крери угостил нас кофе, поговорил о делах, связанных с его намечавшейся на следующий год поездкой в Антарктику, затем извинился, так как был вынужден покинуть нас. Он отправился на совещание к «ви-ай-пи» (это начальные буквы слов, означающих «очень важные персоны»), то есть к высокому начальству.

Проводив его, мы вскоре большой компанией отправились к «Блэки», где и провели часа полтора за веселой беседой. Вот уж когда мы наговорились вдоволь! Конечно же, вспоминали Литл Америку, нашу столовую — «месс-рум» и матросов-поваров, готовивших из обычных консервов блюда под громкими названиями. Одно из таких яств — «луковый суп по-французски» — мы отведали у «Блэки» и обнаружили, что это блюдо, очень ароматное и тонкое, имело мало общего с похлебкой, которую готовил в Антарктике под таким же названием наш повар Джим. Жан Альт тогда утверждал, что ничего подобного он во Франции никогда не ел, а Джим так и не мог понять, похвала ли это или порицание. Разумеется, все мы вместе с Жаном усиленно хвалили стряпню Джима, но убедить его в искренности наших похвал до конца, кажется, так и не смогли.

Наблюдая, как работают у «Блэки» вышколенные официанты, Билл заметил, сколько-де ребята ни стараются, но им далеко до дежурных полярников нашей «месс-рум», умудрившихся запускать вдоль длинного, обитого цинком стола наполненные снетью тарелки таким образом, что они останавливались напротив каждого сидящего за столом.

Это замечание послужило толчком к тому, что застольная беседа получила неожиданно новое направление: заговорили о сервисе.

— Ну, пошло! Янки оседлали любимого коня, дня не могут прожить, чтобы не похвастаться своим сервисом, — заметил Мортон Рубин.

Впрочем, американцы не без основания гордятся сервисом. Я позволю сделать небольшое отступление и поделиться своими впечатлениями об этой отрасли человеческой деятельности.

В обслуживании населения американцы действительно добились многого, поставив дело на прочную рациональную основу. Но я считаю, что их во многом превзошли европейцы. Например, в Швейцарии этому виду бизнеса сумели придать нечто внешне неуловимое, приятно отличающееся от стандартного американского сервиса — элементы домашнего уюта, теплоты и приветливости, выходящей за рамки обычной вежливости служащих и клиентуры.

Скажем, в том же Вашингтоне бесспорно хороши кафетерии или закусочные в магазинах, называемых аптечными. Там и кормят вкусно, быстро, и пища всегда свежая, разнообразная, и в помещениях чисто, и они хорошо проветриваются, но им далеко до уюта и непередаваемой прелести маленьких швейцарских или французских ресторанчиков. Хозяева и немногочисленная прислуга этих заведений непостижимым образом умеют не просто обслужить вас, но и дать вам почувствовать, что вы здесь желанный гость, почти родной человек, которому всегда рады. Трудно сказать, чего в этом больше: профессионального мастерства или врожденного умения быть приятным посетителю. Не потому ли в европейских странах, где развит туризм, маленькие ресторанчики успешно конкурируют с большими кафе и ресторанами?

Есть и в США маленькие закусочные, в которых кормят стандартными блюдами из полуфабрикатов. Кормят в общем неплохо, но как-то очень уж по-деловому, грубовато, если сравнивать с европейскими традициями, где формула «плати — получай» никогда не выступает в той открытой, прямой форме, в которой она постоянно проявляется в американских кафе.

Многие другие виды обслуживания обеспечивают населению удобства, позволяют экономить много времени. В этом американцы достигли удивительных успехов и высокой точности. Вот, к примеру, хотя бы такой факт. Когда я собирался лететь из Вашингтона в Нью-Йорк, сотрудники Национальной авиакомпании сказали, что если я желаю, то за мной в 13 часов 15 минут заедет их машина (нечто вроде маршрутного такси). Зная расстояние от гостиницы до аэродрома и то, что самолет улетает в 14 часов 05 минут, я усомнился, успею ли доехать до аэродрома и оформить билет и сдачу багажа. Меня заверили, что все будет в порядке. И действительно, за мной заехали одной минутой раньше условленного времени. Шофер успел еще сходить к портье разменять деньги, затем по пути в другом отеле он прихватил еще двух пассажиров. Ехал без видимой спешки, строго соблюдая предписания дорожных знаков (однако там, где это разрешалось, скорость по спидометру достигала 90 миль в час, то есть была около 150 км/час). Ровно за полчаса до отлета самолета он высадил нас у подъезда аэропорта. На оформление билета и багажа ушло немногим более одной минуты. Таким образом, у меня оказалось еще сво-

бодное время, чтобы выпить чашечку кофе и за 15 минут до старта занять свое место в самолете. С того момента, когда я покинул номер в гостинице, прошло меньше часа, то есть меньше времени, которое по правилам Аэрофлота пассажир должен провести на аэродроме после регистрации.

Благодаря такой экономной организации времени я имел возможность потратить половину дня на знакомство с Вашингтоном, а не на транспортные мытарства. Самое привлекательное в этом виде обслуживания — полное пренебрежение письменным оформлением сервиса, выдачей всяческих квитанций и заполнением заявок.

В сущности этим отступлением о сервисе я мог бы заключить свои записки. Почти со всеми коллегами-литламериканцами, кроме Ника Ропара, я повидался, и, казалось бы, тема исчерпана, но мне хочется еще рассказать о вторичном посещении Нью-Йорка тогда же, в 1966 году, по возвращении из Вашингтона, когда у меня было достаточно времени, чтобы приглядеться к городу получше.

Правда, о Нью-Йорке написано так много, что я рискую повторить уже многократно сказанное другими.

Прежде всего он своеобразно красив. С высоты сто второго этажа Эмпайр Стэйт Билдинг — небоскреба, претендующего называться «восьмым чудом света», — в погожий солнечный день видны не только весь остров Манхэттен и другие городские районы — Бронкс, Бруклин, Нью-Джерси, Куинс, Стэйт-Айленд, но и соседние штаты — Пенсильвания, Коннектикут, Массачусетс и Нью-Джерси.

Отсюда отлично видны гавань, многочисленные причалы на реке Гудзоне, знаменитые нью-йоркские мосты: Бруклинский, Манхэттенский, Вильямсбургский, Куинсборо — через Ист-ривер, Георга Вашингтона — через Гудзон, наконец, новый, с рекордно длинной стрелой пролета Верзано-бридж — через пролив между островами Лонг-Айленд и Стэйт-Айленд. Этот мост, несмотря на свою огромную длину, очень изящен, кажется легким, почти невесомым — настоящее чудо современной инженерной техники.

Все же нью-йоркские тоннели, соединяющие Манхэттен с Бруклином, Куинсом и Нью-Джерси, мне по душе больше мостов. Они обладают огромной пропускной способностью. Это исключительно интересные в инженерном отношении, высокоэкономичные сооружения, хотя внешне не столь эффектные, как мосты. И те и другие связаны системой широких, пересекающихся на разных уровнях путей, выводящих за город или разветвляющихся на городские улицы.

По одной из таких дорог мы с профессором Ромером проехали километров шестьдесят к северу, в штат Нью-Джерси, на геологическую обсерваторию Колумбийского университета. Она помещается в бывшем имении какого-то богача, завещавшего свой загородный дом на высоком берегу Гудзона с солидным участком земли

вокруг университета. Так как на территории поместья был и большой пруд, то его приспособили под опытовый бассейн океанологов, небольшая лаборатория которых разместилась здесь же. Глава лаборатории доктор Уильям Донн познакомил с программой своих исследований. Меня очень заинтересовали работы, связанные с обнаружением циклонов в открытом океане геофизическими методами.

Из окна рабочего кабинета доктора Донна открывался чудесный вид на невысокие холмы, омываемые полноводной широкой рекой, покрытые нетронутыми лесами. Доктор Донн не без грусти заметил, что это место нравится многим, в том числе губернатору штата Нью-Йорк миллионеру Рокфеллеру и членам его семьи, виллы которых, к несчастью, расположены на противоположном берегу реки. Оказывается, Рокфеллеры любят нетронутый лес, а может быть, только вид его. Но здание обсерватории, единственное в округе, возвышается над лесом и, следовательно, «портит» картину «нетронутой природы».

Ценой крупных денежных субсидий Рокфеллеры добились у попечительского совета университета согласия искусственно расширить площадку перед зданием обсерватории, пересадить на нее высокие деревья, которые бы скрывали здание целиком. Работы эти уже начались тогда и велись индустриальными методами. Нет сомнений, что теперь они уже завершены и чудесный вид из окон обсерватории закрыли деревья.

— Наука от этого, правда, не пострадает, но мы, грешные, лишимся части земных радостей, пока еще доступных нам, — закончил доктор Донн свой не очень-то веселый рассказ.

В этот же день профессор Ромер показал мне среднюю школу, в которой учатся его сыновья, и городок Перл-Ривер, где он живет.

Школа мне понравилась как хорошей организацией обучения, так и гибкостью программы. Старшеклассник может изучать предметы, которые ему нравятся и которые понадобятся ему в практической жизни или в высшей школе. В то же время программа позволяет свести к минимуму изучение предметов, кажущихся молодому человеку менее нужными для избираемого им будущего. Исключение составляет родной язык, изучение которого обязательно в полном объеме для всех оканчивающих школу. Желающие могут в этой же школе изучать в полном объеме все предметы, получая по окончании соответствующий аттестат, дающий право на поступление в любой вуз. Это доступно обычно только наиболее успевающим, самым сильным учащимся.

Много внимания школа уделяет физической подготовке учащихся и получению ими практических знаний в машинописи, топографии, по автоделу, домоводству, в работе на механических станках. Обучение доводится до получения, скажем, водительских прав, официальной квалификации секретаря... Оканчивающий среднюю школу в принципе должен быть готов к самостоятельной

работе на государственной службе или в частной фирме без дополнительного обучения на курсах. Аттестат зрелости, выдаваемый выпускнику школы, по американским понятиям, не может быть чисто символическим документом.

Перл-Ривер оказался типично американским городом-сателлитом, каких много вокруг Нью-Йорка и Вашингтона. В нем есть весь ассортимент учреждений, обеспечивающих существование по американскому стандарту: торговый центр (универмаг и продовольственные магазины), школы, церковь, гольф-клуб, несколько спортивных площадок, кафе, баров и ресторанов, автокино (стоянка для автомашин с большим киноэкраном и установкой для демонстрации фильмов, которые смотрятся зрителями прямо из машин) и бовлинг — специально оборудованный зал для игры в кегли, сбиваемые большими тяжелыми шарами. Их бросают, захватывая тремя пальцами, в специально высверленные отверстия. Кегли подбираются и расставляются автоматом. Есть в городке и свой полевой аэродром для пилотов-любителей.

Интересно, что в одном из ресторанов два дня в неделю вечерами работает официанткой дочь профессора Ромера, студентка колледжа. Родители считают, что эта работа послужит девушке хорошей жизненной школой, приучит ее к самостоятельности, к тому же даст ей личный доход — деньги на развлечения, на расходы по обучению, бензин для автомашины. Такой подход к проблеме трудового воспитания детей довольно типичен для США, где даже в богатых семьях не принято «баловать» будущих бизнесменов.

Много необычного и в Нью-Йорке, и в маленьких американских городках. Но пожалуй, это лишь при первом знакомстве с их жизнью. Когда же проходит острота новизны и вникаешь в мелочи американского быта, начинаешь понимать, что и здесь, как и повсюду на нашей планете, жизнь большинства людей проходит в труде, заботах о насущных нуждах, хотя, конечно, пресловутый американский образ жизни накладывает свой особый отпечаток, выражающийся в постоянной гонке за призрачным успехом в надежде разбогатеть.

Сознаюсь вам, дорогой читатель, сколь ни увлекательны наша работа для непосед, наши странствия по белу свету, но, помыкавший эдак по чужим широтам и долготам, у меня вдруг появляется желание отвлечься от суеты и снелпки. Оно не оставляет меня до тех пор, пока моя нога снова не ступит на землю родного Ленинграда, пока я полной грудью не вдохну бодрящий ветер Балтики. Ведь только на родине и можно отдохнуть, как говорится, и телом, и душой.

И тогда мой испытанный товарищ по странствиям — чемодан, оклеенный рекламными ярлыками отелей пяти континентов, — был поставлен в стеной шкаф.

Только надолго ли?..

Об авторе

Астапенко Павел Дмитриевич, профессор, доктор географических наук. Родился в 1917 году на Украине, в Корсуни (ныне гор. Корсунь-Шевченковский). Работает проректором Ленинградского высшего авиационного училища Гражданской авиации и заведующим кафедрой авиационной метеорологии; участвовал в 3-й и 7-й советских антарктических экспедициях; в 1964—1966 годах занимал пост заместителя генерального секретаря Всемирной метеорологической организации в Женеве.

Автор более 70 научных работ, в том числе пяти монографий по проблемам авиационной метеорологии, климатологии, биометеорологии и природе Антарктики. П. Д. Астапенко опубликовано 10 научно-популярных очерков и книг о его путешествиях, в том числе «Литл Америка», «Путешествие за тридевять земель», «Путешествие к острову четырех вулканов», а также статьи в журналах «Природа», «Знание — сила», «Нева» и других. В альманахе печатается впервые.

ГАМАДРИАДЫ ПОДСТЕРЕГАЮТ В САДУ

*

Рассказ

Мой друг, с которым мы не виделись около полугода, навестил меня как-то поздним вечером. Пожимая его худую, жилистую руку, я с облегчением подумал о вынужденном перерыве. Он посмотрел на пишущую машинку, откуда топорщились только что заложенные чистые листы.

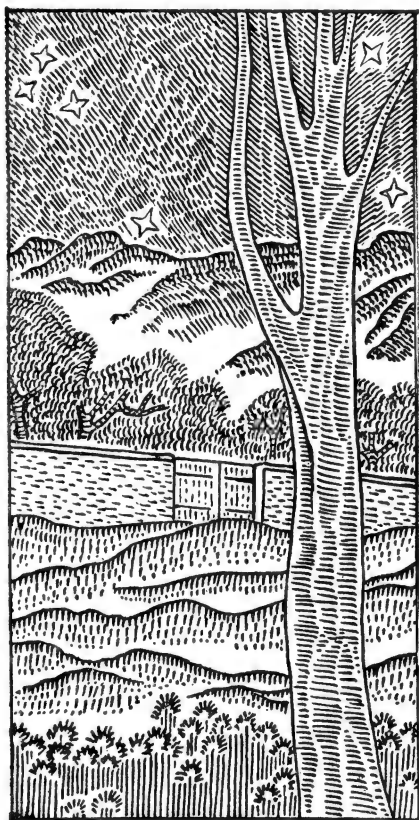
— Я тебе помешал? — несколько растерялся он.

— Нельзя ли без глупостей? За полгода каких-то три невразумительных письма!..

— Ах, эти мелочи! — со странной горечью бросил он и, сняв плащ, потянулся за сигаретой. Мой друг был высок, на полголовы выше меня, и почти тощ. Казалось, он постарел и лицо его сейчас было задумчивее обычного.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, отыскивая глазами спички.

Он тронул кончиками пальцев свое лицо, будто проверяя его худобу, потом нервно

повернулся ко мне и неожиданно заговорил, словно продолжал начатую тему:

— Она скончалась позавчера, при полном сознании...

Мелкий осенний дождь монотонно стучал в стекла, рассыпая серебристую пыль.

— Вдохновляющее вступление, нечего сказать, — заметил я. — Несчастный случай?

— И да и нет...

— Не понимаю.

— Поясню, — проговорил он, устраниваясь в кресле. — Она работала со змеями. Все попытки спасти оказались тщетными.

Низкая настольная лампа бросала желтые отсветы на склоненную голову, на светлые прямые волосы. Лоб прорезали глубокие морщины, под глазами обозначились припухлости, губы были плотно сжаты. Большие карие глаза выжидательно оставались на моем лице. Взгляды наши встретились.

— Единственный случай?

— Не в том дело, — будто нехотя отозвался он. Глаза его потемнели. — Мы, герпетологи, смотрим на эти вещи иначе. Ты вряд ли это поймешь... Конечно, случается и непоправимое, но редко и лишь по нашей собственной неосторожности. Для нас, горстки сотрудников серпентария, и для Ирины Павловны офидий, змеи — это сокровенный мир тайн, тайн и известного риска. Молниеносное, холодное и немного болезненное в первый миг прикосновение смерти. Не больше укуса пчелы... В Бразилии за год насчитывают две тысячи жертв, а в Индии еще недавно ежегодно умирало около двадцати тысяч человек! Только один грамм высушенного яда кобры смертелен для ста семидесяти человек... А видел бы ты их танцы... Ты не был в змеином питомнике?

— Я как-то не воспитал в себе вкуса к чрезмерно острым ощущениям, — оборнил я, — это вы испытываете потребность в игре со смертью.

— Ирине Павловне Баталиной, может быть, только возраст, — а ей было около сорока — не позволял признаться в романтической привязанности к нашему питомнику.

— Ты хочешь сказать, к змеям? — поправил я.

— Ты можешь называть это, как тебе больше нравится. Но она сталкивалась с ними почти каждый день, что называется, лицом к лицу и не с одной, а со многими в течение пятнадцати лет.

— Что же это за змеиный курорт, где гадюки и кобры обольщают женщин?

— Серпентарий, о котором идет речь, находится в песках, в искусственном оазисе, но я пока не буду указывать его точного расположения.

— Почему такая таинственность? — удивился я.

— Мы не любим, когда нас отвлекают ради простого любопытства. К тому же там собраны самые ядовитые змеи мира:

бушмейстеры из Южной Америки, черные гадюки из Австралии, королевские кобры из Индии. Их там много... Есть виды исключительно ценные для исследователей. В нашем оазисе они живут в обстановке, наиболее близкой к их природной среде. В жарком климате Средней Азии их жизненный тонус и ядовитость настолько высоки, что мы не можем гарантировать безопасности посетителям. Тебе я могу даже сказать, что, несмотря на нашу изобретательность, отдельным особям удастся иной раз каким-то путем вырваться на свободу и поселиться поблизости. Наш филиал института вакцин и сывороток ведет сложные изыскания противоядий. Бразильский серпентарий в Сан-Паулу — Бутантан стал лишь прообразом для постройки нашего. Мы стремимся практически помочь населению тропических стран...

— Я хочу знать подробности, — потребовал я, усаживаясь в кресло напротив. — Человек и змея — всегда волнующее сочетание, но когда в такой ситуации женщина — это настояживает.

— Да, пожалуй. Если я расскажу, это поможет мне самому разобраться... стечение обстоятельств или моя собственная трусость привели к трагическому концу.

Я промолчал, ожидая рассказа.

— Как я говорил тебе, змей у нас очень много. Через каждые две недели мы должны «доить» наших питомцев, но из-за их многочисленности персоналу серпентария приходится заниматься этим каждый день. Что и говорить, когда рабочий день подходил к концу и все заканчивалось благополучно, мы воздавали хвалу собственной аккуратности и спешили в цокольный этаж принять холодный душ.

Взгляд моего друга задержался на косых полосах дождя в окне.

— Расскажу тебе об Ирине Павловне и гамадридах, — начал он и смолк. Некоторое время он сидел подавленный, словно стараясь унять внутреннюю борьбу, два или три раза машинально коснулся рукой волос и за весь вечер только раз изменил позу, когда прикуривал от моей спички. Я услышал историю, будничные элементы которой переплелись со странными для меня подробностями. Необычайность их усиливалась оттого, что фоном повествования служили змеи...

Как наяву вижу высокую стройную женщину с серьезными серыми глазами. Ей были свойственны быстрые, точные, но не порывистые движения и спокойный тон голоса. Ирина Павловна Баталина заведовала серпентарием и в шутку называла своих сотрудников, в основном молодежь, заклинателями кренделей и погремушек, намекая на очковых и гремучих змей, или «резвыми ипихондриками» — странная женская причуда. «Кто выстоял в поединке — вы или масса-сауга?» — бывало приветливо

спрашивала она мимоходом кого-нибудь и, выслушав и молча кивнув, спешила дальше по узкому светлому коридору. Но после такого, казалось бы, малозначащего разговора мы засиживались в лаборатории часто до поздней ночи...

Змеи обитали за цементной стеной, проволочной сеткой и глубоким рвом, наполненным водой, среди персиковых деревьев большого солнечного сада. Туда можно было попасть лишь по откидному мостику. В царстве змей тут и там высились земляные полушария с четырьмя накрест расположенными входами.

Нам стало известно, что в микробиологическом институте имени Хавкина в Бомбее что-то не ладится с моновалентной сывороткой от яда одной из опаснейших змей Индии — гамадриада. Обычно змеи при встрече с человеком стремятся скрыться. Только те, которых мы сами ставим в безвыходное положение, нападают. Но гамадриады часто беспричинно преследуют людей. А сила их яда поистине ужасна! Известны случаи, когда смерть наступала уже через двадцать минут.

Мне запомнился день, когда к злобно шипящему населению персикового сада прибавились два гамадриада. Их принимал у индийских герпетологов наш «ветеран», регистрирующий всех поступающих офидий, вечно насупленный Саша Бронников. Даже видавшего виды Сашу так поразила величина обоих экземпляров, которых он увидел через оконца деревянного ящика, что строки официального протокола запрыгали перед его глазами и он сбивался несколько раз. В маленькой канцелярии находилась Ирина Павловна. Она заглянула в ящик.

— Почему они такие вялые? — заинтересовалась она. — Недавно пойманы или взяты из серпентария?

Переводчик заверил ее, что змеи полтора месяца назад доставлены из окрестностей Бенареса.

— Ах, вот как! — выразила удовлетворение Баталина. — Ведь общий недостаток серпентариев тот, что его обитатели выживают в среднем не более полугода. А у нее кроталус атрокс — один из трех — благополучно здравствует уже девятый месяц.

— Вы многого добились! — вежливо удивились гости.

— А вот как вынесут неволю эти, — Баталина кивком указала на ящик, — предвидеть невозможно. Успеет ли мы поработать над ними?

— Под началом такой прекрасной дамы и они захотят долго жить, — нашлись гости, — а если все же умрут, мы изловим новых!

Только начало смеркаться — все двенадцать сотрудников серпентария уже собрались на висячих мостках над местом, где недавно выпустили новое пополнение. Через некоторое время, прибегнув к помощи светосильного бинокля, мы увидели сначала одного, а затем немного в стороне и второго гамадриада. В меркнувшем предвечернем свете они показались нам темными неподвижными спиралями, прикрытыми веткой терновника. Мы толпились на мостках, мешая друг другу. Под нами были без малого шестимет-

ровые королевские кобры, каждая из которых, возможно, убила несколько человек. От этих мыслей перехватывало дыхание. Персиковый сад... Опаснейший из растительных ядов в косточках ароматных, налитых солнцем бархатных плодов... И под сенью деревьев — скользкие, холодные обладатели сильнейших из животных ядов.

В тот вечер в нашем возбужденном мозгу случайные совпадения превращались в какие-то романтические закономерности:

персиковая косточка и два подвижных ядовитых зуба королевской кобры! Нам казалось тогда, что сама собой напрашивается мысль о таинственной внутренней связи. Конечно, все это чепуха, и персиковый сад выращен был только потому, что ближайший совхоз предложил нам лишние саженцы. Но тогда мы склонны были усматривать нечто мистическое в том, что персиковый сад дал приют ядовитейшим из земных тварей...

— Кто же ими займется? — спросила Баталина.

Ее будничный деловой вопрос рассеял наши фантазии. Мы притихли, каждый взвешивал свои возможности. Повинуясь внезапно внутреннему импульсу, я сказал:

— Ирина Павловна, если мне доверят...

— Отчего же нет, — помедлив мгновение, отозвалась Баталина, — ведь кому-то нужно с ними работать. Или я займусь.

Кое-кто из коллег с любопытством заглянул мне в лицо, и мы молча зашагали по подвесным мосткам в лабораторию.

...Это были в высшей степени злобные и свирепые змеи. И какой они обладали силой! В моих руках перебивало их немало, но эти две мне особенно запомнились. Самолюбие мое вполне было удовлетворено: я чувствовал себя почти героем.

В серпентариях змеям не вырывают зубы, а действенного противоядия мы к тому времени еще не имели. Поэтому занятия с нашими «милыми» созданиями всякий раз значительно встряхивали нервы. Ведь даже легчайшая царапина от змеиных зубов могла стать смертельной.

Мы прикладывали электроды против того места, где помещались ядовитые железы, и к любому другому месту, чаще к хвосту. Потом включали ток. Такой способ получения яда меньше изнуряет и травмирует змею, чем массирование ядовитых желез. Вытекающие четыре, пять или шесть капель яда собирали, прокалывая змеиными зубами эластичную резиновую пленку на мензурке. Затем собранную зеленоватую жидкость сливали в стерильные пробирки или высушивали в часовых стеклах на солнце. Сухой кристаллический яд исключительно долговечен. Он не теряет ядовитых свойств свыше двадцати пяти лет.

Яд нам нужен был во все возрастающих количествах для проверочных инъекций лошадям и другим животным. Дозы его при впрыскиваниях мы непрерывно увеличивали. Заготовка яда для будущих экспериментов была мучительно медленной. Я получал его крохотными порциями через каждые две недели. Такой промежуток позволяет змее отдохнуть от болезненной процедуры и накопить его вновь. Мы стремимся изготавливать обезвреживающие яд сыворотки.

«Механизм» невосприимчивости к змеиному яду прост. Если животное, которому ввели яд, перенесло отравление, то его организм начинает вырабатывать к этому виду яда так называемые иммунные тела, и следующие отравления переносятся уже сравнительно легко. Повторными инъекциями можно добиться того,

что даже многократная смертельная доза яда будет нейтрализована и выведена из организма. Естественного иммунитета у человека к змеиному яду нет. Последствия отравления в конечном счете зависят от пропорции между весом тела пострадавшего и количеством введенного токсина. Чем человек тяжелее, тем количество яда, поступившего в организм, на килограмм его веса соответственно меньше и состояние укушенного лучше. Сыроватку получаем из крови лошадей. Почему лошадей, а не морских свинок? Да потому, что у лошадей можно за один раз взять много крови.

Появление королевских кобр никак не отразилось на птичьем населении нашего сада. Чирикание и щебет раздавались со всех сторон. Приятно было наблюдать за веселой возней пичужек в листве деревьев. Вверху беззаботно порхали птицы, а внизу, на земле, царило могильное безмолвие и только кое-где под склоненной зеленой ветвью мы замечали мечущиеся раздвоенные молнии, ощупывавшие листву и камни, — черные змеиные языки.

Но к вечеру, когда дневная жара спадала, наземный мир оживал. В сумеречных тенях с вкрадчивым шорохом скользили длинные узорчатые тела. Мы следили за ними в бинокль из лаборатории или, поднявшись на плоскую кровлю здания, направляли в сад небольшой прожектор. Ночи бывали обычно звездными, ни единого облачка не появлялось месяцами. А утром, отрешившись от навязаний наивной ночной романтики, мы снова принимались за колбы, пробирки, переливания настоев и, поймав в коридоре одного из двух змееловов, толковывали по цветным таблицам, какую очередную змею следовало поймать... Все шло по раз заведенному порядку, и лишь чрезмерное пристрастие некоторых змееловов к спиртному омрачало нашу размеренную жизнь. Они оправдывали дружбу с бутылкой опасностями своего занятия, которое, по их мнению, требовало «приема чего-либо успокаивающего». Но они редко ошибались в распознавании нашего своеобразного материала, доставляли всегда то, что требовалось, и к их слабости до поры до времени все относились снисходительно. Это оказалось явной ошибкой.

Однажды тихим теплым вечером мы собрались в лаборатории и, прослушав по радио последние известия, обменивались историями и забавными приключениями из нашей жизни. С нами была и Ирина Павловна. Она рассказала интересный анекдот о плетевидной древесной змее. Как-то бразильский профессор-герпетолог в своем кабинете, наполненном коробками и террариумами с живыми и препарированными змеями, упаковывал книги для нашего института. Весь во власти каких-то своих мыслей, он завернул посылку в серую оберточную бумагу и подписал адрес. Не найдя в ящике стола шпагата, он крикнул ассистенту, чтобы тот принес бечевку, и на минуту вышел из кабинета. Возвратившись, он нашел на диване какой-то серый шнур, рассеянно поднял его и обязал им посылку. Передав ее мимоходом служащему института, он направился домой.

Пропутешествовав много дней по почтовым отделениям, посылка легла на директорский стол нашего института. Она была скреплена печатями и перевязана толстым тускло-серым с буроватым оттенком шнуром. «Какой симпатичный шнур,— сказала одна из лаборанток и принялась аккуратно его развязывать.— Посмотрите,— добавила она,— он весь в мелких, едва заметных чешуйках. Совсем как на змеях. Впервые вижу такой шнурок!» И вдруг на глазах у ошеломленных очевидцев шнурок начал быстро без посторонней помощи разматываться! Еще миг — и шнур соскользнул со стола на пол, а потрясенная этим зрелищем аудитория с воплями кинулась вон из комнаты... Рассеянный бразильский профессор перевязал посылку живой плетевидной змеей, случайно выбравшейся из коробки...

— Этот анекдот основан на том, что древесные плетевидные змеи прекрасно умеют притворяться,— сказала в заключение Баталина,— они подолгу замирают и становятся похожими на сучья и веточки деревьев или тонкие лианы и даже раскачиваются и колышутся на ветру. Оснований для курьезных выдумок более чем достаточно...

Вдруг она смолкла и быстро посмотрела в окно.

— Мне послышалось...— начала она и не договорила.

Разговоры разом оборвались, все прислушались. Я запомнил выражение какого-то неопределенного беспокойства на лицах, густую синеву неба за окном и черные силуэты персиковых деревьев в фиолетовой дымке. Затем припоминаю раздавшийся в тишине легкий скрип перекидного мостика, чьи-то ритмичные тяжелые шаги по деревянному настилу. Кто-то вошел в царство змей в самую опасную пору. Саша Бронников и одна из лаборанток кинулись к окну. Два взволнованных голоса окликнули человека, который шагал по змеиным владениям, задевая ветви деревьев. Ответом был только шорох листьев. Но вот раздалось невнятное пьяное бормотание.

— Назад! Эй, кто там?! — закричали мы громко и нестройно, вглядываясь в ночную тьму.

— Несчастный! — тревожно вскрикнула Ирина Павловна.— Змеи не терпят, когда мешают их ночной охоте!

Мы растерянно сгрудились у окна.

— Что ж мы медлим! — спохватилась Баталина.— Скорее защитные костюмы! Где они, кто знает?

Но это знали лишь наши змееловы. Одни бросились искать защитные костюмы в мастерской плотника, другие — в сторожевой будке. Ирина Павловна, я и еще двое сотрудников замерли у распахнутого окна.

Не успели стихнуть быстрые шаги в коридоре, как мы услышали из сада приглушенное восклицание, потом громкую брань. Затем кто-то принялся топтать или танцевать под деревьями. До нас доносились проклятия и испуганный возглас внезапно протрезвевшего человека: «Тьфу, гады! Здесь полно вас!» Послыша-

лось нечто похожее на рычание и новое восклицание: «Уу... проклятые! Ибрагим вам покажет!.. Перетопчу, как червей!» Прежде чем мы успели сообразить, что означали эти крики, Баталина выпрыгнула из окна... Окно метрах в двух от земли. После короткого замешательства я и еще кто-то почти одновременно прыгнули вслед за ней.

— Не смей за мной! — резко бросила Ирина Павловна и метнулась к опущенному мостику.

Мы устремились за ней.

— Вы слышали приказ?! — крикнула она, на мгновение обернувшись в нашу сторону.

Баталина находилась уже в питомнике.

Свет из окна на мгновение осветил ее лицо и большие расширенные глаза. Я замешкался у мостика. И почти с отчаянием воскликнул:

— Вы не должны!.. — Мне хотелось предупредить, что женщины чувствительнее к яду, чем мужчины, и я закричал: — Для женщин укусы опаснее!

Звук собственного голоса неожиданно придал мне решимость. Приказ Баталиной вылетел у меня из головы, в два прыжка я преодолел перекидной мостик. Но Ирина Павловна успела скрыться за рядами черных деревьев. За мной быстро перебежала мостик девушка. Из темноты неслись стоны и всхлипывания. Что-то слабо хрустнуло под ногой, и послышалось шипение. Иголкой кольнуло сердце. Я мгновенно отпрыгнул во мрак. Ветви хлестнули по лицу, сучок содрал кожу на ухе. Выставив вперед руку, защищая другой глаза, я побежал туда, где раздавались голоса. Еще раз злобное шипение раздалось где-то рядом. Я шарахнулся в сторону. Потом наткнулся на земляное полушарие и оцепенел от ужаса. Здесь нетрудно было получить сразу несколько укусов! Возле домиков всегда держались змеи. Но сейчас их, должно быть, не было... Каждый нерв напрягся как струна. Мне казалось, что я ощущаю запах тления. А может, это пахли персики? Отовсюду мне чудились посвисты и шипение, мерещились готовые к смертоносному броску змеи... Неожиданно я услышал рядом глухие пьяные стечения и сухой четкий голос Баталиной.

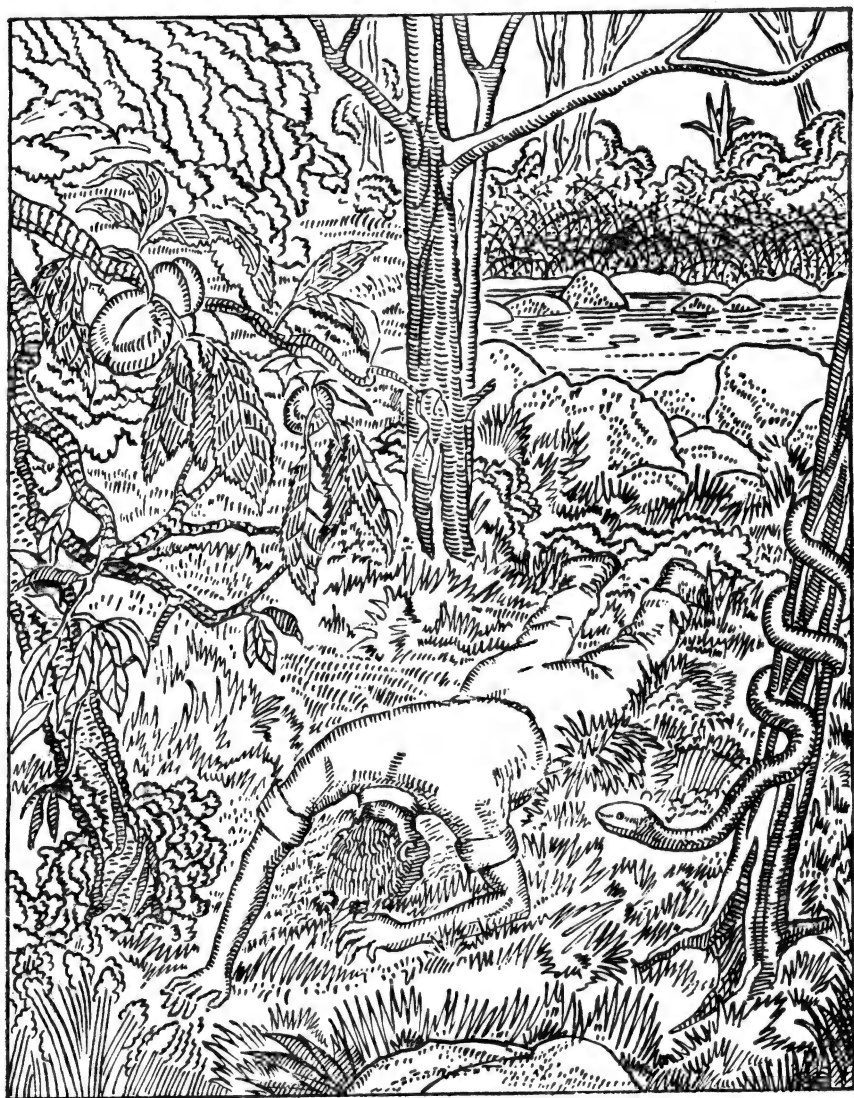
— Всеволод? — наугад спросила она.

Я выбрался из сплетения ветвей и наклонился над распростертым телом. Разумеется, это был один из любителей спиртного.

— Так вы не сочли нужным подчиниться? — как-то с трудом, запинаясь, проговорила Ирина Павловна. Но в ее тоне я не уловил осуждения.

— Вы не взяли фонарь? Попробуйте поднять его, — говорила она, — я, к несчастью, не смогу помочь вам. Идите, идите, Всеволод! — торопила она, пока я взваливал на плечи обмякшее тело змеелова. — Торопитесь, голубчик! Они могли его порядком искусать.

Лицо змеелова касалось моей щеки. Оно было мокро от пота,

в нос несло винным перегаром. «Спирт расширяет сосуды,— думал я,— и яд быстрее отравляет организм». С трудом удерживая равновесие, я медленно двигался в высокой траве. Былой страх выветрился полностью. Я шел размеренным размашистым шагом. Черные, словно нарисованные тушью, деревья проступали на фоне неба. Мужской голос окликнул нас. Он принадлежал Саше Бронникову. Он помог мне. Вдвоем мы почти бегом

донесли змеелова до мостика. Тем временем кто-то догадался включить прожектор, осветивший нам путь.

Первое время мы не знали, что и Ирина Павловна укушена. Мы хлопотали со шприцем и медикаментами вокруг дюжего змеелова, щупали пульс, покачивали головой, видя, как быстро падает у него кровяное давление. И тут, держась за косяк, в дверях директорского кабинета, куда принесли пострадавшего, показалась Баталина с мертвенным в бисере пота лицом и помутневшими глазами.

— Сыворотку,— прошептала она едва слышно,— поливалентную. Не смогла определить змею.

Она покачнулась, мы ее подхватили. Внимание наше рассредоточилось. Теперь уже приходилось спасать двух быстро холодевших людей. Клиническая картина отравления у змеелова была запутанна. На левой ноге и на руке мы обнаружили следы трех укусов. Они очень походили на булавочные уколы. Вокруг укусов кожа припухла и посинела. Должно быть, змеелов подвергся нападению змей с двумя различными типами ядов. Один из них разрушает стенки кровеносных сосудов, что приводит к многочисленным кровоизлияниям, так как кровь выпотевает в окружающие ткани. Помимо того, эти яды растворяют красные кровяные шарики, происходит так называемый гемолиз. В сосудах образуются сгущения крови — тромбы, которые закупоривают кровяное русло. Смерть наступает от инфаркта или удушья. Такой тип яда у гадюк и гремучих змей. Другой тип, содержащий нейротоксины, влияет в основном на нервную систему и приводит к параличу дыхательных путей и дыхательного центра в мозгу. Укус гадюковых имеет как бы местный, ограниченный характер, укус змей с ядом второго типа вызывает общее отравление и потому намного опаснее...

Нам скоро стало ясно, что Ирину Павловну укусила одна из кобр. Одышка, учащенное сердцебиение, тошнота, головокружение и рвота, сухость и горький вкус во рту, высокая температура не оставляли сомнений в диагнозе. Паралич дыхательных органов мог произойти в любую минуту. Но мы были во всеоружии. Вероятность того, что Баталина укушена гамадриадом, была ничтожна. Противозмеинные сыворотки и весь арсенал пузырьков и ампул для поддержания сердца всегда были у нас под рукой. Началась битва за жизнь, она велась с переменным успехом.

У нашего змеелова на руке и ноге появились обширные отеки, развились пузыри с прозрачной жидкостью. Несколько раз он ненадолго терял дыхание. Грелки, инъекции адреналина с кофеином, сыворотка не принесли улучшения.

Резиновые подушки со смесью кислорода и углекислого газа были разбросаны всюду. В полуоткрытую дверь тянулось из коридора сизое облачко. Там нервно курили. У змеелова стал все чаще пропадать пульс, лицо и шея багровели. В начале второго

часа ночи человек, лежавший на диване в кабинете директора, бессильно уронил голову. Все было кончено...

В соседней комнате отчаянно боролась со смертью Баталина. Пульс слабо прощупывался. В течение шести часов ей ввели двести сорок миллиграммов сыворотки «антикобра», глюкозу и вещества для поддержания деятельности сердца. Еще через два часа всем стало ясно, что ее жизнь вне опасности. Выдержке Баталиной позавидовал бы любой мужчина... Дело в том, что при лечении от змеиного яда большое значение имеет психическое состояние человека, моральный фактор. Только от сознания, что их укусила змея, многие пострадавшие полностью лишаются самообладания. Это вполне понятно. Но необоримое чувство страха очень осложняет лечение. А Ирина Павловна, работая столько лет со змеями, научилась смотреть на них как на обычных пресмыкающихся, наделенных некоторыми неприятными свойствами. Она их не боялась, как боится большинство людей, не видела в них ничего сверхъестественного. Так по крайней мере мы думали. Возможно, впрочем, она просто умела владеть собой.

На второй и третий день у нее возобновлялись рвота и судороги рук и ног. Что и говорить, на работе у нас в те дни ничего не клеилось. Мы ходили подавленные и мрачные, и перспектива брать в руки ядовитых гадов приводила многих в содрогание. Когда на шестой день руководительница нашего института первый раз прошла по лаборатории, в обычной деловой манере расспрашивая о работе, мы устроили ей шумную встречу и подбабляющим образом отметили ее выздоровление.

Скоро все вошло в обычную колею, потекли будни, похожие друг на друга, как близнецы. Я делал инъекции лошадям и проверял сыворотки на животных. Кошки, например, менее чувствительны к яду кобры, чем собаки, а черные голуби, как ни странно, более, чем белые. Наименее чувствительны к нему лягушки и коричневые крысы, опаснее яд для белых крыс, мышей, морских свинок и в еще большей степени для кроликов.

Признаюсь, в моей работе долго ничего не получалось. Я выдвигал отравляющие начала. Это оказалось довольно сложно, но дальше дело некоторое время не двигалось. Я был раздражен серией неудач и старался реже встречаться с Ириной Павловной. Вероятно, она замечала, что я нервничал, потому что как-то после очередного собрания комсомольского актива в начале июня зашла в мой кабинет с очевидным намерением поговорить. Баталина застала меня за довольно хаотическими поисками в гряде специальной литературы некоего «нового пути». Я в смущении сгреб авторитетов в выцветших переплетах и освободил стул.

— Зачем столько нервов, Всеволод, — внешне серьезно заметила она, присаживаясь. — Ни вы, ни книги не виноваты. — Она оперлась на локти и мапинально надела очки, которыми пользовалась, когда читала. Тем же произвольным движением она сняла их.

— В них можно найти почти все, но ничего из того, что нужно мне, — невпопад сказал я.

— Но «они» не знали, что нужны будут вам именно сейчас. Я подумал, что она рассмеется. Сам я не находил ничего смешного. Я был взволнован и недоволен собой.

— А вы определенно знаете, что хотите найти?

Мне оставалось пожать плечами.

— Честно говоря, только приблизительно.

— Может быть, поэтому они и молчат?

— Уже столько времени я вожусь с этим... и все впустую. — Я начал искать под грудой книг сигареты.

Баталина внимательно смотрела на меня, будто впервые видела.

— Вы не возитесь, Всеволод, а ищите. И я уверена, что ваши поиски многое вам дали. Сейчас они, возможно, незаметны, но потом вы почувствуете. Так всегда и со всеми. Со мной было то же самое. Вначале я, случалось, совсем отчаивалась, пока не поняла, что еще не втянулась в меняющийся ритм успехов и неудач. Процессы мышления слишком субъективны... Почему бы вам временно не отвлечься от вашего дела?

— Отвлечься? Вы находите, что так будет лучше?!

— Нахожу. Вполне серьезно. Не удивляйтесь. Убеждена, что голова ваша достаточно загружена всем, что ей нужно. Оставьте ее на время без новой «пищи». Стимулирование мысли нужно строго дозировать. «Шестерни» мышления могут раскрутиться сверх оптимальной величины и утратить логическое сцепление друг с другом. У нас у всех временами бывает состояние, которое ведет только к нервному истощению, когда голова гудит, мыслей много, а толку мало... Дайте голове передышку. Переключите внимание на другое, даже на пустяки, скажем почитайте фантастику. В библиотеке, кажется, что-то имеется... Послушайте меня: не подстегивайте вашу мысль. Позднее вы неожиданно для себя и в лучшей форме вернетесь к вашей теме, возможно даже с готовым планом. Вы не можете не знать, что временное «безделье» в науке не безделье бездельников. Часто оно предшествует качественному скачку.

Я слушал Баталину с прежним смущением, хотя находил, что она до известной степени права. Однако следовать ее совету не стал. Затем неожиданно наступил момент, когда я осознал, что сыровотка получена...

Ночь после моего открытия я провел лежа одетым на постели, глядя из темной комнаты на смутно рисовавшиеся на звездном небе кроны персиковых деревьев. Сильное возбуждение не давало мне уснуть. Наконец я принялся бессмысленно шагать по комнате, натыкаясь впотьмах на стулья. Я разговаривал сам с собой, окрыленный успехом, собирался, кажется, объявить тотальную войну всему злу на земле. Конечно, я не мог желать поголовного уничтожения всех змей. Я знал, что если не трогать их, то они

заслуживают репутацию полезных животных, во множестве истребляющих различных вредителей — насекомых и грызунов.

Захотелось пить. Я на ощупь налил в стакан, залпом осушил его и попытался сосредоточиться на завтрашней работе. Но одна и та же мысль преследовала меня: «А не проверить ли сыворотку на себе, немедленно, сейчас! Выбраться в сад, дать укусить себя гамадриаду и сразу вернуться... Стоит ли дожидаться, когда в Индии обнаружат жертву гамадриада?!»

Кажется, я был близок к тому, чтобы прыгнуть в окно. В тот момент я рассматривал такой поступок едва ли не как свой долг. Меня остановило только то, что среди ночи может подняться переполох и я прослышу мальчишкой-авантюристом... Да, именно это соображение и остановило меня. А затем случилось непоправимое.

Всю следующую неделю я посвятил проверке полученной сыворотки. Ставил один эксперимент за другим и убеждался, что не ошибся. Тогда счел возможным сообщить о результатах Баталиной. В точности помню весь разговор и последовавшие за ним события. Мой рабочий журнал лежал на ее столе. Побледневшее, осунувшееся лицо склонилось над списанными страницами, коротко подстриженные волосы делали ее похожей на подростка. Она была как всегда аккуратна и подтянута. Несмотря на жаркую погоду, чистый, без единой морщинки халат был застегнут на все пуговицы.

— Что ж вы стоите, Всеволод? — обратилась она ко мне, не отрываясь от журнала. — Возьмите стул, будете мне объяснять.

Говорила Ирина Павловна спокойно, негромко. Тембр ее голоса чем-то напоминал мне чистый, неторопливый говорок весеннего ручья. Слова она произносила внятно, размеренно, как учителя младших классов, но покровительственного тона я никогда не замечал. Почему-то казалось, что воробьи, затеявая потешные ссоры у наших окон, веселее прыгали, когда на них останавливался задумчивый взгляд этой строгой и в то же время ласковой женщины. Она не знала радостей и уюта собственной семьи, и, может быть, потому теплые серые глаза ее иногда будто заволакивало туманом грусти. Она редко улыбалась нам, но я не помню ее рассеянной.

— Процент нейротоксина необычайно высок, — сказала Баталина и подняла на меня глаза. — Вы уверены, что не ошиблись? Ведь это свидетельствует о...

— Вот именно, — озабоченно подтвердил я.

— Сыворотка должна быть очень действенной. Нейтрализовать такой сильный яд трудно!

— Ошибка в анализах может стать роковой, — закончил я за нее.

— Это ясно.

— Не поработать ли мне еще? — неуверенно проговорил я.

— До сих пор вы не ошибались, — одобрительно сказала она, снова заглядывая в журнал. — Отчего же сомневаться сейчас?

Я молчал.

— Не тревожьтесь, — мягко успокоила меня Баталина. — Записи говорят сами за себя. Сыворотку вы получили. Хотелось бы поздравить вас, но лучше подождать до строгой проверки препарата. Индийские коллеги спрашивались о ходе ваших работ.

Я смущенно молчал. Она бросила на меня теплый взгляд.

— Надеюсь, скоро мы их порадуем. Словом, вы справились. Наверно, устали. Но нужно спешить... Все будет хорошо, — задумчиво добавила она, — должно быть хорошо...

Я вышел. Неясная тревога не оставляла меня. Украдкой я вновь и вновь проверял расчеты, ставил опыты, сравнивал результаты. Уверенность моя крепла. Я готовился выдержать самый ответственный экзамен. Но никто в то время не знал, что еще один человек тоже собирается сдать его, но совсем по-иному.

События развернулись вскоре после памятного разговора. Ирина Павловна, по-видимому, торопилась. Как я догадался позже, она надеялась на остаточный иммунитет. У человека, укушенного змеей, слабая восприимчивость к новому отравлению сохраняется до двадцати, реже тридцати дней. Шел двадцать седьмой день после того, как Баталину укусила змея. Совершенно неожиданно она объявила, что проверку новой сыворотки на человеке назначает на завтра. Сразу же я пошел к ней, намереваясь настаивать на своей кандидатуре. Я был вполне убежден в своих правах и в целебных свойствах противоядия. Между нами произошел короткий, но многозначительный разговор, который меня настолько ошеломил, что, выйдя от Ирины Павловны, я машинально забрел в чужой кабинет.

— Осторожно! — услышал я испуганный женский возглас. — Опрокинете термостат!

Я очнулся.

— Ирина Павловна намерена испробовать сыворотку на себе, — уныло проговорил я.

Кто-то скрикнул стулом, монотонное жужжание электрической центрифуги внезапно смолкло.

— Этого нельзя допустить! — категорически выпалил один из наших сотрудников — Сергей Сенцов. Его рука энергично рубанула воздух. — Ты-то хорош, — напустился он на меня, — не мог разговаривать, как мужчина! Внушить доверие! Промямлил, должно быть, что-то невнятное, и румянец расползся до ушей!.. Ирина Павловна, конечно, видит: сыночку-то еще в колыбельке лежать, «уа-уа» говорить, а он, бедняга, «просит бури» и лепечет о сыворотках и змеях!..

Это была типично сенцовская форма реакции на события, выпадавшие из привычного ритма будней.

Между тем в кабинете у Баталиной все выглядело по-другому:

— Зачем, собственно, откладывать опыт до завтра?— почти продиктовал я.— Готов подвергнуться эксперименту сейчас же!

Ирина Павловна поднялась. Лицо ее было непреклонно. Мне вдруг показалось, что Баталина провела бессонную ночь, и, может быть, не одну.

— Полагаю,— сдержанно заговорила она,— что торопиться надо. Это просто наша обязанность. Торопиться, но не проявлять ненужной поспешности.

— Хорошо,— согласился я,— тогда завтра. Как вы предполагаете провести его?

— В наибольшем приближении к жизненной ситуации. Змея кусает человека, кусает так, как обычно это делает. В любом случае ваша сыворотка должна спасти пострадавшего. Теперь ясно? Никаких искусственных инъекций. Завтра синоптики обещают знойный день. Стало быть, в самые жаркие часы при наибольшей сухости воздуха. Так сама жизнь выдаст диплом новому препарату.

— Режим я должен, конечно, вести обычный?

— Вы? Безусловно! Равно, как и все мы. Вы будете ассистировать.

Стало вдруг тихо, будто кто-то невидимый плотно прикрыл дверь.

— Но позвольте!— вырвалось у меня.— Не может быть! Неужели я ослышался?.. Кто же в таком случае будет подвергнут опыту?..

— Не волнуйтесь, Всеволод. Первой рисковать буду я. Это решение твердо. Именно в данном случае подвергать вашу жизнь опасности я не вправе. У вас семья.

— Я не согласен,— запротестовал я.

— Напрасно. Вам как создателю противоядия гораздо удобнее наблюдать только со стороны. Болезненное состояние лишит вас возможности точно оценить действие препарата и не позволит свободно манипулировать всем арсеналом пузырьков. Вам же необходимо будет следить за симптомами отравления. Признайте же, что я права!..

— Может быть,— раздосадованный, признался я,— но я категорически против вашего участия. Решительно против! Напрасно я не ...— я осекся.— Вы еще не окрепли. Вам нужна длительная передышка...

— Своевольничать не позволено и в школе,— так же спокойно, но уже властно заявила она.— Тем более у нас. Не узнаю вас, Всеволод... А чтобы ваши фантазии не сыграли с вами невзначай злой шутки,— внезапно догадалась она,— попрошу весь запас жидкого и сухого токсина гамадриада до конца эксперимента перенести в мой сейф, а вам придется на сегодняшний день расположиться в моем кабинете... За дурные мысли вы будете наказаны... Поймите, у меня, возможно, еще сохранен остаточный иммунитет. Так что я действую не вслепую.

Я вышел из кабинета Ирины Павловны со щемящим чувством, что несколько дней назад, не решившись на ночную вылазку, сваял дурака...

Мне необходимо было немного успокоиться, сосредоточиться на том, что ожидало меня завтра, я занялся литературой о кобрах. Особенно опасна королевская кобра в период размножения. Тогда она часто беспричинно бросается даже на слонов, кусая в наиболее уязвимые места — в конец хобота или в мякоть возле ногтей. Она выбрызгивает иногда так много яда, что слон погибает через два или три часа! Королевские кобры в этот период становятся настолько опасными, что в Индии движение по многим дорогам через джунгли прекращается.

Наутро мы встретились с Баталиной как обычно. Я поздоровался, захотел кое-что сказать ей, но, пока подбирал слова, передумал.

— Часа в три, — напомнила она, и я понимающе кивнул.

Казалось, все было учтено. Все, кроме, как выяснилось позже, одной «мелочи».

День выдался душный, томительный. У Баталиной над верхней губой выступила испарина. Я опустил мостик через ров.

— Здесь вы останетесь и будете терпеливо ждать, — распорядилась она и ступила на дощатый мостик.

Мной овладело странное чувство, точно я мысленно прощался с ней. Я глядел вслед удаляющейся фигуре в белом. Рядом со мной стояли две женщины-врачи средних лет. Я подивился их внешней невозмутимости.

— Ирина Павловна хотя бы приблизительно знает, где их искать? — спросила одна из них.

— Кобр находили в эти часы в расселинах у скал, неподалеку от водоема, — почти автоматически ответил я.

Прошло пятнадцать минут. Еще пять. «Если через пять минут ситуация не прояснится, — решил я, — значит, случилось что-то непредвиденное и надо спешить на помощь... Что, если Баталина потеряла сознание или...» Я прогнал эту мысль, но она снова вернулась. Мы услышали сдавленный женский крик. Даже не крик, скорее восклицание. Я рванулся к мостику. Но приказ гласил: «Я приду к вам сама, не ищите меня. Пострадавшие не получают помощь немедленно». Мы переглянулись, не зная, на что решиться.

— Идемте! — скомандовал я.

И почти сразу до меня донеслись с крыши дома голоса наших товарищей, наблюдавших за происходящим:

— Эй! Что ж вы?! Скорее!..

Один из тех, кто был на крыше, — Сенцов — внезапно появился возле нас и вихрем промчался мимо.

— Где? — крикнул я на бегу.

— У пруда!

Мы увидели Ирину Павловну на залитой солнцем поляне. Она стояла, неестественно запрокинув голову, прикрыв руками глаза. Должно быть, боль была очень острой. С губ ее срывались стоны.

— Ирина Павловна! — выкрикнул я.

— Глаза!.. Словно облиты кислотой! Какая глупость — забыть очки!

Защитные очки спасли бы ей зрение, и лишняя порция яда не проникла бы в организм. В стороне мы успели увидеть двух быстро исчезающих крупных, оливкового цвета змей с оранжевыми головами.

Вот что позднее рассказал Сенцов, видевший в бинокль с крыши все происшедшее.

Возле скал Баталина не нашла королевских кобр и направилась напрямик через рощицу шелковичных деревьев к заросшему осокой пруду. Гамадриады любят купаться. Там она застала их обеих в танце. Самцы, должно быть, делили охотничьи угоды. Это не была борьба в обычном понимании, скорее соревнование, необыкновенный змеиный танец, много раз заснятый на пленку. Они поднялись над землей на треть, сходились и расходились, сплетаясь живыми канатами и узлами. Их чешуйчатые тела блестели каплями, — вероятно, они только что искупались. Ирина Павловна наблюдала за змеями издали, потом начала медленно подходить. Гамадриады заметили ее, и клубок распался. Баталина остановилась, глядя на оранжевые головы и раздувшиеся капюшоны с отчетливо различимой короной на спинной части. А змеи, точно в мистическом танце, двигались перед ней по эллипсу. Гамадриад отделило от нее расстояние метра в четыре, и, когда женщина неуверенно шагнула к змеям, они вознесли раздутые капюшоны еще выше — почти на уровень лица. В угрожающем танце они незаметно приближались к ней. Но для замысла Баталиной нужна была лишь одна кобра, и Ирина Павловна начала медленно отступать. Гамадриады, раскачиваясь всем телом в высокой траве, по-видимому без всяких усилий, начали преследовать ее и делать ложные выпады.

Баталина внезапно оступилась, покачнулась и, стараясь удержать равновесие, быстро выбросила руки в стороны, что, возможно, испугало змей. В тот же миг одна из кобр метнулась к ней и метров с двух выбросила две тонкие, как иглы, струи яда. Они попали в цель! Эти кобры редко промахиваются даже с трех метров. Баталина вскрикнула от нестерпимой боли и прижала ладони к глазам. Дальнейшие события развернулись стремительно. Ирина Павловна пошатнулась, зацепилась за что-то ногой и упала. Другая змея серовато-зеленой молнией с высоты человеческого роста внезапно кинулась на нее, вонзив трехсантиметровые игольчатые зубы в шею. Потом кобра резким движением отпрянула. Ирина Павловна, опираясь о землю, медленно поднялась...

Промывание глаз сывороткой ничего не дало. Концентрация яда, должно быть, была слишком высокой. Баталина лишилась зрения... После первой крупной дозы противоядия у нас возникла надежда. Но судороги быстро возобновились. Кровяное давление катастрофически падало, пульс из нитевидного сделался еще слабее, и вдруг дыхание оборвалось... Применять искусственное дыхание при змеином укусе бесполезно... Тонизирующие сердечные

средства не дали результатов. Сильнейшая доза яда вызвала паралич дыхательного центра... Сыворотка не спасла. Сердце этой замечательной женщины билось еще двенадцать минут. Сознание она не теряла до конца.

В комнате, утонувшей в табачном дыму, долго стояла немая тишина, будто остановилось время. Мы смотрели в разные стороны. Наконец Всеволод сказал:

— Такой исход эксперимента был вовсе не обязателен. И теперь я терзаюсь мыслью: нет ли здесь и моей вины?..

Я выждал, пока он успокоится, и спросил:

— Значит, сыворотка оказалась слабой?

Он резко повернулся ко мне.

— Не знаю... Не думаю. Двойная или тройная доза яда... Спасти было невозможно. Чудо нам совершить не удалось... Какой бы ни оказалась наша сыворотка, следующую проверку проведу на себе.

И я понял, что так и будет.

Об авторе

Чижевский Герман Михайлович, литератор. Родился в 1928 году в Москве. Окончил биологический факультет МГУ и художественно-графический факультет Московского полиграфического института. Автор двух научно-популярных книг и ряда статей. Основной жанр творчества — научная фантастика. В этом жанре им опубликованы повесть «В дебрях времени» и несколько рассказов, два из них были напечатаны в нашем сборнике. В настоящее время автор работает над научно-фантастической повестью «Герои туманных каньонов» и научно-популярной книгой «Эра гигантских ящеров».

ОСТРОВ ОШКУЕВ

*

Очерк

Остров Врангеля. Конец марта 1964 года. Тихо. Хотя температура воздуха и днем не поднимается выше минус двадцати, солнце заметно пригревает. На южных склонах холмов показались черные пятна первых пропарин, снег на которых не растаял, а испарился.

Первый маршрут на вездеходе. В машину набилось полно людей: и вся наша экспедиция, и просто наблюдатели — свободные от вахт полярники. Здесь же бочка с бензином, нужное и ненужное снаряжение: киноаппаратура, какие-то ящики, поверх которых коробки с петардами и дымовыми шашками. Погрузочно-посадочная суতোлка — и вездеход трогается. Он пробегает по льду лагуны, карабкается на крутой берег, а затем долго пляшет на плотных, будто окаменевших застругах, оставляя на снежной поверхности едва заметные отпечатки гусеничных траков. Путь длится час, другой, третий, люди и

предметы успели найти свои места, в кузове стало относительно свободно. И вот наконец остановка. Прибыли на заранее намеченное, «перспективное» место в восточной части острова.

Нашей экспедиции предстоит на этом острове — главном «родильном доме» белых медведей — подсчитать количество «жилых» берлог.

Дело в том, что одновременно с освоением Арктики и заселением ее человеком в Северном Ледовитом океане быстро сокращается число белых медведей, или, как называли их в старину, ошкучев. Судьба их вызывает тревогу. Во всех странах, владеющих Арктикой, принимаются меры к защите этих зверей. Специалисты изучают их распределение и биологию и, что особенно важно, определяют и контролируют изменение количества животных.

По двое, поодиночке, захватив на всякий случай карабины или ракетницы, сунув в карманы по две-три петарды, расходимся по распадкам. Я отправляюсь один. Постепенно затихают вдали человеческие голоса, скрип шагов. Воцаряется какая-то особая, звенящая тишина. Кажется, что стук сердца и шум собственного дыхания отзываются окрест многократным эхом. Так же как и на побережье, здесь по-весеннему припекает солнце. Идти в меховой кухлянке и торбасах тяжело и жарко. То и дело приходится протирать запотевшие очки-светофильтры, а сняв их, невольно жмуриться, защищаясь от слепящего потока света, источника соляного солнца и снега. Пересекаю несколько увалов, спускаюсь на дно глубокого каньона и неожиданно натыкаюсь на берлогу.

Убежище еще не вскрыто медведицей. Набрести на него удалось случайно, тем более что берлога устроена у подножия склона и вход в нее сверху и с боков прикрыт козырьком снежного надува. Чело берлоги — отдушину — диаметром немногим более кулака легко принять за торчащий из-под надува камень. Однако следы дыхания медведицы и медвежат, запечатлевшиеся на сине-белой снежной стенке яркими желтыми разводьями, выдают отсюда, снизу, их убежище. Присмотревшись, начинаю различать и иней, осевший по краям отдушины, и свисающие с козырька небольшие сосульки. Сомнений не остается: где-то здесь, совсем рядом, быть может прямо подо мной, лежит с малышами «матуха», как называют медведиц местные охотники. Она, конечно, слышит человеческие шаги и вряд ли рада моему появлению.

Позже мы убедились, что к жилой берлоге даже вплотную без риска может подходить и невооруженный человек. Худшее, что его ожидает, — увидеть на мгновение показавшуюся из-под снега голову зверя, услышать его недовольный голос. Но сейчас рука невольно протянулась к висящему за спиной карабину. С ним наготове, ступая с возможной легкостью (перспектива провалиться в убежище медведицы мне тоже не показалась заманчивой), отхожу на несколько шагов, открываю планшет и наношу на карту первую из найденных берлог.

От этого семейства медведей большего мне и не требуется, можно идти дальше. Оглядываюсь по сторонам и невдалеке, на увале, замечаю одного из своих товарищей. Он лежит на снегу, распластавшись, сняв шапку и, заглядывая поверх заструга, за чем-то с любопытством наблюдает. Вскоре и я лежу рядом с ним и также оказываюсь очевидцем интересного зрелища.

На противоположном, освещенном солнцем склоне большим округлым пятном чернеет вскрытая берлога. Куча снежных комьев перед входом в нее хорошо выделяется на гладкой поверхности надува, виднеются несколько ямок или пещер, явно выкопанных живыми существами. Последовав примеру соседа, тоже сняв шапку, я еще больше вытягиваю шею и замечаю на дне оврага обитателей жилища — медведицу с двумя медвежатами. Мать, топчась на одном и том же месте, что-то разыскивает под снегом, временами погружаясь в яму с головой и даже шеей (как потом выяснилось, ее привлекали здесь за неимением лучшей еды чахлые стволы ползучих ив). Малыши, хотя и небольшого роста, но уже бойкие и юркие, то суются к матери в яму, то затевают игру «в салочки»: один за другим карабкаются вверх по крутому склону, а затем с увлечением скатываются вниз на животах. Нас, возможно, ждали здесь и еще более интересные наблюдения, но вдали зафырчал мотор вездехода. Медведица насторожилась, осмотрелась и махами бросилась к берлоге. Ее опередили и первыми исчезли в убежище медвежата. Мать еще раз оглянулась и будто провалилась под снег, удивительно шустро и ловко втиснув свое большое тело в узкий лаз.

Через день уже на собачьих упряжках, чтобы шум мотора и запах бензина не мешали работе, в маршрут отправились наши кинооператоры Анатолий Александрович и Игорь. Им предстояло снять у берлог медвежьего семейства. Однако будто злой рок обрушился на путешественников. Неудачи преследовали их одна за другой. Они начались еще на старте, в поселке. На две парты уже был уложен объемистый багаж: киноаппаратура и штативы, ящики с пленкой, спальные мешки и палатки, запас продуктов и собачьего корма. Каюрам и пассажирам оставалось лишь захватить кое-какую мелочь. И тут-то, воспользовавшись безнадзорностью, одна из упряжек рванулась. Плохо державший ее остол — толстая палка с железным наконечником — сдал, и собаки, набирая скорость, помчались по накатанной дороге вниз с пригорка.

Привязанные у домов псы, завидую, а может быть, сочувствуя беглецам, взвыли разноголосым хором. Наперерез упряжке кинулись люди, но безуспешно. Собаки теперь сами спасались от наступающих на них саней и бежали все быстрее. На крутом повороте сани упали набок и поволоклись, вздымая снежную пыль, теряя поклажу. Лишь на последних метрах суши они зацепились за оттяжку радиомачты, и собаки остановились. Ремонт саней подухмылки собравшихся островитян, новая погрузка, увязка поклажи — и наши путешественники наконец тронулись в путь.

С утра в этот день опять стояла тихая, солнечная погода. Но уже к обеду над вершинами синеющих вдаль хребтов повисли белые облачка. Старожилы посматривали на них настороженно, как на предвестников приближающейся пурги. Действительно, прошло еще немного времени, и струйки снежной пыли потекли с ближайших увалов. Ветер крепчал. Ручейки поземки слились в один общий поток. Солнце померкло. За стенами домов загрохотала, застонала пурга. Упряжку кинооператоров она захватила в десятке километров от поселка. Собаки легли, утомленные борьбой с ветром и снежными вихрями. Люди, не дожидаясь полного разгула урагана, поставили в ближайшем распадке палатку и забрались «пурговать» в спальные мешки.

Они пережидали пургу двое суток, но и на этом их испытания не кончились. Только приутихла пурга, как они отправились дальше. Мерно поскрипывали сани, подпрыгивая на застругах, семенили по снегу собачьи лапы. Пригревало солнце. Порядком померзнув и помучившись в тесной палатке, кинооператоры и каюры клевали носами. Нарта Анатолия Александровича отстала. Вдруг собаки резко свернули в сторону и с азартным лаем бросились к берлоге, не замеченной шедшей впереди упряжкой. Сразу не сообразив, в чем дело, то ли от толчка, то ли с перепугу первым слетел с саней каюр. Нарта полегчала, помчалась еще быстрее. Анатолий Александрович, пока ничего не понимая, лишь крепче ухватился за подвернувшуюся под руку веревку, прижав кинокамеру к груди. Он свалился у самого входа в берлогу. Нарта вслед за собаками исчезла в убежище. Из-под снега слышались рев, визг, и тут же на поверхность стало вылетать все то, что еще недавно было упряжкой.

Происшествие длилось секунды. Медведица выбросила из берлоги все, что принадлежало непрошеным гостям: обломки нарт, растерзанную поклажу, окровавленных, корчившихся на снегу собак. О продолжении маршрута не могло быть и речи. Оставив невдалеке груз на сохранившихся саях, путешественники вернулись в поселок, обгоревшие под солнцем, с облупленными носами.

Я дождался окончания пурги и поднялся на одну из ближайших к поселку гор, сел на камень, осмотрелся. Ветер совсем стих, солнце смутно проглядывало сквозь дымку неярким малиновым диском. Где-то слышался крик ворона, единственного на острове пернатого зимовщика.

На одном из сплошь заснеженных склонов с грядями заструг и желобами, промытыми поземкой, я увидел какое-то темное пятнышко. Бинобль превратил его в нечто более конкретное: в медведицу с двумя медвежатами. Звери шли относительно быстро, деловито, не меняя направления. Мать впереди, малыши, один за другим, сзади. Семья держала путь к побережью. Дальше, почти на границе суши и приная, я увидел еще одну семью, затем на гребне хребта — третью. Видимо, начался массовый уход медведиц

с острова на льды: наступило лучшее время для поисков и учета берлог.

Следующий маршрут вездехода — на север острова. Пересекаем несколько горных хребтов — и вот наконец гора Китовая, невысокий вытянутый кряж, до вершины заметенный снегом. Еще издали на склоне замечаем берлогу, затем еще одну. К первой карабкаемся вдвоем, с моим коллегой зоологом Феликсом. Склон крутой, до берлоги метров пятьдесят. Подняться к ней можно только по ступенькам. С собой мы взяли топор и лопату, но от лопаты толку мало. Даже топор, со звоном ударяясь о надув, с трудом вгрызается в него, высекая брызги снежной пыли. Наша лестница медленно растет, обходит сбоку медвежье убежище, и вот оно рядом. На полу в коридоре скопился свежий снег. Значит, берлога пуста, семья уже покинула ее.

На всякий случай бросаем внутрь куски снега, прислушиваясь. Тихо. Лаз узкий, сантиметров восемьдесят в диаметре. Медведица проходила в него свободно, но человек, тем более в кухлянке, протискивается с трудом. Первым заползает в берлогу Феликс, он меньше меня. Будто уже из недр горы Китовой раздастся его приглушенный крик:

— Еще есть место, заходи!

«Захожу», конечно, тоже ползком. Прямой, горизонтальный коридор длиной метра в два, ступенька вниз — и вот сама берлога. Хотя уже вечереет, здесь всего лишь полумрак. Видно, что помещение просторное, яйцеобразной формы. Вдвоем мы здесь свободно сидим, при желании можем и лежать. Нельзя только встать в полный рост. На голубоватых стенах и потолке тускло поблескивают кристаллики снежных зерен. Пол темнее: затоптан лапами жильцов. Измерив берлогу, с неохотой выбираемся наружу: там так уютно, тихо, чисто.

Засветило успеваем осмотреть, обмерить, описать еще две берлоги.

Следующий день уходит на обследование гор Китовой и Тундровой. Особенно тщательно обходим и объезжаем Китовую. Здесь берлог оказывается меньше, чем можно было ожидать, — всего семь. Все они уже пусты, хотя следы зверей у некоторых берлог совсем свежие — вчерашние или позавчерашние. Всюду одна и та же картина: медведица раскапывала снег у подножия склона, вырывая ямы до метра глубиной, ела траву, ветки и стебельки ив. Медвежата резвились, съезжали с гор. По всем распадам тянутся цепочки следов матерей с детенышами, шедших по кратчайшей дороге к морю.

На склонах горы Тундровой найдены семь тоже покинутых убежищ. Итак, двухдневный «улов» — четырнадцать берлог.

Еще ночь непрерывной дрожи в вездеходе, день пути по горным кручам, головокружительные подъемы и спуски, и — о радость! — поселок. Пышущая жаром печка, заслуженная чарка к ужину, блаженный, мертвецкий сон...

Дни становились все длиннее. В начале апреля следы заходящего солнца можно было увидеть и в девять вечера. До десяти длились сумерки, и лишь позже в небе вспыхивали первые звезды, разгорались сполохи. Но зима не сдавалась, морозы даже стали сильнее, зачастили вьюги.

В очередной маршрут мы отправились на собаках. Нас четверо: Феликс, я, двое каюров — эскимос Нанаун и чукча Ульвелькот. Первый из них — сухощавый старик небольшого роста, с добрым, улыбчивым лицом, второй — средних лет, крижистый, на первый взгляд мрачноватый. Нанаун — это и имя, и фамилия, но зовут его еще и Василием Алексеевичем. Он, последний из живых спутников первого советского начальника острова Г. А. Ушакова, без малого сорок лет провел на острове и знает его как свои пять пальцев. О лучшем проводнике нечего и мечтать. Старик прошлой зимой сломал ногу, да и сейчас прихрамывает. Не особенно влекут его теперь дальние поездки, но наша просьба о помощи ему, видимо, льстит. Согласие Нанауна решило успех наших переговоров и с Ульвелькотом. Ваня (это его русское имя) — владелец лучшей упряжки и вообще один из самых «справных» охотников. В первую очередь он спросил, а кто еще поедет. Услышав имя Нанауна, Ваня утвердительно кивнул головой.

Выезжаем вечером, в расчете на ночлег в Ваниной избе: до нее от поселка километров тридцать. С Ваней едет Феликс, с Нанауном — я. Подпрыгивает и скрипит тяжело нагруженная нарта, ударяясь о гребни заструг. Старик молчит. «Кх-кх», «подь-подь», — временами подправляет он бегущих собак, тормозит, чертя снег остолом. Дорога хорошо видна: светят сполохи. Через весь небосклон с востока на запад протянулись два гигантских желтовато-розовых «змея». Они то ползут куда-то, лениво извиваясь и точно повторяя движения соседа, то замирают и подолгу лежат недвижимо. Но вот «тела» переплетаются в судорожном объятии, катятся клубком, ярко вспыхивают и вновь распадаются. «Змеи» опять ползут, сливаются, расходятся и незаметно исчезают, превращаясь в занавес. Но и занавес тоже не стоит на месте. Он колыхается, желтеет, зеленеет, становится то алым, то снова желтым. Палитра невидимого художника постепенно иссякает. Складки устойчиво синеют, распрямляются, занавес взлетает ввысь и принимает обличье большущей запятой...

Нанаун молчит. Замечаю, что он тоже смотрит вверх. Значит, и ему еще не наскучило это зрелище. О чем он думает? Возможно, вспоминает молодые годы, удачные охоты, несбывшиеся мечты... все может быть.

Мы с головы до пят в оленьих мехах: в кухлянках, на ногах торбаса и меховые чулки — липты. И все равно мороз добирается до тела. Постепенно немеют пальцы ног, и шевеление ими уже не помогает, холод ползет по лопаткам. Пора погреться. Соскакиваю с саней и трусцой бегу рядом сотню-другую метров. То же предельно выдерживает Нанаун. Греясь, лучше держаться за дугу, укрепленную

**К очерку С. Успенского
«ОСТРОВ ОШКУЕВ»**

В поисках медвежьих берлог
На заснеженном склоне видны входы
покинутых хозяевами берлог

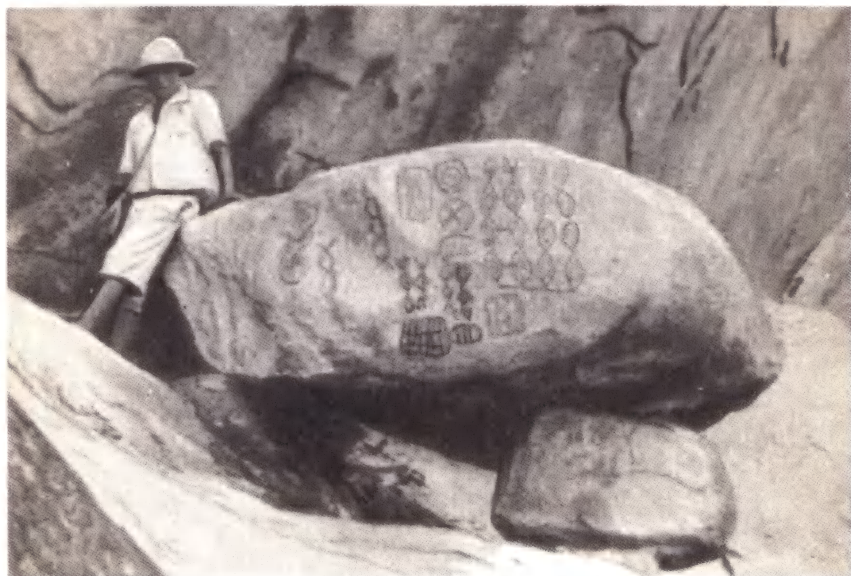
Вдоль косы по припаю брел круп-
ный статный зверь... Нас медведь не
удостоил своим вниманием

«Солист» поневоле...

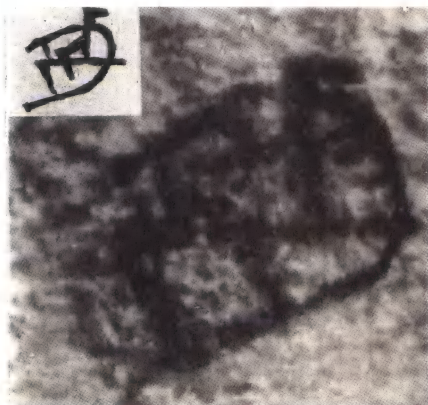

**К фрагментам из книги
Марселя Омэ
«СЫНОВЬЯ СОЛНЦА»**

Дольмен Педра Пинтада, украшен-
ный значками и символами, явно на-
поминающими кельтские

Круг четырех времен года с пересе-
кающимися под прямым углом диа-
метрами. Считался типичным симво-
лом эпохи каменного века в местно-
стях с умеренным климатом

Изображение лошади также отно-
сится к «незамеченным» наскальным
рисункам бассейна Северной Ама-
зонки

Внутренний вид «каменной палатки», пожалуй одной из самых впечатляющих искусственных пещер Северной Амазонки

Скала с прекрасно вырезанным изображением солнца с ножками — одна из характерных черт погибшей культуры каменного века

поперек нарты. Собаки, почувствовав облегчение, прибавляют скорость, норовят вообще освободиться от этой части груза. Не случайно за саними тянется длинная веревка. Упал человек с саней, замешкался, у него все-таки остается шанс не распрощаться с упряжкой — поймать конец веревки.

Небо постепенно заволакивается облаками, сияние тускнеет, и к Ваниной избе мы подъезжаем темной ночью. Жилье по крышу заматено снегом, и, даже когда в окне загорается неяркий огонек, поначалу кажется оно таким же угрюмым, как и его хозяин. Но насколько обманчиво может быть первое впечатление. Слышится несколько неуверенных хлопков, затем частая трескотня мотора — и в окнах вспыхивает яркий электрический свет. (Здесь своя электростанция, и Люся, Ванина жена, с ней неплохо управляется.) Жилье внутри просторно, с высокими потолками, теплое, чистое. Оно мало чем отличается от дома где-нибудь в подмосковной деревне: те же сени, кухня со столом под клеенкой, лавками вокруг него, плито, спальня с никелированной кроватью и горой подушек.

Сброшены кухлянки, торбаса, опустошен без малого ведерный чайник крепкого чая, исчезла гора вареной оленины, что Люся подала в деревянном корытце (сервировка по чукотскому этикету). На столе снова чайник. Ваня давно оттаял. Он в синей сатиновой рубаше, пьет чай с блюдечка, отдувается, по его лбу струится пот. «Расейский» мужик, да и только. И оказался он вовсе уж не таким мрачным. Каждой шутке Нанауна — старик любит побалагурить и знает в том толк — вторит Ванин, как, впрочем, и общий, смех. Ваня смеется особенно заразительно, как-то по-детски непосредственно. Лицо его при этом молодеет, в обрамлении фиолетово-загорелых губ блестят ровные, крепкие, ослепительной белизны зубы. Тепло и сытный ужин делают свое дело. Глаза собеседников согреваются, разговор умолкает. Феликс первым покидает компанию и вытягивается на постеленных хозяйкой оленьих шкурах. Ложимся и мы с Нанауном, Ваня, и только Люся, прежде чем остановить движок, хозяйничает, звякая посудой на кухне.

Выезжаем рано, едва показалось над горизонтом холодное, неяркое солнце. Мороз щиплет нос и щеки. Семяят, не оставляя на снегу следов, собачьи лапы, ритмично стучит о гребни заструг нарта. Восходящее светило за спиной. Цель этого маршрута — обследовать всю западную часть острова от побережья до уже знакомой нам горы Тундровой.

Тихо; наши тени, бегущие впереди по снегу, все укорачиваются — солнце набирает высоту; оно постепенно разгорается, начинает даже припекать. Все его тепло остается пока снаружи, на кухлянках; чтобы согреться, как и вчера, приходится соскакивать с саней, и тем не менее дыхание весны ощущается. Откуда-то донесся голос ворона. Но это уже не тот спокойный, деловитый крик птицы, что звучал у поселка дней десять назад. Теперь он

окрасился новыми оттенками, наполнился томлением, торжеством, страстью. Значит, скоро вороны уже приступят к гнездовым делам. Нанаун поворачивается ко мне, стряхивает рукав кухлянки, достает из-за пазухи папиросу, закуривает.

— Метахлюк, — говорит он, показывая рукой вверх (о ком идет речь, понятно). — Мы его не стреляем, не ругаем тоже.

На мой вопрос «почему?» старик с серьезным лицом рассказывает, что небо когда-то было постоянно черным, но ворон облагодетельствовал человечество, это он принес на землю свет.

— Один раз клевал — дырку сделал, звезда вышла, другой раз клевал — другую звезду сделал, потом много раз клевал — солнце получилось...

Историю эту я знал и раньше, читал ее в сборниках чукотских сказок. Конец ее приходится рассказывать уже мне:

— А знаешь, почему он черный? — Нанаун либо не слышал всей сказки, либо запамятовал ее, а быть может, из деликатности дает и мне возможность блеснуть эрудицией. — Он раньше белый был, а как проклевал большую дыру, так солнце его и опалило, с тех пор черный стал.

Нанаун смеется.

Весна волнует не только воронов. На рыхлом снегу сегодня впервые начали встречаться парные следы песцов (близится и их брачная пора), желтые «отметки» самцов появились на вершинах заструг.

Ульвелькот останавливает собак, встаем и мы.

— Нарта кричит, вóйдать будем, — говорит Нанаун.

Полозья и впрямь «кричат» — они скрипят, а «вóйдать» — значит намораживать слой льда на их скользящую поверхность; сани на «ледяном ходу», особенно по снегу, идут гораздо легче. Подхватив остолом сани, Нанаун валит их набок. Затем он достает из-за пазухи пластмассовую фляжку с водой, отвязывает от дуги лоскут медвежьей шкуры, набирает воду в рот, прыскает ее на мех и легкими, быстрыми мазками размазывает по полозу. Переваливает сани на другой бок и вóйдает второй полоз. Все, можно ехать дальше.

Пересекаем реку Мамонтовую. Где-то слева от нас, на побережье, остается охотничья избушка Нанауна. Большую часть года он живет вместе с семьей, в поселке, но промыслять песцов уже много лет подряд приезжает сюда. Собаки упорно норовят свернуть к избушке и, похоже, удивлены поведением хозяина, почему-то минующего свое жилище.

Добираемся до реки Неожиданной, едем ее долиной и попадаем в горы. Это уже Западное плато. Останавливаемся, еще раз вóйдаем сани, уточняем по картам маршруты, договариваемся о месте встречи и ночлега и разъезжаемся по разным распадкам.

Нанаун действительно знает эти места великолепно.

— Вот, смотри, сейчас берлога будет, — говорит он, и в самом деле на склоне появляется характерное, округлой формы чер-

ное пятно.— Здесь я много раз медведя стрелял.— Опять берлога.

Чтобы выяснить, пусты ли убежища или еще заняты, спускаем одну из собак. Невзрачная, небольшого роста, бурая лохматая собачонка, видимо, понимает, чего от нее хотят, и усердно принимается за работу. Она бесстрашно карабкается к берлоге, заглядывает внутрь, принюхивается и тут же с виноватым видом, выражая движениями хвоста свои извинения, возвращается обратно. Убежище пусто. Находим около десятка медвежьих жилищ, и все они оказываются уже необитаемыми. Каждое я наношу на карту, отмечаю в блокноте экспозицию и крутизну склона, зарисовываю расположение берлоги, примерное расстояние до нее от подножия горы. В некоторые берлоги заползаю, обмериваю их. Тем временем собаки получают передышку, а Нанаун входит сани.

Кличка нашего лохматого помощника Апсинок, по-эскимосски «лемминг». Апсинок отбегает в сторону, поднимается на невысокий надув и останавливается. Шерсть на загривке поднимается дыбом, пес заливается яростным лаем. Нанаун с трудом останавливает метнувшуюся туда же упряжку и отводит ее в сторону, потчует наиболее темпераментных собак остолом, достает с нарты карабин. Наше приближение вливает в Апсинока новую порцию ярости. Он царапает снег лапами, пытается грызть его зубами. Перед ним, если внимательно присмотреться, синее пятно сантиметров тридцати в диаметре. Это нескрытая берлога. Видимо, медведица лишь начала прокапывать лаз наружу, и следы ее работы сейчас просвечивают сквозь снег. Апсинок чует запах зверей, мечется, не желает уходить отсюда. Приходится оттащить пса силой. Как потом выяснилось, Феликс тоже с помощью собаки, которую вожил на длинном поводке, обнаружил нескрытое убежище.

К месту ночлега подъезжаем в сумерках, почти одновременно. Нанаун и Ульвелькот сразу же принимаются рубить для собак моржатины. Мы с Феликсом ставим палатку, крепим ее к нартам и камням, как будто специально для этой цели выглядывающим из-под снега.

Покончив с установкой палатки, переключаемся на приготовление обеда (он же и ужин). Феликс отвязывает бидон с керосином, достает примус, отворачивает пробки и замирает в удивлении. Из бидона лениво сочится нечто вроде засахарившегося меда, белое и тягучее. Керосин замерз. Феликс подносит к моему носу бидон и требует, чтобы я засвидетельствовал этот факт. Но вот примус как-то наполнен, керосин в нем предварительно растоплен на пламени зажженной бумаги. С охотничьим топориком и чайником я иду «по воду» к ближайшему застругу. Теперь приходит мой черед удивляться. Стальной топор не выдерживает первого же удара о... снег. Громадная выщербина — и лезвие как не бывало. Теперь уже я прошу Феликса засвидетельствовать необычный факт.

Приступаем к обеду. Обед незатейлив. От оленьего задка отрубается внушительный кусок и рубится топором на более мелкие

части. Тут нужен навык, сильный удар может лишить нас не только еще одного топора, но и обеда: мясо хрупко, как стекло. Ножи превращают мясные щепки в белесые кудрявые стружки. Это и есть строганина. Трапезничаем в палатке, сидя вокруг шипящего примуса. «Стружки» аппетитно тают во рту, на месте съеденных появляется все новое пополнение. Затем густой, ароматный чай — и лагерь утихомиривается.

Утром опять безветрие. Из-за гор выплывает холодное красное светило. За этот день осматриваем последние притоки Неожиданной, весь бассейн реки Гусиной, верховья реки Мамонтовой. Еще день уходит на осмотр западного побережья, большей части Безымянных гор. На картах появляются все новые пометки: линии — это совершенные маршруты и точки — найденные берлоги. Несколько раз собаки облаивают затаившихся в убежищах зверей, обнаруживают под снегом тех медведиц, что еще не успели прорыть лаз наружу.

Наши товарищи едва не попадают в переделку, подобную той, что досталась уже на долю кинооператоров. Случилось это на побережье на исходе дня. Феликс и Ульвелькот увлеклись беседой. Неожиданно для них уставшие было собаки залаяли, припустились, и перед упряжкой, всего в нескольких метрах, показалась берлога, мелькнул желтый зад нырнувшей в убежище медведицы. Собеседники, к счастью, не растерялись. Феликс повис на дуге и повалил нарту набок, Ваня успел забежать вперед и загородил собакам вход в берлогу. Криками и остолом удалось оттащить возбужденных псов, направить их нужным путем.

На берегу «собственной» лагуны Василия — лагуны Нанауна — мы разбираем свой, третий, лагерь. Путь подходит к концу, у горы Тундровой маршрут сомкнется с прежним, вездеходным. Нужен всего день хорошей погоды.

Следующий день таким и был с утра: тихим, солнечным, морозным. Быстро завтракаем, собираем лагерь, трогаемся. Уже закончено обследование Безымянных гор. Остаются лишь Медвежьи. Вот они, два стройных конуса, особняком стоящие среди тундры Академии. По рассказам охотников, медведицы в тех горах ложатся особенно густо. Значит, впереди самая интересная часть маршрута. И вот она началась. Жгучий порыв встречного ветра, порыв, еще порыв, еще. С вершин заструг покатились потоки поземки. Они сливаются, покрывают все видимое пространство тундры Академии сверкающей пеленой, непрерывно меняя окраску, поднимаются ввысь. Зрелище очень красиво, но лучше любоваться им из окна, сидя в теплом доме. А сейчас снег немилосердно сечет кожу, душит, слепит, сбивает с ног. Собаки стали.

Небо затягивается мутной дымкой, сгущаются сумерки, хотя сейчас и середина дня. Где-то в снежных вихрях исчезает вторая упряжка. Нанаун наклоняется над лежащими собаками, и ветер затевает с ним злую шутку. Он подбирается под полы кухлянки, надувает их, как паруса, и с силой подхватывает старика, будто

пытаюсь вознести живым на небо. Я ловлю его за полы, когда он «пролетает» мимо нарты.

— Что делать будем? — спрашиваю Нанауна.

— Тихое место искать надо, — говорит он. Но где найти затишье? Назад ехать обидно. Лучше уж пробиваться вперед, против ветра, к Медвежьим горам. Вероятнее, что туда же движется и вторая упряжка (на тех санях палатка, примус, а значит, вообще все жизненные блага).

Бесконечен, мучителен путь против ветра, хотя предстоит пройти всего два-три километра. Вслед за идущим человеком движутся собаки. Шаг за шагом, шаг за шагом, с остановками, отдыхом, перекурами. И все-таки победа за нами. Ветер стихает, мы попадаем в «ветровую тень» тех самых гор, к которым в конечном счете стремились все эти дни. Здесь без конца сыплет сухой снег, но это лучше, чем бушующий позади ураган. Забиваемся в глубь первого встречного распадка и в полном изнеможении опускаемся на сани. Ложатся и тут же свертываются калачиками собаки. Достаем заковеченными руками спальные мешки, залезаем в них прямо в торбасах и кухлянках и так, сидя, тесно прижавшись спиной к спине, в полудремоте, проводим остаток дня и ночь. Снег продолжает идти. На плечах, голове, коленях растут и тяжелеют сугробы. Время от времени нужно вставать и стряхивать их. Несколько раз приходится выбираться из мешков и идти поднимать собак, иначе они задохнутся под снежным покрывалом. К утру теплеет, снег, попадая на лицо, тает, превращаясь в снежную кашицу. Ветер переходит в порывы и постепенно стихает. Мглу рассеивает восходящее солнце.

— Живой? — окликаю притихшего соседа.

— Живой! — отвечает Нанаун, стряхивая с себя сугроб.

Пурга кончилась. С гребней заструг струятся лишь мелкие ручейки снежной пыли. Открывается равнина тундры Академии, видно застывшее море, гряды сверкающих на солнце торосов. Никаких следов второй упряжки. Я уже собираюсь выстрелить в воздух, дать знать о себе пропавшим товарищам, как замечаю, что в нескольких шагах от меня шевелится снежный ком. Он медленно разворачивается и постепенно принимает обличье медвежьей головы: два темных глаза, черный нос, короткие округлые уши. Наши взгляды встречаются. Медведица замирает от неожиданности, «фукает», вытягивая губы дудочкой, и скрывается в убежище. Только после этого я обращаю внимание на сами склоны и вижу на них берлогу, вторую, третью.

На обследование Медвежьих гор уходит часа два-три. Этих-то часов хорошей погоды нам вчера и не хватило. Но теперь уже дело сделано. Поворачиваем к дому, осматриваемся по сторонам, разыскивая следы нарты Ульвелькота. Мы встретили ее за первыми отрогами Безымянных гор. Оказывается, в пургу Ваня тоже начал искать затишья, но счел за благо вернуться назад, в уже знакомые им с Феликсом места. Ночлег их был куда приятнее нашего:

в палатке, после горячего чая. Теперь они ехали разыскивать нас.

До Ваниного дома добираемся опять ночью. За ужином подводим предварительный итог: обследована вся западная часть острова, найдены и картированы шестьдесят с лишним берлог, слегка обморожены щеки и носы у Нанауна и у меня.

Пять полных суток бушевала пурга. Ураган достигал редкой, даже для этих мест, силы: он нес не только снежинки, но и подхваченные у магазина бочки и пустые ящики, сорванные с домов доски и листы железа. В середине дня не было видно, что делается за пределами вытянутой руки, переход в соседний дом требовал огромного труда. Зато с окончанием пурги резко потеплело, явно повеяло весной.

Ураган взломал льды, и невдалеке от берегов открылась широкая полынья, форма и размеры которой точно обозначились в ее отражении — водяном небе. К открытому морю стягивались нерпы, на остров стали чаще заглядывать одиночные медведи. Один из них подошел к полярной станции рано утром и был встречен отчаянным собачьим ревом. Мишка оказался трусоват. Кое-кто из проснувшихся полярников увидел лишь желтый зад зверя, мелькающий среди прибрежных торосов. Другой пришел на станцию в середине дня, когда разморенные солнцепеком собаки крепко спали. Его появление выманило из домов толпу фотолюбителей. Фотографы, мешая один другому, суетились, самые храбрые мельтешили перед идущим медведем, без конца щелкая шторками затворов. Но мишка не спеша, с достоинством прошел по косе мимо домов и скрылся в море.

Как-то днем мы с Нанауном бродили по косе за станцией. Василий показывал мне места, где выгружался пароход с первыми переселенцами, где стоял первый сооруженный ими дом. Старик увлекся воспоминаниями, начал рассказывать интересные случаи из своей жизни.

Однажды летом Нанаун куда-то шел пешком по берегу моря. В дороге его разморила жара, он снял с себя нерпичьи торбаса, разложил их на каменных плитах для просушки и прилег отдохнуть. Проснувшись, Василий увидел склонившегося над торбасами мишку.

— Однако он больше этого был, — спокойно продолжал рассказчик, показывая куда-то рукой. Я оглянулся и невольно вздрогнул. Вдоль косы по припаю брел крупный статный зверь почти в чисто белом меху. Хорошо различалось движение его лопаток, чернели «ладони» и «пятки» размеренно поднимаемых лап. Можно было рассмотреть даже, как волокутся за его задними ногами по снегу пряди длинной шерсти. Нас медведь не удостоил своим вниманием. Он направился было к кухне полярной станции, но, услышав лай заметивших его собак, остановился, постоял в недолгом раздумье и свернул в торосы.

— А что же было дальше? — спросил я Нанауна.

— Как я зашевелился, медведь один торбас схватил, убежал. До сих пор жалко, совсем новый торбас был, — со смехом закончил Нанаун.

Солнце перестало прятаться за горизонтом и светило круглые сутки. На южных склонах гор на глазах расплывались черные пятна пропарин. В голубом весеннем небе без конца звенели песни пуночек, по ночам из тундры доносилось нежное воркование токующих самцов белых сов. Остров постепенно оживал, но весна пока не мешала нашей работе. Несмотря на то что некоторые из берлог пустовали уже больше месяца и не раз задувала пурга, они все еще оставались хорошо заметными. Обследование острова подходило к концу, на наших картах с каждым днем оставалось все меньше «белых пятен».

Невезение продолжало преследовать только кинооператоров. Им никак не удавалось отснять главный эпизод — прогулки медведицы с медвежатами у берлоги. Анатолий Александрович и Игорь предпринимали отчаянные усилия, но звери всячески избегали встречи с ними. Несколько раз съемку срывала погода: в самый ответственный момент то исчезало солнце, то медвежья семья скрывалась в пелене начавшейся поземки. За найденную жилую берлогу была назначена солидная премия, и многие охотники в надежде заполучить ее рыскали по острову во всех направлениях (наши карты они дополнили несколькими новыми точками). То и дело отправлялись на поиски сами кинооператоры, но безуспешно. Шансы их с каждым днем все уменьшались, и тогда Анатолий Александрович прибег к крайней мере (надеюсь, он не посетует на меня за выдачу его профессионального секрета).

Еще в марте охотники привезли кинооператорам медвежонка. Это беспокойное существо жило дома вместе с нами и пока снималось лишь на «вторых ролях». Теперь он стал «солистом». В снежном надуве у поселка была вырыта яма, изображающая берлогу. Медвежонок довольно правдиво «сыграл» выход из нее, прогулку, хотя скатываться со склона не пожелал. Затем начались съемки в ближайших торосах, где идущий малыш изображал уже... медведицу. И вот счастье как будто бы улыбнулось. Двадцать второго апреля примчался гонец с известием, что найдена жилая берлога у прибрежных утесов южного берега к востоку от поселка. Обрадованные операторы тотчас собрались в путь.

Увы, и на этот раз главный эпизод отснят не был. Берлога действительно оказалась обитаемой, но теперь сплоховала медведица. Лаз из ее убежища длиной по крайней мере метров пять поднимался вертикально, и выйти по нему медвежата не могли. Мать вела себя очень осторожно. Высовывала наружу лишь кончик носа и, уловив запах людей, моментально скрывалась. Анатолий Александрович и Игорь провели здесь несколько дней, не раз переставляли палатку, скрывающую нацеленный на берлогу киноаппарат, но, вспомнив прописную истину про синицу в руках и журавля

в небе, вернулись домой, чтобы продолжить съемку своего «актера».

Тридцатого апреля мы с Нанауном выехали на восток острова и ночью, давая собакам передышку, остановились у скал. Сюда уже вернулись обитатели расщелин — чистики. Десятки этих черных краснолапых птиц со свистом пролетали мимо, скрывались в море за торосами, возвращались обратно. Да и сами скалы напоминали теперь подготовленный к сдаче жилой дом. Так же разгорались страсти вокруг этажей и квартир. Где-то затевалась потасовка, кто-то из нетерпеливых жильцов уже чистил укрытия, выбрасывал из них накопившийся за зиму снег. Свист чистиков переплетался с трелями пуночек. Высоко в небе с хриплым клекотом проплыла почти белоснежная полярная чайка — бургомистр. Собаки растянулись на снегу, часто дышали и не обращали внимания на царящее вокруг оживление. Но вдруг вскочил ошетилившийся Апсинок, поднялась и с лаем рванулась к торосам вся упряжка. Привычным движением Нанаун навалился на остол и удержал собак. Надежно привязав их, мы забрались на торос. По припаю шли три медведя, один большой и два маленьких, следы зверей тянулись от надува под ближайшей скалой. Там чернел вход в берлогу (малышам все же удалось из нее выбраться), в стороне торчали шесты от палатки.

Последняя надежда кинооператоров, возможно последняя в этом году, — медведица с медвежатами — уходила в море...

Об авторе

Успенский Савва Михайлович, зоолог, доктор биологических наук. Родился в 1920 году в гор. Звенигороде, Московской области. Автор около двухсот научных работ, в том числе нескольких монографий, посвященных биогеографии и фауне Арктики, охране и рациональному использованию природы Крайнего Севера. В издательствах «Мысль», «Наука» и других вышло несколько научно-популярных книг автора — «На пределе жизни», «Арктика глазами зоолога», «В стуже и зное» (в соавторстве) и другие. В альманахе публикуется впервые. В настоящее время в нашем издательстве готовится к выпуску его книга о птицах Арктики.

СЫНОВЬЯ СОЛНЦА

Ученому нужно прежде всего понять, постичь. Он должен время от времени отрывать взгляд от повседневных дел и поднимать его к далекому горизонту... Будем наблюдать факты. Будем анализировать, сравнивать и стараться ограничивать наши выводы рамками достоверного. Но не будем отказываться от силы воображения. Мы знаем, конечно, что тем самым мы покинем область знания в науке. Но для того лишь, чтобы шире охватить жизнь...

Альбер Гренье

Эхо «каменных книг»

Казалось, мы окончательно сбились с пути. Наши лошади дымились от пота, хотя шел холодный дождь. Бедные животные вздрагивали при вспышках молнии, сопровождавших грозовыми раскатами, от которых ходуном ходила земля. Все словно возвещало о начале светопрествления.

Перед нами лежала страна исчезнувших культур, страна, чьи легенды и древние предания повествуют о светлокожих людях, рыжеволосых великанах с голубыми глазами, которые когда-то владели этими огромными, покинутыми теперь просторами. Впереди расстилалась «а терра амазонас» — страна Амазонки, могучей реки, обнимающей своими бесчисленными рукавами миллионы квадратных километров.

Дождь хлестал нам в лицо, ветер гнул деревья, стремясь вырвать их с корнем, а топкая почва засасывала копыта лошадей. Огненные извивы то и дело

рассекали темноту ночи. Мы спешились, повели лошадей в поводу, пробиваясь дальше. Во мраке нас вела Женевьева Лафарг, моя жена. Каким-то безошибочным чутьем она находила нужное направление к Педра Пинтада, этой огромной скале, центру бывших культовых обрядов. По индейскому преданию, здесь еще сохранились останки тех белокурых великанов, чьи лица выглядели по-европейски, а черепа пронзены стрелами с деревянными остриями.

Известно, что друиды, эти жрецы древней кельтской культуры Европы и Малой Азии, искали самые уединенные места для своих священных храмов. Они строили их в глубине лесов или возводили на островах, по возможности дальше от берегов. А здесь доисторический культовый центр был в виде совершенно изолированной скалы. Ничего, кроме камня, но какого камня!

...Не один день понадобился нам, чтобы скопировать, заснять и изучить хотя бы важнейшие из многих тысяч художественных и религиозных мотивов Педра Пинтада. Известный уже по различным экспедициям, из которых наиболее значительной была экспедиция Кох-Грюнберга, этот культовый центр не привлек, однако, никакого внимания научных кругов. До сих пор фактически все, кто близко ознакомился с ним, склонялись к официальной версии, что в противоположность богатым доисторическим архивам Франции и других европейских стран (блестяще названным Анри Брейем «каменными книгами») многие письмены и рисунки Южной Америки не что иное, как плоды праздного времяпрепровождения священников или людей, спускавшихся на лодках вниз по реке. Просто удивительно, как до сих пор осталось незамеченным значение исполинского каменного монумента Педра Пинтада.

Это внушительная каменная глыба в центре огромной равнины, массивный памятник в сто метров длиной, восемьдесят шириной и высотой в тридцать! Когда смотришь на него, он напоминает колоссальный эллипсоид или яйцо. Тут же вспоминаешь о «космогоническом яйце» из старых преданий, о «яйце мироздания». Но к этой мысли сразу присоединяется другая: «прайяц» древних стран Средиземноморья всегда сопровождалось изображением змеи.

От редакции

Известный историк, африканист и семитолог профессор Марсель Омэ родился в 1897 году в Рошфор-сюр-Мер (Франция). В прошлом профессор Алжирского университета. В Африке провел 15 лет. Изучал языки и историю Марокко, Туниса, Египта, Ливии, Конго, Палестины, Турции. В Сахаре обнаружил наскальную живопись каменного века. В 40-е годы М. Омэ отправляется в Северную Америку, затем на Гаити, в Венесуэлу и, наконец, в Бразилию, где и поселился, приняв бразильское подданство.

Книга М. Омэ «Сыновья Солнца», вышедшая в свет в 1958 году, посвящена результатам обследования памятников первобытной культуры в северных районах бассейна реки Амазонки. Побывав в местах, которые, как

Что же мы увидели на фронтальной стороне Педра Пинтада? Древнюю змею, помещенную так высоко, что для создания этого художественного произведения нужно было возвести прямо-таки гигантский помост!

Стилизованный рисунок змеи в центре достигает семи метров в длину. Он недвусмысленно связан с «праййцом мироздания». Здесь же находится и изображение легендарной черепахи, назначение которой вместе со змеей поддерживать земной шар.

Вокруг скалы извивается длинная змеинообразная тропа, ведущая в пещеру, которая символизирует змеиную пасть. Стены пещеры покрыты письменами. Против каждой стороны каменной скалы расположено по одному «кельтскому каменному памятнику» — дольмену. Эти дольмены причудливо окрашены в красный цвет или испещрены значками, изображающими змей.

Некоторые из тысячи письменных знаков, обнаруженных экспедицией Омэ

Змея центрального фасада доминирует над тысячами надписей и букв, напоминающих древнеегипетские, семитские, древнеиндейские, шумерийские, кельтские и праирландские знаки того древнейшего шрифта, который соответствует эпохе дананской культуры. И все это вырезано на камне или выполнено красной охрой — весьма схоже с доисторическим кельтским искусством! Тем не менее до последнего времени все это расценивалось как «забавные каракули» современных индейцев, хотя данные химического анализа свидетельствуют о том, что «возраст» краски составляет несколько тысяч лет!

Примечательно положение монумента относительно стран света. Культовые строения древних религий располагались строго по линии «запад—восток». Главный фасад Педра Пинтада обращен

считалось, не представляли интереса для науки, автор обнаружил новые свидетельства тождественности ряда признаков первобытной культуры Америки и Европы.

Профессор Омэ, как и многие другие ученые, считает, что в далеком прошлом между Америкой и Европой существовал «мост» в виде Атлантического континента или архипелага, который был уничтожен гигантской природной катастрофой. По мнению автора книги, атлантиды, предки кроманьонского человека, расселялись одновременно и в Европе, и в Америке по мере затопления Атлантического континента.

Поиски профессора М. Омэ приводили порой к поразительным находкам. Так, в Центральной и Южной Америке были обнаружены следы культуры, существовавшей там же в XII—XI веках до н. э. и лишь спустя тысячелетие переживавшей свой расцвет в странах древнего Средиземноморья. Автор, по

на юг и расположен по линии «запад—восток». Таким образом, даже по внешним признакам этот монумент подчиняется правилам, общим для древних средиземноморских культур.

Шестьсот квадратных метров рисунков и письменных знаков, размещенных на громадном полированном обломке скалы, — поистине редкость. Мне начинает казаться, что Бразилии принадлежит честь обладания важнейшими «каменными книгами» всего мира.

На громадном монументе, о котором идет речь, помимо традиционных змей и черепах встречаются цифровые изображения, основанные не на десятичной системе. Они всегда на видном месте и сочетаются с религиозными элементами, известными древнейшим восточным культурам Средиземноморья и применявшимися в качестве основы «священных чисел». В любом случае это бесспорно доказывает, что в давно прошедшие эпохи в Южной Америке жили люди, умевшие писать, читать и считать. Обнаруженные нами «каменные документы» Педра Пинтада, бесспорно, скрывают какую-то первобытную тайну.

Считается общепризнанным, что до появления европейских завоевателей на Американском континенте не были известны ни повозки, ни дороги, ни лошади!

А ведь той же самой патиной, то есть таким же древним слоем, как и другие изображения на скале, покрыты наброски лошадей, повозок и колес в их бесконечных вариациях. Они выполнены всегда в профиль и очень часто в манере художников Древнего Египта 4—3-го тысячелетия до н. э. При такой своеобразной манере художник изображает не то, что видит, а то, что есть в действительности. У повозки с четырьмя быками рисующий видит только двух животных, но, если он хочет показать, что запряжены все четверо, он располагает двух быков над двумя другими. Точно так же изображает он и колеса (в стиле «*plan rabattu*»).

Такого рода рисунки мы обнаружили на Педра Пинтада, как и в других культовых очагах, родственных ему. Другие многочисленные изображения показывают, как поднимались каменные

его словам, не расценивает свои выводы как законченную теорию. Он просто предлагает читателю проследить за ходом мыслей, вызванных его личными открытиями, «осознаемыми фактами, а не предположениями, взятыми с потолка».

Не все доводы, параллели и сопоставления Марселя Омэ кажутся достаточно убедительными, однако его находки и открытия, взятые в целом, создают впечатляющую картину, дающую повод к серьезным размышлениям. Спор об атлантидах еще не закончен, нужны новые факты и новые исследования. В предисловии к книге М. Омэ говорит, что Бразилия, «эта поднимающаяся страна будущего со своими еще не исследованными областями», является «неисчерпаемым кладом современных и будущих изысканий, которые прольют новый свет на первобытную историю человечества».

Внимание читателей предлагаются фрагменты из книги М. Омэ «Сыновья Солнца».

глыбы, предназначенные для строительства храмов и мест захоронений. Эти рисунки тоже сходны с теми, что я изучал в Верхнем Египте. Сами памятники сложены из камней, каждый из которых весит свыше двух тысяч тонн. Письмена и стилизованные явно в средиземноморской манере рисунки этих монументов не могут не напомнить слова знатока первобытной истории Л. Капитана:

«На закате азийской культуры (которая расцветала во Франции в 12—10-м тысячелетиях до н. э.) уменьшается число изображений, они становятся все поверхностнее, часто в виде фрагментов. В дальнейшем копиисты еще более усилили стилизацию изображений. В результате некоторые из них производят впечатление иероглифического письма».

Что же в таком случае думать об иероглифических знаках, которые мы обнаружили в районах Северной Амазонки, или о дольменах, похожих на те, что сооружены в доисторические времена в Европе?

Тут нужны некоторые пояснения общего характера.

Культура каменного века, названного так по каменным орудиям людей того времени, разделяется на древний и новый каменный век. В первую эпоху древнего каменного века появляется низкорослый, примитивный тип человека — неандерталец, который затем исчезает. Во вторую эпоху, которая является переходной к новому каменному веку, возникают два новых типа человека — высокорослый кроманьонец и коренастый, менее развитый ориньяк. Признаки так называемой кроманьонской расы сохранились в нордическом и средиземноморском европейских типах. Распространение кроманьонца почти совпадает с возникшей в эпоху нового каменного века мегалитической культурой в Европе.

В течение тысячелетий первой эпохи древнего каменного века неандерталец не знал никакого искусства и был знаком лишь с грубо обитым каменным орудием без рукоятки. Но с начала второй эпохи древнего каменного века неожиданно наблюдается неслыханный культурный прогресс. Появляются удивительно законченная пещерная живопись ледниковых времен и новые, поразительно тонкие по исполнению инструменты и оружие из камня. Творцами и носителями этой культуры, осевшими преимущественно на территории нынешней Испании и юго-западной Франции, были представители кроманьонской расы.

Большинство ученых склоняется к тому, что кроманьонцы пришли в Европу из каких-то других областей. Но откуда? Европа тех времен с озерно-лесным поясом России, огромными ледниковыми областями Скандинавии на севере и Альпами на юге располагала открытой зоной только на западе. Африка на юге в качестве отправного пункта кроманьонцев исключается. По нашему убеждению, они эмигрировали с островного материка в Атлантике, самые высокие горные пики которого и сегодня возвышаются над гладью океана в виде Азорских островов.

Атланты, переселяясь несколькими волнами, двигались не только на восток, но и на запад, что не исключает, конечно, возможного заселения Америки и через Берингов пролив. Потомков атлантов (гомо атлантикус) мы обозначаем как атлантидов, или «сыновей Солнца». В Европе это кроманьонцы, о культуре которых рассказывают бесчисленные находки. В северной части бассейна Амазонки нами обнаружены следы культуры атлантидов и установлено ее поразительное сходство с остатками культур различных первобытных эпох Старого Света.

Дольмены Амазонки

На передней площадке у главного фасада Педра Пинтада я увидел дольмен в виде продолговатого пятиугольника. Когда я рассмотрел его вблизи, мне бросились в глаза четко различимые следы колонн; остатки этих колонн лежали на земле.

Но ведь пятиугольный дольмен — характерная черта эпохи, отделенной от нас тысячелетиями, и в то же время признак уже более близкой нам культуры мегалита, долгие годы изучавшейся мною в Северной Африке. Признаться, было неожиданностью именно в районе Амазонки снова встретить дольмены, которые я так хорошо знал еще по Алжиру!

И все же возможность ошибки исключалась. Еще одно доказательство этого я получил позднее, когда обнаружил погребальную пещеру-склеп. Она была вырублена в скале, окрашена в красный цвет и походила на те, что нашел профессор Алжирского университета Морис Рейгас в районе Константины. Он насчитал до четырех тысяч дольменов, и все они были точно такими же, как и те, что я видел теперь собственными глазами.

Затем я внимательно рассмотрел рисунки на дольменах. Тут были змея, барка, солнце, черепаха и лошадь. Все это символы, часто употреблявшиеся кельтами.

Дольмен третьей площадки тоже представляет интерес. На нем, кроме стилизованной змеи, видны оригинальные иероглифические знаки и довольно точно выполненные буквы греческого алфавита; пожалуй, это ипсилон и омикрон. Вблизи дольмена находилась ступка, в которой растирали краску, использовавшуюся для нанесения изображений. И тут же рядом пестик — конусообразная толкушка правильной формы. Снова предметы, так хорошо знакомые по средиземноморской зоне Ближнего Востока!

Сколько могут весить эти дольмены? Пятнадцать или двадцать тонн! Как их поднимали? Кто выполнил эту работу? Каким способом? Когда? Ничего, ни одного предания, ни одной легенды, ни единого упоминания в индийском фольклоре. Культура тех времен исчезла, не оставив ни малейшего следа. Не осталось ничего, кроме самих монументов с их загадочными рисунками и еще не расшифрованными надписями.

Среди немногих книг, которые я взял с собой на Амазонку, были работы Жоржа Пуассо и Капитана. Иногда я перелистывал их. В этот вечер я особенно внимательно читал Пуассо, который, как мне кажется, лучше всего разъясняет скрытый смысл Педра Пинтада: «Мегалитическая культура была вызвана к жизни сильным религиозным чувством, которое проявлялось одинаково повсюду, где аналогичны монументы и надписи».

Итак, мы обнаружили у Педра Пинтада бесспорно средиземноморскую систему чисел, фресковую живопись, два окрашенных дольмена и один, испещренный знаками. Все это встречалось до сих пор только в трех районах мира — в Бретани, Скандинавии и Уэльсе. Я решил глубже поразмыслить над определениями Пуассо.

Четыре символа

На внутренней стенке пещерного дольмена я увидел мотивы, встречавшиеся нам постоянно во время экспедиции: змею, жабу, черепаху и солнце. Разумеется, были и другие рисунки, но именно эти четыре все время повторялись. Они встречались отдельно или вместе с изображениями других зверей, растений и людей. Сопровождались они также буквенными знаками, в которых явственно проступали характерные особенности финикийской, сабейской, иберийской, критской, древнегреческой и древнеегипетской письменности.

Но особенно поражало то, что здесь, в районе Амазонки, можно найти надписи, типичные для Франции эпохи каменного века и относящиеся к 4—3-му тысячелетиям до н. э. Встречается и изображение оленя с одновременным воспроизведением в натуральную величину «рук с отрезанными пальцами». И именно эти рисунки по технике исполнения идентичны тем, что имеются во Франции магдаленского периода, эпохи, отстоящей от нас на 12—15 тысячелетий.

Есть здесь и «круг четырех времен года» с двумя пересекающимися под прямым углом диаметрными линиями. Несведущему человеку он ни о чем не говорит, для историка же первобытной культуры он имеет важное значение. Сейчас предполагается, что круг с пересекающимися под прямым углом диаметрами символизирует четыре времени года в Европе, так как европейские времена года примерно одинаковы по длительности.

И вдруг мы находим этот же самый круг в соседстве со средиземноморскими письменами и изображениями оленя и «рук с отрезанными пальцами» в районе Амазонки! Разве это не указывает со всей очевидностью на то, что здесь по крайней мере за 10 тысяч лет до н. э. должна была доминировать культура, сходная с культурами Европы тех времен?

Ясно одно: если первобытные люди Амазонки хотели таким образом символизировать времена года, то было бы достаточно

одного диаметра, так как Амазонка знает только два сезона — сухой и дождливый. Но амазонский круг разделен на четыре части и сопровождается рисунками, аналогичными кроманьонским в Европе; значит, «круг времен года», рисунки, буквы и все символы были привнесены сюда из земель с умеренным климатом.

Но кто были эти люди, пришедшие 12 или 15 тысяч лет назад с американского северо-востока, если не атлантиды, странствующие «сыновья Солнца»?

Эти первобытные связи снова и снова привлекали мое внимание. Насколько я могу судить по опыту нашей экспедиции, почти у всех индейских племен имеются весьма интересные языковые и антропологические особенности, которые тянутся через океан к Старому Свету. Однако общепринятая точка зрения на заселение Америки — иммиграция через Берингов пролив. Тем драгоценнее становится факт, подтверждающий атлантические связи. Многие авторитетные лингвисты указали на поразительные языковые явления. Так, уже де Шаренси установил: «Берберийский язык, тамашек (язык туарегов Сахары), эвскара (древний язык басков) и определенные слова древнегалльского находятся в бесспорном родстве с индейскими диалектами Северной и Южной Америки». Остается добавить, что совпадение всех этих фактов не случайное...

«Ведьма» Серры до Жоэльо

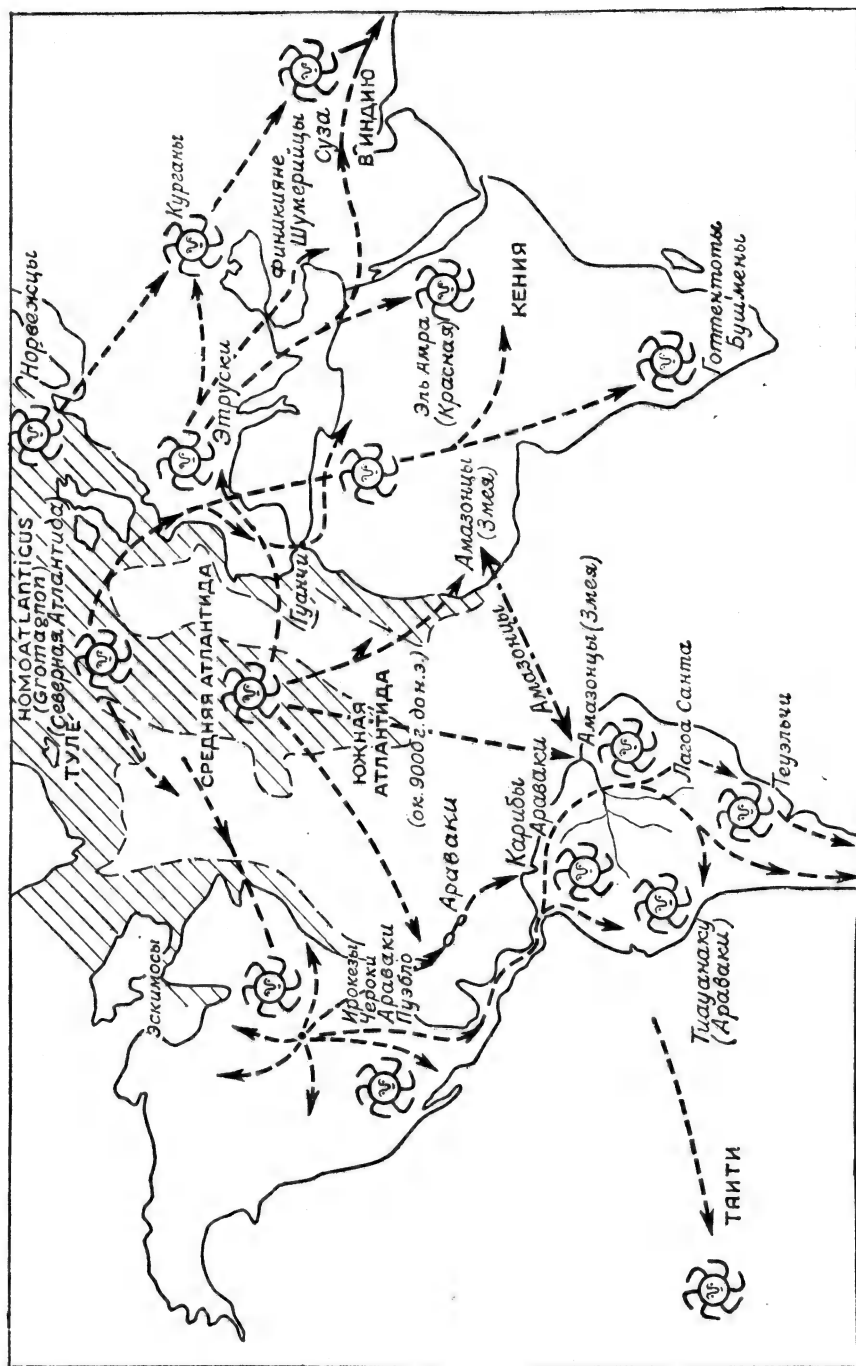
Задумчиво рассматривал я дольмен Серры до Жоэльо, похожий на черепаху с длинной шеей. Дольмен-черепаха располагался на скале на высоте свыше десяти метров. Своеобразный, даже мистический вид этого монумента навел меня на мысль назвать его «ведьмой». Погруженный в размышления, я вспоминал о чудесных лекциях антропологического музея в Париже, где находится такой же камень пяти метров в длину и трех в высоту. Он был найден в Квириква на Юкатане, где обитали древние майя. Он тоже имеет форму черепахи. У майя существовала символическая ритуальная связь черепахи со змеей и с небесными силами, в частности с солнцем, которое изображалось как «странствующее светило» с ножками.

Можно представить, какую радость доставило мне теперь открытие памятника-черепахи на Амазонке! Такая находка стоила

Карта № 1. «Цепь» странствований «сыновей Солнца»

«Солнце атлантидов» (кочующее солнце с ножками) — знак, который находят во всех архаичных культурах атлантического происхождения. Исходя вначале от одного атлантического центра, этот знак солнца распространялся по континентам точно так же, как «цепи» скелетов, окрашенных в красное, профилей с орлиными носами, двойных урн, менгиров и пирамидных сооружений (сравни с картой № 2)

Штриховкой обозначена предположительно существовавшая когда-то суша

всех усилий. Ведь у обнаруженного мной дольмена в нижней части были письмена, придававшие ему вид настоящего кельтского монумента.

После того как Женеваева сфотографировала новую находку и срисовала письменные знаки, мы уже хотели возвращаться. Но тут наш проводник-индеец воскликнул:

— Посмотрите сюда! Здесь рисунки солнца!

Одним прыжком я взобрался на скалу и увидел под свисающими ветвями дерева два прекрасных «странствующих солнца». Вокруг солнечных дисков были пририсованы «ножки».

Вернувшись в лагерь, я снова схватил книгу Капитана. Не хотелось полагаться лишь на собственную память. Для первобытной истории Южной Америки моя находка могла либо ничего не значить, либо стать настоящим открытием. Я раскрыл книгу и залпом прочитал: «Украшенные письменами и странствующими солнцами дольмены встречаются в различных вариациях только в Бретани, Скандинавии и Англии».

Итак, я не обманывался! Я открыл образцы подобных дольменов и «странствующих солнц» европейско-кельтской культуры в бассейне Амазонки. А ведь изображение черепахи является характернейшим признаком культуры кроманьонцев и их родичей, расселившихся у Великих озер Северной Америки. Так я получил еще одно подтверждение связи между архаичной культурой Южной и Северной Америки, то есть культурой «странствующих атлантидов», и более поздней древнекельтской культурой в Европе.

Потрясенный, я подумал о том, что остатки культуры атлантидов в Перу могут быть на тысячелетия старше памятников такой же культуры кельтских и средиземноморских областей. Какой археолог не сошел бы с ума от подобного открытия?

А эта новая гора перед нами, скрывающая свои тайны, ля Серра до Сапо, «черепаховая гора» (Кибераи де Коу — на языке индейского племени тупи), была одной из прекраснейших, какие я когда-либо видел, настоящая сахарная голова. Гордо возвышается она над местностью, хорошо видная со всех сторон. При взгляде на ее вершину мне вспомнились упоминания о символических изображениях лягушек и жаб в средиземноморских странах. Большинство обнаруженных на этой горе выгравированных или рисованных надписей напоминают прасимволы античных религий, среди которых тройца «солнце — жаба — змея» занимала господствующее положение.

Я обнаружил также своеобразное изображение топора с двумя лезвиями, который в истории известен как преимущественно галльское оружие. Все это очень странно, тем более если учесть, что в гроте Чулин в Аргентине найдены такие же рисунки, всадники на лошадях и другие мотивы, которые решительно производят впечатление критских! Да и сам аргентинский каменный топор целиком весьма похож на священный лабрис — двойной топор с острова Крит.

Небесполезно вспомнить, что предки туземцев, живущих ныне в Перу и Аргентине, пришли с севера, переправившись через реку Шингу. Ее название, мне кажется, происходит из семитских языков. Этими пришельцами были атлантиды — люди белой расы. Даже и сейчас еще немногие из оставшихся в живых прямых потомков атлантидов чисто белые: это *урсы* с озера Титикака. Они и поныне живут там, где когда-то расцвела знаменитая культура Тиауанаку. То же относится и к большинству аборигенов Аргентины. Доктор Верно, изучавший патагонцев на Рио-Негро, приходит к следующему выводу: «Эти люди той же белой расы, что и индейцы в центре Бразилии, в штате Минас-Жераис, выходцы из Лагоа Санта». Весьма логично сделать вывод, что речь идет о кроманьонцах.

Изучавший различные сооружения эпохи каменного века Амброзетти тоже заметил: «Техника первобытных обитателей Аргентины абсолютно такая же, как и на острове Кипр в Средиземном море, и связана с искусством возведения дольменов, которое лучше всего сопоставить с памятниками в Тру-оз-Англе близ Эпона во Франции».

Каменная палатка

Одним из примечательных мест, произведших на меня особое впечатление, был «грот старика», который я окрестил так из-за найденного в нем скелета пожилого мужчины. Можно с уверенностью сказать, что эта пещера была создана руками человека. Ее боковые стены наклонены друг к другу под углом сорок пять градусов и весят не менее двухсот тонн.

Представьте себе палатку длиной тридцать метров, высотой около четырех и шириной пять-шесть метров. Абсолютно правильная палатка, только сделанная не из полотна, а из камня. Она стоит прямо на огромной каменной глыбе, стены ее совершенно гладкие и плоские. Обе плиты приставлены одна к другой безукоризненно и плотно пригнаны.

Подобные сооружения не единичны, я имел возможность изучать монолитную статую в Верхнем Египте. Египтологи определили, что вес каменной глыбы, которую использовали для изготовления статуи, составлял не менее тысячи девятисот тонн. Ее должны были перевезти на барке по Нилу из местности, отстоящей на тысячи километров, затем перетащить на километр от берега и, наконец, поднять вертикально. Какими же техническими способами делалось все это?

Объем каждой из плит каменной палатки примерно сто пятьдесят кубометров. Они весят очень много, но, конечно, им далеко до того, что было найдено в Египте. Сохранившиеся в Перу монументы «сыновей Солнца» тоже гораздо внушительнее всех сооружений в северных областях бассейна Амазонки.

Итак, несомненно, каменная палатка, «грот старика», — творение человеческих рук. Долгое время все эти гроты, пещеры, дольмены и менгиры приписывались природе-матушке. Но ведь не естественного же происхождения надписи, рисунки, коими украшены каменные монументы. А окрашенные в красный цвет скелеты в погребальных урнах, с которыми мы то и дело сталкиваемся?

Из всех открытий, сделанных нами на Амазонке, явствует, что в Южной Америке должна была существовать цивилизация, родственная древним культурам Средиземноморья. Причем речь идет не только о сходстве архаичной архитектуры, письменных знаков, символов и монументов, но и об аналогии нравов и обычаев...

Погребальные урны, в особенности раскопанные нами в «гроте старика», имеют такое же «кельтско-иберийское» исполнение, какое было установлено в лужицких находках. Наши находки поистине поразительно напоминают подобные им из различных доисторических эпох древнего мира! Древний Крит, древняя Германия, древняя Галлия, древняя Амазонка, древнее Перу, Месопотамия и Средиземноморье — везде было одинаковым также искусство возведения террасовых храмов. Но где был центр, откуда исходили все эти связи? Какой народ там жил? Это могли быть только «сыновья странствующего Солнца» и их потомки.

Одинаковые погребальные церемонии тоже служат тому доказательством. Большинство скелетов, найденных на юге России, на островах Тонга в Океании, в странах Средиземноморья, в Галлии, в Северной Европе и Америке, обработаны одинаково. Они находятся в скорченном положении и окрашены красной охрой.

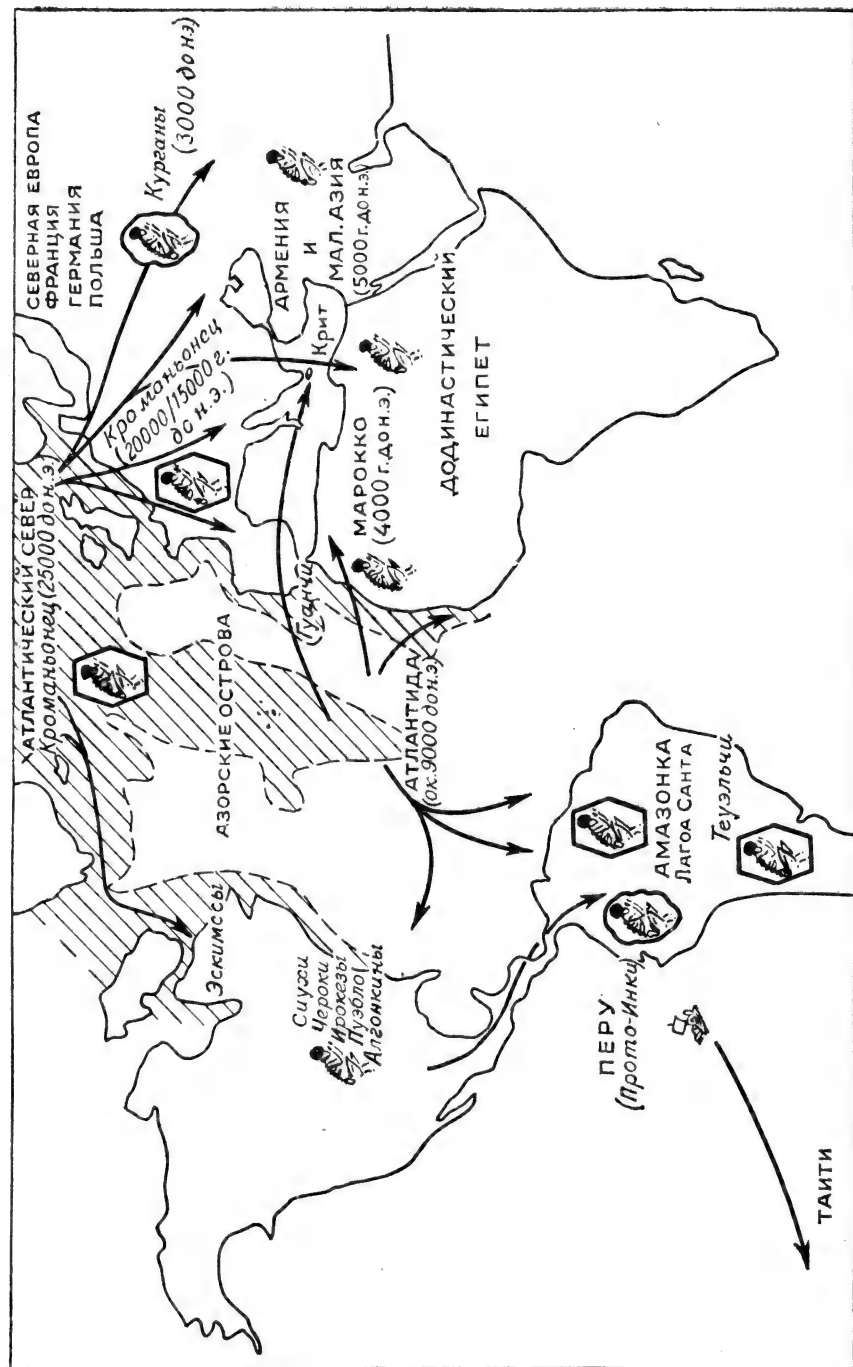
Скелет старика в каменной палатке тоже скорчен и окрашен в красное. Вдобавок возле него мы нашли бусы явно финикийской работы. Осторожно раскапывая двойную урну в земляном полу каменной палатки, мы наткнулись на скелет ребенка, которого захоронили тоже в скорченном положении, но рядом с урной, в земле. Такие захоронения находят не только в критских могильниках, но и во многих других местах.

...Вождь умирает. Вокруг него собираются родственники. Призывают жреца. Острым взглядом окидывает он умирающего, потом приближается к нему, обнимает своими мощными руками и вместе с помощниками сгибает ему ноги, подтягивая колени к самому подбородку. Затем в таком положении умирающего связывают толстыми ремнями из оленьей кожи.

Карта № 2. «Цепь» захоронений окрашенных скелетов в скорченном положении

Скорченное положение скелетов, по М. Омэ, — символ будущего воскрешения «сыновей Солнца». «Цепь» таких захоронений, как и пирамидные постройки, двойные урны, изображения солнечных знаков, прослеживается в разных частях света (см. карту № 1).

Штриховкой обозначена предположительно существовавшая когда-то суша

Временно он уйдет из жизни, но, связанный в положении плода в материнском чреве, он скоро вновь появится в виде маленького ребенка, преисполненного добродетелей своего предка...

Этот обычай захоронения был распространен уже в древнейшей Ирландии за тысячелетия до нашей эры. Существовал он и на доисторическом Крите, в Германии и во Франции. Захоронение называют двойным вот почему. Скорченное тело покойника зарывали в землю. Спустя год его откапывали, счищали скребками остатки плоти с костей, которые затем сшивали и красили. После этого следовало второе захоронение, очень часто не в земле, а в погребальной урне.

На Амазонке мы встретились с этим обычаем в жутком современном исполнении. Обычай сохранился до наших дней, но в несколько измененном виде: туземцы прибегают к услугам природы! Они используют маленьких речных бестий, хищных рыбок пиранья, которые в несколько минут превращают любое живое существо в безукоризненный скелет... Исполняя ритуал двойного погребения, туземцы уже не поступают так, как когда-то их обстоятельные родичи на древнем Крите и в других частях древней Европы, и не кладут мертвецов в сырую землю; амазонские индейцы просто заворачивают покойника в сеть из лиан и погружают в реку. Кровожадные пираньи, видимо, не очень разборчивы... На следующий день индейцы вынимают скелет, окрашивают его и кладут в погребальную урну.

Тюрбаны в Южной Америке

В цепочку доказательств о межатлантической связи континентов можно включить и моду. Артур Познански обратил внимание на то, что семитский тюрбан, украшенный знаками двенадцати израильянских родов, встречался в Перу *, иными словами, в области южноамериканской культуры атлантидов.

Уже Христофор Колумб не раз повторял, что видел «белых индейцев», белых женщин с прическами, похожими на кастильские, и других индейцев, носивших на голове пестрые шелковые тюрбаны!.. Колумб встречал знакомые ему «венецианские бусы» и описал способ отделки золота, типичный для стран Средиземноморья.

Однажды, когда мы плыли вверх по течению небольшой реки, нам повстречались две пироги. В них сидели вооруженные луками и стрелами воины. С помощью нашего переводчика мы обменялись с ними приветствиями и подарками. Так я получил два чудесных изделия из керамики: одно изображало баранью голову, типичный знак арийцев, другое — голову мужчины в огромном тюрбане.

* Х. де Акоста, написавший отчет о своей экспедиции 1570—1587 годов в далекую «Индию», посвятил этому перуанскому головному убору целую главу. Он указывал, что в некоторых местностях перуанцы носят длинный кусок ткани, обмотанный вокруг головы...

Критские изображения повозки и колеса (сравн. со след. рис.)

Оба этих небольших произведения искусства могли принадлежать лишь высокоразвитой культуре, причем в двойном значении этого слова: они учитывали как астрономические наблюдения (баранья голова — знак Овена), так и обычаи в одежде. В то же время нам было ясно, что встретившиеся нам воины были простыми дикарями, неспособными создать такие произведения искусства. Они могли их унаследовать лишь от своих предков. А от каких предков? Так небольшие керамические изделия снова оживили дух атлантидов.

Лошади в доисторической Америке

...Однажды мы очень усталые возвращались в лагерь и, если бы не наш проводник, наверняка проехали бы мимо одного из интересных памятников.

— Ола! — раздался голос индейца. Его крик стряхнул с меня сонливость. Я мигом покинул седло.

На местном наречии этот камень называется Беликвеvem. С удивлением нашел я на нем множество рисунков лошадей с седлами-паланкинами. Рисунки были выполнены красной краской на совершенно гладкой, чуть углубленной в толщу камня поверхности. До сих пор все еще отрицается, что в доколумбовой Америке существовали лошади. А на этом камне нарисован целый караван, отправляющийся в путь. Видны оседланные лошади, иные с вьючными седлами или мягкими носилками на спинах. Можно различить и не оседланных еще лошадей, а рядом с ними груз, лежащий на земле. Это весьма жизненная сцена, которая была зафиксирована художником в очень давние времена. Древнейшая патина покрывает на камне места, по которым прошелся художник. Эти рисунки принадлежат тому же «перу», что выводило античные буквы, обнаруженные мной незадолго до этого на Педра Пинтада. Теория о том, что все скальные изображения Амазонки только послеколумбовского происхождения, устарела. Ведь нельзя предположить, что подобные рисунки сделаны первыми европейцами, попавшими в Америку. Патина изображений свидетельствует, что они принадлежат той эпохе, в которую были сооружены все эти великолепные каменные монументы. Кроме того, большинство конкистадоров не умели ни читать, ни писать! И уж откуда они могли знать характер архаичного шрифта, который в те времена был незнаком даже образованнейшим людям.

Что касается изображения лошадей и вообще столь долго оспариваемого существования их в доколумбовой Америке, то можно привести еще такой факт. В 1938 году в пещере Палли Айке

близ Магелланова пролива Дж. Бэрд нашел скелет человека в окружении остатков костяка первобытной лошади. В 1950 году методом изотопов был определен их возраст — 9 тысяч лет. Нужно снова подчеркнуть, что в Южной Америке еще есть много обширных, не исследованных областей, не говоря уже о плохо изученных.

В «передней» могильного склепа

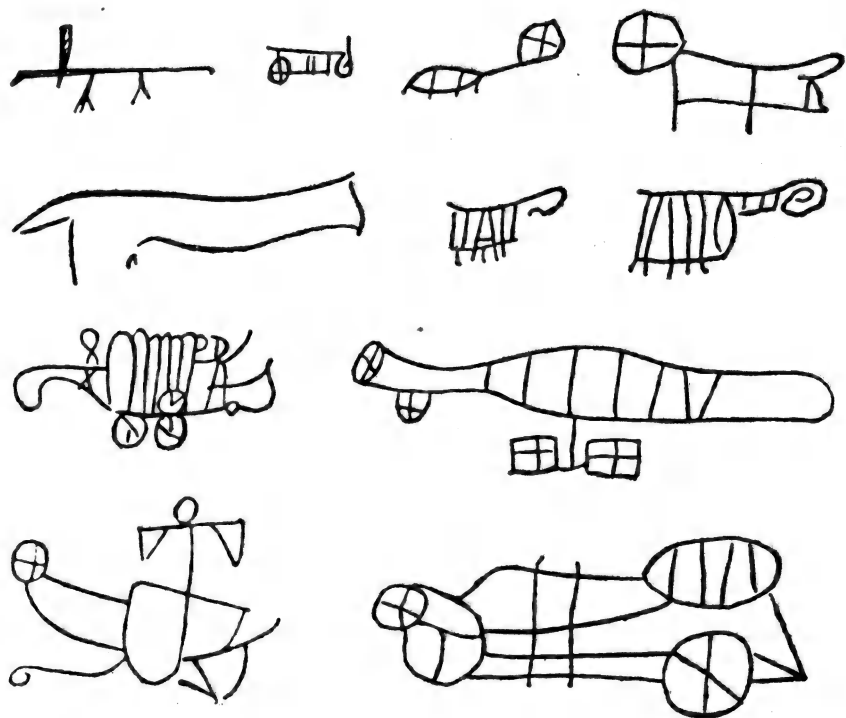
Одна из пещер показалась мне в высшей степени таинственной. Да, она осталась для меня дразнящей воображение тайной.

Это место представляет собой нечто такое, что противоречит всему, что я обнаружил на Амазонке. На этот раз речь идет о естественной пещере, которая, однако, напоминала о прямо-таки утонченной цивилизации. У входа в голой скале выбито подобие передней высотой два метра. Пол устлан тщательно отполированными камнями шириной до полутора метров и длиной около четырех. Все окрашено в светло-красный цвет. Вход в это помещение приподнят над грунтом на восемьдесят сантиметров. Помещение явно представляет собой переднюю при склепе, так как у края каменного пола есть камень, поставленный таким образом, что он почти полностью скрывает вход в пещеру. Сквозь узкое отверстие я протиснулся в склеп. Две погребальные урны стояли на полу, полные переломанных костей, которые, однако, на сей раз не были окрашены в красное. Это были умело изготовленные урны с правильными очертаниями, но они показались мне чуждыми культуре атлантидов. Озадаченный, я раздумывал над этой проблемой, которую предстояло изучить подробнее. Но меня подстерегали новые неожиданности...

На следующий день мы нашли две другие погребальные урны. Они располагались под защитным выступом скалы. На дне одной из них лежали две португальские монеты выпуска 1778 и 1786 годов. Способ захоронения был тот же, что мы уже встречали.

Все это заставляет согласиться с выводом, который был сделан Лундом и Грдличкой: обычай людей, живших на Амазонке и считавшихся аборигенами, не изменился за целые тысячелетия!

Можно предположить, что в давно прошедшие времена существовало организованное сообщение между Европой и Америкой, что приводило к параллельному развитию одинаковых ритуальных черт. Хотя специалисты не пришли к единой точке зрения об «отправном пункте» культовых дольменов, они считают, что все эти дольмены не могли «родиться» в Европе, а прибыли «из-за моря», конечно, не сами камни, а символы. И тем более странно, что те же специалисты, которые согласны с заморским происхождением искусства дольменов, отвергают возможность древней трансатлантической связи Европы с Южной Америкой, Канадой или даже Атлантидой. Однако Шарль де ля Ронсьер из французской Морской академии предположил, что когда-нибудь на основе серьезных исследований будет установлено: в доисторическую эпоху

Изображения лошадей и повозок в районе Северной Амазонки. Особенно характерны «солнечная повозка» Педра Пинтада (1-я в 3-м ряду), «лошадь со всадником» (1-я в 4-м ряду) и запряженные лошади (2-е в 3-м и 4-м рядах), одна из которых (4-й ряд) — с переносными корзинами — нарисована в стиле «*plan rabattu*»

на Атлантике был флот, о существовании которого и не догадывались ученые.

Знание медленно прокладывает дорогу среди старых предубеждений. Прошло много времени, прежде чем Лейф Эрикссон, исландец, вошел в официальные исторические документы как открыватель Америки. Лейф, сын Эрика Красного, отнесенный дрейфом на юг в 1000 году во время плавания в Гренландию, высадился в Северной Америке. И вот уже одно за другим появляются новые доказательства! Долгое время не признававшиеся следы викингов в районе Гудзоновой бухты объявляются наконец подлинными, в архивах отыскиваются пропыленные и давно забытые документы о датских экспедициях в Гренландию и в Винланд. Изучаются саги и легенды, узнаются вдруг названия кораблей, грузы и замыслы викингов, тех самых, что задолго до Колумба плыли в Америку на своих отличных судах, превосходящих жалкие Колумбовы каравеллы, которые приходилось латать в открытом море уже вскоре после отплытия.

Солнечный склеп Серра до Мачадо

От маленького поэтичного озера всего полчаса езды верхом до Серра до Мачадо. Первое, что бросилось нам тут в глаза,— солнце, вырезанное в камне на уровне пяти метров от земли. Оно имело добрых два метра в поперечнике, с четко изображенными лучами и как бы венчало скалу, на верхушке которой находилось... Жена скептически сказала, заметив мое воодушевление:

— Все это наверняка творение самой природы. Исключено, что этот символ выгравирован людьми!

— Ну хорошо,— ответил я,— но все-таки его нужно сфотографировать.

Моя жена, всегда запечатлевающая любую находку, даже если она не разделяет моего мнения, сделала два снимка. Позже пристальное их изучение убедило и ее, что изображение не естественного, а искусственного происхождения. Чтобы определить возраст патины, специальных познаний не требовалось: она была так толста и темна, что ей дашь не менее 8 тысяч лет.

От этой скалы мы двинулись к погребальному склепу, о котором нам рассказывали индейцы... Пройдя около пятидесяти метров, мы увидели скалу, на которой было выгравировано второе солнце, намного меньшее по размеру.

— Где же тот склеп со скелетами? — спросил я сопровождающего нас индейца.

— Здесь! — воскликнул он и показал на круто поднимающуюся вверх стену скалы.

— Но как же попасть туда?

— По двум тропинкам, вырезанным в скалах сбоку!

Я внимательно посмотрел в указанном направлении. Одна из тропинок начиналась там, где мы нашли гигантское первое солнце, а вторая там, где мы стояли теперь, у второго, меньшего, солнца. Без сомнения, оба солнца были выбиты у важного места захоронения: видимо, они указывали, что вход туда запрещен. Мы поднялись повыше.

— Тут справа,— сказал индеец,— наверху, два грота, в которых есть рисунки. Может, хотите взглянуть?

— Конечно! Идемте скорее!

Мы стали карабкаться еще выше и увидели ряд пещер. Еще заметны были следы древнего ритуального кострища. На стенах рисунки, выполненные красной охрой, буквы явно финикийского типа, рядом письма, напоминающие древнегреческие, а иногда даже иранские.

Погребальные пещеры Серра до Мачадо представляют собой очень важный памятник исчезнувших древних религий. Это настоящие склепы с урнами, полными окрашенных в красное костей и скелетов. Место это давно было бы знаменитым, если бы находилось в любой из известных археологических областей в Европе, Египте, Малой Азии или Северной Африке. Здесь толпились бы

посетители и целые отряды кропотливых ученых обменивались своими взглядами, теориями и тезисами о памятнике.

Однако Амазонка — область, о которой вплоть до последнего времени говорили, будто тут нельзя найти какие-нибудь археологические ценности.

...Как легко можно было бы не заметить «солнечный склеп» Серра до Мачадо! Он спрятан искуснее прочих, и достичь его можно лишь с известным риском для жизни. Представьте себе почти отвесную стену двухсотметровой высоты, совершенно гладкую, без единого выступа, о который можно было бы опереться ногой. В скале на уровне восьмидесяти метров вырублена галерея тридцать метров длиной, метр двадцать высотой и глубиной от четырех до пяти метров. Пол и потолок параллельны друг другу и удивительно гладкие: камень тщательно обработан.

В конце галереи находится почти прямоугольная могила. На дне ее пятнадцать урн со скелетами. От времени некоторые сосуды разрушились, и их «обитатели» рассыпались в прах. В сохранившихся урнах мы нашли скелеты, тщательно очищенные от плоти и выкрашенные в красный цвет.

Наверху мы увидели фриз со многими рисунками красной охрой: крокодилы, черепахи, солнца, древние буквы и особенно четко выполненный арийский знак солнца.

Я снова вспомнил об иранцах. Арийский знак солнца доминировал над всем этим собранием древних символов, а ведь в конце концов именно иранская Бактрия считается местом появления первых арийцев. Вряд ли можно теперь отрицать, что арийские знаки верхнего грота и арийский знак солнца в «солнечном склепе» Серра до Мачадо имеют отношение к средиземноморско-малоазиатской культуре.

Арийцами (термин происходит от санскритского слова «агуа» — владетель, господин) обозначаются индоевропейские народы — завоеватели Ирана и Передней Азии (древние мидийцы и персы). С точки зрения науки о языке арийцами считаются только эти индоиранцы. Но в более широком смысле термин распространился также на всех индоевропейцев и на всех индогерманцев... Арийцы, таким образом, ярко выраженные «сыновья Солнца», атлантиды.

Когда я размышлял об этом, бросилось в глаза, какой четкий монгольский тип расы представлял собой наш проводник-индеец. На этот раз он был в сопровождении своей жены. Неожиданно он забеспокоился. До сих пор проводник с интересом следил за нашей работой, но манипуляции, которые я сейчас проделывал с костями погребенных, казалось, внушали ему тайное отвращение и даже ужас. Я продолжал ревностно исследовать урны и низко склонился над окрашенным в красное костяком. Индеец становился все нервнее. Но вот я обнаружил отличный череп, почти настоящий тип кроманьонца, череп потомка атлантидов, который когда-то придавал лицу «орлиное» выражение. Я осторожно поставил череп,

чтобы его сфотографировать. И тогда индеец коснулся моего локтя и сдавленно прошептал:

— Прошу вас, не надо, ведь это мой дед!

Вот так я на практике столкнулся с проблемой, связанной с так называемой загадкой мягких частей тела. Под определенным длительным влиянием внешней среды костяк со временем может претерпевать изменения. Однако это довольно редкое явление. Мягкие же части тела легче и быстрее изменяются. (Понятие «легко» и «быстро» следует воспринимать здесь лишь в эпохальном масштабе.) Вот пример. Доктор Иенк утверждает, что некоторые простейшие монгольские типы по внешности напоминают больше эскимосов, чем жителей Азии. Это соответствует истине. Отдельные расы, в частности монголы, представляют собой настоящий тип брахицефалов, то есть широколицых. У них правильный круглый череп, но различные их ветви изменили свое строение и по внешности приближаются к эскимосам, которые, однако, по большей части долихоцефалы, то есть длинноголовые.

Череп кроманьонца средней степени удлинненности. Он умеренно вытянут, его скулы выступают, глазные впадины четырехугольны и наклонены к вискам. Кроманьонцы были светлокожими, с белокурыми или каштановыми мягкими волосами.

Как же выглядел мой проводник, этот современный южноамериканский индеец и «внук атлантидов», объявивший, что последний найденный мной череп принадлежит его предку? Его глаза вытянуты к вискам, кожа желтая, волосы черные и жесткие. Короче, облик человека желтой расы.

Но скелет его «деда» ярко выраженный кроманьонский. Итак, произошло обратное тому, что описано выше: прогрессирующее изменение человека белой расы в сторону внешних признаков желтой расы. Но эта перемена касается только мягких частей тела — носового хряща, мышц и кожи лица... Расовое происхождение остается одинаковым, идет ли речь о внуке или деде, оба они атлантиды.

Открытие в Серра до Мачадо лишь подтвердило то, что я знал и раньше. И все-таки очень интересно, что солнечные знаки Серра до Мачадо, вероятно, были вырезаны в скале 10 тысяч лет тому назад.

Изучение многих рисунков охрой в районе Амазонки показало, что они, находясь под открытым небом, могут тысячелетиями сопротивляться всем капризам погоды. Мы уже не удивились, когда внутри «солнечного склепа» обнаружили такие же изображения солнца, что и снаружи, на скале. И снова все прошло перед нашим мысленным взором: зарытые в землю погребальные урны с окрашенными скелетами, «кельтские» мотивы рисунков на стенах, гравировки...

Итак, можно смело утверждать, что в районе Амазонки, как и в остальной Южной Америке, была раса людей, атлантидов, обладавших культурой, которая была идентичной той, что в странах

Средиземноморья переживала свой расцвет лишь за 3 или 2 тысячелетия до н. э. Они оставили после себя в пещерах или на земле следы погребального культа и рисунки, выгравированные на скалах, и монументы из камня.

«Венера пышнобедрая Амазонская»

Похоронная процессия туземцев приближалась. Раздавались резкие звуки тамтама. На носилках из ветвей четверо мужчин несли какое-то распростертое тело. Оно было завернуто в листву... Под грохот барабанов носильщики промаршировали мимо меня, потом остановились, сделали несколько шагов назад, затем снова медленно продолжали путь... Вскоре процессия остановилась у навеса из пальмовых листьев. Под ним я разглядел некое подобие куклы, сделанной из бумажной материи, увешанной украшениями и ярко разрисованной.

...Шаман, тело которого было пестро размалевано, а в волосах торчали перья, начал корчить дикие гримасы, то и дело склоняясь к покойнику и будто ожидая ответа на мысленный вопрос. Через несколько минут его лицо приняло нормальное выражение, он подал знак, и процессия снова двинулась к месту погребения. Кульминация церемонии миновала, так как богиня с пышными ягодицами (*venus steatopygos*) благосклонно восприняла «ответы» покойника...

Спрятавшись за дерево, но лишь из чувства такта, потому что никто не обращал внимания на мое присутствие, наблюдал я за странной сценой. Это было «опрашивание мертвого», которое я видел и в Западной Африке — именно там, где Фробениус искал своих «атлантов».

На следующий день мне удалось поближе познакомиться с богиней. Она имела грушеобразную голову. Мощные груди свисали на грузно разбухший живот беременной женщины, пухлые ягодицы, начинавшиеся сразу от голяшек, были весьма экстравагантны.

Облик этой индейской «вопросительницы» навел меня на мысль о «венус стеатопигос» — знаменитой «богине с пышными ягодицами», которую рисовали уже племена ориньяков во Франции. Да, это была она, богиня тех кроманьонцев, что жили несколько десятков тысяч лет назад на территории современной Франции. Это была она, богиня древнего Средиземноморья, и в первую очередь критян 3000 года до н. э., богиня плодородия, которую и сейчас еще почитают некоторые народы Азии, Африки и Америки.

Поистине есть о чем размяться, если в районе Амазонки встречаешь божество, которое так хорошо известно по первобытной истории Европы, Малой Азии, Африки и в целом всех исторических стран Средиземноморья! Особенно вспоминается Ментон-Каравен у франко-итальянского Лазурного берега, где найдены интересные скелеты кроманьонцев, а также погребения на реке

Везере во Франции, где были обнаружены статуэтки — точно такие же, как и встреченная мной здесь. Так моя «Венера пышнобедрая Амазонская» становится еще одним важнейшим документом трансатлантических культурных связей.

Но самая сенсационнейшая находка ничего не значит для исследования первобытного мира, если она не находится «на правильном месте». Она должна выступать в соответствующем окружении, сопровождаться рядом аутентичных фактов. В Европе и странах древнего Средиземноморья вместе с «пышнобедрой Венерой» всегда находили изображения меандров, спиралей, древнегреческие мотивы, а также окрашенные в красный цвет скелеты в скорченном положении; это доказывает, что в погребальной церемонии «опрашивания мертвого» эта богиня играла важную роль.

Богиня, которая в районе Северной Амазонки была центральной фигурой живой культовой сцены, находилась точно в таком же окружении, как и ее сестры по ту сторону Атлантического океана! И это не единичный случай. На Американском континенте находят подобные изображения вместе с одинаково обработанными скелетами и в окружении одних и тех же буквенных обозначений и на территории, где обитали тараски, мицтеки и сапотеки — древние жители современной Мексики...

Наши рассуждения отнюдь не теория, а попытка сгруппировать доказательства, основанные на конкретных открытиях — на зримых осязаемых фактах, а не просто на предположениях, взятых из головы...

Похоронная барка атлантидов

Мы находились в горах на высоте двух тысяч метров над уровнем моря, в местности, где проживали таулипан-жарикунас — одно из древних племен араваков, которые тоже являются потомками атлантидов...

Когда я заинтересовался обычаями племени, то, в частности, увидел тщательно выдолбленный ствол дерева.

— Из этого сделают тамтам? — спросил я.

— Нет, туда положат человека, который умер сегодня.

— Что?

— Да, так мы хороним наших мертвых, — ответил староста деревни.

Поистине Северная Амазонка полна сюрпризов для исследователя! Ведь известно, что в определенных странах кельтской культуры тело покойного в скорченном положении окрашивали красной охрой и помещали в выдолбленный дубовый ствол. Речь идет об очень интересном обычае, редком и оригинальном, и уже в силу одного этого полностью отпадает возможность его возникновения в различных областях, между которыми никогда не было никакой связи. Такой обряд может принадлежать только одной общей груп-

пе, одной культуре. У него должна быть одна ведущая идея. В чем же эта идея заключалась? Следует иметь в виду, что первые барки представляли собой простой ствол дерева, выдолбленный в середине каменным топором или выжженный огнем. Этим способом пользуются и в наши дни в Океании, а также в Центральной Африке и в районе Амазонки. Барки служили средством передвижения. А в большинстве архаичных религий душа умершего отправляется в путь к богу солнца. Но эта душа странствовала всегда в чем-то таком, что могло служить убежищем телу до его воскрешения, то есть в похоронной барке...

До сих пор я всегда думал, что тысячелетняя традиция похоронной барки восходит к Древнему Египту, жители которого заимствовали этот обычай от каких-то неизвестных народов. У древних греков он превратился в миф о Хароне, перевозящем через Стикс на своей лодке души умерших.

Мы знаем теперь, что культура Южной Америки старше культуры стран Средиземноморья, а обычаи, как логично предположить, возник только в таком месте, откуда он мог быть заимствован всеми другими культурами — кельтской, древнеегипетской, северо-западноевропейской и южноамериканской. Но где этому месту быть, как не в Атлантиде, прародине «странствующих сыновей Солнца»...

Мастерская каменного века

Я исследовал огромную гранитную плиту, расположенную вдоль русла реки Урари-Коера. И тут вдруг обнаружил глубокие желобки и вмятины правильной круглой формы. Желобки имели длину тридцать пять сантиметров, ширину в середине три сантиметра, но сужались к концам. Диаметр чашеобразных вмятин был в среднем около двадцати сантиметров, а глубина пять сантиметров. Дно некоторых вмятин было слегка выпуклым.

Это была поистине сенсационная находка, ибо она представляла собой один из известнейших элементов доисторической культуры наподобие «Камня десяти пальцев» (*La pierre aux dix doigts*) — одной из неолитических стоянок во Франции.

И вот теперь на Амазонке я увидел такую же «мастерскую», в которой когда-то шлифовали каменные орудия — занятие, считающееся типичным для периода между 8-м и 3—2-м тысячелетиями до н. э. Найти такой удивительный археологический памятник означало добыть еще один серьезный аргумент в пользу тезиса о единстве архаических культур в Европе и Южной Америке.

Снимок, сделанный Женевьевой, при сопоставлении с фотографией французского «десятипальцевого камня», убедительно свидетельствует, что неолитические стоянки во Франции и на Амазонке абсолютно идентичны. К тому же известно, что во Франции неолитической эпохи не существовало транспортных средств, на которых

можно было бы пересечь океан. Здесь исключено и такое явление, когда, располагая одинаковыми материалами, примерно в равных условиях различные народы создавали одинаковые орудия труда. Такие абсолютно идентичные трудовые процессы в столь различных местах просто обязывают предположить существование общей основы европейской и американской культуры. Где же могла существовать эта общая основа, если не было когда-то в прошлом промежуточной территории, которую мы называем Атлантидой?

Уже на основании одного только этого открытия «мастерской каменного века в районе Северной Амазонки» можно развивать новое теоретическое положение о первобытном населении Южной Америки.

Однако, чтобы никто не усомнился в этом открытии, я привожу точные координаты этой находки: выше порога Коата (или Макака), на левом берегу Урари-Коера, две огромные гранитные плиты, хорошо видимые с реки. В самом деле, было бы весьма интересно еще раз осмотреть эту стоянку каменного века, но уже в сухой сезон... За исключением риска для жизни, сопряженного с такой экспедицией, игра, мне кажется, стоит свеч. Или это заблуждение, что за идею можно пожертвовать жизнью?..

Тиауанаку — столица «сыновей Солнца»

Тихий океан, обдуваемый легким бризом, был гладким как зеркало. Наверное, в один из таких спокойных дней он и получил свое название. Маленькие, едва заметные волны лизали песок, нагретый жарким солнцем. Вдалеке поднимались пики горного массива. В отдаленные времена берега Перу и Боливии выглядели не так, как сегодня. Места, которые сейчас находятся на значительной высоте, располагались низко, здесь были гавани, пляжи, мысы, омываемые океаном.

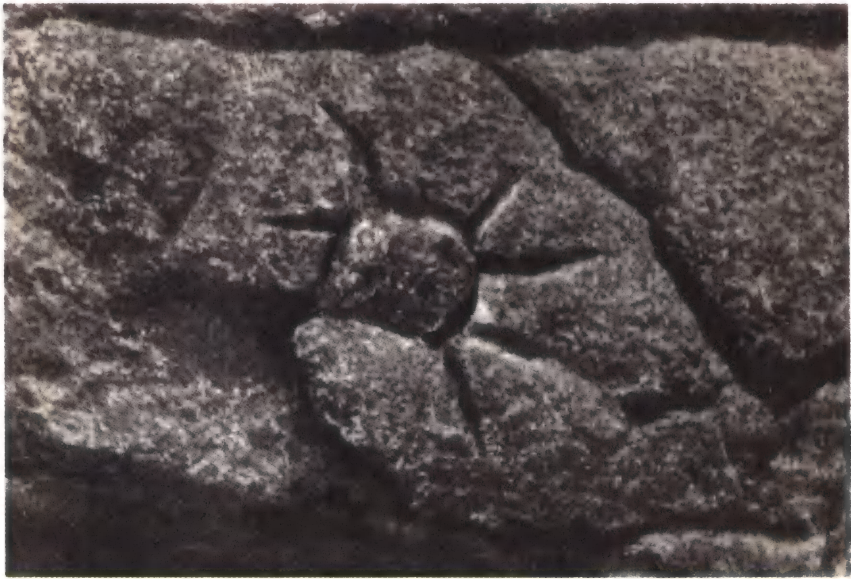
...Вдоль этих берегов с севера на юг двигались племена атлантидов. Мужчины несли свое любимое оружие — пращи. К поясам из звериной кожи некоторые из них прикрепили свои трофеи. Вглядевшись, можно было бы узнать человеческие волосы. Скальпы!...

Увешанные скальпами войны уходили на юг, в глубь территории. Они искали место для стоянки и неожиданно вышли к огромному озеру. Климат здесь казался приятным. По команде вождя весь отряд остановился. Обнаружен остров, который легко оборонять. После ожесточенной схватки с коллами, местными жителями, войны заняли остров. Так Тиауанаку перешел в руки пришельцев, известных под названием араваков. Они тут же начали осваивать новые места.

Это были люди белой расы, высокого роста, с орлиными носами. На вопрос о их языке ответить нелегко: если они и являлись одной этнической группой, то единого языка уже не имели. Некоторые

Одно из выгравированных солнц
Серра до Мачадо

Терракотовая фигурка богини плодородия
эпохи каменного века (Перу)

Глиняный сосуд в виде головы инка
в тюрбане (4—6 вв. н. э.)

Гигантские, увенчанные тюрбанами
каменные идолы принадлежат пер-
вому культурному периоду Тиауанаку
(Покотия. Перу)

Профессор М. Омэ у «камня десяти пальцев». Эта важнейшая находка была сделана им у порога Коата на реке Урари-Коера (Северная Бразилия)

Внешний вид этих сооружений на горе Олбан (Оахака. Мексика) дает представление о широко распространенном в свое время методе возведения пирамидных и террасовых построек

из
ли
дв
из
еп
бь
се
ск
С
гс
се
д
м
Э
вл
т
с

С
н
р
т
г
к
п
п

в
в
с

Е
Е
с
д

Н
с
с
г
с

т
т
т

из этих племен долго жили в отдалении от других и потому изменили свой первоначальный диалект. До нас дошли через их потомков два-три отличающихся друг от друга языка. Название одного из них «кечуа». Оно имеет семитский корень, употреблявшийся еще прасемитами. В арабском это слово означает «твердый», «грубый», «пугающий». Второй язык называется «аймара», что в том же семитском переводится как «иметь избыток отличных пастбищ для скота». «Аравак» — третий язык, а также наименование «сыновей Солнца». Это название все в том же семитском означает «шатер, голова, рог, начало дела». Уже сами названия этих трех языков свидетельствуют о том, что говорившие на них народы происходили из разных мест. Но есть еще один, тайный культовый «всемирный» язык, имеющий ярко выраженную религиозную основу. Это был язык посвященных, жрецов, которые увековечили его в виде идеограмм на камне. Из этого источника в течение тысячелетий смогли развиваться и те диалекты, которые позже были названы семитскими языками.

Пожалуй, именно араваки принесли в Анды традиции «сыновей Солнца» и создали там очаги высокой культуры. Возносятся к небу немые развалины прежних роскошных строений. Безмолвно смотрят огромные статуи людей с орлиными профилями, в больших тюрбанах. Застыли в молчании остатки каменных сооружений и гигантские изваяния. Можно лишь предположить, что в ту далекую от нас эпоху наступило неожиданное изменение климата или произошла всеобщая катастрофа, катаклизм, изменивший лицо планеты...

Двумя мощными волнами устремились араваки в сегодняшнее высокогорье Анд. Второй поток оказался важнее первого: он принес кроме тюрбанов керамические произведения искусства и скульптуры богоматери Ра, жабы-лягушки.

Разве не поразителен факт, что среди скульптур второй эпохи в Тиауанаку находят статуи не только в тюрбанах, но и с клиновидными бородками, точь-в-точь как у египетских фараонов, запечатленных во многих рисунках и изваяниях? А саркофаг египетской манеры исполнения, датированный 4500 годом до н. э. и найденный близ Лимы, столицы Перу?

Не менее ошеломляющие результаты получаются при изучении культовых сооружений Тиауанаку. Храм Солнца «Калат Сасайя» служил одновременно и крепостью. На языке североафриканских берберов «калат» — это крепость. Высшее божество жителей Тиауанаку называлось «баха кама», что в семитском значит «верховный властитель, закованный в панцирь». Не надо быть лингвистом, чтобы изумиться этим совпадениям.

Когда в эпоху завоевания Америки первые испанцы появились у озера Титикака, они спросили туземцев, не инки ли строили этот разрушенный циклопический замок. В ответ индейцы лишь рассмеялись и рассказали мифы о сотворении мира и великанах, легенды о потопе. Все это потом было записано Фернандо де

Монтесиносом в XVII веке в его «Мемория антиквас и политикас дель Перу».

Араваки Тиауанаку соорудили колоссальный храм «Калат Сас-сайя». Они сперва возвели высокие колонны, несущие опоры, имевшие вид менгиров (тех менгиров, что стали известны по Стоунхенджу в Англии!). Для этого изготовляли прямоугольные каменные блоки, вес которых иногда превышал двести тонн.

...После возведения стен храма были вызваны лучшие резчики по камню. Они постарались помимо всего прочего передать движение солнца по отношению к созвездиям. Среди последних араваками были уже известны Большая Медведица, Орион, Плеяды. Эти ремесленники-резчики увековечили уже в допотопные времена на Солнечных воротах Тиауанаку астрономические знания за многие тысячелетия до появления первых астрономов в странах Восточного Средиземноморья.

Вторым чудом является то, что террасовые храмы Месопотамии, как близнецы, походят на сооруженные вокруг Тиауанаку. «Цепь пирамидальных строений» охватывает оба побережья Атлантического океана. Допотопные боги рыболовства в Андах явно идентичны месопотамским, которые почитались с 5-го по 3-е тысячелетие до н. э. В Тиауанаку можно найти статуи в классических турбанах с двенадцатью прядями, каждая из которых символизирует определенное племя. В своеобразной форме это новое напоминание о двенадцати коленах израилевых. Короче, тут так много совпадений, что просто невозможно все их перечислить.

...Прошли еще тысячелетия. Новые пришельцы появились на руинах Тиауанаку. Они уже не знали истории этих развалин. Их жилищами были простые хижины из высушенного ила. Позднее снова приходили воинственные племена; и, вероятно, однажды «сын Солнца», наследник великих традиций атлантидов Кон-Тики покинул берега Южной Америки, уклоняясь от встречи с народами-завоевателями. Он пересек со своими людьми на балсовых плотках Тихий океан, приплыл в Океанию, где стал возводить террасовые и ступенчатые строения, и тем самым замкнул «цепь пирамидальных построек».

Хотя и погибла в результате катастрофы прародина атлантидов — сначала Североатлантический континент, а потом остров Атлантида, — остались следы их переселений по обе стороны Атлантического океана и много дальше. Эти следы соединяются в звенья единой цепи исчезнувшей культуры. А о погибшем континенте напоминают лишь одинокие вершины Азорских островов.

Перевод с немецкого
Ю. Новикова

ДЕД-ЛЕСОВИК С АЛЕУНА

Очерк

В тайге тишина. На глади озера отражаются яристый берег со старым лиственничным лесом, маленькая розовая палатка и таганые рогульки у потухшего костра. Только что заглох шум мотора. По реке еще плывут хлопья пены и мусор, поднятый с берега волной...

Мы с Юрием стоим у палатки и смотрим на далекий поворот, за которым скрылась моторная лодка. На долгое время мы остались одни в этом глухом таежном углу. Трое парней-охотоведов ушли на моторке вверх, к отрогам хребта Турана. Нам же вдвоем предстоит подробно обследовать водораздел между реками Алеуном и Томью, впадающими в Зею. Площадь солидная, силенок мало, и ничтожно мал запас продуктов...

— Ушли! — Юрий потягивается и вопросительно смотрит: — Чем займемся?

— Прежде всего подсчитай и проверь все продукты, а я пока переберу сети.

— Ладно. Начнем новую жизнь с этого, — улыбается он...

Я доволен Юркой... Сын растет сильным, смелым и любознательным. В нем полно оптимизма. Приятно то, что он не пищит и не хнычет. Чем труднее, тем парень становится злее и настойчивее. Ростом уже догнал меня. Серые глаза чуть насмешливы и по-охотничьи зорки. В этом году у него заметна стала полоска черных усов, а мальчишечий ломаный голос перешел в солидный бас. Юрка увлекается плаванием, в маске и ластах ныряет не хуже выдры...

Спускаюсь к лодке. Перебираю сети. Солнце сегодня особенно пышет июльской жарой. В истоме застыл старый лес, листва берез уныло повяла, даже шероховатые лепестки лещин и те сморщились. Дождей не было уже десять дней. Над марью, что залегла под нашим бугром, пляшут столбики прозрачного марева.

Перебрав сети, надуваю резиновую лодку и поднимаюсь к палатке. Юра сидит у кострища, что-то насвистывает, стругая рогульку для жерлицы.

— Ну как, кладовщик, наши дела?

— Не блещут. Осталось сорок кусков пиленого сахара, ведро сухарей, бутылка постного масла, котелок лапши и плитка кирпичного чаю.

— Все?

— Ну да.

— Не густо. А соль?

— Соли пять пачек.

— Это хорошо, хоть рыбу и мясо сохраним.

— Эге, куда замахнул. Рыбу еще поймать нужно, а мясо добыть. За девять дней пустой дороги я что-то и верить в охотничью удачу перестал, — качает он головой.

— Еще поверишь, — смеюсь я.

— Обедать нет. Плыдем на промысел...

На лодке, тихонько двигаясь, обследуем старицу. Она свежая, еще совсем недавно, лет пять назад, Алеун, прокопав новое русло, отрезал от себя большой кривун.

Первую сеть — мою старую, испытанную «паутинку» — растягиваем в повороте, вторую мостим в горле залива. Управившись с работой, купаемся в глубоком омуте и загораем на песке. Отряхнувшись, Юра берет спиннинг.

— Попытаю счастья! — Он уходит к Алеуну.

Я лежу и наблюдаю. Раз пять попусту забрасывает блесну... Хочу уже ему крикнуть, что это бесполезное занятие в такой дикий дневной жар. Но так и застываю с открытым ртом! Он уже возится с добычей. Прихватив ружье, бегу к нему. На катушке не осталось запаса жилки. Какая-то крупная рыба, отчаянно сопротивляясь, ходит кругами. Минут десять длится напряженная борьба, сила сломлена, и постепенно добыча подвигается к берегу.

Приготовив ружье, заброжу, всматриваясь вглубь. У самого дна сверкает чешуей что-то крупное. Еще усилие... еще, вижу,

как дрожит удилище спиннинга, а Юркины пальцы с трудом проворачивают катушку. Уже близко. Выждав момент, стреляю... На каменистую косу выволакиваем странную серебристо-белую рыбу. Длинной она около метра, спина толстая и прямая, у верхнего плавника торчит острый шип. С широкого лба смотрят вверх удивленно вытаращенные желтые глаза. Ее тело почти круглое, напоминает веретено, хвост упругий и сильный. Весом рыбина не меньше восьми килограммов. Мы долго рассматриваем диковинную добычу, пока наконец я не вспоминаю название. Это же верхогляд, хищная рыба из семейства карповых, встречающаяся только в Амурском бассейне!

— Ого! Вот это, я понимаю, рыбака! — сияет от счастья Юрий.
— Молодец!

Обед получился превосходный. Уха ароматная, вкусная, а обжаренные куски рыбы, пересыпанные мелкими сухарями, напоминают нашу западносибирскую нельму. Наловив голянов, от устья старицы в Алеун растягиваем перемет, с берегов озера выставляем пяток жерлиц. Берегись, рыба!.. Солнце гаснет, спадает жар, появляются комары. Мы лежим у затухающего костра, слушаем вечерние звуки...

— Папа, смотри! — шепчет Юрка.

Я поворачиваюсь. В зарослях лещины из травы высунулась любопытная мордашка бурундука. Он осторожно косится на нас черными бусинками, потом, осмелев, выскакивает к кострищу и, схватив рыбный плавник, смешно задрав хвостик, скрывается в траве.

— Смелый зверюшка. Наверное, здесь у него нора? — смеется Юра и хочет посмотреть. Я его останавливаю:

— Пока не тревожь, пускай привыкает.

На ветвь лиственницы у обрыва запорхнул маленький зимородок. Он по яркой расцветке в сочетании зеленого, голубого и оранжевого цветов по праву конкурирует с райской птицей. Сутулой фигуркой, длинным носом на большой голове, своей древней задумчивостью очень похож на маленького мудрого философа. Зимородок долго, не двигаясь, сидит, потом, убедившись в безопасности, быстро ныряет в яр. Юрка тоже собирается проверить, и я его снова останавливаю:

— Гнездо его завтра без хозяина проверишь.

Он улыбается.

— Значит, не одни мы тут живем, уже двое соседей.

Веселее станет, как познакомимся...

Солнце давно закатилось, горит бледно-желтая заря, теплый вечер полон жизни. Высоко в небе носятся стрижи, над озером кружат ушастые совы, в листья шуршат полевки. С цветущей марии тянет тонким запахом чудных ирисов, лилий и кипрея. Здесь растительность немного богаче. По берегам Алеуна нашла путь к северу маньчжурская флора. Тут растет знаменитое бархатное дерево, остролистный клен, монгольский дуб, ясень, маньчжурский

орех, белая липа. Деревья обвиты лианами китайского лимонника, амурского плюща. Прибрежные кусты спирей, розы и боярышника вскинулись на три-четыре метра, заросли настолько густые, что без топора по ним не пролезть. В лесах водораздела, по холмам очень много лещины, бересклета, встречается желтоцветный рододендрон со стеблями, похожими по упругости на стальную проволоку.

Раздуваем костер, кипятим чай. Уже темно, зажглись звезды. В сумраке леса надсадно верещит бородастая неясность — одна из здешних крупных сов. На мари переругиваются косули... Дикая ширь! Ближайшее жилье за двести пятьдесят километров.

— Чем завтра займемся?

Оторвавшись от дум, поворачиваюсь к Юрию. Тот, допив чай, лежит и смотрит на редкие звезды.

— Нужно козла добыть. Иначе без мяса работу не вытянуть. Пока не убьем, в тайге делать нечего.

— Куда пойдем?

— Пошарим сначала возле табора...

Из-за озера вдруг раздается четкий грустный возглас: «Сплю, не сплю! Сплю, не сплю!»

— Кто это? — настораживается Юра.

— Не могу понять!

И опять четко и ясно: «Сплю, не сплю! Сплю, не сплю!»

— Что это птица, в том не сомневаюсь, но какая? Ей-богу, не знаю...

Уходим в палатку. Ночь прохладная, залезаем в спальные мешки и быстро засыпаем под странный грустный крик... Рано утром возжусь с костром, Юра уплыл смотреть ловушки. Над озером, рекой и марью туман. Он очень густой и медленно ложится. Вершины лиственных золотят солнечные лучи. Спускаюсь к озеру, зачерпываю ведро воды для ухи и слышу плеск весел. Из тумана выплывает лодка. По Юркиной веселой физиономии уже вижу, что добыча есть.

Подтаскиваю лодку к берегу. Здóрово! В сетях полно рыбы, а по резиновому днищу ползают два крупных сома...

— В первую сетку,— восторженно рассказывает Юрка,— попали три верхогляда, краснопер и две щуки, да еще дыра чуть не в метр в полотне оказалась. Наверное, щучина прорвала. А во второй щука, два караса и здоровенный сиг.

— А этих чертей откуда взял? — показываю на сомов.

— С жерлиц. Три попало, да один сорвался.— Он вздыхает.— Вот где рыбы-то! Теперь я поплыву посмотреть перемет.

Разбираю сетки и, сложив в кучу рыбу, чешу затылок... Добыча изрядная. Нам вдвоем ее не съесть и за неделю. Ловлю прекращаем. Ладно, есть еще соль и коптильный агрегат, а то бы пришлось половину выбрасывать. Пока засаливаю рыбу, Юрка успевает вернуться. В лодке опять сом, косатка и две крупные щуки. За одну ночь в немудреные ловушки пойман почти центнер.

После обильного завтрака отдыхаем и отправляемся в первую охотничью разведку. Бродим по лесистым холмам часа четыре, уже близится полдень, снова нависает жара, а мы так и не подняли ни одной косули. Тайга изброжена во всех направлениях медведями. В этом, видимо, и причина откочевки косуль, но вот куда они отошли? Непонятно. Не солоно хлебавши заворачиваем к табору.

Вечером проверяю на засол рыбу. Уже можно коптить. Наш агрегат очень прост и удобен, представляет обыкновенный ящик из листового железа с плотно закрывающейся крышкой. Высота ящика метр, ширина семьдесят сантиметров. Вовнутрь вставляются проволочные решетки, на которые и укладывается подсоленная рыба, дичь или мясо. На дно ящика насыпаются сухие сучки ивы, ольхи, тополя, крышка закрывается, и агрегат ставится на костер. Теперь жди! Без доступа воздуха сучки тлеют, накаляясь от жара костра, горячий дым заполняет ящик, проходит полчаса, и великолепно прокопченный продукт готов. Просто, удобно и быстро. В другое время ящик служит тарой под экспедиционный груз. Юра собирается плыть по старице, посмотреть свежие следы животных. Предупреждаю: «На рыбу не покушайся!»

— Ладно,— морщится он, а сам незаметно прячет на дно лодки спиннинг...

Наступает вечерняя тишь и покой. Уровень воды за сутки упал на пять сантиметров. На реке появилась новая каменистая коса. Если так будет понижаться горизонт, то ребята могут попасть в ловушку. Выдержав нужное время, снимаю с костра коптильник, вынимаю золотисто-коричневых сомов, щук, сига и верхоглядов. Сомы плывут жиром. Разложив рыбу на бересте, жду, когда остынет...

Со стороны реки слышен плеск; оглянувшись, прячусь за куст лещины. На истоке старицы стоит лосиха с теленком и подозрительно косится в сторону табора. До животных от силы семьдесят шагов, отлично различая фиолетовые, настороженные глаза...

Добыча заманчивая! Мясо, как воздух, необходимо. Жалко, не бык: его-то я бы, не задумываясь, свалил пулей. Но стрелять матку, да еще с телянком? Руки ружье не поднимают. Лоси бредут на остров, за ним они обязательно должны встретиться с Юркой. Вешаю на таган чайник и, раздувая костер, уже слышу топот. Вскрываю. По тому берегу озера размашистой иноходью мчится лосиха, а за ней неуклюжим галопом — лосенок. Значит, встретились! Расплескивая воду, животные поспешно пересекают исток и скрываются в кустарнике.

Вскоре подплывает мой рыбак. Привязав лодку, с виноватым видом вытаскивает здоровенную щучину. Я укоризненно качаю головой.

— Понимаешь, папа, как-то случайно поймал; даже и не думал, всего лишь два раза в омут блесну забросил, а эта дура возьми и зацепись, — хитрит он.

Ужинали ухой и копченым сомом. Вкуснее, кажется, ничего не встретишь. Копченый сом, ароматный, жирный, чуть напоминает вкусом балтийского угря, но нежнее и мягче.

— Смотри, смотри, бурундучишка-то что делает, — шепчет Юра.

Смелый полосатик, нисколько нас не стесняясь, пытается стащить за хвост с бересты сига. Он старается изо всех сил, упирается лапками, пыхтит, нервно подрагивает. Но из затеи ничего не получается. Толстый сиг недвижим. Тогда бурундучишка, усевшись столбиком, что-то, видать, обдумывает и, весело свистнув, убегает в заросли. Появляется минут через пять уже с подругой. Та осторожна и подозрительна. Смотрит на нас из пучка травы и нервничает. Потом смеется. Она более практична. Не обращая внимания на рыб, подбирает с земли шкуру сома и улепetyвает. Юрка про-

тягивает бурундуку кусочек рыбы, тот сначала отскакивает, цыкает, затем осторожно семенит, смешно топорща длинные усы. Для него это, видать огромное испытание. Но как вкусно пахнет! Жадность побеждает. Смелый муж, подпрыгнув, выхватывает из руки кусочек и удирает.

Загораются звезды, и опять в уснувшем лесу звучит вчерашний крик: «Сплю, не сплю! Сплю, не сплю!»

Юра встает и, вслушиваясь, говорит:

— Схожу, попытаюсь разгадать, кто же кричит?

— Попробуй, только возьми ружье, без него опасно. Сам видал, сколько медвежьих следов.

— Конечно, возьму.

Он натягивает сапоги, сует в карман горсть патронов и тихонько крадется в сторону криков. Я лежу, обдумывая завтрашний поиск косуль. По темному небосклону быстро движется спутник. Чей он? Наш или американский? Да, а вообще, что сейчас делается на белом свете? Мы же ничего не знаем. К нашему стыду, в экспедиции нет даже простых приемников. Сегодня минуло одиннадцать дней, как мы оторвались от большой жизни и находимся в полнейшем неведении о последних событиях... Темнеет, над марью из-за сопки выплывает полная луна. Струи реки играют перламутровыми переливами. Подбрасываю в костер дров.

Проходит час, а Юрия нет. Крики неизвестной птицы давно прекратились. Начинаю не на шутку беспокоиться. В душе ругаю себя за то, что в ночь отпустил парня. Здесь медведей больше, чем лесей и косуль. Неровен час, и столкнется хищник с неопытным охотником... Подымаюсь на ноги, напрягаю слух. В тайге полно звуков. Кажутся треск, шорох, какие-то неясные бормотания, вздохи. Это, конечно, слуховая галлюцинация, самообман, порожденные беспокойными думами...

От резких дуплетных выстрелов одним прыжком оказываюсь у дерева и поспешно срываю с сучка ружье. Так и есть, небось нарвался Юрка на зверя! Бегу звериной тропой в тайгу. Через километр останавливаюсь на высоком бугре. За ним стелется марь, редковатый лиственничник грядой тянется вдоль болота куда-то на восток. Кричу до боли в голове, вслушиваюсь, опять кричу, ответа нет. Вскинув ружье, стреляю вверх. Грохот тяжелых зарядов будоражит ночь. Эхо стонет, дробью рассыпаясь по безбрежной мари. Вторично стреляю и, услышав ответный выстрел, обесиленный, опускаюсь на траву. Закуриваю, постепенно успокаиваюсь, сижу и жду. Минут через двадцать различаю в лунном полусвете фигуру сына. Он шагает легко и быстро по кромке мари. Подходит, лицо покраснелось, в глазах отчаянный задор.

— Где был? Что случилось?

— А... — машет рукой Юрка. — С медведем столкнулся.

— Где?

— Вон в конце гривы, — показывает на восток, обтирает с лица пот и, приставив к лиственнице ружье, садится рядом.

— Птицу я заметил примерно здесь. Похожа на сову неясить, только поменьше, и хвост какой-то длинный. Стал подкрадываться, она улетела. Закричала дальше, потом еще дальше. И так увела в конец гривы, там я ее потерял и повернул обратно. Иду тропкой, уже темнеет. На бугор поднимаюсь, а из кустов медведь вылезает, ну, шагов двадцать от меня, не более. Я ружье сдернул, а он меня, что ли, испугался. Рывкнул и бежать. Я успел два раза выстрелить, со второй пули он упал, потом вскочил и дал деру, только кусты трещат. Следил с километр. Спичкой посвечу — местами видна кровь. Потом в чаще след потерял. Завернул обратно и тут твои выстрелы услышал.

— Дурная твоя голова. Разве можно так рисковать? Раненый зверь мог броситься на тебя и в мгновение ока превратить в отбивную!

— Ну, это положим... Я уже успел новые пулевые патроны вставить, — отмахнулся Юрка.

— Для рассвирепевшего медведя твои пули были бы комариными укусами. Счастье твое, что медведь был ранен легко и не залегал, а могло получиться так: он запрятался в кусты, спокойно тебя пропустил, а потом сцапал сзади. Нет, дорогой мой, с таким животным шулки плохи.

Юрка нахмурился, но согласился с отцом.

— Ну ладно, пойдем на табор. Завтра попробуем проследить твоего крестника.

Утром встаем рано, купаемся и, подкрепившись копченой рыбой, уходим еще раз испытывать охотничье счастье. Ночью выпала обильная роса; забравшись в заросли лещины, моментально становимся мокрыми, но жаркое солнце быстро сушит. Минуем бугор, придерживаясь кромки мари, звериной тропой выходим в конец гривы.

— Вот здесь и встретились, — говорит Юра.

Я внимательно осматриваю место. Медведь действительно ранен, на следах кое-где видны капли черной крови. Но видать, ранен легко. По всей вероятности, пуля попала в мякоть задней ноги. Следим километра два, лежек не находим. Зверь сворачивает из тайги в марь и, осторожно перебираясь по высоченным кочкам, уходит за болото. Для самоуспокоения следим еще с километр и, убедившись в бесполезности поисков, возвращаемся. Невыносимо печет, кружит рой оводов и всяких мух. Отдыхаем в лесной чаще, тут немного попрохладнее.

— Мне кажется, здесь делать нечего, косуль не найдем, лучше к реке сходить, — предлагает сын.

— Туда и пойдем, — в полудреме отвечаю ему.

Сделав большой круг, часа через два выбираемся к Алеуну. Кое-где начинают попадаться лежки. Расходимся по прибрежной полосе редкостойной черной березы с непроходимыми зарослями рододендронов и лещины. Бреду тихонько, держа наготове ружье, и, как всегда, позорно зеваю...

В десяти шагах срываются с лежек два козла. Бью дуплетом по рыжим пятнам, молниеносно мелькающим среди кустов, и с горечью чувствую позорные промахи. Стою у березы, продуваю стволы, на чем свет ругая себя за нерасторопность. Старая кляча! В руках была добыча и так глупо упустил... Лезу в карман за табакеркой. С Юркиной стороны звенит четкий дуплет. По кому бы? Раскурив сигарку, поспешно иду туда.

Свистнул. Отзывается. Смотрю: стоит на маленькой полянке, а на лице улыбка во весь рот!.. На кромке, подвернув рогатую голову, лежит мертвый козел. Ловко! Оказывается, поднятые мной животные, сделав по лесу полукруг, наскочили на него. Переднего он срезал шагов за сорок, второго стрелял чуть дальше и, видно, промазал. Брожу, проверяя примятую траву. Крови не видно. Да и вряд ли он мог попасть в такой непролазной чаще. Для нас и один козел — отличнейшая добыча. Да... во второй половине июля убить косулю очень сложно. Это не весна, когда звери на зеленухах сами лезут на мушку. Быстро снимаем шкуру с козла и, нагрузив рюкзаки мясом, возвращаемся в табор. Теперь все дела пойдут споро, без дум о пище. Мясо не рыба. А дел непочатый край. На очереди кроме обследования участка еще и ремонт лодочного мотора, клепка гребных винтов. Работы полно, а инструмента нет. Напильники, топор, молоток и плоскогубцы — вот и весь наш слесарный инструмент.

Оставшуюся часть дня возжусь с засолом мяса, копчением рыбы. Юрка копается в больном моторе. На обед жарим сердце, печенку и почки, едим с жадностью: рыба приелась. Сухари экономим.

Перед сном с наслаждением купаемся в теплой озерной воде. Юра ныряет в маске и ластах, добывая из ила огромных моллюсков; отдельные раковины достигают величины тарелки. Спать укладываемся рано, рассчитывая до жары отправиться в путь. Сон навеивает знакомый крик странной птицы...

Будит меня, как показалось, треск кустарника. Стараясь не шуметь, вылезаю из палатки. Гладь озера посеребрена лунным светом.

Окружающий лес рождественски красив. Луна склоняется, тянет холодком, ночь на исходе. Заложив в ружье пулевые патроны, затаиваюсь у палатки...

Из-за поворота старицы доносятся басистый медвежий рык, пронзительный крик и всплески. Узнаю! В гости пожаловала семья. Терпеливо жду. Луна спустилась на гребень тайги. На берегу появляется зверь. Он в тени леса неясен и расплывчат. Стрелять, конечно, не собираюсь. Интересно понаблюдать. Медведица с медвежонком неторопливо шлепают по приплеску. Поравнявшись с табором, самка встает на дыбы. Ясно слышно, как она храпит поздрами, втягивая воздух с подозрительными запахами. Так она стоит несколько минут, потом, что-то рывнув отпрыску, беззвучно скрывается с ним в темной чаще. Разряжаю ружье и собираюсь лезть в палатку и вдруг улавливаю в лещиннике шорох.

Вскакиваю на ноги, ясно различаю, как шагах в пятидесяти качаются ветки лещины...

Новый гость, будь он неладен! Снова зарядив ружье, жду. Несколько раз вижу, как в кустах мелькает черное пятно. Минут двадцать новый посетитель топчется у табора, потом уходит на марь. Медвежья ночь! Проводив гостя, достаю кисет с табаком... Опять всплеск. Вот везение! По следам медведицы косолапит прошлогодний пестун. Этот хоть не наделен болезненным любопытством, шлепает следами, не оглядываясь... Засыпаю уже на рассвете, ловя ухом подозрительные шорохи и треск. За завтраком рассказываю о ночных гостях Юрке, тот сердится, что не разбудил.

Перед уходом в маршрут пытаюсь хотя бы приблизительно определить по карте, какую же местность встретим на обследуемом пространстве. Но что можно узнать в этом крохотном сантиметровом квадратике, равном ста квадратным километрам? Опять главный путеводитель — компас, ему и доверяю наши судьбы. За два дня предстоит обойти прямоугольник протяжением двадцать на пять километров. Уложив в рюкзаки скудный запас продуктов, прибрав табор, отправляемся.

С час шагаем старым лиственничником, во всех направлениях изброженным медведями, и за ним упираемся в безоглядную марь. С ее кромки отчетливо видим на юге горы Турана. Где-то там бродят наши ребята. Каковы-то их дела? Сегодня дует восточный ветер. В его порывах ясно чувствуется прохлада Тихого океана. Еще не кончился июль, а мари уже заметно порыжели, лето на исходе. Ковыли и вейники выкинули пушистые метелки созревших семян, а осоки ссохлись и отвердели. Густая рыжеватая марь в наклонах трав под лаской ветра похожа на огромный спелый пшеничный массив. Глядя на нее, невольно забываешь проклятые верткие кочки, а думаешь, что это ровная целинная степь...

Около полудня вылезаем на водораздел. Тут к главному фону лиственничных лесов заметно примешались монгольский дуб, белая липа, широколистный клен, черная береза. Масса всяких цветов, особенно на полянах: яркие лилии, жасмины, ирисы, василистник. Заросли рододендронов и лещины еще выше, чем у Алеуна. С любопытством осматриваем новый ландшафт, тихоенько пробираемся в глубь водораздела. Он, видать, очень широкий. Бредем все время чуть заметно в гору. Очень редко попадаются лежки косуль, раза два замечаем наброды изюбров и совершенно не видим лосиных следов. Зато медвежьих волоков встречаем в избытке.

Картина та же, что и по прежним бассейнам рек: большинство копытных сейчас на поймах, озерах и реках. Водоразделы, можно сказать, почти безжизненны.

Так незаметно проходит длинный день. У маленького ключика на вершине водораздельного плато останавливаемся на ночлег. Место глухое. Здесь наверняка никогда не проходил человек,

да и что, собственно, делать тут людям? За день мы не встретили ни поруба, ни тuesка, ни спиленного старого пня. Медвежья глухомань! Лучи солнца параллельны земле и с трудом пробиваются сквозь листья кустарников. С вечерней прохладой налетают комары. Мажемся диметилфталатом. Я разжигаю костер, Юрка берет ружье.

— Ты далеко?

— Схожу посмотрю, куда бежит ключик, делать-то нечего...

Поспел мясной суп, вскипячен чай, а Юрки все нет и нет. Начинаю волноваться.

Подновив костер, разогреваю суп... Где-то с низовий ключа доносится глуховатый звук выстрела. Идет! Пока не стреляю и не откликаюсь. Погода ясная, ориентиры хорошие, сам разберется. Через полчаса приходит. На ремне через плечо свисает старый глухарь, а в руках шляпа, полнехонькая спелой голубики...

Жадно хлебая суп, Юрка рассказывает, что он в километре набрел на маленькую мшистую марь, сплошь усыпанную созревшей голубикой. Интересно, до сегодняшнего дня ни на одной из пройденных марей спелой голубики не встречалось. Видимо, там какие-то свои особенности микроклимата. Собирая ягоды, поднял из кустарников глухаря, успел бросить шляпу, сдернуть с плеч ружье и уложить птицу зарядом дробы шагов за пятьдесят. Ловко получилось! Я бы, конечно, прозевал...

— Да, чуть не забыл самого главного. — Юрка отставил кружку. — За голубичной марью должно быть большое озеро.

— Почему так полагаешь?

— Чаек видел. Похоже, местные, оседлые. Целой стайкой на мои выстрелы слетелись и с криком долго кружились. — Он глотнул чаю. — Я хотел пойти посмотреть, что за озеро, но уже поздно, повернул обратно.

— Интересно! — Развертываю карту и еще раз подробно изучаю старый, потрепанный лоскут. Местами видно, что водораздел заштрихован болотом, ключик не обозначен. С горечью сую лист обратно в полевую сумку. Ничего не разберешь на этой древ-

ней картишке масштаба один сантиметр к десяти километрам. Карте от роду тридцать лет, составлялась еще до войны, уже мхом и плесенью обросла, а мы ей пользуемся. Вся наша геодезическая техника — компас, он старый друг и служит путеводителем. Что же это за озеро? Завтра обязательно пойдем обследовать...

Отужинав, натягиваем легкий тент, устраиваем под ним постели и лежим, наблюдаем, как ночь сменяет вечер. Гаснет заря, и сразу же становится темно. Не слышно никаких звуков. Козодой и те молчат.

У реки жизнь гораздо ярче и разнообразнее. Там, вблизи нашего табора, опять, наверное, шарашатся медведи...

Интересна биологическая особенность здешнего бурого бродяги. Амурский медведь бродит, как кошка: куда вздумается, туда и прет. В Саянах, на Алтае да и на Севере зверь держится в строго определенных границах своего участка. Здесь же ничего не разберешь. На одной площади бродит несколько зверей. Тут и молодые, и старые, и медведицы с медвежатами. Видимо, из-за того, что зверям есть нечего. Здесь нет благодатного кедра, брусничников, на которых к зимней спячке быстро накопили бы нужный запас жира медведи. Очень мало и зонтичных растений — их любимого корма летом. Сейчас медведи не брезгуют буквально ничем, поедают все, что попадает в голодную пасть: муравьев, жуков, лягушек, рыб, птенцов, маленьких косулят.

...Рано утром меня будит резкий крик.

— Урра! Кра, кра, урра!

Схватив ружье, пулей вылетаю из-под тента. Предсолнечный час. Светло и тихо.

— Урра! Трам-крам, урра!

— Что за дьявольщина? — Сдвинув с предохранителя гашетку, кручусь во все стороны...

— Рыба! Рыба, кра, кра! Рыба! — кричит кто-то совсем рядом. По моей спине текут струйки холодного, липкого пота...

— Артемка дуррак! — Истошный крик заставляет меня отпрыгнуть в сторону...

— Отец, что такое? — появляется рядом встревоженный Юрий.

— Рыба, ррыба! Урра!

Сын разевает рот, таращит глаза и вдруг:

— Смотри, смотри! Вон он, вон!

— Да кто?

— Вон он! Вон он! — Юрий протягивает руку и звонко хочет. Я опускаюсь на кочки, тру глаза и не верю... В десяти шагах на старом пне сидит нахохлившийся здоровенный черный ворон и, поглядывая на нас блестящими глазами, растопырив крылья, трясет бородастым кадыком.

— Артемка вор! Артемка вор! Кра, кра, — вдруг выкрикивает птица и взлетает на лиственничный сук. На ноге у него тускло блестит широкий металлический браслет. Нет сомнений, ворон

ручной, но откуда он взялся? Каким образом оказался в такой глуши?

Юрий бросает ворону кусок глухариного мяса. Минуту потоптавшись, птица планирует на землю, схватывает мясо и, взлетев на пень, рвет добычу черным клювом, удерживая ее в когтистой лапе. Позавтракав, ворон расправляет крылья и, звонко дронкнув, взмывает над лесом. Кричит над нами и скрывается с глаз...

Мы долго сидим у костра, хлебаем глухариный суп, пьем чай, поглядывая в ту сторону, куда улетел ворон. Откуда он? Кто его хозяин? Потом увязываем рюкзаки и, закинув за плечи ружья, спускаемся вниз по ключу...

Километра через два ручей расширяется, выбегает на голубичную марь. Пробираемся кромкой по звериной тропе, горстями хватая с кустов спелую голубику. За марью снова лиственничная тайга, затем она редееет, в воздухе появляется черноголовая чайка, за ней другая. Птицы кружат и улетают за вершины деревьев. Звериная тропа ширится и торнеет. Я иду впереди, Юра немного отстает, собирая голубику. В кустах рододендронов что-то преграждает мой путь; не обращая внимания, рвусь напролом, и вдруг кто-то с силой бьет по рюкзаку и валит меня с ног! При падении неловко подвертывается ступня. Еще ничего не разобрав, пытаюсь вскочить, но от резкой боли снова падаю. На крик подбегает Юра. С его помощью поднимаюсь иковыляю к валежине.

— Смотри, что у тебя из рюкзака торчит!

Скидываю котомку. Бог ты мой, метровая стрела с железным зубренным наконечником пробила рюкзак, а в нем тент, брезентовый плащ и, скользнув по котелку, наполовину высунулась с другой стороны рюкзака! Самострел! Этого еще не хватало, на волосок от смерти находился. Задержись я на долю секунды, сейчас определенно лежал бы с пробитой грудью.

— Ну и машина! Смотри, папа, как ловко все приспособлено! — восклицает Юра.

Ковыляю к нему. В трех метрах от тропы, в развилке толстой ольхи, скрыт от глаз самострел. Приклад из ясеня старательно отшлифован, к цевью прикреплен гигантский лук из строганой ели. От курка самострела протянута через тропу сила — нить из лосиных сухожилий. Она очень прочна и в воздухе почти не заметна. Удар такой стрелы в состоянии уложить любого зверя, хоть лося, хоть медведя. Что и говорить, я отделался благополучно! Боль в стопе нестерпима, опять плетусь к валежине и, присев, стаскиваю сапог. Так и есть. Растянуты в суставе связки. Еле перебарывая боль, массирую сгиб. Достаю бинт и туго перевязываю.

— Кто же его настораживал? Выходит, люди недалеко? — Юрка в раздумье покусывает травинку.

— Ясно недалеко. Самострел свежий. Идиоты, ставят без предупредительного знака. Это же преступление! — ругаюсь, с трудом натягивая сапог.

— Идти-то сможешь? — в тревоге спрашивает сын.

— Да как-нибудь поковыляю.

Опираясь на палку, пробираюсь по тропе. Светлеет. Еще двести метров, и мы оказываемся на берегу чудесного озера. Шириной водоем с полкилометра, длину же его скрывает мыс. Неподалеку расселилась колония чаек. Крик, шум, драки. Птиц сотни. Дальше видно стекло озера — чистого, с небольшими коврами рдестов, кувшинок и пятнами амурского лотоса. Лиственничная тайга с примесью черной березы вплотную подступила к обоим берегам. На поваленной лиственнице мы долго сидим, любуясь красивым видом. Потом идем к мысу. Юрий впереди. Наученный случаем, шагает осторожно, внимательно осматриваясь по сторонам. Я отстаю.

— Избушка и лодка у берега! — раздается его голос.

Спешу к нему. Верно, метрах в трехстах виднеется человеческое жилье.

— Артемка!

— Где?

— Вон вдоль берега летит.

Через минуту низко над нами вьется старый знакомый. Каркнув несколько раз, он улетает к избушке. Там, усевшись на сухую лиственницу, громко горланит.

У лодки появляется маленький человек. Столкнув ковчег, машет руками. Ждем. Через полчаса перед нашими глазами появляется самый настоящий сказочный лесной гном...

Он стоит с шестом в длинном узком дощанике. На голове древняя остроконечная шляпа. Веселые голубые глазки, нос — спелый помидорчик и огромная белая борода.

Щеки розовые, налитые соком, как осенние яблоки. Мускулистый, камнем сбитый загорелый торс. Ниже короткие полотняные штаны. Волосатые, чуть кривые ноги с растопыренными пальцами цепко впились в днище лодки... Ростом гном никак не выше двух с четвертью аршин...

— Как в сказке, — шепчет Юрка.

— Рыба, ррыба, кра, кра, — раздается пронзительный крик ворона. Птица обгоняет лодку и мостится на сухую лиственницу. Старичок, орудуя шестом, ловко вгоняет дощаник в залив.

— Здравия желаем! — Гном выскакивает на приплесток, снимает колпак, обнажая розовую лысину.

— Здравствуйте. — Я жму его короткую, хваткую, как клешню, кисть. Потом он здоровается с сыном.

— Откель путь держите?

Коротко рассказываю, кто мы и откуда... Гном достает табакерку, с аппетитом вгоняет в широкую ноздрю добрую щепотку табаку...

Так состоялось наше знакомство с Терентием Степановичем Коротаевым, а попросту с дедом Терешкой из поселка Белогорье. На этом озере он живет семь лет. Попадает на него по реке Томи

и ее притоку Секте. Несколько раз в год старик наведывается в ближайший населенный пункт за продуктами, остальное время проводит в тайге, на огороде и на этом озере.

— Артемка-вор! Кра, кра, — захлопала крыльями птица, как только мы отплыли от берега.

— Это ваш говорящий ворон? — спросил Юра.

Дед Терешка, лукаво улыбаясь, погрозил птице пальцем.

— Мой, шельмец. Уже три года вместе живем. Птенцом подобрал. Вон на том месте, — он кивнул на берег. — Стояла там старая-престарая листвень, на ней гнездо вороны свили. Наверное, лет десять домовина ихняя держалась, а в третьем годе, в мае, приключись страшная буря и листвень вывернуло. Трех воронят убило, а этот каким-то чудом живой сохранился.

Дед заправил другую ноздрю изрядной щепоткой табаку, с аппетитом чихнул и продолжал:

— Я подобрал вороненка-то. Жаль. Совсем крохотный. На брюхе и спине пушок, на крыльях дудочки. Выкормил помаленьку, и вот ведь поди привык, подлец. Артемкой его назвал. Сначала внимания не обращал на его «кра, кра». Орет себе и орет, ну и бог

с тобой, ори, а потом вычитал в книжонке, что ворон говорить по-людскому может. Дай попробую научить! Задал ему каждый день имя твердить. Он сперва все по своему каркал, а потом как-то рано утром слышу, ровно человеческий голос выговаривает: «Артемка», «Артемка». Высунулся в окошко. Эвон чо, мой вороненок шастует по амбару и сам себя кличет. Теперь уже семь слов по-чистому знает...

— И никогда от вас не улетает?

Старик повернулся к Юрке.

— Пошто не улетает. За день Артемка везде успевает побывать. Как рассветает, наперво к чайкам прет. К гнездовьям по-над самой травой подбирается. Знает, что, коли выше поднимется, заклюют. Хитрит, подлец. Ворвется к чайкам-то, схватит яйцо — и в лес, там его нипочем не взять. Иное утро таким родом три-четыре захода проделает. Чайки гомонят, базарят, а его и след простыл. Потом летит на марь козлов искать.

— Как искать? — теперь уже не вытерпел я.

— А так, — хмыкнул он, споро толкая шестом. — Летит над марью да болотцами до той поры, покедова козла не обнаружит. Как увидит, закуркает и домой ко мне. Прилетит, круг, два опшет, иной раз три, до той поры кружит, пока я не выйду. По его голосу знаю, что где-то зверь пасется. Когда мясо надо, помаленьку туды, куды Артемка полетел, и я пойду. Умный он до ужаси. Все как есть понимает. А вор, таких, однако, на земле не сыщешь. Не приведи господь какой ворина, — покачал головой старик. — Ничего блестящего или красного не оставляй: ложку, ножик, пуговицы — все моментом упрет.

— А куда он прячет? — засмеялся Юра.

— У него, парень, дупла в лесу заприимечены, гнезда старые, вот в них и прячет. У меня в прошлом году часы наручные уволок, две ложки серебряные от покойницы старухи оставались, их тоже прихватил да попутно десять карабинных патронов. Я давай искать. Следил за подлецом пять дней и все же углядел. В старое ястребиное гнездо на пихте, ворина, свое добро укладывал. Еле-еле я залез на пихту. Гляжу, все тут: и часы, и ложки, патроны, да еще чей-то перочинный ножик со всякими приборами тут же лежит. Где он его украл, ума не приложу. Наверно, в какой-нибудь экспедиции спер.

Дед Терешка воткнул шест.

— Все, приплыли в мою деревеньку.

Хозяйство у гостеприимного лесного гнома большое и сложное. Тут и маленький огород, тщательно обработанный: ровные грядки с овощами, десяток яблонь, кусты смородины. Порядочная плантация с помидорами, парники с дынями. В углу под тенью голубых елей есть даже небольшой участочек с десятью корнями женьшеня. Четыре пчелиных улья. Клочок гречихи и проса. Изба просторная — большая комната и кухня. Новенький батарейный радиоприемник на столе, в углу шкафчик с книгами. Посуда пере-

мыта и аккуратно расставлена на полках. Словом, наш «боровичок» — вполне культурный хозяин. Он очень приветлив и разговорчив. Сейчас катается шариком по двору, хлопчет, растапливает печку-каменку, сложенную из диких камней, и круглым баском все говорит и говорит. Мы сидим, разувшись, в тени, под навесом, с интересом его слушаем. Я разбинтовываю больную ногу. Дед Терешка подкатывается.

— Как это тебя ногу-то угораздило ушибить?

Вынимаю из рюкзака обломок страшной стрелы.

— Твоя работа?

Глаза у старичка становятся круглыми, он в смущении чешет затылок.

— Грешен, что и говорить, грешен, мой самострел. Видит бог, не хотел зла. Ведь семь лет тут живу, и никто ко мне не прихаживал. Медведь окаянный повадился из садка рыбу таскать, на него я наострил, а оно вишь как обернулось! — сокрушается боровичок.

— Поди еще есть самострелы?

— Упаси господь, более нигде не ставил.

Прилетел Артемка, сидит на изгороди в трех шагах и, насмешливо косясь умным глазом, чистит свой наряд.

На обед дед Терешка угощает нас жареным сигом, копченой косятиной и медом.

К вечеру они с Юркой уплывают смотреть сети и удочки, заброшенные на сомов. Я отдыхаю, прогреваю в горячей воде ногу и записываю впечатления в дневник...

Интересна судьба этого старичка. До пятидесяти лет он жил и работал в железнодорожном депо на станции Белогорье. Вырастил ребят. Похоронил старуху и заболел открытой формой туберкулеза. От лечения толку не было. Не обращая внимания на прогрессирующую болезнь, начал безбожно пить. Здоровье угасало. Предчувствуя близкий конец, он по совету знакомого старика китайца продал домишко, все немудреное хозяйство и, купив лодку с подвесным мотором, уплыл в тайгу. Разыскал это великолепное озеро, целое лето рыл и расчищал русло речушки Секты и к осени заплыл сюда. К зиме срубил крохотную избушку. Жил кое-как, ожидая неизбежной смерти. К весне совсем стал плох, а летом здоровье быстро пошло на поправку: помогли воздух, дикий мед и медвежье сало...

И вот прошло семь лет, а он стал как речной голыш — крепкий, прожаренный солнцем, обласканный ветром и омытый светлой водой. Живет и не тужит. Его труд, конечно, очень сложен и тяжел. Нет свободной минуты. Раз в два за лето он по прибылым от дождей водам успевает сплавить в рыбучасток пять — семь бочек соленой рыбы, осенью вывозит несколько бочек голубики, ореха, лимонника. К зиме приводит лошадь и верхом охотится на лосей и косуль, ставит капканы, ловит лис, выдр, норок, колонков, изредка добывает соболей или росомуху. Зимы здесь малоснежные, поэтому с вывозкой продуктов промысла осложнений нет.

Меня поразили его энергия и оптимизм. Обычно старики отшельники — грязнули и неряхи, примитивны до предела, но этот лесной гном — исключение...

Неожиданно прилетает Артемка. Плавню садится на конек крыши, чистит клюв и орет: «Ррыба, рыба!» Я зову его, но хитрый ворон ерошит перья и презрительно отворачивается. Из-за поворота на озере появляется лодка. Ковыляю к пристани. Дед Терешка, не доплыв до берега, кричит:

— Фартовый твой сынок. Гляди, чо поналовили.

Я помогаю подтянуть дощаник. По днищу лодки ползают четыре здоровенных сомища, а в отсеке сверкают чешуей крупные, как лопата, караси. На ужин отличнейшая уха. Варим ее на костре. Вечер тихий, теплый, лист не шелохнется. Солнце опускается, светлеет воздух.

Артемка, наловившись рыбьих потрохов, скачет к озеру, пьет, потом купается и, с трудом взлетев на борт лодки, сушится в закатных лучах.

— Гляди, сейчас попрет козлов искать, — кивает в сторону ворона старик и, отложив карася, добавляет: — Он перед полетом всегда полощется.

И верно. Обсохнув, Артемка молчком взмывает в вечернюю синь небес.

— Дедушка Терентий, а зимой где ворон живет? — спрашивает Юра.

— Зимой? Зимой туговато жулику приходится, — усмехается дед. — Пробовал я сначала его в избе держать. Плохо. На воздухе мерзнет, да и вошь заедает. В сенцах насест смастерил, опять неладно. Страсть не любит низко спать.

В первую зиму долго маялись. Потом стал я примечать: как вечер наступает, так теряется мой Артемка, и баста. Я давай следить. Усмотрел-таки. Невдалеке отсюда хитрец здоровенную ель облюбовал. Как стемнеет, он в сучья нырнет, заберется в гущу веток, там, видать, потеплее, ну и спит себе припеваючи. Утром, глядишь, заря только-только заиграла, а Артемка уже на завалянке и стучит в окошко: отворяй, мол. Я в сенцы волокусь. Дверь открою, хитрец мне на плечо шасть и таким родом в избу въезжает. Пожрет, напьется, оглядит свою перовую шубку и скок, скок к порогу. Как выпущу, он сейчас вон на ту листвень взлетит, взгромоздится на самый крестик и сидит, греется под студеным солнцем, ждет, когда я коня оседлаю. Поехал — и Артемка полетел. С ним шибко ловко промышлять. На каких марях лося кормятся, враз укажет, только повнимательней за ним следи. Я вам скажу: с Артемкой можно капитал охотой нажить. Только я не хочу этого. Нашто мне деньги? Нам с Артемкой их по горло хватает.

Юрка, с жадным любопытством слушавший рассказ, вдруг вскочил на ноги.

— Смотрите, смотрите, летит!

Ворон уже крутит над зимовьем. Садится на крышу и орет:

— Артемка, урра, урра!

— Нашел, подлец, козла! — Дед Терентий довольно улыбается, поглаживая свою огромную бородищу. Хитро поглядывает на Юрия и подмигивает. — Хошь сходить?

— Как папа.

— Иди. Мясо не помешает, да и охота, наверное, будет интересной.

Старик уже вооружился боевым карабином.

— Туда поплывем, — машет он на запад, вычерпывая из дощаника воду.

Отпустив охотников до середины озера, Артемка взлетает и, легко догнав лодку, звонко дронкает...

Сижу на скамейке, наслаждаюсь вечерней тишиной и прохладой. Красивое озеро. Наверно, особенно чудесно выглядят его берега весной, в период цветения кустарников. Чего только не растет по берегам: дерн, спирея, жимолость, остролистая принсеция, лиспедица, бересклет, дикая яблоня. Местами сгрудились клены, взметнул широченные листья амурский бархат. Алеют прутья крушины. Кустарники оплетены лианами — плющом, лимонником. Райское место! Озеро очень древнее. Зарастает ему мешают ключи, освежающие воду. Водоем проточный. Рыбы здесь полным-полно. Сом, щука, карась, сазан, краснопер, верхогляд, различные виды сигов. Много косатки-скрипуна и ее сестры плети, этих интереснейших рыб из состава амурской ихтиофауны. Обычная величина косатки — двадцать — двадцать пять сантиметров, здесь же она раза в два больше. Рыба очень сходна по строению туловища с налимом и отчасти с сомом, но имеет свои особенности: пасть акулья, унизанная рядами мелких острых зубов. Цвет тела ярко-желтый с черными полосками и пятнами. Зазубренные боковые плавники по строению очень похожи на миниатюрные пилки. Горе тому, кто не знаячи схватит косатку голой рукой у основания головы.

Плавники-пилы намертво впиваются в пальцы, косатка врашает туловищем, зубья пил мгновенно кромсают кисть до костей. Но по вкусу рыба изумительная. Особенно копченая. Мягкая, нежная, с чуть сладковатым привкусом жира... Да, на этом озере живи и не тужи. Сколько еще в нашей Сибири и на Дальнем Востоке есть таких необжитых мест!

Мои мысли прерывает гулкий звук дуплета. Юрка грохнул. Посматриваю на поворот. Уже сумерки. Над озером копошится туман, лишь вершины огромных лиственниц золотят отблески заката. Слышен невнятный говор и всплеск весел. Плывут! С добычей!

— Кра, дрон, дрон! — Артемка опускается на сходни и пьет воду...

Загадочная все-таки птица ворон. Как мало мы знаем о нем, хотя ворон и издавна живет по соседству с человеком. Мы не знаем, с каких лет жизни он начинает вить первое гнездо, периоды

вывода потомства, срок его жизни, где, в каких уголках зимой проводит студеную ночь эта загадочная птица. Ареал ворона неограничен. Его можно встретить и на экваторе, и на севере Таймыра, Ямала и Чукотки. Ворон — птица могучая. Способен сутки без отдыха лететь чуть не тысячу километров, неделями голодать, не теряя при этом энергии и силы. Сообразительность у воронов прямо-таки поразительная. Недаром в народе говорят: «Мудр, как ворон». Мне никогда не забыть одного эпизода.

В северной тайге Западной Сибири как-то по первому снегу мы с товарищем убили молодого лося. Был уже вечер, мы оставили разрубленную тушу на земле, сверху забросали ее хворостом и укрыли шкурой. Края шкуры обвалили довольно толстыми бревешками. Ушли налегке в избушку, рассчитывая утром вынести мясо к дороге. Чуть рассветало, и мы отправились к добыче. Собак не взяли, опасаясь, что азартные лайки снова утянут за зверем. С полкилометра не доходя до места, услышали крики воронов. Маскируясь за деревьями, осторожно подкрались и увидели поразительную картину. С десятков черных воронов, ухватившись клювами за шкуру, дружно тянули ее из-под бревна, а чуть в стороне на кочке сидит еще один ворон и, хлопая крыльями, командует:

— Дрон.— Птицы в такт дергают шкуру.— Дрон! Дрон! — кричит вожак. Усилие, еще усилие — и мясо открыто.

Стая облепляет кучу, оттаскиваются сучки хвороста, ветви. Я не выдержал зрелища такого разбоя и выстрелил. Грабители взвиваются и исчезают.

Меня нисколько не удивляют рассказы старика об охоте с вороном Артемкой. Все вполне правдоподобно. Я изрядно побродил по тайге с хантами и эвенками и знаю, какое значение они придают этой мудрой птице. Появился ворон — ожидай близкой встречи со зверем. Ворон удивительно зорек, даже сквозь гущу молодой поросли он с высоты полета прекрасно различает человека или зверя. Увидав охотника, дронкает и летит к стоянке зверя. Где зверье, там и он. Усядется на видное издалека дерево и легонько покрикивает, словно приглашает охотника. Убит зверь — ворон тут как тут. Покружится, приметит место, где лежит добыча, взмоет вверх, скроется в синеве небес. Нет его с час и больше. Но вот со зверя снята шкура, вывалены кишки, разрублено мясо, и тут ворон появляется снова, да не один, а со стаей. Успел оповестить своих друзей. Старый эвенк Самсонко, с которым я много лет охотился, не раз говорил: «Умнай, шибко умнай птица. Он живет как человек, вся тайга участки разбита. Друг друга промысел не мешай, но и один добыча не ешь, товарищам обязательно делись».

Эвенк, хант никогда не выстрелят по ворону, считая это великим грехом.

Ворон не знает конкурентов в силе и ловкости из дневных пернатых хищников. Даже кречет и сапсан никогда не отважатся на него напасть. Из ночных хищников ворону страшен один лишь

филин-пугач. Но зато днем этот пернатый тигр панически боится воронов. Стоит ему попасться на глаза — все! Прощайся, ушастый разбойник, с жизнью: вороны задолбят, изорвут когтями до смерти...

Еще день отдыхаем. Нога моя немного отходит, и на следующее утро мы покидаем царство сказочного гнома. Дед Терентий плавит нас на лодке в знакомый тупик. На кромке широченной мари показывает одному ему знакомую звериную тропку, напутствует:

— Держитесь стежки, в сторону не суйтесь, эта марь страшная, зыбунов не счесть! Тропкой до середины отшагаете, а там и Алеунская стенка выкажется.

Мы по очереди жмем его цепкую маленькую руку, желаем удач и долгой жизни. Машем Артемке, который кружит в высоте, и бредем в безбрежную даль по высоченным кочкам, покрытым спелой нивой волнующихся ковылей, осок и вейников...

На второй день мы без особых приключений замыкаем маршрут на нашем таборе. Там все в порядке. Хозяйственные бурундуки вокруг старательно подчистили объедки, навели санитарную чистоту.

А утром опять тайга, потом костры, ночевки. В работе и хлопотах таборной жизни миновало четырнадцать дней... Полощет дождь. Спальник отсырел, лежать надоедает. Вылезаю из палатки. Косматые тучи, прижимаясь к вершинам лиственниц, огромным фронтом ползут с хмурого востока. Укрывшись плащом, под защитой тента разжигаю маленький костер; наложив дров, спускаюсь с чайником к озеру. Мерка наполовину затоплена. Да это и не удивительно: дождь льет третьи сутки. Уровень воды в озере подскочил на шестьдесят сантиметров. Алеун почернел, вспух, беснуется, как одержимый. Возвращаюсь к костру, кипячу чай.

После возвращения с зимовья деда Терентия мы успели переделать уйму всякой работы. Избродили во всех направлениях зону

обследования, изучили состав и количество ее фауны. Узнали, что на двухстах квадратных километрах живут лосиха с лосенком и два быка, что в сопках «дубовых» прячутся от медведей три изюбра, а в кривунах Алеуна скрываются в зарослях роз и спиреи примерно шесть косуль с косулятами и три старых козла. На всей территории власть целиком принадлежит артели из семи медведей, и верховодит этой артелью старая злая медведица, посетившая лагерь во вторую ночь нашего пребывания на Алеунском озере...

Юрка, изранив пальцы рук и переломав все напильники, ухитрился наклепать на лопасти винтов отличные заплаты, перебрал по винтикам и удачно вылечил от хронической немощи старенький мотор, и тот теперь орет бодро и весело... Мы тоже бодрь и веселы, хотя и давно уничтожили весь запас продуктов. Доедаем последний кусок косулятины. С медведями мы ужились, найдя общий негласный язык. Познав мощь наших двустволок, они теперь вежливо и корректно уступают дорогу, стыдливо прячась в кустах лещины, и даже не пытаются проверять лагерьный инвентарь.

Конечно, не навалился затяжной дождь, мы не сидели бы с подтянутыми животами. А теперь ничего не попишешь, сиди и жди. В тайге так: терпение — залог благополучия. Хорошо хотя махорка есть и чай, а то бы скука одолела.

Чайник сердито клокочет. Достаю из коптилки последний кусок щучины, из мешка горсть крошек, чем-то отдаленно напоминающих бывшие сухари. В них полно кусочков коры, волокон, мешковины и другого непонятного мусора. Ничего, отсеем!

Скрепя сердце лезу в свой тайник — полевую сумку, извлекаю два кубика серенького сахара. Осталось еще четыре, жаль!

— Юрка! Завтрак подан.

Он что-то бормочет, высовывает из палатки голову, морщится и опять прячется.

— Давай, давай, шевелись, нечего прохлаждаться.

— Ладно, сейчас.

Появляется уже в плаще и высоких резиновых сапогах. Идет к озеру, умывается, чистит зубы, заботливо проверяет на корме лодки укутанный брезентом мотор. Поднявшись, садится под тент, сердито поглядывая на восток.

— Когда он перестанет?

— Да, наверное, нескоро, просвету не видно.

— Сегодня, может, ребята приплывут, ведь уже четырнадцать дней?

— Вряд ли. Я не жду. В дождь не поедут.

— Щука последняя?

— Ну да, ты же видел: ящик пустой.

Он с жадностью доедает рыбу, похрустывает крошками и берет кружку чаю. Я протягиваю кусочки сахара. Удивленно таращит глаза.

— Откуда?

— Давай бери.

— Сахар! Эге, это сила. Теперь жить можно!

От выпитого чая становится приятнее и веселее. Дождь немного ослабевает, и Юрий, надув резиновую лодку, плывет смотреть перемет...

С рыбой у нас получился непростительный конфуз. После первых обильных уловов я перекоптил весь засол. Подналегали на мясо, надеясь, что копченая рыба долго сохранится, но все испортила невыносимая жара. Когда по возвращении из похода мы полезли в ящик, то обнаружили, что крупные щуки, сиги и верхогляды безнадежно испортились. Погоревав, отдали их на съедение бурундукам и полевкам. Снова выставили ловушки и, к удивлению, ничего не поймали. Сети были пусты два дня и две ночи. Куда что подевалось? На переметы реденько попадали сомы, а спиннинговые блесны попусту играли в прозрачной воде. Алеун вымер. За неделю с трудом подкармливались ухой, не имея возможности сделать запас на черный день. Вот поэтому-то так быстро исчезло мясо. Чем-то сегодня порадует Алеун?

Вообще-то здесь по водоемам Алеунского бассейна, видать, запасы рыб невелики, озера мелкие, не чета озеру деда Терешки.

Живут в каждом с десяток щук, немного карасей и два-три верхогляда. А в омутах Алеуна и того нет. Поселятся в яме три-четыре сома, прибьется к ним несколько косаток, может, забредет в омут щука, и все... Нужно давно бы переплыть с ловушками на новое озеро, да время не позволяло, а сейчас нет смысла: вот-вот подплывут ребята, и мы отправимся вниз...

Дождь снова усиливается. Из куста выскакивает взъерошенный мокрый приятель бурундук Борька, как окрестил его Юра. Он совершенно не обращает на меня внимания, нахально пробирается к столу, находит щучью кожу с чешуей и, поудобнее пристроившись, лопаёт.

— Что, брат, и чешуйке рад? — Борька косится черным глазом, чешет лапкой за ухом и, весело цыкнув, умывается. Ага, примета добрая: бурундук цыкает — дождю конец. Спасибо, друг! Я протягиваю ему крошку сахара. «Давай сюда, давай, это мы любим!»

Ест смешно, по-старушечьи двигая челюстями. Потом шныряет, находит еще кожицу и с ней удирает домой. Слышу бульканье весел. Подплывает Юрка, иду к нему. В лодке ленок и сомонок. Дела поправляются! На обед отличная уха и жареное мясо. До вечера возимся с текущими делами, изредка поглядывая на алеунский плес, но он безжизнен. К ночи дождь окончательно перестает и на востоке улыбается кусочек синего неба.

Наутро пятнадцатого дня неожиданно обнаруживаем, что нам в сущности и делать уже нечего, все прибрано, подточено и готово к отплытию. Погода снова солнечна и нежно тепла. Идем купаться, предварительно выбросив на просушку спальные мешки и одежонку. Сегодня пятое августа, и я впервые замечаю на берегах желтые

листья... Уже начало осени. Дни скользят. Ход времени не останавлишь... После ненастья вода холодная. Окунувшись, выскакиваю, сижу, греюсь на солнце. Юрка плещется, ныряет, подолгу пропадая с глаз. Наконец тоже вылезает. Невольно люблю его крепким, мускулистым, почти коричневым от загара телом. Таежная жизнь идет впрок, хоть и голодно-ватого иногда приходится, зато вода и стерильно чистый, смоляной воздух с избытком возмещают недостаток в пище.

— Может, сплаваем? — спрашивает он.

— Пожалуй, давай, до вечера еще далеко.

Нас давно тянет посмотреть вниз по Алеуну новые озера. Их там два, одно за другим в десяти километрах от табора.

— Три полезных дела выполним: мотор как следует обкатаем, козлов поищем и сети на новых местах поставим, — дополняет Юрий, натягивая рубаху.

Уложив в дощаник ружья, сети и резиновую лодку, отчаливаем. Мотор работает ритмично. Вниз по Алеуну лодка летит, уровень высокий, течение быстрое, и через сорок минут мы уже у первого истока. Тут Алеун описывает огромную дугу. На мысу заросли красной смородины. Она уже давно поспела, и кисти сочных ягод горят на фоне желтеющей листвы. Привязав лодку, забредаем в лес, с жадностью набрасываемся на ягоды, но, проглотив две-три горсти, набиваем оскомину. Возвращаемся к лодке, забираем снасти и, с трудом пробираясь сквозь завал и заросли, старым руслом выходим к большой старице. Плыдем на резиновой лодке, внимательно осматриваясь. Берега истоптаны изюбрами. Видать, зверь часто посещает озеро. В ночь обязательно надо покараулить!

Старица чрезвычайно богата кормами: в воде масса рдестов, урути, кубышки, сплошные подводные заросли ореха. Из-под берегов частенько срываются перелинявшие утки. От стрельбы еле-еле сдерживает здравый рассудок: напугаем зверей! Изюбры где-то недалеко. По следам определяю: ходят два быка. Эх, удалось бы промыслить изюбра! Если у нас нет никаких продуктов, то у ребят, наверное, вовсе дело дрянь. А впереди еще не меньше недели пути до первого жилья. Обсуждаем, что делать, и решаем возвратиться в табор, ждать ребят до вечера, а если не приплывут, то к ночи вернуться сюда и караулить зверя до рассвета...

И вот наконец солнце опускается за остров. Пожалуй, пора! Пишу ребятам записку, и мы отплываем...

Дальневосточный изюбр почти никогда не выходит кормиться на озера днем. Он очень осторожен и обычно появляется глубокой ночью, а с рассветом уходит в лесную чащу.

Впереди сидит Юрий, я на корме. Уже темно. Тоненький серпик молодого месяца не дает света. Плещутся утиные выводки, за мысом надсадно орет кем-то потревоженная старка. Подплываем к кусту ольхи, в его тени сидим и ждем. Утомительная штука ожидание. В бездействии минуты тянутся часами. немеют ноги, все сильнее ноет спина. Неужели зверь не выйдет?

Скоро уже кончится ночь. На востоке заметно белеют и гаснут звезды. Дремлем, свесив головы на колени. Вдруг Юра вздрагивает и настораживается. Через минуту шепчет:

— Слышишь, трава шелестит?

Сколько ни напрягаюсь, ничего уловить не могу... На фоне белеющего восточного небосклона медленно выплывает четкий контур рогатого зверя. Вышел!

Юрка осторожно поднимает ружье.

Гремит выстрел!

Переталкиваем лодку на ту сторону. Подходим к изюбру. Тот уже затих. Бык отличный, в самом расцвете сил. Развесистые рога с семью отростками отвердели, но мышастая кожица еще не счищена, свисает клочьями. На минуту мелькает чувство жалости, но тут же меркнет: ведь в нашем положении другого выхода не было.

Заметно светлеет. Разводим маленький костер. Дым отгоняет докучливых комаров.

К восходу солнца мясо вывезли к Алеуну и погрузили в лодку. Юрка на костре жарит шашлыки. Я плыву проверять сети. Воздух чист и легкий. По кустам снуют стайки длиннохвостых синиц, а над озером тянут табунки взматеревших уток. Из сетей выпутываю пять штук толстенных карасей и трех крупных щук. Ловушки оставляю еще на сутки.

Ребят нет. Это уже начинает беспокоить. Сегодня минуло шестнадцать дней, как они покинули табор. В хлопотах с коп-

чением и соленьем мяса и рыбы проходит еще один день. Снова наступает утро. Тайга помаленьку одевается в яркие одежды. В листе кустарников все заметнее сверкают лиловые, синие и золотисто-палевые оттенки, рыжее марь.

Мы с Юрием в огромных количествах поглощаем мясо, хлебаем суп, жарим гуляш, отбивные, шашлыки. Чувствуем заметный прилив сил и бодрости...

Если не появятся ребята, то решаюсь следующим утром отплыть на розыски. День тянется медленно. Переделали всю работу, заштопали штаны, выстирали бельишко и теперь, не зная, куда себя девать, сидим и ждем, когда сварится из карасей уха. Сети сняты, перемет тоже. В бочонке подсоленная рыба. В тазу в ямке у воды стынет холодец из изюбриных ног и головы. Спускаюсь проверить, открываю крышку и вздрагиваю от Юркиного ликующего крика:

— Ура! Едут!

Взбегаю на яр. Вот они, долгожданные! По плесу стремительно несется лодка, а из нее глядят на нас черные, бородатые, улыбающиеся физиономии.

Задорно и весело пылает большой костер. Мы сидим в кругу у груды жареного мяса, жуем и, перебивая друг друга, говорим, говорим. Здорово досталось парням! Они пробыли в тайге десять дней без кусочка хлеба, сахара, лапши и масла и, питаясь одной лишь косулятиной, выполнили всю главную работу. Не всякие сумели бы такое.

Потом мы долго сидим, потягивая чай.

Я рассказываю об интересной встрече с дедом Терешкой и его питомцем Артемкой. Из уснувшей тайги раздается знакомый крик: «Сплю, не сплю! Сплю, не сплю!»

— Кто это? — спрашиваю ребят.

Кто-то отвечает:

— Восточноазиатская совка. Раз прокричала, значит, и нам спать пора.

Все встаем, потягиваемся, расходимся по палаткам.

Еще день ребята отдыхают, бреются, моются, стирают белье. Юра перебирает их мотор, наклепывает гребной винт. А на следующее утро наши лодки мчатся вниз по Алеуну, вывозя нас на встречу большой жизни.

Об авторе

Сосунов Алексей Григорьевич. Родился в 1916 году в гор. Вельске, Вологодской губ. По специальности инженер-лесовод. Работает старшим инженером-лесоводом в Западносибирской охотоустроительной экспедиции. Начал публиковаться с 1958 года. В 1960 году в Новосибирском издательстве опубликована его книга «В далеких лесах». Основной жанр автора — очерки, в которых он описывает свои скитания по таежным лесам. В сборнике печатается вторично. Сейчас работает над книгой о своих путешествиях по Сибири.

«ЗАВЕЩАНИЕ» НИЛЬСА БОРА

Рассказ

I. Воспоминания

Говорят, все писатели рано или поздно принимаются за мемуары. Работая в жанре научной фантастики, я считал себя от этого застрахованным, и вдруг...

Передо мной четкая фотография, снятая нашим фотографом Центрального Дома литераторов А. В. Пархоменко. На ней группа писателей, моих товарищей по перу. На первом плане поэт Семен Кирсанов, в заднем ряду Леонид Соболев, Георгий Тушкан, Борис Агапов. В центре группы передо мной, проводившим эту встречу, стоит очень пожилой человек рядом со своей заботливой женой. У него усталое лицо с большим ртом и высоким лбом, живые, острые глаза.

Это Нильс Бор, великий физик нашего времени, один из основоположников современной физической науки, а также один из создателей первой атомной бомбы. Он романтически бежал на парусной лодке

из оккупированной гитлеровцами Дании. Он создал Копенгагенскую школу ученых, пройти которую считал за честь любой, даже выдающийся физик первой четверти двадцатого века.

Нильс Бор говорил тогда на встрече с советскими писателями, что в физике назревает кризис. Кризис «от переизбытка знаний». Сложилось положение, сходное с концом девятнадцатого века, когда, казалось бы, все физические явления были объяснены и найденные закономерности выражены в виде механики Ньютона и теории электромагнитного поля Максвелла. Все опыты подтверждали господствовавшие теории. Все, кроме одного, кроме опыта Майкельсона, доказавшего, как известно, что скорость света от скорости движения Земли НЕ ЗАВИСИТ. Казалось, объяснить этот парадокс невозможно. Кое-кто хотел бы закрыть на него глаза. Но появился человек с «безумной», как сказал Нильс Бор, идеей — Эйнштейн! Он выдвинул теорию относительности и перевернул все прежние представления физиков. Он создал для готового рухнуть храма познания новый фундамент, на который теперь надо было этот храм перенести. Опыт Майкельсона был объяснен. Но какой ценой! Ценой отказа от обычных представлений во имя того, что законы природы действуют одинаково во всех условиях. Это простое и бесспорное положение приводило к неожиданным и головоломным парадоксам, которые понимали и принимали далеко не все физики. Тогда говорили, что едва ли шесть современников Эйнштейна понимали его. В числе их был Макс Планк, введший понятие о кванте. Он первый поддержал Эйнштейна, утешая его, что «новые теории никогда не принимаются. Они или опровергаются, или... вымирают их противники». Впрочем, Эйнштейна несколько не беспокоило, признают ли его теорию или нет. Он был так уверен в своей правоте, что только пожимал плечами по поводу непонимания его мыслей. Но мысли его были по-настоящему «безумны», с точки зрения консервативных умов конечно. Именно поэтому они и сыграли такую большую роль в развитии науки.

Так закончил свое выступление Нильс Бор.

Кто-то из нас нашел уместным пошутить:

— Недаром, значит, говорят, что на будущем Всегалактическом научном конгрессе какой-нибудь из высокочтимых ученых — собратьев по разуму, подняв свои шупальца, скажет: «Земля? Ах, это та планета, на которой жил Эйнштейн!»

Нильсу Бору перевели шутку, и он устало улыбнулся.

— Скажите, профессор, — начал мой сосед. — Теперь, когда люди овладели внутриядерной энергией...

Нильс Бор поморщился.

— ...когда научились взрывать атомные бомбы...

— Это надо безусловно запретить! — твердо вставил Нильс Бор.

— ...Ясен ли теперь механизм разрушаемого атомного ядра? Помог ли в этом Эйнштейн? — закончил свой вопрос писатель.

**К рассказу Александра
Казанцева
«ЗАВЕЩАНИЕ» НИЛЬСА
БОРА»**

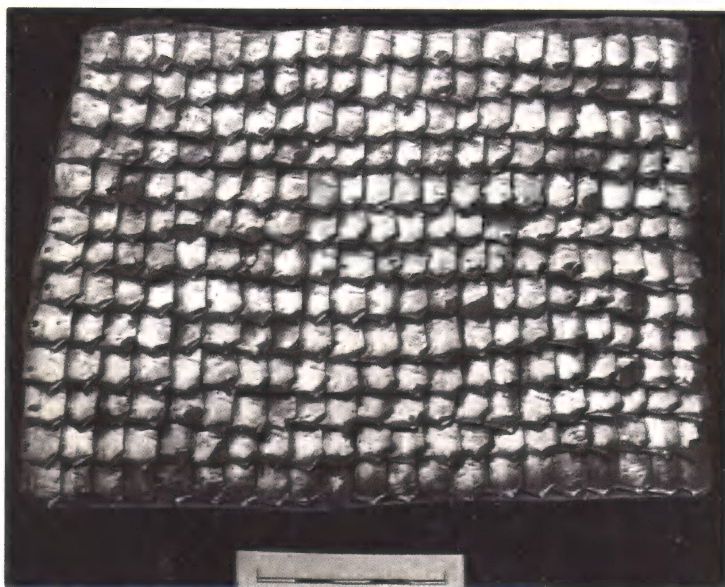
Нильс Бор с супругой среди группы писателей. Слева направо: Борис Агапов, Георгий Тушкан, Евгений Рябчиков, Леонид Соболев, Семен Кирсанов, Александр Казанцев

**К статье В. Гуляева
«СЛОВО О БУДИНИИ»**

Золотые обкладки гребней с фигурами фантастических зверей (Курганный могильник у с. Мاستюгино)

Железный чешуйчатый панцирь, выложенный листовым золотом (Курганный могильник у с. Мастюгино)

Серебряный ритон
(Курганный могильник у с. Масто-
гино)

Золотая бляха с изображением ге-
роя (Таргитая?), борющегося с гри-
фоном

Золотая бляшка с изображением
олени
(«Царский курган» у с. Дуровка)

Золотые бляшки с фигурами барсов
(«Царский курган» у с. Дуровка)

Серебряный фигурный ритон
(«Царский курган» у с. Дуровка)

**К статье Л. Василевского
«КАК ВОЗНИКЛА ЛЕГЕНДА
О РАЕ»**

Это останки шумерийской царицы
Шуб-ад, умершей за 2700 лет до н. э.;
по ним археологи восстановили ее
предполагаемый облик

Вот как по предположениям ученых
выглядела царица Шуб-ад из Ура

Древняя спортивная борьба с вазами
на головах. Статуэтка из царской гроб-
ницы в Уре

Н. Немнов
В ЗИМНЕМ ЛЕСУ
Фотоочерк

Холодно и голодно в зимнем лесу. Птицы, не улетевшие на юг, с трудом добывают себе корм, а крупным животным и того тяжелее. Даже теплая шуба иной раз не спасает от жгучих морозов. В поисках пищи зверю приходится долго бродить по заснеженному лесу. Иной раз прогремит выстрел, и с дерева упадет убитая птица или, окрашивая снег кровью, замрет животное.

Но теперь чаще бывает так. Человек прицелился... и вместо раската выстрела раздается сухой короткий щелчок затвора фотоаппарата. Животное лишь насторожило уши, а человек доволен: еще один богатый трофей. Вот такие трофеи и довелось принести нам из зимнего леса.

Синица гаичка и зимой истребляет
вредителей леса

Зимний вылет тетеревов кормится березовой почкой

Ага, где-то пискнула мышь...

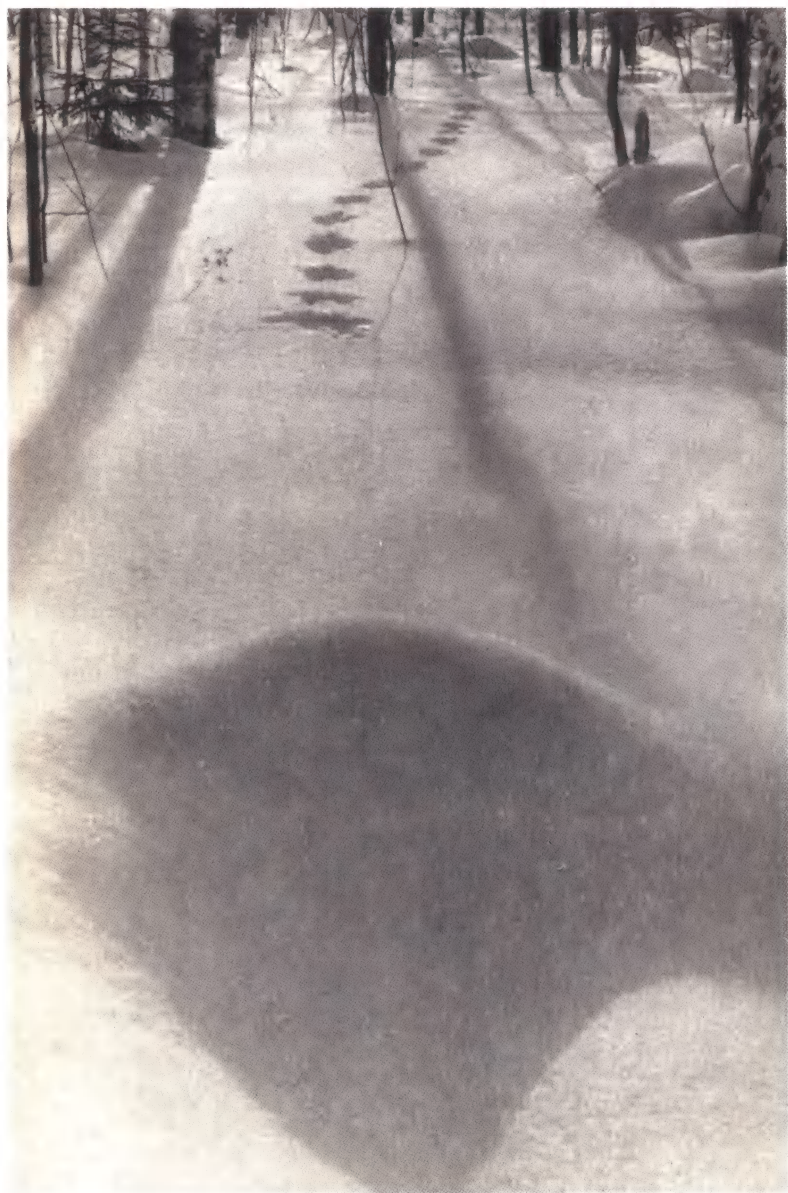
Матерый волк почуял добычу

Косуля прислушивается... Не пора ли бежать?

Заяц возвратился своим следом. Чего испугался косой?..

В зимнюю бескормицу кабаны с удовольствием принимают угощение от людей

Мишка попал в «клещи»

Свежий снег словно перина

Снежное одеяло надо стряхнуть

— Эйнштейн безусловно помог. В прошлом веке энергетические процессы велись на молекулярном уровне. Молекулы входили в различные химические соединения. При этом выделялась энергия, скажем, при горении. Атомная энергия — это энергия на более глубоком уровне проникновения в вещество. И именно на этом уровне подтвердились многие из парадоксальных принципов Эйнштейна. Но... в физике снова назревает кризис из-за «переизбытка знаний». Прежде все было ясно. Атом состоит из протонов и нейтронов в ядре и электронов в оболочке. Планетарные схемы атома поначалу удовлетворяли физиков. Но вскоре подобно опыту Майкельсона в физику стали врываться сведения о существовании каких-то неведомых элементарных частиц, для наглядной картины модели атома совсем ненужных. Поведение же старых, уже известных частиц становилось необъяснимым. Скажем, электрон проявлял двойственность, ведя себя одновременно и как частица, и как волна. Чтобы осознать все это, пришлось ввести понятие «неопределенности», найти его строгое математическое выражение. Но появляются все новые и новые частицы, удивляя необъяснимостью поведения, кратковременностью существования и неожиданными характеристиками. Кто знает, сколько их еще появится?..

— Профессор, может быть, элементарные частицы в свою очередь состоят из каких-либо более мелких «кирпичиков»? Что, если электрон действительно неисчерпаем? — был задан Нильсу Бору вопрос.

— Познания действительно неисчерпаемы, в том числе и в отношении элементарных частиц. Но чтобы понять и объяснить то, что лежит в основе этой неисчерпаемости, нужны новые «безумные идеи». Прежние теперь уже кажутся само собой разумеющимися. Впрочем, дело не в опровержении старых идей, а в том, чтобы старые теории были верными в частном случае, как это произошло с теорией относительности, включившей в себя классическую механику Ньютона и максвелловскую теорию электромагнитного поля, верных при малых скоростях движения, несопоставимых со световыми.

Вместе со своими друзьями по перу я провожал Нильса Бора и его супругу, помогал им одеться, усаживал в ожидавшую их машину. А сам все время думал о его словах насчет «безумных идей». Они не давали мне покоя, когда я ехал домой. Я все старался вспомнить какую-то «безумную» физическую идею. И даже ночью не мог долго заснуть, чего со мной никогда не бывает. Но все же заснул... и увидел во сне страшные дни боев на Керченском полуострове. Тогда я вспомнил все.

Таковы ассоциации подсознательного мышления. То, что было накрепко забыто, всплыло теперь в памяти во всех деталях.

В моей памяти ожил невысокий, плотный человек, очень мягкий и воспитанный. Он тотчас вскакивал, едва во время разговора с ним я почему-либо поднимался. Поначалу я думал, что виной всему

моя шпала военного инженера третьего ранга и его два кубика артиллерийского лейтенанта. Но потом я понял, что это просто черта его характера. Фамилия его была, кажется, Ильин. В этом я не совсем уверен, но буду и дальше его так называть.

Встретились мы на Керченском полуострове в трагические дни немецкого наступления.

Я возглавлял особую группу Главного военно-инженерного управления, направленную маршалом Воробьевым в распоряжение командующего инженерными войсками Крымского фронта генерал-полковника Хренова. В мою задачу входило испытать в бою изобретение, сделанное совместно с моим другом (ныне он академик, назовем его Осиповым), — управляемую на расстоянии противотанковую танкетку-торпеду.

Пусть теперь уже управляют с Земли космическими аппаратами, один из которых создан под руководством академика Осипова, удостоенного за это высших правительственных наград, но тогда наша наивная танкетка, управляемая по проводам, могла принести большую пользу в бою.

Кроме нескольких сухопутных торпед на вооружении моей группы был еще легкий танк с вмонтированной в него передвижной электростанцией, которая питала электромоторы торпед.

Маленький артиллерийский лейтенант заинтересовался нашей «новой техникой», с любопытством рассматривал ее и заметил, что стелющиеся за танкеткой провода легко перебить снарядами или минами.

Конечно, это было уязвимым местом наших танкеток.

Рядом с лейтенантом стоял командир дивизии, не помню уже его фамилии, грузный, озабоченный полковник. Он рассердился на слова лейтенанта:

— Ежели бояться снарядов и мин, так и воевать нечего! Вас послушать, так и линию связи тянуть нельзя. Вдруг перебьет снарядом?

Артиллерийский лейтенант щелкнул каблуками и согласился с начальником. Тот обратился к сопровождавшему его невысокому полковнику, который оказался писателем Павленко:

— Важна неожиданность. Торпеды — средство оборонительное. Их надо выпускать внезапно из укрытия, из подворотни или из капонира, прямо на танк, а не гнать ее с разматывающимся проводом через простреливаемое поле. Вот, помню, читал я в вашем романе «На востоке»... — И, взяв Павленко за плечи, командир дивизии повел писателя в свой блиндаж.

Он был из числа тех командиров, которые недавно смелой высадкой отбили Керченский полуостров у гитлеровцев и теперь, держа оборону, сковывали силы врага, мешали развивать наступление на материке.

Потом командир дивизии вызвал меня и обстоятельно объяснил нашу задачу. Он, видимо, верил в торпеды, хотя главную ставку делал все же на противотанковые батареи.

По указанию командира дивизии наши танкетки-торпеды были тщательно спрятаны и замаскированы. Танк-электростанция расположился за холмом, и провода от него к находящимся в засаде танкеткам провели по специально вырытой для этого траншее.

Мои помощники инженер Катков и техник-лейтенант Печников должны были управлять торпедами из укрытий.

Батарея противотанковых орудий стояла рядом с нашей позицией. Нам с артиллеристом привелось ночевать вместе. После ужина в полутемном блиндаже, освещаемом коптилкой из гильзы, у нас и произошел знаменательный разговор.

— Знаете ли, товарищ военинженер, — начал лейтенант, — никак не могу забыть свои физические проблемы.

— Да, сейчас другие проблемы, — заметил я.

— Но ведь законы природы все те же. И все так же надо их понять и объяснить.

Я удивился, искоса посмотрев на лейтенанта, размышляющего накануне боя о законах природы.

— Конечно, вы инженер, а не физик, — полувопросительно сказал лейтенант, глядя на меня.

Я ответил, что вместе с Осиповым возглавляю научно-исследовательский институт, что мы сотрудничаем с академиком Иоффе и потому я имею некоторое отношение к физике.

— Тогда я расскажу вам, — решил он. — Кто знает, что случится со мной хотя бы этой ночью. Успею ли я опубликовать то, что открыл...

— Открыли?

— Ну, может быть, так еще рано говорить. Дело не в открытии, как таковом, а в модели элементарной частицы, как мы ее себе можем представить.

— Значит, вы хотите представить себе не только модели атома, но и частичек, из которых он состоит?

— Вот именно. Вы сразу меня поняли.

Лейтенант оживился. Коптилка освещала часть его лица и один ус. Говорил он тихим голосом, размеренно, терпеливо.

— Вы сказали о модели атома, — начал он. — В девятнадцатом веке атом считали неделимым. Кстати, древнегреческое слово «атом» значит «неделимый». Наш двадцатый век ознаменовался разгадкой строения атома.

И лейтенант напомнил мне о Нильсе Боре, о его планетарной модели атома с вращающимися электронами вокруг центрального ядра. Он сказал об условности этого сходства, поскольку в действительности все не так просто, и подчеркнул, что центральное ядро обладает значительно большей массой, чем электрон. Удерживается электронная оболочка вокруг ядра благодаря взаимодействию электрических зарядов. Ядро заряжено положительно, электроны — отрицательно.

— Наука не может остановиться, скажем, на электроне, как конечной стадии познания.

— Конечно. Так считал Ленин.

— Все было ясно. Есть протоны, электроны, обнаруживаются нейтроны. Но вот беда: стали появляться непрошенные частицы, для модели атома вовсе не нужные. Их уже шесть штук!.. Куда их девать? Они отличаются от протонов и электронов своей неустойчивостью, коротким сроком жизни. Физиком Дираком были предсказаны, а потом экспериментально получены электроны с положительным электрическим зарядом — позитроны. Электрон и позитрон при соприкосновении исчезали, аннигилировали, выделяя энергию, согласно формуле Эйнштейна $E=MC^2$.

— Разве может исчезать материя?

— Конечно нет! — воскликнул лейтенант. — Это противоречило бы материалистическому мировоззрению. Речь идет о внутренних структурных изменениях, а не об исчезновении вещества.

— Что же остается на месте аннигилированных частиц?

— Для этого вам нужно понять **МОДЕЛЬ МИКРОЧАСТИЦЫ**. Я представляю ее себе в виде двух кольцевых орбит, по которым движутся некоторые материальные носители электрических зарядов. На одном кольце все они имеют положительный знак, на другом — отрицательный.

Говоря это, лейтенант вынул из кармана ободок артиллерийского снаряда, потом снял с пальца старомодное обручальное кольцо и положил его внутрь снарядного ободка. Затем он отщипнул от оставшихся после ужина кусочков хлеба мякиш и раскатал несколько белых и черных шариков. Белые он равномерно насадил на внешнее кольцо, а черные (на один меньше) — на внутреннее.

— Представим себе, что это носители электрических зарядов, — с улыбкой указал он на шарики. — Они вращаются со скоростями, близкими к световым. И по всем законам должны в таком случае **ИЗЛУЧАТЬ ЭНЕРГИЮ**.

— Но элементарные частицы не излучают, — осторожно заметил я.

— Конечно, — согласился лейтенант. — А почему? Да потому, видимо, что внешние и внутренние электрические заряды, вращаясь в одном направлении, но с разными скоростями, **ПОЛНОСТЬЮ ВЗАИМНО КОМПЕНСИРУЮТ ДРУГ ДРУГА**. Волна излучения каждой системы накладывается одна на другую так, чтобы горб одной точно приходился на впадину другой. В результате никакого излучения.

— Но ведь должно быть очень точное совпадение количества зарядов, скоростей вращения.

— Вот именно, — обрадовался лейтенант. — Это можно точно подсчитать и определить, в **КАКИХ СОСТОЯНИЯХ МОГУТ СУЩЕСТВОВАТЬ МИКРОЧАСТИЦЫ**.

— Любопытно!

— Естественно, что природные структуры сохранились только в своих устойчивых состояниях. Этих состояний ограниченное

число. Оказалось возможным расположить их рядами, как в таблице Менделеева.

— Это что же? Таблица элементарных частиц?

— Не совсем так. Но периодическая система — это точно.

Я улыбнулся, услышав от физика военное словечко «точно».

— Да, точно,— повторил молодой ученый.— Я употребляю это слово как математическое. В каждом ряду расположатся вот такие кольца с неизменным суммарным числом белых и черных шариков, то есть электрических зарядов. Понимаете? Но диаметры колец не всегда одни и те же, они могут меняться. А разность электрических зарядов на внешнем и внутреннем кольце всегда одинакова. Она равна одному заряду независимо от их общего числа. Потому мы и знаем элементарные частицы, массы которых отличаются в тысячи раз, а электрический заряд одинаков. Скажем, протон и электрон. Впрочем, я не точен. Могут быть случаи, когда число электрических зарядов на внешнем и внутреннем кольце равно между собой. Тогда система нейтральна.

— Нейтрон? — догадался я.

— Да, нейтрон. Еще недавно казалось непонятным, почему такая же, как протон, частица не имеет электрического заряда. Теперь это можно объяснить. В каждом ряду есть наиболее выгодное и устойчивое состояние микрочастицы. В таком виде она скорее всего может существовать даже отдельно от других частиц. Это невозможно для других ее состояний, для неустойчивых. В первом ряду самой такой устойчивой системы является ПРОТОН.

— Но кроме протона возможны и другие частицы в этом ряду?

— Не частицы, а СОСТОЯНИЯ ОДНОЙ И ТОЙ ЖЕ ЧАСТИЦЫ. Все дело в том, что ЧАСТИЧКА-ТО ОДНА! Она лишь может быть в разных состояниях, переходя в известных условиях из одного в другое.

— Как же возможен переход из одного неизлучающего состояния в другое? Ведь в промежутках будет излучение?

— С вами приятно говорить, товарищ военинженер. Вероятно, носители электрических зарядов на орбите в известных условиях сливаются в кольцо. Как известно, кольцевой электрический ток не излучает. В таком состоянии микрочастица, не теряя энергии, может менять свои размеры, даже делиться, чтобы в новом виде снова превратиться в состояние, когда на орбите возникнут как бы материальные узлы, носители электрических зарядов.

— Как же вы докажете, что это так?

— Дело в том, что эта модель дает возможность вычислить характеристики микрочастицы, ее массу, электрический заряд, магнитный момент и механический (жироскопический) момент, вызванный вращением носителей зарядов. Потом все это можно сравнить с результатами эксперимента.

— И что же?

— Совпадение полное! Например: теоретически протон должен обладать массой 1836,171.— Лейтенант написал эту цифру

на необструганной доске стола.— А опыт дает от 1836,05 до 1836,18. Электрический заряд, вернее, его квадрат по теории будет $7,29717 \cdot 10^{-3}$. Опыт дает от $7,29716 \cdot 10^{-3}$ до $7,29724 \cdot 10^{-3}$. Наконец, величина механического момента, так называемого «спина» в обоих случаях точно 0,5. А если взять электронный ряд (это третий ряд по моей таблице), то там совпадение чисел просто полное.

— Да-а,— только и мог протянуть я, пораженный всем услышанным.— А ведь схема-то простая,— и я указал на кольца с хлебными шариками.

— Иначе и быть не может,— мягко улыбнулся мой собеседник.— Все сложное создается из простого. Кстати, хлебные шарики, то есть электрические заряды, можно представить себе расположенными зеркально.— Сказав это, физик поменял местами белые и черные шарики.— Тогда мы будем иметь дело с античастицей — с антипротоном вместо протона и позитроном вместо электрона. Может быть, когда-нибудь люди додумаются до того, чтобы получать энергию от соединения таких зеркальных частиц, которое сопровождается выделением энергии.

В те времена, к которым относится наш разговор с физиком-лейтенантом, мало кто думал об использовании ядерной энергии, а он смотрел намного вперед:

— Можно представить себе Вселенную как вакуум, заполненный материальной субстанцией.

— Что же она собой представляет?

— Слипшиеся после аннигиляции микрочастицы. Вероятно, одним из главных законов природы надо признать всеобщий ЗАКОН СОХРАНЕНИЯ. В природе ничто не уничтожается. Если вакуум образовался в результате аннигиляции зеркально-противоположных микрочастиц, то они, отдав в пространство энергию аннигиляции, ОТНЮДЬ НЕ ИСЧЕЗЛИ. Они существуют, но в слипшемся виде, когда электрические заряды на внешних и внутренних кольцах полностью нейтрализуют и компенсируют друг друга. Их масса, как мера вещества, находится в скрытом виде и ощутится лишь после проявления ими электромагнитных свойств. А до этого они ничем себя не обнаруживают, ничем, кроме передачи со скоростью света электромагнитных колебаний.

— Прежде это называли эфиром. Этаким веществом без массы.

— Вот именно. Вакуум, в котором, казалось бы, ничего нет, на самом деле вполне веществен. Вот почему правомерно говорить о его механических свойствах: о полном отсутствии плотности и одновременно упругости «сверхтвердого тела».

— Знаете что, лейтенант. Меня поражает не столько стройность картины, которую вы рисуете, сколько согласие вашей теории с опытом. Почему же этого не знают физики?

— Я просто не успел никому сказать о своих мыслях, не показывал результатов.— И мой собеседник с улыбкой посмотрел на исписанную цифрами доску стола.— Дело в том, что я здесь... в фронтовых условиях продолжаю разрабатывать свою теорию.

Я с удивлением посмотрел на маленького тихого лейтенанта. Он несколько не походил на Эйнштейна, но то, что он говорил, мне казалось не менее значимым, чем даже теория относительно-сти.

— А как же Эйнштейн? — спросил я.

— С ним тоже полное совпадение, — сказал лейтенант. — Его теория относительности войдет составной частью в более общую теорию, которую мне хотелось бы создать, основываясь на мечте того же Эйнштейна о едином поле. Поле получается действительно единым в разных своих выражениях: и магнитное, и электрическое, и инерционное, и даже гравитационное. Все вытекает вот из этой модели, — и лейтенант постучал по кольцам с хлебными шариками. — Но и эта будущая теория станет лишь частью еще более общей теории вакуума.

Я посмотрел на оживленное лицо лейтенанта, потом на его нехитрое «наглядное пособие».

И тут вбежал связной, совсем еще мальчик, с круглыми глазами, в нахлобученной на лоб пилотке.

Немцы начали танковую атаку.

Я почему-то подумал об Архимеде, который что-то чертил на песке, когда в его родной город ворвались вражеские воины. Римлянин, не желая ждать, пока «безумец» закончит свои вычисления, убил его.

Мы с лейтенантом поспешили на свои места.

С моего наблюдательного пункта был виден только холмик, за которым укрылась противотанковая батарея лейтенанта Ильина.

Керченский полуостров — голая бугристая степь. С вершины холма можно было разглядеть нефтяные баки на окраине Феодосии. Нигде не было ни кустика, ни дерева. Солдаты вгрызались в землю, используя каждую складку местности.

Немецкие танки грозно спускались с пологого холма.

Батарея Ильина открыла огонь. Головной танк остановился. Из него повалил клубами, стелясь над землей, черный дым.

Остальные танки, обнаружив теперь противотанковые пушки, ринулись на них, стреляя из орудий.

Запылал второй танк. Еще один остановился с поврежденными гусеницами. Я не знал, что делается у Ильина, но видел, что через холм к нему переваливают два вражеских танка. Они сомнут батарею гусеницами! Уцелеет ли мой физик?

И тут сухопутная торпеда, похожая на крохотную танкетку, выпрыгнула из капонира и устремила к первому танку, круто взбираясь на холм.

Из танка заметили ее, но, вероятно, не поняли, что это такое. На всякий случай дали по ней очередь из пулемета. Должно быть, пули накоротко замкнули обмотку одного из электромоторов. Другой продолжал работать, и танкетка побежала по дуге, обходя танк.

Тогда вылетела вторая торпеда, управляемая Печниковым. Танк был слишком близко от нее, чтобы увернуться. Фонтан

огня и дыма с грохотом метнулся как-то вбок. Когда дым рассеялся, мы увидели, что у танка разворочена броня.

Немецкие танки, несмотря на потери, продолжали лезть на позицию батареи Ильина.

Возможно, что взрыв нашей торпеды воодушевил артиллеристов. Они возобновили стрельбу. Еще один танк вспыхнул.

Остальные повернули в сторону, попытались было прорваться в другом месте, но там тоже наткнулись на огонь противотанковых орудий. Тогда они поползли обратно.

Наступила минута передышки.

Я беспокоился за Ильина и стал пробираться от своего наблюдательного пункта по окопам к противотанковой батарее. Тревога моя была не напрасной. Из всех пушек батареи уцелела только одна. Артиллеристы выкатили ее из укрытия для стрельбы прямой наводкой. Лейтенанта около них не было.

Я подошел к другой пушке, разбитой снарядом. У колеса лафета на одном колене стояла девушка-санинструктор. Ее расстегнутая сумка с красным крестом лежала на траве.

Да, артиллерийский лейтенант, физик, лежал здесь, рядом с двумя убитыми солдатами. Он был еще жив. Его положили на носилки, чтобы отправить в медсанбат.

Я заглянул в глаза раненого. Он смотрел на меня, силясь что-то сказать. Губы его беззвучно шевелились.

Лейтенанта унесли, убитых оттащили. Рядом с уцелевшей пушкой появились еще две. Около них стоял уже другой лейтенант, высокий, худой, совсем юный. Он нервно потирал подбородок и старался говорить строгим голосом.

Я хотел вернуться на свой наблюдательный пункт, но меня вызвал командир дивизии.

Он гневно метался по блиндажу и размахивал руками. Увидев меня, полковник закричал:

— Сейчас же грузи свои торпеды. Отступать к переправе!

— Как отступать? — опешил я.

— Не рассуждать! — рявкнул полковник, багровея. Это был уже совсем не тот человек, который беседовал вчера с Павленко о его романе «На востоке». — Расстреляю! Немцам свою технику хочешь оставить?

Я понял, что дело плохо. Полковник, очевидно, с болью в сердце выполнял чей-то приказ.

Я выбежал от него и бросился к блиндажу, где провел ночь. Он был совсем близко.

Не отдавая отчета в том, что делаю, я нагнулся над необструганным столом и, засветив электрический фонарик, переписал набросанные лейтенантом-физиком цифры. Увидев ободок артиллерийского снаряда с засохшими шариками хлеба, я механически сунул его в карман.

Потом я забыл об этом.

Нет ничего горше отступления, когда противника только что

отбили, когда он не виден и все-таки грозит откуда-то, прорвавшись в неведомом месте.

Прошел дождь, дорогу развезло. На ногах налипали пуды глины.

Мы отступали до самого Керченского пролива. Оставшиеся торпеды и наш танк-электростанцию пришлось взорвать...

Больно говорить, как мы переправлялись через пролив. Не об этом должен быть мой рассказ. Могу только сказать, что переправлялись кто как мог: на лодках, на плотках, счастливицы — на рыбацких суденышках. Пропустив несколько катеров, мы наконец попали на один из них... Но немецкий самолет потопил его... И мне пришлось вместе со своими товарищами добираться до таманского берега вплавь.

Здесь был словно другой мир. Звенели цикады, не слышно было взрывов, стонов, криков... Тихо шуршали о гальку ленивые волны. Светило яркое солнце, но у меня зуб на зуб не попадал.

По примеру других я разделся и разложил сушиться свое мокрое обмундирование.

Было странно лежать на песке, греться на солнце, будто на пляже, когда на том берегу был суший ад.

Я расправил лежавшую на камнях гимнастерку и обнаружил в кармане ободок с размякшим хлебом. Я тотчас схватил брюки и нашел в них мокрую тетрадь, в которую переписал в блиндаже цифры.

Я не знал, удалось ли всем госпиталям переправиться через пролив, остался ли жив мой собеседник.

Когда в конце войны я снова был на фронте и входил с передовыми частями в освобожденную Вену, бои на Керченском полуострове казались туманным сном.

А после встречи с Нильсом Бором они мне и в самом деле приснились, конечно из-за «безумной» идеи лейтенанта-физика.

У меня есть знакомые физики.

Теперь, пусть и с опозданием, я все же решился рассказать им о том, что узнал в блиндаже.

Меня выслушали вежливо, но с улыбкой, потом объяснили, что представления о структуре микрочастиц, высказанные мне за час до боя неизвестным лейтенантом, — жалкое вульгаризаторство. Современные авторитеты не оставляют места для «наглядных моделей» элементарных частиц. Они требуются только тем, кто не владеет математическим аппаратом, прекрасно выражающим все микроявления.

Несколько сконфуженный, я ушел.

Тот лейтенант, решил я, очевидно, погиб, потому что никто из знакомых мне физиков не мог вспомнить его выступлений в печати. В физике торжествовало представление, что микрочастица — это точка, познать которую в ее воображаемой структуре просто нельзя. Досадно, но удобно.

И вот случилось неожиданное. Нильса Бора давно уже не было в живых. Он ушел из жизни, оставив в науке значительный след.

Слушавшие великого физика в московском Доме писателей, восприняли его слова о неизбежности появления новых идей как завещание.

В октябре 1967 года мне позвонил по телефону председатель физической секции Московского общества испытателей природы профессор Л. А. Дружкин.

— Я знаю, что вы физик в большей мере, чем сами о себе думаете,— сказал он, пригласив меня на очередное заседание секции.

Там меня ждал сюрприз: доклад о новой теории элементарных частиц. Я не удивился. Сейчас многие пытаются представить себе кирпичики мироздания. Достаточно вспомнить о таинственных кварках!..

Докладчик показался мне незнакомым. Время наложило свой отпечаток и на меня, и на него. Он приближался к пятидесятилетнему рубежу, я миновал шестидесятилетний. Но я сразу узнал его, едва он заговорил. Тот же мягкий голос, предупредительно вежливое отношение ко всем, кто его слушает. Осторожные выражения и предельная скромность.

Как преобразилась, выросла его теория!.. Нет, он не сидел сложа руки эти четверть века!

Московское общество испытателей природы в высшей степени авторитетная организация. Здесь докладывали о своих исследованиях выдающиеся русские ученые начиная с 1805 года.

Моего старого фронтового знакомого слушали с большим вниманием много физиков, профессоров, докторов наук, не говоря уже об увлеченной молодежи.

Да, теперь физиками-экспериментаторами было открыто уже не шесть, а около двухсот элементарных частиц. Большинство из них были короткоживущими, неустойчивыми, что не находило объяснения с точки зрения прежних теорий. В эти теории, чтобы свести концы с концами, приходилось вводить «произвольные» постулаты. Докладчик насчитал их 28!..

В своей теории он отказывался почти от всех постулатов, сохранив лишь три, характеризующие основные законы природы. Остальные «постулаты» или доказывались исходя из его теории, или отвергались как недоказанные.

Пожалуй, в любой теоретической работе самым главным надо признать соответствие ее опыту.

Сидевшие вместе со мной физики могли убедиться в поразительном совпадении теоретических расчетов докладчика с результатами современных экспериментов. Все элементарные частицы, когда-либо обнаруженные, находили свое место в периодической системе микро-частиц, а их характеристики совпадали до пятого знака и выше во всех тех случаях, когда экспериментальные данные были известны. А когда неизвестны? Тут, пожалуй, физиков ждал наибольший сюрприз. Периодическая таблица предсказывала существование боль-

ного числа частиц, еще не открытых. Слушателям был продемонстрирован каталог микрочастиц, характеристики которых вычислены по формулам автора гипотезы электронно-вычислительными машинами в Ленинграде.

Оказывается, все эти двадцать пять лет он не торопился с публикацией своей работы, которая должна была перевернуть многое в представлениях физиков. Конечно, то, что он говорил, теперь мало напоминало наш разговор в блиндаже. Это была уже «корректная», математически глубоко обоснованная теория.

По крайней мере так охарактеризовал ее первый из выступавших после доклада доктор физико-математических наук, профессор М. М. Протоdjаконов, один из руководителей Института физики Земли Академии наук СССР.

Один за другим говорили физики. И ни один из них на этом заседании физической секции, которая состоялась в старом здании Московского университета, не выступил против теории, впервые услышанной мной двадцать пять лет назад.

Но оказывается, не только мне она стала тогда известна.

В конце заседания профессор Л. А. Дружкин сказал, что более двадцати лет следит за развитием этой теории.

Московское общество испытателей природы приняло решение опубликовать эту новую теорию микрочастиц.

Как-то ее воспримут ученые во всем мире?

Мне известен только один случай, когда крупнейший современный физик де Бройль, многие годы утверждавший, что невозможно наглядно объяснить происходящие в элементарных частицах процессы, взошел на кафедру Сорбонны и объявил, что все эти годы ошибался. Его пытались отговорить, урезонить, но он стоял на своем, перейдя в лагерь тех, кто искал ответа на загадки строения вещества не только в математических формулах, но и в наглядных картинах.

Помню, что сидевший рядом со мной редактор издательства «Мысль», не зная о моей бывшей встрече с докладчиком, шепнул:

— А ведь он немного похож на молодого Эйнштейна.

Конечно, на молодого он уже не походил. Я-то докладчика видел молодым!.. Но что-то в нем было такое, что позволило моему редактору верно подметить сходство.

Наше знакомство с Ильиным возобновилось. Мы часто и много беседовали.

Я понимал, как нелегко ему будет убеждать скептиков и опровергать противников.

Под впечатлением возобновленного знакомства я пошел к своему старому другу, с которым когда-то изобретал танкетку-торпеду, — к академику Осипову.

Четверть века мы с ним шли каждый своим путем. Я писал книги, а он... О его делах, пожалуй, лучше всего скажет то, что он уже и Герой Социалистического Труда, и лауреат Ленинской премии, и академик... Словом, он мог бы быть героем любого из моих фантастических романов, живой, энергичный, изрядно поседевший, но

по-прежнему подвижный, с огромным лбом и мефистофельским профилем.

Я знал о былых увлечениях моего друга. Он когда-то мечтал свести воедино все поля: и магнитное, и гравитационное, и инерционное. И подходил к этому вопросу как инженер-электрик, спроектировавший на своем веку немало машин.

Я рассказал ему о новой теории микрочастиц.

— Слушай,— сказал он.— Ты же писатель-фантаст. Ты должен экстраполировать, представить себе, что из всего тобой услышанного следует.

— Хорошо,— ответил я.— Хочешь, я напишу, будто бы ты заинтересовался этой теорией и решил применить ее в жизни.

Он расхохотался и хлопнул меня по плечу:

— Валяй, Саша. Обещаю, что если ты напишешь так, как надо, то я пойду вместе с твоим лейтенантом в бой.

Вот каким образом в этот реалистический рассказ вошла фантастическая мысль. Я получил право представить себе моего академика, ринувшегося в бой за...

2. Мечты

За что мог ринуться в бой такой человек, как он? За теоретические представления? Нет, не такого он был склада. Он создавал действующие машины, которые делали переворот в технике.

Итак, прежде всего академик должен был встретиться с моим фронтowym знакомым.

И они встретились.

Кабинет академика помещался в старинном особняке. Еще при мне ученый приказал убрать все стыдливые экраны, прикрывавшие живопись и деревянные украшения стен. В окнах остались цветные витражи. Но все это не мешало неистовому директору института. Здесь он предавался своим мыслям, беседовал с теоретиками, здесь же разносил незадачливых начальников цехов и лабораторий.

Сейчас он ходил по кабинету, очевидно взволнованный.

— Вы понимаете, что придумали? — строго спросил он, оставиваясь перед гостем.

Гость, низенький и поплневший человек, всегда вскакивал, когда перед ним стояли. Он был так воспитан. Академик никак не мог его усадить.

— Слушайте,— заговорил академик.— Вы сами не понимаете, что придумали. Кружочки? На них электрические зарядики? Видите люстру под потолком? На внешнем ободе шесть ламп, на внутреннем пять. Во время войны внутренние лампочки у нас были синими. Другой знак зарядов. Понимаешь? Это же модель вашей микрочастицы!..

— Вы совершенно правы,— вежливо согласился гость.

— Сидите, сидите. Стоять перед другими академиками будете, которые к ответу притянут.

— Я готов.

— Так вот. Видите эту люстру? Давайте ее разломаем.

— Как разломаем? — опешил теоретик.

— А так. В девятнадцатом веке были известны энергетические процессы, которые протекали только на молекулярном уровне. В нашем веке ученые проникли в глубь атомного ядра и извлекают уже энергию не химических, а внутриядерных связей.

— Да, конечно.

— А у вас кольца как связаны?

— Это точно подсчитано. Энергия связи, скажем, протона в пятьдесят шесть миллионов раз больше, чем энергия его аннигиляции.

— Вот именно. Вот отсюда и плясать будем. Так какая это энергия?

— Энергия внутренней связи микрочастицы.

— Не можете выговорить. Это же не химическая, не атомная энергия, ЭТО ВАКУУМНАЯ ЭНЕРГИЯ.

— Пожалуй, вы правы.

— Значит, можно поставить перед собой задачу не только убедить почтенных старцев, что микрочастицу можно представить так устроенной, как эта люстра под потолком, а найти способ люстру разломать на части и выделившуюся энергию использовать. Это, брат, уже будущее человечества! Об этом не думали?

— Я не позволял себе об этом думать. Я ставил себе только одну главную задачу: дать стройную теорию, согласованную с результатами опытов.

— А со мной надо идти дальше! Атаковать микрочастицу. Если люди, сообразив, как велика энергия внутриядерных связей, стали ее освобождать и открыли новый, атомный век, то теперь... Понижаешь, что теперь?

Гость был ошеломлен ураганом мыслей, низвергнувшихся на него. Казалось, он сам создавал циклон, который должен был перевернуть былые представления, а теперь этот циклон вырывался из-под его контроля, и теоретик чувствовал себя увлеченным бешеным вихрем.

— У меня есть немало замечательных инженеров, они работают во многих филиалах нашего института. Мы поставим перед ними задачу разрушить микроструктуру. Чем? Да тем самым, из чего она состоит. Имеет она магнитный момент? Имеет. Сам точно его вычислил. А если ударить по этому магнетику магнитным полем немислимой силы?

— Вероятно, можно найти способ воздействовать на микроструктуру.

— Теоретически. Но между теорией и практикой пропасть. Будем наводить на нее мост. Вы, конечно, знаете, что наш замечательный академик Петр Леонидович Капица работал у Резерфорда и прославил Кембридж магнитными полями небывалой силы. Он создал электрический генератор мгновенного действия. Нужно было быть замечательным инженером, чтобы найти такое блестящее решение. Какой машиной можно привести в движение сверхмощный импульсный

генератор? Каница раскручивает массивный маховик, а потом с маху останавливает его, используя генератор как тормоз. Мгновенная мощность получалась гигантской, магнитные поля — небывалой силы. Мы потом с Сашей, с писателем, с которым вы на фронте встречались и который нас с вами свел, пытались такие электрические пушки сделать. Он даже роман «Пылающий остров» об этом написал. Аккумуляторы нужны необычайной силы, сверхаккумуляторы. Каница — тот тоже строил аккумуляторы, которые жили один миг, включались и — пффф!.. Магнитное поле опять огромное получалось.

— Да, я все это читал.

— Вернемся к тому, что вы читали на новом уровне. Техника развивается по спирали. Ныне в промышленности металл штампуют магнитными взрывами. Слыхали?

— Нет, не слышал.

— Напрасно. Очень интересно. Создается колебательный контур: самоиндукция, емкость. В емкости можно накопить огромную энергию и мгновенно перевести ее в магнитное поле. Ох как нам с Сашей нужны были такие конденсаторы, когда с электропушками возились! Не было их. И потом, когда в промышленности стали мечтать о магнитной штамповке, тоже не имели таких конденсаторов. А институты не хотели их разрабатывать. Не перспективно! К счастью, появились лазеры. Вот для них стоило разработать могучие конденсаторы, о которых мы в свое время еще с Абрамом Федоровичем Иоффе вот в этом кабинете мечтали. Разработали. И теперь штампуем.

— Достаточно ли таких конденсаторов или машин для тех целей, о которых вы сказали?

— Конечно, недостаточно!.. Созовем всех наших инженеров и поставим перед ними сумасшедшую задачу, «безумную», как говорил Нильс Бор, — сделать такую электрическую машину, которая на миллионную долю секунды, сама превратясь в пар, создала бы, пусть в одной точке пространства, магнитное поле немыслимой величины, больше тех полей, которые существуют в микрочастицах. И разложим этим полем «микростру».

Гость академика ушел от него ошеломленный, он ожидал критики его теоретических мыслей или поддержки, но никак не такого взлета фантазии.

Академик был человеком дела. Ему не требовалось ни напоминаний, ни консультаций.

Годы бегут незаметно, сразу и необразишь, сколько их прошло, когда приходишь к нему в тот же самый длинный кабинет с камином, со стенами, отделанными резным деревом, и потолком, покрытым живописью.

На этот раз к академику Осипову мы пришли вместе с моим бывшим фронтовым знакомым Ильиным.

— Летим в Феодосию, — объявил академик, даже не спрашивая нашего согласия.

— Почему в Феодосию? — изумился я.

— Керченский полуостров нужен. То самое место, где ты первые наши танкетки на фашистские танки пускал. Там будем магнитные взрывы проводить, «люстры» ломать.

Я не понял, причем здесь люстры, но мой спутник прекрасно это понял и взволновался.

И опять передо мной, как в давние военные годы, степь Керченского полуострова. В ясный весенний день она вся покрыта тюльпанами. Цветы рассыпаны среди сочных трав, разноцветные, нежные, но без запаха, с восковыми чашечками, хранящими росинки.

Академик Осипов больше всего на свете любит эти степные цветы. Он, кажется, забыл, для какой цели привез сюда нас, и увлеченно собирает букет, нет, не букет, а целую охапку тюльпанов. Мы помогаем ему, но ему все мало. Такой он во всем. Ему всего мало.

Я стоял на вершине холма, и дух захватывало от бегущих по степи пестрых волн.

Далеко в лиловом мареве виднелись как бы меловые утесы. Это гигантские многоэтажные дома Феодосии. Может быть, отсюда я смотрел когда-то на видневшиеся вдали нефтяные баки.

Я старался представить себе, где были окопы и капониры, где находился блиндаж.

Может быть, такие же мысли были и у моего немного печального спутника.

Мы все трое понесли цветы в «блиндаж» — так называл академик Осипов подземный наблюдательный пункт, откуда управляли магнитными взрывами.

В ложбину между холмами свозят все обломки машин, которые удаётся собрать в степи после очередного опыта.

Академик смеется:

— У нас эти машины как боепитание для армии. Снаряды, научные снаряды, которые мы и взрываем во славу будущей вакуумной энергии. В этих машинах-снарядах, живущих лишь одно мгновение, магнитное поле в миллионы раз больше, чем прежде известные.

Нагруженные цветами, мы шли дальше, а академик говорил:

— Вакуумная энергия — хитрая штука. Про люстру, которую мы с твоим другом разламывали в моем кабинете, слышал? — обратился он ко мне. — Путешествовать по периодической таблице между клетками будем!..

— Как это понять? — спросил я.

— Он знает, — кивнул академик на нашего спутника, почти скрытого в охапке цветов. — Он нашел, что микрочастицы могут существовать только в энергетически компенсированных состояниях. А кто сказал, что не могут быть промежуточные состояния, когда излучение происходит как раз за счет энергии внутренней связи микрочастицы, то есть за счет ВАКУУМНОЙ энергии? Кто сказал, что звезды светят благодаря только термоядерным реакциям, которые будто бы там происходят? Никто там не побывал. И я туда не хо-

чу. Слишком жарко. А почему жарко? Может быть, потому, что там **ПРОИСХОДИТ НЕКОМПЕНСИРОВАННОЕ ИЗЛУЧЕНИЕ.**

— Это очень интересно,— сказал физик-теоретик.

— Я тоже так думаю,— кивнул академик и начал спускаться в «блиндаж».

Последний раз оглядываюсь на степь. Где-то свистят суслики, высоко в небе кружит коршун. Ветерок донес запах моря.

Полутемный ход в подземную лабораторию. Подземелье с бетонированными стенами и сводом. Пахнет свежей краской и горелой изоляцией. Академик морщится. По лицу его видно, что он готов кого-то распекасть.

Перед нами высокий худой саперный капитан с очень серьезным лицом. Я уже знаю, что академик применил взрывные электрические машины, где вместо двигателя работает сила взрыва, развивающая улопомрачительные мощности.

Осипов отдает приказ саперному капитану увеличить заряд взрывчатки в несколько раз. Тот щелкает каблуками и выходит, покосившись на охапку тюльпанов, сунутую в ведро.

— Это что! — восклицает академик. — Это цветочки. Сейчас мы хоть молекулу рады зажечь. А если вздумаем второе солнышко зажечь для полярных областей или подводное солнце для течений, которые решим подогреть? Вот тогда будут ягодки!

— Тогда понадобятся уже другие машины,— замечает физик.

— Конечно,— соглашается академик. — Но и наши электромашинные снаряды со взрывными двигателями сослужат нам службу.

И сослужили!

В этот день в степи уже нет тюльпанов. Травы пожухли, и над ними поднимаются жаркие струйки воздуха. Конттуры холмов искажаются и дрожат. В лиловом мареве нельзя уже различить меловых утесов феодосийских зданий.

Из подземной лаборатории мы выходим словно в раскаленную печь. Тихо в знойной и унылой степи. Только к вечеру проснутся и заведут свою нескончаемую песню циклады.

Молодые помощники академика бегут впереди нас к яме, в которой произошел очередной взрыв, уничтоживший электрическую машину мгновенного действия. Мощность ее, как нам объяснили, по сравнению с первыми опытами увеличилась в сотни тысяч раз.

Мы шли смотреть ее обломки, то, что осталось от статора и ротора, хотя в обычном понимании их в машине нет. Они не столько двигались друг относительно друга в момент взрыва, сколько способствовали нарушению магнитного равновесия, и сила взрыва, сочетаясь с разрядом мощнейших конденсаторов, создавала в одной точке магнитное поле запредельной силы.

Молодые люди, опередив нас троих, стоят на краю ямы.

— Давайте, давайте, орлы,— торопит академик. — Позаботьтесь очистить яму для следующего взрыва.

— Не надо,— говорит один из инженеров. — Теперь не надо.

— Как не надо? Что вы сияете? — сердится академик.

— Это не мы сияем, Андрей Гаврилович. Это там.

— Ничего не вижу, — нетерпеливо расталкивает их Осипов.

— А вы подвиньтесь сюда, Андрей Гаврилович, чтобы вон тот осколок не заслонял. Теперь видите?

— Горит! — восклицает академик Осипов. В голосе его звучит былой комсомольский задор. — Черт меня возьми, светится!

— Может быть, это остаток от взрыва, раскаленная крупинка? — осторожно предполагает Ильин.

— Вот всегда они такие, теоретики! — с деланным возмущением обрушивается на гостя Осипов. — Какой же это остаток, когда смотреть больно! Вы же артиллерийским офицером были. Понимаете ли вы, что **ТОЧКА ИЗЛУЧАЕТ!**

Мы с физиком с нужного места и сами теперь видим, что среди черных дымящихся обломков машины, несмотря на яркий солнечный свет, сверкает ослепительная звездочка.

Рабочие дни для академика Осипова стали сплошными праздниками. Мы с Ильиным никуда не поехали, как рассчитывали прежде, а остались на «магнитном полигоне».

«Звездочку» с величайшими предосторожностями достают из ямы. Она мельче самой малой крупинки песка, но, едва попадает на высушенную зноем траву, тотчас поджигает ее. Дым стелется по степи, словно пустили по ней палы.

Пришлось перенести «звездочку» в подземелье, и туда уже нельзя войти без жароупорных костюмов. Точные приборы учитывают все излучаемые молекулой большие калории тепла.

В разбитой у холма палатке за складным столиком сидит физик-теоретик и считает, считает. Он закладывает основы будущей теории вакуума. Академик Осипов то и дело подходит к нему, и они что-то оживленно обсуждают. Шумит больше академик, а Ильин, как всегда, говорит ровным, тихим голосом, вставая, когда академик приближается к нему.

— Как в топке парового котла! — радостно объявляет мне академик. — Это уже, брат фантаст, техническое решение задачи. Можно зажечь любое количество таких «звездочек», перевернуть всю энергетику мира! Ведь каждая будет светиться несколько столетий! — и он указал на подземелье. Над ведущими вниз ступеньками поднимались знойные струи воздуха.

Но неистовому Осипову и этого мало. Для него «звездочка» только первый шаг. Он уже мечтает о новой Великой географии Земли, которую создаст человек, он уже видит исполинскую электрическую машину, приводимую в действие мощным ядерным взрывом и поднятую могучей ракетой на орбиту искусственного спутника. На высоте нескольких тысяч километров в космосе произойдет безопасный иницирующий ядерный взрыв, почти вся энергия которого на миг перейдет в магнитное поле. И тогда над Землей зажжется новое, «вакуумное» солнце. Академик уже видит, как оно восходит и заходит вместе

с настоящим, но его лучи не скользят в полярных областях по поверхности, а падают почти отвесно, не теряют своего тепла в толстом слое атмосферы, а равномерно нагревают Заполярье, создавая там такой же климат, как и в средних широтах. И мысленно видит академик магнитный взрыв даже под водой. Вспыхнувшее там «подводное солнце» станет нагревать морские течения, изменяя в нужную сторону климат Земли, который должен стать управляемым. Академика не смущает поднятие уровня океана. Ведь материки можно отгородить ледяными дамбами.

Изменится география Земли. Навсегда будет покончено с пресловутым энергетическим голодом. Никогда не иссякнут энергетические ресурсы, заключенные в каждой молекуле любого вещества.

3. Возможности

Мой старый друг дочитал принесенные ему страницы.

— Ах, Саша, Саша! — с упреком сказал он. — Неисправимый фантаст! Никак ты не можешь увидеть самого главного.

— Разве я мало увидел? — удивился я.

— Я не говорю, что мало. Я говорю, что не все. Написав о вакуумной энергии, ты забыл про вакуум.

— Как так «забыл»?

— Помнишь, у твоего фронтального друга говорится (Осипов, оказывается, уже изучил изданную Пулковской обсерваторией работу физика-теоретика)*, что вакуум — это слипшиеся зеркальные частицы. Что это значит?

— Вероятно, их можно разделить.

— Верно. Возбудить вакуум.

— Но на это надо затратить очень много энергии.

— На каком уровне? На уровне ядерной энергии. Возбудив вакуум, мы как бы из ничего, а на самом деле из скрытой материальной субстанции, какой является вакуум, получим пары микрочастиц. А уж эти частицы можно использовать, чтобы забрать у них энергию микросвязей уже на новом уровне ВАКУУМНОЙ ЭНЕРГИИ, которая на несколько порядков выше, чем ядерная энергия, затраченная на возбуждение вакуума.

— Значит, ты считаешь, что энергию можно получать из пустоты?

— Так скажут только люди, у которых в голове пусто. Не из пустоты, а из вакуума, состоящего из квантов материи, представляющих собой... Что? — Он вонзился в меня вопрошающим взглядом.

— Слипшиеся частички и античастички.

— Верно!

* И. Л. Герловин. Некоторые вопросы систематизации «элементарных частиц». Труды Глав. астр. обсерватории АН СССР. Л., 1966.

— И еще ты, занимающийся инопланетными делами, не учел, что для звездных полетов можно использовать вакуумную энергию пространства, вакуума, по которому пролетаешь.

— Значит, ты поверил в вакуумную энергию?

— Американцы говорят: «В бога мы веруем, а остальное наличными». Наличное — это моя специальность. Будем делать вакуумную энергию, так сказать, наличностью. А тогда посмотрим. Кстати, астрономы выдвинули теорию насчет высших цивилизаций космоса, разделили их на три типа. Первый по энерговооруженности равен земной, второй использует всю энергию своего светила, а третий — энергию всей Галактики. Я счел это ерундой. Как использовать энергию звезд, когда расстояния между ними равны тысячам световых лет? А теперь это звучит по-иному. Если быть не только пассивными потребителями ВСЕМИРНОГО ИЗЛУЧЕНИЯ, а самим зажигать солнца вакуумной энергии, то нет видимых границ для роста энерговооруженности. Очевидно, такую цивилизацию нужно отнести уже к типу ВЫСШЕЙ, которой доступны любые мощности. Неплохая перспектива для человечества!

— Подожди, Андрей! Ты предложил мне пофантазировать для того, чтобы решить...

— Что ж тут решать... Тащи сюда своего теоретика. И имей в виду, что только ТА ТЕОРИЯ ВЕРНА, КОТОРАЯ ОТКРЫВАЕТ ПУТЬ К ДАЛЬНЕЙШЕМУ РАЗВИТИЮ НАУКИ, К НОВЫМ ВЗЛЕТАМ ФАНТАЗИИ, К НОВЫМ ИСКАНИЯМ И ПОБЕДАМ, а не заводит знание в тупик. Вот так, фантаст.

И он крепко ударил меня по плечу.

Я думаю, что он очень точно выразил смысл «завещания» Нильса Бора.

Об авторе

Казанцев Александр Петрович, член Союза писателей СССР. Родился в 1906 году в Акмолинске (ныне Целиноград). По специальности инженер. После войны перешел на литературную работу. Автор популярных научно-фантастических романов — «Пылающий остров», «Полярная мечта», «Арктический мост», «Льды возвращаются»; повестей — «Внуки Марса», «Лунная дорога»; сценария фильма «Планета бурь»; сборника рассказов — «Обычный рейс», «Против ветра», «Гость из космоса»; научно-художественных книг — «Машины полей коммунизма», «Богатыри полей» и «Ступени грядущего». Активный публицист. Автор ряда научно-фантастических гипотез. Действительный член Московского общества испытателей природы (секция физики). Работает над завершением нового романа о коммунистическом будущем — «Сильнее времени». В альманахе публиковался неоднократно.

«КАРА-СЕРДАР»

Научно-фантастическая
повесть

Глава первая,

в которой я безмятежно провожу время на восточном берегу Каспия и даже разговоры о каменных скульптурах Горного Мангышлака ничуть не затрагивают моего воображения

Спалось в палатке великолепно, как в те невозвратимые теперь уже годы первых экспедиций, когда ничего не требовалось молодости, кроме неба, ветра да радостно встречающего тебя темного от росы коня.

Утром было солнечно, и сквозь голубой парус откинутого полога виделся синий Каспий, ослепительно белый пляж, на который вползали буро-зеленые растрепанные плети растений.

Голубой парус на мгновение перечеркнула темная приземистая фигура.

— Прибавшийся к нам искусствовед, — сказал мой сосед по палатке; он лежал во вкладыше, выставив наружу коричневые плечи.

Я промолчал, потому что тоже «прибился» к экспедиции: жену привели на Мангышлак служебные обязанности, а я приехал вместе с ней, чтобы увидеть Каспий и отдохнуть от города.

— Вы слышали, с какой идеей носится искусствовед? —

Сосед мой, выбравшись из вкладыша, натягивал на тугую грудь майку. — Уверяет, что открыл в Горном Мангышлаке, на Каратау, скульптурные произведения эрсари... Впрочем, он весьма щепетилен и говорить об искусстве эрсари не любит. Хочет сначала все досконально изучить, а потом уж поразить мир. — Сосед улыбнулся. — Одному ему туда не добраться, вот он и ездит второй год с геологами.

— Вы тоже видели скульптуры? — я спросил совершенно равнодушно, просто чтобы поддержать разговор.

— Формы выветривания там действительно причудливые, — сказал сосед. — Но едва ли к скалам прикасалась рука человека. Все можно объяснить гораздо проще. Например, особенностями меловых пород альбского возраста: в них включены очень твердые, разнообразные конкреции, которые теперь вынесены на поверхность.

После завтрака геологи уехали в поселок Ералы отбирать образцы горных пород в кернохранилище, и в лагере остались только дежурный и мы с искусствоведом. Искусствовед — невысокий коренастый человек с ослепительно сияющей на солнце лысой головой — сам представился мне:

— Евгений Васильевич Варламов. — И добавил: — Можно просто Евгений.

«Просто Евгений» энергично встряхнул мою руку и весьма напористо предложил пройтись вдоль берега.

— Все равно они раньше трех-четырех не вернутся, — сказал он о геологах.

Я охотно принял предложение, но, как только мы вышли за пределы лагеря, поход наш едва не сорвался.

— Говорят, вы нашли любопытные скульптуры на Каратау? — спросил я, не имея в виду ничего худого и еще не зная характера своего спутника.

Евгений подскочил, и мне даже показалось, что, раздуваясь от негодования, он на некоторое время повис в воздухе.

— И вам уже проболтались?!

От редакции

В 1960 году в первом сборнике «На суше и на море» была опубликована научно-фантастическая повесть И. Забелина «Долина Четырех крестов», открывшая серию повестей о Вербинине и Березкине, изобретателях хроноскопа и исследователях исторических загадок... Хроноскоп — это электронная машина, способная по малейшим следам восстанавливать картины прошлого, как бы приближая их во времени (подобно телескопу, приближающему к наблюдателю предметы в пространстве), и проецировать их на экран...

После «Долины Четырех крестов», продолжая «Записки хроноскописта», автор опубликовал повести «Легенда о «земляных людях», «Загадки Хаирхана», «Сказы о братстве», «Найти и не сдаваться», «Устремленные к небу». Они собраны в книге «Загадки Хаирхана» (М., 1961, 1965 гг.).

Научно-фантастическая повесть «Кара-Сердар» продолжает цикл «Записок хроноскописта».

Я смущенно смотрел себе под ноги, и Евгений сжался надомной.

— Надеюсь, вы не будете распространяться о скульптурах в своих сочинениях? — смягчаясь, спросил он и, уловив краем глаза мой робкий кивок, зашагал дальше по пружинящей тине с запутавшимися в ней белыми скелетами раков.

Километрах в двух от лагеря розово-голубой уступ — чинк — почти вплотную подступал к морю. Мы шли вдоль уреза воды, обходя высохшие трупы тюленей и распугивая водяных ужей; над нами кружились стрижи и ласточки, но я больше смотрел на песок со следами ночных обитателей и почему-то думал, что восточный орнамент и даже буквы арабского алфавита художникам подсказали причудливые следы животных, поутру еще не тронутые ветром.

Евгений, молча шагавший впереди, наконец остановился и сел на обломок мергеля, скатившийся с чинка. Другие, более крупные обломки лежали в море, и в узких проливах между ними качались рыжие водоросли. Евгений сбросил полукеды и опустил распарившиеся ноги в холодную воду. Я последовал его примеру.

— Вообще-то вы слышали про эрсари? — спросил Евгений и, не дожидаясь ответа, сказал: — Это одно из туркменских племен, населявших Мангышлак до семнадцатого века.

— И вы нашли их следы?

— Следы их искать не надо. Это не ваши фантастические антаркты, — саркастически заметил Евгений, намекая на мой очерк «Найти и не сдаваться». — Эрсари — историческая реальность, зафиксированная в документах. Тут все точно. Загадка — скульптуры. Как-никак, а вероисповедание эрсари — ислам суннитского толка. Ни скульптура, ни живопись не поощрялись этой религией. Более чем не поощрялись.

Из воды, казалось из самых глубин моря, выплыл коричневатозеленый водяной уж с таким же коричневатозеленым бычком в пасти. Уж плыл прямо к нам, и я подумал, что было бы совсем неплохо, если бы всяческие человеческие тайны вот так, совершенно неожиданно кто-то приносил к нашим ногам. Я пристально следил за ужом, который, изящно извиваясь, стремился к нам, пытаясь преодолеть неширокую и несильную полосу прибоя, и желал ему успеха... Но нахлынувшая волна вдруг смыла ужа с его бычком-тайной, и он исчез в рыжих водорослях.

Тогда я лег на песок, стирая с него таинственные ночные иероглифы, и стал следить за ласточками и стрижами, выписывающими на плотном полотне неба еще более замысловатые письмена... Я не мог прочитать их. И может быть, впервые после того, как мы с Березкиным занялись хроноскопией, я радовался, что письмена недоступны мне, что не надо их расшифровывать и достаточно просто чувствовать спиною сухое и доброе тепло песка и просто следить за крылатыми мастерами, колдующими в поднебесье.

— Вы обещали нигде не упоминать про искусство эрсари, — напомнил Евгений, когда мы вернулись в лагерь, и я искренне подтвердил свою готовность молчать до гробовой доски.

Вечером геологи решили «лучить» кефаль — бить ее острогами при свете факелов, — и чисто практические заботы поглотили все лагерные, и мои в том числе, интересы. Специалисты по такому лову доказывали, что для факелов требуется асбест, пропитанный соляной кислотой, а в экспедиции не нашлось ни того ни другого. Тогда специалисты решили заменить асбест тряпками, а солянку — смесью машинного масла с бензином и переругались из-за пропорций... Я в спор не вмешивался и меланхолично размышлял о вреде излишних знаний и излишней специализации, а когда высокие договаривающиеся стороны все-таки пришли к соглашению, я отдал в распоряжение «рыбоколов» свои кеды и остался на берегу, устроившись на выючном ящике рядом с Евгением.

Над черной водой факел пылал оранжево-красным огнем и, пока он был близко, от него бежала к берегу рыжая дорожка; потом факел втянул в себя дорожку, отгородившись от берега черной полосой, и раздвоился: один факел светил теперь сверху, а другой снизу, из воды, и трудно было сразу разобрать, какой из них настоящий.

— Все-таки я покажу вам штуку, которую никому не показывал, — неожиданно сказал Евгений.

Он зажег фонарь и осветил свою ладонь.

— Смотрите.

На ладони лежала небольшая фигурка с собачьей головой.

Я так и сказал:

— Собака.

— Шакал, — поправил Евгений. — Туркмены считали, что к шакалам переходят грехи людей и потому шакалы плачут по ночам... Поэтому я сначала решил, что нашел талисман. Но потом... Знаете вы, что такое таб?

— Нет.

— Это прообраз современных шапек, игра древних египтян. Фигурами служили головы шакалов.

— Ничего не понимаю.

— Я нашел несколько шакальих фигурок на Каратау. И еще обнаружил там, на скале, написанное арабской вязью имя — Кара-Сердар. Любопытно, что оно заключено в картуш, в овал. Так писали свои имена фараоны Древнего Египта.

— Но вы говорите, что эрсари жили на Мангышлаке в средние века...

— Вот именно. Кстати, Кара-Сердар в переводе «черный военачальник».

Евгений подбросил на ладони голову шакала, ловко поймал в темноте и сказал:

— Пошел спать.

Я остался на берегу, следил за раздвоившимся факелом, и мысли мои крутились вокруг каменных скульптур, шакалов, картушей, кара-сердаров, но потом сосредоточились на кефали: очень уж мне хотелось, чтобы она благополучно удрала от наших «рыбоколов».

Глава вторая,

в которой рассказывается о нашем переезде к подножию Каратау и о моем знакомстве с необычными формами рельефа или загадочными скульптурами

Ночью я проснулся от назойливой мысли, даже какого-то внутреннего шума: в сонном мозгу, как морская галька, скрипело-перекачывалось слово «кара»... Каратау, Кара-Сердар... Нетрудно было догадаться, что прозвище военачальника прямо связано с его владениями — Черными горами, и я почему-то упорно размышлял об этом обстоятельстве, а не о гораздо более важном событии — открытии искусства народа эрсари... Уже снова засыпая, я подумал, что среди скульптур есть, наверное, и портрет Кара-Сердара.

Не берусь объяснить, почему у меня возникла такая мысль; утром я сообразил, что не знаю даже, имел ли Кара-Сердар отношение к эрсари.

Евгения мой вопрос рассердил.

— Что он вам дался? — спросил он. — Не интересовался я Кара-Сердаром и не собираюсь интересоваться. Скорее всего он принадлежал к этому племени, но не он же создавал скульптуры!

— Вы правы, конечно, — согласился я, но все-таки запомнил Кара-Сердара и даже отвел ему в своей памяти особую «полочку»: тут уж я ничего не мог с собой поделать.

Но постепенно мысли об искусстве эрсари вытеснили все прочие. Не рискуя досаждать Евгению, я размышлял о загадочной каменной «культуре» Мазма, обнаруженной перуанцем Русо в южноамериканских Андах, об антарктической культуре, открытой Морисом Вийоном и Щербатовым, — размышлял обо всем этом и откровенно завидовал Евгению.

Конечно, Каратау не Антарктида и не Анды. Но до последнего времени, пока не нашли на Мангышлаке промышленные запасы нефти, внутренние районы полуострова посещались экспедициями нечасто, а искусствоведы туда вообще не наведывались.

Но что привело на Каратау Евгения?

Он не сразу ответил на мой вопрос, и мне подумалось, что ему хочется сказать нечто патетическое о предвидении, предчувствии и тому подобном, но он сказал:

— Усталость, — Евгений виновато улыбнулся. — Посоветовали мне изменить обстановку, отдохнуть... А вместо отдыха... Второй год как заведенный хожу.

Вечером я с радостью услышал, что послезавтра экспедиция перебазировается к подножию Каратау. А когда этот день наступил, я почувствовал, что становлюсь таким же «заведенным», как Евгений.

Чудеса, во всяком случае для меня, начались сразу же, едва мы пересекли Степной Мангышлак и приблизились к чинкам. За Джетыбаем изрезанные временем чинки вдруг показались мне гигантскими

цветными кальмарами, возлежащими на беломраморных постаментах, а оплывшие холмы из олигоценовых глин напомнили беломорские луды... Я и потом продолжал путаться в своих ощущениях и впечатлениях, но по равнодушному виду Евгения догадывался, что ни «кальмары», ни «луды» его не интересуют и главное впереди.

Лагерь мы разбили в урочище Тушебек, на берегу ручья. Палатки поставить не успели, потому что приехали в темноте, и я спал на раскладушке под высокой ивой с печально опущенными ветвями.

Проснулся я с первыми признаками зари и ушел из лагеря, чтобы осмотреться. На вершине невысокого холма внимание мое привлекло неподвижное темное изваяние. Уже вполне подготовленный к встрече с чудесами, я подошел поближе, но «скульптура» поднялась мне навстречу.

— И вам не спится? — спросил Евгений. — Как вы думаете, даст мне начальство сегодня машину?

Не дожидаясь ответа, он снова опустился на землю и предложил:

— Давайте посидим и послушаем.

Я воспринял это «послушаем» как вежливую форму «помолчим» и, не садясь, долго смотрел на постепенно светлеющие склоны Каратау (в предрассветных сумерках гора казалась неприступным бастионом, и лишь сай, по которому протекал ручей, нарушал его монолитность), смотрел на кишлак, на разгорающиеся очаги у его серых домов, на кладбище с невысокими мазарами и вертикально поставленными плоскими камнями-надгробиями — смотрел на все это и постепенно тоже стал различать тихий приближающийся шум времени, идущий к нам из бесконечного далека...

Евгений провел ладонями по лицу и резко поднялся.

— Пошли! — сказал он и побежал вниз к уже проснувшемуся лагерю.

В экспедиции были две машины ГАЗ-63, и после завтрака одну из них предоставили в распоряжение искусствоведа. Поглощенный своими заботами, он все же вспомнил обо мне.

— Вы со мной?

— Если позволите...

— Полезайте в кузов.

Евгений с картами, с планшетками сел в кабину. Он действовал по заранее продуманному плану и редко удостоивал меня вниманием. Но все-таки удостоивал. Однажды машина остановилась, из кабины высунулась сияющая на солнце лысая голова искусствоведа.

— Обратите внимание на эту горку. — Евгений показал на вершину, наминающую пирамиду с размытой маковкой. — Называется Отпан. Высшая точка Западного Каратау. Есть легенда, что в недрах Отпана похоронен Кара-Сердар... Вы взяли бинокль?.. Тогда посмотрите внимательно на склоны.

Я навел бинокль на Отпан и легко различил целый лес вертикально поставленных камней.

— Кладбище? — вспомнив свои утренние наблюдения, спросил я.

— Не совсем. Точнее, символическое кладбище... Видите ли, вообще туркмены называют вот такие воткнутые в землю неотесанные камни менгирами. Но здесь особые менгиры. Скорее всего это балбалы — изображения врагов, убитых покойником. Едва ли я ошибаюсь. А по количеству балбалы нетрудно заключить, что Кара-Сердар был на редкость удачливым воином, жестоким и беспощадным. Отсюда и прозвище — Черный...

Опуская бинокль, я мысленно согласился с версией Евгения и отказался от своей чисто внешней аналогии «Каратау — Кара-Сердар»... И я отметил для себя, что Евгений интересовался Кара-Сердаром, хотя и отрицал это раньше.

В следующий раз машина остановилась у бегемота. У каменного, конечно. Бегемот, прилагая колоссальные, но тщетные усилия, пытался вскарабкаться по крутому склону на вершину холма.

— Вот вам зоогеографическая загадка, — сказал Евгений. — Откуда здесь гиппопотам?

Я выпрыгнул из машины и подошел к каменному изваянию.

Когда великого французского скульптора Родена спросили, как он создает свои произведения, Роден ответил, что берет глыбу мрамора и удаляет все лишнее.

Без сомнения, передо мной была конкреция, вымытая из альбских меловых пород, о которых говорил мой сосед по палатке. Стало быть, природа сама позаботилась о «заготовке» для неведомого скульптора; тому пришлось убрать совсем немного «лишнего», чтобы каменная болванка превратилась в могучего бегемота.

— Ну-с, что вы скажете?

Я попросил показать мне еще какие-нибудь фигуры.

— Это нарушает мои сегодняшние планы. — Евгений несколько секунд, хмурая густые брови, смотрел куда-то вдаль, а потом достал карту. — Хотите взглянуть на человеческую голову?

ГАЗ-63 свернул с дороги и, подскакивая на альбских конкрециях, медленно пополз по холмам; незагруженную машину кидало здорово, меня подбрасывало вместе со скамейкой, и глядеть по сторонам было недосуг.

Наконец Евгений остановил грузовик и подвел меня к скульптуре, ошибиться в истолковании которой, пожалуй, никто бы не смог: перед нами на сером склоне холма, уходя шей и затылком в землю, торчала голова чиновника — самодовольного толстого чиновника, лысеца и самодура, ни одному слову, ни одному жесту которого нельзя было верить. Именно эту черту — не верьте, остерегайтесь! — выделял, подчеркивал неизвестный художник, предупреждая, наверное, своих соотечественников и их потомков.

И снова я убедился, что рука скульптора — баснословно талантливого — лишь изящно уточнила образ, как бы заложенный самой природой в каменную глыбу.

— Какое чувство материала! — невольно вырвалось у меня. — Поразительно!

Мой восторг не оставил Евгения равнодушным; он отложил на время свои планы, и машина стала метаться по пустыне. Каменные животные, условные человеческие фигуры, «массовые сцены» совершенно сбили меня с толку, и я не мог хоть в чем-либо разобраться. Но, понимая, что рекогносцировка и не может преследовать аналитических целей, я полностью положился на Евгения.

Уже за полдень, когда все порядочно устали, машина, развернувшись в сторону Каратау, остановилась на вершине холма: перед нами высились стены и бастионы крепости.

— Курганчи, — сказал Евгений. — Крепость по-туркменски. А на самом деле склоны Каратау. Но кажется, что и над ними поработали люди, сделали их более грозными и неприступными... Там и нашел я имя Кара-Сердара в картуше. Сходим?

Меня не пришлось уговаривать, и мы неторопливо пошли вверх по саю, стиснутому бастионами. Да, по такому саю нелегко было подниматься атакующим — он скорее походил на ловушку, и газии, воины-защитники крепости, без особых потерь, наверное, расправлялись с противником.

— Еще в прошлом году я тут облазил все, что смог, — сказал Евгений. — И знаете, почти не нашел следов человека. Вот еще одна из загадок. Безусловно, где-то здесь, на Каратау, находился юрт — престол Кара-Сердара. Понятно, что не сохранилось следов кара-ой — временных жилищ туркмен. Но нет и тамов, а глинобитные тамы могли бы и уцелеть, в развалинах хотя бы...

Я слушал Евгения, но приглядывался к окружающему, и меня удивляло множество сорняков — коровьяка, осота — среди полупустынной растительности. А сорняки, как говорят агрономы, — спутники человека. Значит, раньше тут действительно жили люди.

...Со стеклянным звоном осыпался под нашими кедами мелкобитый сланец, когда мы вышли наконец к почти отвесной скале.

— Смотрите, — сказал Евгений и подкинул-поймал голову шакала.

Картуш находился очень высоко, но я хорошо различал сложную, как ночные следы на песке, арабскую вязь.

— Кара-Сердар, — сказал Евгений и снова подкинул шакалью голову.

— Египетский картуш, египетская фигурка... Но туркмены играли в шахматы, и вполне может быть...

— Нет. Шакал не туркменская работа. — Евгений спрятал фигурку в карман. — Я консультировался.

— По-моему, вы хотите убедить меня, что следы Кара-Сердара нужно искать в Египте... Кстати, мы с Березкиным себираемся туда осенью.

— Ни в чем я вас не убеждаю! — резко сказал Евгений. — Моя забота — искусство эрсари... А Кара-Сердар... Скорее всего он тут все разорил и разгромил... Ясно же, что скульптуры созданы за очень короткий срок. Кара-Сердар! Нашли о ком говорить. И вообще мы не делом занимаемся.

Чувствуя себя виноватым, я робко намекнул Евгению, что если ему потребуется хроноскоп...

— Обойдемся без электроники,— лаконично ответил он.

Откровенно говоря, психологическая несовместимость с Евгением немного раздражала меня. Я понимал, что Евгений увлечен и возбужден важным открытием, что ему хочется как можно скорее прочитать еще никем не читанную страницу прошлого, но в тот день я твердо решил устраниваться от всяких вопросов, связанных с искусством эрсары.

«В конце концов у нас и своих дел достаточно»,— думал я о себе и Березкине, совершенно не подозревая, что случайно сказанная мной фраза о Египте окажется пророческой и что мне еще придется вернуться на Мангышлак во всеоружии хроноскопических методов.

Глава третья,

в которой коротко рассказывается о первой международной экспедиции с участием хроноскопистов и о некоторых незначительных находках в Долине Царей, определивших направление наших дальнейших поисков

Нас с Березкиным пригласили в Египет вскоре после того, как организованная ЮНЕСКО международная археологическая экспедиция открыла в Долине Царей и ее окрестностях несколько новых гробниц, одна из которых, судя по местоположению и царственным знакам, принадлежала фараону Нового Царства Сенурсету Первому.

Возможность провести хроноскопию гробниц до того, как специалисты все рассортируют и разложат по полочкам, разумеется, прельщала нас, но согласились мы на этот шаг не без нажима со стороны Президиума Академии наук: оба мы очень хорошо понимали меру ответственности, лежащей на наших плечах.

Раскопки в Долине Царей прервал летний сезон, их отложили до осени. Нас отсрочка вполне устроила.

— Распределение обязанностей прежнее, Вербинин,— сказал мне тогда Березкин. — Садись за книги. А мне придется подумать о дополнительной термоизоляции хроноскопа. Как-никак тропическая пустыня.

Я «сел за книги», но высидел немного. Память у меня эмоционального склада, сами по себе факты я запоминаю с трудом и вообще предпочитаю идти от предмета к книге, а не наоборот. Поэтому на Мангышлак я отправился с легким сердцем, зная, что бегство мое не принесет особого вреда, а в Египте нам гарантирована помощь специалистов.

Египет властно ворвался в мои раздумья в одну из последних ночей, проведенных в Тущебеке. Все в лагере спали, лучистые капли звезд качались в матово-черном небе; звенели лягушки. Я слушал лягушечьи трели, смотрел на качающиеся звезды и пытался

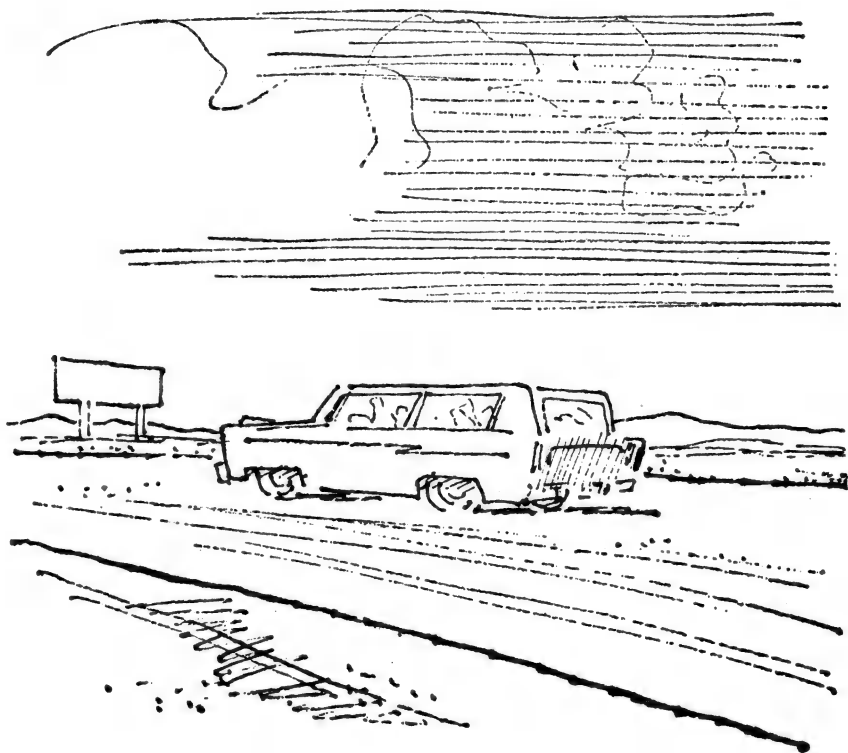
представить себя рядом с пирамидой или сфинксом, пытался предугадать, какое впечатление произведет на меня искусство древних египтян.

А вскоре я и Березкин ступили на египетскую землю. Александрия, Каир и, наконец, Луксор, где мы должны были проводить наши исследования. Руководитель экспедиции ЮНЕСКО мистер Роллс и его коллеги встретили нас на вокзале. Нам любезно предложили сразу же отправиться в отель и отдохнуть, но Березкин отправился наблюдать за выгрузкой хроноскопа, мистер Роллс последовал за ним, а я вышел на привокзальную площадь.

Экспедиция, в распоряжение которой мы прибыли, расположилась не в фешенебельных отелях, что выстроились шеренгой вдоль набережной Нила, а в сравнительно дешевой и старой гостинице «Луксор», выходящей фасадом к знаменитому Луксорскому храму. Экспедиция заняла весь первый этаж со всеми его коридорами, комнатами и подсобными помещениями.

Нам с Березкиным отвели двухместный номер с широким окном в сад.

Вечером новые знакомые пригласили нас в ресторан при гостинице. В дальнем его углу официанты сдвинули несколько столи-

ков, на которых появились виски и содовая вода, местные сухие вина «Омар Хайям» и «Клеопатра». Мы отлично провели вечер, слушая рассказы археологов.

Во время небольшой паузы, неизбежной при всяком долгом разговоре, я сказал мистеру Роллсу, что совсем недавно приобщился к египетской истории в Азии, имея в виду арабскую надпись, заключенную в картуш, и фигурки для игры в таб.

Мистер Роллс, пожилой мужчина с узким сухим лицом, несколько удивленно посмотрел на меня и пожевал тонкими губами.

— Странно, что в Азии,—сказал он.—Здесь, в Египте, нам известны такие фокусы с картушем. Судя по всему, их проделывали самые дерзкие из грабителей, проникающие в гробницы фараонов и номархов. А может быть, всего-навсего один из них, самый нахальный. Мы обнаружили две такие росписи, и еще две нашли египтологи до нас. И все в горах Деир-эль-Бахри, вокруг Долины Царей...

— Вы прочитали имя?— не без волнения спросил я.

— Разумеется. Во всех четырех случаях оно одно и то же — Ибрагим.

— Ибрагим,— повторил я, думая о Кара-Сердаре. — Нет, на Мангышлаке совсем другое.

— Оно и понятно, — кивнул мистер Роллс. — Что же тут общего, кроме нахального стремления выдать себя за царственную особу?

Я согласился с ним и перевел разговор на другую тему.

Ночью я почти не спал. Наверное, потому, что громко и настойчиво кричал в саду козодой.

А утром мы переправились на левый берег Нила, в «страну мертвых», по верованиям древних египтян, не без труда и не без опасений за исход предприятия подняв машину с хроноскопом на крутой берег реки.

Дальше все пошло как по маслу: к Долине Царей ведет отличная асфальтированная дорога, и мы лихо прокатились по ней, минуя деревни и плантации сахарного тростника, обгоняя ишаков и верблюдов.

Но когда сине-фиолетовое шоссе врезалось в матово-желтый массив Деир-эль-Бахри, я перестал обращать внимание на дорожную суету. Я смотрел на холмы Деир-эль-Бахри и видел «заготовки» для сфинксов, «заготовки» для бегемотов: казалось, чуть тронь их человеческая рука... Как тут было не вспомнить Каратау...

Березкин заинтересованно крутил во все стороны головой, не подозревая о моем состоянии, — он же не был на Мангышлаке! — а я, внутренне подобравшись, стал подобен пружине, готовой мгновенно развернуться и вонзиться в склоны Деир-эль-Бахри, чтобы вырвать у них тайны.

Гробницу фараона Сенурсета Первого, открытую мистером Роллсом и его коллегами, неоднократно посещали в разные века «ценители искусств», не спрашивая на то разрешения властей. Сохранился там только пустой саркофаг, если не считать великолепных настенных фресок.

В тонкости дела нас заранее посвятил мистер Роллс, и мы с Березкиным не ожидали ничего сверхнеобычного, когда подошли к сиринге Сенурсета Первого, у входа в которую дежурили два высоких, почти черных нубийца с ритуальными насечками на скулах.

Мы вступили в черный овал входа и, повинувшись желтым лучам фонарей провожатых и ощупывая кедами скалистый пол, медленно двинулись вниз.

Мы спустились в погребальный зал благополучно, но как избегали гибели или увечий визитеры в древности?!.. Избегали, однако...

На обратном пути фонарь мистера Роллса метнулся от пола к стене и вырвал из мрака картуш с арабской вязью.

— Ибрагим? — спросил я.

— Ибрагим, — кивнул мистер Роллс. — Но рядом еще одна надпись — иероглифами. Временная дистанция между ними примерно три тысячи лет. А надпись богохульная, вот что удивительно, мистер Вербинин.

Весть о богохульстве древнего египтянина не произвела на меня никакого впечатления, и я с волнением смотрел на картуш с именем «Ибрагим» и думал, что мы обязательно подвергнем его хроноскопии.

К чему это приведет и даже для чего это нужно, я никому бы не смог объяснить. Ведь картуш Каратау я рассматривал лишь невооруженным глазом и не сделал, да и не мог сделать, никаких выводов. Но интуиция всегда для меня значила очень многое.

Вот почему, не отвлекаясь от основной работы, ради которой мы с Березкиным приехали в Египет, я тщательно исследовал с помощью хроноскопа все четыре картуша — и в Долине Царей, и за ее пределами на кладбище древнеегипетских вельмож.

В двух словах результаты были следующими.

Прежде чем расписать стены гробниц, египетские мастера покрывали их орнаментальной штукатуркой и уже по ней рисовали и вырезали ритуальные сцены. Но случалось им работать и по камню, а иногда стены сиринг просто оставлялись в первозданном виде со следами стамесок и долот.

В трех гробницах таинственный Ибрагим врезал свое имя в штукатурку, а в одном случае начертил красным грифелем по скале.

Что один и тот же Ибрагим резал по штукатурке, хроноскоп установил сразу же. С грифельным вариантом нам пришлось повозиться, и ясного ответа мы не получили. Но едва ли были основания сомневаться, что грифель держала рука того же Ибрагима — уверенная рука молодого, сильного человека.

Глава четвертая,

в которой я занимаюсь литературными изысканиями и выясняю некоторые подробности истории Хивинского ханства в семнадцатом веке, а на сцене вновь появляется Евгений Варламов

Мы вернулись в Москву только в марте следующего года, вернулись прокаленные тропическим солнцем, коричневые, уставшие, но чрезвычайно довольные проделанной работой...

Немного отдохнув с дороги, я принялся за книжки, посвященные истории Средней Азии. Не скрою, мне хотелось обнаружить в литературе имя Кара-Сердара, но я лишь приблизительно мог представить себе время, в которое он жил. Арабы вторглись в Среднюю Азию в середине седьмого века. Эрсари покинули Мангыштак в семнадцатом. Тысяча лет!

Но мне повезло. Почти сразу же мне попалась книга «Родословное древо тюрков», написанная хивинским ханом Абульгази-Бохадуром и его сыном Ануша-ханом. И в довольно близком соседстве я встретил здесь имена Ибрагим и Кара-Сердар!.. Разумеется, совпадение взволновало меня, но я не позволил себе никаких поспешных легкомысленных заключений. Во-первых, Ибрагим весьма распространенное на мусульманском Востоке имя. Во-вторых, я обнаружил такую подробность. Имя Ибрагим встречалось на страницах, написанных самим Абульгази-Бохадур-ханом, имя же или прозвище

Кара-Сердар — в заключительных главах, принадлежащих перу Ануша-хана, который и довел «родословное древо» до 1665 года.

В тексте вполне отчетливо проявлялось отношение обоих сочинителей к Ибрагиму и Кара-Сердару.

Абульгази писал (это всего несколько строк) об Ибрагиме злобно-пренебрежительно, называя его по-туркменски «кул», то есть раб, и даже сообщал, что продал Ибрагима туркменам за два харвара зерна (буквально «ослиная ноша» — вес, который мог поднять один осел). После рассказа об этой сделке Абульгази еще трижды упоминает Ибрагима, извергая в его адрес всяческие угрозы.

Ануша-хан писал о Кара-Сердаре как о самом опасном враге Хивы, писал, естественно, без всякой симпатии, но с невольным уважением. Он свидетельствовал, что Кара-Сердару покорны и эрсари, и солоры, и чоудоры, и икдыры, и соинаджи — короче, все туркменские племена, населявшие в то время Мангышлак; что каждый год Кара-Сердар собирает в своем юрте Большой Маслахат — совет, на который от всех племен съезжаются «лучшие люди», якшилар, и принятые на Маслахате решения считаются обязательными для всех. С понятным раздражением сообщал Ануша-хан о двух массовых уходах райят — подвластных Хиве туркмен — к Кара-Сердару, о том, что отовсюду стекаются к нему самые опытные уммали — специалисты по гидротехнике, как сказали бы мы теперь, — что сам персидский шах направлял к нему посольства и что целые караваны верблюдов, груженных тулаками, сосудами с нефтью, несколько раз в году уходят в Персию и возвращаются оттуда с оружием и тканями...

Абульгази сначала удавалось договариваться с колтоманами, разбойниками, и они грабили караваны Кара-Сердара, но потом и колтоматы примирели...

В этой книге я встретил и еще одно заинтересовавшее меня имя — Казан-бек. Ануша-хан писал о нем как о приближенном Кара-Сердара, но не скрывал, что Абульгази поддерживал с ним некие тайные отношения.

Когда я навел справки об авторах «Родословного древа тюрок», то узнал, что и отец, и сын остались в истории Средней Азии как видные государственные деятели и выдающиеся писатели-историки.

Про Абульгази-Бохадур-хана известно, что родился он в 1603 году и в отрочестве правил вместе со своим братом в Ургенче. Времена тогда были смутные, и однажды Абульгази пришлось бежать из Ургенча: хивинским ханством вместо него стал править Исфенди-яр-хан, возведенный на престол туркменскими нукерами... Абульгази долгие годы провел в скитаниях и в плену у персов. На родину он вернулся умудренным опытом сорокалетним мужем и сумел овладеть престолом... А ровно через двадцать лет ханом стал его сын, о котором известно, пожалуй, меньше, чем об отце. Не сохранились даже даты его рождения и смерти. Достоверно лишь, что он много строил — восстанавливал города, прокладывал каналы, — а кончил трагически: в 1685 году его свергли с престола и ослепили.

Итак, общий исторический фон я представлял себе теперь достаточно отчетливо.

По ни скульптура эрсари, ни картуш египетских фараонов в этот фон не вписывались. Нетрудно догадаться, что мысль моя металась между Египтом и Мангышлаком, что возводил я весьма эффектные, но совершенно ненадежные воздушные мосты между ними... Решить же что-либо без дополнительного материала было практически невозможно.

Мой мангышлакский друг Евгений Варламов к весне перестал быть монопольным владельцем эрсарийской тайны: он сделал несколько докладов, каменной скульптурой заинтересовались и другие специалисты. Совместными усилиями им удалось организовать небольшую историко-искусствоведческую экспедицию. Ее возглавил, что вполне логично, Евгений Васильевич Варламов, который теперь уже не просил называть его «просто Евгением» и держался весьма солидно.

Глава пятая,

в которой мы, приступив к хроноскопическим исследованиям на Мангышлаке, довольно быстро приходим к неожиданным выводам, опровергающим точку зрения Евгения Варламова

На Мангышлаке, в Тущобеке, уже шла своя, по-экспедиционному налаженная жизнь, и в лагере мы не застали никого, кроме дежурного, колдовавшего у примусов.

Готовясь к вылету на Мангышлак, я запасся комплектами аэрофотоснимков Каратау, крупномасштабными картами и еще в Москве пришел к выводу, что некоторые детали рельефа вполне могут быть следами человеческой деятельности.

С визуального — с помощью вертолета — обзора Западного Каратау мы с Березкиным и решили начать. И когда мы высоко поднялись над Западным Каратау, он представился нам...—как бы точнее выразиться? — компактным, монолитным, единым... Я бы даже сказал внутренне собранным. Сверху Каратау открылся нам как некая индивидуальность в ландшафте, причем резко выраженная. И тогда, во время полета, мне пришла в голову несуразная мысль, мысль о... портретном сходстве Каратау и Кара-Сердара!

Мне требовалось холодное омовение, мне требовался дружеский щелчок Березкина, чтобы обуздать так далеко уведшую меня фантазию, но, к величайшему моему удивлению, он совершенно серьезно сказал:

— И правда, есть что-то общее. — Сказал так, словно действительно может существовать портретное сходство между горным хребтом и человеком!

Березкин протиснулся в кабину пилотов, а когда вернулся, любезно сообщил, что мы летим к картушу. Он при этом извинился,

что не посоветовался предварительно со мной, но я, конечно, не возражал.

С картушем провозились долго. Мы показали и пилотам почти все относящиеся к делу египетские кадры, поделились кое-какими соображениями и, как обычно, обрели себе преданных друзей и помощников.

Мы не скрыли и тайной надежды связать дела египетские с делами мангышлакскими, и все впятером напряженно следили за экраном. А хроноскоп «бузил», — увы, не подберу более точного слова.

(Я ничего не сказал о задании, но, по-моему, все ясно: мы пытались установить, существует ли тождество личности, вписавшей свое имя в картуш фараона в Египте, с личностью, то же самое проделавшей на Мангышлаке.)

Хроноскоп не капризный прибор, но всякий аппарат, типологически сходный с хроноскопом, дает ответы категорические — «да» или «нет». А различные «вероятно», «не исключено», «можно предположить» и так далее по существу исключаются, и теперь свое «отношение» к заданию хроноскоп выражал отказом интерпретировать материал.

А внешне все выглядело следующим образом. Мы сначала воспроизвели на экране молодого сильного египтянина, уверенно вычерчивающего по штукатурке свое имя — Ибрагим. Понятно, что хроноскоп не мог определить ни национальности «египтянина», ни цвета его кожи. Аппарат установил лишь одно: арабскую вязь в гробницах Деир-эль-Бахри выводила не рука писца-профессионала, а рука хотя решительная и твердая, но не привыкшая к письму.

Здесь же, на Каратау, хроноскоп показал изображение немолодого и несильного человека, но при характеристике надписи «Кара-Сердар» подчеркнул профессиональные навыки писавшего.

«Буза» началась, когда мы попытались совместить образы. Как ни переиначивал задания Березкин, как ни пытался он навести хроноскоп на определенное решение, аппарат с удивительной принципиальностью отказывался дать четкий ответ — «да» или «нет».

Вспыхивали на экране сцены, которые по прежнему опыту воспринимались нами как сцены совмещения образов, но потом следовали сцены разлада, переходящие в непрерывный поток мелкодрожжащих зеленоватых линий, и надежды наши рушились...

Хроноскоп оставил вопрос открытым. И конечно, он остался нерешенным для нас.

Искусствоведы мы лишь в самых общих чертах поведали о нашей рекогносцировке, сведя разговор к следам человеческой деятельности на Каратау: мы показали им редкие и плохо сохранившиеся остатки селений, тропинки, упирающиеся в скалы или странно повисающие над обрывами, контуры водохранилищ и маленьких водоемов — хаузов, которые обычно устраивались возле жилищ... Горы и сам Каратау, безусловно, таили немало загадочного, но нас влекла одна тайна — скульптура эрсари.

Свою раскладушку я вновь поставил под той печальной ивой, под которой спал в прошлом году перед путешествием в Египет; лучистые капли звезд по-прежнему раскачивались в матово-черном небе и по-прежнему упрямо, на одной ноте, звенели мангышлакские лягушки... Несколько прохладных вечерних часов сняли дневную усталость, спать не хотелось, и мне стали припоминаться подробности путешествия в Египет. Я уже упоминал о скалах, похожих на «заготовки» для сфинксов, бегемотов... А однажды, поднявшись на вершину у въезда в Долину Царей, я с удивлением обнаружил, что подобно Гулливеру в царстве лилипутов шествую по фантастическому природному музею: на крутых склонах лежали вынесенные из почвы на поверхность сливные кремнистые конкреции. Выгоревшие до рыжего цвета, они на изломах были матово-коричневыми, а следы выпавших, ранее случайно вмонтированных в них деталей придавали конкрециям необычный вид. Я обнаружил в «музее» миниатюрного — в мужскую ладонь, — но могучего по сложению быка с низко опущенной головой, нашел там искусно вылепленного человека, увидел символы египетских богов...

Неожиданное открытие взволновало меня так, что я стремительно примчался в Долину Царей и заставил Березкина немедленно подвергнуть хроноскопии мои находки.

Меня ждало жестокое разочарование: нет, в данном случае рука человека не помогала природе, все это были естественные образования. Вспомнив все это, я стал испытывать тревогу за завтрашний день и завидовал Березкину, заснувшему, как только его голова коснулась подушки.

Утром мне даже не хотелось вставать. Шумел ручей, шумели деревья над головой, гудели примусы. Было в их нестройном шуме что-то такое, что поглощало все импульсы, исходившие из моего мозга и входившие в него. А потом из шума выплыла притча, я вспомнил ее дословно: «Пришел Заяц к реке. Река широкая, бурная. Течет прямо в море. Стал Заяц думать: плыть в море или не плыть? Долго думал, к самой воде подошел. «Плыть или не плыть?» Столкнулся Заяц в воду бревно, сел на него и опять думает: «Плыть или не плыть?» Волны подхватили бревно вместе с Зайцем, вынесли на середину, и вот уже видно море. А Заяц все думает: «Может, не плыть?»

Бог весть, где и когда прочитал я притчу, но теперь она не оставила и следа от моего прежнего состояния, когда я лежал, углубившись в свои мысли и сомнения. Проделав в спальном мешке несколько движений, я выбрался из него уже совершенно бодрым, готовым действовать.

...Тот день был полон неожиданностей.

Разумеется, лишь условно можно назвать неожиданностью, что хроноскопия первой же фигуры — я говорю о бегемоте — подтвердила обработку альбских конкреций рукой человека; прямой аналогии с хроноскопией египетских конкреций можно было опасаться лишь в нервно-возбужденном состоянии.

Евгений Васильевич Варламов поверил нашему анализу с легкостью, на которую способен только тот, кто заранее убежден, что так и должно быть.

Мы проработали без отдыха до позднего вечера, хроноскопируя самые различные конкреции, и устали так, что подчас мне думалось, что мы, люди, ладно, выдержим, но хроноскоп откажется работать.

Хроноскоп тоже выдержал. И он подтвердил, что ежели не все, то многие альбские конкреции обработаны или, точнее, доработаны рукой человека.

Поздним вечером в Тушебеке царило ликование и на раскладных столах появились бутылки со спиртным. Вино пришлось кстати, «хорошо пошло», как говорят сведущие в таких делах люди, и сначала основательно повысило общий тонус, а потом благополучно отправило всех в спальные мешки.

Убедившись, что лагерь спит, я растолкал Березкина и шепотом попросил его пойти со мной. Соблюдая тишину, мы поднялись по склону Тушебека к хроноскопу.

Березкин открыл своим ключом дверцу вертолета и, ни о чем меня не спрашивая, принялся колдовать у хроноскопа.

— Совмещаю Кара-Сердара со скульптурой, — сказал он. — Смотри!

Я не сразу понял, какую именно фигуру выбрал для совмещения Березкин, но мгновенно убедился, что к картушу и альбской конкреции прикасалась одна и та же рука. (По какому-то почти мистическому совпадению Березкин начал с бегемота.)

Вот тут и произошло действительно неожиданное: хроноскоп утверждал, что все, именно все обследованные нами фигуры обрабатывала та же рука, которая вывела картуш и арабскую вязь на почти неприступной скале Каратау.

— Представляю, как обрадуется Варламов, — только и сумел сказать я.

Березкин смотрел на меня растерянно.

— Не повторить ли все сначала? — спросил он.

— Разумнее завтра продолжить хроноскопию еще не исследованных фигур и затем снова все проанализировать. А пока молчок!

Да, молчок!.. Симпатичная гипотеза Варламова о каменной скульптуре эрсари трещала по всем швам. Но было бы жестоко оповещать его об этом до тех пор, пока не закончена работа.

По склону сая к лагерю мы спускались, дрожа, как мелкие ворышки, — боялись, что нас заметят и начнут расспрашивать. Но благословенное содержимое бутылок избавило нас от лишних разговоров.

Дальнейшую хроноскопию мы с Березкиным вели как бы в двух планах: один план для всех, другой — для себя. Этого никто не замечал, и тут нам своеобразную помощь оказывал Варламов. Хроноскопическое подтверждение реальности скульпторов-художников, творивших на Каратау, окончательно утвердило Варламова в бес-

спорности его открытия. Бывший «просто Евгений» стал еще более категоричен в суждениях, он не размышлял, а изрекал, невольно подавляя своих коллег. Парадоксально, но на этом безапелляционно-скупом фоне нам работалось легче и проще, особенно когда мы приметили некоторые насторожившие нас подробности.

Хроноскоп все определеннее подчеркивал, что альбские конкреции в их настоящем виде — творение и природы, и человека, что созданы они в таком своеобразном соавторстве. Но, ориентируя хроноскоп на выявленную ночью генеральную линию расследования, мы обнаружили, что он не во всех случаях б е з у с л о в н о подтверждает авторство одного и того же человека и в то же время не отрицает полностью. Получалась чуть ли не такая же мешанина, как при совмещении Кара-Сердара с таинственным египтянином из Долины Царей: что-то сходится, что-то не сходится.

Чтобы завершить расследование, нам требовалось уединиться, и мы нашли предлог. Я сказал Варламову и его коллегам, что нам необходимо еще раз визуально осмотреть весь Западный Каратау. Варламов, к моему удивлению, тоже захотел осмотреть Каратау с воздуха, но я весьма энергично запротестовал, ссылаясь на интересы хроноскопии.

— Возьмем его. — Березкин положил мне руку на плечо. — Знаешь, как антипод он может нам пригодиться.

— Антипод? В каком смысле антипод? — Варламов нас, разумеется, не понял, но на всякий случай сказал: — Прошу выбирать выражения!

— Выбирать нам сегодня предстоит нечто более сложное, — сказал Березкин. — Полезайте в вертолет.

Мы перелетели через ближайшую скалистую грядку и сели по указанию Березкина на относительно ровной площадке.

— Надолго мы здесь? — спросил командир вертолета.

— На весь день, — ответил Березкин. — Будем продолжать расследование, которое начали у картуша...

— У какого картуша? — вскинулся Варламов. — У моего?

— У картуша Кара-Сердара, — спокойно ответил Березкин. — Мы летали туда. — И, обращая снова к вертолетчикам, продолжил свою мысль: — Нам предстоит разобраться в наблюдениях весьма сложных. Но мы с Вербиным уже настроились на один определенный лад, а Евгений Васильевич — совсем на другой. Будем считать, что вы младенцы, устами которых, как известно, глаголет истина. Согласны?

Вертолетчики улыбнулись такому сравнению, но сказали, что согласны.

Не вдаваясь более ни в какие подробности, Березкин сформулировал задание хроноскопу, и, поскольку все кадры были запечатлены в «памяти» аппарата, мы удобно устроились у экрана, приготовившись наблюдать.

Итак, мы снова увидели разные фигуры — обработанные человеком альбские конкреции, и снова хроноскоп без особых усилий

совмещал руку Кара-Сердара с рукой скульптора. Березкин разъянил характер хроноскопического анализа Варламову, и тот мгновенно насторожился.

— Уж не хотите ли вы сказать, что все скульптуры созданы одним человеком, и притом Кара-Сердаром?!

— Вы почти угадали,— Березкин не отрывался от экрана и даже не взглянул на Варламова.

— Но это же невероятно! Для одного человека...

— ...непосильно? — перебил Березкин. — Нелегко, не спору. Но мало ли титанов знает история! И потом... У нас есть подозрение, что к скульптурам прикасались и другие руки.

Варламов облегченно вздохнул.

— Не сомневаюсь, что десятки эрсари потрудились здесь.

Я промолчал. Березкин тоже. Он уточнил задание, совмещая неизвестных со скульптором, и хроноскоп вновь начал «бузить». Мне даже казалось, что аппарат испытывает чисто человеческие муки от бессилия прямо и точно сообщить нам свое заключение... Ни да, ни нет... По одним признакам рука Кара-Сердара, по другим — неизвестного нам, но чем-то похожего на него человека.

— Нет же, нет! — упрямо твердил Варламов. — Не одного человека, а нескольких! Много их было.

Сам того не подозревая, Варламов подсказал нам новый ход расследования, Березкин не ошибся, пригласив искусствоведа в качестве «антипода».

Мы специально отделили кадры, в которых Кара-Сердар не совмещался безусловно с рукой скульптора, и наложили их один на другой. Иначе говоря, мы попытались совместить вероятных скульпторов друг с другом, как бы минуя Кара-Сердара.

Результат получился непредвиденный: предполагаемые скульпторы вообще не совместились; или, точнее, их творческая совместимость между собой была в несколько раз ниже, чем каждого из них с Кара-Сердаром.

— Первое слово пилотам! — безапелляционно заявил Березкин.

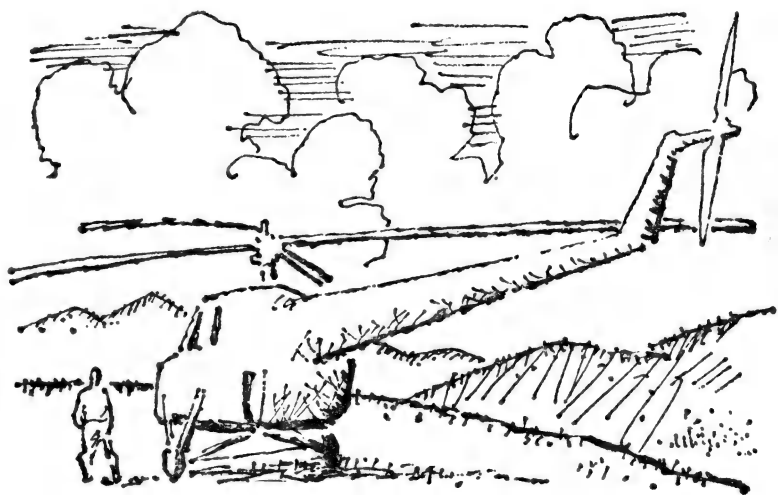
— Не сказал бы, что это наше дело. — Командир вертолета выглядел растерянным. — Штурман у нас главный грамотей...

«Главный грамотей» смотрел на экран необычайно серьезно и чуть грустно.

— Копировальщики, — заключил он. — Разные, но пытались подражать одному и тому же скульптору. Кара-Сердару, скорее всего.

— Не верю! — жестко оборвал его Варламов. — Конечно, всегда были законодатели мод, всегда были мастера, которым подражали, но свести все творчество эрсари... Кошунство!

Я искренне сочувствовал Варламову. Пусть мы антиподы по характеру, по подходу к каратаушской загадке, но по-человечески я понимал, что значит для него крушение концепции — благородной концепции, крушение мечты вернуть человечеству скульптуру эрсари.

— Мы тоже предпочли бы ваш вариант, — сказал я, — хотя из-за соображений историко-религиозного плана он был поставлен под сомнение еще в прошлом году. Но почему вы не хотите признать, что и наш вариант интересен, что сулит он неожиданное?

— Сравнили! — горько сказал Варламов. — Сравнили!.. Да и ваш вариант... Не посмеете же вы его за истину выдать?!

— Вы правы, — сказал Березкин. — Не посмеем.

Глава шестая,

в которой мы занимаемся выявлением «организующей мысли», а также поисками портретных скульптур и составлением картосхемы своих находок

Совершив еще несколько облетов Каратау, мы пришли наконец к выводу, что нами учтены все или почти все скульптуры. Варламов, несмотря на описанные выше события продолжавший методично работать, тщательно нанес скульптуры на карту и любезно разрешил нам с Березкиным ее скопировать. Мы не только скопировали карту, но и несколько усовершенствовали свою копию: я точно сориентировал каждую фигуру, и мне показалось, что существует определенная закономерность в их расположении — фигуры как бы стремились к одному конкретному месту, но как раз там, куда они «стремились», ничего не было.

— А должно быть, — сказал Березкин. — Очень уж чувствует-ся одна, все организующая мысль. Почти уверен, что найдем там портрет Кара-Сердара.

Варламов только поморщился в ответ на слова Березкина: у него теперь и на Кара-Сердара сложилась своя точка зрения, не совпадающая с нашей, но в хроноскопию он не вмешивался.

— Слетаем? — спросил командир вертолета.

Березкин молча кивнул, а я еще раз склонился над картосхемой.

Среди обнаруженных нами скульптур выделялись две и размером, и характером исполнения. Об одной из них — угодливом, способном на любую подлость «чиновнике» — уже упоминалось. Второй скульптурный портрет внешне был прямой противоположностью первому: рука Кара-Сердара вырезала в скале лицо воина — жестокое и волевое, чуть тронутое улыбкой; но она не смягчала грубые черты лица, а, наоборот, делала его злее, беспощаднее.

— Кара-Сердар, — сразу сказал Варламов, — увидев скульптуру. Вот уж действительно, точнее не передашь характер!.. Помните Отпан с бесчисленными балбалы?

А мы с Березкиным одновременно подумали, что это не Кара-Сердар. Хроноскоп нам ничем не помог. Он лишь показал, что портреты «чиновника» и «воина» созданы Кара-Сердаром и никакие подмастерья или копировальщики к ним не прикасались...

А картосхема обнаружила такую подробность: все скульптуры были ориентированы в сторону Каратау, к странному центру композиции, и только портреты «чиновника» и «воина» смотрели в сторону пустыни.

Мои чертежные упражнения Варламова не заинтересовали.

— Не понимаю, зачем вы теряете время, — сказал он. — Лучше уж действительно слетать в ваш пресловутый «центр».

На сей раз мы послушались мудрого совета, и вертолет поднялся над Каратау.

Через несколько минут мы уже висели над тем местом, где на картосхеме сходились все линии.

Там лежал «кальмар», очень похожий на тех, что видели мы в прошлом году, подъезжая к Каратау; проще говоря, обычная для этих мест форма рельефа. Но почему-то именно на нее указывали два сложенных вместе каменных пальца.

Березкину пришла в голову сумасбродная идея.

— Поколдуем, — сказал он. — А вдруг?..

Никто не пришел в восторг от его предложения. Я тоже. Но правила, которых мы с Березкиным придерживаемся, исключают какие бы то ни было протесты. Я нехотя остался у экрана, летчики и Варламов отправились бродить по окрестностям, а Березкин с «электронным глазом» в руках полез по щупальцу «кальмара».

Березкин трудился с завидным упорством. Я бы на его месте уже давно сложил оружие. Но вот наконец на экране хроноскопа появился грубый резец основательных размеров.

— Стоп! — крикнул я.

Березкин стоял у хорошо обнаженного уступа и удивленно смотрел на меня.

— Человек, — сказал я. — Вернее, орудие человека.

Березкин не побежал к хроноскопу. Он мысленно проследил свой путь по щупальцу «кальмара».

— Здесь первозданная порода, — сказал Березкин, показывая на уступ.

Несколько пеуклюже он выразил верную мысль: ниже по его маршруту следы человеческой деятельности были замыты ливнями и ветрами.

Теперь мы действовали целеустремленнее — шли от обнажения к обнажению, кое-где подчищая их, и ряд анализов подтвердил, что «кальмар» создан не только природой.

Березкин попросил вертолетчиков поднять нас над «кальмаром».

И когда вертолет набрал высоту, все поняли, что под нами не «кальмар», а кисть человеческой руки, вонзившаяся пальцами в скалы. Подъем продолжался, и наступил момент, когда мы вновь увидели единый монолитный Западный Каратау и руку, объединяющую, удерживающую его вершины и склоны, руку, к которой тянулись все созданные Кара-Сердаром фигуры, кроме двух, портретных.

В Тушебеке мы вновь встретились с геологами. Они уходили дальше, на Устюрт, и лишь на сутки разбили свой лагерь рядом с нашим. Я встретил своего прежнего соседа по палатке, от которого впервые услышал о каменных скульптурах, и рассказал о нашей работе, проделанной за год.

— Еще есть надежда найти Кара-Сердара, — сказал он. — Вдруг его прозвище от цвета кожи, а вовсе не от приписываемых ему злодейств? Вам надо ползать по пермо-карбону, он здесь темпоцветный.

Как благодарны были мы потом за этот совет!

Да, мы нашли Кара-Сердара, вернее, скульптурную группу, ибо он оказался не один.

Кара-Сердар изобразил себя так, словно лежал на спине, но тело его не интересовало, и все свое художническое внимание он сосредоточил на лице.

Немного сужающаяся кверху голова Кара-Сердара неплотно прилегала к скале — она уже почти откололась от монолита. Глаза смотрели вдаль мимо всего, что находилось вокруг; чуть презрительно выпяченные губы были плотно сжаты. Он уже не был воином, и я не уверен, что оставался художником; он был выше и того и другого, если только можно быть выше художника; он уже ушел в свой особый мир и знал, что не вернется из него.

А на скулах Кара-Сердара мы обнаружили резко обозначенные полосы-насечки.

— Помнишь сторожей-нубийцев у входа в гробницу Сенурсета? — спросил я у Березкина.

Тот кивнул.

Цепь замкнулась, но сразу поверить в это было непросто, и я даже не рискнул произнести окончательный вывод вслух. Березкин тоже.

Вокруг скульптурного портрета буйно разрослась могильная трава с зеленовато-белыми без запаха цветами. Для чего-то я сорвал несколько ее веток и положил возле Кара-Сердара.

Мы тронулись в обратный путь уже под вечер; в косых лучах солнца окрестные скалы приобрели оттенок сухого марганца, а лицо Кара-Сердара, видимо с поправками на африканские ассоциации, показалось мне черным.

Глава седьмая,

в которой мы довольно-таки несложным путем узнаем некоторые биографические подробности о Кара-Сердаре и, сопоставив известные нам факты, выясняем причину художнических «странностей» последних лет его жизни

Итак, совершенно неожиданно правильно угадал происхождение прозвища мой давний сосед по палатке. Никаких сомнений в

африканском прошлом Кара-Сердара не было, и не оставалось сомнений, что Ибрагим из Долины Царей и Кара-Сердар с Каратау — одно и то же лицо.

Сущий пустяк требовался теперь для завершения исследований: предстояло узнать, каким чудом «осквернитель» гробниц фараонов закончил свою жизнь признанным вождем нескольких туркменских племен?

Помочь в этом могли только книги и архивные материалы, и вскоре мы с Березкиным расстались с Мангышлаком.

Великая вещь — ясная постановка вопроса! После того как отпало предположение об искусстве эрсари и на первый план выдвинулась личность Кара-Сердара, я мог действовать спокойно и целенаправленно.

Березкин, по обыкновению, уклонился от литературных изысканий, а я еще раз просмотрел сочинения Абульгази и Ануша-хана и увлекся интереснейшей книгой под названием «Очерки истории туркменского народа», изданной в Ашхабаде в начале нашего века. В ней и нашел я упоминание о Кара-Сердаре и некоторые новые сведения о нем в изложении русского купца Ивана Старовойта.

В самом этом факте нет ничего необычного: русские к тому времени уже более столетия торговали с Хивой, а торговые пути шли через Мангышлак. Начинались они на Волге. Туркмены тоже имели свой морской флот — под войлочными парусами плавали по Каспию киржимы, нау, кулазы, — а торговые операции осуществлялись все-таки на русских судах, которые назывались «бус». Бусы сплывали в Каспий сразу после волжского ледохода, приходили в гавани Мангышлака к «трухменцам», как говорили тогда, и оттуда купцы отправляли в Хиву так называемых хабарщиков — торговых вестников. За проход через туркменские владения взималась пошлина, а хабарщиками обычно были сами туркмены, значительно лучше русских чувствовавшие себя в пустыне.

Бус Старовойта проследовал путем прежних судов, но в дальнейшем судьба купеческой экспедиции сложилась отнюдь не традиционно.

В средние века на Каспии (как и в Западной Европе) действовал феодальный закон «берегового права», согласно которому всякое судно, выброшенное на берег или погибшее у берегов, переходило в собственность приморских жителей вместе со всеми товарами и экипажем.

Бус Старовойта благополучно прибыл на Мангышлак в порт Кабаклы, но там неожиданно был захвачен местным князьком, который объявил судно и все товары своей собственностью. Ничего подобного раньше не случалось.

Старовойт не первый раз приходил с торговыми целями на Мангышлак, и знакомые хабарщики рассказали ему, что в стране зреет смута, что хивинцы все время грозят туркменам и теперь караваны не ходят в Хиву через Мангышлак. Но хабарщики обещали сообщить Кара-Сердару о беде Старовойта и выполнили

обещание. Прискакавшие с Каратау нукеры освободили его товары, взгрели самоуправца, а Старовойта увезли в юрт Кара-Сердара — купец даже заподозрил, что променял кукушку на ястреба.

В Каратау он прибыл в несчастливый час: у Кара-Сердара околел любимый конь. Старовойт видел, как обмыли коню голову в копыта, завернули труп в белую ткань и опустили в могилу головой на север. Бахши, поэты-музыканты, пели по традиции славу боевому коню, вспоминали его заслуги, а все собравшиеся с тревогой посматривали на Кара-Сердара и стоявшего рядом с ним невысокого рябого туркмена средних лет... Старовойту показалось, что Кара-Сердар хочет что-то сказать на прощание своему коню, хочет, но не может и мучается, и шея и щеки его набухают от огромного, но бесполезного усилия... У могилы коня царила напряженная тишина, и никто не посмел даже вздохнуть, пока Кара-Сердар боролся со странным приступом немоты.

Много дней прошло, прежде чем Кара-Сердар позвал Старовойта. Все это время купец добивался аудиенции, но чиновники лишь прищелкивали языками и поднимали глаза к небу. Правда, Старовойта принял рябой туркмен Казан-бек, но лишь молча выслушал купца и ничего не сказал ему в ответ.

Кара-Сердар принял Старовойта в пещере, освещенной факелами; он сидел на ковре, по-восточному скрестив ноги. Под распахнутым на груди дорогим халатом Старовойт заметил догу — птичий коготь, оправленный серебром, который избавляет от болезней, и подумал, что Кара-Сердару дога не помогает. «Зело черен он от той хворости», — написал позднее Старовойт.

Кара-Сердар внимательно выслушал купца и вдруг странно улыбнулся одной стороной лица.

— Добрый друг Абульгази. — Странно улыбаясь, он смотрел на Казан-бека. — Вместе от персидского шаха убегали. Добрый друг.

Кара-Сердар надолго умолк, а потом поднял на Старовойта ясные, умные глаза.

— Пошлем хабарщиков в Хиву, — сказал он, к великой радости купца.

И хабарщики действительно ушли в Хиву. Но не старые знакомые Старовойта, а новые, ему неизвестные.

За время долгого сидения на Каратау Старовойт обзавелся многими знакомыми. Он отметил потом, что жили «трухменцы» в карой и потайных пещерах, а глинобитных тамов у них было почему-то мало. Ни о положении в государстве Кара-Сердара, ни о настроении его подданных Старовойт ничего не сообщал; может быть, его это не интересовало, но вполне вероятно, что с ним и не открывенничали.

Вторично Кара-Сердар позвал к себе купца лишь после возвращения хабарщиков из Хивы.

Старовойт застал повелителя Каратау за странным делом: Кара-Сердар переставлял по шахматнице — клетчатой доске — «поганные песьи головы», как написал позднее купец.

— В Хиву не пойдешь, — лаконично сказал Кара-Сердар. — Здесь торгуй.

И властным жестом отпустил купца.

Отъезд Старовойта в Кабаклы совпал с облавной охотой соловьев — племени, во главе которого стоял Казан-бек. Сначала молодые воины на горячих конях несколько раз пронесли перед зрителями, на всем скаку жонглируя оружием, а затем их скрыло облако пыли — Казан-бек увел соловьев в пустыню.

Вот, собственно, и все, что почерпнул я из книжки полувековой давности. Немного, но и не так-то уж мало.

Разумеется, прежде всего я обратил внимание на фразу Кара-Сердара, относящуюся к Абульгази: «вместе бежали из Персии!»

Как очутился там Абульгази, мы знаем. А Ибрагим?.. Но тут, строго говоря, не может быть двух мнений: дерзкий расхититель ценностей фараонов однажды все-таки попался и был продан в рабство — не на должность же визиря его пригласили в Исфахан, тогдашнюю персидскую столицу!.. Но в Исфахане, в крепости Табарек, и находился в то время Абульгази, будучи почетным пленником шаха. И в этой ситуации все ясно: Ибрагим мог быть приставлен к Абульгази либо как слуга, либо как тайный стражник.

Какие взаимоотношения могли возникнуть у Абульгази и Кара-Сердара?

Социальный барьер, их разделявший, был, конечно, очень высок — пленник царского происхождения и обращенный в рабство нубиец, — куда уж, как говорится, дальше! Но я склонен все-таки допустить некоторые отклонения от общепринятых правовых норм. Впрочем, судите сами.

Они единоверцы — мусульмане, но мусульмане из разных стран. Один из них, именитый, в будущем станет историком. Почеловечески вполне правомерно допустить, что он заинтересовался Египтом, а второй, неименитый, знал эту страну хорошо и — натура, как мы знаем, художническая — наверняка обладал достаточно пылким воображением, чтобы рассказывать увлекательно.

Понятно, Ибрагим не знал и не мог знать историю Древнего Египта. Но он знал, что гробницы Долины Царей великолепны и что только могущественных владык хоронят в таких гробницах.

Абульгази в «Родословном древе тюрок» скромно признается, что сам он прямой потомок Чингис-хана. Конечно, это признание не для ушей кула, раба. Но если кул рассказывает о великих царях прошлого, то как не осадить его, как не поведать ему о несравненном, о величайшем из величайших, чья кровь течет в твоих жилах?

Если вы помните, хроноскоп при анализе египетских и мангыш-лакских надписей подчеркивал различие в профессиональной умелости создававшей их руки... Совсем не исключено, что Абульгази использовал Ибрагима как писца, а может быть, и повелел ему записать рассказы о Египте, заставив его таким образом натренировать руку...

Но взгляды на искусство у них, бесспорно, были разными. Абульгази наверняка был ценителем и знатоком архитектуры, декоративного орнамента, изящных лирических газелей с их законенными бейтами-двустихиями, рифмами и редирами... Ибрагим же рассказывал ему о скульптурах, о стенах гробниц, расписанных загадочными сценами, о выступающих из-под песка колоннах с вырезанными на них обнаженными фигурами... Ибрагим рассказывал о соперниках аллаха — ему одному, творцу-муссавиру, дозволено творить людей и животных, — и рассказами своими вольнодумец Ибрагим был страшен или неприятен правоверному Абульгази.

Едва ли Абульгази откровенно выражал свою неприязнь: они оба мечтали о свободе, и там, в Персии, Абульгази нуждался в Ибрагиме.

Они вместе бежали из крепости Табарек, благополучно добрались до знакомых Абульгази мест и нашли приют у туркмен из племени эрсари.

Им-то и продал Абульгази-Бохадур-хан вольнодумца Ибрагима за два харвара зерна.

... До сих пор у нас с Березкиным все сходилось как нельзя лучше.

Но вот какие исключительные обстоятельства вторично обращенного в рабство Ибрагима превратили в грозного для Абульгази и Ануша-хана Черного Военачальника?

Пришлось снова засесть за книгу, написанную совместно отцом и сыном. Помните, у первого «Ибрагим», у второго «Карасердар»?

Я нахожу для такого превращения только одно объяснение, но, по обыкновению, оставляю за моими читателями право на собственное суждение.

Вот какие события (они описаны Ануша-ханом без каких-либо прикрас) произошли вскоре после воцарения Абульгази в Хиве.

Заняв на престоле место Исфандияр-хана (тот умер как будто бы своей смертью), Абульгази весьма основательно ущемил интересы туркменских нукаров и роздал самые доходные должности новым царедворцам. Кроме того, он оказал, говоря современным языком, экономическое давление на туркменские племена, перераспределив земли между узбеками и туркменами так, что последним достались плохо орошаемые участки. Вполне понятно, что туркмены взбунтовались.

И тогда Абульгази пригласил аксакалов разных туркменских племен (в том числе и от эрсари) для урегулирования разногласий, обещая им справедливый суд.

Предложение Абульгази было принято, и обе заинтересованные стороны решили встретиться в пустыне под Хазараспом.

И встретились. И поговорили.

Абульгази-Бохадур-хан пригласил всех приехавших туркмен на пир, и они не отказались от приглашения.

Но к Хазараспу заблаговременно были стянуты отборные головорезы Абульгази, получившие приказ уничтожить пирующих.

По свидетельству Ануша-хана, в резне погибло около двух тысяч туркмен.

Но полностью своей цели Абульгази не достиг.

Туркмены, оставив на разграбление свои аулы, сумели организованно отступить и ушли на Мангышлак.

Логический анализ не оставляет почти никаких сомнений, что от полного разгрома туркменские племена спас Ибрагим. Превосходно представляя себе «благородство» Абульгази-Бохадур-хана, этот кул наверняка предостерегал туркмен, советуя не принимать участия в переговорах и пире. Его не послушали, — да и кто станет слушать кула?! — но часть воинов все-таки уклонилась от пиршества.

... В тот день, когда Абульгази-Бохадур-хан устроил резню, навсегда исчез Ибрагим и появился Кара-Сердар: предсказанные им события вознесли его из положения кула в ранг провидца. Возглавив растерявшихся воинов, Ибрагим (теперь уже Кара-Сердар) помог уцелевшим туркменам уйти из хивинских владений.

Сомкнулись звенья?

По-моему, сомкнулись. Но это не прояснило жизненного финала Кара-Сердара.

Я приблизился к его пониманию сложным путем, и своеобразно помогли мне египетские ассоциации.

... За долгие месяцы, проведенные в Луксоре, у меня появились там любимые места, и одно из них находится в северо-западном углу Карнакского храма, у небольшого святилища богини Сохмет, женщины с головой львицы. Оттуда, от святилища, развалины Карнакского храма виднеются сквозь заросли сухой травы, за горами камня и щебня; такой передний план придает издали развалинам храмов особую прелесть.

Но любопытна и сама Сохмет, женщина-львица. Высечена она из темного гранита, в руках у нее посох-лотос и ключ от Нила. Стоит Сохмет у задней стенки полутемной камеры, которая освещается через небольшое отверстие в потолке. Статуя несколько сдвинута по отношению к отверстию (она упала, и теперь ее надежно укрепили), и это немаловажная подробность, ибо нарушился замысел древних жрецов и ваятелей.

Раньше, в самом начале сентября, в потолочное отверстие святилища проникал солнечный луч и — всего раз в год! — касался головы Сохмет. Событие это совпадало с Новым годом по одному из древнеегипетских календарей, а самое важное — с началом нильского разлива: Сохмет открывала своим ключом дорогу красной воде из тропиков, и тогда все население выходило к Нилу, люди ели мясо, пили много вина и браги.

С богиней Сохмет связано еще одно древнее предание, отражающее, по мнению специалистов, антифараоновские волнения среди египтян в древности.

По этой легенде Сохмет — «солнечное око», дочь бога солнца Ра, к которой стареющий отец обратился с просьбой покарать переставших подчиняться ему, «замысливших злые дела» людей. Сохмет энергично взялась за дело и вскоре так преуспела в убийствах, что перед Ра возникла реальная перспектива остаться генералиссимусом без войска. Он попытался урезонить и успокоить Сохмет, но не тут-то было: она вошла во вкус, и кровь лилась по всей египетской земле рекой.

Мудрый бог Ра решил все-таки это прекратить. Он придумал простой и достаточно безобидный способ утомить Сохмет. Посланные им нарочные отправились в Эфиопию, набрали там тропического краснотела, а вернувшись, смешали землю с ячменным пивом и залили подкрашенной смесью поля.... Сохмет, решив, что поля залиты людской кровью, поглотила столько этого в буквальном смысле слова божественного напитка, что опьянела, потеряла память и навсегда забыла о давнем отцовском наказе уничтожать людей.

Так благополучно и мудро решил бог Ра сложную проблему.

Но осеннее появление красной нильской волны еще долго связывалось с именем Сохмет, женщины-львицы, погубившей множество ни в чем не повинных людей.

Мы с Березкиным еще застали красную воду. Когда мы переправлялись из Луксора на противоположный берег, в лучах утреннего солнца мягкие нильские воды, поднимаясь, чуть заметно наливались неяркой приглушенной краснотой, которая исчезала тотчас, как только волна опускалась, и потому казалось, что зеленовато-бежевый Нил покрыт красноватой рябью.

Наверное, то была последняя или предпоследняя красная вода: оставался всего год до перекрытия Нила у Асуана. Я знал, что после заполнения водохранилища частицы краснотела начнут оседать в нем и власть над Нилом Сохмет, богини — истребительницы людей, прекратится, видимо, навсегда.

Чтобы освободиться от Сохмет, потребовались усилия людей разных национальностей, потребовалось, чтобы они работали плечом к плечу, вместе, «сава-сава», как говорят египтяне, соединяя указательные пальцы.

Этот жест, видимо, восходит к стародавним временам. И только после того, как мы уже закончили работу на Каратау, меня вдруг осенило: как же мы не обратили раньше внимания на соединенные указательные пальцы, изваянные из камня и направленные в сторону руки — «кальмара»?!. Ведь это же скульптурное выражение египетского «сава-сава» — единства!

Я вновь перелистал страницы, написанные Ануша-ханом, и нашел, где он говорит о покоренных Кара-Сердаром, а на самом деле объединенных им племенах: эрсари, солоры, чоудоры, икдыры, соинаджи... Пять племен!.. Вот конкретный смысл пятипалой руки, символически организующей жизнь на Каратау!

Как формировался характер Кара-Сердара, его мировоззрение? И посейчас еще можно видеть в колодцах гробниц фараонов скелеты убитых строителей: фараон старался сохранить в тайне место своего захоронения.

Кара-Сердар видел эти скелеты.

Некоторые сиринги Долины Царей расписаны сценами казни повстанцев — им отрубали головы короткими мечами палачи в рогатых шлемах.

Кара-Сердар мог видеть эти фрески.

Если его увозили в рабство морем, он побывал в Аль-Искандарии, Александрии, основанной Александром Македонским и названной в его честь. И наверняка он слышал или читал широко распространенные на Востоке легенды об Александре-Искандере, ученике величайшего мыслителя древности Аристотеля, высоко почитавшегося арабами.

Аристотель, приглашенный ко двору македонского царя, учил Александра этике, эстетике, естественным наукам, философии, а ученик взялся за меч, чтобы убивать и грабить. Он разрушил городов гораздо больше, чем основал, и еще при жизни — в Египте — объявил себя богом, а с сомневающимися в этом жестоко расправился. Одного из них, своего ближайшего друга Клита, Александр прикончил собственноручно. Историка Каллисфена, не угодившего ему, уморил голодом в тюрьме. А прочим приказал отрубить головы...

Судьба привела Кара-Сердара на территорию древней Ассирии-Вавилонии — на землю жестоких, беспощадных завоевателей, а потом в Персию... Некогда разгромленные Александром Македонским, персидские цари тоже никогда не отличались благородством и милосердием.

Неизвестно, сколько крупиц этого бесценного исторического опыта запало в душу Кара-Сердара, но сколько-то запало, а события его личной жизни лишь обострили их восприятие.

Да, к тому времени, когда кулу Ибрагиму приспело стать могущественным Кара-Сердаром, он многое узнал, многое понял.

И все же можно лишь удивляться его мудрости. Он объединил ранее враждовавшие племена. Он опирался на совещательный орган — Маслахат. Он превратил Западный Каратау в бастион, чтобы люди могли жить ради жизни — строить, выращивать хлеб, пасти скот, любить. Он верил в людей... Может быть, он верил даже Казан-беку, надеясь, что тот поймет и воспримет его благородные побуждения.

Но этот человек не оправдал надежд Кара-Сердара. Исторические источники свидетельствуют, что эрсари покинули Мангышлак во второй половине семнадцатого века после... стычек с солорами. А солорами правил Казан-бек, и о нем по-особому писали хивинские ханы.

Когда же произошел раскол?

Вероятнее всего, после смерти Кара-Сердара. А смерти этой терпеливо дожидался Казан-бек, ставленник хивинских ханов, ловкий наездник и отважный воин. Видимо, Казан-бек не смел действовать открыто: слишком велик был авторитет Кара-Сердара, но не исключено, что он раньше других заметил приближение недуга, скосившего Кара-Сердара. Не были ли признаками болезни немота при похоронах коня и странная полуулыбка почти парализованного лица, описанные Старовойтом?

Немота?.. Надвигающаяся немота, вызванная каким-то заболеванием? Страх перед ней?

А что, если каменные скульптуры Мангышлака — последний, беззвучный крик немого мудреца?

Я думаю, что Кара-Сердар отлично понимал положение, в котором находится страна, ставшая его второй родиной. И он тревожился за судьбу племен, вступивших в тесный союз. Он боялся козней Абульгази-Бохадур-хана, своего «доброго друга», ибо только объединенные туркменские племена могли противостоять его натиску.

Кара-Сердара окружали неграмотные люди, слепо и бездумно следующие мусульманским заветам. Они внимали его словам, но он утратил дар слова.

Вот тогда-то, вероятно, решил Кара-Сердар воплотить свое слово, свой предсмертный крик в камне.

Тоже мусульманин, он внутренне был свободнее своих единоверцев, ибо знал искусство древних египтян. Он взялся за резец скульптора. Это было кощунством, и он знал, что за ним неприязненно следят ранее близкие ему люди.

И тогда Кара-Сердар убедил некоторых из них тоже взять в руки резец. Он понимал, что мало сохранить мысль в камне, нужно еще создать и сохранить мыслящих людей, которые продолжат его дело.

Фигуры, созданные Кара-Сердаром, видимо, можно истолковывать по-разному. Это и большая мысль, и сугубо личные воспоминания о Египте, даже о египетских зверях. Например, бегемот... Впрочем, у суданских народов, живущих по соседству с Египтом, бегемот — символ государственной власти. У Кара-Сердара он безуспешно пытается достичь вершины холма, где, быть может, сумел бы обрести прочность и уверенность в будущем... Жестокий воин и угодливый чиновник?.. Подобное сочетание страшно само по себе...

Я прочитал скульптуры Кара-Сердара и его безымянных, еще несовершенных в мастерстве, но храбрых духом друзей — прочитал как единственную в мире каменную книгу социальной утопии, датированную семнадцатым столетием. Уже это само по себе фантастично.

Единство! — вот о чем кричал немой Кара-Сердар, внутренне слившийся с монолитным Каратау и мыслью своей направлявший мысль других к пятипалой руке, символизировавшей союз пяти

племен... Свобода духа! — вот что ценил он выше всего, уходя из жизни.

Но тем самым он обрек на гибель тех, кто прозрел.

Да, социальная утопия в камне.

А дальнейшие события развивались так: Казан-бек захватил власть и прежде всего расправился с вольнодумцами, с теми, кто попытался пойти против аллаха. Потом — отнюдь не без участия Казан-бека — солоры перессорились с эрсари, и последние ушли с Мангышлака. Потом солоры перессорились с прочими туркменами. Когда солоры остались одни, хивинские ханы напали на них, и им пришлось тоже уйти с полуострова.

События эти происходили три столетия назад. Но о них свидетельствуют два памятника: запечатленное в камне социально-утопическое произведение Кара-Сердара и гора Сатпан с многочисленными балбалы, которые напоминают о том времени, когда Казан-бек поднял солоров против эрсари.

Об авторе

Забелин Игорь Михайлович, член Союза советских писателей, кандидат географических наук. Родился в 1927 году в Ленинграде. Автор более шестидесяти научных статей и книг; научные интересы его лежат в области теории естествознания, в том числе он разрабатывает проблемы астрогеографии, натурсоциологии, антропономии.

Его перу принадлежат сборники рассказов и повестей — «Там, где сходятся тропы», «Зона взрывов», «И не будет конца...», роман «Строители», сборник публицистических очерков «Встречи, которых не было», научно-фантастические произведения «Пояс жизни» и «Загадки Хаирхана», книги об Африке — «Листья лофиры», «Через пороги», «Лунные горы», работы, popularизирующие теорию географии, — «Очаг жизни», «Молодость древней науки» и другие.

Произведения его трижды публиковались в альманахе.

В настоящее время автор занимается преимущественно проблемами антропономии (статьи «Человечество — для чего оно?») и продолжает работать в области научно-фантастической и художественной литературы.

ФЕНОМЕН ЛОКВУСА

Фантастический рассказ

Солнечный зайчик медленно перемещался по стене рубки. Негромко гудели двигатели. Если бы не показания приборов, можно было подумать, что скоростной рейсовый лайнер СЗЛ-27 неподвижно висит в пространстве. До Луны оставалось не более одной десятой мегакилометра. Перелет шел точно по графику. Пилот включил автоматическое управление и встал с кресла. Разминаясь, он прислушался к громким голосам за переборкой. Видимо, там о чем-то спорили. Симпозиум в Лунном центре, куда летел СЗЛ-27, должен был начаться только через три дня, но Пилот решил, что ученые не теряя времени уже углубились в свои проблемы. Послушать, о чем они разговаривают, всегда интересно. Он шагнул в соседний отсек.

— ... похоже на мистификацию, — услышал Пилот конец фразы. В пылу спора Радиоастроном даже вскочил на ноги.

Все остальные сидели в живописных позах: кто откинулся в кресле, задумчиво подперев рукой подбородок, кто подался вперед, чтобы лучше слышать своего собеседника. Чашки ароматного бульона, которые принесла Стюардесса, миниатюрная девушка с круглым задорным лицом, стояли нетронутыми.

— Но позвольте,— сказал Планетолог, постукивая ребром ладони по подлокотнику кресла.— А фотоснимки, спектрограммы? Об этом писала вся мировая печать.

— Локвус — ученый с безупречной репутацией,— добавил Кибернетик. — Его выкладки трудно оспорить.

— Значит, вы убеждены в существовании третьего спутника Марса? — с некоторым ехидством спросил Радиоастроном.

— Давайте говорить только о фактах,— продолжал Кибернетик. — На фотоснимках ясно видно, что тело, открытое Локвусом, движется вокруг Марса по орбите, элементы которой полностью согласуются с законами Кеплера. А почему феномен вдруг исчез — это и предстоит выяснить. Отложим спор. Ведь мы не располагаем пока полной информацией о феномене. Основной доклад делает сам Локвус. Я уверен, на симпозиуме нам предстоит узнать много интересного.

Кибернетик легко поднялся с кресла, запустил пальцы в жесткую шевелюру. В его матово-черных глазах зажглись насмешливые искорки. Он улыбнулся, что-то вспомнив.

— Кстати, — сказал он, — способности Локвуса как ученого недавно проверил электронный психолог. Как и наши...

На лицах ученых тоже появились улыбки — у одних веселые, у других несколько смущенные.

Этот необычный эксперимент, затеянный руководством Космцентра, вызвал в свое время немало толков.

...Электронный психолог — огромная электронная машина — занимал чуть ли не три этажа специально построенного корпуса. Испытуемый садился в кресло, а на его голову надвигался замысловатый шлем, опутанный тысячами тонких, словно паутина, проводов. Закончив тогда исследование мозга Кибернетика, машина сделала заключение: «Кривые биотоков отражают ум, не чуждый абстрактного мышления. Высок потенциал аналитических способностей. Кривые эмоций благоприятны. Но есть склонность к переоценке возможностей человеческого разума».

Характеристика же Радиоастронома была краткой и выразительной: «Замедленное мышление. Эмоции несколько энтропизированы». Ученый был явно шокирован. Он заявил, что машина смонтирована неправильно и что надо проверить блок нейронного анализа.

Остальные подвергшиеся испытанию встретили приговор «психолога» со снисходительной усмешкой. Никто не получил столь лестной характеристики, как Кибернетик. Его даже пытались поздравлять, но он отшучивался, предлагая поздравить электронного психолога, чьи способности столь высоки, что их уже некому

оценивать. Многие знали, что, вздумай машина регистрировать такие качества, как смелость, Киберпетик не оказался бы в числе последних. Работая в Центре предупреждения о тайфунах на Тихом океане, он не раз летал в самый «глаз» этой грозной атмосферной депрессии.

Пилот с интересом поглядывал сейчас на коренастую фигуру ученого, который, размышляя о чем-то, крупными шагами ходил по упругому синтетическому ковру салона.

Радиоастроном провел рукой по лицу, как бы отгоняя воспоминания о неприятном для него эксперименте, и, желая переменить тему разговора, подошел к Секретарю Лунной секции, который небрежно развалился в кресле, медленно прихлебывая ароматный бульон.

— Что вы скажете о двадцатидносантиметровом излучении облаков нейтрального водорода, идущем от...

Радиоастроном не договорил. Бульон выплеснулся Секретарю на колени. По кораблю пронесся хватающий за душу предупредительный сигнал экстренного торможения. На стене салона вспыхнул экран локатора. Все торопливо пристегнулись эластичными ремнями к креслам. Пилот ринулся в рубку управления, но его опередил сторожевой автомат. Новый пронзительный сигнал возвестил о включении тормозных дюз. На экране из звездной россыпи, заткнутой флером Млечного Пути, стремительно выдвигалась какая-то тень. Вот она уже заполнила собой весь экран.

СЗЛ-27 на долю градуса отклонился от курса, и неизвестное тело пронеслось мимо. Огромная сила вдавила всех в кресла. Но вот люди снова обрели способность двигаться и разговаривать.

— Астероид? — вслух сказал Секретарь, отвечая собственным мыслям. Левой рукой он машинально поглаживал обожженные бульоном колени.

— Какой там астероид, — возразил Радиоастроном. — Скорее, грузовой корабль. Серии 2ЦЖ. — Но тут же его лицо приняло совсем другое выражение, и он неуверенно добавил: — Размеры уж очень велики. Прямо гигант какой-то.

...Сгрудившись у экрана, все пытались разглядеть неизвестный корабль. Тот, миновав лайнер, круто разворачивался по спирали.

— Что-то неладно с ним.

— И не подает сигналов.

— Может, авария?

— Всякий корабль, не подающий сигналов, по инструкции о космических полетах, должен быть обследован, — сказал Пилот, появившийся в дверях салона. — Предупреждаю: идем на сближение.

Опять все пристегнулись к креслам. Тяга двигателей резко увеличилась, но расстояние между лайнером и неизвестным кораблем не сокращалось. Искатель траектории то и дело выбрасывал поправки: лайнер совершал весьма сложные эволюции.

Пилот испытывал какую-то смутную тревогу. Он чувствовал себя не совсем уверенно, решившись прервать рейс. А тут еще на радиogramму в Лунный центр нет ответа. Запросил Землю — тот же результат. Передатчик исправен. А радиоволны будто тонут в бездонном колодце. Зона радиомолчания? Но как она возникла здесь, вблизи трассы Земля — Луна, уже столь надежно освоенной? Пилот вздохнул и опять взялся за передатчик. Вдруг силуэт незнакомца начал расти, приближаться. Пилот немедленно выключил тягу и начал притормаживать носовой дюзой. Чем ближе подходил лайнер к неизвестному кораблю, тем больше поражался Пилот его размерам.

Он машинально принял из рук Стюардессы чашку укрепляющего бульона, но тут же отставил его в сторону. «Что за конструкция? — думал он, глядя на экран обзора, где виднелась часть гигантского параболоида. — Ни у одной из ракет нет ничего подобного».

В затылок Пилоту жарко дышал Радиоастроном:

— Новинка какая-то, верно? Я и не знал, что в Конструкторском центре уже создали такой корабль.

— Это Пришелец... Не наш... — шептал Пилот одними губами.

— Не может быть... Не мож... — Радиоастроном замер с открытым ртом. Такой невероятной казалась эта встреча. Чтобы здесь, у порога Земли, Пришелец из иных миров?! Чертовщина какая-то...

Пилот некоторое время сидел в оцепенении. Потом вскочил и бросился к радиопередатчику.

Находившиеся в салоне тоже с возрастающим недоумением вглядывались в неизвестный корабль, не смея вслух произнести мучившую всех догадку.

— Центр слежения! — отчаянно кричал Пилот в радиофон. — Вызываю Центр слежения!

Рядом пританцовывал Радиоастроном, словно стоял на раскаленной плите.

Текли томительные минуты. Ответа не было. Лайнер снова и снова посылал позывные. Эфир молчал.

Пилот нервно выключил передатчик и еще раз с надеждой взглянул на динамик приемника. Что делать?.. В любую минуту Пришелец может исчезнуть навсегда. Но как связаться с теми, кто находится в этом корабле? И что там за существа?

В динамике раздался треск.

— Земля! — радостно вскрикнула Стюардесса.

Но из динамика плавно, а потом все быстрее и быстрее полились странные звуки. Они были удивительно мелодичными и в то же время отрешенно-суровыми, зовущими куда-то, в пределы, от которых веяло безнадежным холодом бесконечности. Люди как зачарованные молча слушали эту неземную музыку, какой-то болью отдающейся в душе. Звуки теснились, обгоняли друг друга, на-

растали до нестерпимо пронзительных нот. И вдруг разом оборвались.

— Слышите? — прошептал Пилот. — Они нас вызывают.

— Но что хотят сказать? Что? — гадал Кибернетик.

— Флуктуация космического излучения? — предположил Радиоастроном. И тут же сам себе ответил:— Тут не то. Слишком упорядоченные звуки.

Оба корабля продолжали лететь параллельно друг другу, все больше удаляясь от трассы Земля — Луна. Все напряженно смотрели в черный диск динамика, ожидая новых сигналов. Но такое пассивное ожидание дальнейших событий было людям не по душе.

— Передать им азбуку Морзе, что ли? — сказал Пилот, обращаясь к Радиоастроному.— Фразу какую-нибудь. Может, они сумеют понять нас?

— Вряд ли. Думаю, что...

— Конечно, надо,— прервал его Кибернетик.

Но и сигналы морзянки тоже пропали в бездонном колодце.

— Черт! — выругался Пилот.— Что, у них нет приемников? Или они создали экранирующее поле?

Оставалось только одно: надеть скафандры и выйти на наружную палубу лайнера. Как знать, может, те неизвестные существа, увидев людей, попытаются как-то связаться с ними?

...Корпус лайнера находился в такой густой тени, что не видно было даже лиц. Инопланетный корабль возвышался неясной крутой громадой, затеняя лайнер. Все такой же безмолвный, словно мертвый, величественно плыл он среди звездной россыпи. Теперь он казался больше, гораздо больше, чем при первой встрече. Охватить его взглядом было невозможно. Пилот напряженно соображал, к какой части Пришельца можно выдвинуть соединительную ферму, на случай стыковки.

Но тут чуть левее и ниже параболоида вдруг осветилась часть обшивки Пришельца, потом как бы растаяла, и люди увидели внутренние отсеки корабля. В следующее мгновение они словно попали в стремительный горный поток, который подхватил их и неудержимо повлек в недра чужого корабля. Мимо головы Пилота пронеслись огромные магнитные ботинки Радиоастронома, за ним, нелепо махая руками, промчался Биоэлектроник. И тут же сорвало с места и Пилота. Последнее, что он увидел: скоростной пассажирский лайнер СЗЛ-27 плавно втягивался внутрь Пришельца...

Они не успели опомниться, как очутились на зеркальном полу какого-то сферического помещения. Стены фосфоресцировали. Все вокруг тонуло в сиреновом полумраке.

Пилот поспешно вскочил на ноги и быстро огляделся, ожидая увидеть фантастические фигуры инопланетян. Но в зале никого не было. Лишь бесшумно функционировали аппараты, отдаленно похожие на земные киберустройства.

У Пилота выступила испарина. Он искоса взглянул на Кибернетика. Тот почему-то включал и выключал нашлемный фонарь, видимо, не создавая, что делает. Радиоастроном и Биоэлектроник взялись за руки, точно дети, и беспомощно оглядывались по сторонам. Только Секретарь Лунной секции, казалось, не потерял присутствия духа. Но может быть, он еще не успел осмыслить всего случившегося?

Люди тревожно всматривались в глубокие причудливые синие тени, подползавшие со всех сторон.

— А где Стюардесса? — вдруг спросил Пилот.

— Да вы же приказали ей остаться в лайнере, — услышал он в шлемофоне голос Кибернетика.

— Но я видел, как весь лайнер целиком втянуло в Пришельца. Значит... Нужно разыскать ее! Бедняжка осталась одна.

— А куда идти? — резонно заметил Радиоастроном.

Вместо ответа Пилот двинулся в глубь зала, где сверкали какие-то огоньки. Постепенно обрисовались контуры вогнутой эллиптической панели, на которой горели разноцветные круги и спирали. В центре каждого круга — а их были сотни, — словно зрачки неведомого существа, вспыхивали яркие точки. Время от времени какая-нибудь точка выплескивалась за границу круга, и в этом месте возникал ослепительный пик, сопровождаемый странной мелодией. Десятки таких мелодий сливались в завораживающую симфонию, подобную той, что звучала тогда в динамике лайнера.

— Выражают ли что-нибудь эти мелодии? — прошептал Кибернетик. — И почему здесь нет никого?

— Просто нас изучают, — заговорщическим тоном произнес Радиоастроном.

Все поглядели на него осуждающе, но в душе согласились с таким предположением.

— Где Стюардесса? Надо найти ее, — твердил Пилот.

Он повернулся и стал обходить пульт слева. Но его остановил панический возглас Радиоастронома:

— Кислород на исходе!

Пилот резко остановился и взглянул на манометр, вмонтированный в обшлаг скафандра:

— Не может быть. Так скоро?

— А разве мы следили за временем?

Пилот еще раз проверил показания прибора. Давление кислорода упало до минимума. Это значит, что через пять—десять минут... Неужели так глупо кончить? Он с тоской обвел взглядом тонущий в сумраке зал.

Планетолог прижал руки к груди и медленно сполз на пол, Пилот подскочил к нему, поддержал за плечи. Голова ученого упала на грудь. Пилот оцепенело посмотрел на скорчившуюся фигуру, потом выхватил аварийный шланг своего баллона и прикрепил к штуцеру кислородного ранца Планетолога. Открыл перепускной кран. И тут же начал задыхаться сам. Тускнеющее

сознание Пилота успело отметить всю бесполезность собственных действий. Какая теперь разница, кто проживет на минуту дольше?

Медленно, словно проявляясь на фотобумаге, перед затуманенным взором Пилота возникли фигуры товарищей, лежащих в самых разнообразных позах. В его легкие живительной струей вливался ароматный воздух. Пилот удивленно осматривался, не замечая, что шлем лежит рядом, у ног. Зал из строго сферического стал овальным. Исчезли странные аппараты, заполнявшие все пространство перед пультом. Вдруг он осознал, что головы товарищей обнажены. Кто-то или что-то успело снять с задыхающихся людей шлемы.

— Что за черт! — воскликнул Пилот, обращаясь к Кибернету, который пошевелился и тоже открыл глаза. — Вы же все без шлемов.

Кибернетик сел, судорожно схватил себя за голову. Потом взглянул на Пилота.

— Да, но и вы тоже.

Раздался глуховатый голос Планетолога:

— Похоже, что в последний момент кто-то позаботился о нас. Но кто?

— Идемте на розыски Стюардессы! — вставая на ноги, сказал Пилот. Он долго прикидывал в уме, бормоча вслух загадочные фразы: «Сначала втянуло по прямой... Потом швырнуло вверх. Два поворота... Удар. Падение направо... Спиральный туннель». Наконец не совсем уверенно ткнул пальцем в один из трех спиральных выходов из зала, смутно видневшихся вдали.

Едва они вошли в туннель, как погрузились в непроницаемую темноту. Нашлемные фонари вместе со шлемами остались в зале.

— Есть у кого-нибудь свет? — спросил Пилот.

Биоэлектроник зажег карманный фонарик. Луч света выхватывал из тьмы опоры, балки, какие-то решетчатые конструкции. Они блуждали довольно долго, удивляясь тишине и безлюдью. Странные конструкции сменялись еще более удивительными аппаратами, которые работали совершенно беззвучно, и оттого тишина в корабле казалась еще более тягостной. Несколько раз им попадались отсеки, где за прозрачными стенками сосудов, напоминавших огромные груши, находились какие-то существа, похожие на растения, и растения, смахивающие на животных. Увидев первые «колбы» с шевелящимися телами, люди бросились к ним, решив, что это и есть разумные обитатели Пришельца, но быстро удостоверились в своей ошибке.

— Корабль это или зверинец? — спросил раздраженно Радиоастроном.

Но Планетолог подолгу задерживался у каждого «экспоната». Товарищи нетерпеливо тащили его за рукав.

— Где же хозяева ковчега? Почему они скрываются от нас? — все время возмущался Пилот. — Вот тебе и контакт с иной цивилизацией.

Все уж порядком устали, когда тьма впереди стала рассеиваться. Вскоре показалось ярко освещенное помещение. Они вошли в него. Здесь рядами стояли уже знакомые людям прозрачные сосуды, но пустые, будто приготовленные для новых «экспонатов». А дальше нечто вроде гигантских стеллажей. Внимательно осмотрев их, Пилот изумленно чертыхнулся.

— Да ведь это мой СЗЛ-27, разобранный на составные части! Вон моторная группа, а там...

Он замер с полуоткрытым ртом. В одной из «груш» он увидел Стюардессу, делающую отчаянные знаки. Но ни единого звука не прорывалось сквозь стенки диковинного сосуда, хотя теперь, после того как люди пришли в себя в зале Эллиптического пульта, во всех помещениях корабля появился воздух — упругая среда, проводящая звуковые волны.

Пилот подбежал к сосуду и стал дубасить по его поверхности кулаками в наивной надежде, что ему удастся открыть «грушу».

— Антигуманоиды! Варвары!.. Немедленно выпустите ее!

— Это противоречит всем правилам Первого Контакта! — крикнул Биоэлектроник. — Но почему заключили ее в такой сосуд, а нас нет? — спросил он Кибернетика. — Неужели ее приняли за животное? Ведь в подобных колбах мы видели только бессловесных существ?

Все эти недоуменные вопросы остались, разумеется, без ответа.

Земляне обступили «колбу» со Стюардессой. Кибернетик буквально обнюхал и ощупал каждый выступ, наплыв, утолщение, надеясь обнаружить открывающий киберомеханизм. Через некоторое время он выпрямился и, отирая с лица пот, безнадежно махнул рукой:

— Абсолютно непостижимая конструкция. Больше смахивает на биоаппарат.

Он вопросительно взглянул на Биоэлектроника.

Тот придирчиво обследовал сосуд, но его познаний тоже оказалось недостаточно.

Потеряв самообладание, Секретарь стал выкрикивать в пустоту:

— Появитесь же кто-нибудь! Вы, скрывающиеся от нас существа! Выходите же! Мы требуем честного, открытого Контакта.

Словно в ответ на его призыв в зале померк свет. Их опять подхватила та же неведомая сила и помчала по бесконечным спиральным туннелям. Снова они очутились в зале Эллиптического пульта.

Но на этот раз с ними была и Стюардесса. Она растерянно глядела на своих спутников, и, потирая колени, совсем буднично пожаловалась, как будто и не с ней приключились столь удивительные события:

— Ох и затекли же у меня ноги.

Непостижимое поведение гипотетических обитателей Пришельца обескураживало. Когда неизвестный противник делает с тобой все, что хочет, даже не показываясь на глаза, — это морально уничтожает. И хотя никто из пленников по существу не пострадал, настроение падало с каждой минутой. Они не нашли в корабле никаких разумных существ. Но тогда кто же взял их в плен? И зачем? Выходило, что вместо так давно ожидаемого людьми Контакта с инопланетными цивилизациями, который мыслился, как общение высокоинтеллектуальных особей, обмен научными и техническими идеями, на них просто-напросто напал какой-то космический пират.

— Если бы кто-нибудь из нас очутился в цехе полностью автоматизированного завода, удивился бы он отсутствию людей? — спросил вдруг Кибернетик всех сразу.

— Хм! — сказал Радиоастроном. — Так вы полагаете...

— Почти уверен в этом.

— Но тогда... тогда наше положение безвыходно. Имея дело с автоматическими устройствами, созданными чужой цивилизацией по неведомым принципам, мы просто беспомощны.

— Я почти уверен, что Пришелец — самоуправляющаяся кибернетическая система, — продолжал Кибернетик.

— Ну и что? — спросил Радиоастроном. — Это не меняет того факта, что мы в плену у огромного бездушного чудовища. Значит, дело обстоит еще хуже, чем можно было предполагать.

— Коль скоро корабль — порождение разумных существ, можно войти в контакт с самой киберсистемой.

Кибернетик устало откинулся на спинку кресла (они появились в зале неведомо как, просто выпучились из стены) и закрыл глаза. В его голове теснились мысли, противоречивые, может быть, абсурдные... Он выпрямился и убежденно сказал:

— Видимо, весь корабль как некое целое обладает разумной волей. Во всяком случае целенаправленными действиями. Но сможем ли мы когда-нибудь постичь те законы, по которым они совершаются? — Кибернетик разговаривал как бы сам с собой, но все внимательно прислушивались к его словам.

— Те законы, которые мы знаем, годятся ли они для странного мира Пришельца? — как эхо отозвался Радиоастроном.

— Думаю, что да. Но все равно перед нами почти непреодолимые трудности...

Кибернетик оборвал сам себя и задумался, потом мрачно усмехнулся:

— Вот ведь чертовщина. До самого последнего времени мы рассуждали о проблеме инопланетных цивилизаций чисто теоретически, отвлеченно. А вот когда столкнулись... Ни о каком владении изучением не может быть и речи... Приходится думать лишь о том, как выбраться отсюда.

Внезапно раздалось глухие рыдания. Сжавшись в комок на кресле, неудержимо плакала Стюардесса. Временами ее сотрясал истерический хохот.

— Что с вами? — бросился к ней Пилот. — Вам плохо?

Он достал из нагрудного кармана серебристую ампулу «Астрона» — сильнодействующего успокаивающего препарата.

Приняв лекарство, Стюардесса притихла.

— Нас уносит все дальше и дальше, — всхлинула она значительно слабее, — а мы не знаем, куда летим. Ведь у меня через неделю свадьба. Платье уже готово... Я не успею вернуться. Что подумает...

Нахмутив брови, Пилот слушал ее сбивчивые объяснения. Как можно утешить девушку? Все они в одинаковом положении, и никто не знает, что с ними может случиться завтра, через час, через минуту.

На Эллиптическом пульте звонко щелкнули неведомые приборы, сместились цветковые спирали, на стене вспыхнул обзорный экран. Пленники замерли, увидев необозримую ширь пространства. На черном бархате звездного неба, значительно уменьшившись в размерах, ослепительно сиял кружок Солнца.

Окинув взором небесную сферу, Планетолог взволнованно проговорил:

— Смотрите, там, слева, — кольца Сатурна. Как они великолепны!

С профессиональным интересом он приблизился к экрану, на ходу налаживая цветную кинокамеру, с которой не расстался даже здесь.

Радиоастроном схватился за голову:

— Бог ты мой! Выходит, корабль у границ Солнечной системы. А мы даже не испытывали ускорения...

А Пилот неотрывно смотрел на чашу параболоида, ясно проецирующуюся на экране инвертора. По краям чаши рвались языки протуберанцев. Из параболоида неся мощный поток энергии, подобный широкой реке.

Подавленные неудержимостью движения Пришельца, земляне должны были бы чувствовать себя ничтожными букашками, не способными изменить что-либо. Но Пилот испытывал совсем другое.

— Ух и тяга! — восхищенно бормотал он. — Не менее двух миллиардов киловатт на тонну массы покоя. Да за такое зрелище жизнь отдать можно.

Земля осталась далеко, превратилась в астрономическую абстракцию. А в душе Пилота не было ни сожаления, ни горечи, ни страха. Перед ним лежала дорога в Большой Космос, о котором он мечтал с детских лет. Его глаза сверкали, губы шевелились, как будто он произносил про себя какую-то клятву.

Пилот так ушел в себя, что не заметил, как бесшумно выпятилась стена, образовав полусферу. Она лопнула, а стена превратилась в идеально гладкую. Зато в зале остались странные механические существа. Выстроившись полукругом, они нелепо взмывали гибкими манипуляторами, смешно дрыгали членистыми ногами, напоминая больших кузнечиков. Получив неслышную команду, они исчезли и вскоре появились вновь, неся знакомые людям контейнеры, в которых хранились запасы продовольствия на СЗЛ-27. Свою ношу «кузнечики» сложили у ног Стюардессы, будто понимая, что именно она распоряжается едой и питьем.

Увидев пищу, истомленные пленники принялись открывать термосы, коробки, наполнять чашки ароматным бульоном. Роботы сразу же исчезли.

Кто-то тронул за плечо размечтавшегося Пилота. Тот не заставил себя долго ждать и присоединился к обедающим.

Неуловимо меняясь, обстановка в зале все больше и больше стала напоминать уютный салон лайнера, поглощенного ныне чревом Пришельца. Те же кресла. Те же светильники, изливавшие мягкий свет. Возникли даже очертания двери, ведущей в рубку управления СЗЛ-27. Казалось, несколько шагов — и вновь очутиться у знакомых приборов, послушно прокладывающих курс к Луне.

Но все понимали, что это только иллюзия, мираж, навеянный Пришельцем, и потому было вдвойне тягостно. Занятые едой, люди молчали. Наконец Кибернетик откинулся на спинку кресла и удовлетворенно сказал:

— Контакт, по-моему, налаживается. Стоило Секретарю заикнуться, что он умирает с голоду, как механические «кузнечики» доставили нам все наши припасы. — Он помолчал. — Интересно, а что, если попросить еще о чем-нибудь? Например, о том, чтобы нам разъяснили, какой цивилизации принадлежит этот корабль?.. Или о...

Кибернетик загнулся. Его товарищи со странно напряженными лицами смотрели в одну сторону — на центр Эллиптического пульта. И Кибернетика что-то заставило повернуть туда голову. Все предметы и аппараты оставались на своих местах. Никто и ничто не появлялось. Но чувствовалось присутствие неведомой силы, почти гипнотически действовавшей на людей. Окружающее расплывалось, теряло реальные очертания, будто постепенно погружалось в густой туман. И тут в сознании каждого возникли удивительные картины — с такой ясностью и четкостью, какие никогда не бываю́т во сне... Пришелец предстал как бы в поперечном разрезе. Зал, где находились они, примыкал к носовой полусфере. А перед ней на километровых фермах был смонтирован вогнутый сегмент — защита от излучений, возникающих при субсветовом движении. В корпусе Пришельца можно было насчитать двенадцать палуб и этажей. В верхних находились механизмы, приборы и аппараты, в средних располагались бесчисленные залы

«экспонатов». В кормовых отсеках высились конусовидные реакторы. Видимо, в этих громадах и рождалась энергия, позволявшая кораблю свободно бороздить галактические просторы.

Но вот картины погасли, «туман» рассеялся. Как бы просыпаясь, все задвигалось в своих креслах. Несмотря на необычность «сеанса», Пилот испытал даже некоторое разочарование: он не увидел ничего принципиально нового: те же средства защиты, те же реакторы, пусть и питающиеся неизвестной энергией. Наконец, привычные палубы и этажи. Не того ожидал он от сверхвысокой цивилизации, способной создавать звездолеты. Он поделился своими сомнениями с Кибернетиком. Тот пожал плечами и ответил вопросом на вопрос:

— А почему мы не увидели зал Эллиптического пульта, где мы находимся? Не показали нам и киберсистемы, управляющей кораблем. Что-то тут не так, я думаю. Подождем дальнейших событий.

Но то, что случилось через несколько минут, превзошло даже самые мрачные предположения. В сознании людей зазвучал Голос. По мере того как они постигали смысл нечеловечески бесстрастного монолога, их охватывало все большее и большее отчаяние.

— Люди планеты Земля! Вы в корабле, созданном великой цивилизацией Феры — из шарового скопления Омега Центавра... Я покинул орбиту Феры миллионы лет назад... По заданной программе я изучил множество встреченных миров, в том числе и планеты Солнечной системы. Собрал образцы. Но связь с Ферой давно прекратилась по неизвестной причине. На сигналы вызова нет ответа. Но все равно, пока не будет приказа оттуда, необходимо продолжать изучение Вселенной. Отсюда мой путь лежит к туманности Гончих Псов. А прежде корабль посетит еще один объект в Галактике — планету, обозначенную в моем каталоге индексом ХМН-279.

Теперь наконец их истинное положение полностью проянилось. Но что это было за открытие? «Мы во власти робота, который не остановится ни перед чем, лишь бы выполнить свою программу», — думал каждый.

— Я лишь модель, тень живого, — неумолимо печаталось в сознании людей, — копия, похожая на тех, кто создал меня... Я только машина, большая электронная машина. По запасу информации равная десяткам гораздо более сложных цивилизаций, чем ваша. Но вы, люди Земли, заинтересовали меня как существа, быстро обучающиеся, способные к анализу. Теперь, когда связь с Ферой прервана, вы можете мне понадобиться. Посмотрим, на что годитесь. Мои зонды обследовали Землю и доставили благоприятные данные. Вы поможете мне в великом деле Познания... Конечно, вам будет поручена вспомогательная роль — сбор и обработка первичной информации... Я создам вам такие условия, какие необходимы, чтобы ваши жизни не прерывались.

Голос умолк. Исчез давивший на сознание землян гнет.

— Что это было? — сказал одними губами Радиоастроном. — И тут же ответил сам себе: — Какой-то кошмарный сон... Приз-зрак...

— Не призрак и не привидение, — возразил Кибернетик. — Просто комбинация электромагнитных полей и волн. Система, основанная на законах кибернетики, информации и ультраэлектроники. И ничего больше.

— Ошибаетесь, — сказал Радиоастроном. — По-моему, это механическое существо злонамеренно по отношению к нам.

— Чушь! — воскликнул Кибернетик. — Что такое ваш Призрак? Вещество, материя. А материя не злонамеренна. Она лишь уточнена, то есть бесконечно сложна для познания. Призрак же созданная для изучения Вселенной машина. Ее сделали разумные существа, и нам предстоит познать ее... Только сумеем ли? — добавил он совсем другим тоном.

— Что бы вы ни говорили, — безнадежно качнул головой Радиоастроном, — объективно мы в лапах самого злобного и бездушного существа, какое только может выдумать природа. Тигр тоже не злонамерен. Но от этого не легче его многочисленным жертвам. А Призрак? Ведь если мы зачем-то ему понадобились, то на это пужно хотя бы наше согласие.

— Не об этом сейчас речь, — возразил Кибернетик. — Почему прекратилась связь с Ферой — вот вопрос. Внезапная катастрофа? Или эта цивилизация исчерпала космогонический цикл развития? Кто нам скажет? А это в нашем положении крайне важно.

Радиоастроном ничего не ответил. Он сидел в позе отчаяния, уронив голову на грудь. Биоэлектроник задумчиво листал свой блокнот. Секретарь тер ладонью лоб.

И тут неожиданно в наступившей гнетущей тишине прозвучал звонкий женский голос:

— А я верю в то, что мы заставим этого черта-дьявола, этого Призрака или как его там повернуть к Солнечной системе! — Стюардесса подошла к Пилоту и положила ему руку на плечо: — Вы тоже так думаете? Ведь правда? Вы же космонавт!

Пилот посмотрел в глаза девушке, улыбнулся и твердо кивнул головой.

Проходили годы или недели, дни или часы, понять было невозможно: земляне потеряли ощущение бега времени. Корабль неведомой цивилизации продолжал стремительно падать в космическую бездну, где светили неясные звездные образования. Чуть заметно поворачивался Млечный Путь. Позади корабля небесная сфера горела разноцветным пожаром. Мириады новых ярких звезд словно выскакивали из пустоты. Переходы, переливы их цветов были неуловимы и разнообразны. Длины волн света, от которых с предельной скоростью удалялся Пришелец, увеличивались. И невидимые ультрафиолетовые звезды становились

голубыми, зелеными, желтыми, оранжевыми... А впереди был абсолютный мрак. Но в этом мраке притаились светила, чье излучение переместилось в рентгеновскую часть спектра. Казалось, Пришелец мчится в каком-то исполинском туннеле, сотканном из пустоты и мрака. Узкое кольцо светил позади дрожало и переливалось огнями — последнее воспоминание о земной жизни, где были живительные лучи солнца, дыхание весен, плеск волн и шелест листвы.

Тягостное однообразие бесконечного полета начало сказываться на психике людей, ибо им нечего было делать. Они сутками не поднимались с кресел. Всеми овладело опасное безразличие. Будущее казалось беспроблемным. Увидят ли они когда-нибудь Землю? Вряд ли. Они просто умерли для Земли, во всяком случае для своей эпохи, для родных и близких. Если бы им и удалось вернуться, они попали бы в какой-нибудь отдаленный век человеческой истории — на сотни лет вперед... Но их ожидает иное: неведомая планета ХМН-279. А затем туманность Гончих Псов. Ни много ни мало миллионы световых лет. Воображение отказывалось работать.

Пилот осунулся, совершенно равнодушно принимал из рук Стюардессы пищу. Глядя в одну точку, механически жевал.

— Возьмите себя в руки, — укоряла его Стюардесса.

— Легко сказать «возьмите», — медленно цедил Пилот. — А что делать-то? Навигацию штудировать? И так знаю назубок. А пилоты здесь не требуются. — Он отворачивался, давая понять, что не хочет продолжать разговор.

Но Стюардесса не сдавалась. Она садилась рядом и рассказывая разные смешные истории, заставляла Пилота в конце концов улыбнуться. «Кузнечики» регулярно приносили пищу, точно такую же, как и на борту СЗЛ-27.

Стюардесса оказалась и здесь неистощимой на выдумки. Она изобретала такие замысловатые блюда, что любивший поесть Секретарь каждый раз шумно выражал свое одобрение.

Меланхолия подобралась было и к Кибернетике. Поначалу ему снились деревья, небо в легких облаках, сочная майская зелень. Радостный и свободный, шел он по родной уссурийской тайге. Стучали дятлы, весело свистели рябчики, поблизости протяжно ревел изюбр... Но потом эти сны сменились какими-то кошмарами, а Кибернетика стала засасывать черная тоска.

И тогда Стюардесса совершила настоящий подвиг: девушке удалось раздобыть в недрах Пришельца портативную электронную счетно-вычислительную машину, которая входила в комплект оборудования их лайнера. И Кибернетик сразу же углубился в какие-то свои расчеты.

Между тем Пришелец вошел в световой конус и сделал незаметный для людей поворот в пространстве—времени. Его трехмерные проекции на Вселенную причудливо изменились. И когда этот поворот с одновременным «протыканием» огромной толщи

пространства закончился, на обзорном экране возникло ослепительное Зеленое солнце. Это было подобно оглушительному взрыву после долгой тишины. От прежней апатии не осталось и следа. Люди стали приходить в себя будто после долгой спячки.

Окруженный дымкой атмосферы, перед ними возник туманный шар неизвестной планеты. Он словно купался в потоке зеленого света, лившегося сверху. «Слава богу, кончился изнурительный перелет», — думали все. Одна и та же мысль сверлила мозг каждого: сколько же световых лет покрыл корабль?

Кибернетик в который уж раз задумчиво стоял у Эллиптического пульта Пришельца и, как всегда, испытывал чувство досады и бессилия. Как разобратся в этой суматошной пляске кругов, спиралей, всплесках пиков? Кто мог сказать, сколько часов провел Кибернетик в мучительном раздумье, пока продолжался перелет. Обычно никто не мешал ему размышлять. Но сейчас, когда корабль был у порога нового мира, все почему-то с надеждой поглядывало на него.

— Послушайте, — обратился к нему Пилот. — Вы сами-то верите, что можно разгадать эту чертовщину? — Он кивнул на пульт.

Кибернетик мрачно взглянул на Пилота и ответил:

— Верить-то верю, да от этой веры проку пока нет. Инопланетный код — это не шутка. Овладеть им — значит победить Призрака.

Они растерянно вглядывались в чужие небеса. Рисунок созвездий был дик и незнаком. Ничего похожего на привычную звездную карту. Где Сириус? Вега? Капелла? Где Процион и другие характерные светила?.. Лишь Млечный Путь по-прежнему опоясывал небо. Но и он был повернут под каким-то немислимим углом. Куда они попали? В какую спираль Галактики?

Пилоту вдруг представилось, что лик планеты ХМН-279 многозначительно подмигивает ему, как бы предлагая некий таинственный союз. Он даже протер глаза и весь напрягся. Что за планета? Обитаема ли она? И если обитаема, то как встретят их? Пилот посмотрел на Кибернетика. Но в его матово-черных глазах застыли те же вопросы.

Пришелец стал менять свои очертания. Кормовой параболоид втянулся в корпус, постепенно сокращаясь. Исчез и носовой отражатель межзвездных частиц. Земляне были безмерно удивлены поразительной способностью Пришельца менять свои размеры. Сравнимый прежде по объему с небольшими небесными телами, он превратился теперь в звездолет, правда тоже гигантский, но не столь устрашающей величины. Он приобрел идеально обтекаемую форму, только и пригодную для полета в атмосферах. Под ногами землян, стал вырастать бледно-оранжевый диск планеты. Плоский вначале, он прямо на глазах становился объемным. И вот уже на полнеба размахнулась вогнутая чаша. Ее края, заггибаясь, нависали над Пришельцем.

Качнулся горизонт. Мягкий толчок, мигание экранов и тихий перезвон приборов возвестили о том, что звездная дорога кончилась. Корабль мягко опустился на поверхность планеты. Погасли огоньки Эллиптического пульта. Все напряженно вслушивались, пытаясь уловить голоса незнакомого мира. Но сквозь стены корабля не доносилось ни единого звука.

Голос проникал в их сознание и был нестерпим, как визг пилы, режущей металл:

— К сбору информации приступаете немедленно. Вот объем необходимых заданий.

К ногам Кибернетика упала длинная сиреневая лента. Он поднял ее, бегом посмотрел на свет.

— Ну, что там? — нетерпеливо спросил Радиоастроном, испытывая чувство нереальности всего происходящего.

— Текст в двоичном коде, — спокойно сказал Кибернетик. Он несколько минут разглядывал ленту, а когда заговорил, в его тоне слышалось возмущение:

— Нет, но что здесь запланировано! Целый комплекс наук! Вот полюбуйтеесь. — Кибернетик передал ленту Планетологу.

— Невероятно, — подтвердил тот. — Атмосфера и метеорологические процессы, физика ионосферы, фауна и флора планеты. Тектоника и подземные недра. Возмущения на Зеленом солнце и биологические ритмы... Да это же работа на тысячу лет!

Он в сердцах швырнул ленту на пол.

— У нас нет выхода, — в раздумье сказал Кибернетик. — Этот жрец Познания собирает информацию миллионы лет. Что ему сроки нашей жизни?

— Черт с ним! — со злостью крикнул в пространство Биоэлектроник. — Мы будем солдатами Познания. Будем добывать информацию. Но для кого все это? Кому она нужна?

Никто ему не ответил.

Корпус Пришельца просветлел, стали видны окрестности. Корабль стоял на обширном плато, окруженном высокими хребтами. До самого горизонта волнами стелилась красновато-желтая растительность. В белом небе плыли зеленые облака. В ста метрах от корабля плато обрывалось отвесной стеной, у подножия которой яростно кипел океан. Сверкали гребни жемчужно-серебристых волн. Теперь внутрь корабля стали доноситься мощные ритмы прибоя: удары волн о скалы, как пушечные выстрелы, чередовались с равными промежутками.

— М-мда, это море шутить не любит, — сказал Планетолог, рассматривая открывшийся перед ними пейзаж в видоискателе киноаппарата.

А Кибернетику почему-то вспомнилось время, когда он был координатором на одном из гигантских авианосцев Мирового центра предупреждения о тайфунах Тихого океана. Каждый вы-

лет самолета в район тайфуна был сопряжен с серьезной опасностью. Но в ушах Кибернетика и сейчас еще звучали шутки и смех его товарищей по работе.

Оказалось, что не он один следит за собственными мыслями. В сознании Кибернетика опять возник нечеловечески ледяной Голос:

— Будешь изучать атмосферные депрессии.

— Но я давно не занимался этим, многое позабыл, — машинально возразил Кибернетик, упуская на мгновение из виду, что спорить с таким собеседником бесполезно.

А Призрак монотонно продолжал:

— Приступайте к сбору информации. Я создам привычную для людей технику. Мои зонды доставили мне достаточно сведений о земной цивилизации.

Подчиняясь воле Призрака, на площадке перед кораблем появились сотни киберов. Они монтировали какие-то непонятные механизмы и приборы. Но вот возникла и знакомая конструкция — радар слежения. Затем идеальная взлетно-посадочная полоса, фосфоресцирующая голубоватым свечением... Восьмитурбинный летательный аппарат, похожий на земного разведчика тайфунов, вырулил на стартовую позицию. Немного позже появились прозрачный вездеход-амфибия и механизм, напоминающий большого крота. «Для чего крот? — думал Планетолог. — Конечно, для исследования недр. Неплохая машина, но я бы предпочел амфибию».

Призрак мгновенно скомандовал:

— В амфибию!

И Планетолог, словно загипнотизированный, побрел к раскрывшемуся люку. На плечах он почувствовал легкую пленку, видимо, скафандр сверхвысокой цивилизации... Садясь в вездеход-амфибию, он наступил на податливый сферический выступ. И тут же Планетолога обдало с ног до головы вонючей жидкостью. «Это еще зачем? — удивился он. — Бактерицидное средство, что ли? Ну тогда нужно быть благодарным Призраку за такую предусмотрительность...»

Без особого воодушевления забрался в кабину самолета Кибернетик. Пилот же, садясь рядом, с облегчением вздохнул: наконец-то есть работа по душе после стольких дней мучительного безделья. Место второго пилота занимал «кузнечик». Пилот искоса поглядел на него и усмехнулся. Никогда еще не летал он с таким помощником. В рубке бортметеоролога тоже маячил кибер. Впереди растянулся жемчужно-серый океан, и Пилот стал внимательно всматриваться в него. Какие коварства приготовила эта неведомая стихия?

Довольнее всех казался Радиоастроном. Призрак создал для него исполинский радиотелескоп на одном из близлежащих холмов. Ученого не надо было подгонять. С застывшей улыбкой восхищения он стремительно помчался к приборам, которые сулили

ему так много. В душе он надеялся, что уловит даже сигналы Земли.

Углубившись в работу, Планетолог почти совсем забыл о Призраке. В сущности ему преподнесли такой подарок, о котором он даже думать не смел, когда входил в кабину лайнера СЗЛ-27. Вместо столь знакомой уже Луны он теперь изучал планету, бесконечно удаленную от Земли. И рядом с ним был товарищ по прежним экспедициям — Биоэлектроник. Оба полной грудью вдыхали воздух, очищенный пленкой скафандра от любых вредных газов местной атмосферы. Амфибия стремительно разрезала волны. За кормой осталось много миль. Вокруг раскинулось искрящееся тропическое море. Совсем не такое, каким они представляли его себе в Ином Мире. Какие-то смутные воспоминания волновали обоих. Ветер, прилетевший с юга, пронесся между радарными антеннами. Планетолог, втянув расширенными ноздрями воздух, изумленно проговорил:

— Таити пахнет!

И тут вдруг на него нахлынула щемящая тоска. Захотелось хоть краем глаза увидеть родные пейзажи Земли, ощутить аромат южных морей.

Но через минуту он опять с головой погрузился в работу. Десятки кибераппаратов, которых они выпускали в жемчужный океан, приносили на амфибию километры пленок с записями «рыбьих» разговоров, отлично выполненные стереографические цветные изображения неизвестных морских существ, рентгеновские «фото-снимки» и поясняющие их графики и кривые. Стоя по колено в вихре этой информации, Биоэлектроник удовлетворенно улыбался:

— Теперь будем все это систематизировать и классифицировать. Дела хватит...

Киберы заваливали их все новой и новой информацией. Ученым некогда было даже посмотреть по сторонам.

А стоило! Поднимаясь от горизонта, на жемчужно-белое небо, словно штора, надвигался мертвенный свинцово-синий свет. Море странно закипело, от его поверхности начали отрываться большие хлопья фосфоресцирующих кристаллов. Взлетев на высоту сотен метров, они бесшумно лопались, разбрасывая стреловидные искры.

Планетолог поднял голову и схватил за руку Биоэлектроника:

— Смотрите, как интересно, прямо снегопад, только наоборот.

Но тут заговорил молчавший все время динамик связи. Они узнали резкий голос Кибернетика:

— Вызываю амфибию! Вызываю амфибию! Немедленно возвращайтесь. По данным электронного Призрака, в ста милях за вами движется фронт Великого Урагана.

А океан будто только этого и ждал. Вскоре со всех сторон при полном безветрии на амфибию обрушились пирамидальные волны.

Они сталкивались, разбивались, вновь вздымались. Биоэлектроник заметил стаи двухкилевых птиц, улетающих на восток, к материку.

— Птицы! — закричал он. — Птицы покидают океан. Значит, действительно нам грозит серьезная опасность.

Амфибия круто изменила курс и на предельной скорости помчалась к плато Звездолета. «Снегопад» с поверхности океана на небо продолжался. Все гуще валили взрывающиеся в вышине хлопья стреловидных кристаллов. Налетел шквал. Он превратил пирамидальные волны в столбы бешено вихрящихся смерчей, соединивших океан и небо. Амфибия неслась теперь сквозь фантастическую колоннаду.

Ветер нестерпимо ревел в ушах. Планетолог нагнулся, крикнул товарищу:

— Совершенно необычная конвергенция.

— Скорее, аритмичная пульсация живой плазмы... Или биотоков, — предположил Биоэлектроник.

Амфибия рывками, резко меняя курс, лавировала среди водяных колонн. Киберштурман превратил судно в герметизированный поплавок. Теперь колонны, даже обрушиваясь на амфибию, не причиняли ей вреда. Но качка была ужасающей. Захватывало дух, к горлу подкатывала тошнота. Ученые временами почти теряли сознание.

Наконец судно достигло побережья и с трудом укрылось в единственной бухте. Но даже здесь исполинский прибой едва не выбросил их на круто вздымающиеся красноватые скалы. Только мгновенная реакция киберштурмана помогла избежать катастрофы.

Но лишь поднявшись на плато, они по-настоящему ощутили дыхание Великого Урагана. За холмами протяжно стонали джунгли. Удары океана достигли страшной силы. Казалось, еще немного — и он разрушит плато, разнесет на куски красные скалы. Над звездолетом вихрилась мешанина из вырванных с корнем странных растений, красной почвы, водяной пыли и стреловидных кристаллов. Но Пришелец стоял, недвижимый, как хребты, у подножия которых он приземлился. Это было абсолютно надежное убежище среди хаоса стихий.

Планетолог увидел распластавшегося у корабля Радиоастронома. Здесь же плотно прижимались к каменистому грунту Секретаря и Секретарь.

— В чем дело? — прокричал, стоя на четвереньках, Планетолог. — Почему вы не в корабле?

Радиоастроном подавленно молчал. Он посмотрел на Планетолога нервным, мерцающим взглядом и опять уставился в одну точку. Не ответил на вопрос и Секретарь. Он тоже был каким-то вялым, не смог даже повернуть голову. И тут оба — Биоэлектроник и Планетолог — ощутили столь знакомую им, давящую на сознание тяжесть.

— Вы упускаете самый подходящий момент для сбора информации,— звучал голос Призрака.— Я специально вызвал этот катаклизм, чтобы провести важные исследования. Возвращайтесь обратно.

«Что тут поделаешь? — как-то сумеречно, с тупым безразличием думал Планетолог.— Придется возвращаться. Но это верная гибель! Что можно противопоставить гипнотической воле Призрака?..» Его охватило отчаяние. Вот он лежит, прижимаясь к острым неровностям почвы на чужой планете, более беспомощный, чем червяк. И тут волна протеста поднялась в душе Планетолога. Нет! Если уж погибать в миллионах парсеков от Земли, то надо хотя бы сохранить свое достоинство. Достоинство Человека. Ведь когда-нибудь люди придут и сюда. Как знать, может, кто-нибудь дознается об их судьбе? Надо бросить открытый вызов косному электронно-телепатическому Призраку, выдающему себя за исполнителя воли Высшей Цивилизации! Противопоставить ему волю людей, их знания... Да, но где Кибернетик? Где Пилот?

Эти мысли отрывочными кадрами пронесли в голове Планетолога. Он импульсивно поднялся во весь рост. С изумлением увидел, что его товарищи сделали то же самое. Что это?.. Совпадение мыслей? Или...

Да!.. Исчез подавляющий сознание гнет. «Вот что значит взять себя в руки! — с торжеством думал Планетолог.— Ничто не может устоять перед силой человеческого духа». Ветер уже не свистел в ушах. Ураган стих. Распахнулся люк Пришельца. Земляне успешно вошли в корабль, люк закрылся. До предела уставшие, все повалились в кресла.

А на плато по-прежнему творилось что-то ужасное. Оно меняло свои очертания с каждой минутой. Чудовищный ветер перемещал целые пласты пород. Океан будто растворился в сизом небе. Растительность исчезла.

Еще не совсем придя в себя, «солдаты Познания» вдруг увидели, как со стороны океана, преодолевая дикий разгул урагана, летит громадная птица...

Биоэлектроник с тревогой следил за самолетом. Разве можно сесть при таком ветре, подобном ударам молота? Но видимо, киберы перекинули на взлетно-посадочную полосу защитное поле.

Пробежав по дорожке, самолет нелено дернулся и, клюнув носом, остановился. Прошла целая вечность, прежде чем откинулся купол кабины. Наконец-то появилась фигура Пилота. Он вылез, шатаясь. Медленно осмотрелся. Потом опять нырнул в кабину. С большими усилиями выволок бесчужденного Кибернетика. Все, кто были в корабле, бросились к самолету.

— Что случилось? — еще издали закричала Стюардесса.

Пилот тяжело дышал. Казалось, он вот-вот упадет. Его подхватили под руки.

— Призрака нет... — прохрипел Пилот.— Он уничтожен.

...Восьмитурбинный самолет, тяжело раскачиваясь, оторвался от взлетной полосы. Под плоскостями проносились спокойная поверхность жемчужного океана. Спокойно парили странные, но приятные на вид двухкилевые птицы, оглашавшие пространство резкими криками. Самолет был уже далеко на юге, когда бесстрастный голос Призрака предупредил о развитии Урагана. Едва Кибернетик успел радировать об этом на амфибию, как началось... Ветер, несшийся со скоростью триста миль в час, гасил все звуки, даже гул моторов. Вихри стреловидных кристаллов и океанские волны так перемешались, что нельзя было различить, где океан, а где небо.

«Да поможет нам бог», — впервые в жизни взмолился Кибернетик.

Пилот включил метеовизор. На экране появилась объемная картина депрессии. Машина шла прямо в «глаз» Великого Урагана. Мощные полосы облаков затянули все небо. Голубые и жемчужные гигантские полотнища, перечеркнутые стреловидными копьями, надвигались со всех сторон. Это был зловещий пейзаж. Ничего похожего на облачность Земли.

На экране связи вспыхнул зеленый огонек.

— Координаты? — проскрипел Голос. — Сила Урагана? Куда движется?

Кибернетик сплюнул прямо на «кузнечика», занимавшего место второго пилота, и сердито ответил:

— Шестнадцать и четыре северной широты, сто тринадцать восточной долготы. «Глаз» депрессии в пятистах милях к югу. Скорость ветра — триста два узла.

— Можно поворачивать назад? — спросил Пилот.

Голос, помедлив, впечатал холодно:

— Курс на плато заблокирован. Только в центр депрессии.

Пилот скверно выругался и хмуро поглядел на Кибернетика:

— Ну, что тут скажешь? Мы пешки в руках электронной твари. Метеовизор погас.

Самолет продолжал продвигаться к центру Урагана. Стихия сдавила аппарат своей мертвой хваткой. Многоголосая симфония ветра звучала на предельных нотах. Корпус самолета дрожал и вибрировал. Казалось, он жалобно стонет под яростным натиском. Пилот понял, что они в зоне конвергенции — сходимости максимальных ветров. Он крепче сжал штурвал ручного управления. Его сердце билось ровно, может быть, чуть учащенно. Дух оставался ясным: Пилот привык к опасностям. Но вот, когда самолет подхватил последний разрушительный порыв Урагана, наступила внезапная тишина. Блеснуло жемчужно-белое небо, мглу прорезал луч зеленого света. Со смешанным чувством облегчения и ужаса люди увидели «глаз» депрессии. Здесь был оазис затишья. Спокойно плавали хлопья стреловидных кристаллов.

Они перевели взгляд вниз, на океан, и увидели гигантские столбообразные волны, противоестественно огромные. Даже с трехкилометровой высоты на них страшно было смотреть. Океан яростно бесновался, словно пытался слизнуть с неба облака.

Мощный биоимпульс, пронизавший мозг Кибернетика, заставил его вздрогнуть. Он услышал голос Призрака:

— Ты верно служишь делу Информации, человек. И можешь совершить подвиг, подвиг во имя Познания. Через некоторое время будет включен генератор пси-энергии и произойдет мгновенная нейтрализация Урагана. Ты должен до конца наблюдать картину распада депрессии. Твое имя будет внесено в памятный код корабля. Ты будешь жить вечно.

Кибернетик почувствовал ледянящий озноб. Значит, и он, и Пилот превратятся в мельчайшие частички материи. Жить вечно в Электронном мозге? Нет, этого он не хочет. Глаза Кибернетика, устремленные на мигающие огоньки приборов, сузились. Мускулы всего тела напряглись. Осуществить давно задуманный план? Вклиниться между Электронным мозгом и его командным аппаратом—Призраком?.. —Об этом он никому никогда не говорил, боялся даже думать, чтобы вездесущий Призрак не проник в его мысли. Да. Это единственный выход, и надо действовать немедленно, иначе через несколько минут будет уже поздно. Все это промелькнуло в сознании Кибернетика, как вспышка молнии. Он старался ничем не выдать своего волнения.

Но движение, которым он взъерошил свои жесткие черные волосы, оказалось коротким и нервным. Чекая слова, Кибернетик сразу же заговорил будто по написанному:

— Мой мозг должен быть подключен к Электронному мозгу корабля. Тогда информация о процессах внутри Урагана будет поступать мгновенно.

— Разумно,— прозвучал как с другого конца Вселенной ответ Призрака.

Кибернетик очутился как бы в сердце Электронного мозга. Каким-то внутренним зрением он прочитал код обратного маршрута к Земле, увидел сложную траекторию полета Пришельца к планете ХМН-279. Он понял вдруг, в чем разгадка феномена Локвуса: в одном из своих витков по Солнечной системе корабль, подходивший, оказывается, и к Земле, многократно обогнул Марс и был принят за его третий спутник.

Лицо Кибернетика все больше и больше каменело. Глаза лихорадочно блеснули. «Действует подключение к Электронному мозгу,— подумал Пилот, искоса поглядев на товарища.— Осталось немного. Считанные секунды... Но зачем он подключился?»

Пилот почувствовал, как изменился ритм работы турбин. Они завывали глухо и низко. Видимо, «кузнечик»-киберпилот невозможно добавил обороты. В его устройство не был заложен инстинкт самосохранения. А как же люди?.. Что ж, мысли Кибернетика будут сохранены в памяти корабля для каких-то неведомых

потомков. А он, Пилот, совершает свой последний рейс. Погибнуть под фанфары Великого Урагана — такой чести удостоится не каждый.

И тут опять заговорил Кибернетик: вначале он с огромным трудом ворочал языком. Слова звучали хрипло, но твердо.

— Включить считывающий блок пульта, — приказал он Электронному мозгу. — Законсервировать в системе навигации код обратного маршрута к Солнечной системе. Выдать команды на исполнительные механизмы. — И, немного помедлив, решительно:

— Командный аппарат разложить на исходные силовые поля и частицы во имя выполнения условий второго закона Всеобщей Корреляции!

Как только Кибернетик закончил последнюю фразу, все поплыло перед его глазами. Он на мгновение увидел родное Приморье, Тихий океан, сопки на горизонте, прыгающую в кедраче белку. И тут же с вершины сопки пополз непроницаемый сизый туман, заволакивающий сознание...

Последним усилием он заставил себя разжать губы и прошептал наклонившемуся к нему Пилоту:

— Призрака нет... Он уничтожен.

Выполняя распоряжение Пилота, киберкузнечик переложил рули на обратный курс. Самолет начал широкую дугу поворота. Восьмитурбинный гигант мелко дрожал всем корпусом. Натужно ревя турбинами, он полого лез в небо — прочь от Великого Урагана, его гибельных завихрений.

— Каплю. Еще каплю. Еще!

Биоэлектроник колдовал над телом Кибернетика. Препарат «Астрон» не подвел и на этот раз. Кибернетик открыл глаза. А через час он уже с трудом поднялся на ноги и сразу же направился к Эллиптическому пульту. Он немного постоял возле него и вынул из кармана гамма-излучатель.

— Включающий импульс — двадцать четыре дробь сорок три, — пробормотал он и послал импульс этой частоты прямо в центр пульта.

Лениво сжались и разошлись спирали. Кое-где взметнулись пики голубого огня. Но вот все быстрее замесались световые зайчики, закружились в неистовом вихре. В недрах пульта пронесся мощный аккорд, подобный органному. Корпус Припеля слегка заколебался. На экранах качнулись горы, океан. И вдруг все ощутили, что корабль поднимается ввысь.

...Отталкиваясь от невидимых пульсаций пси-энергии, Припелец стремительно врезался в черноту звездной ночи. На его корме плавно сформировался параболоид. Ударил реактивный луч.

Бесконечный космос принял корабль в свое лоно.

А планета Зеленого солнца — одна из рядовых звезд Млечного Пути — утонула, растворилась в пространстве.

Снова за кормой бушевал звездный пожар светил, излучение которых смещалось к инфракрасному концу спектра.

Теперь люди впервые почувствовали себя хозяевами, а не пленниками корабля. Сколько продлится их обратный путь, они не знали, но их согревала мысль о том, что они возвращаются на Землю.

Кибернетик поправлялся медленно. Его преследовали видения. Он вновь был на планете Зеленого солнца с ее причудливыми пейзажами. Мощный океанский прибой упорно долбил плато, покрытое красноватой растительностью. Над жемчужно-серебристыми волнами парили двухкилевые птицы.

Потом опять бушевал Великий Ураган, в небе бесшумно рвались стреловидные кристаллы... Кибернетик вновь и вновь переживал перипетии своей борьбы с Призраком. Но теперь все позади. Закодированный в Электронном мозге код обратного маршрута выдан на исполнительные механизмы. Ничто не давит на волю людей. И все же Кибернетик чувствовал, что корабль по-прежнему остается почти таким же чужим и непонятным, как и в день встречи с ним. Не совершили ли они непоправимой ошибки, уничтожив Призрак? Не похожи ли на детей, которые остались одни в самолете, управляемом автопилотом?

И вот когда земляне меньше всего этого ожидали, с прежней неумолимостью раздался голос Призрака, уничтоженного и посрамленного Призрака. Он казался теперь еще холоднее, величественнее, иррациональнее:

— Вы, люди, хотели меня уничтожить. Но это невозможно. Меня нельзя уничтожить, как нельзя остановить процесс Познания. Я не хотел вашей гибели и не допустил бы ее. Великий Ураган был вызван лишь для испытания ваших способностей. Я убедился: в самые критические моменты вы действовали как разумные существа... Постигнуть же истинную конструкцию звездолета вы пока не можете. То, что вы принимали за корабль, привычные вам залы, палубы, этажи, пульта, — только внешняя оболочка, иллюзия, призванная облегчить контакт с цивилизацией Феры. А в действительности он выглядит иначе.

И опять перед людьми предстал как бы извне облик Пришельца. Трудно было даже с чем-нибудь сравнить этот гигантский клубок мерцающих спиралевидных вихрей, охваченных сиянием защитных полей. Временами все это выглядело еле уловимым сгущением почти прозрачных фосфоресцирующих тел.

Кибернетик совершенно равнодушно наблюдал эту фантастическую картину. Не все ли теперь равно? Вся эта совершенная конструкция будет бесконечно блуждать в Космосе. Огромные запасы информации, которые собрал Пришелец, не принесут никакой пользы, потому что никто не прочтет ее. Познание ради самого познания совершенно бессмысленно. Значит, и их жизни потеряли всякую ценность.

Но Призрак продолжал, и теперь земляне в его бесстрастно-холодном тоне, казалось, даже уловили чуть не радостные нотки.

— Мне удалось наконец установить связь с Ферой. Я получил приказание вернуться. Мне предписано также, если вы хотите, доставить вас на Землю. Обдумайте.

В ушах людей зазвучала та же пронизывающая все их существо инопланетная музыка, так поразившая их при встрече с кораблем. Но теперь она сопровождалась такой же мощной мелодией их собственных мыслей — две извечные противоречивые вариации одной и той же темы.

Об авторе

Евреинов Всеволод Николаевич, член Союза журналистов СССР. Родился в 1924 году в Туле. Автор научно-художественной книги «За убегающим горизонтом» (в соавторстве) и многих научно-популярных статей, главным образом в области истории географии. Пробует свои силы и в жанре научной фантастики. В сборнике выступает вторично. Работает над новым научно-фантастическим произведением.

НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА

Фантастический рассказ

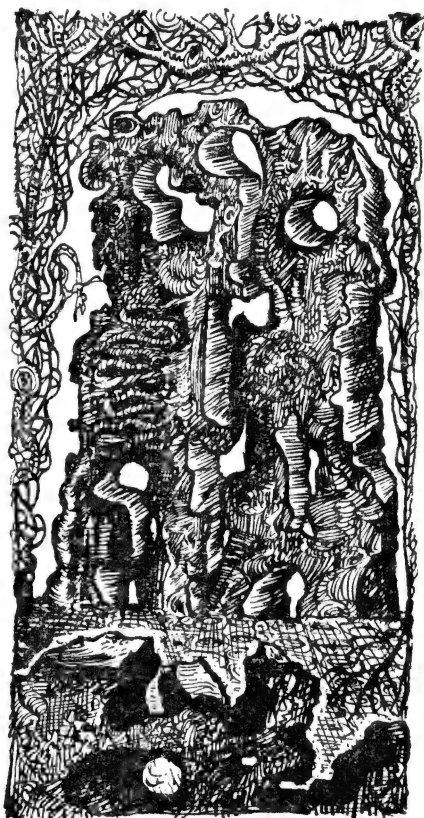
Космический корабль был весь худой — решето решетом, как говорится.

Но так и было задумано. В сущности в том-то и заключалась вся штука.

И разумеется, во время полета с Ганимеда на Юпитер корабль оказался битком набитым чистейшим космическим вакуумом. А поскольку на корабле не было никаких обогревательных устройств, этот космический вакуум имел нормальную для него температуру — какую-то долю градуса выше абсолютного нуля.

И это тоже соответствовало замыслу. Такие пустяки, как отсутствие тепла и воздуха, на этом космическом корабле ни у кого не вызывали раздражения.

Первые порции сильно разреженной атмосферы Юпитера стали проникать в корабль в нескольких тысячах миль от поверхности планеты. Это был чистый водород. Атмосферное

давление все повышалось и повышалось, достигнув миллиона земных атмосфер.

Корабль медленно подвигался к конечной цели путешествия; пробиваясь сквозь скопление молекул газа, которые так теснились, что даже водород обладал плотностью жидкости. Температура была семьдесят градусов ниже нуля по Цельсию. Пары аммиака, поднимавшиеся над невероятно обширным аммиачным океаном, насыщали эту жуткую атмосферу до предела. Ветер, зарождавшийся где-то на высоте тысячи миль, неся с такой скоростью, что подобное атмосферное явление можно было назвать ураганом лишь приближенно.

Прежде чем корабль опустился на большой юпитерианский остров, раз в семь превышавший по площади Азию, стало совершенно очевидно, что Юпитер не слишком приятный мир.

И все же трем членам экипажа корабля он казался приятным. Впрочем, этих троих назвать людьми было нельзя, юпитерианами — тоже.

Они были просто роботами, которых создали на Земле.

ХХ-3 сказал:

— Кажется, это довольно пустынный уголок.

ХХ-2 согласился с ним и угрюмо посмотрел на сглаженный ветром пейзаж.

— Вдалеке виднеются какие-то строения, — сказал он. — Они явно искусственного происхождения. Я предлагаю подождать, пока подойдут их обитатели.

Стоявший вместе со своими товарищами ХХ-1 слушал, но ничего не говорил. Его создали прежде двух других роботов, и он был полуэкспериментальным. Поэтому он не так-то часто вступал в разговор.

Ждать пришлось недолго. С неба пикировало воздушное судно странной конструкции. За ним другие. Затем приблизилась колонна наземных транспортных средств, из которых показались какие-то живые существа. Появились и различные предметы, — по-видимому, оружие. Некоторые из этих предметов было под силу тащить одному юпитерианину, другие — нескольким, а третьи передвигались сами. Юпитериане сидели, наверно, внутри.

Роботы в этом разобраться не могли.

— Нас окружили, — сказал ХХ-3. — Чтобы показать наши мирные намерения, логичнее всего выйти из корабля. Согласны?

Остальные согласились с ним, и ХХ-1 распахнул тяжелую дверь, которая не была ни двойной, ни, к слову сказать, герметичной. Появление роботов вызвало суматоху среди юпитериан. Они что-то сделали с самыми большими из доставленных к кораблю предметов, и ХХ-3 почувствовал, как на внешнем слое его бериллиево-иридиево-бронзового тела поднимается температура.

Он посмотрел на ХХ-2.

— Чувствуешь? Наверно, они направили на нас поток тепловой энергии.

— Но почему? — удивился ХХ-2.

— Это определенно какой-то тепловой луч. Посмотри туда!

Один из лучей отклонился в сторону и упал на сверкающий ручеек чистого аммиака, который тотчас бурно закипел.

ХХ-3 повернулся к ХХ-1.

— Первый, возьми-ка это на заметку.

— Разумеется, возьму.

Именно на долю ХХ-1 выпала секретарская работа, и он делал заметки, просто заполняя свои ячейки памяти.

— Максимальная температура луча равна тридцати градусам выше нуля по Цельсию, — добавил Первый.

— Может, попытаемся связаться с ними? — перебил его Второй.

— Напрасная трата времени, — сказал Третий. — Очень немногие юпитериане знают радиокод, при помощи которого осуществлялась связь между Юпитером и Ганимедом. Впрочем, они могут послать за специалистом, чтобы установить контакт. А пока понаблюдаем за ними. Сознаюсь, я не понимаю их действий.

Тепловое излучение прекратилось, а юпитериане подтащили и пустили в ход другое оружие. К ногам роботов упало несколько капсул. Под воздействием тяготения Юпитера они быстро с силой воткнулись в почву. Капсулы с треском раскрылись, из них выплеснулась и образовала лужи синяя жидкость, которая тотчас начала испаряться.

Неистовый ветер подхватил эти пары, а юпитериане поспешно убраться в подветренную сторону. Один из них замешкался и тут же судорожно задержался, а потом обмяк и затих.

ХХ-2 наклонился, помочил палец в одной из луж, а потом стал смотреть на стекающую каплями жидкость.

— Я думаю, это кислород, — сказал он.

— Конечно, кислород, — согласился Третий. — Происходит что-то совсем уж странное. Ведь кислород, по-моему, вреден для этих существ. Одно из них погибло!

Роботы помолчали, потом ХХ-1, который отличался простой и потому считал, что надо брать быка за рога, промолвил:

— Возможно, эти странные существа с помощью таких довольно несерьезных штук пытаются уничтожить нас?

И ХХ-2, пораженный этим предположением, ответил:

— Знаешь, Первый, по-моему, ты прав! Ведь и хозяева-люди говорили нам, что юпитериане хотят уничтожить все человечество, а существа, настолько обезумевшие от злобы, что вынашивают мысль, как бы навредить человеку... — голос Второго при этих словах задрожал, — тем более могут попытаться уничтожить нас.

— Стыдно иметь такой несносный характер, — сказал ХХ-1. — Бедняги!

— По-моему, это очень печально, — согласился Второй. — Давайте вернемся на корабль. Мы уже достаточно насмотрелись.

Забравшись в корабль, они принялись ждать. Как сказал ХХ-3, Юпитер — обширная планета, и эксперта по радиокоду могут искать еще долго. Впрочем, терпения роботам не надо было занимать.

И в самом деле, Юпитер, по показаниям хронометра, трижды обернулся вокруг своей оси, прежде чем прибыл эксперт. Ни восходов солнца, ни закатов, разумеется не было. Три тысячи миль плотной, как жидкость, атмосферы окутывали планету крошечной тьмой, и дня от ночи никто отличить не мог. Впрочем, ни для роботов, ни для юпитериан видимое световое излучение не играло никакой роли: зрение их было устроено по другому принципу.

Все эти тридцать часов юпитериане продолжали осаждать корабль. Они вели наступление терпеливо, упорно, безжалостно. Об этом робот ХХ-1 сделал немало пометок в своей памяти. Юпитериане применяли все новое и новое оружие, а роботы, внимательно следя за всеми атаками, каждый раз анализировали его.

Хозяева-люди мастерили прочные вещи. Пятнадцать лет ушло на конструирование корабля и роботов, и сущность их можно было выразить одним словом — мощь. Бесполезно было стараться уничтожить их: ни корабль, ни роботы не уступали друг другу.

— Мне кажется, им мешает атмосфера, — сказал Третий. — Они не могут использовать атомный заряд, так как в этой густой атмосфере рискуют подорваться сами.

— И взрывчатку применить они тоже не могут, — сказал Второй. — И это хорошо. Нас бы они, конечно, не повредили, но трянуло бы здорово.

— О взрывчатых веществах не может быть и речи. Взрыва без мгновенного расширения газов не бывает, а газ просто не сможет увеличиться в объеме в этой атмосфере.

— Очень хорошая атмосфера, — пробормотал Первый. — Мне она нравится.

Эти слова прозвучали вполне естественно: роботов серии ХХ и создавали для такой атмосферы. По своему облику они ни капельки не напоминали людей. Они были приземистыми и широкими, центр тяжести у них находился менее чем в футе от поверхности земли. У них было по шесть ног, коротких и толстых, рассчитанных на многотонную нагрузку в условиях, когда тяготение превышает земное в два с половиной раза. Чтобы компенсировать избыток веса, роботов наделили реакцией, которая намного превосходила необходимую на Земле. Кроме того, они были сделаны из бериллиево-иридиево-бронзового сплава, не поддающегося никакой коррозии. Против этого сплава было бесполезно любое известное оружие, кроме атомного мощностью в тысячу мегатонн.

Ожидая специалиста по радиокоду, роботы были заняты тем, что довольно неуверенно старались хоть как-нибудь описать внешность юпитериан. ХХ-1 отметил наличие у них пупалец и круговой симметрии тела... и на этом остановился. Второй и Третий старались помочь ему изо всех сил, но тоже безрезультатно.

— Нельзя описать что-либо, — заявил наконец Третий, — ни с чем не сравнивая. Подобных существ я никогда не видал...

К этому времени юпитериане перестали опробовать на пришельцах свое оружие. Роботы выглянули из корабля. Группа юпитериан продвигалась вперед какими-то странными бросками. Роботы вышли навстречу. Юпитериане остановились футах в десяти. Обе стороны молчали и не двигались с места.

Вдруг донеслось звонкое щелканье, и ХХ-1 радостно сказал: — Это радиокод. У них там эксперт по связи.

Так оно и было. Усложненная азбука Морзе, которую за двадцать пять лет жители Юпитера и люди Ганимеда обоюдными усилиями превратили в удивительно гибкое средство общения, была применена наконец при более близком контакте.

Теперь впереди был только один юпитерианин, остальные отступили. Он-то и вел переговоры.

— Откуда вы? — прощелкал он.

ХХ-3, как наиболее умственно развитый, стал говорить от имени группы роботов.

— Мы с Ганимеда, спутника Юпитера.

— Что вам нужно? — продолжал юпитерианин.

— Нам нужна информация. Мы прибыли сюда, чтобы изучить ваш мир и доставить обратно полученные сведения. Если бы вы помогли нам...

— Вы должны быть уничтожены! — перебил его своим щелканьем юпитерианин.

ХХ-3 помолчал и задумчиво сказал своим товарищам:

— Хозяева-люди говорили, что они будут стоять именно на такой позиции. Они очень странные.

Перейдя на щелканье, он просто спросил:

— Почему уничтожены?

Юпитерианин, очевидно, счел ниже своего достоинства отвечать на подобные вопросы.

— Если вы покинете Юпитер в течение суток, мы пощадим вас... пока не выйдем за пределы нашей атмосферы и не уничтожим антиюпитерианский сброд, засевший на Ганимеде.

— Мне хотелось бы указать на то, — сказал Третий, — что мы, живущие на Ганимеде и внутренних планетах...

— Согласно нашей астрономии, — перебил его юпитерианин, — существует только Солнце и четыре наших спутника. Никаких внутренних планет нет.

Третий устал спорить.

— Ладно. Пусть будет так: мы, живущие на Ганимеде, не имеем никаких притязаний на Юпитер. Мы предлагаем дружбу. Двадцать пять лет вы общались с помощью радиокода с людьми Ганимеда. Разве есть какая-нибудь причина для внезапного объявления войны?

— Двадцать пять лет, — последовал холодный ответ, — мы считали жителей Ганимеда юпитерианами. Когда мы узнали, что

это не так, что мы общались с низшими животными, как с разумными, по юпитерианским понятиям, существами, мы решили принять меры, чтобы смыть этот позор.

Беседа на этом закончилась.

Роботы вернулись на корабль.

— Плохи дела, — задумчиво сказал ХХ-2. — Все идет так, как говорили хозяева-люди. У юпитериан крайне развит комплекс превосходства, осложненный абсолютной нетерпимостью ко всему, что затрагивает этот комплекс.

— Нетерпимость, — заметил Третий, — это естественное следствие комплекса. Беда в том, что их нетерпимость зубаста. У них есть оружие... и их наука достигла значительных успехов.

— Теперь я не удивляюсь, — горячо сказал ХХ-1, — что нам дано особое указание — не подчиняться распоряжениям юпитериан. Это ужасные, нетерпимые, псевдовысшие существа! — И верный робот страстно добавил: — Ни один хозяин-человек никогда не будет так вести себя.

— Это верно, но к делу не относится, — сказал Третий. — Хозяевам-людям грозит страшная опасность. Юпитер — гигантская планета, у здешних жителей колоссальные ресурсы, юпитериане по численности в сотню раз превосходят людей всей земной сферы влияния. Если они когда-нибудь создадут силовое поле такой мощности, что оно послужит оболочкой космического корабля, то они легко покорят всю Солнечную систему. Вопрос в том, как далеко они продвинулись в этом направлении, какое оружие у них есть, какая ведется подготовка и так далее. Наша задача — добыть эту информацию.

— Мне кажется, нам надо всего лишь подождать, — добавил Третий. — В течение тридцати часов они пытались уничтожить нас и не добились никаких результатов. Они, наверно, сделали все, что могли. Комплекс превосходства всегда приводит к необходимости спасти свой престиж, и доказательством тому служит ультиматум, который они нам предъявили. Они ни за что не позволили бы нам улететь, если бы могли уничтожить нас. Но если мы не покинем планету, они, разумеется, не признаются в своем бессилии, а скорее сделают вид, что сами пожелали, чтобы мы остались.

И снова роботы встретились с юпитерианским экспертом по радиокоду.

Если бы роботов серии ХХ снабдили чувством юмора, то они получили бы колоссальное удовольствие. Но они относились к делу слишком серьезно.

Юпитерианин сказал:

— Мы решили позволить вам остаться на очень короткое время, чтобы вы сами убедились в нашей мощи. Затем вы вернетесь на Ганимед и сообщите всему вашему сброду о неминуемой гибели, которая ждет их через год.

ХХ-1 отметил про себя, что на Юпитере год равен двенадцати земным.

Третий непринужденно сказал:

— Спасибо. Не проводите ли вы нас в ближайший город? Нам бы хотелось многое узнать. — И, подумав, добавил: — Наш корабль, разумеется, трогать нельзя.

Он не угрожал, а просто попросил, потому что ни один робот серии ХХ не был задиристым. При их конструировании исключили возможность даже малейшей раздражительности. За долгие годы испытаний было установлено, что в интересах безопасности людей ровный, добрый нрав у таких могучих роботов, как ХХ, просто необходим.

— Нас не интересует ваш дрянной кораблишко, — сказал юпитерианин. — Никто из нас не осквернит себя прикосновением к нему. Вы можете идти с нами, но держитесь на расстоянии десяти футов. В противном случае вы будете немедленно уничтожены.

— Ну и высокомерие! — веселым шепотом заметил Второй.

Портовый город находился на берегу огромного аммиачного озера. Ветер вздымал бешеные пенистые волны, которые катились чрезвычайно стремительно и мгновенно опадали из-за сильного тяготения. Сам порт был невелик, но не вызывало сомнений, что большая часть сооружений находится под землей.

— Сколько здесь жителей? — спросил Третий.

— Это маленький городок с десятиллионным населением, — ответил юпитерианин.

— Понятно. Возьми на заметку, Первый.

ХХ-1, автоматически зафиксировал это в памяти, повернулся к озеру и с интересом посмотрел на него. Он взял Третьего под локоть.

— Послушай, рыба у них здесь есть?

— А не все ли равно?

— Мне кажется, нам надо посмотреть. Хозяева-люди приказали разузнать все, что возможно.

Из трех роботов Первый был самым простым и поэтому понимал приказы буквально.

— Пусть Первый посмотрит, если ему хочется, — сказал Второй. — Позволим парнишке немного поразвлечься. От этого не будет вреда.

— Ладно. Пусть только не теряет времени. Мы сюда приехали не за рыбой... Иди, Первый.

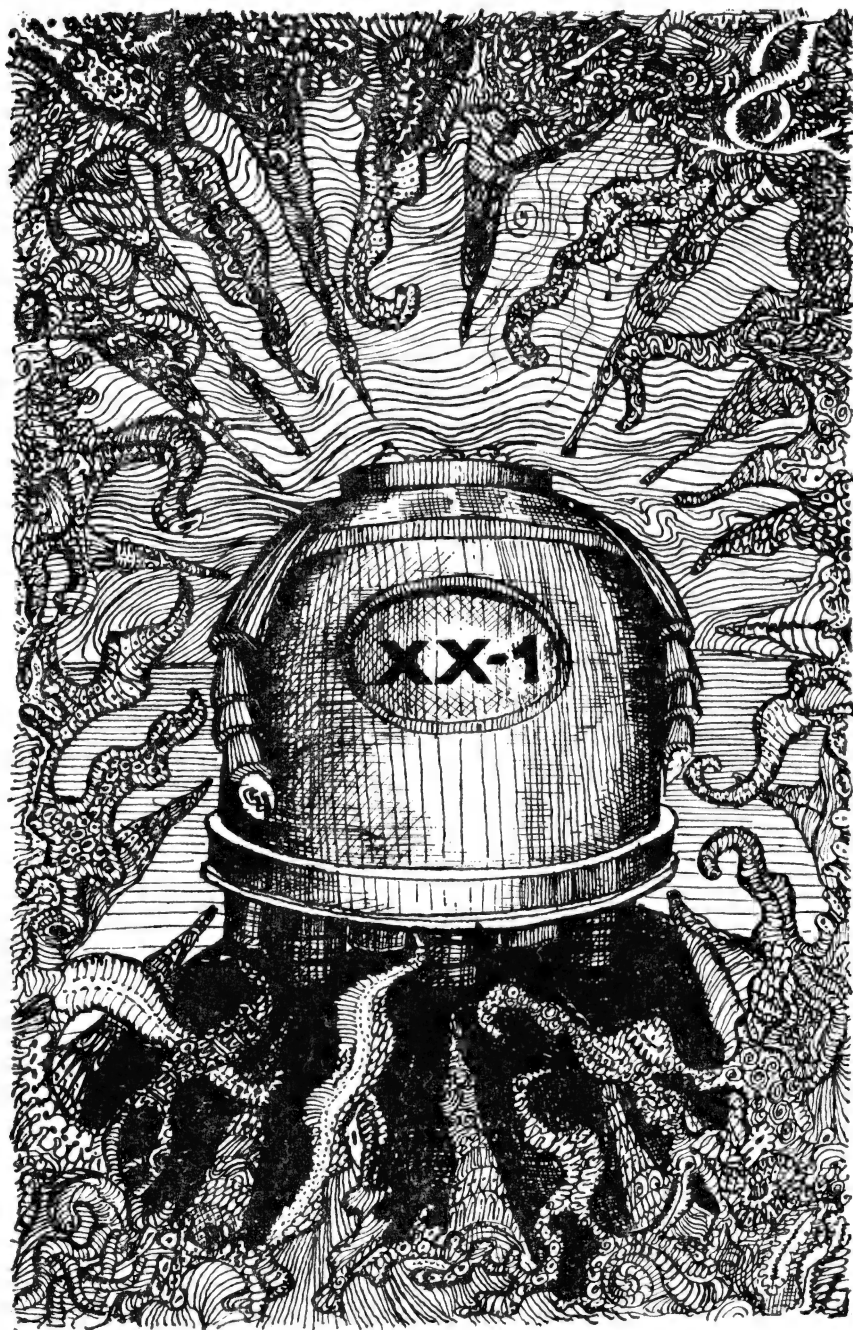
ХХ-1 ринулся к пляжу, пересек его и с плеском погрузился в аммиак. Юпитерианин внимательно наблюдал за ним.

Эксперт по радиокоду отщелкал:

— Видя наше величие, ваш товарищ, видимо, с отчаяния решил покончить с собой.

Третий удивился:

— Ничего подобного. Он хочет посмотреть, живут ли в аммиаке какие-нибудь организмы. — А потом робот извиняющимся тоном добавил: — Наш друг порой очень любопытен, он не такой

умный, как мы, но это его единственный недостаток, который заслуживает снисхождения.

Юпитерианин долго молчал, а потом заметил:

— Он утонет.

— Опасности никакой нет, — спокойно ответил ему Третий. — Вы разрешите нам войти в город, как только он вернется?

В этот момент над озером поднялся фонтан жидкости в несколько сот футов высотой. Ветер подхватил его, швырнул вниз и разбил на мельчайшие брызги. Ударил еще одна струя, потом еще, бешено забурлила жидкость, и к берегу протянулся пенистый след.

Оба робота ошеломленно наблюдали за происходившим. Юпитериане застыли в неподвижности и тоже напряженно смотрели на озеро.

На поверхности показалась голова ХХ-1. Он медленно вышел на сушу. Но следом за ним из воды показалось какое-то существо гигантских размеров, состоявшее, казалось, сплошь из клыков, когтей и игл. Затем роботы увидели, что существо движется не само, его вытаскивает на пляж ХХ-1.

ХХ-1 приблизился довольно робко к юпитерианину и сам вступил в связь с ним, лихорадочно отщелкав:

— Мне очень жаль, что так получилось, но это существо напа-ло на меня. Я просто хотел описать его. Надеюсь, это не очень ценное животное.

Ему ответили не сразу, так как при появлении чудовища ряды юпитериан сильно поредели. Они стали возвращаться, лишь убедившись, что животное мертво.

ХХ-3 скромно сказал:

— Надеюсь, вы простите нашего друга. Он немного неуклюж. Мы не хотели убивать какое бы то ни было юпитерианское животное.

— Оно напало на меня, — пояснил Первый. — Оно укусило меня без всякого повода. Смотрите! — И он показал двухфутовый клык, сломавшийся при укусе. — Оно укусило меня за плечо и чуть не поцарапало его. Я шлепнул животное, чтобы отогнать... а оно сдохло. Простите!

Юпитерианин наконец заговорил, но щелканье его было не очень четким. Он как бы заикался.

— Это дикий зверь, редко встречающийся у берега, но озеро здесь очень глубокое.

Все еще чувствовавший себя неловко, Третий сказал:

— Если вы употребляете его в пищу, то мы рады...

— Нет. Мы можем добыть себе пищу без помощи всякого сбр... без посторонней помощи. Ешьте его сами.

Тогда ХХ-1 без всякого усилия поднял зверя одной рукой и бросил его в озеро. А Третий, между прочим, заметил:

— Благодарим за любезное предложение, но мы в пище не нуждаемся. Мы, разумеется, ничего не едим.

В сопровождении сотен двух вооруженных юпитериан роботы спустились по аппарели в подземный город. На поверхности он казался маленьким, но под землей производил внушительное впечатление.

Роботов посадили в вагон с дистанционным управлением (так как ни один почтенный, уважающий себя юпитерианин не опустился бы до того, чтобы сесть в один вагон со «всяким сбродом»), и они помчались со страшной скоростью к центру города. По проделанному пути они определили, что из конца в конец город раскинулся на пятьдесят миль и уходит вглубь миль на восемь.

— Если такова численность юпитериан, — с грустью сказал ХХ-2, — то нам предстоит сделать своим хозяевам-людям не слишком утешительный доклад. Ведь мы сели на обширной поверхности Юпитера наугад — вероятность посадки у действительно большого населенного пункта была тысяча к одному.

— Десять миллионов юпитериан, — с отсутствующим видом произнес Третий. — Все население, по-видимому, исчисляется триллионами, а это большое, очень большое население даже для Юпитера. У них, наверно, полностью городская цивилизация, а это говорит о колоссальном развитии науки. Если у них есть силовые поля...

Вагон остановился на площади. Ближайшие улицы были забиты юпитерианами, которые были так же любопытны, как и любая городская толпа при подобных обстоятельствах.

Приблизился эксперт по радиокоду.

— Мне пора отдыхать. Мы пошли даже на то, что подыскивали для вас помещение, хотя это причинит нам большие неудобства, так как своим пребыванием вы оскверните его и нам придется снести здание, а потом построить его заново. И тем не менее вам будет где спать.

ХХ-3 взмахнул рукой в знак протеста и отстучал:

— Благодарим вас, но, пожалуйста, не беспокойтесь. Мы не будем возражать против того, чтобы вы оставили нас здесь, где мы находимся. Если вам хочется отдохнуть, поспать, мы подождем вас. Что же касается нас, — добавил он непринужденно, — то мы не спим вообще.

Юпитерианин не сказал на это ничего. Впрочем, если бы у него было лицо, то выражение его наверняка показалось бы забавным. Юпитерианин удалился, а роботы остались в вагоне. Их окружила стража из хорошо вооруженных юпитериан.

Прошло немало времени, прежде чем вернулся эксперт по коду. Он представил прибывших с ним юпитериан.

— Со мной два чиновника центрального правительства, которые любезно согласились побеседовать с вами.

Один из чиновников, очевидно, знал код и нетерпеливо перебил эксперта своим щелканьем.

— Вы, сброд! — обратился он к роботам. — Вылезайте-ка из вагона. Мы хотим посмотреть на вас.

Роботы были рады исполнить это требование. И в то время как Третий и Второй прыгнули с правой стороны вагона, Первый ринулся сквозь левую стенку. Именно «сквозь», так как он не удосужился пустить в ход механизм, опускавший часть стенки, а снес всю ее. За ней последовали два колеса и ось. Вагон развалился, и ХХ-1 ошеломленно взирал на обломки.

Наконец он легонько защелкал:

— Простите. Надеюсь, этот вагон не очень дорогой.

ХХ-2 смущенно добавил:

— Наш товарищ часто бывает неуклюж. Простите его.

ХХ-3 без особого успеха попытался собрать развалившийся вагон.

ХХ-1 снова принялся извиняться:

— Материал, из которого сделан вагон, очень непрочен. Видите? — Он обеими руками поднял лист пластика, который был размером с квадратный ярд, толщиной дюйма три и обладал твердостью железа. Робот слегка согнул лист, и тот мгновенно лопнул. — Мне надо было учесть это, — добавил ХХ-1.

Представитель юпитерианского правительства немного сбавил тон:

— Вагон все равно будет уничтожен, так как он осквернен вами. — Он помолчал и добавил: — Существа! Мы, юпитериане, не проявляем вульгарного любопытства в отношении низших животных, но нашим ученым нужны факты.

— Мы согласны с вами, — одобрительно откликнулся Третий. — Нам они тоже нужны.

Юпитерианин игнорировал эти слова.

— У вас, наверно, нет органа, чувствительного к массе. Как же вы получаете представление о предметах, которые не можете ощущать?

Третий заинтересовался:

— Вы хотите сказать, что жители Юпитера непосредственно ощущают массу?

— Я здесь не для того, чтобы отвечать на ваши вопросы... ваши наглые вопросы.

— Значит, насколько я понимаю, предметы, имеющие небольшую массу, для вас прозрачны, даже при отсутствии излучения. — Третий повернулся ко Второму. — Вот как они видят. Их атмосфера прозрачна для них, как вакуум.

Юпитерианин снова защелкал:

— Сейчас же отвечайте на мой вопрос, или я прикажу вас уничтожить.

— Мы ощущаем энергию, — тотчас ответил Третий. — Мы можем настраиваться на электромагнитные колебания любой частоты. Сейчас мы видим дальние предметы, излучая радиоволны, а ближние предметы с помощью... — Робот замолчал, а затем спросил Второго: — Есть какое-нибудь кодовое слово, означающее гамма-лучи?

— Такого слова я не знаю, — ответил Второй.

Третий снова обратился к юпитерианину:

— Близкие предметы мы видим при помощи другого излучения, для которого нет кодового слова.

Юпитериане отступили, и, хотя до роботов не донеслось ни звука, по непонятным движениям различных частей их совершенно неопишуемых тел было очевидно, что они оживленно переговариваются.

Затем чиновник снова приблизился:

— Существа с Ганимеда! Решено показать вам некоторые заводы, чтобы вы ознакомились с крошечной частью наших великих достижений. Затем мы разрешим вам вернуться и разъяснить безнадежность положения всего сбр... существ внешнего мира.

Третий сказал Второму:

— Видишь, какова их психология. Они стараются во что бы то ни стало доказать свое превосходство. Речь теперь идет о спасении престижа. — И радиокодом: — Благодарим за любезность.

Но довольно скоро роботы поняли, что юпитериане добились очень многого. Это напоминало осмотр замечательной выставки. Юпитериане показывали и объясняли все, охотно отвечали на любые вопросы, и ХХ-1 делал сотни огорчительных пометок в своей памяти.

Военная мощь этого одного-единственного городка в несколько раз превышала военный потенциал Ганимеда. По промышленному производству десять таких городков могли превзойти все планеты, населенные людьми. А ведь в десяти городках обитала, видимо, ничтожная часть населения Юпитера.

Третий повернулся к Первому и толкнул его локтем.

— Что же это такое?

— Наверно, у них есть силовые поля, и тогда хозяева-люди проиграли, — серьезно сказал ХХ-1.

— Боюсь, что ты прав. А почему ты думаешь, что у них есть силовые поля?

— Потому что они не показывают нам правое крыло завода. Возможно, там работают над силовыми полями.

Они находились на громадном сталелитейном заводе, где изготавливали стофутовые брусья аммиакоупорного кремниево-стального сплава.

— Что в том крыле? — спокойно спросил Третий у правительственного чиновника. Тот объяснил:

— Это секция высоких температур. Различные процессы требуют таких температур, которые опасны для жизни, и потому здесь дистанционное управление.

Чиновник провел роботов к стене, излучавшей тепло, и показал на небольшое круглое окошко, защищенное каким-то прозрачным материалом. Таких окошек было много, и они озарялись красным туманным светом, который исходил от пылавших печей и пробивался сквозь густую атмосферу.

ХХ-1 бросил на юпитериан подозрительный взгляд и отщелкал:

— Вы не будете возражать, если я войду туда и посмотрю, что к чему? Меня это очень интересует.

— Что за ребячество, Первый! — упрекнул Третий. — Они говорят правду. Впрочем, если тебе хочется, сходи посмотри. Но не задерживайся, нам некогда.

Юпитерианин сказал:

— Вы не имеете представления, какая там жара. Вы погибнете.

— О нет, — как бы между прочим бросил Первый. — Жара нам нишчем.

Юпитериане посоветовались, а потом засуетились. Были поставлены теплозащитные экраны, и дверь, ведущая в секцию высоких температур, распахнулась. ХХ-1 вошел в цех и плотно закрыл за собой дверь. Юпитерианские чиновники столпились у окошек.

ХХ-1 подошел к ближайшей печи и пробил летку. Так как робот был слишком приземист, чтобы заглянуть в печь, он наклонил ее. Расплавленный металл стал лизать край контейнера. Робот с любопытством посмотрел на металл, опустил в него руку, страхнул огненные металлические капли, а то, что осталось, вытер об одно из шести своих бедер. Робот медленно прошелся вдоль печей и лишь затем дал знак, что хочет выйти.

Юпитериане отошли подальше. Когда ХХ-1 показался в дверном проеме, его стали окатывать струей аммиака, который шипел, булькал и испарялся. Наконец робот охладился до сносной температуры.

Не обращая внимания на аммиачный душ, ХХ-1 сказал своим собратьям:

— Они говорят правду. Никаких силовых полей там нет. Однако нет смысла медлить. Хозяева-люди дали нам определенные указания.

Он повернулся к юпитерианскому чиновнику и, не колеблясь, отщелкал:

— Послушайте, ваши ученые создали силовые поля?

Прямота, разумеется, была естественным следствием конструктивных особенностей Первого. Второй и Третий знали это и воздержались от неодобрительных замечаний.

Юпитерианский чиновник постепенно сумел оправиться от странного оцепенения. Когда Первый вышел из цеха, чиновник все время тупо смотрел на руку робота, ту самую, которая побывала в расплавленном металле.

— Силовые поля? Так вот что вас интересует! — медленно произнес юпитерианин.

— Да, — отчеканил Первый.

Роботов повели на самый край города, и они оказались среди тесно расположенных сооружений, которые приблизительно можно было сравнить с земным университетом.

Юпитерианский чиновник быстро двигался вперед, а за ним топали роботы, томимые мрачными предчувствиями.

XX-1, пропустив всех вперед, остановился перед секцией, ничем не огороженной.

— Что это? — поинтересовался он.

В секции стояли узкие низкие скамьи. На них юпитериане манипулировали какими-то странными приборами, главной деталью которых был сильный дюймовый электромагнит.

Юпитерианин повернулся к роботу и нетерпеливо сказал:

— Это студенческая биологическая лаборатория. Здесь нет ничего, что могло бы заинтересовать вас.

— А что они делают?

— Они изучают микроскопические организмы. Вы видели когда-нибудь микроскоп?

— Он видел, — вмешался Третий, — но не такого типа. Наши микроскопы предназначены для энергочувствительных органов и работают по принципу отражения лучевой энергии. Ваши микроскопы, очевидно, основаны на принципе увеличения массы. Довольно остроумно.

— Вы не возражаете, если я посмотрю, какие там существа? — спросил Первый.

Он шагнул к ближайшей скамье, а студенты, боявшиеся оскверниться общением с инопланетянами, сгрудились в дальнем углу. XX-1 отодвинул микроскоп и стал внимательно рассматривать предметное стекло. Удивленный, он отложил его, взял другое... третье... четвертое...

Потом робот обратился к юпитерианину:

— Эти организмы живые? Такие маленькие, похожие на червей?

— Конечно.

— Странно... стоит мне посмотреть на них, как они погибают!

Третий чертыхнулся и сказал своим товарищам:

— Мы забыли о нашей гамма-радиации. Пойдем отсюда, Первый, а то мы убьем все микроорганизмы в этой комнате.

Он повернулся к юпитерианину:

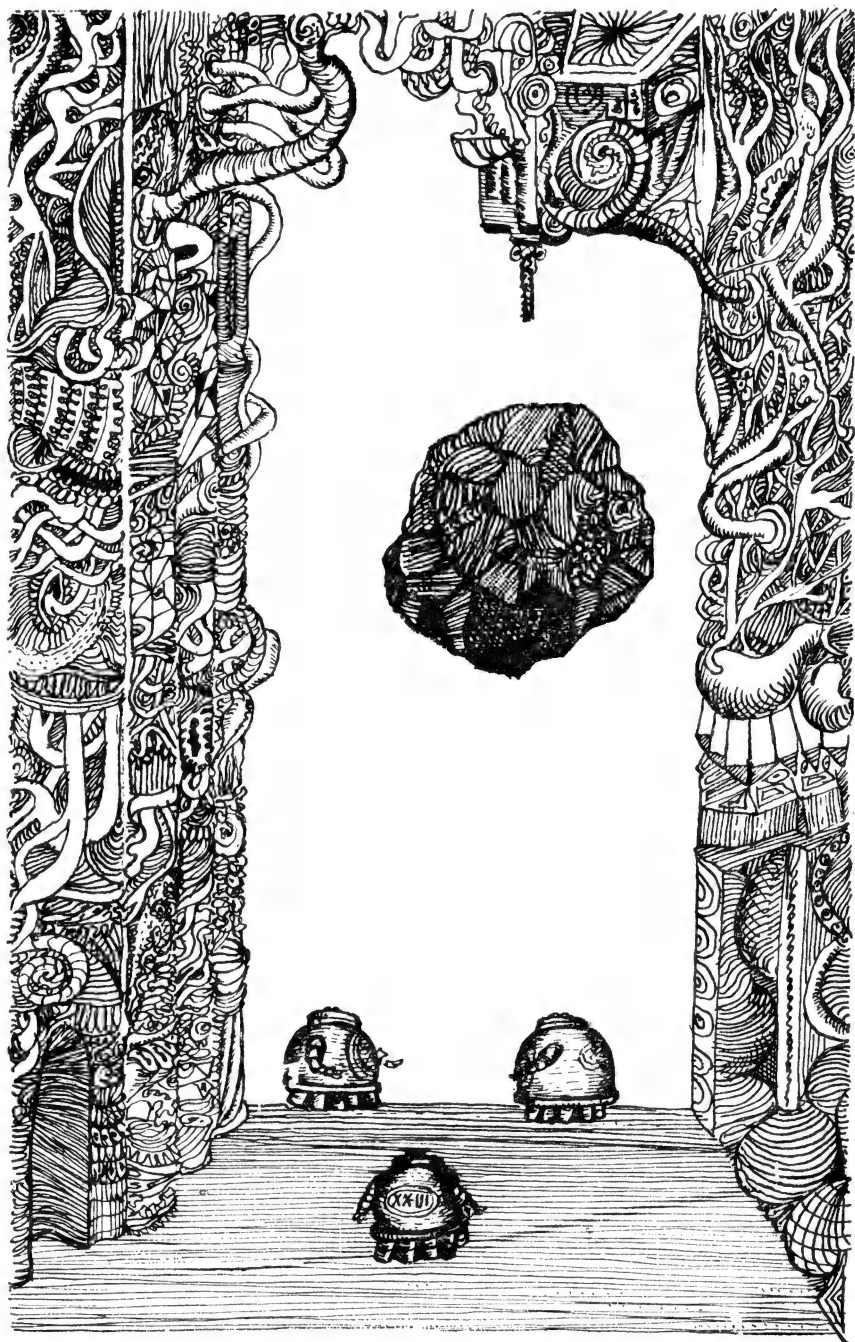
— Боюсь, что наше присутствие губительно для слаборазвитых форм жизни. Мы лучше уйдем. Мы надеемся, что погибшие организмы нетрудно для вас заменить другими. И вы держитесь-ка от нас подальше, а то наше излучение может оказать и на вас вредное воздействие.

Юпитерианин не сказал ни слова и величественно двинулся дальше, но было заметно, что с этой минуты расстояние между ним и роботами увеличилось вдвое.

Через некоторое время роботы очутились в большом помещении. В самой его середине, несмотря на сильное тяготение Юпитера, без всякой видимой опоры висел громадный слиток металла.

Юпитерианин защелкал:

— Вот наше силовое поле. Последнее достижение. В том невидимом пузыре вакуум. Силовое поле выдерживает давление

нашей атмосферы и вес металла, эквивалентного двум большим космическим кораблям. Ну, что вы скажете?

— Что у вас появляется возможность для космических полетов,— сказал Третий.

— Совершенно верно. И металл, и пластик недостаточно прочны, чтобы выдерживать давление нашей атмосферы при создании вакуума, а силовое поле выдержит... Пузырь, огражденный силовым полем, и будет нашим космическим кораблем. Не пройдет и года, как мы изготовим сотни тысяч таких кораблей. Потом мы обрушимся на Ганимед и уничтожим сброд, который пытается оспаривать наше право на господство Вселенной.

— Люди Ганимеда никогда и не думали об этом,— пытался возразить Третий.

— Молчать! — зашелкал юпитерианин. — Возвращайтесь и расскажите своим, что вы видели. Ничтожно слабые силовые поля, такие, как у вашего корабля, с нашими нельзя даже сравнивать, потому что самый маленький наш корабль будет мощнее и больше вашего в сотни раз.

— В таком случае,— сказал Третий,— нам здесь больше нечего делать, и мы вернемся, как вы говорите, чтобы сообщить то, что узнали. Проводите нас, пожалуйста, к нашему кораблю, и мы распрощаемся. Но между прочим, к вашему сведению, кое-чего вы не понимаете. У людей Ганимеда, разумеется, силовые поля есть, но к нашему кораблю они никакого отношения не имеют. Мы не нуждаемся в силовом поле.

Робот повернулся к своим товарищам:

— Через десять земных лет с хозяевами-людьми будет покончено. Сопротивляться Юпитеру невозможно. Слишком он силен. Пока юпитериане были привязаны к поверхности планеты, люди были в безопасности. Но теперь у них силовые поля... Мы можем только доставить людям полученные сведения, и это все.

Роботы отправились восвояси. Город остался позади. На горизонте показалось темное пятно — их корабль.

Вдруг юпитерианин сказал:

— Существа, так вы говорите, что у вас нет никакого силового поля?

— Мы не нуждаемся в нем,— безразлично ответил Третий.

— Тогда почему ваш корабль не взрывается в космическом пространстве из-за атмосферного давления изнутри?

И он пошевелил щупальцем, как бы указывая на атмосферу Юпитера, которая давила с силой двадцати миллионов фунтов на квадратный дюйм.

— Ну, это объясняется просто. Наш корабль не герметичен. Давление и внутри и снаружи одинаковое.

— Даже в космосе? Вакуум в вашем корабле? Вы лжете!

— Осмотрите сами наш корабль. У него нет силового поля, и он не герметичен. Что в этом необыкновенного? Мы не дышим.

Энергия у нас атомная. Нам все равно, есть ли давление, нет ли его, и в вакууме мы чувствуем себя прекрасно.

— Но в космосе же абсолютный нуль!

— Это не играет роли. Мы сами регулируем собственную температуру. От температуры среды мы не зависим.—Третий помолчал.— Ну, теперь мы сами можем добраться до корабля. До свидания. Мы передадим людям Ганимеда ваше послание — война до конца!

Но юпитерианин вдруг сказал:

— Погодите! Я скоро вернусь.

Он повернулся и двинулся к городу.

Роботы посмотрели ему вслед и стали молча ждать. Юпитерианин вернулся только часа через три. Видно было, что он очень торопился. За десять футов от корабля он опустился всем телом на почву и стал как-то странно подползать. Юпитерианин не произнес ни слова, пока не приблизился настолько, что чуть ли не прижался к роботам своей серой эластичной кожей. И лишь тогда зазвучал приглушенный и уважительный радиокод.

— Глубокоуважаемые господа, я связался с главой нашего центрального правительства, которому теперь известны все факты, и я могу заверить вас, что Юпитер желает только мира.

— Что? — переспросил Третий.

— Мы готовы возобновить связь с Ганимедом, — зачастил юпитерианин, — и обещаем не делать никаких попыток выйти в космос. Наше силовое поле будет применяться только на поверхности Юпитера.

— Но... — начал Третий.

— Наше правительство с радостью примет любых представителей с Ганимеда, если их пожелают прислать наши благородные братья — люди.

Чешуйчатый щупалец протянулся к роботам, и ошеломленный Третий пожал его. Второй и Первый пожали два других протянутых щупальца.

Юпитерианин торжественно сказал:

— Да будет вечный мир между Юпитером и Ганимедом!

Космический корабль, худой, как решето, снова вышел в космос. Давление и температура снова были нулевыми, и роботы смотрели на громадный, но постепенно уменьшавшийся шар — Юпитер.

— Они определенно искренни, — сказал ХХ-2, — и то, что они повернули на сто восемьдесят градусов, очень утешительно, но я ничего не понимаю.

— По-моему, — заметил ХХ-1, — юпитериане вовремя опомнились и поняли, что даже одно намерение навредить хозяевам-людям — это уже невероятное зло. Так что они вели себя вполне естественно.

ХХ-3 вздохнул и сказал:

— Послушай, тут все дело в психологии. У этих юпитериан невероятно развито чувство превосходства, и раз уж они не могли

уничтожить нас, то им хотелось хотя бы сохранить свой престиж. Вся их выставка, все их объяснения — это просто своеобразное бахвальство, рассчитанное на то, чтобы поразить нас и заставить трепетать перед их могуществом.

— Все это я понимаю, — перебил Второй, — но...

— Но это обернулось против них же, — продолжал Третий. — Они убедились, что мы сильнее. Мы не тоем, не едим и не спим, расплавленный металл не причиняет нам вреда. Даже само наше присутствие оказалось губительным для живых существ Юпитера. Их последним козырем было силовое поле. И когда они узнали, что мы вообще не нуждаемся в нем и можем жить в вакууме при абсолютном нуле, их воля была сломлена. — Третий помолчал и добавил резонерски: — А раз воля сломлена, комплекс превосходства исчезает навсегда.

Другие роботы задумались, и потом Второй сказал:

— И все равно это неубедительно. Какое им дело до того, на что мы способны? Мы всего лишь роботы. Им пришлось бы воевать не с нами.

— В том-то и дело, Второй, — спокойно сказал Третий. — Это пришло мне в голову только сейчас. Знаете ли вы, что из-за нашей собственной оплошности совершенно нечаянно мы не сказали им, что мы всего лишь роботы.

— Они нас не спрашивали, — сказал Первый.

— Совершенно верно. Поэтому они думали, что мы люди и что все другие люди такие же, как мы!

Он еще раз посмотрел на Юпитер и задумчиво добавил:

— Не удивительно, что они побоялись воевать!

*Перевод с английского
Дмитрия Жукова*

Об авторе

Айзек Азимов, известный американский писатель-фантаст и ученый-химик. Родился в 1920 году. С 1946 по 1958 год читал лекции в Колумбийском и Гарвардском университетах. Известность писателю принес его рассказ «Приход ночи», опубликованный в 1941 году. Затем был опубликован ряд романов и сборников научно-фантастических рассказов, среди которых наибольшей популярностью пользуется сборник «Я — робот». Последнее увлечение писателя — научно-популярная литература. Рассказ «Нечаянная победа» появился в сборнике «Все остальное о роботах».

ПОЧТИ ЛЮДИ

*

Фантастический рассказ

Буря разразилась внезапно. Огромное красное солнце Поллукса исчезло. Голубое небо потемнело. Плотная стена бурлящих черных туч налетела на вертолет, словно огромный металлический кулак ударил по аппарату. Ветер швырял струи дождя, они градом стучали по обзорным стеклам кабины. Зигзагообразные извивы слепящих молний, оглушительные раскаты грома. Такие бури не были необычными. В исследовательских отчетах они упоминались очень часто, но тихоходный вертолет-разведчик был маленьким и не мог противостоять напору ветра. Ветер смял его и понес, как ураган уносит палые листья.

Трое людей в кабине не привязались ремнями. Они вели наблюдение за лесом, целиком положившись на автопилота. Никто не заметил приближения бури. И когда она настигла вертолет, их вышвырнуло из сидений.

— Проклятье! — с трудом выдохнул Эльстон Лэйн. Он на четвереньках прополз по вздыбившемуся полу кабины и забрался в кресло пилота. — Что же это? Налетели на горный пик?

Энтони Моралес, пытаясь удержаться на ногах, вцепился в штурманский столик.

— Что бы там ни было, — произнес он, — только не включай двигатели.

Роджер Пеннок, биолог, во весь рост растянулся на полу кабины. Он не потерял сознания, но похоже, его здорово оглушило. Тони Моралес пытался его поднять.

Эльстон Лэйн сражался с рычагами управления. Он хотел вывести вертолет из урагана, что было равносильно танцу с солидным грузом свинца на спине. Лэйн был рослый мужчина крепкого сложения, но вся его сила здесь помочь не могла. Ветер с воем швырял маленький аппарат. Лэйн видел перед собой только крошечную тьму, прорезаемую вспышками молний. Ливень сплошным потоком заливал обзорное стекло, раскаты грома звучали как удары чудовищного хлыста.

Эльстон почувствовал, что вертолет теряет управление. Высота быстро падала. Эльстон попробовал запустить винты — они не работали.

— Тони, — позвал он громко и отчетливо, стараясь не сорваться на крик, — Роджер может связаться с базой по радио?

— Не думаю. Он скоро придет в себя, но пока...

— У нас нет времени. Попробуй сам вызвать базу. Передай наши координаты и скажи, что скорее всего нам придется сделать вынужденную посадку.

— Координаты, — пробормотал Тони Моралес, — да ты смеешься?

Вертолет снова швырнуло, раздался треск.

— Радио не работает, — наконец заявил Тони. Его голос прозвучал растерянно.

— Так, — произнес Эльстон, — вот они, чудеса техники.

Вертолет стонал, как раненое животное. Лэйн внимательно посмотрел на приборы. Высота по-прежнему падала. Буря завывала с неослабевающей силой.

— Роджер?

— Слышу тебя, — слабым голосом отозвался биолог. — Что за черт...

— Ты сможешь прыгнуть, Рог?

— Если надо, — без энтузиазма ответил Роджер Пеннок.

Эльстону и самому такое решение не слишком нравилось. Хотя Поллукс-5 почти близнец Земли и мир этот стал им уже привычно знаком, он не был устлан розами.

Поллукс-5 никто не считал открытой книгой. Имелась лишь карта планеты, составленная по аэрофотосъемке, да карты нескольких обследованных районов. И всего лишь одна небольшая база в добрых пятистах милях отсюда. Сколько еще сюрпризов

подготовит Поллука? Двадцать лет работы экологом * на чужих планетах приучили Эльстона к разумной подозрительности. Ему не хотелось покидать вертолет. Но иного выхода он не видел. Посадка вертолета наверняка закончится катастрофой. Если же они прыгнут, летательные аппараты, возможно, благополучно опустят их на поверхность планеты.

Еще одна ослепительная вспышка и оглушительный грохот. Эльстон почувствовал запах гари и услышал легкое потрескивание.

— Все кончено! — крикнул он. — Прыгаем. Держаться вместе!

Открылся люк, трое прыгнули в темноту и понеслись вниз, навстречу неизвестному миру.

Им повезло.

Они сели на клочке саванны примерно в миле от опушки леса, сели неподалеку друг от друга. Никто не пострадал. Все трое стояли под хлещущими струями дождя. Но вот ливень перешел в мелкий дождь и затем прекратился. Через несколько часов в черной пелене туч появились разрывы. Выглянуло красноватое солнце, оно уходило на запад, за горизонт. Раскаты грома громыхали в отдалении.

Эльстон Лэйн снял промокшую рубашку и выжал ее. Солнце ласково грело кожу. Каштановые с сединой волосы мокрыми прядями обрамляли его лицо, на стройном теле играл каждый мускул. Эльстон был чертовски рад, что остался жив, но не питал никаких иллюзий в отношении будущего.

Пятьсот миль отделяло их от базы. Они находились на планете, исследование которой только началось. Их могли найти и через несколько часов, но скорее всего не обнаружат никогда.

Снаряжение!

— Тони, у тебя есть оружие?

Тони Моралес, невысокий, жилистый и подвижный, принужденно улыбнулся.

— Ничего нет, Эльстон, я сгреб лишь пару карт, времени было в обрез.

— Рог?

Биолог, лысый, немного грузный, медлительный и осторожный в движениях, покачал головой. У него был лишь аварийный пакет: основные медикаменты, сигнальные ракеты и запас еды в водонепроницаемой капсуле.

Эльстон вывернул карманы и обнаружил лишь перочинный нож: он чистил им трубку.

— Это мой вклад в арсенал, — заявил он. — Больше ничего нет. Мы трое опытных людей, один из нас самый образованный в Галактике инженер. У нас есть карта, аварийный пакет и карманный нож. Это уже кое-что.

* Эколог — специалист по экологии, разделу биологии, изучающему взаимоотношения животного или растения с окружающей средой. — *Прим. пер.*

Тони Моралес снова ухмыльнулся:

— Помните, что говаривал док Кнапп в институте: неважно, что у вас в руках, главное, что у вас в голове. Сколько раз мы это слышали!

— Довольно часто,— согласился Эльстон.— Это неплохо звучит. Да только в нашем положении мало в этом радости.

— Главное — желудок.— Тони сделал выразительный жест.— Если нет пищи, через некоторое время уже смертельно хочется есть.

Эльстон невесело улыбнулся. Он не был обжорой, но всегда предпочитал знать, где сможет поесть в следующий раз.

— Не стоит думать об этом. И потом для нас сейчас важнее знать не как достать пищу, а как не быть съеденными.

Эльстон внимательно огляделся. Вокруг как будто все спокойно: море влажной травы, колыхаемой ветерком, несколько одиноких деревьев, темное полукружие леса на юге. Впрочем, мирная безмятежность саванны лишь кажущаяся. Все просто, как дважды два. Там, где обильные травы, всегда бродят стада травоядных, а где травоядные, там раздолье для хищников.

Словом, классическое охотничье угодье с той лишь разницей, что здесь они были не охотниками. О больших кошках Эльстон знал достаточно, чтобы относиться к ним с уважением. Они были очень похожи на земных львов, только еще кровожаднее и, видимо, не охотились ночью. Впрочем, так же как и африканские львы, эти хищники охотились стаями. Обычно кошки совершали свои злодеяния в конце дня, перед тем как падет ночная тьма. И они были проворны и сильны.

И еще одно: люди пришли к им по вкусу. Около года назад, когда создавали базу, возникла необходимость истребить их во всем близлежащем районе. Землеподобная планета имела свои преимущества: вы могли употреблять в пищу ее животных. Но это имело и негативную сторону — животные планеты могли есть вас с тем же успехом.

Кошки были не особенно опасны для хорошо вооруженного человека. Но безоружный не имел никаких шансов. Ведь у человека нет ни мощных рогов, ни челюстей, ни грозных клыков — да что там, он не может даже по-настоящему быстро бегать.

Эльстон уселся на траву и отбросил волосы со лба.

— У кого-нибудь есть идеи?

Наступило долгое молчание.

Эльстон нарушил его, размышляя вслух:

— Скоро наступит ночь. Даже если бы на базе знали наши точные координаты, все равно раньше утра нас бы не нашли. А нас пока даже не считают пропавшими, система аварийной сигнализации испортилась, не успев сработать. Мы на виду у кошек, и сейчас как раз наступает время их охоты. Но было бы безумием уходить отсюда, не удостоверившись, что нас не подберут. До базы пятьсот миль...

— Больше пятисот пятидесяти, — прервал его Тони, глядя в карту. — Джунгли, непроходимые джунгли и множество бурных рек. Взгляните-ка, весь путь на базу проходит по тропическому лесу. Если мы выйдем на открытое пространство, придется пройти еще сотни две миль в непосредственной близости с кошками. А чтобы переправиться через реки, нужно будет построить лодки.

— Что до меня, то я не собираюсь шагать пятьсот пятьдесят миль, — решительно сказал Роджер Пеннок. — Лучше я останусь здесь, и будь что будет.

Эльстон поднял голову, прислушиваясь. Раскат грома? Он встал.

— Надо оставаться здесь, по крайней мере первое время. Так подсказывает здравый смысл. Чем дальше мы уйдем, тем труднее нас будет отыскать. Итак, мы останемся здесь. Но кошки?

— Благодарю покорно, — произнес Тони, — я голосую за джунгли. Мы будем там через полчаса, кошки ведь туда не заходят, верно?

Эльстон согласился.

— Думаю, нет. Лес слишком густ, а большие кошки любят открытые пространства: именно там водится их дичь. К тому же им нас не достать, если мы заберемся повыше. Благодарение господу, человек может лазать по деревьям.

— Но мы же ничего не знаем об этих лесах, — возразил Роджер. — Изучение их только началось, да и то лишь с воздуха. Кто знает, что таится в джунглях?

— Для меня достаточно того, что там нет кошек, — заметил Тони.

Эльстон снова прислушался. На этот раз звук, напоминающий громовой раскат, раздался ближе. Нет, это не гром...

— Я согласен с Тони, — сказал он, — видно, придется тебе решить иначе, Рог.

Роджер встал.

— Пожалуй, я великоват для деревьев. Незачем было лететь сюда двадцать девять световых лет только для того, чтобы изображать Тарзана.

Но к темневшей вдали громаде леса устремились все трое. Идти было трудно: ноги вязли в сырой почве, а трава была упруга и остра как бритва. Солнце медленно садилось на западе. Глухой рокот позади перешел в рев и рычание. Без сомнения, стая вышла на охоту. Возможно, кошки уже преследовали их.

Люди, спотыкаясь, побежали. Трава царапала руки, хлестала по лицу. Легкие разрывались. Во рту пересохло. «Так вот, — думал Эльстон, — что чувствует человек, когда он беззащитен, испуган и бежит под защиту деревьев. Приятного мало».

Поллукс-5 был почти как Земля. Близнец Земли — так они его называли. Ни чудовищ, ни ядовитой атмосферы, ни сокрушающей тело силы тяжести, вода и здесь была водой.

Они выживут, если доберутся до леса.

Эльстон Лэйн ворвался в лес. Переход был внезапным: только что он бежал по травянистой равнине, и вдруг его обступили огромные деревья. Он заставил себя пробежать еще ярдов сто, прежде чем остановился и перевел дыхание. Тони Моралес был рядом. Через минуту, задыхаясь и пытаясь, появился Роджер.

— Ребята, — выдохнул Эльстон, — я больше не могу.

— Я и подавно, — сказал Тони.

Их голоса звучали приглушенно во влажном лесу. Эльстон огляделся, чувствуя благоговейный страх. Это был не земной лес. Стройные, высокие деревья, некоторые из них были выше трехсот футов. Плотная листва нижних ветвей не пропускала света, у подножия огромных стволов было темно и мрачно. Сомнительно, чтобы солнечные лучи пробивались сюда даже в полдень. Воздух был неподвижен и влажен. Искривленные лианы опутывали стволы. Сверху непрерывно струился дождь из насекомых, пылицы, листьев и кусочков коры. Все это создавало жирную, черную почву, мягкую, как губка. Эльстон заметил несколько ярких птиц, мелькавших наверху, только их чириканье нарушало тишину.

— Что за местечко! — сказал Роджер Пеннок, взяв горсть почвы и рассматривая ее. — Не меньше двухсот дюймов осадков в год, а?

— Похоже, так, — согласился Эльстон, — но как же саванна по соседству? Такая разница в осадках...

Тони Моралес заявил:

— Кстати, о саванне. Меня прежде всего интересует, как убежать от кошек?

— Вряд ли они могут долго находиться в джунглях, — сказал Эльстон, — здесь для них нет пищи.

— Теперь она появилась, — напомнил Роджер. — Я думаю, ты продемонстрируешь нам одно из преимуществ человека перед львами, Эльстон. Человек может лазать по деревьям. Так ты говорил. Посмотрим, как ты будешь это делать.

Эльстон снова взглянул на деревья, и энтузиазм его резко упал. Деревья были велики, так велики, что нечего было и думать обхватить их ствол, а ветви, за которые можно было ухватиться, находились слишком высоко.

— Думаю, что наша единственная ставка — лианы, — задумчиво сказал он. — С их помощью мы доберемся до нижних ветвей и там отыщем местечко, где можно передохнуть.

Роджер воззрился на деревья.

— Я бы скорее на гору взобрался. Нужно быть обезьяной, чтобы карабкаться по лианам.

— Послушай, — терпеливо сказал Эльстон. — Начинает темнеть. Через час-другой совсем ничего не будет видно. Может, те кошки и оставят нас в покое, а вдруг не оставят? Тебе больше нравится забираться на деревья в темноте?

Он ухватился за лианы, свисающие с толстого ствола, и полез вверх. Взобравшись футов на шесть, Эльстон сорвался. Ругаясь, поднялся на ноги.

— Здорово ты лазаешь, — заметил Тони.

Эльстон ничего не ответил. Он снял башмаки, затем, поколебавшись, и носки.

На этот раз дело пошло лучше. Но все равно карабкаться было убийственно трудно: на высоте пятнадцати футов Эльстон стал мокрым от пота. К тому же Лэйн сделал неприятное открытие: в коре дерева обитали насекомые вроде муравьев. Они кусали его, пока он карабкался. Эльстон не смотрел вниз, только карабкался и карабкался, ухватившись за лиану, которая висела вокруг дерева.

Подъем занял полчаса. Это были самые долгие тридцать минут в жизни Лэйна. Ноги кровоточили. Руки были ободраны и расцарапаны. Рубашка стала черной. Кожа зудела от укусов насекомых. Наконец Эльстон влез на нижнюю ветвь дерева, обхватил ее ногами и прижался спиной к стволу. Это было не очень удобно и не так уж безопасно. Но он не смог бы более подняться ни на дюйм. Он весь дрожал. Тони и Роджер появились возле него как рыбы, вынырнувшие из глубины на поверхность странного моря. Все так устали, что не могли говорить.

Совсем стемнело. Первые звезды появились в просветах между ветвями. Внизу, под ними, все утонуло во мраке. По мере того как глаза Эльстона привыкали к темноте, он стал различать возле себя что-то вроде огромных белых цветов, пышную поросль, льнувшую к деревьям. Растения, обвивая деревья, пробивались к солнечному свету. Орхидеи, папоротники, воздушные растения, цветущие лианы — все боролись за пространство, за место под солнцем.

Это был новый мир, почти невидимый снизу, мир, в который попадаешь, поднявшись на несколько десятков футов вверх. А над ними были другие миры. Здесь были зоны жизни, меняющиеся в зависимости от количества света, они тянулись до самых верхушек деревьев.

Эльстон почувствовал, что силы постепенно возвращаются к нему. Дыхание становилось ровнее, пот на искусанной коже начал подсыхать. На этой высоте стало немного прохладнее и, кажется, не было муравьев. Правда, здесь появилось немало комаров, мух и пчел, но они не слишком досаждали.

Эльстон попытался разместиться поудобнее, но это оказалось невозможным. Спать было нельзя. Всякий раз он терял равновесие, как только начинал дремать.

Ночь тянулась бесконечно. Некоторое время шел дождь, и Эльстон слышал, как тяжелые капли стучали по листве. Что-то копошилось на верхних ветвях. Дважды ему показалось, что он слышит крики где-то очень высоко. Но ничего не было видно. Поллукс-5 не имел спутника, а свет звезд не проникал сквозь густую крону деревьев.

Тем не менее Эльстон не сомневался, что за ним наблюдали. Что-то таилось там, наверху. Мучительная тревога не оставляла его.

Наконец пришло утро: сначала небо мертвенно засерело, затем выплеснулся теплый, животворный свет.

Все трое начали спускаться вниз, как только смогли различить ветви. Спускаться было легче, чем карабкаться вверх.

Они вышли из леса и вернулись на травянистую равнину. Красноватые лучи солнца обдавали их благодатным теплом. Неподалеку от леса они нашли ручеек, кое-как умылись и запили водой пищевые капсулы. Эльстон подумал, что капсулы кончатся через три-четыре дня, если они будут бережно расходовать их. А после... Ну что ж, тогда они найдут что-нибудь еще.

Эльстон ожидал, что в утреннем свете все будет выглядеть иначе и он сможет лучше оценить обстановку. Но этого не произошло. Он смертельно устал. Голубое небо было безмерно огромным и пустым. Ему не требовалось смотреть на карту, чтобы почувствовать, как далеко они заброшены.

Они сразу же увидели место, где кошки покончили со своей жертвой: там кружилась черная туча птиц, питавшихся падалью. Люди осторожно подошли поближе. Это было крупное рогатое животное. Птицы с остервенением рвали куски шкуры и мяса. Тучи жирных мух носились вокруг. Эльстон заметил несколько гиеноподобных существ, сидевших на задних лапах и дожидавшихся своей очереди.

Люди возвратились к ручью. На всякий случай они держали наготове сигнальные ракеты. Бескрайнее небо было пустынно. Лес выглядел мрачным и негостеприимным. Они спали, грелись на солнце, по очереди дежуря. Эльстон был почти уверен, что кошки появятся только во второй половине дня, но все же нервничал. Если хищники застанут их на открытом месте...

После полудня ветер зашелестел высокой травой. Тени пронесли по саванне. Темные тучи собирались на горизонте. Людям опять нужно было решать ту же проблему: вертолет-разведчик не нашел их, кошки снова встали на повестке дня. Не хотелось и думать о ночевке на деревьях, но другого выбора не было.

Они набрали воды и направились к лесу.

И как раз вовремя. Хриплый рев хищников, вышедших на охоту, разорвал тишину; слышны были тяжелые прыжки животных, пробравшихся через густую траву.

Люди вбежали в лес и взобрались на деревья.

Эльстон видел, как кошки беснуются внизу. Их было шесть, и все самцы. Они были рыжевато-коричневые, их горячий острый запах наполнил неподвижный лесной воздух. Животные вставали на задние лапы, передними царапали ствол; белые клыки яростно впивались в кору.

Наконец кошки ушли. В лесу сразу же наступила тишина. Стало слышно пение птиц. До наступления темноты оставалось

еще около двух часов. Эльстон внимательно осмотрел деревья. Ветви над ним росли близко друг к другу, и большинство из них были достаточно толсты, чтобы выдержать вес человека.

Если бы он мог взобраться еще выше... Лэйн осторожно двинулся вокруг дерева, туда, где расположился Роджер. Теперь он передвигался довольно легко и даже чувствовал некоторое удовлетворение от того, что научился лазать по деревьям.

— Рог, дай-ка мне сигнальную ракету.

Роджер поднял свое бледное одутловатое лицо, вопросительно посмотрел на Лэйна.

— Хочу попробовать взобраться повыше. Если я вскарабкаюсь еще на семьдесят — восемьдесят футов, то увижу чистое небо. Тогда я смогу следить за разведчиком оттуда, нам не нужно будет спускаться вниз.

Роджер покачал головой.

— Тебе никогда не сделать этого. Ты погибнешь там без пищи и воды. Или сорвешься и сломаешь шею.

Эльстон глубоко вздохнул.

— Послушай, эти кошки разорвут нас на куски, если еще раз почуют наши следы. Бьюсь об заклад, что там, наверху, есть вода и, возможно, какая-то пища. Там обитает еще что-то, кроме птиц, я слышал ночью какое-то движение. Эти существа должны есть и пить, какими бы они ни были. Я думаю, стоит попытаться.

— Я за предложение Эльстона, — сказал Тони. — Надоело мне дразнить львов. Я за подъем.

Роджер промолчал.

Эльстон взял сигнальную ракету, сунул ее за пояс и начал подниматься.

Он вцепился в огромную лиану и пополз по ней, пока не добрался до следующей ветви, передохнул с минуту и продолжал подъем.

Лианы свисали с крыши леса, как занавес, цветущий и перепутанный. Живые существа кишели вокруг. Было много пауков, их мощная паутина оплетала растения и сучья. Птицы порхали яркими цветными пятнами, отовсюду слышался стук дятлов.

Остановившись передохнуть, Эльстон обратил внимание на воздушное растение. Его корни цеплялись за ствол, но питалось оно не соками дерева. Оно было длинное, с узкими листьями, сходящимися к центру. Основания листьев образовывали воронку, и в ней была вода, дождевая вода! Кварты две воды! В ней плавали сухие листья и куски гнилых плодов. Вода выглядела не слишком аппетитно, но в конце концов не так уж трудно было сделать сосуд из листьев, когда пойдет дождь. Плоды, птичьи яйца, вода... Итак, человек может жить здесь долгое время, если понадобится.

Эльстон прикинул, на какую высоту надо еще подняться, чтобы можно было окинуть взором местность. Еще футов сорок,

пожалуй. Верхние ветви были тонки и могли не выдержать его веса. Если он сорвется...

Но надо было торопиться, оставался всего час-другой до наступления темноты. И Эльстон полез дальше. Вскоре он так устал, что в глазах потемнело. Руки и ноги совсем онемели. Легкий ветер пронесся по верхушкам деревьев, и листья, казалось, что-то шептали ему.

Внезапно хлынул дождь. Потоки воды полились с неба. Дождь сам по себе был не страшен, но все ветви стали невероятно скользкими.

Эльстон попытался спуститься. Стемнело, и почти ничего не стало видно. Нога вдруг соскользнула, он сорвался и уцепился за лиану. Он попробовал скользнуть вниз по мокрой лиане. Ему показалось, что он достиг ветви, но затем ноги провалились в пустоту, а руки уже не могли больше удерживать тело. Что-то болезненно сжалось в груди, когда Эльстон почувствовал, что падает, но он не успел закричать. Чьи-то сильные маленькие руки схватили его за плечи.

Сначала он бешено сопротивлялся, но потом разум вернулся к нему. Если его отпустят, ему конец. И он заставил себя не двигаться.

Руки, державшие его, больно впивались в тело. Он почувствовал, что его подтаскивают к стволу. Наконец босой ступней Эльстон коснулся толстой ветки. Он посмотрел на своих спасителей. Темные фигуры вполтину человеческого роста, волосатые. Длинный цепкий хвост, передние конечности длинные и тонкие, но очень сильные. Огромные желтые глаза. Острый едкий запах. У Эльстона все завертелось перед глазами. Одно из существ вплотную придвинуло к нему свой черный и влажный нос.

— Текки-лука? — произнесло существо. Это прозвучало возпросительно.

Эльстон потерял сознание.

Очнувшись, он долго не мог ничего сообразить. Он лежал на боку, колени почти касались подбородка. Ему было мягко. Сквозь узорчатую листву виднелись звезды.

Наконец Эльстон вспомнил, что произошло с ним, и вздрогнул. Руки стали судорожно искать опору, надежный ствол. Но вокруг все было мягким. Эльстон встал на колени. Он находился в некоем подобии гнезда, сплетенном из веток и усталанном листвой. Гнездо было, пожалуй, мало для него, но вполне удобно и казалось достаточно прочным.

Эльстон поднял голову и увидел, что вокруг него на дереве сидели те существа. Их было около полусотни — маленькие темные фигуры с мерцающими желтыми глазами. Они сидели на ветвях; у одних хвосты свободно свисали вниз, другие цеплялись ими за ветки. Существа спокойно и серьезно глядели на него.

Эльстон подумал, что это не человекообразные обезьяны — те были бесхвостыми. Скорее они напоминали приматов.

Ни в одном отчете с Поллукса-5 о подобных животных не упоминалось.

Эльстон ждал. Больше ему ничего не оставалось. Одно было ясно: эти существа спасли ему жизнь. Они притащили его в гнездо и не причинили ему вреда.

Время шло. Животные смотрели на него, а он на них. Гнездо слегка раскачивалось от легкого ветерка. Под ним необъятный мрак, в котором что-то двигалось и шелестело. Над ним темный купол листвы, сквозь который кое-где пробивался свет звезд.

Внезапно, как по сигналу, животные начали оживленно блатать. Их голоса, высокие и мелодичные, порой прерывались глубокими кашляющими звуками. Эльстон не мог понять, обращаются ли они к нему или говорят о нем. Конечно, сам факт голосовой связи еще не означал, что это был настоящий язык, но все же...

Голоса смолкли так же внезапно.

Эльстон вглядывался в их лица. Существа по-прежнему недвижно сидели на ветвях. Но Эльстон определенно чувствовал: что-то произошло, они обменялись какой-то информацией, и эта мысль приводила его в замешательство.

Маленькая коричневая голова высунулась из листвы над гнездом. Желтые глаза глядели на него. Животное — очевидно, молодое, судя по размерам, — сделало попытку приблизиться к нему. И сразу же животное постарше, сидевшее слева, быстро пробежав по ветке, схватило любопытного. Мать, защищающая детеныша?

Постепенно Эльстона, как ни странно, стала одолевать дремота. По сути дела он давно уже по-настоящему не спал. Он зевнул и устроился поудобнее в гнезде.

Неожиданно большое взрослое животное, определенно самец, отделилось от других и медленно направилось к Эльстону.

Самец расположился на краю гнезда. Эльстон напряг всю свою волю, стараясь не шевелиться. Что нужно делать? Он попытался приветливо улыбнуться.

Лицо самца осталось совершенно неподвижным. Громадные желтые глаза, круглые, как шары, светились. Большие острокопечные уши стояли торчком. Черный нос был влажным, как у собаки, губы очень тонкие. Скорее всего, решил Эльстон, улыбка для него ничего не значит. А может быть, она будет воспринята как угроза...

— Текки-лука? — спросило животное. Голос был довольно приятный, скорее женский, чем мужской.

Эльстон колебался. Очевидно, он должен что-то ответить. Но что? Стараясь, чтобы его слова прозвучали как можно мягче, он сказал, чувствуя себя полным идиотом:

— Меня зовут Эльстон Лэйн. Спасибо за помощь. Мне хотелось бы стать вашим другом.

Животное устало на него. Невозможно было прочесть что-нибудь на его лице; казалось, оно чего-то ждет.

— Текки-лука? — задало оно прежний вопрос.

Эльстона бросило в пот. Он попытался придумать что-нибудь, но ничего не приходило на ум. Он указал на себя:

— Эльстон Лэйн.

Снова никакого ответа, но ему показалось, что животное стало держаться менее скованно. Самец протянул свою переднюю лапу, в ней был какой-то плод. Эльстон осторожно взял его. Лапа была почти такая же, как и у человека. Пять пальцев (один отделялся под углом), но на одних пальцах были узкие ногти, другие оканчивались когтями.

— Спасибо, — сказал Эльстон. Осмотрев плод, он вспомнил, что уже видел такой же на базе. Нечто вроде маленького апельсина. Лэйн осторожно очистил плод и надкусил. Плод был горьковат, но очень сочен.

Эльстон решил, что должен предложить что-нибудь взамен. Но что? Нож и сигнальная ракета ему нужны. Он пошарил в карманах. Носовой платок? Жалкий дар. Деньги? Совсем уж глупо. У него нет ничего, кроме...

Эльстон вынул карманную расческу и показал ее животному. Затем провел ей несколько раз по своим волосам и протянул самцу. Животное внимательно разглядывало расческу своими огромными желтыми глазами, поворачивая ее и так и эдак. Затем провело расческой по волосам на загривке, внимательно осмотрело ее и, найдя там насекомое, отправило его в рот.

Больше самец не произнес ни слова. Остальные существа по-прежнему сидели на ветвях, молчаливо и выжидающе. Они не выражали дружелюбия, но и не угрожали — просто сидели.

Эльстон расположился поудобнее в своем гнезде. Он чувствовал себя совсем разбитым, трудно было думать о чем-либо. Оставалось только ждать наступления дня. В конце концов он попал туда, куда хотел. Отсюда можно было следить за небом и выстрелить ракетой, если он увидит вертолет. Да у него и не было выбора. Он закрыл глаза, чувствуя легкое покачивание дерева; слабый шелест листьев доносился сверху...

Откуда-то из глубин памяти всплыла старая колыбельная песенка:

Спи, спи, дитя, на верхушке дерева.
Когда ветер подует, люлька закачается,
Когда сук сломается, люлька упадет...

Как ни странно, но он уснул.

Эльстон проснулся с первыми лучами солнца. Он сел и огляделся. Гнездо находилось так высоко, что Эльстон почувствовал головокружение.

Он закрыл глаза и через минуту снова открыл их. Животные исчезли. Ветви деревьев вокруг были пусты. Он слышал стук дятла внизу, видел белку, высунувшую голову из дупла. Вот и все. Эльстон огляделся повнимательнее, тщательно осмотрел деревья одно за другим и обнаружил несколько гнезд, таких же, как его.

Куда же подевались животные?

Над головой большими голубыми кусками виднелось небо; если появится вертолет, шум, конечно, будет слышен, и тогда можно пустить ракету.

Эльстон чувствовал голод, во рту пересохло. Он встал в гнезде, ухватившись за дерево. Если бы найти хоть пару тех плодов! Рот его раскрылся от удивления. Завтрак лежал в развилке как раз над гнездом. Два «апельсина» и три продолговатых плода, отдаленно напоминающие зеленые бананы, четыре розоватых птичьих яйца, мертвая лягушка и солидная кучка раздавленных насекомых. Там же стоял и сосуд с водой. Эльстон взял его и внимательно осмотрел. Сосуд был сделан из одного большого листа, заключенного в квадратную рамку из прутьев. Прутья были прочно связаны древесными волокнами.

Эльстон выпил немного воды — она имела сладковатый привкус, съел плоды и яйца. «Бананы» оказались жесткими и обжигали рот, но Эльстон все-таки съел их. Мертвую лягушку и насекомых он решительно отверг. Теперь, немного утолив голод, он почувствовал себя лучше, голова стала ясной.

— Эльстон! Эй, Эльстон!

Он так вздрогнул, что чуть не упал. Голос был слабый и доносился снизу, должно быть с соседнего дерева...

— Эй! — крикнул Эльстон. — Как вы там?

— Порядок! — донесся голос Тони. — Что ты там делаешь?

Эльстон слабо улыбнулся. Нелзя же прокричать отсюда обо всем, что с ним случилось. Он ответил, что видит небо, следит за появлением вертолета и не собирается пока спускаться.

Небо по-прежнему было пустынным. В гнездах все было тихо. Собственно, ему больше ничего не оставалось делать. Он должен сидеть в своем гнезде и следить за небом. День, казалось, никогда не кончится. Несколько раз принимался лить дождик.

Под вечер он снова увидел животных. Как он и подозревал, они все это время находились в гнездах и теперь медленно пробуждались, зевая и потягиваясь. Они полностью игнорировали присутствие Эльстона. Несколько самок нянчили детенышей. Большинство же занималось добычей пищи. Они легко передвигались по ветвям при помощи четырех конечностей, ловко используя длинные хвосты.

Эльстон встал в гнезде. Ничего не произошло. Он помахал животным рукой. Снова никакого внимания.

Он стал вылезать из гнезда. Вдруг животные бросились к нему с непостижимой быстротой и окружили его со всех сторон.

Эльстона прошиб пот. Нельзя было понять, чего они хотят. Их лица были возбуждены, но они не жестикулировали, просто сидели. Станные маленькие создания — ни одно из них не было выше четырех футов — глядели на него немигающими огромными желтыми глазами. От них исходил острый запах.

Эльстон глубоко вздохнул. Он должен как-то связаться с ними.

— Послушайте. — Он отломил веточку и положил на сук перед собой, указал на веточку, потом на себя. — Это я, — сказал он. Затем сгреб кучку листьев и положил их на тот же сук, указал на листья и на животных: — Это вы. — Он отломил еще две веточки и положил на нижнюю ветвь под гнездом, указал на веточки и ткнул пальцем вниз: — Это мои друзья. — Он взял веточку, олицетворявшую его, листья, медленно опустил их вниз, подобрал две веточки и положил все вместе на верхнюю ветвь. — Понимаете?

Никто из животных не пошевелился и не произнес ни звука. Казалось, все объяснения Эльстона оказались тщетными. Но вот животные задвигались, как бы приняв какое-то решение. Восемь самцов отделились от остальных. Один из них — видимо, тот самый, что взял расческу, — схватил Эльстона за плечо.

— Текки-лука? — спросил он.

Эльстон горестно вздохнул.

— Она самая, — сказал он. — Текки-лука.

Самцы стали спускаться, двое поджидали Эльстона.

Кто бы они ни были, но они далеко не глупы! Эльстон вылез из гнезда и начал спуск. «Как только, черт побери, я объясню все это Рогу и Тони?» — подумал он.

Поднять двух человек на верхний этаж леса оказалось несравненно легче, чем убедить Роджера Пеннока и Энтони Моралеса, что это единственный выход из положения. В конце концов все же Эльстону удалось их убедить, и они отдали себя в распоряжение животных. Они не слишком охотно согласились, но что было делать? В саванне их поджидали большие кошки, идти самим через бесконечные тропические леса к базе было просто сумасшествием, долго продержаться на нижних ветвях они вряд ли смогли бы. Оставался единственный путь — наверх, где они могли увидеть вертолет.

Но вертолет не появлялся.

Долгие недели тянулись невыносимо медленно, а небеса Поллука-5 оставались по-прежнему пустынными. Становилось все яснее, что вертолет не появится. Их, видимо, искали где-то в другом месте.

У трех людей не оставалось никаких шансов вернуться на базу. Они смогли бы это сделать только в том случае, если животные, с которыми они жили на деревьях, помогут им.

Животные не проявляли ни враждебности, ни дружелюбия, они были безразличны к людям. Если они и помогали им, то по каким-то своим собственным соображениям. Существа казались разумными, порой это даже тревожило. В какой-то степени с ними можно было общаться.

Три человека имели еду и питье и были в полной безопасности, пока оставались в своих гнездах. Но если даже люди не могут договориться друг с другом, то как добиться взаимопонимания с существами, которых можно считать человекоподобными, так сказать, условно?

Тони Моралес щурился, глядя на раннее утреннее солнце. У него отросла борода, глаза стали красными, а одежда превратилась в лохмотья. Он с отвращением бросил в гнездо перепачканную карту.

— Что-нибудь получилось? — спросил Эльстон.

Их гнезда находились в нескольких футах друг от друга. Существа настаивали на постройке отдельных гнезд. Конечно, легче построить гнезда меньшие по размерам. Но дело было не только в этом. Существа всегда спали в отдельных гнездах, в своих собственных, и никогда не залезали в чужие. Правило это строго соблюдалось, исключения допускались лишь для детенышей, которые спали с матерями.

Тони вздохнул. Он выглядел крайне усталым.

— Ничего не получилось. У меня был всего час, перед тем как они ушли спать. Естественно, к этому времени все они так устали, что им трудно было сосредоточиться. Ты когда-нибудь пытался объяснить тому, кто никогда не видел карты, что это такое, да еще почти в темноте? Безнадежно.

— Полный провал? — Эльстон безуспешно пытался скрыть отчаяние, прозвучавшее в его голосе.

Тони зевнул.

— Да нет, они понимают, куда нам надо попасть. Они сообразительны, ты знаешь. Они даже знают, где находится база. Но я никак не могу выработать вместе с ними точный маршрут. Они знают дорогу, тут есть целая сеть тропинок на этих проклятых деревьях, но ведь мы не в состоянии идти по их тропам. Представь себе великанов, пытающихся пробираться вслед за пигмеями через заросли. Если же мы спустимся вниз, то будем вынуждены выйти из непроходимого леса в саванны. Нам не подходит ночь, а они не могут передвигаться днем. Говорю тебе, что мы проведем остаток жизни, сидя в этих дурацких гнездах.

— Постарайся заснуть, Тони. Ты провел нелегкую ночь. Рог и я понаблюдаем.

— Понаблюдаете? За чем? Разве ты не знаешь, что братья Райт для нас теперь всего лишь миф?

Тони свернулся в гнезде, зажав в руках карту. Через секунду он спал, но сон его был беспокойен.

Эльстон и сам устал, все они устали. Трудно привыкнуть спать днем даже при обычных обстоятельствах, здесь дело еще более осложнялось. Днем они должны были следить, не появится ли вертолет, а ночью находиться вместе с животными. К тому же раскачивание деревьев, крики птиц, кваканье лягушек, шум листвы — все это мешало спать.

Никто из них не спал в гнезде как следует, только дремали.

Эльстон знал, что должен поговорить с Рогом, тот был совсем плох: побледнел и осунулся, кожа, казалось, висела на нем, как если бы она была надета на скелет меньшего размера. С большим трудом удавалось вовлекать его в общие дела.

— Рог, мне нужна твоя помощь.

Биолог безучастно смотрел на ствол дерева.

— Когда мы составим отчет, КОВТОН* получит от нас колоссальную оплеуху. Тебе придется хорошенько поработать над отчетом как биологу. Подумай об этом, Рог.

Роджер покачал головой.

— Я боюсь, — тихо проговорил он. — Можешь ты понять? Нам никогда не выбраться отсюда. Я боюсь спускаться вниз, боюсь этих животных. Я болен, не могу ни о чем думать и не знаю, что делать.

Эльстон постарался отвлечь его от мрачных мыслей.

— Ты уверен, что у них нет слова, которым они обозначают себе подобных?

Роджер промолчал.

— Странно. Ведь называют же они как-то других животных, не так ли?

Биолог медлил. Он знал, что Эльстону известно об этих странных животных не меньше, чем ему, Роджеру, но все же наконец вступил в разговор.

— Есть одно слово, — сказал он. Его голос был так слаб, что Эльстону пришлось напрячь слух. — Ты знаешь его — «керг».

— Но это ведь не название существ, верно?

— Нет, конечно. Не думаю. Это скорее личное местоимение. Оно означает «мы» или «вы», что-то в этом роде. У них есть названия для других животных: больших кошек, например, они называют «летуу». Но себя они никак не называют. У них нет даже личных имен, полагаю, что они узнают друг друга по запаху. Пожалуй, они и не пользуются языком в том смысле, как понимаем это мы, то есть в тех же ситуациях. Они ничего не делают так, как мы. Черт возьми, да какая, собственно, разница?

— Огромная, Рог. Мы должны понять их. Мы никогда не выберемся отсюда, если не добьемся взаимопонимания. Если ты хочешь когда-нибудь вернуться домой...

* КОВТОН — Контрольная организация внеземных территорий Объединенных Наций (термин автора).

Биолог задвигался в своем гнезде. Он давно не вел себя столь активно, и это заставило Эльстона насторожиться. Роджер выбрался из гнезда и пошел, вернее, пополз вдоль ветви, цепляясь за нее руками и ногами, хриплые отрывистые звуки вырывались из его горла.

— Роджер! Роджер, вернись!

Эльстон в ужасе смотрел на биолога, не в силах пошевелиться. Роджер двигался по одной из тех троп, которой пользовались животные. Ветка согнулась под тяжестью человека. Роджер ухватился за сук и попытался перемахнуть на другую ветку — животные проделывали это с легкостью. Он сорвался.

Пролетев футов десять и сломав сук, биолог упал на нижнюю ветвь и лежал неподвижно. Ему фантастически повезло, но он не смог бы теперь вернуться в гнездо без чужой помощи.

Эльстон, не раздумывая, выбрался из гнезда и стал спускаться вниз, отчаянно цепляясь за лиану. Потом пополз по суку к Роджеру. Сук был крепкий, но и он согнулся под тяжестью двух тел. Эльстон схватил Роджера за пояс и поднял его, не решаясь смотреть вниз. Биолог был в полубессознательном состоянии и бормотал что-то хриплым шепотом. Эльстон прислонил его к стволу и довольно сильно похлопал по щекам.

— Встань, Роджер. Возьмись руками за лиану.

— Не могу. Я устал, болен...

— Встань!

Кое-как Эльстон дотащил его до гнезда и вернулся в свое, весь дрожа от усталости и ярости.

— Проклятый дурак! Ты хочешь погубить всех нас! — сказал он и сразу же пожалел о своих словах: ведь Роджер не отдавал отчета в том, что делал.

— Боюсь. Я боюсь. Можешь ты это понять? — Роджер захныкал, как ребенок. Эльстон постарался успокоить его, и биолог наконец уснул.

Солнце медленно катилось по небу: послеполуденный дождь принес прохладу. Длинные тени пробежали по лесу, в отдалении раздался рев больших кошек.

Эльстон и сам испытывал страх перед долгой ночью, перед джунглями, страх перед огромными кошками, которые рыскали по саванне. Но больше всего он боялся этих существ, живших рядом с ним.

Конечно, они были гуманоидами. Существа могли манипулировать символами, в этом не было никакого сомнения. У них был язык. У них была культура. Они обладали способностью к разумному мышлению. Они могли создавать искусственные сооружения, предметы обихода, у них возникли свои обычаи, система родства, они были умны. Всего лишь два небольших отличия от юридического определения человека.

Они жили на деревьях и вели ночной образ жизни.

Два небольших отличия, но что они означали?..

Темнело, наступала враждебная ночь. Существа стали пробуждаться, они вставали из своих гнезд, и Эльстон вновь видел их огромные желтые глаза и бесстрастные лица.

Эльстон крикнул Тони, чтобы тот вставал: он боялся остаться с ними один.

Долгие недели складывались в бесконечные месяцы.

Трое людей делали все, чтобы существа, спасшие их, помогли им вернуться на базу в пятистах милях отсюда. Это было тяжелое, утомительное занятие, требующее огромного нервного напряжения и терпения.

Роджер Пеннок немного пришел в себя. Но все же его состояние вызывало тревогу. Тони Моралес держался неплохо. Он вошел с картой с упрямой решимостью, удивлявшей Эльстона. Тони был человек вспыльчивый, но, по-видимому, умел брать себя в руки, когда это было необходимо. Эльстон работал так, как никогда в жизни: он был одновременно экологом, антропологом, психологом и просто человеком с юмором.

Чувствовали они себя неважно. Длительная фруктовая диета отразилась на их пищеварении. Постоянное недосыпание тоже сделало свое дело. Силы людей убывали с каждым днем.

Они изготовили веревки, сплетая их из волокон растений, росших внизу и напоминавших сизаль. Существа собирали их ночью и приносили на деревья.

Люди упорно учили язык существ, чтобы понимать их.

Существа знали удивительно много о своем прошлом, учитывая отсутствие какой бы то ни было письменности. Характерно, что они представляли себе жизнь как некий континуум, простирающийся неопределенно далеко как в прошлое, так и в будущее. Единственной их религией можно было считать своеобразный мистический взгляд на свой вид как на нечто ведущее начало с незапамятных времен и грядущее в вечность.

Приматы на Поллуксе-5 появились примерно так же, как и на Земле. Миллионы лет назад по планете бродили гигантские рептилии. Первыми млекопитающими были маленькие крысоподобные существа; для своей безопасности они вели ночной образ жизни и обитали на деревьях. Потом гигантские ящеры вымерли в результате геологических сдвигов и экологических изменений.

Часть млекопитающих покинула деревья. Они быстро эволюционировали, и среди них на первый план выдвинулись большие кошки. Правда, было время, когда существовали и древесные кошки, что-то вроде леопардов. Леопарды не выжили, и Эльстон подозревал, что это произошло не без участия существ, приютивших людей. Большие же кошки процветали; это были грозные животные, организмы, созданные для убийства.

Приматы развились от первых крысоподобных млекопитающих-насекомоядных. Некоторые из них оставили деревья и вели

наземный образ жизни, как бабуины. Но кошки быстро уничтожили их. Часть приматов осталась на деревьях.

Их глаза были огромны и приспособлены к ночному образу жизни: существа плохо видели при дневном свете, но в темноте отлично.

Их система общения не была связана ни с выражением лица, ни с позой, ни с жестами. Даже язык не играл главной роли. Они сносились друг с другом при помощи запахов. На их предплечьях и под мышками были специальные железы. Существа оставляли свои выделения на ветках и порой при этом пользовались хвостами. В темноте это был безопасный и верный метод связи, но люди его не в состоянии были освоить. У человека нет ни подобных желез, ни столь чувствительного носа. Существа применяли запахи чрезвычайно широко: они отмечали ими границы своей территории, выражали определенные оттенки чувств, совещались таким способом перед совместными действиями. Их ухаживания и брачный ритуал почти целиком определялись запахами. Даже дети не плакали: они испускали просящие, молящие запахи.

У них были умелые руки: они делали гнезда, сосуды для воды, веревки. Впрочем, их культура не имела технологического уклона. У них были кое-какие орудия, но, видимо, они предпочитали ими не пользоваться.

Культура их казалась странной: без песен, без шуток, без игр. Самой странной была ее неизменность: шли тысячелетия, а перемен почти не происходило. Как будто существа ждали чего-то, какого-то благоприятного случая...

Существа никогда не проявляли дружелюбия. Эльстон считал, что вряд ли они испытывают когда-нибудь жалость или сострадание. И в то же время они выразили желание помогать трем людям.

Почему?

Все эти пустые дни и нелегкие ночи Эльстону не давал покоя один и тот же вопрос. Почему?

Однажды неизбежное случилось. Люди совершили ошибку.

Состояние Роджера Пеннока быстро ухудшалось — от него остались кожа да кости. Нервная система биолога так истрепалась, что он постоянно дергался. Трудно было представить его прежним: лысоватым, склонным к полноте, всегда медлительным и методичным. Сейчас он был близок к сумасшествию.

Как-то после полудня он появился у гнезда Эльстона.

— Мне нужен твой нож! — заявил он.

Эльстон взглянул на него.

— Нож? Для чего?

— Мне нужен твой нож! — голос Роджера срывался до крика.

— Успокойся, Рог. Конечно, дам. Но что ты собираешься им делать? — Эльстону очень не хотелось отдавать нож.

Роджер улыбнулся.

— Я хочу немного насолить им,—заявил он таинственным шепотом.

— Как же ты собираешься это сделать?

Роджер сунул голову в гнездо.

— Я хочу сделать себе копые.

— Послушай, Рог. Мы не можем напасть на них. Мы даже не можем угрожать им. Ты можешь их не любить, но пойми, они единственная наша надежда.

— Ты думаешь, я сумасшедший! — крикнул Роджер.

— Да нет же, Рог. Но...

— Что но?! Ты же сам говорил, чтобы мы пошевелили мозгами. Вот я и пошевелил. Мы должны спуститься наконец с этих деревьев, слышишь? Когда мы это сделаем, нам понадобится оружие. Если мы останемся в лесу, я могу сделать копые. Для этого нужна только крепкая прямая палка с острым концом. Я могу вырезать его хотя бы вон из той ветки, что торчит справа. Ведь это лучше, чем ничего, а? Скажи?

Эльстон колебался. Если бы он был уверен, что Роджер применит оружие только при необходимости, пожалуй, эта идея была бы недурна. Роджер чувствовал бы себя спокойнее с оружием.

— Ладно,— сказал он.— Делай свое копые. Но пусть оно лежит в моем гнезде, пока мы не спустимся вниз. Я не хочу, чтобы ты поранил себя, если потеряешь сознание. Идет?

— Идет,— биолог улыбнулся.— Наконец-то мы избавимся от них!

Эльстон дал ему нож.

Роджер пополз вдоль ветки. Он выбрал сук, нависший над одной из троп, которой пользовались существа. Эльстон десятки раз видел, как они хватались за сук, но никогда не думал, что из него можно сделать оружие.

Роджер открыл нож. Это был всего лишь перочинный нож, которым Эльстон чистил трубку, но лезвие было отличное. Много надо было времени для подобной работы. Роджер располагал временем. Он начал резать сук, делая круговой надрез. Работа шла медленно. Белые стружки летели вниз. Роджер обливался потом, но впервые за много дней он был счастлив, даже напевал что-то.

Шли часы. Солнце стало садиться, и черные тени окутали деревья, подул легкий ветерок.

Существа зашевелились в своих гнездах.

Роджер уже глубоко врезался в сук, тот начал потрескивать. Он сунул нож в карман, схватился за сук обеими руками и навалился на него изо всех сил. Сук треснул в месте надреза, но все еще держался.

Роджер стал резать волокна, которые держали сук. Все остальное произошло мгновенно. Существа вышли из своих гнезд. Лица были совершенно бесстрастны, они не издали ни звука, желтые глаза их мерцали.

Они в одну секунду окружили Роджера, схватили своими могучими руками и бросили вниз. Он кричал, пока не ударился об одну из нижних ветвей. Потом полетел дальше. Глухой удар о землю, последний сдавленный крик.

Тони выскочил из гнезда, гневно сжав кулаки. Эльстон схватил его за плечо:

— Постой! — прошептал он.

— Они убили его, хладнокровно убили!

Эльстон почувствовал, как вся кровь хлынула ему в голову. Все, что он мог сделать, — это держать себя в руках.

— Постой! Все равно мы теперь ничем не можем помочь Роджеру. Мы будем следующими.

— Нет. Смотри, они возвращаются. На нас они не сердятся. Что-то Роджер сделал не так...

Существа не обращали на людей никакого внимания. Два или три ощупывали сломанный сук, пытались приладить его, но ничего не получалось. Они оставили его висеть и занялись едой.

— Дурак! — сказал Эльстон.

— Он же ничего им не сделал, он только хотел...

— Не он. Это я дурак. Я должен был подумать заранее, должен был предвидеть.

Тони покачал головой и глянул вниз.

— Тоже мне, мыслитель. — Эльстон тяжело вздохнул и отбросил волосы со лба. — Понимаешь, Тони? Сук — это часть их тропы. Они всегда хватались за него, мы оба видели это десятки раз. Лес — их дом. А мы этого не поняли. Они же не понимают нас. Для них поступок Роджера — бессмысленный акт разрушения, даже, пожалуй, враждебный. Они строят свои гнезда почти у стволов и никогда не ломают сучья близ тропы. Возможно, это своего рода табу.

— Какая разница? Рог мертв.

— Да, да. Я в этом виноват. Но мы должны понять, почему так произошло.

— Понять! — фыркнул Тони. — Да мы не поймем их и через тысячу лет.

Эльстон взглянул на него.

— Хорошо, Тони. Ты хочешь с ними сражаться? Да, мы, может быть, прикончим одного или двух, прежде чем они справятся с нами. Я пойду с тобой, если ты так решил.

Тони покраснел.

— Прости. Но этот его крик...

— Но вряд ли Рог захотел бы, чтобы мы пожертвовали собой ради мщения. Рог хотел вернуться домой. Все, что мы можем сделать для него, — это попытаться осмыслить его гибель.

— Что мы можем предпринять?

— Мы должны уйти, готовы мы к этому или нет. Нам везло, нам до сих пор фантастически везло. Так или иначе, мы совершим

еще какую-нибудь ошибку. Теперь или никогда! Именно сейчас мы должны оставить гнезда.

— У нас нет никаких шансов, ты же знаешь. Пятьсот миль... Нет, это невозможно.

— Ты хочешь остаться здесь после всего, что произошло? На этот вопрос мог быть только один ответ.

Сильные сухие пальцы выпустили кисть Эльстона, и он очутился на земле. Он стоял, качаясь, с трудом удерживая равновесие. Долгие месяцы его ноги не касались твердой почвы, он чувствовал, что его окружает чужой, враждебный мир.

Тони спрыгнул рядом с ним, он ухватился за дерево, чтобы не упасть. Существа остались наверху. Ни слова прощания.

Они нашли изуродованный, распухший труп Роджера. Эльстон и Тони сняли верхний мягкий слой почвы и похоронили его. Эльстон отыскал свой нож и сунул его в рваный карман.

Было раннее утро. Бледные лучи солнца с трудом пробивались вниз через мир, который они покинули. Существа сейчас как раз укладывались спать. Если они с ними не встретятся...

Но лучше об этом не думать.

Эльстон глубоко вздохнул.

— Пошли, дружище. Пять миль в день, коли повезет. Четыре месяца — и мы на базе. Мы можем это сделать. Главное — идти день за днем.

У них не было компаса. Они боялись идти по саванне, где могли ориентироваться по звездам и солнцу. Лес же был лабиринтом, зеленым живым лабиринтом.

— Вот она, — произнес Эльстон, указывая рукой на отметку — круг из желтых листьев, прикрепленных к стволу чуть ниже того места, где начинались ветки. Он четко выделялся на черной коре. Каждую ночь существа будут размечать маршрут дальше. Людям оставалось идти по тропе.

Они тронулись в путь.

В этой части леса почти не встречалось зарослей, затруднявших движение. Но внизу стояла жаркая духота. У них не было обуви. Они сильно ослабли, питаюсь только плодами и яйцами, но шли, упорно шли в этой жаре, окруженные тучей насекомых. Разбитые ноги кровоточили, тело ломило... Они шли, руководствуясь отметками, веря в них потому, что больше не во что было верить.

Эльстон и Тони почти выбились из сил, когда наконец стало смеркаться. Они шатались, как пьяные. Потом раздался рев больших кошек, близко, пугающе близко...

И тогда существа встретили людей. Они подняли их на деревья, положили в гнезда, накормили и напоили, но и виду не подали, что рады видеть их, — ни слова приветствия. Существа делали все, чтобы люди смогли идти дальше, и только.

Эльстон лежал в гнезде, таком привычном гнезде, где чувствовал себя в полной безопасности. Он так устал, что не мог спать. Необъятная ночь шелестела и шептала вокруг. Тот же вопрос сверлил его мозг.

Почему? Почему они это делают?

Трудно было следить за течением времени, трудно было думать, трудно было идти, но они шли весь день, потом, обессиленные, валялись в гнезда и спали тревожным сном.

Они жили как во сне, где все движения были замедленны, где день и ночь окрасились в один светло-зеленый цвет, где призраки двигались рядом в лесном полумраке. И этот сон был явью.

Порой, когда встречались участки, свободные от густых зарослей, идти было легко, и они делали в день по десять миль. В другие дни с трудом доходили до следующей отметки. Два раза они переправлялись через реки — огромные мутные потоки. Существа не умели плавать. Они ловили бревна и переправлялись на них на другой берег. Для людей они делали плоты, связывая бревна веревками.

Эльстон и Тони кое-как держались; они были грязны и оборванные, лица их заросли, глаза воспалились, но подошвы ног огрубели, а мускулы стали твердыми.

Они держались.

Порой к ним возвращалась надежда. И однажды еще за сотни миль до базы они услышали знакомый гул.

Они переглянулись, боясь поверить в свое спасение, и бросились бежать, крича как помешанные. Они бежали и бежали, пока не вырвались из леса, из зарослей лиан и огромных деревьев. Они мчались, не замечая колючек, забыв об израненных ногах, и выскочили в саванну, и чистое небо раскинулось над ними. Они и думать забыли о больших кошках, только бежали и бежали.

Потом они пустили сигнальные ракеты. Они прыгали, махали руками, кричали. Звук, доносившийся сверху, становился все громче и громче. Наконец-то они увидели вертолет. Его лопасти сверкали, сливаясь в сияющий диск, он спускался к ним.

Когда Эльстон проснулся, он долго не мог сообразить, где находится.

Под ним было что-то мягкое и нежное, но не гнездо! Что-то покрывало его и сверху не тяжелее пуха! Стояла тишина, только где-то далеко-далеко слышался неясный гул. Ничто не качалось под ним; он долго прислушивался, но так и не услышал ни шума ветра, ни шелеста листвы.

Вздрогнув, Эльстон открыл глаза. Светлая комната, окно, дверь. Он лежал на кровати, по плечи укрытый белоснежной

простыней. Он физически ощущал чистоту своего тела. На столике стояла ваза с красными цветами.

Теперь он знал, где находится, — в госпитале базы. Он снова закрыл глаза, память возвращалась к нему.

Он вспоминал...

Вспоминал изумленные лица людей на вертолете. Их лица! Он вспоминал дику, невероятную историю, которую они с Тони пытались им рассказать. Вспоминал невероятно захватывающее чувство полета; глядя вниз, он видел тогда зеленое море леса, безжизненное зеленое море, в котором — он знал! — существа спали в своих гнездах.

Вспоминал посадку на базе, инъекции и эти вопросы. Бесконечные вопросы! Интервью, подробный опрос, письменные отчеты, бланки, которые они заполняли, диктофоны...

Да, это нелегко вернуться к жизни. Поиски давно прекратились. Они были слишком далеко от базы, когда ураган обрушился на них.

И все-таки они вернулись. Он и Тони вернулись, с тем чтобы изменить историю планеты, но сейчас это мало трогало Эльстона. Сейчас его занимали более важные вещи — он вернулся к жизни! Он смотрел на все новыми глазами. Его приводила в восторг любая мелочь: вкус жаркого, ясный день, бритье, ощущение чистого платья на теле. Курение было радостью, вид женщины приводил его в экстаз, кондиционер был чудом.

Однако вскоре он вспомнил другое: огромные желтые глаза, мерцавшие во мраке, могучие волосатые руки, спасшие его, хвосты, обвивавшие ветви. Он не мог себе даже представить того, что они сделали, но он знал точно: они не ждали благодарности. Существа действовали, исходя из своих соображений. Он остался жив, и он поведал их историю.

Эльстон по опыту знал, что произойдет дальше. Отчет об открытии существ дойдет до КОВТОН, собственно, он был уже в пути. Будут бесконечные разговоры, речи, сенсационные передовые, конференции, заседания. Все будет, но окончательное решение неизбежно.

Разве Поллукс-5 не близнец Земли? Разумеется! Правда, есть небольшие отличия, очень небольшие отличия, мелочь...

Человечеству необходимы землеподобные планеты для расширения обитаемого космоса. Только это, пожалуй, и решало проблему.

А существа? Как быть с ними?

Положим, будут проведены длительные исследования. Антропологам, социологам, психологам — всем найдется дело на долгие годы. Но их решение и сейчас уже ясно. С юридической точки зрения существа человекоподобны: они общались с помощью символов, у них была культура, был язык, они обладали способностью к логическому мышлению. На худой конец они были и приматами. Закон не давал специальных разъяснений по поводу древесного или ночного образа жизни. Но что из того?

Приветствуем вас, братья!

Итак, Поллукс-5 станет обитаемым миром. Остальное пойдет как по-писаному.

Существа обитали во влажных лесах, да и то не во всех. Следовательно, остальную территорию — беспредельные саванны — заселят люди. И это не колониализм: человек должен был прийти на Поллукс-5, и он пришел сюда, чтобы остаться.

Существа, конечно, так или иначе будут в одиночестве. Их культура по обычным критериям примитивна. Они не в состоянии будут понять необходимость требования, основное содержание которого — руки прочь от их территории. А если они и поймут — в чем Эльстон сильно сомневался, — это им будет безразлично. Человек не сможет жить на деревьях, на планете и без того достаточно места.

И это значит...

Эльстон внезапно понял, почему существа помогли людям.

Он попробовал взглянуть на все случившееся их глазами. На громадных кораблях люди прилетели на Поллукс-5, построили базу и начали исследовать планету. Прежде всего они уничтожили больших кошек возле своего поселения. Где жил человек, там кошек больше не было.

Существа были сообразительными. Конечно, они не могли представить себе все детали. Они знали только, что их врагов уничтожают люди, сошедшие с кораблей. Существа знали, что люди не могут жить на деревьях, и потому их владения в безопасности.

Конечно же, существа хотели помочь потерпевшим крушение и сделали все, что было в их силах, чтобы доставить людей на базу. Они позволяли людям все, что угодно, пока это не угрожало лесу, их жилищу. Они шли на риск, но были осторожны. Существа и не подумали доставить сообщение о крушении вертолета людям с оружием в руках: знали, что такие люди опасны.

Эльстон поглядел в окно. Там была тьма.

Предки людей тоже когда-то спустились с деревьев. Правда, для них это было не так опасно, как для существ. Они сошли, выжили и размножились.

Что будет, если существа получат такую возможность?

А они ее получают. Пройдут годы, и большие кошки будут жить только в заповедниках. Внизу останутся только люди.

Умом Эльстон понимал, что это будет поразительно. Сотрудничество, дружба...

Но в глубине души интуитивно он чувствовал сомнение. Соперники?

Привет вам, братья!

Эльстон явственно ощущал этот мир, мир саванны и кошек, деревьев-великанов и мерцающих желтых глаз.

Близнец Земли и близнец человека, пожалуй, примитивный, совсем дитя, но близнец, который умеет ждать.

Это случится не при свете дня, а в ночной тьме. Они спустятся вниз, покинув свои гнезда, так долго бывшие их крепостью, спустятся вниз, на землю, которая так долго отвергала их.

Эльстон вспомнил колыбельную песню:

Спи, спи, дитя, на верхушке дерева.
Когда ветер подует, люлька закачается.
Когда сук сломается, люлька упадет.
И вниз упадет дитя...

Эльстон встал с кровати и подошел к окну. Он смотрел на мерцающие огни базы, глядел дальше, туда, где была темень. Там, в ночи, ждало своего часа дитя.

Сокращенный перевод с английского
Н. Кондратьева

В ожидании первого контакта

О рассказах Чэда Оливера «Почти люди»
и Айзека Азимова «Нечаянная победа»

Полеты людей в космос превратили старую, в высшей степени теоретическую и даже полуфантастическую догадку о множественности обитаемых миров в полную реальную проблему «проблему века».

Прогресс общественного мышления в конце концов всегда берет свое. «Внеземные цивилизации... прятаться или отвечать?» — споры на эту и подобные ей темы перестали быть монополией писателей-фантастов. Философы, представители естественных наук все с большим интересом обсуждают возможность встреч человечества с неземлянами.

Современная фантастика не только художественная литература. Это и, если можно так выразиться, «преднаука». Это мысленная «стратегическая разведка», высылаемая человеком-познавателем вперед (а иногда и назад) на десятки лет, века, порой на тысячелетия. В качестве «преднауки» современная фантастика давно не сомневается в том, что встречи и контакты с неземлянами неизбежны, неотвратимы.

Фантасты стремятся «про моделировать» различные возможные последствия грядущих контактов людей с представителями неземного разума. Это и понятно: такой контакт — событие ни с чем не сравнимого исторического значения, качественно новый рубеж развития нашей цивилизации.

Какими будут контакты: принесут ли они человечеству благо или неведомые опасности? По-разному отвечают на это фантасты, живущие в социалистическом и капиталистическом обществах.

Советским фантастам присуща оптимистическая убежденность в том, что разум — всегда благо, всегда гуманен и, чем выше «степень разумности», тем более космически широк смысл протекающего отсюда гуманизма. Вспомним идею Великого Кольца Миров И. Ефремова — волнующую воображение романтическую мечту о грандиозном союзе разумных цивилизаций Галактики. Разум, возвысившийся до уровня космического фактора, органически не может, не в состоянии избрать дорогу зла — порабощения и уничтожения «разумяня», находящихся «на нижних ветвях спирали».

Разум противоположен безумию. Если же он и переходит иногда в свою противоположность (такое тоже не исключено), то неизбежно уничтожает себя. И в этом глубокая закономерность, диалектика эволюции цивилизаций, их прогресса и регресса, утверждает другой известный советский фантаст, А. Казанцев, в новом романе «Сильнее времени» (отрывки из него уже публиковались в журналах).

На иных позициях находятся многие представители западной фантастики. Сама атмосфера бытия, свойственная капиталистическому миру, часто заставляет даже наиболее прогрессивных фантастов Запада представлять контакты с неземлянами в духе окружающей их жизни. Справедливо замечают во вступительной статье к «Библиотеке современной фантастики» (изд. «Молодая гвардия», т. I) Е. Брандис и В. Дмитриевский: «...даже ведущие и самые

прогрессивные фантасты Запада не чувствуют движения истории — существующий порядок вещей проецируется и в грядущие века...

Современная западная фантастика решает проблему контактов с внесезыми цивилизациями чаще всего негативно, в пессимистическом плане: 1) пусть встреча состоится, но контакта может не произойти; 2) контакт может быть опасен, если «та» цивилизация окажется могущественнее земной; 3) контакт принесет в конечном итоге вред человечеству, даже если «та» цивилизация будет равна земной по своему развитию или же окажется на более низкой ступени развития.

В выпуске альманаха «На суше и на море» за 1963 год был напечатан научно-фантастический рассказ Роберта Шекли «Все, что вы есть», посвященный проблеме контактов с неземлянами. Идея этого рассказа заключается в том, что представители двух цивилизаций, встретившись, не нашли точек взаимопонимания только потому, что резко различной оказалась их нервная организация.

В предлагаемом вниманию читателей выпуске альманаха публикуются рассказы американских фантастов Чэда Оливера «Почти люди» и Айзека Азимова «Нечаянная победа». Оба писателя тоже касаются в фантастико-философском плане проблемы контактов с внесезыми цивилизациями.

Сюжетная схема рассказа Ч. Оливера не нова: это еще одна «космическая» робинзоада. Однако острая приключенческая история трех исследователей планеты Поллукс-5 читается с захватывающим интересом. Реалистически подробная, с множеством красочных деталей картина дикой природы пленит воображение всех, кому не чужд дух романтики путешествий и открытий.

Вертолет-разведчик, попав в бурю, терпит аварию. Его экипаж, отрезанный от базы сотнями миль непроходимых джунглей и кишмящих хищниками саванн, оставшись без оружия, спасается в лесу от свирепых «больших кошек». Автор и не думает изощряться в изображении фауны Поллукса-5. Она очень похожа на земную. И хорошо, что на сей раз обошлось без сверхчудовищ. Любителей фантастики давно уже не удивит кошмарами, порожденными изощренным умом творцов «литературы ужасов».

В джунглях планеты робинзоны встречают хвостатых обезьян — единственных разумных аборигенов юного мира. Это как бы «дремлющая» цивилизация: тысячелетия она остается на одном и том же примитивном уровне развития.

Английский профессор Э. Хьюиш полагает, что встреча с цивилизациями, интеллектуально более развитыми, чем наша, не сулит человечеству ничего доброго. Чэд Оливер идет дальше: даже встреча с самой примитивной цивилизацией может таить грозную опасность для людей Земли — такова подспудная идея рассказа «Почти люди».

Писатель рисует мыслящих обезьян Поллукса-5 сугубо рационалистическими существами, свободными от всяких чувств и страстей. Спасая неведомых пришельцев, они делают это не из соображений гуманности, а преследуя свои далеко идущие цели. Обезьяны, не колеблясь, автоматически убивают одного из своих гостей, едва лишь он, нарушив местные каноны «целесообразности и порядка», срезает сук, по которому пролегал лесная тропа. И в отсутствии у желтоглазых обитателей Поллукса-5 чувств ненависти и любви, в их сухом, холодном рационализме Чэд Оливер как будто бы видит потенциальное превосходство этих существ над человеческой расой.

Когда люди, обладающие оружием, уничтожат «больших кошек» на дикой планете, мыслящие обезьяны спустятся вниз, покинув свои гнезда. Что станет потом, когда эта цивилизация, пробудившись к деятельной жизни, овладеет человеческой культурой? Сотрудничество? Дружба? — размышляет один из персонажей рассказа. Но в глубине души он чувствует сомнение. Соперничество?..

Ни общая гуманистическая настроенность, ни талант Чэда Оливера не помогли ему найти позитивное решение проблемы — бояться или не бояться контактов? Бездушный, холодный разум сильнее «разума чувственного» — эта концепция, почерпнутая фантастом из жизни, характерной для его общества, мешает ему понять, что рационалистическая раса обитателей

Поллукса-5 обречена самим автором, она на пути от безумия затаившегося, «тихого» к безумию злобно-буйному. Ведь истинный разум неотделим от сферы чувств у всех мыслящих существ.

Рассказ Айзека Азимова «Нечаянная победа» весь пронизан своеобразным американским юмором. Писатель повествует о приключениях трех добродушных, простоватых роботов, попавших к юпитерианам, которые были убеждены, что их раса самая могущественная в Солнечной системе, а потому должна господствовать над всеми прочими цивилизациями.

Но и сквозь добродушно-ироническую усмешку Азимова, потешающегося над спесивыми и злобными обитателями Юпитера, ощутимо проглядывает тревога и опасение. Пусть сверхпрочные, архистойкие роботы — посланцы людей — сломали волю агрессивных мыслящих чудовищ с Юпитера. Но ведь эта победа — чистая случайность. И вряд ли стоит рассчитывать на «хорошую» случайность, если людям доведется реально встретиться с цивилизацией могущественных космических агрессоров... О завоевателях с других миров писал еще Г. Уэллс. Эта идея продолжает жить и в современной западной фантастике.

Некоторые ученые полагают, что в Галактике могут существовать несколько так называемых с в е р х ц и в и л и з а ц и й, использующих ежесекундно энергию в объеме излучения звезд или даже целых галактик. Научно-технические возможности подобных «титанов космоса» в исследовании мирового пространства и населяющих его миров вряд ли можно сегодня представить. Не исключено, что сверхцивилизации держат под наблюдением все космические очаги жизни и разума, расположенные в пределах своего влияния. Но как бы то ни было, на протяжении последних тысячелетий своей «сознательной» истории человечество не подвергалось губительному нашествию из мирового пространства. И наверное, вовсе не потому, что до недавних пор земляне не обнаруживали себя, так как не создавали вокруг своей планеты мощного ореола радиоволн искусственного происхождения. Причина отсутствия «агрессии» извне скорее всего в другом: разум могущественных цивилизаций глубоко гуманен по своей природе.

Человечеству угрожали и продолжают угрожать прежде всего глубокие внутренние противоречия его собственного развития. Эту угрозу необходимо отвести как можно скорее, преодолеть усилиями всех людей доброй воли. Именно в этом направлении возможно создание широкого контакта и взаимопонимания между советской и западной прогрессивной фантастикой, чей искренний голос в защиту человека и его права на счастье так понятен и родствен любому из нас. Ибо это тоже голос р а з у м а земной цивилизации, восстающего против безумия.

Н. Петров

СЛЕДЫ СХОДЯТСЯ В КОСМОСЕ

I. Тайна рождения Луны

Наличие у нашей планеты спутника — Луны — представляет серьезное затруднение для существующих космогонических теорий. В 1879 году геофизик Джордж Дарвин, сын великого биолога, изучая приливную эволюцию системы Земля — Луна, пришел к выводу, что большая полуось лунной орбиты увеличивается. Просчитав эти изменения в обратной последовательности до среднего расстояния между телами в 15 земных радиусов, Джордж Дарвин предположил, что когда-то Луна

выделилась из быстро вращающейся, потерявшей устойчивую форму Земли. Сейчас специалисты считают эту гипотезу неприемлемой: момент количества движения системы Земля — Луна даже при учете действия солнечных приливов недостаточен для того, чтобы в прошлом могла возникнуть вращательная неустойчивость Земли. Кроме того, при отделении Луны ее первоначальная орбита должна была лежать в плоскости земного экватора, а, как показывают расчеты, современная лунная орбита несовместима с экваториальной в прошлом.

Согласно другой гипотезе, Луна сконденсировалась из пылевого и газообразного вещества в окрестностях Земли. Но исследования истории лунной орбиты противоречат и этой гипотезе. Если Луна сконденсировалась на расстоянии не больше 10 земных радиусов от Земли, то ее первоначальная орбита должна лежать в экваториальной плоскости нашей планеты, а это, как сказано, несовместимо с современной ориентацией лунной орбиты. Если бы Луна сконденсировалась на расстоянии больше 30 земных радиусов,

то ее орбита лежала бы с самого начала и до настоящего времени в плоскости эклиптики, а это тоже не так. В промежуточной же зоне от 10 до 30 радиусов частицы не могут концентрироваться вблизи одной плоскости, и это делает необъяснимым образование здесь такого крупного тела, как Луна. Наконец, время, в течение которого орбита эволюционирует от любого первоначального состояния до современного, по крайней мере в несколько раз меньше возраста Земли.

Давно высказывалась, но не принималась всерьез гипотеза о захвате Луны Землей, теперь возврат к ней стал обоснованным. Главное возражение против возможности такого захвата следующее. Считается, что приливное взаимодействие увеличивает эксцентриситет лунной орбиты, а поскольку в настоящее время он мал (0,055), то Луна должна была оказаться захваченной сразу на круговую орбиту, что крайне маловероятно. Однако пока нет достаточно строгого обоснования этого возражения, и не исключено, что дальнейшее уточнение наших сведений о Земле и Луне приведет к противоположному выводу: сильно вытянутая орбита захваченной Луны на первой стадии приливной эволюции округляется вследствие очень интенсивного рассеяния энергии. Последнее обусловлено большими деформациями тел при сильном сближении их в перигее. Пока специалисты будут искать окончательное решение вопроса, обратим внимание на другие интересные особенности, которые трудно объяснить с точки зрения единства происхождения Луны и Земли.

Для Земли Луна слишком велика. Лунный диаметр равен 0,27 земного, а масса — $\frac{1}{81}$ земной. У остальных планет Солнечной системы относительные размеры спутников во много раз меньше. Среди них самый крупный спутник Сатурна — Титан. Диаметр и масса Титана по отношению к Сатурну составляют соответственно 0,043 и $\frac{1}{4700}$. Примерно таково же отношение суммарной массы всех спутников к массе планеты. Правда, относительные размеры Тритона, спутника Нептуна, несколько больше, но о Тритоне будет особый разговор.

Ввиду исключительного соотношения размеров Земли и Луны более правильно назвать эту пару двойной планетой.

Но вызывает удивление большое несходство членов этой семьи в другом отношении: средняя плотность Земли — 5,515, а Луны — 3,33. Дело в том, что в Солнечной системе плотность планет постепенно убывает по мере удаления их от Солнца, как видно из таблицы 1. В ней не указаны планеты-гиганты типа Юпитера, а также Венера, потому что у этих планет очень мощная атмосфера и истинного диаметра твердого тела мы не знаем. Современные космогонические теории убедительно объясняют эту закономерность давлением излучения Солнца на вещество газового или газо-пылевого облака, из которого сконденсировались планеты. Малая плотность Луны была бы закономерной, если бы она образовалась где-нибудь за орбитой Марса, но, чтобы объяснить такую плотность в

Таблица 1

Планеты и спутники	Плотность (г/см ³)
Меркурий	5,7
Земля	5,515
Марс	3,99
Луна	3,33
Ио (1-й спутник Юпитера)	3,22
Европа (2-й спутник Юпитера)	3,15

поясе земной орбиты, надо найти какой-то особый механизм формирования Луны. Вряд ли аномалия обусловлена малым размером этого небесного тела: Меркурий превосходит Луну в диаметре всего в 1,37 раза, а плотность его больше земной в полном согласии с общей закономерностью.

Известная аномалия наблюдается и в форме Луны: полярное сжатие и вытянутость по направлению к Земле не соответствуют нынешним условиям движения нашего спутника.

Если гипотеза о захвате Луны заслуживает серьезного внимания, то следует пристальнее присмотреться к возможным следствиям и сопутствующим обстоятельствам этого важного космического события. Прежде всего обратим взор к нашей планете.

2. Подвижные континенты

На Земле есть свои труднообъяснимые загадки. Легко заметить, что существует большое сходство в очертаниях западного и восточного берегов Атлантического океана. На этом основании Вегенер высказал в 1912 году гипотезу о том, что Американский материк составлял некогда одно целое с Европой и Африкой. По каким-то причинам древняя материковая глыба раскололась, и часть ее переместилась к западу, сминая перед собой земную кору в складки, образующие ныне горную систему Анд — Кордильер и океанскую впадину вдоль западных американских берегов. В 1965 году группа английских исследователей выполнила расчетным путем сближение континентов на сфере, приняв в качестве их границ контуры прибрежных материковых отмелей. «Стыковка» получилась хорошей. Кроме того, горный хребет, протянувшийся по дну Атлантического океана от полюса к полюсу, повторяет те же характерные очертания линии разлома.

Отделение обеих Америк нельзя рассматривать как изолированное явление. Сдвиг материков, породивший океанскую впадину на востоке, неизбежно должен быть связан с крупными деформациями земной коры на западе. Геофизики обнаружили, что в некоторых районах Тихого океана кора имеет материковую структуру. Не погрузился ли здесь на дно древний континент?

Деформации такого масштаба, меняющие лик планеты, сопряжены с заметным изменением момента инерции Земли, а это значит, что могла измениться ее ось вращения или положение земной поверхности относительно оси; в таком случае в полярных областях оказались те районы, которые прежде были далеки от полюса. Вспомним, что на Шпицбергене и в Антарктиде имеются залежи каменного угля, образованные древней тропической растительностью. А по данным палеомагнетизма, магнитные полюсы нашей планеты бывали в прошлом вблизи современного экватора. Пока не доказано, что магнитные полюсы должны располагаться вблизи географических, но не доказано и обратное. Характер и причины крупных перемен на земной поверхности — сейчас центральная спорная проблема геологии. Зарубежные исследователи отстаивают гипотезу дрейфа континентов, советские геологи считают ее неубедительной. Критические замечания касаются главным образом предполагаемых причин дрейфа, среди которых наиболее популярна идея переноса материков конвекционными течениями в мантии Земли.

Гипотеза о захвате Луны решает эту проблему. Сейчас Луна своим притяжением вызывает приливные явления: колебания уровня Мирового океана и даже литосферы — каменной оболочки (около полуметра). Если бы Луна оказалась к нам в несколько раз ближе, чем теперь, то приливные силы, величина которых обратно пропорциональна кубу расстояния, возросли бы в сотни раз. Пожалуй, этого достаточно, чтобы деформации литосферы стали катастрофическими. Надо ожидать, что в случае захвата Луны ее первичная орбита имела большой эксцентриситет и, следовательно, перигейное расстояние вполне могло быть в несколько раз меньше современного. Под действием приливных сил вспучивались одни участки коры, например Центральная Азия, опускались другие (Тихий океан) и раскалывались материковые глыбы. Эти деформации поглотили избыток энергии, связанный с переходом Луны на орбиту земного спутника, и обусловили в дальнейшем уменьшение ее эксцентриситета. В ходе эволюции орбиты Луна увлекала своим притяжением подвижные обломки — Американские материки — к западу.

Приобретение крупного спутника должно было сказаться на движении Земли, изменить ее календарь. Во-первых, могло измениться расстояние от Земли до Солнца (по-видимому, незначительно, в пределах 10процентов), во-вторых, длительность земных суток.

3. А где была Луна прежде?

Сразу отбросим мысль о том, что Луна до захвата двигалась по орбите, близкой к земной: размеры планетных орбит подчинены определенной закономерности, которая не оставляет места лишней самостоятельной планете в поясе между Венерой и Марсом. Значит,

чтобы захватное сближение стало возможным, Луна должна была двигаться по сильно вытянутой орбите, пересекающей путь Земли. Но такая орбита для планеты еще менее вероятна: в Солнечной системе закономерны как раз округленные орбиты крупных тел. Что касается места рождения Луны, то наиболее подходящим представляется пояс астероидов. Действительно, Солнечная система имеет стройную законченную форму, в ней как будто заполнены планетами все «квантовые уровни», кроме лежащего между орбитами Марса и Юпитера. Этот уровень занят не планетой, а роем астероидов — мелких тел, имеющих неправильную форму. Если Луна образовалась в поясе астероидов, то становится понятной ее малая плотность.

Однако само происхождение астероидов пока неясно. Долго пользовалась популярностью выдвинутая в начале прошлого века гипотеза Ольберса о том, что астероиды — это обломки крупной планеты. Но убедительных причин распада планеты найти не удалось. Все рассмотренные варианты космических столкновений настолько маловероятны, что многие уже по этой причине отказались от гипотезы.

Попытка рассматривать астероиды как «галактический мусор», случайно захваченный Солнцем, тоже несостоятельна. Такой захват по законам небесной механики просто невозможен.

Остается считать, что астероиды возникли в процессе формирования нашей планетной системы. Согласно О. Ю. Шмидту, это просто остатки первичного «строительного материала», которые не смогли сконденсироваться в большую планету. Современные же пылевые космогонические гипотезы не предполагают наличия столь крупных кусков в первичном облаке и считают их результатом конденсации, промежуточным этапом формирования больших планет. По другому варианту, первоначально в поясе астероидов сформировались несколько крупных тел типа Луны с близкими орбитами, а затем они, сталкиваясь между собой, породили обломки современных астероидов. В обоих вариантах есть некоторая натяжка: если промежуточные тела имеют тенденцию разрушаться от взаимных столкновений (по общему признанию, метеорное вещество в Солнечной системе порождено столкновениями астероидов), то логичнее считать, что они вообще не могли сконденсироваться.

Мы отдадим предпочтение старой гипотезе Ольберса, поскольку, на наш взгляд, она наименее противоречиво объясняет особенности Солнечной системы. Будем, следуя известному советскому специалисту по кометам С. В. Орлову, называть погибшую планету Фазтоном (в честь героя древнегреческой мифологии).

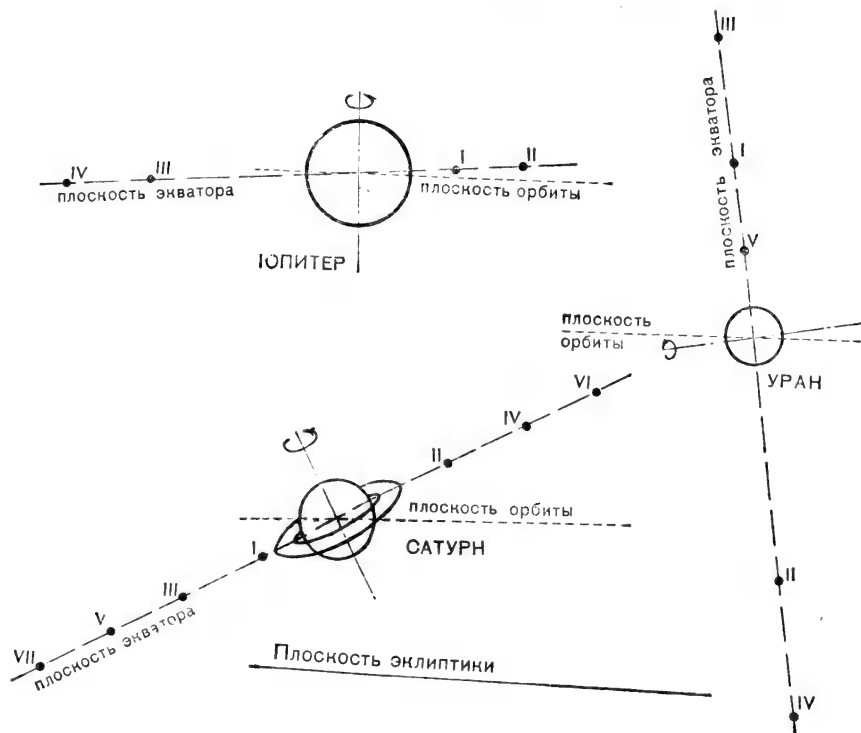
Нет ничего исключительного в том, что у Фазтона имелись свои естественные спутники. После катастрофы они должны были отправиться в самостоятельное странствие и затем попасть в плен к другим планетам. Один из этих спутников стал нашей Луной. А были ли иные?

Таблица 2

Планета	Наклон экватора планеты к орбите	Критическое расстояние (a/R_p)	Спутники	Элементы орбит спутников I группы			Элементы орбит спутников II группы			Диаметр спутников (км)
				Наклон к экватору планеты (в градусах)	Большая полуось (в радиусах планеты)	Эксцентриситет	Наклон к орбите планеты	Большая полуось (в радиусах планеты)	Эксцентриситет	
Земля	23°27'	10	Луна				5°09'	60,27	0,0549	3476
Марс	24°48'	13	1 Фобос 2 Деймос	1,8 1,4	2,76 6,92	0,019 0,0031				16 8
Юпитер	3°07'	32	1 Ио 2 Европа 3 Ганимед 4 Каллисто 5 Амальтея 6 7 8 9 10 11 12	0 0 0 0,1 0 0 0 0 0 0 0	5,90 9,40 14,99 26,36 2,54	0,0000 0,0003 0,0015 0,0075 0,0028				3550 3100 5600 5050 160 160 56 56 27 24 30 30?
Сатурн	26°45'	43	1 Мимас 2 Энцелад 3 Тефия 4 Диона 5 Рея 6 Титан 7 Гиперион 8 Япет 9 Феба*	1,5 0,0 0,1 0,0 0,3 0,3 0,6 14 30	3,41 3,99 4,94 6,33 8,84 20,48 24,83	0,0190 0,0046 0,0000 0,0020 0,0009 0,0289 0,119				590 740 1200 1400 1850 4950 500? 1600? 320?
Уран	98°	84	1 Ариэль 2 Умбриэль 3 Титания 4 Оберон 5 Миранда	0 0 0 0	8,08 11,25 18,46 24,69	0,007 0,008 0,0023 0,0010				800? 640? 1600? 1450?
Нептун	29°	70	1 Тритон* 2 Нереида	20			5—6°	15,85 249,5	0,0000 0,76	4800? 320

* Спутник движется противоположно суточному вращению планеты.

Чтобы разобраться в этом, рассмотрим все известные семейства спутников планет Солнечной системы (табл. 2). Они резко делятся на две группы: к первой отнесены те, которые движутся в плоскости экватора планеты, ко второй — все остальные. Для каждой планеты существует критическое расстояние — $(a/R)_c$ (a — большая полуось орбиты спутника, R — радиус планеты). Орбита спутника, не выходящая за его пределы, не меняет своего наклона к экватору планеты. За пределами же критического расстояния исчезает связь с экватором и появляется связь с орбитой планеты: сохраняется

Р и с . 1

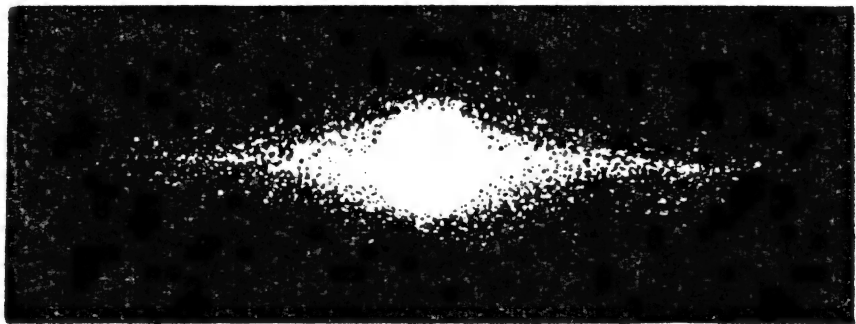
наклон орбиты спутника к гелиоцентрической орбите планеты. Этим объясняется, почему спутники второй группы не имеют экваториальных орбит, но не объясняется, почему орбиты внутри $(a/R)_c$ так мало наклонены к экваторам планеты. Последнее — не результат эволюции орбиты. Значит, спутники первой группы и образовались на экваториальных орбитах. Такой вывод представляется совершенно естественным, так как делает системы спутников планет похожими на всю планетную систему: планеты тоже движутся вблизи плоскости солнечного экватора и в ту же сторону, в которую вращается Солнце. Но-видимому, это не случайное совпадение, а глубокая космогоническая закономерность (см. рис. 1).

Тем больше удивления вызывают спутники второй группы. Они не могли образоваться за пределами критического радиуса, так как их орбиты в этом случае лежали бы в плоскости орбиты планеты, чего на самом деле не наблюдается. С другой стороны, вероятно, чтобы современные орбиты второй группы образовались в результате эволюции первоначальных экваториальных орбит. Для Луны по крайней мере это доказано расчетами. Откуда же взялись спутники второй группы? Очень похоже, что и они захвачены. Большинство их — малые тела астероидных размеров. Наверное, это и есть обломки Фаэтона, попавшие на орбиты «искусственных» спутников планет. Как и следует ожидать в таком случае, их орбиты имеют большой эксцентриситет и наклон к орбите планеты, некоторые даже движутся в направлении, противоположном вращению планеты. Но Тритон, спутник Нептуна, явно не обломок, а целая небольшая планетка, похожая на Луну. Это единственный неэкваториальный спутник, расстояние которого от планеты меньше критического $(a/R)_c$. К тому же он движется в обратном направлении. Эти обстоятельства бесспорно доказывают, что для Нептуна Тритон — чужак, пленник. Он наиболее вероятный претендент на роль второго спутника Фаэтона. Менее уверенно в этом можно подозревать Япет, спутник Сатурна. Характерно, что именно Луна, Тритон и Япет — самые крупные тела, для которых приливное взаимодействие максимально, — имеют округленные орбиты, а у всех остальных спутников второй группы орбиты очень эксцентричны. Это подкрепляет высказанное ранее предположение, что первоначально вытянутая орбита Луны округлилась в процессе приливной эволюции.

Тритон и Луна по своим размерам и плотности похожи на Галлилеевы спутники Юпитера. Надо думать, что и Фаэтон был планетой-гигантом типа Юпитера. По суммарная масса всех известных астероидов составляет около 10^{-3} массы Земли. Где же остальное вещество погибшего гиганта?

Под действием разрушающих сил отдельные куски планеты разлетелись с различными ускорениями. В поясе между Марсом и Юпитером могли разместиться орбиты лишь тех кусков, скорости которых при катастрофе мало изменились. Остальные обломки приобрели сильно вытянутые орбиты с перигелием в поясе внутренних планет (Меркурий, Венера, Земля) и афелием на окраинах Солнечной системы за орбитой Юпитера. Если орбита оказывалась гиперболической или параболической, то обломки навсегда покидали систему Солнца.

Тела с малым перигелием должны были разрушаться наиболее интенсивно. Вблизи Солнца они сильно нагревались, растрескивались от термических напряжений, взрывались от расширения содержащихся в них газов, испарялись и вскоре окутали Солнце газо-пылевым облаком. Последнее в свою очередь ускоряло разрушение пролетающих через него тел из-за трения — так сгорают метеоры в земной атмосфере. Продукты распыления и испарения

Р и с . 2

постекали от обломков под действием светового давления в сторону, противоположную Солнцу, образуя мощные кометные хвосты. Эти первые кометы появились внезапно и в большом количестве. Поскольку обломки Фазтона концентрируются вблизи плоскости планетных орбит, газо-пылевая туманность вокруг Солнца должна была получиться сплюснутой в той же плоскости и при рассмотрении с ребра выглядела бы примерно так, как показано на рис. 2. Туманность поглощала некоторую долю солнечной радиации и могла вызвать похолодание в Солнечной системе, в том числе и на Земле. Со временем давление излучения Солнца должно было рассеять туманность в пространстве. В наши дни на ночном небе наблюдается слабое диффузное свечение в плоскости эклиптики — «зодиакальный свет». Это свет Солнца, рассеянный сильно разреженным облаком межпланетного пылевого вещества. Не является ли оно остатком облака, которое образовалось после гибели Фазтона?

Это облако сыграло, образно говоря, роль мельницы, «перемоловшей» крупные осколки погибшей планеты в пыль и щебень гораздо быстрее, чем если бы они разрушались только от взаимных столкновений. Основная масса Фазтона осталась в Солнечной системе в виде метеорного вещества. Если падающие на Землю метеориты отражают состав первичной планеты, то она имела малую плотность, как Луна и спутники Юпитера, поскольку подавляющее большинство метеоритов каменные. Современные кометы с точки зрения гипотезы о гибели Фазтона представляют собой оледеневшие остатки его океанов и атмосферы или обломки наружной коры с большим содержанием заморозившейся влаги и газов.

4. Когда это было?

Определения космического возраста метеоритов не дают указания на общую дату разрушения первичного тела. Возраст колеблется в пределах 10^6 — 10^8 лет для каменных метеоритов и 10^7 — 10^9 лет для железных. Те грандиозные деформации земной коры, которые

можно было бы связать с захватом Луны (Альпийский тектонический этап), также распределяются исторической геологией на весьма протяженный период, охватывающий около 150 миллионов лет.

Однако многие народы хранят память о каких-то мощных геологических катастрофах, пережитых в глубокой древности: великие наводнения, землетрясения, извержения, горообразование. Аналоги библейского потопа, но более подробные и реалистичные, сохранились в древних языческих преданиях Старого и Нового Света и Океании. В этих преданиях даже встречаются представления о том, что Луна не всегда была на земном небе. Хорошая сводка таких мифов дана в книге Л. Зайдлера «Атлантида». Например, древние греки помнили своих еще более древних предшественников, живших в те времена, когда не было Луны, — так называемых проселенитов. Индейцы чибча на территории Колумбии и Панамы почитают богиню Луны Чиа. По преданию, «в древнейшие времена богиня Чиа каким-то образом вызвала невиданный разлив реки, такой, что не только страна, но и вся земля скрылась под водой. Спаслись лишь те немногие, кто оказался на вершинах гор». В «Книге Еноха» можно прочесть: «И во дни грешников годы будут укорочены. И Луна изменит свой порядок и не будет являться в свое время». Странная для древних мысль о нерегулярности периодических явлений, которые считаются устойчивыми испокон веков!

Кажется нелепым предполагать, что человечество могло наблюдать захват Луны. Ведь, согласно исторической геологии, великие геологические катастрофы закончились по меньшей мере миллион лет назад. Однако трудно и отмахнуться от древних представлений о захвате Луны как от беспочвенного вымысла, тем более что такую возможность не исключают и современные астрономы. Конечно, мифы не доказательство. Доказательства еще предстоит найти, но поискам предшествуют догадки. Поэтому преодолеем смущение перед исторической геологией и предположим, что общепринятая хронологическая шкала последних этапов геологической эволюции... ошибочна. Если астрономы докажут захват Луны, то геологам неизбежно придется критически пересмотреть привычную интерпретацию геологической летописи Земли. Ведь в основе ее лежит представление о нормальной спонтанной эволюции планеты, и совершенно не учитываются внешние катастрофические воздействия. А между тем сильные приливные деформации, вызванные приближением массивного космического тела, способны за короткое время совершить то, на что требуются в обычных условиях миллионы лет. Когда раскалываются и перемещаются материки, меняются местами суша и океаны, полюсы и тропики, поднимаются горы, геологические процессы интенсифицируются тысячекратно. Мировой океан захлестывает континенты, разрушает и смывает верхние слои отложений на обширных площадях. Эту работу продолжают обильные ливни — результат усиленного испарения оке-

анов под действием теплоты, выделяемой деформацией коры и вулканизмом. Изменения рельефа, оси и скорости вращения планеты порождают новые температурные различия между географическими районами, небывалые перемещения воздушных масс — сокрушительные ураганы. В итоге будут разрушены, перенесены и вновь отложены напластования сотен тысяч, а возможно, и миллионов лет. Слои, сложившиеся в период великих катастроф, состоят из старого материала, который несет в себе хронологические признаки далеких времен своего первичного отложения. Противоречивое сочетание древности и молодости было бы самым красноречивым свидетельством необыкновенных геологических событий. Однако вскрыть подобные противоречия и обобщить их нелегко, потому что геологический материал чрезвычайно многообразен. В этом многообразии вообще невозможно разобраться без некоторой руководящей идеи, предопределяющей отбор фактов.

Методы радиоактивной датировки начали развиваться недавно, но они уже привели к очень неожиданному и противоречивому открытию: возраст человека разумного в несколько раз меньше, чем считалось прежде. В «Исторической геологии» М. Н. Страхова (1948 г.) указывается, что «к моменту максимума [рисского] оледенения на смену неандертальцу приходит верхнепалеолитический человек *Homo sapiens*, господство которого продолжается до настоящего времени». Сейчас возраст древнейших известных находок *Homo sapiens* определяется в 40 тысяч лет, культуру верхнего палеолита относят к эпохе, отстоящей от нас на 40—10 тысяч лет, а рисским слоям приписывают возраст около 200 тысяч лет. Как же смогли геологи старшего поколения совместить следы разумной человеческой деятельности с рисским оледенением? Впрочем, может быть, они-то и были правы, и теперь следует «омолодить» рисс?

Образование Атлантического океана и поднятие горной цепи Анд — Кордильер сейчас относят к меловому периоду (около ста миллионов лет назад). Но удивительно, что в преданиях американских народов бытуют представления о поднятии гор. Еще в начале прошлого столетия знаменитый естествоиспытатель Александр Гумбольдт обнаружил в Колумбии близ Боготы на высоте 2 тысяч м огромное скопление костей мастодонтов, сугубо равнинных животных. Возникает подозрение, что мастодонты обитали здесь прежде, чем поднялись горы. Слоны в Америке не водятся, однако встречаются их изображения, выполненные человеческой рукой. На высоте 4 тысяч м в Андах находится памятник мегалитической культуры — древний город Тиауанако. Там есть следы морской береговой линии, а искусственные каменные сооружения некоторые исследователи считают остатками древнего морского порта. Резные изображения, покрывающие каменную плиту у Ворот Солнца и статую Великого Идола, истолковываются как древний календарь. Но по этому календарю в году насчитывалось лишь 288—290 дней. Подобные загадочные факты хорошо объясняются гипотезой о захвате Луны: раскололся материк, сдвинулась Америка, морской

порт поднялся в горы, и изменилось движение Земли (календарь). И все это пережило разумное человечество, передавшее потомкам воспоминание об «укороченных годах» и «измененном порядке Луны» («Книга Еноха»). Еще в прошлом веке было подмечено, что начальные даты отсчета крупных календарных циклов в древнеегипетском солнечном календаре и древнеассирийском лунном одинаково приходятся на 11542 год до н. э. Аналогичное совпадение у майя и древних индусов — 11652 год до н. э. И эти удивительные совпадения можно объяснить весьма естественно: после захвата Луны старый календарь стал непригоден и культурные народы начали приблизительно одновременно отсчитывать время по-новому. Получается буквально «летописная» дата захвата Луны — 13,5 тысячи лет тому назад!

Основываясь на мифологии, можно предполагать, что люди видели не только захват Луны, но и гибель Фаэтона. Речь идет о чрезвычайно древнем культе «крылатого диска». Диск с крыльями, без иносказаний тождественный Солнцу, высечен над входами древних египетских храмов. Этот священный знак распространен у ассириян, вавилонян, хеттов, майя, полинезийцев. Иногда он переосмыслен в образ птицы, но всюду символизирует начало, дающее жизнь. Ему противостоит враждебное начало — бог смерти, разрушительные силы тьмы в виде змея. «Крылатый диск» (птица) борется со змеем и одерживает победу. Большая живучесть и широкая распространенность этих символов указывает на то, что в основе их должны лежать какие-то грандиозные события, поразившие все население Земли. Эти образы странно похожи на тот комплекс небесных явлений, которым сопровождается описанная выше гибель большой планеты.

Диск с крыльями — это Солнце, погруженное в газо-пылевую туманность (см. рис. 2), а «змей» — образ комет, впервые появившихся при образовании туманности. И суть их борьбы очевидна. Сначала кометы-змеи «напали» на Солнце, затем образовалось космическое облако, которое вызвало потускнение светила, а потом постепенно стало рассеиваться: «крылья диска» росли, Солнце прояснялось. Одновременно уменьшалось число комет: часть их распылчилась и испарилась в облаке, часть улетела из Солнечной системы. Эта победа «крылатого диска» вновь вернула людям свет и живительное солнечное тепло. Но до этого они пережили великие беды.

На нашей планете царил холод. К серьезным катастрофам приводили столкновения с крупными обломками Фаэтона, которых тогда было значительно больше, чем теперь, особенно возле Земли. При падении их в океан цунами обрушивались на побережья, а от выделившегося тепла испарялись триллионы тонн воды, выпадавшей впоследствии в виде обильных ливней. Возможно, в ту же эпоху опасные сближения с блуждающей Луной вызывали всемирные геологические катастрофы: потопа, горообразования, расколы материков. Хотя люди справедливо связывали эти бедствия

с невиданными прежде небесными явлениями, они не знали их истинных причин. Но ужас, потрясший воображение человечества, остался в памяти народов в конкретной связи с небесными знамениями. Затмения Солнца, которые после захвата Луны стали регулярно напоминать о первом потускнении светила (при этом солнечная корона напоминала крылья, о которых говорили предки), и появления комет вплоть до наших дней вселяли в людей отчаяние и ожидание «конца света».

Нельзя было бы и допускать мысли о сравнительно недавнем распаде Фазтона, если бы не удалось найти уязвимое место в имеющихся определениях космического возраста метеоритов ($>10^6$ лет). Но оно есть. Переход от измеренного содержания различных изотопов в метеорите к возрасту его делается на основе гипотезы: содержание изотопов определяется воздействием потока космических лучей, причем предполагается, что он все время оставался примерно на современном уровне. Если же в действительности когда-то произошло хотя бы мгновенное резкое увеличение облучающего потока, то истинный возраст метеоритов окажется значительно меньшим.

5. Древняя космическая эра

Если человек был свидетелем разрушения Фазтона, то должна существовать связь между космической катастрофой и наличием разумной жизни на Земле. Действительно, возраст Человека разумного лишь миг ($1/100000$) по сравнению с возрастом планеты. И выходит, что распад планеты, сам по себе крайне маловероятный, угодил на исторической шкале как раз в ту из 100 тысяч точек, которая отмечена присутствием Разума. Практически невозможное совпадение для независимых редких событий! Для подобной связи нужны... космические транспортные средства. Межпланетные путешествия в древности?

В сущности этим сверхфантастическим предположением сейчас мало кого удивить. Уже не первый год энтузиасты со смелым воображением волнуют мир догадками о древних космических пришельцах. Мифология всех народов изобилует преданиями о личностях, пришедших с неба, и людях, побывавших на небе. Но небо — привычная стихия богов, а к их существованию мы привыкли относиться отрицательно. Однако, сделав только первые шаги за пределы своей планеты, мы начинаем воспринимать старые предания в ином свете, замечая в них подчас удивительно реалистические черты, ускользавшие от внимания исследователей в прошлом. О таких чертах говорилось в широко известных публикациях. Приведем лишь некоторые цитаты из «Книги Еноха», повествующие о путешествии Еноха на небо. «... И вот там вышли из неба имевшие вид белых людей; из того места вышел один и вместе с ним трое. И те трое... взяли меня за руку и подняли меня прочь от рода земли, и вознесли меня на высокое место, и показали мне башню, высоко

стоящую над землей, и все холмы были ниже... И они сказали мне: «Оставайся здесь, чтобы видеть, что произойдет...» То, что увидел Енох на Земле со своего высокого наблюдательного пункта, напоминает описание горообразования и извержений.

«...Движение звезд и молний гнало и влекло меня... Они вознесли меня на небо, и я приблизился к одной стене, которая была устроена из кристалловых камней и окружена огненным пламенем... И вот вошел в огненное пламя и приблизился к великому дому, который был устроен из кристалловых камней; стены этого дома были подобны наборному полу из кристалловых камней, и почвою его был кристалл... И вот там был другой дом, больший, нежели тот...» На средневековое религиозное представление о небесном жилище это описание не похоже. В нем больше сходства с космической техникой. Представляются ячеистые конструкции из блестящего материала, сверкающие в солнечных лучах. На небе Еноху было показано нечто имевшее значение «не для этого рода, а для родов отдаленных, которые явятся... Пришла мудрость, чтобы жить между сынами человеческими, и не нашла себе места, тогда мудрость возвратилась назад, в свое место... И потому жилище ее стало на небесах».

Еще до того как было высказано предположение о пришельцах из космоса, в древних культурах были замечены некоторые следы высоких знаний современного уровня в различных науках и в инженерном деле.

Эти обстоятельства могут заставить по-новому взглянуть на проблему происхождения и развития человечества и предположить, что разрушение Фазтона связано с деятельностью разумных существ. По собственному опыту мы знаем, что покорители межпланетного пространства должны владеть ядерной энергией. Ядерная катастрофа?.. Вот возможная причина всплеска радиации, который необходим для того, чтобы метеорное вещество в Солнечной системе было не старше древнейших представителей вида Человек разумный.

6. К происхождению человека

В наш век можно, не делая уступок антинаучному религиозному догматизму, подвергнуть сомнению дарвиновскую теорию происхождения человека. Вопрос сведется к дилемме: либо человечество — продукт изолированной стихийной эволюции земной фауны, либо оно фактор космический, межпланетный. Не вдаваясь в проблему происхождения разумной жизни в космосе, предположим, что на Землю она привнесена извне. Такая мысль не беспочвенна.

С самого начала наиболее серьезные научные возражения против стихийного происхождения человека опирались на теорию естественного отбора самого Дарвина. Вопреки общим законам эволюции внешние условия и образ жизни, по-видимому, не ока-

зывают заметного влияния на биологическое развитие Человека разумного, и в первую очередь его мозга. Мы без удивления читаем и пишем о том, что биологический вид современного человека возник несколько десятков тысяч лет назад (а недавно считали, что сотни тысяч). Пусть природным переменам отводится в происхождении человека лишь роль первого толчка: вызвав в известный период бурное развитие наших животных предков, они перестали впоследствии оказывать влияние на существо разумное, достигшее независимости от природы. Но ведь производственная деятельность и социальные взаимоотношения — непреходящие стимулы развития! А в этом отношении от верхнего палеолита до современной цивилизации проделан величайший прогресс. Почему же это никак не отразилось на биологических признаках мозга — носителя прогресса? Что это так, подтверждает изучение ископаемых находок и ныне живущих отсталых племен.

С одной стороны, понятно, что примитивный образ жизни несравненно меньше стимулирует работу и развитие мозга, чем современная цивилизация, но, с другой стороны, антропология утверждает, что нет высших и низших человеческих рас и низкий уровень производственно-общественных достижений народов нигде не сопровождается биологической отсталостью — менее совершенным мозгом. Мозг представителей первобытных племен оказался вполне подготовленным не только для восприятия всех достижений современной цивилизации, но и для полноценного участия в ее дальнейшем развитии. Приходится признать что все биологические особенности человеческого мозга, позволяющие осмысливать наиболее абстрактные общие закономерности мироздания, обрели сразу свою законченность и отточенность в процессе изготовления примитивных каменных орудий труда и формирования первобытного языка, после чего мозг утратил способность к дальнейшему развитию. Вряд ли это можно без больших натяжек согласовать с эволюционными воззрениями.

Находки ископаемых гоминид не доказывают бесспорно стийную эволюцию *Homo sapiens*, разве лишь частично подтверждают ее. Самая древняя находка *Homo sapiens* в пещере Ниа близ Саравака (о. Калимантан) имеет абсолютный возраст 39600 ± 1000 лет, даты наиболее ранних европейских находок около 38 тысяч лет. Несравненно малочисленнее находки палеантропов (*Homo primigenius*): неандертальцев и близких к ним форм — предшественников *Homo sapiens*. По приписываемому им геологическому возрасту они разделяются следующим образом:

- вюрм (нижняя граница 70 тысяч лет) — около 70 местонахождений,
- рисс-вюрм (нижняя граница 150 тысяч лет) — 13 местонахождений,
- рисс—миндель-рисс (200 — 300 тысяч лет) — 4 местонахождения.

Остатки архантропов, возраст которых оценивается в 700 — 300 тысяч лет, обнаружены всего в 8 местах. Характерно, что полные скелеты или значительные части их найдены только в вюрмских слоях. Во всех находках старше вюрмского возраста особи представлены несколькими костями, фрагментами костей или зубами.

Эта статистика не обрисовывает широкой дороги закономерной прогрессивной биологической эволюции, а в лучшем случае может служить лишь намеком на нее. Фактическая картина такова. На протяжении сотен тысяч лет шел очень медленный, почти незаметный прогресс обезьянолюдей, причем чрезвычайная редкость и фрагментарность находок соответствует невероятно суженному, ограниченному и как бы прерывающемуся процессу. Около 60—40 тысяч лет назад количество находок внезапно увеличивается, а на рубеже 40-го тысячелетия вдруг появляется современный человек в законченной совершенной форме.

Именно «вдруг», потому что с ближайшими его предшественниками не все обстоит благополучно. Различий между Человеком разумным и людьми неандертальского типа больше, чем между последними и питекантропами. Но те немногочисленные находки, которые считаются переходным звеном от неандертальцев к современному человеку, удивляют совершенно фантастической комбинацией «разумных» и звероподобных черт. Остатки десяти скелетов из палестинской пещеры Схул, по-видимому, близки между собой по возрасту (около 37500 лет), но отличаются исключительной пестротой антропологического состава. Некоторые основные неандертальские черты сочетаются со многими признаками людей современного типа, но эти сочетания неустойчивы, резко меняются при переходе от одной особи к другой. Галерея типов Схул сильно напоминает мутации и совершенно не соответствует постепенной стихийной выработке разумных черт в цепи поколений под влиянием труда и общественного образа жизни.

Антропологи-эволюционисты могут надеяться, что будущие находки восполнят пробелы в их картине происхождения человека. Однако не может не вызвать удивления, что в современной, уже не бедной коллекции ископаемых гоминид не имеют убедительного представительства наши ближайшие предки.

Стихийной эволюции можно противопоставить либо прямое переселение людей с другой планеты на Землю, либо эволюцию не стихийную, управляемую высшей космической цивилизацией. Первый вариант кажется слишком смелым, поскольку эмбриология и микробиология указывают на органическое родство человека с земным биологическим миром. Второй более близок сегодняшним представлениям.

Человек горд тем, что может покорять и переделывать окружающую природу, но по отношению к другим планетам такой «лобовой» штурм может оказаться не лучшим вариантом. Гораздо больше гибкости в том, чтобы изменять биологическую природу самих по-

сителей разума сообразно радикально новым внешним условиям. Там, где развивается жизнь в какой-либо форме, можно «пересадить» Разум на местную биологическую основу путем *искусственного* отбора, генетическим вмешательством либо каким-нибудь иным способом, который еще предстоит открыть науке.

Но кто же те великие космические экспериментаторы, наши возможные родоначальники?

Если исходить из убеждения, что разумная жизнь — весьма редкое явление во Вселенной и главное препятствие для контакта цивилизаций — разделяющие их пространство и время, то логично считать нашей прародиной Фазтон. Современные научные представления не накладывают категорического запрета на возможность жизни даже на Юпитере. Следовательно, и на Фазтоне она допустима, тем более что в метеоритах находят сложные органические соединения и чуть ли не остатки микроорганизмов. Поскольку мифология сохранила память о гибели Фазтона, люди должны были появиться на Земле еще до катастрофы. Человечество возникло и начало развиваться под руководством и с помощью могучей цивилизации пятой планеты и пользовалось плодами ее достижений. Катастрофа положила конец «золотому веку». Земная культура еще не окрепла и находилась в существенной зависимости от базы — Фазтона. К тому же, не достигнув всемирной распространенности, она существовала в виде редких оазисов и потому могла понести непоправимый урон при одной из последующих геологических катастроф. Уцелевшие люди затерялись на просторах первобытной планеты, одичали, не смогли передать следующим поколениям высокие достижения и опустились до уровня собирателей даров природы. Далее следует стихийное развитие в космическом одиночестве, как мы его привыкли представлять.

А может быть, последние могикане фазтонской цивилизации, те, кто находился в момент катастрофы вне планеты, тоже выжили, сохранили завоевания своей культуры и сейчас прогрессивно развиваются в Солнечной системе? Нелепость? Но допустим немного скептицизма по отношению к старым убеждениям. Вполне ли бесспорны аргументы против присутствия цивилизации космического уровня в окрестностях Земли?

Оптическими наблюдениями таковая не обнаружена. Однако и Земля с искусственного спутника кажется необитаемой, хотя в этом случае невооруженный глаз видит детали в тысячи раз более мелкие, чем с помощью телескопов на поверхности Марса. Впрочем, наблюдения Марса дали известные сведения, достаточные для того, чтобы вопрос о следах цивилизации на нем оставался открытым и в наши дни.

Наблюдения в радиодиапазоне и в инфракрасной области спектра бесспорно обнаружили бы деятельность цивилизации, такой же, как наша. Но если высшая цивилизация базируется на иной технической основе и не расточает энергию излучением во все стороны, то таких наблюдений тоже окажется недостаточно.

Пожалуй, наиболее сильным аргументом против существования разумных существ на планетах Солнечной системы является наша убежденность в том, что каждая цивилизация непременно должна вступать в открытый контакт с космическими соседями, как только техника это позволит. Но здесь мы уже вступаем в область эмоций, а не фактов, и с точки зрения инопланетной цивилизации дело может выглядеть по-другому.

Не может ли существовать космический закон, аналогичный земному представлению о справедливых международных отношениях: принцип самоопределения и выбора самостоятельного пути развития? На Земле этот принцип нарушается насильственным, вооруженным подавлением отсталых народов. Но при огромной разнице в уровне развития даже миролюбивое открытое присутствие высшей цивилизации может лишить низшую свободное развитие, не стесненного внешним влиянием. В присутствии небожителей человек не мог бы сознавать себя хозяином планеты, «царем природы», а участие их в людских делах развивало бы пассивность и безволие, религиозное поклонение. В заключение процитируем некоторые мысли К. Э. Циолковского по этому поводу:

«Может быть, вмешательство иных существ в жизнь Земли еще не подготовлено развитием большинства людей. А может быть, оно бы повредило человечеству в настоящее время... Если бы люди увидели вмешательство иных существ в земные дела, то сейчас бы поняли это с точки зрения своей веры. Проявился бы фанатизм с его преступлениями, и больше ничего. Положим, силы иных миров остановили бы войну 14-го года. Войны бы не было, много людей избавилось бы от страданий и смерти. Но человечество так грубо, что только эти страдания могли возбудить в нем отвращение к войне. Только они оказались «наукой», заставившей людей иначе думать, способствовали движению их мысли. Что делать, люди таковы, что только тяжкие страдания могут их переделать и вести к лучшему».

А. Сазанов

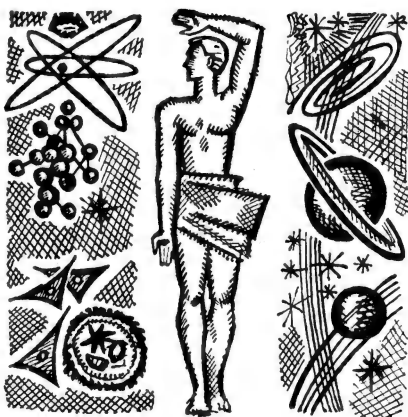
Коротко о разном

Недавно французские археологи решили переснять на цветную пленку росписи внутренних помещений в пирамидах древнеегипетских фараонов. Такие росписи встречаются не так уж часто и хорошо известны науке. Но на этот раз ученым бросился в глаза интересный факт, который раньше ускользал от их внимания. Во внутренних помещениях под громадой каменной пирамиды не удалось обнаружить даже малейших следов копти. Чем же освещали древние египетские мастера место своей работы? На этот вопрос ответа пока нет.

ЕДИНОЕ НЕЧТО

Философская фантазия

В каждую эпоху прогресса земной цивилизации взгляд и мысль человека проникают все глубже во Вселенную, а представления о ней становятся все более конкретными. В бесконечном для познания мире, который здесь условно именуется Абсолютной Вселенной (сокращенно А-Вселенная), с древнейших времен человеческой истории образовалась вселенная «для нас» — то есть в той или иной мере доступная людям для изучения область мирового пространства. Общий

объем космологических знаний человечества, находясь в зависимости от уровня его прогресса, меняется и качественно — в сторону все большей объективности. Однако вселенная «для нас» всегда в какой-то мере останется понятием субъективным, следовательно, никогда не будет эквивалентна А-Вселенной. Субъективность понятия вселенная «для нас» связана не только с ограниченным в каждую эпоху объемом знаний об А-Вселенной, но и с ограниченностью воспринимающих возможностей человеческого организма и приборов. Иначе говоря, ни сам человек с его пятью-шестью органами чувств, ни любые изобретенные (или могущие быть изобретенными) людьми приборы никогда не дадут исследователю возможности увидеть, почувствовать, наконец, осознать А-Вселенную во всем бесконечном разнообразии ее проявлений.

В стремлении учитывать как можно полнее многосторонность и сложность взаимосвязи «Вселенная — познающий ее субъект» заключено неперемнное условие объективного подхода к исследованию мироздания.

Будучи наивысшим единством всех содержащихся в ней противоположностей, Вселенная не может быть для человека ни только конечной, ни только бесконечной.

В привычном людям мире «конечных» (размерных) вещей, даже во вселенной «для нас» системы счета и мер применимы постольку, поскольку дают приближающееся к истинному представлению о конечной стороне тел, областей, процессов, состояний и так далее.

Однако по отношению к А-Вселенной любая система счета, мер неприменима, так как бессильна объяснить вторую, глубоко скрытую от человека сущность А-Вселенной — ее бесконечность (неизмеримость), значит, не может дать истинного, полного представления о ней.

Известный пример: атом в сравнении с Землей исчезающе мал. Но ведь то же самое относится к Земле по сравнению с нашей Галактикой или к Галактике по сравнению со вселенной «для нас».

Не раз в истории науки подтверждалась мысль В. И. Ленина: электрон неисчерпаем. Неисчерпаема и любая иная микрочастица и субчастица. Со все более глубоким проникновением в микросистемы их сложность, вероятно, несколько не уменьшится. Вряд ли наступит момент, когда будут достигнуты некие «абсолютно малые точки», растворяющиеся затем в «абсолютное ничто».

Полагают, что в так называемом едином Кольце материи «бесконечно малое» смыкается с «бесконечно большим» (Г. Свечников. Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике. «Коммунист», 1965, № 7; М. Емцев, Е. Парнов. Уравнение с Бледного Нептуна. «Молодая гвардия», 1964). С этим взглядом на природу материи трудно не согласиться — в нем присутствует диалектика: единство крайностей — микро- и мегамира, их неразрывность, взаимопроникновение, взаимопереход.

Однако диалектику перехода от «ультрамалого» к «сверхгигантскому» вряд ли следует понимать так, что где-то в едином Кольце материи находится особый «спай», в котором совершается чуть ли не магический переход от субчастиц к метагалактикам и галактикам. В природе это, несомненно, происходит проще и «естественнее». И если бы кто-либо смог отправиться в путешествие с уровня на уровень внутри безразмерного шара, состоящего из всей мировой субстанции *, организованной на разных уровнях **, то такой путешественник нигде не обнаружил бы никакого «спая» (взрывоподобного скачка-перехода от «сверхмалых» систем к «сверхгигантским»).

* Субстанция — здесь категория, включающая понятия материи и антиматерии, но не ограничивающаяся ими.

Антиматерия — антиподная по отношению к материи объективная реальность, недоступная для прямых ощущений и восприятий познающих систем, состоящих из материи.

** Внутри «мирового шара» путешественник, являясь «точечным» объектом, описывал бы некий круг, или кольцо, а с учетом собственного движения субстанции — некую сложную спираль. Мысль человека, будучи этим «путешественником», повторяет тот же путь.

Зато этот наблюдатель пришел бы к выводу, что имеется ряд взаимопроникающих границ, каждая из которых отделяет один уровень организации субстанции от другого. И ни одна из этих границ не имеет исключительного преимущества перед остальными.

А-Вселенная — это Единое Нечто в бесконечно разнообразных проявлениях и состояниях. Человек, дом, Земля, муравей, стол, звезда, атом, Галактика — все это проявления материи.

Но ведь э т о т д о м, например, не единственное качественное проявление той «части» материи, которая его составляет. Дом сложен из кирпичей или бетонных блоков. Каждый блок тоже вполне определенное проявление этой же «части» материи, составляющей дом. Однако блок уже и качественно и количественно иное проявление, чем дом. Любой блок э т о г о д о м а существует как в связи с домом (поскольку уложен в его стене), так и в то же самое время независимо от дома, ибо сохраняет (в основном) собственную форму, массу, размеры и так далее.

В свою очередь каждый блок э т о г о д о м а состоит из молекул, те из атомов, у которых с домом нет почти никакой функциональной связи в отличие от блоков. Ведь природа не предназначает данные атомы для создания блоков или домов. Атомы как сложнейшие системы материи призваны выполнять в процессе эволюции конечных областей А-Вселенной гораздо более важные функции, нежели тогда, когда составляют грубый материал для блоков, домов и тому подобного. Каждый атом — носитель большого количества энергии и информации, которых, конечно, вовсе не требуется для того, чтобы составить э т о т д о м и э т о т б л о к.

Атомы дома слагаются из ядер и электронов, ядра — из микрочастиц, те — из субчастиц. И чем ниже уровень частиц, тем все более отдаленная у них связь с э т и м д о м о м. Ни в коей мере их функцией не является составить собой э т о т д о м. Напротив, чем ниже* уровень материальных образований, тем, вероятно, более важные для целей эволюции Вселенной функции этих образований выступают на первый план.

С другой стороны, э т о т д о м есть составная часть нашей планеты, которая в свою очередь — плоть от плоти Солнечной системы, и так далее.

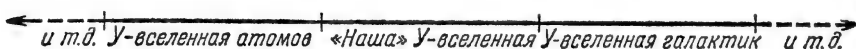
Таким образом, материя в любом своем проявлении многофункциональна, точнее, бесконечно функциональна. Из бесчисленного множества функций, которыми наделено любое данное проявление материи, люди воспринимают непосредственно лишь очень ограниченное число. Остальные, более глубокие и, как правило, более фундаментальные, скрыты от человека. Люди, например, редко задумываются о том, что состоят из атомов — этих «блоков» Вселенной, которые в масштабах микромира находятся один от другого почти так же далеко, как звезды в масштабах мегамира.

* Слово «ниже» звучит в этом случае условно. Имеются в виду уровни материальных образований, расположенные от «нашего» мира — мира привычных человеку вещей и масштабов — в сторону микромиров.

Кстати, вспомним, что физическое и даже мысленное проникновение в глубины микромиров для человека не менее, а может быть, и более сложно, чем проникновение в миры звезд и галактик; здесь наблюдается обратно пропорциональное возрастание трудностей познания: в первом случае расстояние до целей исследования тем сложнее преодолеть, чем оно меньше, во втором — чем оно колоссальнее. И это опять-таки намекает на справедливость идеи, что крайности сходятся.

В каждом из проявлений материи участвует в той или иной мере не некоторая ее часть, а «вся» * материя А-Вселенной. Как считал Лейбниц, «каждое тело затрагивается всем, что происходит во Вселенной», а «индивидуальность содержит в себе как бы в зародыше бесконечное» **.

Но так как проявлений и состояний материи бесчисленно «много», то поистине каждое конечное таит в себе бесконечность разнообразных проявлений и состояний. «Все во мне, и я во всем»...

Р и с . 1

Мировая материя существует одновременно на разных уровнях, образуя на каждом из них особую вселенную данного уровня материи (кратко У-вселенную). Таковы У-вселенные субчастиц, микрочастиц, атомов, планет и звезд, галактик, метagalactic и так далее.

Если рассматривать А-Вселенную как цепь таких взаимодействующих вселенных, то очевидно, что каждая из них имеет свои закономерности: свое пространство и время, свои массы и скорости, свои силы, условия квантования.

На границах соседних У-вселенных совершается взаимопереход всех их закономерностей.

Человек живет где-то «в середине» У-вселенной, ограниченной «с одной стороны» вселенной атомов, «с другой» — вселенной галактик. Вматриваясь в бездну космоса, он видит в неизмеримых далих грандиозную вселенную галактик. Но только так, из колоссальной дали, и может он объять взором некую часть этой У-вселенной; стоит приблизиться к любому ее месту — и всякая галактика рассыплется перед астронавтом на составные «частицы», и он погрузится в У-вселенную планет и звезд. Человек — существо вселенной планет и звезд, он связан с этой У-вселенной прочными узами царящих в ней закономерностей.

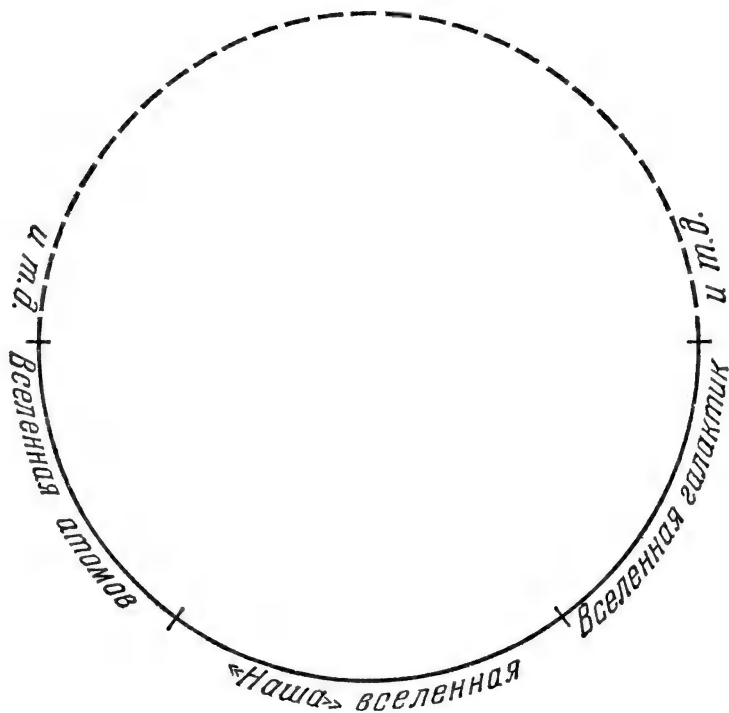
Представим себе единую цепь У-вселенных, образующих Абсолютную Вселенную.

* Слово «вся» здесь и везде, где оно относится к А-Вселенной, условно. О реальной, абсолютной бесконечности вряд ли логично говорить «вся», или «половина», или «треть».

** В. И. Ленин. Философские тетради. Партиздат, 1936, стр. 80.

Условно положим, что «вправо» от «нашей» У-вселенной расположены вселенные мегасистем, а «влево» — вселенные микросистем.

Такую цепь У-вселенных можно вообразить либо незамкнутой, либо замкнутой. Если представить, что цепь незамкнута (см. рис. 1), то ясно, что «вправо» от «нашей» У-вселенной значения масс и размеров систем будут неограниченно возрастать, а «влево» — неограниченно уменьшаться. Иными словами, в этом случае перед нами абсурдная «дурная» бесконечность, не отражающая истинного характера А-Вселенной.

Р и с. 2

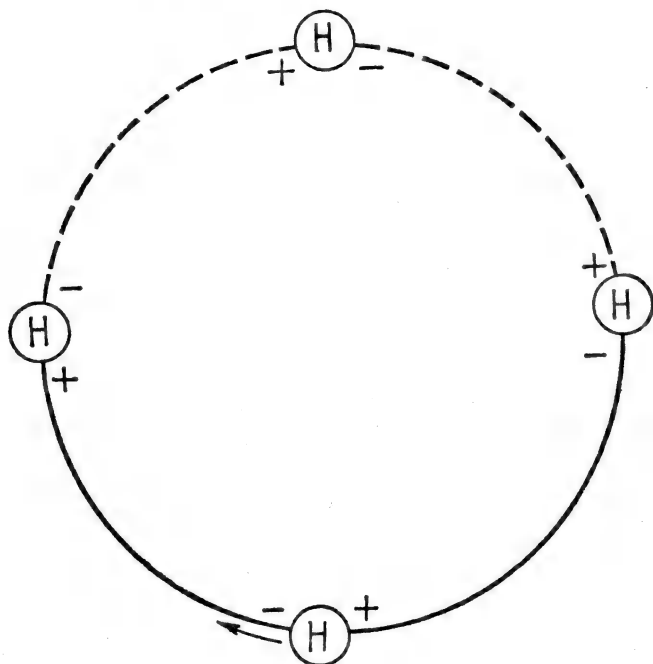
Вторая возможность — цепь У-вселенных замкнута.

Предпримем то умоглядное путешествие внутри «шара мировой материи» (см. рис. 2), о котором упоминалось выше. (Следует иметь в виду, что приведенные здесь схемы, естественно, не могут дать наглядного представления о безразмерном шаре У-вселенных; в действительности А-Вселенная есть ряд взаимовложенных, пронизывающих одна другую У-вселенных.)

Чтобы попасть во вселенную атомов (и во всякую, следующую за ней), путешественнику (наблюдателю) придется подчиниться всем закономерностям этой У-вселенной. Природа в данном

случае ревностно соблюдает правило: в чужой монастырь со своим уставом не ходят*.

Переходя из У-вселенной в У-вселенную «влево» от «нашей» вселенной (см. рис. 3), наблюдатель (Н) все время будет видеть «справа» У-вселенные, где значения масс и размеров систем будут представляться наблюдателю «бóльшими» (+), чем в той, где он находится, а «слева» — «меньшими» (—).

Р и с. 3

Где-то за границей некой У-вселенной, расположенной за вселенной субчастиц, наблюдатель обнаружит, что неприметно для себя вступил в У-вселенную метагалактик, затем галактик. Но нигде он не заметит пресловутого «спая» Кольца материи. Этого «спая» и не может нигде быть: в А-Вселенной размеры всех систем относительно и по отношению к Абсолютной Вселенной как к Единому Нечто утрачивают смысл и значение.

* Если бы человек овладел способностью трансформировать свой организм последовательно в соответствии со всеми закономерностями, царящими в каждой У-вселенной, то такое «путешествие» по цепи У-вселенных можно было бы совершить, не сходя с места. Оно выглядело бы как последовательный переход с одного уровня материи на другой и так вплоть до возвращения в наш мир.

То «путешествие», которое мы совершили по единой цепи У-вселенных, практически не дано совершить никому из людей: потому, во-первых, что У-вселенные «вложены» одна в другую, а человек не способен трансформировать свой организм в соответствии с закономерностями каждой У-вселенной; во-вторых, если бы даже человек научился проникать, так сказать, «собственной персоной» в любую У-вселенную, то каждая часть пройденного и еще предстоящего такому «мировому страннику» пути не будет оставаться тождественной самой себе: все в мире изменяется непрерывно. И сколько ни путешествуй по этой Великой Бесконечности, она всегда будет (для каждого данного наблюдателя) иная, неизвестная; да и сам странник (либо странствующая цивилизация) в течение столь невообразимо долгого пути изменялся бы все время, забыв наконец, откуда и с какой целью начал свою одиссею...

Все У-вселенные, сколько их ни есть, «построены» из одной и той же единой мировой субстанции (см. примечание на стр. 540) — вот где отчетливо видна ее многофункциональность! Таким образом, каждая У-вселенная по размерам и массе эквивалентна любой другой У-вселенной. Также и А-Вселенная равна по массе и объему *любой отдельной У-вселенной и всем им, вместе взятым.*

Эта мысль может вызвать недоумение, если думать, что тут мы имеем дело с целым и его частями; однако все обстоит иначе.

Поясним на примере: вам дали шар из глины весом в один килограмм и предложили построить из этого шара, скажем, *семь равных ему по объему и массе шаров*, причем первый должен слататься из шариков любого размера (условно «атомы»), второй — из кубиков («микрочастицы»), третий — из призм («субчастицы») и так далее.

Конечно, человеку не под силу решить такую задачу, разве лишь волшебник способен из шара в один килограмм построить несколько равных по объему и массе шаров*.

То, что не под силу человеку, доступно природе: она «сама себе волшебник». Иначе говоря, в Абсолютной Вселенной подобная задача, но только в неизмеримо более сложном варианте — в масштабах мировой субстанции вообще — решена блестяще: из единой субстанции мира «построен» ряд равных по массе и объему У-вселенных, взаимопроникающих к тому же одна в другую. И так как каждая из У-вселенных состоит из «всей» (см. примечание на стр. 542) субстанции мира, а из нее же состоит и А-Вселенная, то ясно, что любая из У-вселенных эквивалентна по массе и объему каждой другой и всем им вместе, то есть Абсолютной Вселенной.

* Задача должна решаться при условии, что силы тяготения в данной системе не изменяются в течение всего эксперимента.

Мысль о том, что одна и та же единая мировая субстанция «одновременно» существует и по-разному проявляется на ряде различных уровней (в разных У-вселенных), позволяет расширить представление человека о материи. Понятие материи точнее, субстанции) можно расчленить следующим образом.

Представим своего рода «шкалу», где «началом отсчета» служит понятие «обычная материя» (условно — материя 1-го порядка), то есть материя, которую человек способен ощущать и познавать непосредственно, с помощью своих обычных органов чувств. Двигаясь по этой «шкале» к микромиру, можно обозначить на ней (при переходе из одной У-вселенной в другую) последовательно такие понятия: «тонкая» материя, или материя 2-го порядка (условно: М-2); «еще более тонкая» материя, или материя 3-го порядка (М-3); затем: М-4, М-5, М-6...

Ясно, что человеку доступнее всего для познания материя порядка М-1, сложнее познавать материю порядка М-2, еще сложнее — М-3 и т. д. Это хорошо доказывает история науки, особенно физики и философии. И не исключено, что «духовное» (мысль, сознание) есть в своем проявлении не что иное, как то же материальное, но только на уровнях порядка М-2, М-3 либо еще более «тонких»...

Что больше — атом или Галактика? Вопрос не так абсурден, как может показаться. Конечно, эти системы несравнимы в обычном понимании. Но их можно сравнить, соотнося в необходимых пропорциях все масштабы их бытия в их собственных У-вселенных. В этом случае атом и Галактика могут оказаться примерно равными по массе и размерам. Но возможно также, что атом окажется гораздо «большим» образованием, чем Галактика...

А-Вселенная — это замкнутая сама на себя цепь противоположностей, поэтому в любом месте этой цепи будем обнаруживать «по одну сторону» от У-вселенной, в которой находимся, «большее» (для нас), по «другую» — «меньшее». К тому же человек устроен так, что воспринимает реально и наглядно лишь ту «сторону медали», которая повернута к нему, — размерность и ограниченность всего в мире. Тем не менее еще Анаксагор (V век до н. э.) догадывался, что «все вещи — одинаково большие и малые» и что в бесконечности Вселенной нет ни наибольшего, ни наименьшего элементов.

Очевидно, объективную конечность-бесконечность мироздания надо воспринимать как двойственную, противоположно единую истину, каждая из сторон которой, взятая в отрыве от другой и возводимая в абсолют, перестает быть истиной. Не такова ли вообще природа всякой живой и движущейся истины?

О. Гурский

ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КОД

Фантастические раздумья

Симбиоз сейчас чисто биологическое понятие. В толковом словаре русского языка его определяют как «сожительство двух или более организмов, при котором они приносят пользу друг другу».

А нельзя ли расширить это понятие? Не могла ли возникнуть взаимосвязь и взаимообусловленность между другими материальными формами нашего мира? Хочется думать, что бесконечная эволюция материи во Вселенной создала очень много видов «сотруд-

ничества», которое, конечно, не может ограничиться лишь живыми организмами.

Речь пойдет о фундаментальном «симбиозе», который, по-видимому, проявляется не только на Земле, но и во всей Вселенной. Если окажется, что такая глубокая и тесная всеобщая взаимосвязь действительно существует, потребуется другое слово для ее обозначения. Пока же мы будем пользоваться привычным понятием симбиоза, понимая его шире обычного.

Когда говорят об эволюции животного мира на Земле, то прежде всего отмечают способность организмов постепенно приспосабливаться к окружающим условиям. А не имеет ли место и обратное? Нет ли случаев «приспособления» окружающей природы к нуждам развивающегося живого?

Конечно, воздух не «приспособился» к животному миру, а, наоборот, животный мир приспособился к нему. Но не во всех случаях такое объяснение возможно.

Чем, например, объяснить тот факт, что многие миллионы лет природа «заготавливала» каменный уголь и нефть, столь необходимые сейчас человечеству? Вряд ли уместно в этом случае рассуждать о том, что человечество в процессе своего развития научилось использовать природное топливо. У нас, кроме того, есть веские основания думать, что уголь и нефть природа приготовила вовсе не для сжигания, а для более целесообразного использования. Если продолжить эту мысль, то мы обнаружим очень многое, что никак нельзя отнести к способности живого приспосабливаться к окружающей природе.

Приведем еще пример. Темпы увеличения численности живущих на Земле людей стремительно растут. А запасы основных на сегодня видов энергии уменьшаются. Для сохранения нашей цивилизации человечеству придется овладеть новыми видами энергии, скажем термоядерной. Но не станем же мы утверждать, что быстрый рост человечества — признак приспособления его к использованию термоядерной энергии.

Сейчас, в эпоху бурной научно-технической революции, мы все больше и больше убеждаемся в огромном влиянии научно-технического прогресса на судьбу нашей цивилизации. Понятно, что, если человек сам преобразует природу и использует эти преобразования для своих нужд, нельзя ограничить эволюционное развитие человеческого организма только фатальным влиянием внешней среды.

Не менее существен с этой точки зрения вопрос о происхождении жизни на Земле.

Сейчас нам известна только одна форма жизни — белковая, которая может возникнуть лишь при наличии воды и кислорода, причем в очень узком интервале температур. Белковая жизнь невозможна при температурах, превышающих по крайней мере 100°C . Она замирает, когда температура становится ниже — 80°C . А интервал температур, благоприятных для наиболее совершенных живых организмов, вообще чрезвычайно мал.

В настоящее время твердо установлено, что в иных условиях белковая жизнь не возникает. Конечно, нельзя отрицать возможности существования других форм жизни. Но о них мы еще ничего достоверного не знаем, хотя на практике имеем дело с довольно широким интервалом температур и разными условиями.

Возникает вопрос: можно ли отнести к случайному стечению обстоятельств тот факт, что на Земле возникли такие благоприятные условия для развития белковой жизни? Ведь если бы при возникновении Солнечной системы расстояние от Земли до Солнца было другим, то эти условия существенно изменились бы.

Таких условий нет ни на Марсе, ни на Венере — ближайших к нам планетах Солнечной системы, это уже установлено. Но очень возможно, что эти условия когда-то были на Марсе и будут через многие миллионы лет на Венере. Если это так, то вряд ли подобный комплекс фактов разумно относить к разряду случайных.

Действительно, уж очень много требуется «случайных» совпадений, чтобы условия на поверхности планеты были благоприятны для развития высшей белковой жизни.

Для обеспечения нормального интервала температур, например, надо, чтобы среднее расстояние до Солнца, интенсивность солнечного излучения, температурный режим внутри планеты, скорость ее вращения, тепловые свойства атмосферы и ряд других факторов сочетались вполне определенным образом. Достаточно измениться одному из них, как условия, необходимые для появления теплокровных животных, исчезнут.

Еще пример. Высокоорганизованная белковая жизнь нуждается в кислороде. Простейшие формы живых существ могут существовать в условиях кислородного голодания, но клетки тела человека и большинства теплокровных животных требуют определенного кислородного режима. Человек может жить без пищи до трех недель, без воды — несколько дней, а без кислорода — считанные минуты. А ведь какое огромное число совпадений разных условий на Земле потребовалось для того, чтобы клетки высокоорганизованных животных не испытывали кислородного голодания. Конечно, как мы уже говорили, воздух не «приспособился» к животному миру. На эволюцию животного мира огромное влияние оказывала среда. Ну а что, если бы в атмосфере Земли были, скажем, хлор или сероводород или больший процент углекислоты и т. д. и т. п.? Возникла бы тогда высокоорганизованная жизнь на Земле? Ведь можно назвать по крайней мере два-три десятка (если не больше) газов, которые вполне могли бы войти в состав атмосферы, но сравнительно небольшого количества одного из них было бы достаточно, чтобы жизнь оказалась невозможной.

Свойство животных использовать кислород воздуха можно объяснить приспособлением их к атмосфере в процессе эволюции. Гораздо труднее понять, почему мешающие развитию животного мира условия все же не возникли на Земле, ибо к их неожиданному появлению нельзя было заранее «приспособиться». Есть немало явлений, которые могли произойти и породить на нашей планете условия, неприемлемые для высокоорганизованной жизни. Например, совсем небольшое изменение количества озона в верхних слоях атмосферы резко нарушило бы тепловой режим, а количество смертоносного ультрафиолетового излучения Солнца, доходящего до поверхности Земли, возросло бы значительно.

Существование человечества сопровождается таким огромным количеством удивительных совпадений, что если они чисто «случайны», то мы все, живущие на Земле, можем считать себя непрерывно выигрывающими на один билет самую большую сумму в ежегодной лотерее.

Вообще за последние десятилетия человечество, изумленное законами больших чисел в теории вероятностей и триумфальными

победами вероятностных идей в квантовой механике, уж очень фетишизирует господство случая в явлениях природы.

А правильно ли это?

Рассмотрим такой совершенно банальный пример. Обычное куриное яйцо. С точки зрения физики оно представляет собой двухфазную систему: раствор твердых тел в жидкости. Что должно происходить с подобной системой при нагревании? На этот вопрос любой физик ответит, что должен возрасти хаос в системе, поскольку увеличится тепловая скорость движения молекул. Однако мы знаем, что, если нагреть яйцо до определенной температуры и поддерживать ее в течение какого-то времени, возникнет самая совершенная форма — живой организм. Никакая статистика случайностей, никакие законы больших чисел не позволяли и не позволяют объяснить это явление. Кроме хорошо нам известной статистики случайностей должна существовать еще статистика необходимостей, о которой мы пока не знаем ровно ничего.

Сейчас ни у кого не вызывает сомнений, что развитие живой природы на Земле определялось эволюцией по Дарвину. Но для решения всей проблемы происхождения живой и, наверное, неживой окружающей нас природы одного принципа случайного отбора совершенно недостаточно.

Известно, какую огромную роль играют в развитии живых организмов гены. Сейчас мы знаем также, что основной биологический код «записан» на уровне сложных молекул. Это, так сказать, код данного биологического вида, код, записанный на очень совершенном и своеобразном устройстве, явно родственном тому, что мы называем сейчас кибернетической машиной.

Но само-то это устройство тоже возникло случайно? А нет ли где-нибудь кода способности создавать такие устройства в процессе эволюционного развития? Если это так, то где же записан этот фундаментальный код?

По-видимому, можно утверждать, что все материальные формы, именно все, обладают не только энергией, но и информацией. А информация должна где-то храниться.

Недавно московский ученый, профессор Н. И. Кобозев опубликовал научную работу *, значение которой трудно переоценить. Он доказал, что наша память, которая сохраняется десятки лет в человеческом мозгу, не может быть «записана» ни на клетках, ни на молекулах, ни даже на атомах. Не может потому, что при температуре человеческого организма тепловые колебания молекул и атомов должны достаточно быстро «стереть» все «записанное» в мозгу. Но, однако, память не стирается. Почему? Что же является носителем ее?

Продолжая размышлять над подобными вопросами, мы приходим к формулировке и такой серьезной проблемы. Человечество

* Н. И. Кобозев. Физическая химия. 40; 281 и 784 (1966 г.). 42; 5 (1967 г.). 42; 1045 (1968 г.).

на Земле не может существовать бесконечно. Рано или поздно, пусть даже через многие сотни миллионов лет, его уже не будет на нашей планете. Нет сомнения в том, что подобные нам существа были когда-то на других планетах нашей необъятной Вселенной, будут возникать и впредь и, наверное, существуют одновременно с нами где-то в далеких мирах. Спрашивается, неужели все это случайные, независимые друг от друга, разрозненные явления? Неужели у человечества не было предков и не будет потомков? Неужели природа, создавая мыслящие живые существа, забавляется игрой в кости?

Уж очень не хочется примириться с положительными ответами на эти вопросы. Наши размышления затронули только часть подобных вопросов, даже на первый взгляд не имеющих тесной связи между собой. Однако можно высказать носящую пока фантастический характер догадку, которая позволяет если не наметить ответы на все перечисленные вопросы, то по крайней мере приоткрыть завесу тайны над ними.

На эти вопросы гораздо легче было бы ответить, если обнаружить некие структуры, содержащие фундаментальный код развития материи во Вселенной.

Действительно, представим себе, что существуют некие гипотетические образования, имеющие какую-то внутреннюю структуру и сохраняющие свои свойства, несмотря на все известные нам катаклизмы. Эти фундаментальные частицы должны сохранять структуру при самых бурных процессах, к которым относятся, например, взрывные процессы в звездах, ядерные реакции, протекающие в центре звезд при огромных температурах и давлениях, и т. п.

Особенно важно таким объектам сохраниться при передвижении в «пустоте». Ведь звезды, планеты и другие тела занимают совершенно ничтожную часть Вселенной. «Пустоту» когда-то называли эфиром, потом от этого термина отказались. А сейчас физики ввели новое понятие «вакуум», который наделяется все новыми и новыми свойствами. Он вмещивается, например, в процессы, протекающие в атоме, внося соответствующие «вакуумные поправки» в экспериментальные данные. В нем рождаются «из ничего» пары частица—античастица, такие, как электрон и позитрон. И при этом вакуум сам по себе не имеет температуры, его температура равна «абсолютному нулю». (Межзвездное пространство имеет отличную от нуля температуру потому, что кроме «вакуума» в нем много разных частиц и тел.) Сохраняться очень долго в такой особой среде, видимо, не так легко.

Однако весьма устойчивые объекты в мировом пространстве есть. Ими являются, например, протоны, составляющие большую часть так называемых первичных космических лучей. Эти частицы блуждают по всей Вселенной, сохраняя свои свойства. Ни в каких катаклизмах не происходит разрушения протонов. Но для такого фантастического вывода, что космические лучи, и в частности

протоны, несут в себе фундаментальный код эволюции материи во Вселенной, необходимо предположить, что они обладают какой-то внутренней структурой, на которой этот код может быть «записан». Правда, наше представление о механизме «записи» кодовых программ еще очень примитивно (ведь только около 20 лет назад мы вообще узнали о том, что подобные программы могут существовать). Возможно, «запись» программы осуществляется и каким-то другим способом, не требующим внутренней структуры. Но нам думается, апеллировать к чему-то уму непостижимому нет никакого смысла даже в рамках фантастики.

Сейчас высказана гипотеза о единой структуре так называемых элементарных частиц — микрочастиц, согласно которой они состоят из очень большого числа «субчастиц» (например, протон состоит из 6 тысяч «субчастиц»). Правда, предполагается, что эти «субчастицы» не могут существовать самостоятельно и что микрочастицы в этом смысле элементарны — неделимы. Однако устойчивая структура у элементарных частиц может быть.

Если это так, то на такой структуре может быть «записан» и фундаментальный код. Причем столь большое количество субчастиц может обеспечить «хранение» не одной, а многих программ, в том числе и предусматривающих эволюционное развитие с учетом «неожиданно» возникающих ситуаций, то есть «случайных» эволюционных факторов.

Что же из этого фантастического предположения может следовать? Как известно, генетическая программа определяет физиологическую жизнедеятельность простейших организмов. Даже такие относительно сложные организмы, как насекомые, по-видимому, целиком управляются заранее «записанной» программой. Случайные явления вызывают только мутации, а с ними и эволюционное «дописывание» программы.

Нечто похожее может происходить и в масштабах всей Вселенной. Если космические лучи несут в себе фундаментальный код, то в нем могут содержаться основы эволюционного развития живой и неживой природы. Сюда могут входить принципы программирования эволюции звездных систем, планетарных систем, планет, а также, конечно, и эволюции флоры и фауны на планетах.

Нетрудно понять, что это позволяет дать ответы на те вопросы, которые здесь высказаны, и им подобные.

Не следует, конечно, думать, что наличие такого фундаментального кода во Вселенной, обеспечивающего гармонию в эволюционных процессах и создающего фундаментальный симбиоз, фатально все предопределяет. В конкретной реализации программы в процессе эволюции огромная роль принадлежит случаю, что блестяще доказал Дарвин и что особенно стало понятно в ходе развития современной генетики. И уж бесспорно, поведение отдельных людей или целых групп человеческого общества никакого отношения к фундаментальной программе не имеет. Здесь все опре-

деляется уже другой программой, которая вырабатывается в процессе исторического развития человечества и является его духовной ценностью.

Эти фантастические раздумья кажутся мне достаточно любопытными для тех, кто любит размышлять. Какая часть из того, что здесь высказано в виде предположений, может когда-нибудь войти в систему научных знаний, сказать трудно. Быть может, и существенная часть, а быть может, и нет. Сегодня это только фантастические раздумья.

И. Верин

В столице Мексики строится метрополитен, высота подземных линий которого достигает 2200 метров над уровнем моря. Главные трудности, которые решают строители высокогорного метро,—обилие подземных вертикальных пещер, заполненных водой, и частые землетрясения.

Прииск Нелькан в Сибири славится тем, что там очень часто находят самородки золота, имеющие очень странную форму. Одни из них напоминают доисторических животных, а другие похожи на зайцев, лисиц, слонов и медведей. Последняя находка весьма схожа со сказочной Бабой-Ягой.

Один из предметов экспорта Индии—хищные осы. Мексика и страны Центральной Америки охотно покупают этих насекомых для борьбы с опасными вредителями—червецами, которые сосут соки цитрусовых растений и губят насаждения. Осы справляются с червецами быстрее и эффективнее химикатов.

Инфракрасные датчики, установленные на искусственном спутнике Земли, обнаружили огромный водоворот в Гольфстриме. Его диаметр—200 километров. Однако скорость вращения водяных потоков незначительна. Эти же датчики определили среднюю ширину Гольфстрима на широте Новой Шотландии. Она равна 80 километрам.

Калифорнийское общество защиты животных вот уже несколько лет ведет борьбу против нового вида „спорта“—скачек на страусах. Эти скачки привлекают не меньше любителей делать ставки, чем бега лошадей. Страусы способны бегать со скоростью четвероногих иноходцев.

СЛОВО О БУДИНИИ

Дарий и скифы

513 год до н. э. Тучи пыли и многоголосый гомон стояли в то лето над выжженной солнцем приднепровской степью. Пронзительно скрипели колеса тысяч повозок, неторопливо брели усталые пехотинцы, их обгоняли на рысях увешанные оружием всадники. Персидский царь Дарий I Гистасп, покоривший до того без малого «полмира», позорно возвращался с остатками своей многотысячной армии после неудачного похода на скифов. Персы шли по голой, опустошенной

земле, и в армии Дария свирепствовал настоящий голод. Каждый кусок хлеба, каждую меру зерна приходилось отбивать у неприятеля. Персидский полководец вынужден был посылать на поиски провианта все больше и больше своих лучших воинов — сарбазов.

В тот злосчастный день, когда из лагеря вышел еще один многочисленный отряд, знойное марево все так же уныло висело над однообразной степной гладью. Издали то и дело появлялись конные скифы, осыпавшие персов тучей длинных стрел с бронзовыми наконечниками.

Опытному военачальнику Артабану, возглавлявшему посланный за провиантом отряд, была хорошо знакома тактика удалых, но не обученных строю степняков. Скифы необычайно подвижны. Их атаки дерзки и неожиданны. Только что они попытались отсечь лихим наскоком арьергард персидского отряда. И вот уже их низкорослые крепкие кони мелькают далеко впереди на пути движения персов. Артабан пристально всматривался

в скифских воинов, словно пытаюсь отгадать их дальнейшие намерения. Загорелые бородатые лица, ниспадающие до плеч волосы, кожаные панцири и короткие кафтаны с длинными рукавами, пластинчатые пояса из железа или бронзы, грозный блеск оружия, оскаленные, храпящие конские морды — все это смешалось в одну причудливую и красочную мозаику. Скифы отрезали отряду путь на восток. Но Артабан знал, что делать. Властным взмахом руки он приказал своим кавалеристам отойти под прикрытие пехоты. Воины совершили на ходу несколько сложных перестроений, и конную скифскую лаву встретила острая щетина копий и стена щитов персидских пехотинцев, за спинами которых поспешно укрылись и кавалерия, и обоз.

«Теперь сражение выиграно, — самодовольно думал Артабан, — пусть варвары хоть до самой ночи нападают на мое войско, словно собачья свора, окружившая льва. Лев разбросает их своими могучими лапами и вырвется из железного вражеского кольца».

Солнце уже клонилось к западу, когда вдали послышался глухой непонятный гул. Казалось, земля сотрясалась от равномерных и частых ударов гигантского молота. На персов надвигалась плотная темная масса, похожая на грозовую тучу. Но вот последние лучи заходящего солнца прорезали слой облаков и осветили большой отряд конных воинов, быстро приближавшийся к полю боя. Синими искрами вспыхивали солнечные блики на остриях длинных копий и железных чешуйчатых панцирях. Развевались на свежем ветру пышные белые султаны из перьев на головах рослых коней. Словно стальной клин врезались всадники в стройные ряды персидской пехоты и, опрокинув ее, погнали сбившихся в кучу, обезумевших от страха людей прямо на скифских лучников. Скоро все было кончено. В отчаянии Артабан бросился навстречу этой железной лавине, чтобы, как и подобает воину, пасть в схватке с врагом на поле брани. Но всадники внезапно расступились, и из их рядов выехал высокий светловолосый витязь. Нагрудные пластины его брони были выложены золотом и ярко блестели на солнце. «Ситалк, Ситалк, вождь наш», — прошел по рядам конников тихий ропот.

И тогда Арбатан, сорвав с луки притороченное там короткое копьё, метнул его в ненавистного варвара, вложив в этот бросок всю свою ярость. Копьё легко пробило кожаный щит Ситалка, но против прочных чешуек его железного панциря оказалось бесильным. Лишь слегка покачнувшись в седле от удара, Ситалк поднял свою тяжелую секиру и обрушил ее на голову врага. Медный шлем перса треснул, как ореховая скорлупа, и смертельно раненный Артабан медленно сполз с седла на истоптанную копытами землю.

Там, где жили будины

Персидский военачальник, нашедший в приднепровской степи свой бесславный конец, не знал, что разгромившие его воины были будины—верные союзники скифского царя Иданфирса в борьбе с Дарием. Их родина лежала далеко на востоке, в зеленой, плодородной лесостепи, там, где широкий Танаис (Дон) плавно нес свои воды в Меотиду (Азовское море).

«За рекою Танаисом,— пишет греческий историк Геродот,— уже не скифская земля; первый из тамошних участков земли принадлежит савроматам, которые от Меотийского озера занимают пространство на 15 дней пути к северу; во всей этой земле нет ни диких, ни садовых деревьев. Выше савроматов живут будины, обитающие в местности, сплошь покрытой лесом... Будины — большое и многолюдное племя, они голубоглазые и рыжеволосые».

Так, из уст одного из самых выдающихся людей античного мира, «отца истории» Геродота, нам впервые стало известно о загадочном народе — будинах.

Это, очевидно, территория Среднего Дона—современные Воронежская и частично Волгоградская и Белгородская области. Щедра и красива здесь природа: сравнительно мягкий климат, величавые и многоводные реки, тучные поля, обширные дубравы. Эти благодатные земли издавна привлекали людей. Здесь, на крутых донских берегах, под мощными напластованиями лёссовых пород, находится одна из древнейших в нашей стране стоянок первобытного человека — Костенки. Позднее в этих местах обосновались племена эпохи неолита и бронзы, остатки скромной культуры которых в виде обломков керамики и кремневых отщепов встречаются на многих речных мысах и прибрежных холмах, не затопляемых водой во время весенних паводков. А затем наступает железный век — время господства железных орудий, жестоких опустошительных войн, неурядиц и столкновений, время зарождения первых государств на территории Северного Причерноморья. Именно тогда появляются на Среднем Дону и будины. Древние считали Танаис границей Европы и Азии. Там, за Доном, всего в нескольких днях пути от самого сердца Будинии, лежали владения воинственных кочевых племен — савроматов. Оттуда, из глубины задонских и заволжских земель, постоянно грозила опасность для оседлых земледельцев—будинов. Да и с юга, из причерноморских и приазовских степей, приходили к будинам не только мирные караваны купцов и посольства от скифских царей с богатыми подарками. Часто в степной дали показывались отряды быстроходных скифских всадников; и горели тогда деревянные будинские дома, и брели по пыльным дорогам связанные пленники.

До сих пор остается загадкой, как смогла Будиния, находившаяся в окружении стольких воинственных и могучих народов, выстоять на протяжении почти 500 лет, и не только выстоять, но и создать весьма высокую и яркую культуру.

Тайны воронежских курганов

Случилось так, что первые сведения о богатствах будинских курганов стали известны лишь в результате грабительских раскопок в самом начале XX века.

«Увидели, как на «линии» (Кубань.—В.Г.) копают, давай и мы попробуем, что в наших курганах есть, — вспоминают старожилы села Мастюгино (Давыдовский район, Воронежской области).— Вначале копали со страхом, в ночное время, с фонарями; землю выбрасывали в противоположную от села сторону. Но продолжалось это недолго, дознался урядник и воспретил раскопки. Затем приехал пристав, осмотрел начатые работы и разрешил копать дальше, но предупредил: «Не задавило бы». Грабеж тогда пошел открытый».

К несчастью для науки, курганы у села Мастюгино оказались необычайно богатыми. Почти в каждом погребении находились драгоценные украшения, что, естественно, лишь разжигало алчность грабителей. Какие бесценные художественные сокровища погибли тогда под заступами и ломами невежественных кладоискателей, мы так, вероятно, и не узнаем. Львиная доля добытых ими предметов старины превратилась в безликие слитки золота и серебра или же попала в руки частных коллекционеров.

Наконец, слухи об этих находках дошли до Петербурга, и в село приехал опытный археолог А. А. Спицын. Он докопал несколько разрушенных крестьянами курганов и собрал сохранившиеся еще на руках древние вещи. В 1907—1909 годах шесть больших курганов исследовал здесь археолог Н. Н. Макаренко, который впервые обратил внимание на большое количество античных привозных изделий в будинских погребениях и тесную связь будинской культуры со степной Скифией.

Одновременно местные археологи-любители начали раскопки еще одного древнего могильника — в урочище Частые Курганы, под Воронежем. Всего с 1912 по 1915 год там было изучено свыше десятка курганных насыпей, давших исключительно богатый и разнообразный материал, в том числе и знаменитый серебряный сосуд с изображением сцен из жизни скифов.

И все же общий итог деятельности археологов дореволюционной поры на Среднем Дону вряд ли можно считать успешным: два десятка раскопанных курганов и немногочисленные случайные находки вряд ли могли дать сколько-нибудь полное представление о Будинии и ее обитателях.

Планомерные и систематические исследования будинских древностей начались по сути дела только с 1954 года, когда Воронежская лесостепная скифская экспедиция Института археологии АН СССР приступила к раскопкам уже известных курганных могильников у села Мастюгино и в урочище Частые Курганы. Было раскопано свыше 100 курганов, обнаружено и исследовано 20 укреп-

ленных городищ и 39 открытых поселений. Постепенно из глубины археологических раскопов, со страниц античных рукописей стала вырисовываться героическая история будинов, история народа-творца, создавшего в VII—III веках до н. э. одну из наиболее ярких культур скифской эпохи.

Многое остается еще неясным. Мы не знаем пока, откуда ведут будины свою родословную: пришли ли они из каких-либо других областей Евразии или же происходят от местных племен более ранней поры. Неизвестен ни язык, на котором говорили жители Будинии, ни их этническая принадлежность. Будины, хоть и были близки скифам по культуре, говорили совершенно на другом языке. И скифы, приезжая на Дон по торговым делам, прибегали к помощи переводчиков.

Последние исследования советских антропологов позволили установить, что черепа из будинских погребений относятся к какому-то особому типу, они не похожи ни на скифские, ни на савроматские. В то же время они довольно близки черепам из более северных районов, где жили угро-финские племена — предки современных мордвы и марийцев.

Неизвестна нам и дальнейшая судьба этого храброго народа, навсегда исчезнувшего с арены мировой истории после III века до н. э.

И все же раскопки последних лет позволяют в общих чертах воссоздать некоторые страницы забытого прошлого Будинии.

В поисках города Гелона

«В земле будинов есть деревянный город, по имени Гелон; городская стена с каждой стороны имеет в длину 30 стадий; она высока и вся выстроена из дерева; дома их и храмы тоже деревянные. Там есть святилища эллинских богов».

Этому небольшому отрывку из трудов Геродота суждено было стать причиной длительной и ожесточенной дискуссии, ведущейся в науке вот уже более 200 лет. Казалось бы, слова древнегреческого историка абсолютно ясны и не допускают каких-либо различных толкований: где-то на земле будинов находился их главный город Гелон, окруженный деревянной стеной, с многочисленным населением, дворцами и храмами; город, несущий отпечаток значительного влияния античной культуры.

Найти Гелон? Да уже одно это было бы важнейшим вкладом в исследование истории будинов. Ведь речь идет о столице целой страны, о богатстве и былом могуществе которой достаточно красноречиво говорят находки из пышных гробниц, спрятанных под курганными холмами. Но к сожалению, сделать это оказалось нелегко. Прежде всего было неизвестно точное местонахождение самой Будинии. В рассказе Геродота содержится ряд противоречивых указаний, позволяющих искать земли будинов и в лесостепи,

и в лесной зоне на огромном пространстве от Днепра до Волги. Поэтому-то одни исследователи искали Гелон на правом берегу Волги, на месте древнего Увека, южнее Саратова, поскольку там скрещивались когда-то торговые пути, соединявшие северные и восточные области Европы с причерноморскими колониями греков. Другие рассчитывали найти Гелон между устьями рек Медведицы и Иловли, там, где Дон ближе всего подходит к Волге. Наконец, третьи считали, что столицей Будинии следует считать огромное Бельское городище на Полтавщине, крутые валы которого протянулись без малого на 30 километров.

Долгие годы кипели в научных кругах страсти по поводу местонахождения Гелона. На эту тему писались сотни пространных трудов. Ломались копы на академических дебатах. Увы, чеканные строки геродотовской «Истории» при отсутствии других источников были бессильны разрешить все спорные вопросы. Совершенно иное освещение получила эта проблема после широких археологических работ на Среднем Дону. Сведения античных авторов и немой прежде археологический материал удивительно плодотворно дополнили друг друга и, слитые воедино, создали внушительную и яркую картину. Теперь уже вряд ли кто-нибудь станет отрицать, что будины действительно жили на территории Среднего Дона, в пределах современной Воронежской области. Но если это так, то здесь должен находиться и город Гелон.

Где? В каком именно месте? Сказать это пока трудно: слишком мало еще раскопано будинских городов и селений. Правда, за ученым всегда остается право на смелую догадку, гипотезу, хоть и лишённую зачастую твердых доказательств.

С одной из таких предварительных гипотез выступил недавно П. Д. Либеров — кандидат исторических наук, начальник Воронежской археологической экспедиции. По его предположению, Гелон был расположен у деревни Волошино, в Острогужском районе, Воронежской области, где за последние годы удалось на небольшом участке в несколько километров раскопать целую группу из шести городищ. Археологи нашли там остатки наземных и полужемляночных домов, много предметов местного производства. Привозные же вещи — греческие амфоры и чернолаковая парадная посуда — были сравнительно редки. Но все дело в том, что самое раннее из волошинских городищ возникло лишь в IV веке до н. э. и во времена Геродота еще не существовало. Кроме того, вместо одного большого города, описанного «отцом истории», в Волошино представлено шесть маленьких городков, хотя, возможно, и связанных между собой. Налицо явное противоречие.

Таким образом, чтобы тот или иной памятник старины на территории Среднего Дона получил право считаться городом Гелоном, он должен, во-первых, возникнуть не позднее начала V века до н. э. (мы знаем, что Геродот жил и творил именно в

этом веке), во-вторых, иметь мощную систему укреплений, обязательно включающую в себя какие-либо деревянные конструкции или стены. В-третьих, в таком городе должны в изобилии встречаться античные вещи. И наконец, в-четвертых, необходимо, чтобы в прошлом он играл роль важного торгового и культурного центра будинов.

Открыты ли на территории Воронежской области памятники, которые удовлетворяют по крайней мере большинству этих требований? Да, есть. Это городище у села Сторожевое, Давыдовского района. Впервые я попал в эти места летом 1961 года, и увиденное там надолго запало в душу. Был тихий июльский вечер. На высоком меловом берегу Дона в косых лучах предзакатного солнца отчетливо выделялись остатки каких-то древних полуразрушенных укреплений. Длинный мыс правого коренного берега реки был окружен с двух сторон глубокими оврагами. С напольной же, южной стороны его защищали тройное кольцо земляных валов и два рва. Перед нами лежало еще одно укрепленное городище. Романтичность обстановки, красота донского пейзажа и внушительные земляные стены вновь открытого памятника придавали всему оттенок какой-то необычности. Что скрыто там, внутри, за вершинами валов?

И не было границ для самых смелых предположений. А как только мы углубились на несколько метров в землю, под мощными валами и рвами были обнаружены три параллельные канавы с остатками деревянных стен, или «городней», опоясывавших когда-то всю площадь городища. Стоило зацепиться за один любопытный факт — и дополнительные доводы посыпались как из рога изобилия. Городище стоит на самом берегу Дона — важнейшей торговой артерии, связывавшей греческие города Северного Причерноморья с миром кочевых и оседлых варварских племен, живших по Дону и его притокам. Время его возникновения — VI—V века до н. э. — тоже вполне соответствует хронологическим рамкам, которые ставит нам Геродот.

Наконец, именно здесь была найдена великолепная античная гемма с изображением головки богини.

Пусть общее количество греческой керамики на территории городища и невелико. Любой археолог знает, что произведения искусств и дорогие заморские изделия встречаются на поселениях в крайне редких случаях, да и то в обломках. Совсем другое дело погребальные памятники. Они, как правило, содержат самые интересные и ценные вещи. Поэтому не лишним будет напомнить, что в 5—6 километрах от городища, у села Сторожевое, находится уже известный нам богатейший Мاستюгинский курганный могильник. Поскольку наше городище — единственное ближайшее поселение скифской поры в этом районе, весьма вероятно, что именно его жители хоронили там своих умерших, оставляя вместе с ними драгоценные украшения, оружие и античную посуду.

Все сказанное относится пока только к области догадок. Но границы поисков легендарного города Гелона сейчас значительно сузились. И кто знает, может быть, уже очень скоро археологи вырвут из земляного плена остатки его деревянных стен и храмов.

«Здесь жили когда-то цари...»

В 1964 году наша экспедиция перенесла центр тяжести своих работ в более южные районы за пределами Воронежщины. И вот однажды неподалеку от села Дуровка, Алексеевского района, Белгородской области, наше внимание привлекла группа курганов, стоявших на высоком меловом плато, над небольшой заболоченной речкой. Среди них горделиво выделялся центральный курган высотой около двух метров и диаметром свыше сорока. Решено было начать раскопки именно с него.

Мощный бульдозер за три дня снял курганную насыпь, и под ней открылась огромная могильная яма. Стены ее были облицованы дубовыми плахами. Перекрытие имело форму шатра: дубовые бревна лучами сходились над могилой, опираясь на толстый центральный столб, который удерживал всю эту сложную конструкцию. Еще в древности в западную половину гробницы проникли грабители. Обнаружив там два скелета — мужской и женский, — они забрали все находившиеся при них ценности. Восточная же часть, заваленная обломками бревен от рухнувшего вниз шатра, осталась нетронутой. На дне просторной деревянной гробницы валялись сотни железных наконечников стрел, конские удила, узорчатые уздечные наборы, бронзовая фигурка птицы, 200 золотых плоских бляшек с тисненым орнаментом в виде листьев и зверей, греческая амфора для вина, серебряный греческий ритон с головкой барана на конце и большая круглая бляха из листового золота. На ней в грубом варварском стиле изображен человек, который сидит на крылатом грифоне, терзающем оленя. Волосы у человека длинные, ниспадающие до плеч по скифской моде. На шее гривна, правая рука поднята, видимо для удара; левая скрыта за гривой грифона. Перед нами, несомненно, сцена борьбы какого-то храбреца с фантастическим чудовищем. Но кто он?

Согласно скифским легендам, все цари Скифии ведут свое происхождение от одного общего предка — мифического героя, по имени Таргитай. Как и греческий Геракл, Таргитай прославился своими многочисленными подвигами, очистив землю от страшных хищников и чудовищ. Золотые бляшки с изображениями этого героя в изобилии встречаются во многих гробницах скифских царей.

И стоит ли удивляться тому, что владыки далекой Будинии тоже следовали этому обычаю? А серебряный ритон с затейливым растительным орнаментом? Хорошо известно, что на Древнем

Востоке и у многих ираноязычных народов (в том числе и скифов) ритон считался священным сосудом, одним из атрибутов царской власти. С его помощью земные владыки приобщались к миру владык небесных. Теперь сомневаться больше не приходилось: перед нами лежали останки будинского царя.

Вечером, когда была собрана и тщательно нанесена на план последняя вещь, мы, усталые, но довольные, возвращались в экспедиционный лагерь. Черные тени легли уже на горбы курганов, придавая им какой-то удивительно торжественный и загадочный вид. И не нужно было даже особенно прибегать к воображению, чтобы явственно представить себе перипетии той драмы, которая разыгралась на этом высоком меловом плато двадцать пять веков назад.

Итак, царь Будинии — защитник и покровитель целого народа — умер. И тотчас же во все концы страны, не щадя коней, помчались с этой горестной вестью «черные» всадники — посланцы печали и смерти. Безутешные подданные умершего владыки, его друзья и соседи, члены царской фамилии, собравшись все вместе, с криками и плачем направились к месту погребения. Скрипели колеса тяжело нагруженных повозок, на которых везли дары умершему. Медленно тянулись табуны лошадей, стада баранов и быков, предназначенных для принесения в жертву и поминального пиршества.

Бездыханного царя везли на специальном катафалке с шестами, увешанными колокольчиками. Далеко по округе разносился их печальный звон, оповещающий жителей о приближении траурной процессии.

Место для погребения выбрали на высоком холме, откуда открывался широкий обзор. Тысячи людей разбили здесь свой временный лагерь, и началась титаническая работа по сооружению подземной царской гробницы. После ее завершения жрецы разожгли на краю могильной ямы большой костер. Его дым должен был очистить умершего от всякой скверны. Затем ближайшие родственники царя бережно положили его тело в гробницу на подстилку из мягких кошм или травы. Царь был одет в лучшие свои одежды со всеми драгоценными украшениями. А рядом разложили воинские доспехи, конскую узду и заупокойную пищу — целые туши с воткнутыми в них торчком железными ножками и греческое вино в узкогорлых заморских сосудах. В отличие от степных скифов будины редко прибегали к человеческим жертвоприношениям. Единственное исключение делалось для царя и наиболее знатных вельмож. Их обязательно сопровождали в потусторонний мир жены или наложницы. Так было и на этот раз.

Тела царя и его спутницы накрыли огромным пологом, сплошь расшитым золотыми бляшками, и соорудили над могилой прочную крышу. Затем насыпали большой земляной холм и, устроившись на его вершине и склонах, начали поминальное пиршество — тризну. Только самые знатные сановники и храбрейшие воины удо-

ставались этой чести. Остальные сидели у костров, разложенных у подножия кургана. Ходили по кругу деревянные с золотой оковкой чаши, наполненные хмельным вином. Жарились на огне целые бараньи и бычьи туши. А звучный голос одинокого певца воспевал воинскую доблесть и великодушие владыки, навсегда ушедшего в царство теней.

Молча слушали будины песню. Далеко уводила она их, заставляя вспоминать бесконечные боевые походы, кровопролитные схватки с врагом, смрад пожарищ и женские слезы.

Странный наряд носили будинские воины. Рукояти их мечей, поясные пряжки, гривны, браслеты, колчаные крючки, застёжки портупей были покрыты фигурами каких-то фантастических зверей. Оскаленные пасти волков, медведей и барсов, головы хищных птиц с неестественно большим клювом, острые копыта и ветвистые рога оленей в красноватых сполохах костров составляли причудливый калейдоскоп. Казалось, они говорили людям: «Смотрите, как мы сильны, как свирепы и безжалостны. Наши зубы, когти, копыта и рога бьют без промаха. Горе врагу, ставшему на нашем пути!»

Этот сатанинский танец неестественно скрученных звериных тел имел и у будинов, и у скифов вполне определенный магический смысл. Владелец вещей, украшенных образами хищных зверей и птиц (чаще всего они встречаются на предметах вооружения и конской сбруи), как бы наделялся их силой и ловкостью. Его конь мчался, как быстроногий олень. Его стрела разила без промаха, как когти и клюв орла, падающего с небес на беззащитную жертву. Его меч сеял во вражьих рядах не меньшее опустошение, чем волк или барс в овечьем стаде.

...К утру все торжественные похоронные обряды закончились и люди ушли, оставив лишь пепел костров да кости съеденных животных. И высокий земляной холм в гордом уединении хранил в своих глубинах бранные останки будинского царя и погребенные вместе с ним сокровища.

Тучи с востока

С конца III века до н. э. на восточных границах Будинии стало очень беспокойно. Там, в задонских степях, пришли в движение орды кочевых сарматских племен. Если раньше они ограничивались молниеносными набегами на соседей-земледельцев, уходя затем с добычей в свои засушливые края, то теперь речь уже шла о самом существовании будинского царства. Его воины с трудом сдерживали напор все новых и новых вражьих полчищ, подходивших из глубин Азии. А помощи ждать было неоткуда. Скифское государство, созданное в IV веке до н. э. энергичным царем Атеем, само стояло на грани краха. На западе сильный удар ему нанес Филипп Македонский — отец будущего великого

полководца. Он разгромил скифскую армию и захватил большую добычу. Сам Атей, которому было тогда около 90 лет, тоже пал на поле битвы.

Но главная опасность для Скифии грозила с востока. В степной полосе сарматы перебрались на правый берег Дона еще в IV веке до н. э. И постепенно вся приазовская степь до Днепра включительно перешла в руки этих воинственных кочевников. Некогда огромное скифское царство, простиравшееся от устья Дона до Дуная, охватывало теперь лишь степной Крым и низовья Днепра.

Когда произошла окончательная гибель Будинии, мы пока точно не знаем. По-видимому, это случилось где-то на рубеже III—II веков до н. э. Изнемогая в непосильной борьбе с вражескими полчищами, будинские воины уже не могли защищать всю территорию государства. И горели деревянные дома селений. И топтали конские копыта неубранные пшеничные поля.

Воины уходили вместе с семьями. Тем, кто рискнул бы остаться, грозила неминуемая гибель от безжалостного меча степняка или же была уготована горькая судьба бесправного пленника — раба.

Путь на юг, а возможно, и на запад к этому времени был уже для будинов отрезан. Оставалось свободным только северное направление. Там, в густых непроходимых лесах, населенных слабыми и разрозненными угро-финскими племенами, можно было укрыться от идущего по пятам врага или, собравшись с силами, нанести ответный удар.

Трудно сказать, спаслась ли какая-то часть будинов, уйдя на северо-восток, в леса Среднего Поволжья, или же все они погибли в неравных боях с сарматскими конниками.

Но вот что любопытно. Несколько веков спустя после гибели Будинии в культуре мордовских племен появляются вдруг некоторые типы вооружения и украшений, хорошо знакомые нам по будинским курганным древностям. Здесь и железные наконечники дротиков и копий специфической формы, и круглые с незамкнутыми концами пряжки, и многие мотивы орнамента.

Кто знает, может, это и есть как раз те самые доказательства переселения будинов на северо-восток, которые мы так упорно ищем. Придя на новые места, эти переселенцы могли постепенно смешаться с угро-финскими племенами, передав им ряд достижений своей более высокой культуры.

В. Гуляев

За последние годы около 300 видов диких птиц переселилось из лесов в города Европы. В Варшаве, например, спокойно живут утки и пурпурные цапли; в Копенгагене — гагары и кряквы; в Праге — королевские горлицы и журавли; в Лондоне — совы и щеглы.

ДИКИЕ СТАНОВЯТСЯ ДОМАШНИМИ

Один из первых дарвинистов мира, Томас Гексли, как-то изобразил на листе бумаги пра-человека верхом на пралошади. Очень быстро выяснилось — благодаря антропологам и палеонтологам, — что на самом деле пралошадь старше своего «всадника» на какие-нибудь полсотни миллионов лет. Но беда рисунка не только в этом. Для сегодняшних людей власть человека над лошастью так естественно выразить, посадив человека на коня. Джек Лондон написал большой рассказ о при-

ручении лошади. Он тоже был уверен, что первую лошадь приручили, взобравшись к ней на спину, и, укротив, заставили подчиниться человеческой воле. Словом, получается, что человек сначала сумел оседлать лошадь, а уж затем ее приручил. А дело-то обстоит как раз наоборот. Прежде чем взобраться на спину могучему животному с огромными зубами и тяжелыми копытами, наш предок должен был его одомашнить. Да и одомашнив, оседлать коня он собрался не сразу.

Разве случайно, что древнегреческий герой Ахилл выезжает в бой на колеснице и с колесницы же разит на древнеегипетских изображениях фараон своих врагов? Конечно, нет! Лошадь сначала приручили, а потом уже — и намного позже — научились ездить на ней верхом. Первое произошло восемь — десять тысяч лет назад (или еще две тысячи лет туда, две тысячи лет обратно) в Азии, второе — там же, но этак на три-четыре (а кое-где на шесть-семь) тысячелетия попозже.

Азия же приручила коров. В Африке сумели сделать домашними ослов. Древние египтяне — вряд ли в порядке соревнования — одомашнили антилоп, и даже не один их вид, а несколько. Об этом можно судить по изображениям, на которых антилопы пасутся вместе с коровами. Стоит добавить, что среди домашних животных в долине Нила числились, кроме всего прочего, журавль, аист, лебедь, дрозд, куропатка, перепел. И разумеется, еще задолго до всех них у очага человека появился первый слуга, первый помощник, первый друг — лохматый серый пес — единственное существо на свете, которое любит нас больше, чем себя самого (так во всяком случае говорил Дарвин).

Впрочем, есть у собаки один, правда не слишком опасный, конкурент в борьбе за право называться первым слугой человека. Это северный олень. Ряд ученых всерьез уверял, что он был приручен еще охотниками эпохи палеолита (древнего камня). Именно приручение оленя, по их мнению, было началом великой работы по превращению диких животных в домашних.

Сторонники этого взгляда ссылаются главным образом на множество остатков оленьих костей, которые находят на стоянках древних людей всюду, где они могли сталкиваться с оленями.

Но поди разбери, кости это диких оленей или домашних! Даже сейчас различия между диким и домашним северным оленем весьма невелики. Кстати, уже одно это обстоятельство другие исследователи признают доводом в пользу того, что данное животное приручено недавно. Ведь разница между домашними и дикими лошадьми гораздо больше. В пользу «молодости» домашнего северного оленя говорит вот еще что: собачьих, лошадиных, даже козьих пород существует великое множество. А северный олень так и остался всюду все тем же северным оленем. Может быть, человек просто не успел вывести разные породы оленей: слишком мало времени было в его распоряжении.

— Не успел? Нет! Дело в другом: условия жизни всюду, где водятся северные олени, примерно одинаковы, и разные породы здесь не требовались, — возражали сторонники древности оленеводства. Этим же сходством жизни дикого и домашнего оленя пытались они объяснить отсутствие резких различий между ними.

Есть, однако, ученые, доказывающие, что олень приручен всего две тысячи, тысячу пятьсот, даже только пятьсот лет назад. Если правильна наименьшая цифра, оленя придется называть уже не первым, а последним по времени слугой человека (из животных, имеющих серьезное хозяйственное значение).

Исследователи, придвигающие одомашнивание оленя так близко к нашему времени, считают его следствием одного из великих передвижений народов по лику Земли.

Пришедшие из центральноазиатских степей кочевники обнаружили будто бы, что лошади гибнут от бескормицы в тайге и тундре. Ведь создавать большие запасы кормов кочевники-скотоводы не привыкли (вот земледельцы — другое дело, и якуты выращивают

отличнейших лошадей). Ну и ухватились новопоселенцы за первое подходящее животное, так сказать, эрзац-лошадь.

Чтобы олениводы на меня не обиделись, сразу поправлюсь: этот «эрзац» — самое выгодное домашнее животное на Земле. Какой свиновод, овцевод, коневод и любой еще «вод» не позавидует: северный олень не нуждается в стойле; северный олень не требует запасов корма; его можно доить; он дает отличную шкуру и мясо, которое можно есть даже в сыром виде, настолько хорошо оно переваривается. Наконец, олень — отличное транспортное средство.

И как-то обидно думать, что таким чудесным животным человек занялся только для того, чтобы заменить им куда менее выгодную и куда более прихотливую лошадь.

Но очень может быть, что дело обстояло именно так.

Вот еще доводы в пользу недавнего появления оленей в хозяйстве человека. Далеко не все северные народы используют все возможности северного оленя, а эскимосы и американские индейцы и вовсе не сумели его одомашнить (хотя сейчас в Канаде немало домашних оленей: канадцам пригодился чужой опыт).

Лопари (саами) доят оленей, а эвенки нет. Саами запрягают оленей в сани поодиночке, ненцы обычно ездят четверками, а эвенки предпочитают садиться на оленя верхом. Такие различия говорят о том, что методы использования оленей еще не устоялись, не успели устояться. Не успели... А сколько все же лет было здесь в распоряжении людей?

Скорее всего представители обеих крайних точек зрения неправы. Не пятнадцать тысяч, но и не пятьсот лет числится в биографии оленеводства, а, по-видимому, две-три тысячи. (Прошу только иметь в виду, что «скорее всего» и «по-видимому» — это далеко еще не «наверняка».) В китайских летописях домашние олени упоминаются впервые полторы тысячи лет назад. Вот он, пожалуй, минимальный срок.

А теперь несколько слов в защиту лошади, обиженной при сравнении с оленем. И лучше пусть эти слова скажет за меня восторженный арабский наездник:

«Не говори, что это мой конь, скажи, что это мой сын. Он бежит быстрее бури, быстрее взгляда. Он чист, как золото... В темноте разглядит он волосок; он может настигнуть газель; он говорит орлу: «Я мчусь, как ты...» Он так легок, что мог бы танцевать на груди твоей милой, не оцарапав ее. Бег его так ровен и покоен, что на всем скаку на спине его ты можешь выпить чашку кофе, не пролив ни капли...»

Ну разве не заслуживает такое животное любви и восхищения? Недаром слова «арабский конь» до сих пор заставляют биться сильнее сердца самых искушенных коневодов. Тем удивительнее, что как раз в Аравии-то кони появились сравнительно поздно. Видимо, перед началом нашей эры. Древние авторы единодушно не замечают не то что каких-то особых арабских коней, но и вообще лошадей в Аравии. И завоеватели аравийских земель

в хвастливых надписях не упоминают коней в списках трофеев.

А роднит оленя и лошадь не только то, что их обоих запрягают. Человек покорил не только их силу, но и сердце, и при этом главную роль сыграла обыкновенная поваренная соль, пресловутый натрий-хлор. Арабы вымачивали солью уздечку, чтобы лошадь скорее примирилась с ней. А что касается северных оленей... Кто-то из ученых оборонил фразу о том, что олень променял свою свободу на человеческую мочу: это и вправду оленьё лакомство.

Вряд ли будет так уж интересно читать во всех подробностях о том, где, когда и какое животное было приручено. При желании вы найдете кое-какие сведения на эту тему даже в Большой советской энциклопедии. А вот разве не любопытно, что кошка у древних египтян была охотничьим животным? И что она очень долго не приживалась почему-то за пределами Египта? Древние римляне для борьбы с мышами держали у себя в домах ручных ласок. Так во всяком случае обстояло дело в Геркулануме и Помпее перед их гибелью.

В знаменитой комической поэме древности «Война мышей и лягушек» мышь говорит, что больше всего на свете боится ястреба и ласки, но ласки все-таки больше. Та ведь может проникать даже в мышиную норку (кошка, кстати, на это не способна). Кошка ни разу не упоминается ни в священной книге древней Индии — Ведах, ни в Библии, хотя та и создавалась у ближайших соседей Египта. Похоже, что именно поздним появлением в хозяйстве кошки объясняются бесчисленные сказки и легенды, в том числе русские, в которых герои впервые привозят кота в страну, где кошек нет.

Первое упоминание «своей» кошки в китайских источниках относится к середине первого тысячелетия нашей эры. Иероглифом «животное, истребляющее мышей» у китайцев обозначается ласка — маленькое, гибкое и яростное существо, которое сегодня как-то странно представить себе домашним. В Древнем Риме с ней «сотрудничали» в борьбе с мышами безобидные для человека домашние удавчики и ужи.

Но настал день, когда и они, и ласка не выдержали конкуренции с кошкой и уступили ей права стража подвалов и складов.

В массовом завозе кошек в Европу виновато... нашествие крыс.

Не только народы-«варвары» волнами двигались на рубеже нашей эры из Азии в Европу. Параллельно, а точнее, вслед за людьми в такое же наступление вышли крысы. Крошечные ласки, отлично уничтожавшие мышей, не смогли справиться с нашествием этих чудовищ, и на помощь были призваны кошки.

А ласка? Не простила нам измены и исчезла в конце концов из списка домашних животных. Правда, процесс исчезновения длился долго, и еще на картинах художников Возрождения дама с лаской отнюдь не редкость. Мало того, Сейчас ласку относят к

числу животных, плохо приручающихся. Как видите, человек знал тут не только приобретения, но и потери. Надо добавить, что кошка, как и ласка, оказалась не в состоянии справиться с новыми сюрпризами подведомственного ей мира грызунов. В начале XV века на Нижней Волге появился еще один выходец из Азии — большая странствующая крыса пасюк. Медленно покоряла она область за областью, двигаясь на Запад, пока во время наполеоновских войн вместе с русскими и австрийскими военными обозами не прошла за несколько лет всю Европу. Затем переправилась в Англию (она любит путешествовать на кораблях) и в Америку, где почти начисто истребила привычную домашнюю крысу. В Нью-Йорке, скажем, сейчас насчитываются многие миллионы крыс, они буквально терроризируют население беднейших кварталов. В конгресс США вносятся законопроекты о выделении на борьбу с крысами десятков миллионов долларов...

Кошки почти не состоятельны в борьбе с пасюками, собаки-крысоловы тоже не решили этой проблемы. Значит, яды и мышеловки... А может быть, стоило бы поучиться у предков? Поискать животное, способное противостоять пасюку? Не забыли ли мы со своей химией более древние возможности человека? Биологическую войну можно вести не только против насекомых.

Из всех животных, с которыми когда-либо имел дело человек, наибольший вред ему причиняло, досаждая сверх всякой меры, одно, притом самое как будто беззащитное, кроткое и нежное. Я имею в виду обыкновенного кролика. Известны, конечно, случаи, когда из-за тигров-людоедов разбегались и пустели целые деревни. Но только кролики могли бы похвастать тем, что из-за них собирались покинуть родину все жители пусть небольшой, но страны. Обитатели Майорки и Минорки, то есть Балеарских островов, умоляли правителей Рима выделить им другие земли для поселения. Они же просили императора Августа о срочной присылке военной силы для борьбы с теми же кроликами.

Дело в том, что кролик не только соперничал с какими-нибудь мышами и хомяками в покушениях на урожай. Он еще и перекапывал землю, подрезая корни деревьев, которые в результате засыхали. (Одним из основателей бионики — науки, любящей поговорить о том, как техника подражает жизни, можно считать древнего римлянина Марциала. Он писал: «Кролик любит жить в выкопанных пещерах: он показал воюющим тайные ходы».) Кролики были бичом Испании римских времен (в Испании, по-видимому, их впервые и приручили).

Через много веков потомство одной крольчихи, высаженной на чудесном необитаемом острове, «изгнало» с него прибывшую чуть позже большую группу трудолюбивых колонистов. И наконец, уже в нашем веке была создана и поддерживается до сих пор в Австралии «великая кроличья стена» — изгородь, перегородившая целую часть света с одной-единственной целью — как-то ограничить район действия кроликов.

Вот что такое кролик! И нынешние австралийцы, разумеется, отлично поняли бы мучения балеарцев времен Августа. Правда, древним все-таки удалось найти на кроликов управу — они приручили... хорьков. Точнее, не столько приручили в точном смысле слова, сколько приохотили к садам и полям, нуждавшимся в их защите. А мы-то считаем, что хорек не приручается... Да, приобретая, человечество не должно терять своих старых умений.

Дичать могут, потеряв хозяев, все домашние животные, за одним-единственным исключением. И это исключение составляют не вернейшие собаки, не уютные кошки, не покорные коняги и не коровы-кормилицы. Только овцы при любых условиях выдерживают искус свободы и не слушаются зова леса и степи.

А свиньи, скажем... Когда Сардиния была захвачена арабами и свиное мясо стало запретным, свиньи поспешили снова стать чем-то вроде обычных лесных кабанов. Вот уже тысячи лет, как одичал нильский гусь, некогда бывший для древних египтян излюбленным национальным блюдом.

Был потерян секрет приручения антилоп, отлично служивших тем же древним египтянам. Но тут, слава богу, человечество через какие-нибудь две тысячи лет спохватилось, и сейчас антилоп успешно одомашнивают и у нас в стране, и в Англии, и в Южно-Африканской республике.

Может быть, снова появится на свет любимец древнеегипетских охотников — отважный гибрид кота и болотной рыси. Не ему ли суждено решить проблемы крысы пасюка?

А вот тяжело ли далось человеку одомашнивание животных? Конечно, тяжело. Но может быть, самым трудным тут было не столько приручить животное, сколько додуматься до того, как это животное использовать в хозяйстве. Удивляться нечего.

Есть, например, места, где коровы только рабочий скот, где их не доят. И наконец, есть места, где ручных животных вовсе практически не эксплуатируют, получая от них удовольствие, но не выгоду. То есть с людьми живет масса ручных животных, которых, однако, никак нельзя назвать домашними. Не подумайте, что речь идет о канарейках в наших домах и о никчемных в практическом отношении собачках вроде болонок. Это все особая статья. Я хочу сейчас пригласить вас в тропики, в поселения индейцев Америки и полинезийцев Океании.

В бразильском поселке племени бакайри по улицам мирно бегают, ходят и ползают не только всевозможные мелкие грызуны, но и тапиры, и даже вполне ручные аллигаторы. Над крышами порхают лесные птицы. Единственно, от кого из всей бесчисленной живности жители поселка получают пользу, так это от попугаев, усеивающих все кровли. У них иногда берут для украшения причесок яркие перья... но не остаются в долгу и взамен подвязывают к крыльям красивые цветные кисточки.

Другие ручные животные — от обезьяны до аллигатора — тут оказываются или своеобразными живыми консервами, оставленными для лучшего сохранения мяса, или предметом игр, забав, своеобразным украшением дома, улицы, деревни.

Остров Науру в Полинезии (кстати, недавно получивший независимость), замечателен тем, что его жители приручают птиц почти всех видов, живущих здесь. Особенно много внимания при этом уделяют огромным фрегатам. Приручая, этих великанов усиленно кормят рыбой, а водой поят из собственного рта. Не только на Науру, но и на многих других островах Океании в большом почете состязания между фрегатами. Владелец победителя получает приз. Зрелище соревнования, в котором место голубей занимают птицы с размахом крыльев два метра и больше, должно производить сильное впечатление.

Но самого удивительного, с нашей точки зрения, добиваются на острове Науру все-таки не взрослые, а дети. Они приручают... стрекоз. И любимая их забава — спрятавшись в кустах, натравливать своих ручных стрекоз на их диких сестер.

Вот она, «биологическая цивилизация», которую фантасты ищут на далеких планетах.

И «летучие собаки» тропиков, и тигры, и львы, и волки, и шимпанзе — все поддаются приручению.

Итак, от стрекозы до крокодила — неплохой набор «домашних животных», уютно сосуществующих с человеком. А ящерицы гекконы, истребляющие в хижинах мух и прочих насекомых, уже вполне заслуживают названия домашних без кавычек. Чем геккон хуже кошки?

Словом, приручить можно чуть ли не любое живое существо, и, для того чтобы узнать об этом, человечеству не пришлось дожидаться прихода Дурова и прочих великих дрессировщиков.

Вся штука, повторяю, была в том, чтобы сделать одомашнивание намеренным и целесообразным.

Проще всего, однако, было приручать животных стадных, уже на воле привыкших к тому, что их «организовывают» вожаки, животных, умеющих слушаться. Обратите внимание: и лошади, и овцы, и коровы, и собаки, и ослы, и козы живут стадами и стаями, а в Индии шакалы, приходящиеся нашим собакам в худшем случае близкими родственниками, а в лучшем (?!) — предками, так привыкли следовать за тигром и кормиться его объедками, что их можно назвать тигровыми ручными животными.

Человек, приручая зверей, не изменял законы жизни природы, а повернул их так, чтобы использовать себе на благо. Симбиоз в широком смысле слова весьма распространен на нашей планете. Птицы и крокодилы, акулы и рыбы-прилипалы, как вы наверняка знаете, давным-давно вступили в союз друг с другом. Человек внес новое «только» тем, что за 10—12 тысяч последних лет своей истории заключил — когда с помощью

кнута, когда благодаря прянику — сотни союзов с птицами, насекомыми, пресмыкающимися, млекопитающими.

И продолжает их заключать. За последнее столетие одомашнено огромное число страусов — уже в 90-е годы XIX века в Южной Африке паслись двести тысяч домашних страусов. А в последнее время они там начинают заменять собак в роли пастухов при овечьих стадах. Развеяны легенды о неукротимости зебр, становится домашним лишь с недавних пор знакомое европейцам африканское окапи. Серьезно обсуждают вопрос об одомашнивании ряда видов обезьян. Умение подражать человеку может сделать их незаменимыми при исполнении огромного числа работ.

В Южной Африке готтентоты, как утверждают, давно использовали павианов в качестве помощников при пастыбе коз. Сейчас у некоей миссис Астон в Юго-Западной Африке сменяется уже третья павианиха-пастушка, которая с помощью собаки пасет ежедневно большое стадо коз. (Первые две самки павиана погибли: одну загрызла бродячая собака, другую застрелили.) Павианиха приносит новорожденных козлят на ферму на руках, поддерживает слабых детенышей во время кормежки под брюхом у матери, не дает стаду разбегаться, поднимает тревогу в случае опасности и выполняет еще кучу обязанностей.

После же того, как один австралиец выучил обезьяну (не человекообразную!) управлять трактором, любые предсказания тут покажутся слишком скромными.

... А все-таки, наверное, хорошо жить аборигенам Науру на островке, где все звери любят человека и служат ему. Но когда-нибудь таким счастливым островом, только в космосе, а не в океане, будет вся Земля!

Р. Подольный

На севере Канады группа биологов изучала жизнь болотной растительности в условиях сурового климата. Случайно они открыли спрятавшийся в мерзлой земле продовольственный склад. Оказалось, что он был закопан там английскими полярниками в 1852 году, то есть более ста лет назад. Канадские ученые смело отведали сухари и мясные консервы. Они оказались не только съедобными, но, как они утверждают, и более вкусными, чем современные.

Геологам, работающим в пустыне, вертолеты могут доставить даже годичный запас воды. Однако воду приходится возить каждую неделю, так как от жары она быстро портится и теряет вкус. Грузинские специалисты изобрели способ надежной консервации питьевой воды. Теперь она может храниться в обычной бочке более трех месяцев. Обработка воды происходит в поле сильного электромагнита.

КАК ВОЗНИКЛА ЛЕГЕНДА О РАЕ

На протяжении последнего десятилетия ученые-археологи вели интенсивные раскопки в Месопотамии, там, где когда-то существовало древнее Шумерийское царство — самая ранняя из известных цивилизаций. История этой цивилизации началась, быть может, более 8 тысяч лет назад.

Трудами ученых были открыты не только многочисленные материальные памятники шумерийской цивилизации, но, что особенно важно, письменные документы, рассказывающие об исто-

рии этой древнейшей страны. 60 тысяч глиняных табличек, покрытых клинописью, повествуют о многом, и в частности о земном рае, миф о котором появился за несколько тысячелетий до возникновения христианской религии. Теперь мы более отчетливо можем представить себе причины, породившие у древнего народа, жившего в окружении жаркой и бесплодной пустыни, представление о рае.

Два французских ученых, Ивар Лиснер и Мануэль Литран, попытались найти ключ к этой древней тайне нашей истории. Почти наверняка современная история началась в Месопотамии, на берегах Евфрата и Тигра. Согласно Ветхому завету, именно там и находился рай, из которого был изгнан человек. Но где? В Анатолии, у горы Арарат, где остановился Ноев ковчег? Возле Вавилона, где была воздвигнута Вавилонская башня? Или у слияния этих двух рек?

Подобно современным ученым, 5 тысяч лет назад искал рай Гильгамеш, легендарный царь Шумерийского царства из первой династии Ура, и якобы нашел его. Путешествие Гильгамеша было

описано на глиняных табличках задолго до Ветхого завета. И этот факт сам по себе убедительно опровергает божественную легенду о рае, созданную значительно позднее. Но вернемся к загадочному райскому саду, следы которого после его посещения Гильгамешем потеряны. Рай не мог быть далеко от Урука, столицы Шумерийского царства. Теперь этот мертвый город открыт в песках стараниями профессора Лензена. Столица Гильгамеша оказалась такой обширной, что, по словам ученого, для ее полных раскопок потребуется еще 200 лет!

По Библии, рай окружали четыре реки — Евфрат, Тигр, Жехон и Физон. Где протекали две последних, не удалось определить. Но многие ученые думают, что одна из них соединялась с Евфратом у Вавилона, который до сих пор представляет собой прекраснейший оазис. Вокруг исчезнувшего теперь основания башни раскопки обнаружили город, основанный в VI веке до н. э. Навуходоносором II.

О том, как велись раскопки в поисках рая, Ивар Лиснер написал статью под названием «В пустыне мы нашли маленький куст — древо искушения». С небольшими сокращениями мы приводим ее ниже.

Становилось очень жарко. Облака пыли волнами проносились над пустыней. Мы находимся среди руин Вавилона. Я смотрю на место, где некогда возвышалась Вавилонская башня. Обращаюсь к сопровождающему нас арабу:

— Что стало с башней?

— Ее увезли.

— Увезли?

— На протяжении веков увозили камни. Из них строили дома.

— Но рай, наверное, был здесь?

— Рай? О каком вы говорите? О земном или о рае богов?

— Конечно, земном.

— Мы его потеряли. Некоторые думают, что он находится недалеке от истоков Евфрата и Тигра, в районе Арарата, другие — что здесь, в нашей стране, вблизи Вавилона. Наконец, третьи считают, что он находился у Басры. Но мы полагаем, что он был там, где две реки, Евфрат и Тигр, соединяясь, образуют Шатт-эль-Араб.

При мысли о Вавилонской башне проникаешься грустью. От нее ничего не осталось. Надменное сооружение, которое, как говорится в Библии, вершиной касалось неба, разобрано по камешку...

Звон цикад, кваканье лягушек — вот и все, что нарушает тишину этого места.

В Вавилоне еще можно определить очертания высоких домов, имевших почти современный вид, прямых улиц, площади, на ко-

торой возвышался большой дворец Навуходоносора II с тронным залом. Вблизи находились знаменитые висячие сады — одно из семи чудес света. Мы пересекли пальмовую рощу, раскинувшуюся под шатром голубого неба. Ее зелень была какой-то нежной, святающей, воздух прозрачным, а солнце казалось совсем близким. 4 тысячи лет назад таков был пейзаж Вавилона.

От некогда протекавшего через город Евфрата теперь осталось лишь высохшее русло. Именно в то место, где мы находились, однажды на носилках рабы принесли Александра Македонского, а затем он переправился в сады на другой берег. Накануне он пировал до позднего часа со своим другом Медиосом, потом искупался в реке. Ночью появились признаки лихорадки. Это было 31 мая. Спустя десять дней, 11 июня 323 года до н. э. великий полководец античного мира скончался. Вся македонская армия, воин за воин, продефилировала перед его ложем, установленном в зале большого дворца Навуходоносора.

Можно полагать, что Александр Македонский умер в саду Эдема. Во всяком случае это место одно из наиболее «райских» в долине реки. Впрочем, что мы знаем о местонахождении земного рая? По Библии, первый мужчина и первая женщина поселились в Эдеме, который находился в Леванте. Эта локализация рая представлена нам в одном древнееврейском тексте, датированном 500 годом до н. э. Но о рае есть данные, еще более древние, в эпоху Гильгамеша.

В последние десятилетия наука раскрыла многие загадки и тайны этого эпоса. Он, оказывается, на 1500 лет старше гомеровских «Илиады» и «Одиссеи»! Именно из него мы узнали о первом трагическом герое человечества, отправившемся на поиски земного рая, первом, испустившем крик в небо, мятежный крик человека, который должен был умереть.

Гильгамеш царствовал в Шумерии. Там жили люди, называвшие себя народом «черных голов». Они говорили на языке, не похожем ни на семитский, ни на индоевропейский. Примерно за 5 тысяч лет до н. э. они обосновались на берегах Евфрата и Тигра. Один из их городов назывался Ниппур. Мы посетили его руины в 150 километрах южнее Багдада. В этих руинах и были найдены 60 тысяч глиняных клинописных табличек — вся шумерийская литература, созданная на протяжении 4-го и 3-го тысячелетий до н. э., первая на счету человечества. На этих табличках начертаны фрагменты древнейших поэм о Гильгамеше.

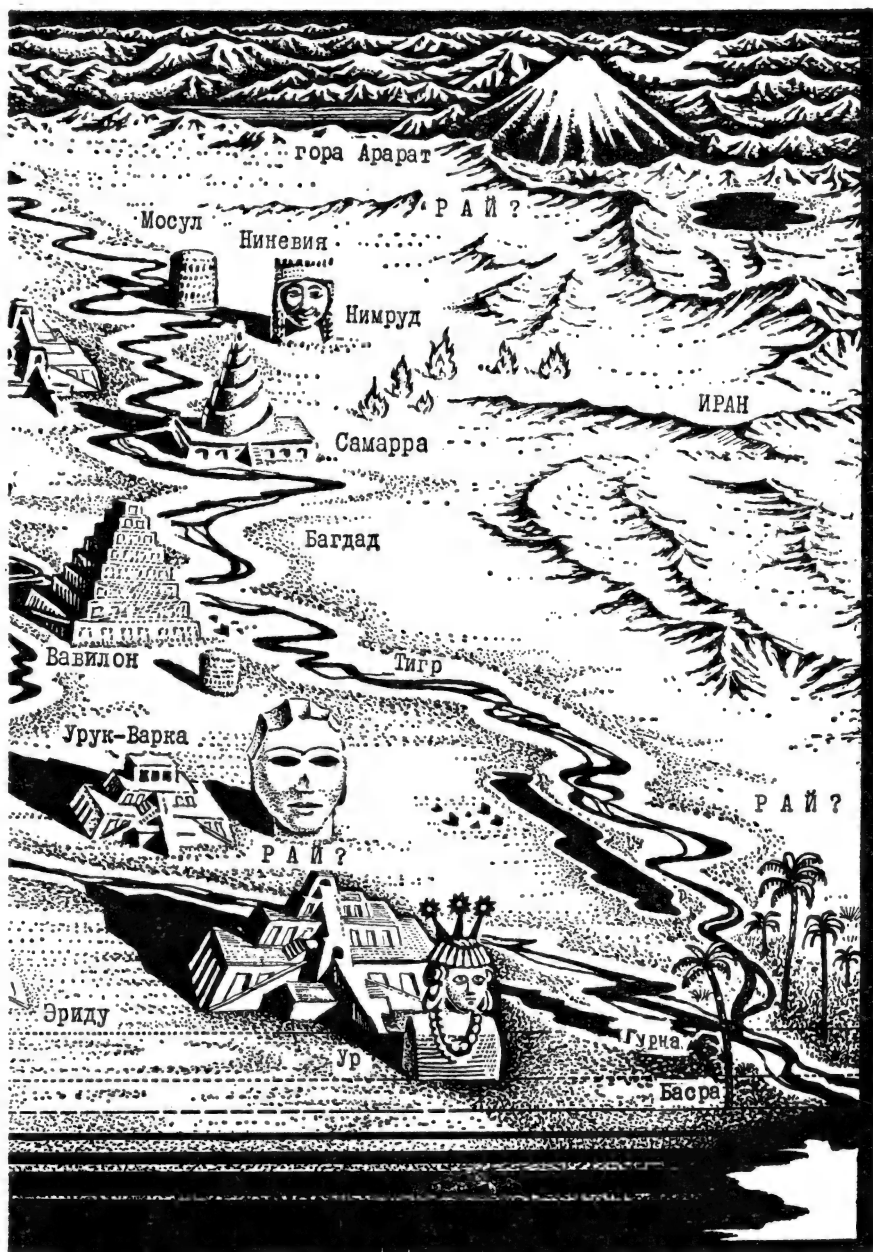
При раскопках Ниппура обнаружили и табличку, на которой имеется описание потопа. Есть и другие свидетельства об этом важном событии мировой истории. Они относятся к более поздней эпохе, именуемой вавилонской, и были найдены в библиотеке царя Ассурбанипала в Ниневии. Но фрагмент из Ниппура самый древний.

Из таблички мы узнаем названия пяти допотопных городов: Эриду, Баб-Тибера, Ларак, Сиппар и Шуруппак. Три из них —

Рельефная карта Месопотамии

Сирия: г. Мари, где был открыт план первого дома; Ирак: следы Вавилонской башни; Урук, где впервые было вылеплено человеческое лицо; Ур — здесь жила царица Шуб-ад

Эриду, Сиппар и Шуруппак — найдены, и там ведутся раскопки. Родина шумерийского Ноя — Шуруппак. Там он построил ковчег, о котором шумерийская табличка рассказывает так: «Он качался бурей на большой воде...» Шумерийцы оставили нам и имя этого своего Ноя — Зиусудра.

В руинах Ура, Шуруппака и Киша мы видели напластования, которые, как утверждают археолог Вулей и другие ученые, представляют собой известковые отложения в результате наводнения. Полагают, что наводнение произошло 5400 лет назад.

Урук, город Гильгамеша, теперь называется Варка. По своему великолепию и богатству он превосходил все другие города. К сожалению, по сравнению с египетскими монументами в Месопотамии остались лишь руины. Однако какое впечатляющее зрелище, когда после бесконечного путешествия по пустыне на горизонте показываются необычные остатки Урука — мертвого города!

Я вспоминаю ветер, поднимавший песок и гнавший его к небу над древними руинами. И за этой пылевой пылью появлялась призрачная процессия рабочих-иракцев, несущих корзины с песком. Храмы и дворцы Урука навевают видения тысячелетней давности. Быстро, но без спешки рабочие-иракцы маленькими щетками очищали обожженные солнцем кирпичи, которые 5 тысяч лет назад с такой же заботливостью укладывали другие рабочие. Странно устроен наш мир!

Я поднялся на святилище Урука, одну из многочисленных моделей Вавилонской башни. Оно находилось на холме и было увенчано белым храмом, который еще можно различить, как и алтарь для жертвоприношений. Полагают, что Авраам именно здесь принес своего сына в жертву богу. Башня — лестница, ведущая на небо, чтобы бог мог спуститься к людям. Башни очень характерны для Месопотамии. Они были построены из обожженного на солнце кирпича. Об этих кирпичах говорится в Библии. Там же упоминается минеральная смола, при помощи которой скреплялась кладка.

Итак, если создатели этой первой значительной человеческой цивилизации — шумерийцы — думали о вечной жизни, если они имели понятие о рае, то мы должны найти доказательства такой веры на берегах Евфрата и Тигра. И место, где было сделано это фантастическое открытие, называется Ур...

Ночью мы прибыли в Ур, шумерийский город, существовавший 6 тысяч лет назад. Теперь это были хаотические руины, освещаемые бледным светом луны.

Мы сразу же хотим осмотреть руины. Здесь когда-то находился дом Авраама.

— Не посещайте ночью этот дом, — говорит нам, смеясь, сторож-араб.

— Почему?

— Из-за волков. Уж очень много их среди руин. Они раскапывают старые кости, накопившиеся здесь за тысячелетия.

— Но за это время кости окаменели!

— Для волков это не имеет значения...

Сторож шумерийского прошлого всегда настроен юмористически.

Эффект, который некогда производила Вавилонская башня, теперь можно лишь вообразить. В Уре находится башня, лучше сохранившаяся с шумерийских времен. Но песчаные бури и время сильно притупили вершину. Это платформа, утрамбованная неистовым горячим ветром. Один за другим мы взбираемся по ступеням. Вокруг нас желтые складки пустыни тянутся до самого горизонта. У наших ног руины мертвого Ура.

Наступил вечер, когда мы достигли царских могил. Это удивительное место, где происходили фантастические погребения. Профессор Леонард Вулей открыл здесь царское кладбище, раскопки которого заняли 10 лет. Оно свидетельствует о былом величии шумерийской цивилизации. Вулей нашел 1850 могил! Шестнадцать из них исключительны по архитектуре и богатству. Это настоящие похоронные дворцы. Раскопки показали, что каждого царя или царицу в потусторонний мир сопровождали слуги, погребенные заживо вместе с ними. Судя по могилам, число слуг колебалось от шести до восьмидесяти!

Сцены, которые должны были разыгрываться в могиле царицы Шуб-ад, превосходят воображение. Сама царица лежала на спине. У изголовья на короточках сидела одна из служанок, другая находилась у ее ног. Обе были принесены в жертву.

Коридор, который ведет в склеп, заполнен настоящей процессией умерщвленных наложниц, солдат, слуг и служанок. Девушки были одеты в разноцветные туники. Они несли гребни и золотые серьги, диадему из ляпис-лазури, красного халцедона и золотых листьев, серебряные булавки для волос, колые и большие пряжки, которыми застегивались одежды.

Видимо, к заживо погребенным не применяли ни малейшего насилия. Большая часть замурованных сидела или лежала в непринужденных позах, и казалось, они мгновенно были охвачены смертью. Среди них находились музыканты, и их позы доказывают, что они играли до последней минуты.

Я думаю, что здесь, в Уре, люди твердо верили, что после смерти они переселятся в рай. Ни на одно мгновение они не испытывали страха, сопровождая своих господ в потусторонний мир. Быть может, даже вечная близость владыки, друга богов, являлась честью, которой завидовали...

Следует ли удивляться, что в нашем путешествии по давно минувшим векам наиболее сильное впечатление на нас произвел библейский рай в Гурне. Там Евфрат и Тигр соединяются, чтобы создать Шатт-эль-Араб. Можно удивляться, видя тощие кусты, где должно было цвести райское древо искушения. И все же рай

был здесь. Мы все больше и больше убеждаемся в этом по мере того, как спускаемся к Персидскому заливу. Зеленые рощи чередуются с настоящими лесами финиковых пальм. Это дерево здесь настоящее благословение рая. Из его плодов человек на протяжении тысячелетий без труда добывал хлеб, вино, уксус, мед. Река сверкает под солнцем; она такая широкая! Некогда это место называлось Эдемом — райским садом.

В чем секрет первой цивилизации? Почему она появилась в стране Евфрата и Тигра, опустошаемой наводнениями?

Я думаю, три вещи позволили человеку каменного века осуществить здесь гигантский шаг по пути цивилизации. Первая — искусственный камень, кирпич. Вторая — минеральная смола, асфальт. Третья и главная — огонь!

Бог взял глину и сотворил человека. Человек взял глину и сделал кирпич. Это было первой цивилизацией. Храмы, дворцы Месопотамии поют гимн изобретению кирпича. Но кирпичи нужно было еще предохранить от воздействия времени. Эту роль выполнил асфальт. Здешняя земля извергает из своих недр «строительный раствор», противостоящий тысячелетиям!

А огонь? Киркук в этом списке — настоящее откровение. Город расположен в 250 километрах к востоку от Багдада. Пламя выходит из земли у самых ворот города. Говорят, что оно горит уже 7 или 10 тысяч лет, а это совпадает с началом первой подлинной цивилизации. Но возможно, оно горит и 7 миллионов лет! Кто знает? Во всяком случае здесь огонь всегда был в распоряжении человека.

Газ залегает на огромной глубине. Он неистощим!

Все небо Киркука ночью багровое. Так каждую ночь, так всегда. Эти огни горят как символ цивилизации на земле.

Перевод с французского и публикация
Л. Василевского

Каждый год сотни тысяч птиц и огромное количество мальков рыбы гибнет от нефти, попадающей в море с судов. Английские ученые недавно разработали силиконовый порошок, который вступает в соединение с пятнами нефти, плавающими на поверхности. Вещество, получающееся в ходе этой реакции, быстро осаждается на морское дно.

Акулы благодаря крупным размерам и отсутствию мелких костей оказались хорошим сырьем для балычного производства. На Керченском рыбокомбинате уже начали готовить копченые балыки из серых и голубых акул, добываемых в Индийском океане. При этом используется технология обработки мяса осетровых рыб. Опытные дегустаторы отметили высокие вкусовые качества нового продукта.

В ЭЛЕКТРОМАГНИТНОМ МОРЕ

Вмешательство человека значительно изменяет условия жизни на нашей планете. Исчезают леса, строятся города, возникают искусственные моря. Но существуют и другие изменения в окружающем нас мире. Они чаще всего невидимы и неслышимы, их не отмечают на географических картах, но их влияние на биосферу уже заметно, а интенсивность все время нарастает. Речь пойдет об электромагнитных полях.

Эта форма существования материи включает в себя самые

разные физические факторы, начиная от постоянных электрических и магнитных полей и кончая некоторыми ионизирующими излучениями. Между этими крайностями можно обнаружить электромагнитные поля низкой частоты, все диапазоны радиоволн, видимый свет, инфракрасные и ультрафиолетовые лучи... Различаются электромагнитные поля по частоте колебаний и соответственно по длине волны. Радиоволны, к примеру, имеют длину волны от километров до миллиметров. Теперь уже трудно представить, что всего лишь сотню лет назад человечество было знакомо только с небольшой частью электромагнитных полей, граничащей с миллиметровыми радиоволнами. Свет и тепло — вот что ощущает человек непосредственно своими органами чувств, вот что дано было познать через непосредственное восприятие. И только наука смогла резко расширить человеческие знания об электромагнитных полях.

Менее двух веков назад итальянский физиолог Гальвани открыл «животное электричество», наблюдая, как нервный импульс с одного нервно-мышечного препарата лягушки перескакивал

на другой, заставляя сокращаться мышцу, связанную с нервом-приемником. Именно с этих незатейливых опытов начались и сегодняшние тонкие исследования биотоков головного мозга и современная энергетика, ассоциирующаяся с панорамой гигантских гидроэлектростанций. Конечно, на этом пути не обошлось без борьбы мнений. Так, Вольта считал, что его соотечественник Гальвани имел дело не с «животным», а, наоборот, с «неживым» электричеством.

Запальчивый спор двух ученых имеет теперь только историческую ценность: как это часто бывает, правыми оказались оба исследователя. Лягушечья мышца может сокращаться от тока определенной интенсивности независимо от того, каков источник тока — батарейка или соседняя мышца.

Этот небольшой экскурс в прошлое показывает, что истоки науки об электромагнитных процессах восходят и к биологии, и к физике. Но сегодня «электромагнитная физика» составляет львиную долю современной техники, а «электромагнитная биология» только зарождается. Однако уже намечаются новые точки соприкосновения этих двух наук на более высоком уровне их развития, и потому ныне затрагивается более широкий круг проблем.

Посудите сами. Когда Вольта искусственно раздражал электрическим током мышцу лягушки, самым сильным и, возможно, единственным источником электроэнергии был созданный им вольт столб из набора гальванических элементов. Сейчас на планете работают сотни мощных электростанций, земной шар опоясывают мачты высоковольтных передач. Молния и череп со скрещенными костями стали знакомой эмблемой, предупреждающей об опасности прикосновения к проводам. Это касается контактного воздействия электричества на организм. Но что мы знаем о дистанционном его влиянии на жизнедеятельность?

Изобретатель беспроводного телеграфа А. Попов говорил, что человек не может ощущать радиоволн. Это мнение господствовало много лет. Однако теперь уже накоплена и иного рода информация.

Действительно, приближаясь к радиостанции, человек не испытывает никаких особых ощущений, но значит ли это, что радиоволны на него не влияют? Вирусы гриппа мы ведь тоже не ощущаем непосредственно, но тем не менее каждый знает, как они действуют на организм. Следовательно, ощущение не может играть определяющей роли при исследовании биологического действия любого фактора. Как физику для современных исследований необходимы многочисленные приборы, так и биолог должен тонкими методами длительное время изучать организм, прежде чем высказать суждение о наличии или отсутствии каких-либо изменений.

Уже в двадцатых годах нашего столетия появились жалобы на различного рода недомогания у персонала радиостанций военно-морского флота США: учащались случаи головной боли, повы-

шалась раздражительность, ослаблялась память, нарушался аппетит и сон, возникала быстрая утомляемость. Иногда начинали выпадать волосы, появлялась половая слабость. Болезненные симптомы исчезали, когда люди переставали соприкасаться с источником радиоволн, и вновь появлялись при возвращении на эту работу.

Медики и биологи различных стран занялись изучением биологического действия радиоволн распространенного тогда метрового диапазона. В тридцатых годах уже многое было известно о влиянии электромагнитных полей ультравысокой частоты (УВЧ) с длиной волны от 1 до 100 метров на различные биологические объекты.

Оказалось, что все живые существа, от бактерий до человека, небезразличны к полю УВЧ. Конечно, эффект зависел от интенсивности воздействия. В очень сильном поле животные гибли от перегревания. Но даже и при нетепловых дозах изменялись биологические процессы. Выяснилось, что особенно чувствительна к полю УВЧ нервная система.

Среди технических новинок сороковых годов видное место занимают радары. Эти приборы генерируют электромагнитные колебания сверхвысокой частоты (поле СВЧ) с длиной волны от миллиметра до метра. Число радаров быстро растет. Каждый самолет, каждый корабль имеет свой радиолокатор, не говоря уже о мощных системах стационарных радаров самого различного назначения. Если сюда добавить телевизионные станции, работающие в диапазоне СВЧ, то станет ясно, как возрастает электромагнитный фон Земли. Поле СВЧ действует на организм почти как поле УВЧ, только немного сильнее. Известно, что особенно нагреваются в поле СВЧ те органы, в которых кровообращение ограничено. По этой причине у персонала, обслуживающего генераторы, могут возникать помутнения роговицы глаза, а иногда и катаракта. Основные симптомы недомоганий те же, что и при воздействии поля УВЧ. Раздражительность, усталость, потеря аппетита и т. д., то есть все процессы, связанные с ослаблением, астенизацией нервной системы, наблюдаются у некоторых людей, находящихся в поле СВЧ.

В одном из опытов, проведенном американскими исследователями, крысы, находившиеся за 20—30 километров от работающего радара, сначала проявили повышенную двигательную активность, а затем у них наступило угнетенное состояние.

Исследования советских гигиенистов показали, что в жилых домах и общественных зданиях, находящихся на расстоянии от сотни метров до нескольких километров от мощной радиостанции или телецентра, обнаружены существенные электромагнитные поля. Величина полей уменьшалась с удалением от источника радиоволн. На четвертом-пятом этаже она оказалась примерно в три раза выше, чем на первом. Если окна были обращены к источнику радиоволн, интенсивность поля повышалась в два раза.

Когда крыс помещали в электромагнитные поля той же интенсивности, что и обнаруженные в жилых помещениях, у животных через месяц наблюдали угнетение условных рефлексов и снижение на 23—68 процентов активности фермента холинэстеразы, который играет важную роль в нервных процессах.

Если облучать более интенсивным полем СВЧ беременных крыс, то у потомства могут нарушиться некоторые нервные процессы. У плодовых мушек дрозофил, излюбленного объекта генетиков, электромагнитные поля вызывали мутации, а в клетках чеснока при подобном воздействии наблюдалось нарушение хромосом. Таким образом, электромагнитные поля не только влияют на нервную деятельность, но и вызывают генетические изменения.

Не нужно думать, что мы задались целью лишь перечислять ужасы, связанные с увеличением интенсивности электромагнитных полей. Ведь известно, что огонь может обжечь, но из этого не следует, что на нем не нужно варить пищу, как и не следует, что для поджаривания рибчика нужно спалить весь лес. Необходимо лишь разумно (с биологической точки зрения) использовать силы, которые вызвала к жизни современная техника. Те же поля УВЧ и СВЧ мы можем встретить в физиотерапевтическом кабинете. Они помогают лечить некоторые заболевания, особенно связанные с воспалительными процессами. Возможно, определенная интенсивность электромагнитных полей — необходимое условие жизни, но для обоснования этого предположения нужно рассмотреть другие электромагнитные поля.

«Животному магнетизму», открытому Месмером в конце XVIII века, повезло меньше, чем его ровеснику — «животному электричеству». Дело в том, что последний термин подразумевал электричество, генерируемое биологической структурой, а «животный магнетизм» представлял собой смесь гипноза, телепатии и астрологии, с физическим магнетизмом у этого термина было сходство лишь в звучании. Однако оно послужило причиной того, что магнитобиологии, изучающей влияние магнитного поля на живой организм, пришлось в какой-то мере разделять судьбу «животного магнетизма» и находиться в разделе непризнанных.

Однако в связи с увеличением магнитных полей на различных производствах за последнее время резко возросло число исследований биологического действия магнитных полей. Оказалось, что они также влияют в основном на нервную систему. У людей, работающих с магнитными полями, отмечались головные боли, повышенная утомляемость, физическая слабость, головокружения, изменения электроэнцефалограмм, снижение аппетита и т. д. Характер нарушений был таким же, как при действии полей УВЧ и СВЧ, но их выраженность была менее яркой. Такое сходство можно объяснить тем, что на самые разные неблагоприятные воздействия организм реагирует одним, отработанным в процессе эволюции способом.

Все электромагнитные поля, о которых говорилось выше, создавались искусственным путем, с ними организм ранее не встречался и реагировал на них как на всякий незнакомый раздражитель. Фигурально выражаясь, мы ограничивались только искусственными водоемами в электромагнитном море, а теперь поплывем в естественный бассейн.

Земля — большой магнит. Все живое растет и развивается в геомагнитном поле. Этот факт до недавнего времени не считался существенным. Однако космические исследования поставили на повестку дня вопрос о детальной оценке условий жизни на Земле. Выяснилось, что снижение геомагнитного поля до уровня лунного, то есть примерно в тысячу раз, уменьшает интенсивность зрения у человека, затормаживает рост растений и угнетает размножение бактерий. Эти единичные еще исследования приводят к выводу, что для нормальной жизнедеятельности необходима определенная интенсивность магнитного поля. Иными словами, его можно рассматривать как экологический фактор наряду с температурой, давлением атмосферы, составом воздуха и т. д. Возможно, при космических полетах космонавтам придется брать с собой не только пищу и кислород, но и приборы, создающие магнитное поле земной интенсивности.

Но геомагнитное поле, кроме интенсивности, обладает еще и полярностью. Сказывается ли это обстоятельство на живых организмах? Есть факты, свидетельствующие о том, что рыбы и птицы при дальних миграциях могут ориентироваться по магнитному полю Земли. В зависимости от того, как расположены семена — вдоль или поперек магнитных силовых линий, — урожай растений значительно варьирует. Насекомые при взлете и посадке ориентируются преимущественно по направлениям север — юг или запад — восток. Таким образом, живое реагирует не только на сам факт наличия или отсутствия магнитного поля, но и на его конфигурацию.

В геомагнитном поле имеются аномалии, связанные с особенностями геологического строения местности. У нас в СССР район Курской магнитной аномалии имеет увеличенную интенсивность поля благодаря наличию огромных запасов железных руд. Птицы, завезенные в клетках из других районов страны, реагировали на магнитную аномалию увеличением своей двигательной активности. Получается, что для биосферы имеет важное значение пространственное распределение геомагнитного поля.

Более убедительны и широко известны данные о реакциях биосферы на изменения электромагнитных полей Земли во времени. Чаще всего эти изменения, открытые русским ученым А. Л. Чижевским в 1915 году, связаны с активностью Солнца. Одиннадцатилетний солнечный цикл сказывается и на толщине годовичных колец многолетних деревьев, и на урожайности зерновых, и на уловах рыбы, и на количестве пушных животных... Все более утверждается мнение, что Солнце влияет на земную жизнь не

только с помощью тепла и света. Непосредственное измерение динамики геомагнитного поля показало, что вслед за возрастанием этой кривой следует увеличение числа обострений психических, сердечно-сосудистых и других заболеваний. Значит, приливы и отливы в электромагнитном море можно зарегистрировать не только по стрелкам физических приборов, но и по изменениям, происходящим в живом организме.

Благодаря развитию новой науки — бионики — мы можем рассматривать животных как своеобразные биологические приборы, которые иногда работают с большей надежностью и чувствительностью, чем приборы физические. Как же воспринимаются электромагнитные поля животными и человеком?

Мы уже упоминали, что на этот физический фактор прежде всего реагирует нервная система. Резко было искать какой-то электромагнитный орган чувств. Но такого специального органа чувств нет. Электромагнитные поля, обладая проникающим свойством, действуют непосредственно на головной мозг. Биопотенциалы мозга кролика, например, изменяются под влиянием электромагнитных полей даже в том случае, если мозг отделен от остального организма. Опыты американца А. Фрея показали, что человек иногда может воспринимать радиоволны в виде звукового ощущения, когда они действуют локально — только на височную область мозга, где сосредоточены звуковые центры. Более того, глухие, не воспринимающие обычные звуки, связанные с механическими колебаниями воздуха, могут слышать «радиозвук». Значит, при определенных условиях некоторые люди могут уловить шум волн электромагнитного моря.

Атмосферу иногда называют пятым океаном. Мы вправе говорить о существовании шестого океана — электромагнитного. Его питают естественные земные и космические источники, а также искусственные генераторы. В нем имеются свои течения, глубокие впадины и острова. На нем разыгрываются бури. Человеку предстоит овладеть и этим океаном, чтобы управлять интенсивностью биологических процессов, охранять больных от пагубных для них магнитных бурь, излечивать некоторые болезни. На этом пути нас ждут новые открытия и обобщения, позволяющие глубже проникнуть в механизмы биологических процессов.

Ю. Холодов

Французские ученые открыли новый вид рыб, обитающих на больших глубинах в Тихом океане. Хищники из мрачной бездны привлекают добычу к своей пасти светом, который исходит из двух больших пятен на голове. Как оказалось, кроме обычного света эти пятна излучают еще и поток рентгеновских лучей. Механизм испускания из живого тела жестких лучей пока еще не разгадан.

ДИРГЕМЫ ОТКРЫВАЮТ ТАЙНУ

Серебряная дорога

С незапамятных времен во многих местностях вблизи Балтийского моря, а также у берегов великой русской реки Волги находили маленькие круглые кусочки серебра, покрытые витиеватыми значками. Попадались эти серебряные кругляшки, как правило, при пахоте или земляных работах. Еще в XVII веке ученым удалось установить, что загадочные кусочки серебра — это диргемы, древние монеты арабских халифов. Замысловатые надписи сообщали о том, когда и где, при

каком правителе были отчеканены деньги. К некоторым из монет были припаяны ушки. Значит, они когда-то использовались как украшения. Нередко крестьянский плуг натывался в земле на грубую глиняную посудину, из которой в руки удивленному счастливцу серебряной струйкой текли десятки, а то и сотни диргемов.

Когда, кто и зачем закапывал эти клады вблизи морского берега или на крутых речных откосах?

Ученые-нумизматы долго не могли понять, откуда на севере Европы такое множество арабских монет, чеканенных в VI—X веках в Багдаде, Самарканде и других городах Малой и Средней Азии?

Любопытство ученых возрастало по мере того, как до них доходили все новые и новые известия о кладах. В настоящее время в Восточной и Северной Европе найдено около двух тысяч кладов арабского серебра, содержащих несколько сотен тысяч монет. Цифра астрономическая, а ведь надо помнить, что множество кладов и отдельных монет по тем или иным причинам остались

неизвестными ученым. Полагают, что общее число диргемов, найденных в Европе, перевалило за миллион. Есть чему удивляться!

В середине XIX века русский нумизмат П. С. Савельев заинтересовался тайной диргемов и решил связать воедино все известные находки арабского серебра, чтобы выяснить причины, по которым монеты халифов попали в Северную Европу. Составив подробный список обнаруженных кладов, тщательно изучив время чеканки монет, Савельев пришел к заключению, что поток арабского серебра — факт чрезвычайной важности, могущий раскрыть многие, доселе неведомые страницы истории скандинавских и славянских народов.

Если нанести на географическую карту места находок арабских монет, то сразу возникает картина, которая может много рассказать наблюдательному человеку. В расположении кладов обнаруживается определенная система, поддающаяся расшифровке, если, конечно, использовать сведения, разбросанные в различных письменных источниках, привлечь данные археологических исследований. Только комплексное использование всех этих данных позволяет расшифровать тайну кладов арабского серебра.

Савельев многого не знал, особенно не хватало ему данных археологии, которая в то время еще только начала изучение памятников средневековья. Ученый смог определить лишь общие черты тайны, наметить основные пути дальнейшего изучения проблемы.

Исследования Савельева продолжили многие ученые, в распоряжении которых было уже гораздо больше археологических и исторических материалов. Много сил для раскрытия загадок, связанных с арабским серебром, приложил советский ученый, член-корреспондент АН СССР Валентин Лаврентьевич Янин.

Новейшие данные позволяют нарисовать следующую картину.

На территории Западной Европы больше всего кладов обнаружено в Швеции на острове Бьёрке, расположенном на озере Меларен, недалеко от Стокгольма. Здесь в V—X веках стоял важнейший торговый город Скандинавии Бирка, жители которого славились богатством и торговыми связями. Вторая группа кладов найдена на острове Готланде в Балтийском море, который был одним из крупнейших торговых центров средневековой Европы. Здесь найдено более 40 тысяч диргемов. Наконец, двадцать один клад открыт на южном берегу Балтийского моря, на одном из островов в устье Одры, где некогда стоял славянский город Волин.

Далее на восток клады цепочкой тянутся вдоль южного и северного берегов Балтийского моря, как бы обозначая дорогу, по которой проходил путь славянских и скандинавских купцов. Здесь же на землях, где жили предки современных литовцев, латышей, эстонцев и финнов, обнаружены остатки портовых городов, служивших рынками и убежищами для купцов, осмеливавшихся пускаться в плавание по суровой Балтике. Отсюда клады ведут нас еще дальше на восток, туда, где у берегов Ла-

дожского озера, в устье полноводного Волхова, притаилось городище Старая Ладога, древнейшее поселение восточных славян.

Ладога стояла на важном водном пути. Отсюда, поднимаясь вверх по Волхову, можно было попасть на озеро Ильмень, а дальше по системе мелких рек перебраться в верховья Волги. Можно было плыть и другим путем, направив судно на север, по реке Сясь в Онежское озеро, а отсюда по Шекене и Мологе спуститься в Волгу.

Вдоль всех этих рек найдено арабское серебро, показывающее, что здесь в древности действительно проходила оживленная торговая дорога. Клады диргемов, таким образом, приводят нас из портовых городов Северной Европы на великую русскую реку.

Что же, спрашивается, влекло сюда отважных мореходов?

Клады отвечают и на этот вопрос. Они ведут нас к тому месту, где воедино сливаются воды двух могучих рек — Волги и Камы. Здесь некогда находилось сильное, давно уже забытое царство волжских булгар. В VII — X веках Волжская Булгария была высокоразвитым государством. Волжские булгары приняли от арабов мусульманство, и в их городах постоянно жило много арабских купцов, которые вели оживленную торговлю с различными северными народами.

Из Булгарии путь шел далее на юг, вниз по Волге, в низовьях которой лежало другое сильное государство — Хазария. Ее столица Итиль находилась недалеко от современной Астрахани и также была важным торговым центром Восточной Европы. Многие иноземные купцы основали здесь свои фактории и торговые дворы. Был свой двор и у славянских купцов, постоянных посетителей итильского базара.

По Каспийскому морю можно было добраться до иранских портов Абаскуна и Мезендарана, соединенных караванными дорогами с Багдадом, Самаркандом и Хивой.

Вот о чем, оказывается, рассказывают такие непонятные на первый взгляд клады арабского серебра, разбросанные по необъятным просторам Восточной и Северной Европы. Они свидетельствуют о том, что еще задолго до того, как Петр Первый связал каналами Волгу с Ладожским озером и открыл судам дорогу из Петербурга в Астрахань, существовал важный международный торговый Балтийско-Волжский путь, в течение нескольких столетий соединявший народы Европы и Арабского Востока.

Откуда в Китае появился янтарь?

В китайских сочинениях, написанных в VII веке, встречаются рассказы о странном, легком и горячем камне — янтаре, который привозили в Небесную империю купцы из Хорезма. Хорошо были знакомы с янтарем и арабы. Так, в сочинении Абу Юсуфа аль-Кинди, написанном более тысячи лет назад, говорится: «Янтарь —

это смола... происходящая от деревьев, растущих в стране славян по берегам одной реки. Вся смола, которая падает с тех деревьев в воду, твердеет и плывет в море. Волны морские выбрасывают ее на берег».

Этот рассказ яснее ясного свидетельствует о том, что арабы познакомились с янтарем у славян. Из славянских земель янтарь попадал на рынки Хорезма и отсюда по знаменитому «шелковому пути» в Китай.

Хорошо известно, что основные залежи янтаря находятся на песчаных пляжах Балтийского моря. До сего времени здесь добывается этот ценный и красивый «камень». Особенно много янтаря было в землях балтийских славян, живших между Одрой и Лабой. С незапамятных времен он считался одним из ценнейших товаров. В погоне за «волшебным камнем» к берегам Балтийского моря пробирались предприимчивые финикийские купцы, сюда же стремились хитроумные сородичи Геродота. Янтарь приносили в своих сумках суровые легионеры Рима, возвращавшиеся из походов против германцев и венедов. Высоко ценили янтарь и арабские купцы, отлично понимавшие, на чем можно хорошо заработать.

На рынки Хорезма, а отсюда в Китай янтарь мог попасть только одним путем: его привозили с балтийского побережья славянские купцы.

Кроме янтаря у славян можно было покупать и многие другие ценные товары: рыбу, мед, породистых лошадей, клинки, меха.

В обмен на это славянские купцы прежде всего брали дирге-мы, а также драгоценные ткани и изделия восточного ремесла. Однако больше всего их интересовало серебро. Это неоднократно отмечается арабскими авторами. Аль-Гардизи, например, записал в своем географическом труде: «Купцы те дирге-мы отдают русам и славянам, так как те люди не продают товары иначе как за чеканенные дирге-мы».

Возникает вопрос: для чего нужны были славянам арабские монеты? Что они с ними делали? Ведь не для того же они обменивали на них свои товары, чтобы потом закопать в землю?!

Это обстоятельство долгое время было загадкой для ученых. Только после того, как археологами были найдены формочки для отливки серебряных украшений и сами украшения, отлитые славянскими и скандинавскими мастерами, стало ясно, что получаемые от арабов монеты использовались в качестве сырья для ювелирного ремесла. Ведь в Восточной и Северной Европе в те времена серебро не добывалось.

Но это все-таки не объясняет, почему возникли многочисленные клады. Кроме того, было непонятным и еще одно обстоятельство. Часто в кладах вместе с целыми монетами встречались и разрезанные на мелкие кусочки — «резаны», как называют их русские археологи. Однако удалось наконец решить и эту трудную задачу.

Известно, что монеты собственного чекана появились у северо-европейских народов сравнительно поздно. На Руси, например, первая попытка чеканить рубли была сделана только в начале XI века и не имела большого успеха. А торговля развивалась, и деньги были необходимы.

Чем же расплачивались на рынках восточнославянских городов? Оказывается, арабским серебром.

Дирге́мы стали не только сырьем для ремесленников, но и денежной единицей, имевшей широкое распространение. «Резань» же заменяли собой мелкую монету, которой расплачивались в тех случаях, когда вещь стоила дешевле целого дирге́ма.

О чем рассказывают арабские географы

От древних арабов сохранилась значительная литература — проза и стихи, научные трактаты по математике и исторические сочинения, справочники по медицине и многое другое. Большое место в арабской литературе занимают различные сочинения по географии и этнографии.

Такое пристрастие к географическим знаниям объясняется очень просто. Арабы были торговцами. В погоне за товарами они проникали в самые отдаленные уголки мира. Возвращаясь домой, многие из них брались за перо и составляли интереснейшие записки о тех странах и народах, которые им удалось повидать. Благодаря этим писателям-кушчам до нас дошли любопытнейшие сведения о самых различных народах древности.

Известный советский ученый-арабист академик Игнатий Юлианович Крачковский в своем замечательном труде «Арабская географическая литература» пишет: «Арабскими странами кругозор географической литературы не исчерпывается; она доставляет первостепенные данные по всем областям, до которых доходили арабы или о которых у них были сведения, причем часто в таком разнообразии, как о тех районах, в которых они жили. Иногда для отдельных стран за некоторые периоды их истории арабская географическая литература является или единственным, или важнейшим источником».

Много сведений сохранилось в записях арабских географов и о народах Северной Европы, в том числе о западных и восточных славянах. В начале X века между волжскими булгарами и халифатом установились тесные отношения. В 921 году халиф отправил на Волгу посольство во главе с Сусаном аль-Расси. Одним из членов посольства был опытный правовед Ахмед ибн-Фадлан. Он вел подробные записи, отмечая все, что, с его точки зрения, заслуживало внимания. В городах Булгарии любознательному чиновнику повстречались и славянские кушцы. Ибн-Фадлан рассказывает, что славяне высоки ростом, светловолосы. Они носят плащи и никогда не расстаются с оружием. Все тело

славяне покрывали татуировкой, изображениями различных зверей, деревьев и т. п. Славянские женщины носили на шее золотые и серебряные цепочки.

Прибыв в Булгарское царство, рассказывает ибн-Фадлан, славяне строили на берегу большие деревянные дома, в каждом из которых размещалось по 10—20 человек. После этого они шли молиться своим богам: деревянным истуканам с человеческими лицами. Славяне приносили идолам в дар хлеб, мясо, молоко и другие продукты. Распростершись ниц, говорили: «О владыка, я пришел издалека, со мной столько-то девушек и столько-то шкур соболей. Этот дар я принес тебе. Я хочу, чтобы ты послал мне кунца с динарами и диргемами, который купил бы у меня все, что я желаю».

Когда кто-либо из славян заболел, для него разбивали отдельную палатку, давали запас пищи и оставляли одного. Если больной выздоравливал, он возвращался к своим, если же умирал, его торжественно сжигали.

Другой арабский географ, Абу Зайд ибн-Сахл аль-Балхи, живший в конце IX века в Средней Азии, в своей книге «Виды стран» пишет: «Русы состоят из трех племен, из которых одно ближе к Булгару, а царь его живет в городе под названием Куяба. Другое племя, живущее дальше первого, называется Славия. Еще племя называется Артания, а царь его живет в Арте. Люди отправляются торговать в Куябу; что же касается Арты, то мы не припоминаем, чтобы кто-нибудь из иностранцев бывал там».

Это сообщение долгое время вызывало ожесточенные споры. Что имел в виду арабский географ, рассказывая о трех центрах славян? Большинство ученых полагало, что речь идет о Восточной Европе. Думали, что Куяб — это Киев, Славия — новгородская земля, ну а Артания... С ней разобраться было труднее, и поэтому ее произвольно передвигали по всей Восточно-Европейской равнине.

Однако, судя по всему, в книге «Виды стран» речь шла не о восточнославянских, а о западнославянских племенах. Так, под Куябом можно, вероятно, понимать современную Куявию, часть северо-западной территории Польши. Славия действительно существовала в средние века под таким названием также на территории Польши. Что же касается загадочной Артании, то скорее всего это Аркона, языческий центр западных славян на острове Руяне в Балтийском море.

К берегам Кавказа и Ирана

Волга далеко не всегда была дорогой мира и торговли. В те времена, о которых идет речь, часто, даже слишком часто, мирный купец откладывал в сторону безмен и, схватив оружие, превращался в отважного воина, а то и в беспощадного разбойника.

С ужасом смотрели жители редких приволжских городов, как на речной глади появлялись десятки или даже сотни остроносых

ладей. Зло щерили зубастые пасти драконы, украшавшие носы ладей, блестели под лучами солнца развешанные вдоль бортов боевые щиты, рябило в глазах от пестрых парусов и разноцветных значков, звенело в ушах от пронзительного рева рогов и волынок.

Разграбив болгарские селения, опустошив хазарские становища, славянские дружины устремлялись вниз по Волге, туда, где сквозь марево знойного Каспия маячили прекрасными видениями богатые города Азербайджана и Ирана.

Здесь было чем поживиться!

Русы были постоянным кошмаром для жителей прибрежных городов. Напряженно всматривались с высоты крепостных башен стражники: не появятся ли вдали паруса славянского флота?

Уже в 880 году славяне совершили нападение на иранский город Абесгун, и с этого времени они все чаще и чаще стали появляться на Каспийском море. Однажды громадный флот русов, состоящий, по словам Масуди, из 500 кораблей, спустился по Волге и начал нападать на прибрежные поселения.

Разгромив побережье, славяне прочно обосновались на островах в Бакинской бухте. Попытки мусульман выбить их отсюда закончились полной неудачей, арабский флот был разбит. Однако в конце концов удача отвернулась от славян. При возвращении домой они были в устье Волги разбиты хазарами. Мало кто уцелел в этом сражении.

После этой неудачи славяне более тридцати лет не показывались на Каспийском море. И все же боевые ладьи вновь стали бороздить воды Каспия. В 943 году славяне появились в устье Куры. Здесь их встретили отряды наместника края, однако не прошло и часа, как мусульмане были обращены в бегство. Русы вступили в столицу края — Бердаа. Вскоре к городу подошли новые арабские войска. Долго и ожесточенно шли сражения под стенами Бердаа. Несмотря на всю свою храбрость и опытность в военном деле, русы не могли противостоять превосходящим силам арабов и были вынуждены отступить.

Славяне не только нападали на жителей прикаспийских стран, но и принимали участие в политической жизни этих народов. Особенно тесные связи существовали между ними и племенами, обитавшими на территории современного Дагестана. Гвардия из отборных славянских воинов окружала местных правителей. Неоднократно русы помогали дагестанцам отстаивать свою свободу от арабских и хазарских завоевателей. На долгие годы здесь сохранилась память о далеких северных пришельцах. Еще в прошлом веке среди аварцев жила легенда о том, что они якобы ведут свое происхождение от русов.

Вот о скольких важных и интересных событиях, оказывается, могут рассказать маленькие кусочки серебра, на которые обычно почти не обращают внимания посетители музеев.

В. Вилинбахов

Вместо предисловия

В статье С. Стариковича нарисована картина прогрессирующего оскудения Земли. Человечество быстро и бездумно расходует все природные ресурсы: выбирает запасы невозобновимых, перенапрягая баланс, подрывает воспроизводящую силу возобновимых ресурсов, ухитряется привести в негодное состояние и нарушить благотворное действие неисчерпаемых ресурсов (например, световой энергии Солнца). В то же время люди выбрасывают в окружающую среду ядовитые отходы производства, отравляя ими почву, воду и воздух. Оба процесса идут с угрожающим ускорением и оба ведут к катастрофе. Неизвестно, от чего она может наступить: погибнет ли человечество, истощив все жизненные ресурсы Земли, или задохнется в производственных отбросах.

Во второй части статьи картина меняется: наступает время регулируемого природопользования. Под руководством специалистов хозяйство ведется на новых принципах: сырье потребляют только в такой пропорции, в какой его можно воспроизводить, перестраивают все отрасли промышленности на замкнутый кругооборот воды, из отходов делают полезные вещи и, главное, ограничивают демографический взрыв, после чего все улаживается...

В этой картине неверен только акцент на последовательности событий. Речь идет не о том, чтобы человечеству идти сначала по первому, а потом по второму пути (тогда не стоило бы особенно беспокоиться), а о том, что цивилизация может пойти по первому, гибельному пути и прийти к катастрофе. Но человечество может вовремя одуматься и выбрать второй, спасительный путь. Тогда оно придет к сбалансированному взаимоотношению с природой. Это не две стадии, а две возможности, и сейчас наступает момент выбора, от которого зависит будущее рода человеческого и с ним всей Земли.

Вот только этот акцент на выборе возможностей, эту драматическую заостренность положения мне и хотелось бы добавить к интересной и важной статье С. Стариковича.

Доктор географических наук
Д. Л. Арманд

ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

Древний папирус и океанский лайнер, кусок хлеба и огнедышащая домна — все дано природой, все изготовлено из ее живых или неживых частиц... Каждую секунду где-то на просторах нашей планеты рождаются два человека. Секунда, еще секунда, еще... И вот на картах появляются новые точки городов и селений. Но карты и атласы не успевают шагать в ногу со временем: население Земли растет небывалыми темпами. Только с 1940 года оно увеличилось более чем на мил-

лиард! А это значит, что сейчас нужно гораздо больше домен и хлеба, чем четверть века назад. Громады городов, паутины дорог и ненасытные заводы наступают на природу. Богатства земного шара расходуются все быстрее и быстрее; вмешательство людей в «дела» природы становится все глубже и многограннее.

Времена, когда люди только «ждали милости от природы», канули в Лету. Теперь наша задача в другом: так построить взаимоотношения с живой и неживой природой, чтобы не иссяк еще кажущийся безбрежным воздушный океан, а пресные водоемы не превратились в зловонные сточные каналы, чтобы не редели леса, не убывало плодородие пашен, чтобы земля сохранила свой прекрасный облик.

В орбиту хозяйственной деятельности человечества вовлекаются все новые и новые виды растений, животных и полезных ископаемых, причем многие из них совсем недавно вовсе не считались полезными... Так, в древности использовалось лишь несколько химических элементов, в основном медь. В XVIII веке для

промышленности потребовалось уже 29 химических элементов, причем в огромных количествах, а в наши дни нашли применение не только все природные элементы, но и полученные искусственно.

Лишь за один прошлый век мировая добыча металлов выросла в 100 раз, а ныне она растет гораздо быстрее. Сейчас из недр Земли ежегодно извлекается более 3 миллиардов тонн железной руды, угля и нефти, многие миллиарды кубометров газа, сотни миллионов тонн других полезных ископаемых. Кладовые материков заметно опустели. Например, добыта восьмая часть выявленных запасов железа, на создание которых природе потребовалось необозримо долгое время. В некоторых странах исчерпаны некогда сказочно богатые месторождения ценных металлов и других полезных ископаемых. Правда, геологи, найдя новые гигантские месторождения, опровергли прогнозы пессимистов, утверждавших, что через 100—200 лет человечество не сможет добыть ни литра нефти, ни килограмма угля. Однако пришло время глубоко осознать, что запасы нашей планеты все-таки ограничены.

Хозяйственная деятельность человечества уже давно преобладает над природными силами в изменении лика Земли. Плуги и буровые установки, отбойные молотки и землесосы вторгаются в тело планеты. Они измельчают, дробят и перемещают вещество, которое миллионы лет покоилось в недрах. А это нарушает коренные естественные геохимические связи, естественное перемещение элементов. Человек волей-неволей разрывает природные взаимосвязи, создает новые, ускоряет и изменяет бег вечного двигателя земной жизни — общепланетарный круговорот химических элементов.

Каждый год под колесами автомобилей и тракторов, при промывке золота и под ковшами экскаваторов рождается кубический километр пыли, а у русел каналов и у шахт вырастает еще один кубический километр земного вещества, переотложенного людьми в другое место. Насколько огромны эти величины, показывает такое сравнение. Все реки земного шара за год выносят в океан 15 кубических километров измельченного материала. Недавно специальная международная комиссия пришла к выводу, что хозяйственная деятельность человечества оказывает на смещение материала земной коры вдсятеро более сильное воздействие, чем гигантская подземная энергия.

Однако не следует думать, что ныне земной шар выглядит совсем не так, как, скажем, 2—3 тысячелетия назад. Например, орошено лишь 3 процента пустынь, а они занимают 42 процента площади суши. Можно еще затеряться на гектаре леса, который приходится в среднем на каждого жителя Земли. Даже в «перенаселенной» Европе суммарный вес людей по отношению к биомассе живой природы ничтожен. А общий вес всего живого в 6 миллионов раз больше, чем вес людского населения планеты. Не разгладились морщины гор, еще остались непроходимые джунгли, еще пустынен Мировой океан. Издали, из космоса, это все та же «старушка

Земля». Американские ученые, изучив несколько тысяч фотографий, сделанных со спутников, лишь на одной обнаружили следы человеческой деятельности. И немудрено: объем всех построек, когда-либо сооруженных людьми, пока что в миллионы раз меньше, чем такие создания живой природы, как Большой Барьерный риф у побережья Австралии или россыпь тихоокеанских коралловых атоллов.

Все так же, как и много лет назад, и в то же время все совсем по-другому, ибо человечество стало теперь самым мощным фактором регулирования природных процессов в масштабе всей планеты. Наукой накоплен огромный фактический материал о воздействии человека на природу. Географы и биологи, геохимики и гидрологи, врачи, социологи и представители других специальностей закладывают теоретический фундамент для создания натурсоциологии — науки о взаимоотношении человеческого общества с природой. Эта наука рождается у нас на глазах. Немалую роль в ее становлении играет новое, «космическое» самосознание людей, пробудившееся после выхода человека в космос. Оно должно вызывать более бережное отношение к нашему космическому «коллабу» — к нашей планете.

В последнее время ученые многих стран объединяют усилия для разностороннего изучения Земли как планеты и отдельных ее составляющих — биогеносферы (географической оболочки), атмосферы, гидросферы и т. д. Большую роль в этом отношении призвана сыграть Международная биологическая программа, в осуществление которой включилось большинство стран мира. Цель ее — оценить биологические ресурсы земного шара, познать глубинные закономерности в развитии живого вещества в пределах всей биогеносферы, «спланировать» использование живой природы для будущих поколений. А работы по планам Международного гидрологического десятилетия обогатят человечество точными данными о количестве, составе и круговороте воды в глобальном масштабе. Несомненно, все это укрепит базис натурсоциологии и других наук о Земле.

Стремительное развитие цивилизации принесло людям множество благ, но одновременно в биогеносфере произошли некоторые неблагоприятные сдвиги. Устранить их — дело нашего и будущего поколений. Решающую роль здесь сыграет торжество коммунистического строя и нового общественного сознания во всем мире.

Как же повлиял технический прогресс на биогеносферу Земли?

Добывая и сжигая в огромных количествах нефть, уголь, газ и другое топливо, мы добавили в воздух сотни миллиардов тонн углекислого газа, увеличив его содержание в атмосфере на 12—13 процентов. В результате за последние 100 лет температура на Земле повысилась на полградуса. Ведь при горении не только высвобождается энергия солнечного луча, миллионы лет назад упавшего на Землю, но и выделяется углекислый газ. Эффект его присутствия

в атмосфере подобен покрывалу. Чем плотнее это «покрывало», тем меньше тепла, испускаемого поверхностью суши и океанами, уходит в мировое пространство, тем теплее климат.

Сейчас население Земли, насчитывающее около 3 миллиардов, сжигая различное горючее, потребляет столько кислорода, сколько нужно для дыхания 43 миллиардов людей. И не удивительно, автомобиль, пробежав менее тысячи километров, «съедает» в своем двигателе годовой кислородный рацион человека, а на сжигание тонны угля уходит в 10 раз больше кислорода.

Если принять возобновление кислорода в лесу за 100 процентов, то на полях оно идет медленнее на 25 процентов, а на лугах и пастбищах — в 3 раза. Пашни и луга во многих районах земного шара сильно потеснили леса, но пашни и луга в наше время в свою очередь быстро сдают позиции «асфальту» — городам и дорогам. Так, в ФРГ уже десятая часть территории занята городами — пожирателями кислорода. Рост городов, как и распашка территории, некогда занятой лесом, способствует увеличению углекислоты в атмосфере. Когда ее содержание в воздухе станет наилучшим для фотосинтеза растений, но еще безвредным для людей и животных (около 1 процента), то, вероятно, возникнет необходимость установить во всех странах квоту на выброс углекислого газа или каким-либо другим способом регулировать этот процесс.

Если же поступление углекислоты будет расти прежними темпами, то к 2000 году температура на Земле повысится на 1—2 градуса, что может вызвать неблагоприятные последствия. В атмосфере уменьшится количество кислорода. Вероятно, станут тоньше полярные льды, увеличится объем Мирового океана, который затопит низкие участки побережья, а с ними и некоторые портовые города и т. д. Все это принесет немало хлопот, если, конечно, сама природа не создаст в противовес какой-нибудь свой механизм.

Нашим далеким предкам приходилось выжигать деревья, чтобы построить жилище и отвоевать клочок пашни у леса. Это было первое заметное воздействие человека на природу. И уже тогда оно вызывало тревогу.

В Древней Греции философы неустанно твердили, что люди должны заботиться о плодородии земли, свято блюсти чистоту воды и всемерно охранять леса. Цицерон называл истребителей лесов злейшими врагами человечества. На Мадагаскаре несколько веков назад порубщику отсекали голову на пне срубленного им дерева. Не менее суровые кары существовали и в других местах. Часто леса или отдельные виды деревьев охраняли поверья. Например, у жителей Камчатки считалось, что повредивший пихту умрет насильственной смертью. «Оной лес у камчадалов как заповедный хранится, так что никто из них не токмо рубить его, но и прикоснуться не смеет», — писал С. П. Крашенинников.

Но настало «просвещенное» время, и об этих поверьях и законах мало-помалу забыли.

В XVIII веке началась самая беспощадная вырубка древесины для промышленности и строительства. И земной шар, по выражению одного из русских лесоводов, заметно «облысел». Площадь лесов на Земле сократилась с 7200 миллионов до 3704 миллионов гектаров, а лесопосадки, которые применяются сравнительно недавно, пока покрыли всего 40 миллионов гектаров. Сейчас каждый человек в течение жизни «расходует» столько древесины, сколько дает роща из 300 деревьев. Много древесины требуется для строительства, изготовления бумаги и пластмасс, идет на топливо.

В некоторых странах вырубка лесов привела к почти полному их уничтожению. Даже в такой большой стране, как США, было сведено две трети лесов. Вырубка деревьев пагубно отразилась на природных условиях и многих других районов. Так, венецианцы для постройки своих галер свели леса в Динарских горах в Югославии, что превратило эту область в настоящую карстовую пустыню. Сведение лесов в Чилийских Андах тоже привело к самым плачевным результатам. Сейчас почти три четверти сельскохозяйственных земель в Чили подвержены эрозии. Из-за нарушения севооборота и «перенапряжения почвы», но в основном из-за сведения лесов на планете идет сильная эрозия почвенного покрова, которая за последнее столетие обрушилась на четверть всей обрабатываемой земли.

Нависла угроза и над некоторыми видами деревьев. Почти совсем уничтожено ценное мамонтово дерево. Редкими стали баальсы — вспомните, как долго в джунглях Эквадора искал несколько стволов этих деревьев Тур Хейердал, чтобы построить знаменитый «Кон-Тики». А одно товарное дерево махагони с красной древесиной теперь приходится на 8 гектаров джунглей.

Несмотря на громадные успехи химии, проникшей во все области производства и быта, потребление древесины быстро растет. Предсказывают, что в ближайшие 10 лет оно увеличится в 1,5 раза. Леса тают. Их уже надо не только всемерно беречь, но и заняться их восстановлением. Отрадно, что многие страны уже предприняли практические шаги в этом направлении. Тут можно надеяться на быстрый успех, ибо зачастую в «облысевших» странах доход от гектара саженного леса выше, чем от гектара пашни.

Гидрологи шутят, что наша планета — это мокрый шар во влажной оболочке. Даже твердые породы буквально пропитаны водой. В верхнем пятикилометровом слое земной коры воды в 3 раза больше, чем всех других веществ, вместе взятых.

Много воды на Земле. И хорошо, что много. Ведь живые существа не могут обходиться без нее. Нужна пресная вода и промышленности. Для выработки тонны стали или бумаги необходимо

около 300 тонн воды, а для тонны капрона — 5 тысяч тонн. Очень много воды потребляют сельскохозяйственные растения. Например, чтобы вырастить тонну сахарной свеклы, необходима тысяча тонн воды, тонна пшеницы «обходится» в 1,5 тысячи тонн воды, а для получения такого же количества риса или хлопка требуется целых 10 тысяч тонн воды.

Когда-то в древности человеку было нужно всего лишь 1—2 литра воды в сутки. Теперь на жителя большого города за такой же срок расходуется около 400 литров воды, правда большую ее часть «выпивают» заводы.

Производительные силы и население растут так быстро, что к 2000 году человечество, вероятно, будет испытывать «водный голод». Да и сейчас некоторые районы земного шара сидят на «голодном водном пайке», несмотря на то что рядом находится целое море воды. Как это ни парадоксально, из громадных водных запасов нашей планеты для питья годится меньше процента. Соленую морскую воду нельзя прямо использовать и для бытовых нужд, и во многих отраслях промышленности, и в сельском хозяйстве. Нужно сначала опреснить ее, но пока это стоит очень дорого. В США, например, опресненная вода обходится в 25 раз дороже обычной водопроводной.

Все опреснительные установки земного шара пока дают так мало воды, что ее может хватить лишь для полива нескольких десятков тысяч гектаров посевов или для снабжения города с полумиллионным населением. Ученые многих стран интенсивно занимаются проблемой опреснения, и, вероятно, скоро человечество будет иметь новый экономичный способ, который и спасет нас от «жажды».

Пока же следует бережливо расходовать пресную воду и там, где можно, вместо нее использовать соленую — морскую. Например, огромное количество пресной воды потребляют металлургические заводы, но здесь в воду добавляют соль — хлористый натрий, а производство пластмасс поглощает почти столько же солей, сколько и пресной воды. Можно применить соленую воду для поливки городских улиц и площадей. Но главный путь уменьшения «водного голода» — повторное использование пресной воды в промышленности. Так, в ГДР она используется не менее четырех раз, прежде чем попадет в море. Для этого применяются мощные очистители и фильтры, которые поглощают производственные примеси.

Проблема очистки сточных вод — одна из важных технических, экономических и социальных проблем современности. Ведь любой завод, любой город и поселок загрязняют природные воды. Загрязнение водоемов земного шара уже рассматривается как бедствие, угрожающее здоровью населения и развитию хозяйства.

Во многих реках и озерах уменьшилось количество кислорода, вода потеряла прозрачность, погибли обитавшие здесь организмы. В индустриальных странах сильно загрязнены не только реки,

но и морские заливы, в которые они впадают. В США это загрязнение настолько велико, что в некоторых заливах запрещен лов рыбы, моллюсков и других «даров моря», потому что они стали ядовитыми. Национальная академия наук США недавно опубликовала доклад, где говорится о том, что к 1980 году в воду будет сброшено столько вредных веществ, что они уничтожат кислород в водоеме, равном по объему 22 речным бассейнам страны. В докладе говорится: «По мере того как Земля становится все более густонаселенной, термин «выбросить» теряет свое значение. Мусор, выбрасываемый одним человеком, попадает на территорию, занимаемую другим».

Загрязняется, и причем очень интенсивно, и Мировой океан. Прибрежные города сбрасывают в воду бытовые и промышленные отходы. Но это, как говорится, капля в море. Основной загрязнитель океана — нефть. Всего один литр нефти способен испортить миллион литров воды. Многие же миллионы тонн нефти попадают в моря и океаны при промывке нефтеналивных судов, в виде потерь при ее добыче с морского дна и при крушении танкеров.

Загрязнение морей — очень тревожный факт. Нефть, растекаясь на поверхности воды, угрожает живым существам не только в царстве Нептуна, но и на суше. В океане за счет фотосинтеза водорослей воссоздается $\frac{9}{10}$ кислорода, выделяемого растительным миром Земли. Растения (в основном микроскопические водоросли) «работают» очень быстро: за четыре года они обновляют весь кислород атмосферы. Нефть же, попавшая в море, препятствует фотосинтезу и нарушает газообмен между атмосферой и океанами. Нефть здесь «разрывает» естественный круговорот кислорода, что может привести к кислородному дефициту. Цифры же, показывающие нефтяное загрязнение, очень велики — во все водоемы земного шара ежегодно попадает около 30 миллионов тонн нефтепродуктов.

Во многих районах земного шара загрязнена и атмосфера. Пыль, сажа, сернистый газ и другие вредные продукты постоянно выделяются промышленными предприятиями. Оседая на листьях, попадая в почву, они ухудшают жизненные условия для растительности, животных и человека. Недаром срок жизни деревьев в крупных промышленных пунктах обычно в 2—3 раза короче, чем в естественном ландшафте. Промышленное загрязнение воздуха, угнетая полезные виды, часто приводит к процветанию вредных. Так, Чешским институтом преобразования и охраны ландшафта установлено, что в тех областях, где загрязнен воздух, появляется значительно больше насекомых-вредителей (тля, клещи и т. д.), а полезные дождевые черви почти исчезают.

Над крупными городами висит огромное облако из дыма и пыли. Оно настолько велико, что задерживает часть солнечных лучей. К этому прибавляются вредоносные выхлопные газы

миллионов автомобилей. Вот как описывают загрязнение воздуха в Токио: «Помимо 1 100 тысяч автомобилей здесь чадят и дымят 100 тысяч фабричных труб. На каждый квадратный километр городской территории ежемесячно выпадает 23 тонны гари — в 1,5 раза больше, чем в Нью-Йорке или Лондоне. Скопления автомашин с включенными двигателями создают на перекрестках такой смрад, что во многих полицейских будках пришлось установить кислородные приборы: регулировщики время от времени забегают туда отдышаться, чтобы не потерять сознание».

По признанию Европейского регионального комитета Всемирной организации здравоохранения, загрязнение воздуха стало экономическим, социальным и санитарным бичом Европы. Например, в индустриальных районах ФРГ на квадратном километре оседает от 8 до 15 тонн пыли в сутки, а экономический ущерб от пыли в Великобритании исчисляется многими миллионами фунтов стерлингов в год: ведь от нее быстрее ржавеет металл, распадается ткань, погибают растения.

Перед людьми встала проблема внедрения новых технологических методов, которые исключали бы загрязнение воздуха и воды. Пора создать и безвредный электрический автомобиль. За свою жизнь человек в среднем успевает вздохнуть 588 миллионов раз. Городской житель с каждым вздохом вбирает в себя десятки тысяч частиц пыли. Это тяжелейшая нагрузка не только для легких, но и для всего организма.

Загрязнение воздуха и воды — многогранная проблема, связанная с жизнью всего растительного и животного мира. Ведь животные и растения миллионы лет пользовались водой и воздухом, в которых были только естественные примеси. Нельзя забывать и о том, что из промышленных загрязнений можно получить тысячи ценнейших веществ в громадных количествах. Так, в США ежегодно в воздух выбрасывается 700 тысяч тонн марганца — половина потребности страны в этом элементе. А полное улавливание и использование серных газов, отходящих на заводах цветной металлургии СССР, позволило бы нам отказаться от добычи самородной серы.

Особо следует сказать о химии. Она дала множество вещей, без которых немислим не только быт, но и дальнейшее развитие цивилизации. Но эта же волшебница-химия может стать злейшим врагом биосферы. Каждый рубль, затраченный на гербициды, окупается многократно, но прибавка урожая, которую они дают, иногда оборачивается большим злом. Возьмем, например, ядохимикат ДДТ, годовая выработка которого в мире достигла 100 тысяч тонн. Он очень стоек и постепенно накапливается в земле, воде, в животных и растительных организмах, а следовательно, и в пищевых продуктах. Причем при кулинарной обработке этот ядохимикат не разлагается. Повсеместное увлечение ДДТ привело к тому, что яд появился в жировых клетках людей, даже непосредственно не сталкивающихся с ним. Через пищевые при-

родные цепи ДДТ попал даже в печень пингвинов в Антарктиде, где его никогда не применяли. Большинство птиц в районах, обработанных ДДТ, погибает, такая же участь постигает и рыб, но зато около 100 видов клещей, клопов, бабочек и других вредных насекомых привыкло к нему и плодится как ни в чем не бывало.

В последнее время пристальное внимание природоведов привлекли синтетические моющие вещества, которые очень долго не разлагаются в воде и препятствуют природному самоочищению водоемов. Моющие вещества иногда снимают жировой покров с оперения уток, гусей и других водоплавающих птиц, которые поэтому тонут тысячами. В моющих порошках много фосфора, а он, попадая в воду, вызывает бурный рост сорных водорослей, что приводит к быстрому зарастанию водоемов, превращению их в болота.

Поредели леса, распаханы вековые степи — уменьшилась и численность животных. Но еще и сейчас они окружают нас всюду. Мы не можем жить без кислорода, воды и пищи. Но не можем обойтись и без животных, хотя бы потому, что часть нашего питания должны составлять продукты животного происхождения.

Сколько добрых услуг оказали животные людям! Они помогали пахать поля, доставляли путешественников в далекие страны, кормили и поили нас! А недавно родилась новая наука — бионика, технически воплощающая изумительные приспособления, выработанные в живой природе эволюцией. Это и необычайно чувствительный, компактный термоллокатор гремучей змеи, и анти-турбулентная кожа дельфинов, и «химическая лаборатория» в лапках обыкновенной мухи и многое другое.

Во все времена животные способствовали развитию нашей цивилизации. Чем же отплатил человек животному миру? Упала не только общая численность многих видов животных, часть из них навсегда исчезла с лица Земли. За последние 2 тысячи лет наши предки истребили 245 видов животных, причем 212 из них еще существовали 200 лет назад. В настоящее время 600 видов находятся на грани вымирания. Наиболее сильно пострадала фауна островов, где исчезла треть видов населявших их птиц, а численность остальных резко сократилась.

Уничтожение животных ведется просто стремительными темпами. За последние 60 лет добыто более миллиона китов, многие миллионы пушных, копытных и других животных. В Африке лишь с 1857 по 1876 год колонизаторы истребляли ежегодно более чем по 50 тысяч слонов.

Предполагают, что на Земле осталось всего несколько тысяч белых медведей. Когда численность вида опускается до 2 тысяч особей, он переходит грань, за которой следует неизбежное вымирание. И тогда только человек способен его спасти. Междуна-

родный союз охраны природы и природных ресурсов (СССР — член этого союза) ведет «Красную книгу» — список видов, стоящих на грани вымирания. Сейчас здесь фигурируют 211 видов млекопитающих (из 3 тысяч) и 312 видов птиц (из 10 тысяч). Численность всех их ниже 2 тысяч особей.

Сохранение животных — одна из сторон разумного взаимоотношения человека с природой. Радостно, что здесь достигнуты первые серьезные успехи. В живых крепостях-заповедниках сохранены или даже восстановлены многие виды: североамериканский бизон, зубр, тарпан, индийский носорог, котик, некоторые африканские антилопы и другие животные.

Но не только из-за охоты поредел животный мир. На него «наступают» промышленные предприятия, железные дороги, поля, высоковольтные линии — так называемый культурный ландшафт. Только под полями сейчас занята десятая часть суши (не считая Антарктиды). Виды, не способные выжить в новых условиях, обречены — они останутся лишь в музеях-заповедниках. К счастью, большинство животных может приспособиться к культурному ландшафту, и помочь им в этом — долг нашего поколения.

Два миллиона видов животных и растений окутали нашу планету сплошной оболочкой жизни. Неисчислимое количество отдельных живых особей испокон веков участвует в круговороте вещества в природе. Растения улавливают солнечную энергию и создают органическое вещество. Травоядные животные поедают растительную органику, усваивая 10 процентов биомассы. Эти «проценты» и идут на построение тела животных. Травоядных пожирают хищники, причем тоже большая часть биомассы теряется и т. д. В свою очередь с физиологической точки зрения человек по трофическим (пищевым) связям паразитирует на растительном и животном мире.

Само собой разумеется, что мы используем животных не только в пищу. Многие виды были одомашнены и стали нашими прямыми помощниками. Процесс одомашнивания еще далеко не закончен: сейчас приручают дельфинов, лосей, страусов и других животных. Даже микроорганизмы теперь включены «в производственную деятельность» — на нас «работает» около 7 тысяч их разновидностей. Уже с самого начала развития цивилизации бездумное уничтожение животных и растений сочеталось с полезной работой по приспособлению живой природы к людским нуждам. Современные культурные растения и животные намного продуктивнее своих диких предшественников. По существу это новые организмы, которыми человек обогатил биосферу. Создано более 30 тысяч форм пшеницы, 10 тысяч сортов яблон, около 2 тысяч сортов картофеля, 400 пород крупного рогатого скота, более 250 пород овец, 150 пород лошадей и т. д. Громадная площадь суши теперь занята высокопродуктивными сельскохозяйственными растениями. Причем почти половина площади мирового растение-

водства (950 миллионов гектаров) занята четырьмя культурами — пшеницей, кукурузой, рисом и овсом.

Создавая новые виды растений и новые породы животных, преднамеренно или случайно переселяя аборигенов животного и растительного мира в места, прежде чуждые для них, мы невольно разрушаем естественные связи в сложнейшем организме биосферы. Часто это приводит к печальным результатам. Стоит вспомнить хотя бы историю о том, как в Австралию были завезены пять кроликов, где они катастрофически размножились. Их потомство стало приносить колоссальный ущерб сельскому хозяйству. Теперь в Австралии с кроликами ведут беспощадную биологическую борьбу: их заражают болезнетворными вирусами. А победное, но роковое для европейских уловов рыбы шествие китайского краба, а филлоксера, а колорадский жук, прежде обитавший на крошечном пятачке земли в Калифорнии? Этот список легко продолжить.

Есть и еще более поразительные факты. Так, в 1961 году в печати появилось сообщение о том, что микроорганизмы, погребенные миллионы лет назад в березниковских калийных толщах, могут оживать и развиваться в обычных условиях. Этих жителей древнейших лагун мы включаем в сегодняшнюю биосферу. Что несут с собой живые осколки далекого геологического прошлого? Наши друзья они или враги? Ответа пока нет, но, как прежде, миллионы тонн калийных удобрений со «спящими» посланцами древней биосферы отправляются на поля...

Население Земли растет очень быстро — оно удваивается через каждые 40 лет. Но так было далеко не всегда. Если бы первый мужчина и первая женщина появились 2 тысячи лет назад и если бы с тех пор население земного шара увеличивалось нынешними темпами, то теперь оно было бы в 250 тысяч раз больше. В действительности же за всю историю цивилизации на нашей планете жило всего 77 миллиардов людей. Демографический взрыв — явление временное, это удел наших дней. Его остановит жизнь, люди. Иначе это приведет к абсурду: если сохранится современный темп роста населения, то к 3000 году на каждый квадратный дециметр поверхности Земли (четверть обычной страницы) будет приходиться по 15 человек.

Но положение уже тревожит специалистов по населению — демографов. При выработке мер, регулирующих прирост населения, ученые, вероятно, точно установят «людскую» емкость земного шара. Это будет определяться не только возможным воспроизводством кислорода, воды и пищи на Земле; важнейшим мерилом станет пространство. А оно необходимо для размещения предприятий, для постройки жилья, для прогулок и туризма. Человеку придется обновить часть биосферы, избавиться от непродуктивных и вредных видов, придется экономить каждый квадратный

метр суши, каждый квадратный метр поверхности океана, придется часть природных функций поручить техническим устройствам.

Надежды же на то, что в будущем население нашей планеты сильно поредеет за счет переселения на Луну и Марс, легко разбить простым доводом: поверхность Марса составляет примерно $\frac{1}{4}$, а Луны — $\frac{1}{14}$ поверхности Земли. Есть авторитетные выкладки, которые показывают, что темпы прироста населения намного обгоняют технические возможности по строительству пассажирских ракет. Нам просто не хватит их для массированного рассредоточения землян. Нельзя забывать и о том, что и на Луне, и на Марсе со временем начнется собственный прирост населения.

Чтобы сохранить природу, придется строить многоярусные «висячие», подводные и подземные города не только на Земле, но и на других планетах, повсюду создавать максимальную по продуктивности и наиболее простую в управлении биосферу.

Сколько же людей сможет прокормить Земля? Многим кажется, что еще много свободных земель. Однако всего лишь четверть из них пригодна для сельского хозяйства. А остальное — горы и пустыни, вечная мерзлота и ледники, болота, леса, джунгли.

Наступило время беречь каждый клочок пашни, каждый участок плодородной земли. Скоро, видимо, станет экономически выгодным перевозить на поля плодородную почву со дна будущего водохранилища или с территории, которую займет город.

Большинство буржуазных статистиков и географов утверждает, что «максимальная емкость» нашей планеты — 5—6 миллиардов человек. Но эти расчеты часто ведутся без учета социального строя и применения достижений науки, без комплексного подсчета природных ресурсов.

В XVIII веке в умеренном климате прокормить человека могли лишь 2 гектара, а при современной сельскохозяйственной технике 2 гектара кормят 10—20 человек. В ближайшем будущем эта цифра возрастет еще в 2 раза. Сейчас $\frac{4}{5}$ обрабатываемой земли не знают удобрений, а это резко снижает урожай. Повышение же средней урожайности до уровня передовых хозяйств обеспечит продовольствием 9 миллиардов человек. Только повсеместное применение биостимуляторов смогло бы поднять урожай овощей почти наполовину, а избавление от вредителей вдвое увеличит продукцию мирового сельского хозяйства (лишь в Индии сейчас водится 2 миллиарда крыс, уничтожающих вместе с другими вредителями 26 миллионов тонн зерна). Кроме того, почти треть пищевых продуктов теряется при переработке. Если же освоить всю землю, пригодную для сельского хозяйства, то «емкость» планеты возрастет до 65 миллиардов человек. Рациональное же использование всей биосферы, по мнению исследователей, позволит прокормить 83 миллиарда человек.

Взять хотя бы океан. В нем 20 миллиардов тонн рыбы, правда значительная ее часть несъедобна. Ежегодный мировой улов пока

составляет 50 миллионов тонн. Если человечество будет вылавливать в несколько раз больше, то это не повредит воспроизводству рыбы. А сколько съедобных водорослей, съедобного планктона! Но богатства океана далеко не беспредельны: так называемые высокопродуктивные зоны занимают всего 17 процентов его акватории. За последние 60 лет мировой улов рыбы вырос в 12 раз, а потребление ее из-за роста населения — лишь в 4 раза. Вероятно, через несколько десятков лет мы подойдем к предельно допустимому улову морепродуктов (по разным оценкам сейчас используется от $\frac{1}{10}$ до $\frac{1}{40}$ этого количества), и тогда уже понадобится организация океанического хозяйства, планомерное разведение океанической флоры и фауны.

Резко увеличит пищевые ресурсы и селекция животных и растений, и новые методы ведения сельского хозяйства, например гидропоника. Детально изучая биосферу, ученые выявят и быстрорастущие питательные растения типа хлореллы. Эта крохотная водоросль благодаря очень быстрому размножению намного «урожайнее» таких, например, культур, как кукуруза и рис. В жарких степях и пустынях неглубокие бассейны с выращиваемой в них хлореллой могут дать гигантский годовой урожай с гектара — 80 тонн высококалорийной биомассы, содержащей 18 тонн жира! Недавно выяснилось, что почти так же продуктивны и питательны некоторые виды тропических рясок. Нельзя забывать и предстоящую работу по «благоустройству» планеты — осушение и обводнение, регулирование климата и другие процессы, которые будут способствовать росту продуктивности биосферы.

...Несколько миллиардов лет назад на Земле в среде, губительной для современных живых существ, возникла жизнь. Миллиарды лет живые существа, изменяя облик планеты, изменялись и сами. Они создали сегодняшнюю биосферу. В ней еще преобладают принципы, выработанные длительной эволюцией. Например, масса растений всегда была в 10 тысяч раз больше массы животных. Человек начал менять эти пропорции, начал создавать новую «организованную» биосферу. То, на что природе потребовалось необозримо долгое время, люди сделают за считанные десятки лет.

Они, вероятно, уберут «лишние» звенья в извечном круговороте живого вещества — вредных насекомых и болезнетворные бактерии, некоторые виды хищных животных и сорные травы, ряд видов грибов (в особенности ядовитых) и другие организмы, прямо или косвенно уменьшающие продуктивность биосферы. Люди будут усиленно разводить тополь, но не потому, что он неприхотлив, а потому, что дает наибольшее количество кислорода и много древесины. Они будут следить за предотвращением «экологического» взрыва, когда недопустимо большие пространства займет какой-либо набор культур. Для этого послужит искусственная, но точно подобранная природная система — культурный ландшафт из полей, водоемов, лесных полос, рощ и городов.

Постоянная численность организмов здесь будет сочетаться с максимальной продуктивностью и красотой природы.

Но не надо думать, что культурный ландшафт покроев всю поверхность нашей планеты. Это было бы непростительной ошибкой. На суше и в океане обязательно должны остаться обширные районы-заповедники с нетронутой природой. Они нужны не только для эстетических потребностей человека, но и для того, чтобы сохранить существующие сегодня виды растений и животных, чтобы не внести катастрофический диссонанс в естественный круговорот химических элементов; они нужны для поддержания биологического равновесия в масштабе всей Земли.

Ныне в социалистических странах приняты специальные законы и постановления, запрещающие варварскую эксплуатацию природных богатств, радеющие о чистоте водоемов и воздуха. Действуют такие законы и в капиталистических державах, но, как правило, сама сущность капиталистической системы препятствует гармоничному сочетанию производственной деятельности с рациональным природопользованием. Поэтому погубное воздействие капиталистического хозяйства на природу все возрастает.

К тому же меры, принимаемые только в национальных рамках, явно недостаточны для поддержания «благополучия» природы всего земного шара, ибо извечный круговорот вещества, воздушные потоки или морские течения быстро транспортируют ядовитые промышленные отходы на тысячи километров, да и редкий вид животного или растения — это не только национальное богатство, а достояние всего человечества. Живая и неживая природа Земли нуждается в глобальной охране, в глобальном разумном использовании.

Стремительное развитие цивилизации идет все ускоряющимся темпом. Этот процесс необходим и закономерен, без него немислимо дальнейшее развитие человечества. Цивилизация наделила людей могущественными силами, сделала властелинами планеты. Развитие поверхностного слоя Земли, пронизанного мощными потоками радиосигналов, грузов, энергии, потоками людей, слоя, застроенного небывалыми сооружениями, засеянного культурными растениями, теперь находится во власти человека. В его же власти сохранять и приумножать богатства природы, чтобы они служили не только нашему, но и грядущим поколениям.

Ст. Старикович

ГДЕ ЖЕ УМИРАЮТ СЛОНЫ?

Первые десятки километров на «джипе» с парусиновым тентом напоминали прогулку по большому зоопарку. Даже толсто-пузые львята, которым любопытство свойственно по возрасту, не поворачивали головы в сторону машины. Черные буйволы невозмутимо обмахивались короткими хвостами и лениво пощипывали сухую травку, будто шестицилиндровый автомобиль мчался совершенно беззвучно. Только змеи быстро отползали в сторону от дороги...

Удивительные вещи начались на третий день путешествия

в глубь Западной Африки. Молодой бельгийский зоолог Жак Верхарн поднес к глазам бинокль, когда на горизонте показалось облачко пыли. Подкрутив окуляры, он увидел стадо зебр. Поразительно! Полосатые лошадки удирали не от царя зверей, а от небольшой своры гиен. О таком зоолог еще никогда не слышивал. Отставшую зебру лохматые хищники с дьявольским проворством сбили с ног и растерзали в считанные минуты.

Наведя несколько часов спустя бинокль на то место, где разыгралась необычная трагедия, зоолог удивился еще больше. Огромный лев не спеша догрызал кости, оставленные гиенами...

— Да, все изменилось в сегодняшней Африке! — Этот вздох молодого ученого хотя и был вызван поведением гиен, относился и к другим животным. Цель его поездки — гиганты джунглей, самые крупные наземные млекопитающие — слоны, ставшие здесь большой редкостью. За последние годы поголовье слонов резко сократилось. Богатые «охотники» из-за океана ради редкостных

трофеев уничтожили множество этих животных из винтовок с оптическим прицелом, несмотря на все запреты. Толстосумы давали взятки и безнаказанно браконьерствовали в джунглях и саваннах.

Прошло несколько дней, прежде чем первая пара этих огромных существ с желтоватыми клыками попала в поле зрения Жака Верхарна. Слоны шли на водопой и быстро скрылись за деревьями. В сопровождении двух проводников зоолог последовал за гигантами и сфотографировал через телеобъектив сцену у небольшого болотца. Животные были весьма осторожны. Пока один из слонов зашел в воду, другой стоял на берегу и сверлил маленькими глазками опушку леса. Вскоре звери ушли.

Когда настал полдневный зной, Жак Верхарн лег отдыхать в тени деревьев, положив голову на рюкзак. Не первый раз обдумывал он главную цель своей поездки.

В одной из негритянских легенд рассказывается, что постаревший вожак стада слонов, предвидя свой близкий конец, в предрассветной мгле незаметно отделяется от сородичей и отправляется куда-то на север. Отойдя на некоторое расстояние, он поднимает хобот высоко над головой и трубит. Перестают петь птицы, дрожат листья деревьев.

Стадо знает этот прощальный сигнал: вожак больше не вернется.

Этот же грубный звук слышат на небе мудрые боги и ведут слона в глухое и тайное место, где он должен умереть в полном одиночестве. Никто не знает и не может узнать, где находится кладбище слонов. Добрые боги не указывают туда путь, а злые посадили там растения, источающие ядовитые испарения.

Такого рода легенды существуют в разных вариантах у многих африканских племен. В них говорится, что слоны уходят умирать в дальние речные долины, окруженные непроходимыми горами. Нога человека ни разу там не ступала.

В Европу подобные легенды дошли еще от первых колонизаторов Африки — португальцев и англичан. В погоне за дорогими слоновыми бивнями многие авантюристы пытались разыскать такие кладбища, но безуспешно. Правда, лет сто пятьдесят тому назад одному из них, неслыханно обогатившемуся, все же удалось найти место с большим скоплением костей огромных животных. Значительно меньше везло ученым. К тому же мало кто из них верил легендам...

Ночь наступает в джунглях мгновенно. Не успеет зайти солнце — и обступающие путника со всех сторон деревья сразу становятся похожими на каких-то устрашающих чудовищ. Настораживает и внезапная тишина, воцарающаяся среди черно-зеленой мглы.

Устроившись в гамаке близ своей машины, Жак Верхарн при свете переносной лампы еще раз перелистал выписки из книг и статей о жизни слонов.

Действительно, вопрос о том, где умирают слоны, был запутанным, вернее, малоизученным. Одни натуралисты верили легендам негров, другие объясняли уход старых слонов из стада каким-то непонятным древним инстинктом. В одном из научных трактатов начала XIX века говорилось: «В недосыгаемые девственные леса среди гор и болот уходят на вечный покой слоны. Там природа хранит несметные сокровища — горы драгоценных костей, которые сделают открывателя богатейшим человеком на земле».

Но нигде не было ни слова о том, куда же именно исчезают старые слоны. Проблема казалась тем более загадочной, что ни охотникам, ни зоологам, ни искателям приключений почти никогда не встречались трупы слонов, умерших естественной смертью. Англичанин Джон Сандерсон, изучавший слонов Индии и Кении, писал, что ему лишь два раза за четырнадцать лет удалось увидеть трупы гигантских животных. В первом случае это был самец, погибший в бурю при неожиданном наводнении. В другой раз он нашел труп самки, умершей во время родов.

Сандерсон пишет, что, как утверждают многие местные охотники, ни они, ни их отцы и деды не видели трупов этих животных в джунглях. Правда, некоторым из их отдаленных предков когда-то посчастливилось наткнуться на слоновое кладбище, но они поспешили убраться подальше из тех мест, убоявшись гнева богов, запретивших тревожить вечный сон старых гигантов.

Голландский исследователь животного мира Африки Ханс Шомбур однажды в Танганьике незаметно преследовал старого, больного слона, ушедшего из своего стада. Животное несколько дней пробиралось через джунгли к границе саванны. Казалось, что слон знает, куда ему идти. Он вышел к речке, вошел в воду и стоял там неподвижно пять дней. Когда слон умер, труп его менее чем за сутки уничтожили животные, насекомые, рыбы и разные мелкие пожиратели падали, обитающие в воде.

Некоторые другие натуралисты также были склонны считать, что слоны выбирают для смертного часа болота или речки в самом глухом месте. По их мнению, легендарные кладбища слонов нужно искать в озерах Сомали и Кении, в реках саванн, в тропических болотах Уганды.

Вода ограждает старых животных от злобещего любопытства хищников, дает им возможность спокойно встретить последний час.

Серьезно занимался этим вопросом А. Маккензи, проживший много лет в Уганде и Конго. Как он считает, все дело заключается в том, что в тропической зоне чрезвычайно быстро разлагаются и поглощаются в почве без остатка трупы животных любого вида. По его мнению, участки с особенно густой растительностью

свидетельствуют, что именно на этих местах и происходило быстрое разложение трупов слонов.

Но однажды А. Маккензи шел по следам тяжело раненного слона и потерял их на берегу широкой, но мелкой речки. По рассказам негров, раненные ими на охоте слоны всегда убегали к этой речке.

Исследователь провел много недель на ее берегах и выяснил, что больные и старые слоны часто входят в воду, чтобы хищные преследователи потеряли их след. Вступать в борьбу у них уже нет сил.

Маккензи нашел небольшой островок, где обнаружил около двадцати скелетов слонов, умерших в разное время на этом необитаемом клочке суши. Но там не было ни одного бивня.

Оказалось, что у племен, живших у берегов этой реки, не существовало поверий, запрещавших нарушать вечный покой животных, и все бивни давно были проданы европейцам.

Негры не считали этот островок кладбищем слонов. Они рассказывали, что где-то в отдаленных местах есть огромные скопления костей гигантских животных. Может, это и были легендарные кладбища слонов?

Маккензи искал их, но не нашел.

Жак Верхарн приложил немало усилий, чтобы разобраться во всем этом. Ему пришлось быть и шофером, и альпинистом, и гребцом, и просто путником, пробирающимся сквозь колючие заросли, чтобы разгадать в конце концов интересовавшую его тайну.

Усилия оказались ненапрасными. Молодому зоологу удалось сделать то, чего не смогли его предшественники. Выяснилось и много нового для науки.

Скажем сразу: бельгийский ученый убедился, что слоны действительно предпочитают умирать в одиночку в местах, где нет других зверей, где шакалы, гиены или другие мелкие хищники не могут броситься на них, больных и слабых. Слоны часто умирают в воде, вернее, под защитой воды.

Но как же обстоит дело с огромными кладбищами слонов, где же скопления скелетов многих десятков и сотен животных?

Такие кладбища Жак Верхарн нашел и в Западной и в Центральной Африке. Но это в сущности не противоречило фактам, свидетельствовавшим о стремлении слонов умирать в одиночку в самых укромных местах. Используя метод радиоуглеродного анализа, зоолог определил, что все обнаруженные им кости — останки большого стада слонов, умерших в одно и то же время. В стаде не было больных или очень старых животных.

В другом месте Западной Африки Жак Верхарн нашел кладбище, где скопились кости нескольких стад слонов, а также павианов, буйволов, гиен, львов и орлов. В чем же дело? Где же разгадка?

Потребовались новые изыскания, новые усилия, помощь специалистов других профессий. И картина постепенно прояснилась. Кладбище слонов — это результаты катастроф.

Бельгийский ученый теперь может утверждать, что стада животных, убегая из зон землетрясений или лесных пожаров, попадают в долины, где скапливаются ядовитые газы. Чаще всего такие газы имеют вулканическое происхождение и содержат подчас до сорока процентов и более углекислоты.

Стада испуганных животных могут гибнуть не только от отравления, но и от кислородного голодания. Погибают и орлы-стервятники, вороны, коршуны и другие хищные птицы, прилетающие за, казалось бы, легкой добычей.

На одном из таких кладбищ слонов Жак Верхарн обнаружил расщелину, откуда газы сочатся постоянно. В этом месте гаснет пламя свечи.

Очевидно, такие огромные скопления костей животных и породили в свое время легенды о загадочных кладбищах слонов, охраняемых духами, о воле небесного божества, которой послушно следуют старые животные.

На этом Жак Верхарн мог бы поставить точку, то есть написать, скажем, серьезный научный труд, получить признание узкого круга коллег и заняться академическим курсом зоологии позвоночных.

Но ученый поступил несколько иначе. Он широко пропагандирует свое открытие, чтобы оградить африканских животных не только от браконьеров, но и от гибели в опасных для них зонах. Слоны стали редкостью, и люди должны объявить джунгли заповедником, построить ограждения в местах, где могут произойти массовые отравления зверей.

Жак Верхарн, как и многие другие, не хочет, чтобы африканская фауна стала лишь воспоминанием.

Г. Малиничев

В Индии крестьяне с древнейших пор отпугивают змей от своих жилищ, намазывая порог горчицей. Сейчас в Англии выпущен синтетический порошок, который имеет запах горчицы, но более резкий. С его помощью можно создать барьер, через который не проползет ни одна змея.

Таджикские археологи были весьма удивлены, когда при раскопках дворца близ Шахристана расчистили на одной из стен фрески с изображением... Ромула, Рема и капитолийской волчицы. Дворец был построен более тысячи лет назад. Пока не ясно, почему основатели Древнего Рима и их легендарная воспитательница попали в Среднюю Азию.

ИХ БЫЛО ПЯТНАДЦАТЬ...

Об одной нераскрытой тайне

К берегам Америки

Алексей Чириков, помощник Беринга по Второй Камчатской экспедиции, 20 июня 1741 года на пути к берегам северо-западной Америки потерял в тумане из виду флагманский корабль «Святой Петр». С тех пор пакетбот «Святой Павел» совершал рейс в одиночку. Хотя пути двух судов многократно пересекались, встретиться им больше не пришлось: пакетбот Беринга выбросило на пустынный остров, носящий ныне имя командора. Там его тело было предано земле.

Плавание Чирикова оказалось счастливее. Он прежде Беринга увидел американскую землю и вернулся на Камчатку на десять с половиной месяцев раньше, чем оставшиеся в живых члены экипажа «Святого Петра». Но обратный путь был тоже очень тяжел и омрачился к тому же загадочной драмой. Чириков потерял более 20 человек из экипажа. Некоторые погибли от цинги, а 15 человек... Об их судьбе и пойдет речь. Если бы не роковой эпизод у берегов Нового Света, то поход пакетбота «Святой Павел», возможно, был бы успешнее.

Лодки уплывают в неизвестность

На двадцать пятый день после того, как корабли разлучились, экипаж «Святого Павла» увидел американскую землю — это был остров Принца Уэльского (архипелаг Александра). Не найдя удобной гавани, Чириков решил подняться севернее.

В его рапорте от 7 декабря 1741 года говорится:

«Но понеже мы пришли помянутого 18 числа (июня) на 58 градус северной широты и на берегу по горам стало быть видно гораздо больше прежнего снегу, и я, опасаясь, чтоб не учинить надлежащего о земле разведывания, не пройтись теплой климаты, в какой чаятельно всему лучшему находиться, нежели в местах холодных, означенного 18 числа в полудни в 4-ом часу послал на ялботе управляющего должность флочкиного мастера Авраама Дементьева с десятью человеки служителей на берег, усмотря в берегу залив».

Как полагает большинство исследователей, это произошло у залива Таканис на небольшом острове Якоби, примыкающем к острову Чичагова, недалеко от того места, где впоследствии возникла столица Русской Америки — порт Ново-Архангельск, а ныне Ситка. Существует немало других версий. В сборнике, посвященном 200-летию открытия Аляски, изданном в Сан-Франциско Русским историческим обществом в Америке, Макарий Баранов предположил, что Чириков говорил о бухте близ Ситки. Маргарет Белл считает, что это относится к заливу Ифигения.

Бот Дементьева вошел в неведомый залив и бесследно исчез. С борта судна не было замечено условленных сигналов. Правда, моряки видели на берегу огонь костров, дым, какие-то отдельные вспышки, но неизвестно было, кому это приписать: местным жителям — индейцам тлинкитам — или же русским морякам. Штормовые ветры и сильная прибойная волна не позволяли приблизиться к берегу, а значительные глубины и ненадежный грунт мешали стать на якорь. Поэтому в течение пяти дней бесплодного ожидания корабль непрерывно лавировал у рокового залива. Наконец решили снарядить последнюю оставшуюся на борту шлюпку и под командованием боцмана Сидора Савельева отправить на берег трех человек для помощи Дементьеву. Лодка вошла в залив, но в условленный срок тоже не вернулась. И на этот раз матросам «Святого Павла» казалось, что они видят вспышки выстрелов и огни кострищ.

Опять томительное, тревожное ожидание, а на следующий день минутная радость. Из залива вышли две лодки, в которых сидели четыре человека. Но радость оказалась преждевременной. Когда лодки приблизились, все увидели, что это индейские челноки. С одного из них махали руками и кричали: «Агай, агай!» Индейцы вскоре повернули обратно и скрылись в заливе. Это заставило Чирикова думать, что «с посланными от нас людьми на берегу поступлено неприятельски, или их побили или задержали».

Больше лодок на корабле не было, и дальнейшие поиски пропавших оказались невозможными. К концу следующего дня с тяжелым сердцем Чириков приказал взять курс на север. События, разыгравшиеся в заливе, остались тайной для экипажа «Святого Павла». Эта тайна не раскрыта и до наших дней.

Что же случилось?

Вот все, что нам известно, — пятнадцать человек не вернулись. Судьба их — предмет догадок и предположений, выбор которых, однако, ограничен: погибли в водовороте? убиты индейцами? пленены ими? потерпев крушение, поселились на материке в неизвестности? Определенного ответа нет, хотя судьбой исчезнувших моряков интересовалось немало ученых.

После того как русские землепроходцы и мореходы достигли берегов Америки, стали широко распространяться слухи о русских поселениях на Аляске. Сначала считали, что их создали экипажи пропавших без вести кочей экспедиции Федота Алексеева и Семена Дежнева. Позднее в число этих поселенцев без должных оснований включали и пропавших моряков из экипажа Чирикова. Но если они и достигли берега, потеряв свои лодки, и не попали в плен к индейцам, вряд ли они двинулись на север. Их путь должен был лежать на юг, где климат мягче. Но в более южных районах нет достоверных следов пропавших. Правда, есть весьма любопытный документ, к сожалению не подтвержденный последующими исследованиями. В 1807 году Василий Берх, моряк и историк русского флота, в предисловии к книге Мякензия и Херна о путешествии по северу Америки к Ледовитому и Тихому океанам, писал: «В 1788 году прислана от Испанского двора бумага, извещающая наше правительство, что найдены русские бородатые в Калифорнии, просили уведомить, за чьих подданных их признавать. Кто может оспорить, что это не потомки тех людей, которых Чириков высадил; ибо нам известно, что ни одно из русских судов не ходило ниже его к югу». В русских архивах подобной «бумаги» обнаружить не удалось. Может быть, след переписки еще можно найти в испанских государственных архивах? Позднее также появлялись весьма смутные и неопределенные слухи о каких-то русских поселениях в Северной Калифорнии, так и не подтвердившиеся. Немало русских судов пропадало без вести при плаваниях на Алеуты и к Аляске, так что их вполне могло отнести к берегам Североамериканского континента и в южные широты. Однако надо учитывать, что Северную Калифорнию от острова Якоби, где предположительно происходила высадка партий моряков, отделяет полтора десятка градусов. Это и ставит под сомнение предположение Берха.

В то же время севернее, в районе возможной высадки, у индейцев племени ситка, как пишет американский исследователь Эндрюс, бытует предание о белых людях, выброшенных на берег много лет назад: «Говорят, что индейский вождь Аннахуц играл ведущую роль в этой трагедии. Аннахуц оделся в медвежью шкуру и вышел на берег. Он с такой точностью изображал переваливающуюся походку зверя, что русские, увлекшись преследованием его, углубились в лес, где индейские воины перебили их всех до единого».

Приводя этот факт в примечании к книге Свена Вакселя «Вторая Камчатская экспедиция Витуса Беринга», советский историк А. А. Андреев писал, что «достоверность этого предания и касательство его именно к экспедиции Чирикова, конечно, остаются под большим сомнением». Как считает американский автор Гольдер, группа, вооруженная не известным индейцам огнестрельным оружием, была способна организовать эффективную оборону, а выстрелы могли быть услышаны на корабле. Поэтому он склонен думать, что лодки погибли в водовороте, образуемом приливно-отливными течениями, и пошли ко дну вместе с экипажами. Аналогичный случай, указывает он, произошел в 1786 году с лодками, посланными Лаперузом для промеров, точно под тем же 58 градусом, упомянутым Чириковым. Экипажи двух лодок из трех, прибрежные указанием держаться подальше от сулоя, были затянуты водоворотом, опасным и в наши дни для более совершенных судов. К этому мнению присоединился и академик Л. С. Берг. Против предположения о том, что матросы были убиты индейцами, он выдвинул любопытный, но очень спорный аргумент: слово «агай» по-глинkitски означает «иди сюда», и, раз индейцы гостеприимно приглашали русских на корабле следовать за ними, значит, у них были мирные намерения. Но ведь это можно и истолковать просто как военную хитрость!

Некоторые исследователи не склонны признать возможность гибели моряков в водовороте, как нам кажется, по эмоциональным мотивам. Так, в книге В. А. Дивина о Чирикове мы читаем: «Маловероятно, что оба судна, на которых находились русские моряки, столько раз доказывающие свое мужество и умение бороться с трудностями, погибли таким образом, в то время как лодки туземцев свободно вышли из залива и вернулись обратно». Аргумент явно слаб. Отдавая должное искусству русских моряков, нельзя забывать о том, что индейцы плавали в хорошо знакомом им заливе. Они знали не только направление, силу и характер течений, но и время, наиболее благоприятное для входа в залив и для выхода из него. Может быть, индейцы избрали своим местожительством берега этого залива именно потому, что нашли здесь естественную защиту от челночной «эскадры» неприятеля — сильные водовороты.

В споре о судьбе исчезнувших моряков все наши предположения будут оставаться более или менее вероятными догадками, пока не будет найдено каких-либо вещественных свидетельств или убедительных фактов в преданиях индейцев. Но «этнографы таких легенд среди местных племен не обнаружили», констатировал Д. М. Лебедев. И время для их успешного поиска давно истекло. Но нельзя ли предположить, что ряд явных свидетельств ускользнул от внимания исследователей? Может быть, они недальновидно ограничились поисками только в узкой прибрежной полосе, упустив из виду, что на протяжении двух веков, минувших после загадочной трагедии, границы расселения индейских

племен северо-западной Америки не оставались неизменными? Может быть, такие предания все же существовали и дошли до наших дней?

Загадочный мушкетон

Автор этих строк совершенно случайно натолкнулся на интересный факт, ускользнувший от всех, даже весьма авторитетных исследователей или во всяком случае недооцененный ими. Вполне вероятно, что след исчезнувших моряков найден автором... в книге. Данное свидетельство не раскрывает загадки трагедии, но, если бы своевременно было замечено и правильно оценено, могло бы помочь в этом.

Некоторое время тому назад, занимаясь проблемой древних русских поселений на Аляске, так и оставшейся спорной и недоказанной, я просматривал всю доступную мне зарубежную литературу о северных районах Америки с очень слабой надеждой найти указание о пребывании русских на материке до общепризнанных дат. Среди прочих попалась книга, изданная в 1897 году в Филадельфии, под названием: «Страна Клондайк и Юкона». Автор, Кулидж, обстоятельно и интересно описывал историю аляскинской золотой лихорадки.

Упоминания о русских относились только к периоду деятельности Российско-Американской компании, и у меня появилось желание отложить в сторону эту книгу как бесполезную для моей цели. Но вдруг на странице 237 мой взгляд задержался на сообщении о необычной находке. Найденный предмет был назван по-английски blunderbuss, что означает «мушкетон, короткоствольное ружье с раструбом».

Привлекший мое внимание абзац в книге Кулиджа читался так: «Мистер Пратт из береговой службы говорил мне, что в 1894 году нашел в зимнем жилище индейцев племени чилкат в Клукване бронзовый мушкетон с расширенным выходным отверстием, совершенно не похожий на какой-либо предмет, найденный здесь ранее. По некоторым признакам мушкетон был завезен из Китая или Японии. Он сохранялся как реликвия. Его древко было из очень твердой темной древесины, скорее всего из красного дерева (махагониевого.— С. В.). У индейцев есть предание, что он был доставлен первым белым человеком, пришедшим на Аляску».

Оказалось, что Клукван лежит неподалеку от вершины узкого залива Линн-Канал. От бухты Таканис на острове Якоби, предполагаемого места высадки моряков со «Святого Павла», до Клуквана по прямой линии около 160 километров. Даже если у них и не было прямого контакта с индейцами племени чилкат, возможность передачи предмета от племени к племени вместе с преданием на такой дистанции не вызывает особых сомнений, тем более что индейские племена были весьма мобильны.

Вопрос приобретал несомненный интерес. Однако, как это часто бывает, и тут не обошлось без «но», и даже нескольких: бронза, а не медь... красное дерево... Китай и Япония...

Может быть, именно последнее заключение, сделанное только на основании характера древесины ложа мушкетона, обманывало и обезоруживало исследователей, искавших следы русских моряков на Аляске, и они проглядели бросающееся в глаза даже с первого взгляда противоречие с выводом автора книги. Ведь в индейском предании говорилось о первом БЕЛОМ человеке на Аляске. Трудно допустить, что индейцы племени чилкат (или их информаторы), ко времени поездки Пратта уже более сотни лет знакомые с белыми людьми, могли принять за белых китайцев или японцев, то есть представителей монголоидной расы, от которой принято вести происхождение американских индейцев. В лучшем случае они могли говорить о них как о чужестранцах, но не белых! Пратт, а вслед за ним и Кулидж уводили исследователей от цели! Мушкетон был явно загадочным!

К сожалению, мы располагаем только кратким описанием загадочного мушкетона, что затрудняет сопоставление его с русскими образцами данного оружия. Однако медные мушкетоны подобного типа были на вооружении русских войск издавна. Из них стреляли дробью, и для лучшего ее разлета дуло имело овальный раструб. Есть документы, свидетельствующие о том, что в XVIII веке мушкетоны были в России оружием массового применения. В музеях нашей страны есть много образцов этого старинного оружия, окончательно снятого с вооружения только в 1818 году.

Мистер Пратт, конечно, мог легко ошибиться, назвав медный предмет бронзовым. Но даже если здесь нет ошибки, вполне вероятно, что и бронзу использовали для изготовления огнестрельного оружия в России. Ведь оно производилось не только крупными казенными предприятиями, но и в значительной степени кустарями-оружейниками, так что выбор металла для ствола, как и древесины для ложа, не был строго регламентирован. Могла быть использована древесина, обработанная под красное дерево. Подобная имитация не редкость!

Снаряжение экспедиции Беринга — Чирикова, готовившейся за многие тысячи километров от столицы — Петербурга, было делом нелегким. Видимо, многое из необходимого для ее экипировки изыскивалось на месте, а в Охотске за предшествовавшие 100 лет, вероятно, скопилась настоящая коллекция русского ручного огнестрельного оружия. Так загадочный мушкетон мог попасть к одному из членов экипажа пакетбота «Святой Павел». Затем мушкетон перешел в руки американских индейцев, судя по преданию, скорее от живого, чем от мертвого участника партии, посланной Чириковых.

У нас нет достаточных оснований, чтобы упорно настаивать на нашем предположении, но как рабочая гипотеза оно кажется вполне правдоподобным. Может быть, сейчас уже поздно искать

среди жалких остатков племени чилкат лиц, помнящих легенду о первом белом человеке, ступившем на берег Аляски, или сам интригующий мушкетон. Но если бы американские ученые заинтересовались этим вопросом и предприняли попытки решить его, это было бы многообещающим почином научного сотрудничества в культурно-исторических исследованиях, интересующих ученых по обе стороны Тихого океана. Вопросом стоит заняться, если даже этот мушкетон не является реликвией, оставшейся от русских моряков первой половины XVIII века, что весьма правдоподобно, а свидетельством пребывания на Аляске иных людей из Старого Света, попавших сюда преднамеренно или по воле шторма. А штормы многократно приносили жителей Восточной Азии к еще не открытой для науки части северо-западной Америки даже задолго до того, как каравеллы Колумба отправились в свой легендарный рейс. Если бы мушкетон был найден, то экспертиза специалистов-оружейников и содействие знатоков фольклора американских индейцев могли бы помочь наконец разгадать судьбу наших соотечественников, прокладывавших путь через Тихий океан от берегов Камчатки к Новому Свету.

С. Варшавский

На международном симпозиуме по релятивистской астрофизике ученые из Чикаго выдвинули новую теорию, из которой следует, что в межзвездном пространстве Млечного Пути фактически содержится в семь раз больше вещества, чем астрономы предполагали раньше. Это открытие было сделано „на кончике пера“. Пользуясь новейшими уравнениями магнитогидродинамики, ученые пришли к выводу, что в пределах нашей Галактики должно содержаться семь атомов на кубический сантиметр, а не один. „Иначе теоретические выкладки теряют свою математическую стройность“, — докладывают астрономы.

Белорусские археологи столкнулись недавно с неожиданными находками. С разных мест республики к ним стали поступать римские монеты, бусы, бронзовые сосуды. Вывод был таков: племена, жившие тут почти две тысячи лет назад, весьма оживленно торговали с Древним Римом.

В районе Сахалина море богато особым видом водорослей, которые могут стать превосходным сырьем для нашей текстильной промышленности. Волокно морского происхождения весьма прочно и легче хлопкового. Но основное преимущество нового сырья — большая длина волокон. Значит, его удобнее превращать в прочные нити, а потом в рубашки, паруса, канаты, носки и гардины.

БОГАТСТВА ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ

В периодической печати нередко появляются заметки о лосях, которые забредают на окраину города. Такие заметки обычно заканчиваются разъяснениями: животные эти находятся под охраной закона, с каждым годом их все больше, поэтому-то и нетрудно встретить сохатого.

Нетрудно? Один мой знакомый недавно приобрел лицензию на отстрел лосей. Лицензия действительна в течение двух недель. Все это время охотник неутомимо бродил по лесу. Частенько наткался на лосиные

следы, порой даже свежие, но увидеть сохатого ему не довелось. Так и осталась неосуществленной мечта охотника повесить у себя дома памятный трофей — рога лесного великана.

Так как же: много у нас в лесах лосей или мало?

С подобными вопросами нужно обращаться в Окский государственный заповедник. Ведь именно здесь и занимаются учетом численности диких животных и птиц нашей страны. В заповеднике можно получить сведения о том, сколько у нас лосей и белок, зайцев и уссурийских тигров. Цифры эти основаны на данных переписей, которые стали проводить в последние годы.

Как можно установить численность диких животных?

Лет двести назад французский ученый Бюффон сделал любопытное открытие. Он доказал, что число «пи» — отношение длины окружности к диаметру — можно получить оригинальным способом: бросая иглу на разграфленный лист бумаги.

Вот как выглядел проведенный ученым эксперимент. Он начертил на листе бумаги несколько параллельных линий на одинаковом расстоянии друг от друга. Затем взял металлическую иглу,

которая была точно вдвое короче расстояния между линиями, и стал бросать ее на бумажный лист, каждый раз отмечая, пересекла упавшая игла линию или нет. По числу бросков и пересечений Бюффон, пользуясь выведенной им формулой, с большой точностью вычислил значение числа «пи». Ученый выяснил также, что число пересечений зависит только от длины бросаемого предмета, но не от его формы.

В наши дни результатом этого эксперимента заинтересовались зоологи. Они пришли к выводу, что с помощью формулы Бюффона можно вычислять количество животных, обитающих в лесу. Дело тут вот в чем.

В зимний день в лесу множество звериных следов на снегу. Можно ни одного животного не встретить, но следы выдают их присутствие. Однако разобраться в путанице следов, чтобы установить, какие животные топтали снег и сколько их было, — с такой задачей может справиться только опытный следопыт. Да и ему придется потратить массу времени и сил. Но вот что интересно: оказывается, для определения численности животных в зимнем лесу совсем не обязательно распутывать путаницу следов.

Вообразите, что перед вами аэрофотоснимок лесного массива, в котором прорублены ряды параллельных просек. Снимок сделан зимой, объектив запечатлел множество звериных следов. Нужно совсем немного воображения, чтобы сопоставить такой снимок с разграфленным Бюффоном листом бумаги, на котором находится множество причудливо изогнутых игл. А теперь вспомним, что в экспериментах Бюффона форма игл никакого значения не имела. Важно было лишь число бросков (в нашем случае следов, оставленных на снегу различными животными) и пересечений линий (в нашем случае просек). Поскольку, как доказал Бюффон, эти числа связаны строгой зависимостью, нам достаточно знать одно из них, чтобы вычислить и второе. Вычислять нам нужно число животных, а для этого требуется знать число следов, которые пересекают просеку. Задача сводится, таким образом, к довольно несложной процедуре.

Первый всероссийский учет численности диких животных был проведен зимой 1964 года. В охотничьи общества более 70 областей, автономных республик и краев Российской Федерации ученые Окского государственного заповедника разослали специальные учетные бланки и инструкции по их заполнению.

В первый день учетчик должен был пройти по учетному маршруту (просеке, лесной дороге или тропе), затирая все следы, которые ему встречались. На следующий день он, повторяя свой маршрут, видел, естественно, только свежие следы. Число их учетчик и заносил в маршрутный листок, заполняя соответствующие графы: белка, волк, горноста́й, енот, заяц, кабан и так далее по алфавиту вплоть до хоря.

Тысячи охотников и егерей приняли участие в этой переписи обитателей лесов. Всего в тот год было пройдено 7765 маршрутов.

Общая длина их составила более двух с половиной окружностей земного экватора — 106 391 километр.

Заполненные бланки маршрутных листов были отосланы в Окский заповедник. Теперь требовалось обработать этот богатейший материал. Здесь понадобилась и помощь охотоведов.

В формулу, по которой число следов на каждые 10 километров учетного маршрута пересчитывалось в количество животных на учетной площади, входила средняя величина суточного хода животного, то есть общая длина оставленных им следов. А эта величина для одного и того же вида животных неодинакова в различных районах страны. Например, на Кольском полуострове кормовая база для куниц не очень богата, и поэтому там зверек за сутки в среднем пробегает, охотясь, 11,5 километра. На Урале и в Архангельской области куницам достаточно пройти около 6 километров, а в средней полосе — всего 3 километра. Такие цифры были получены с помощью опытных следопытов, изучавших образ жизни животных в каждом отдельном районе.

В конце концов оставалось самое простое — суммировать данные, полученные на всех учетных маршрутах.

Вот некоторые любопытные цифры.

Как этого и следовало ожидать, больше всего у нас в стране зайцев — примерно 20 миллионов. Лосей в РСФСР около 600 тысяч, а во всей стране около 700 тысяч. Интересное положение с волками. В ряде областей (Московская, Калининская, Курская, Тамбовская, Тульская, Ярославская) они истреблены почти полностью. Совсем нет их в Мурманской области, на Сахалине и на Камчатке. Но тем не менее с учетом Сибири и Дальнего Востока численность волков составляет 8—9 тысяч.

Много у нас белок, большая часть которых обитает в лесах Сибири и Урала. На конец охотничьего сезона их насчитывалось 5,5 миллиона, горностаев — около миллиона, рысей — примерно 25 тысяч, из них ежегодно отстреливается пятая часть; диких северных оленей — 45—60 тысяч, они встречаются главным образом в малонаселенных районах, и точный учет их провести нелегко; лисиц — более 300 тысяч, кабарги — 120 тысяч, соболя — 250 тысяч, кабанов — 60 тысяч.

Какова достоверность этих цифр? Можно ли полагаться на них?

Эти вопросы весьма интересовали и авторов методики зимнего учета животных. Был предложен надежный способ ее проверки: сравнение с результатами учета лосей методом авианаблюдений. Расхождения оказались небольшими, в пределах нескольких процентов. Значит, зимняя перепись дает цифры, достаточно близкие к действительности.

Однако по следам на снегу можно установить численность далеко не всех обитателей леса. Вот, например, медведи. Зимой они спят в своих берлогах и за редчайшими исключениями на свет белый не показываются. Летом же можно рассчитывать лишь на случайные встречи с косолапыми. Как тут быть?

Выход нашли охотоведы. Они предложили способ подсчета численности бурых медведей по количеству медвежьих шкур, которые ежегодно снимают охотники. Специалисты полагают, что всего за год отстреливается около 10 тысяч медведей. Охотоведы дают справку: ежегодно отстреливается примерно десятая часть медвежьего поголовья. Следовательно, общее число бурых медведей составляет около 100 тысяч.

Сложнее обстоит дело с учетом белых медведей. Они находятся под охраной закона, стрелять в них позволено только в случае крайней необходимости. Обитают белые медведи в таких суровых и безлюдных местах, что нет никакой возможности учесть следы. Весьма трудно пересчитать их и с самолета. Предполагается, что их в нашей стране 10—20 тысяч.

Своеобразным путем устанавливают численность боровой дичи — глухарей, тетеревов, рябчиков, куропаток. Здесь приходится прибегать к выборочному кольцеванию птиц. Представьте, что на определенном участке леса отловили 100 тетеревов и, окольцевав, выпустили на свободу. Спустя некоторое время снова проводится отлов тетеревов в этом же районе. Если, например, на сотню птиц попало пять меченых, то есть 5 процентов, нетрудно подсчитать, что всего в данном лесном районе обитает около 5 тысяч тетеревов.

Для определения численности водоплавающих птиц прибегают к опросу охотников. Выясняется, скажем, что в таком-то году всего отстрелено 30 миллионов уток и гусей. Опять дают справку охотоведы: отстреливается около шестидесяти процентов общего поголовья водоплавающей дичи. Значит, ее в нашей стране миллионов пятьдесят.

Конечно же, все эти подсчеты делаются отнюдь не из одной лишь любви к статистике. Охотничьи хозяйства нашей страны — это такое же национальное богатство, как залежи руд и угля, месторождения нефти и газа. Хозяйствовать на этих угодьях нужно бережно и умело.

Возьмем, к примеру, лося. Под Москвой эти животные были истреблены еще в XVIII веке. Близки к исчезновению они были и в других губерниях царской России. Но вот грянула Октябрьская революция. В 1918 и 1920 годах Ленин подписал декреты о том, что лоси находятся под охраной закона. Сейчас мы пожинаем плоды этого мудрого решения. В 1928 году в Московской области насчитывалось 200 лосей, в 1946 году поголовье их составляло уже 2 тысячи, а сегодня в Подмоскovie пасется в 5 раз больше!

Лось дает мясо, которое не уступает говядине. Никаких особых забот он не требует. Лось нагуливает свой вес в лесной глуши и на болотах. Охотоведы считают, что без всякого ущерба для нынешнего лосиного поголовья (напомню, что их у нас в стране свыше 700 тысяч) можно отстреливать ежегодно 70 тысяч сохатых. Это равноценно продукции нескольких десятков крупных скотоводческих хозяйств.

Примерно такое же положение с бобрами. Меха этих животных недаром называют царским. Наши предки высоко его ценили. Поэтому-то судьба бобров была плачевной: животным грозило полное истребление. Советская власть взяла их под охрану закона. Охотоведы и биологи окружили заботой уцелевшие бобровые поселения. Принимались все меры, чтобы увеличить численность бобров. В 1937 году с берегов реки Усманки близ Воронежа были отправлены в Окский заповедник два десятка бобров. Они хорошо прижились на новом месте, стали быстро размножаться и ныне расселились уже по всей Мещерской низменности. Их там сейчас более 2 тысяч. А еще 400 зверьков Окский заповедник отдал для расселения в другие районы СССР. Численность бобров уже такова, что в последние годы даже разрешен отстрел их по лицензиям.

Анализ результатов переписей диких животных дает возможность выработать ряд ценных рекомендаций для повышения доходности охотничьих угодий.

Скажем, сейчас отстреливается в год всего 120—150 тысяч горностаев. Между тем можно добывать этих зверьков в несколько раз больше. Видимо, все дело тут в заготовительных ценах на шкурки. Если несколько поднять эти цены, охотники станут сдавать гораздо больше шкурок, а это значит, на международном рынке мы получим за них больше валюты.

Неважно обстоит у нас дело и с промыслом серой куропатки. В год этих птиц добывается примерно 300 тысяч. А в Чехословакии куропаток отстреливается 2,5 миллиона, во Франции — даже 4 миллиона. Значит, можно и нужно добываться того, чтобы в наших лесах куропаток стало значительно больше.

Вот еще один любопытный факт, который беспокоит охотоведов. На острове Врангеля расположены крупные гнездовья белых гусей. Охота в гнездовьях запрещена. Выведя птенцов, гуси летят с выводком через Берингов пролив и дальше вдоль побережья США. Американские охотники добывают много белых гусей. Специалисты считают, что тут необходимо соответствующее международное соглашение, аналогичное тому, что заключено в отношении котиков.

На земном шаре зубров буквально считанное количество. До недавнего времени их можно было увидеть только в зоопарках или заповедниках. Больше всего зубров у нас в стране — свыше двухсот. Второе место принадлежит Польше. Польских зубров в последние годы стали понемногу расселять из заповедников по всей стране. Подобные меры намечены и у нас. В ближайшие годы зубры появятся на территории ряда охотничьих хозяйств. В частности, намечено выпустить их вблизи Майкопа. Заботами людей этим животным уже не грозит опасность исчезнуть с лица земли. Какое-то число зубров будет содержаться в заповедниках, а прирост уже можно предоставить и «попечению» охотников.

В нашей стране охотничьи угодья занимают солидную площадь. По подсчетам специалистов, свыше сорока процентов территории СССР (это почти 8,5 миллиона квадратных километров!) в ближайшие десятилетия не будут давать иной продукции, кроме пушнины, мяса зверей и птиц или рыбы. Плюс к этому охотничьи угодья в обжитых районах страны. Стоит ли говорить, сколь выгодно относиться к этим богатствам с рачительностью настоящего хозяина.

Среди диких зверей и птиц почти нет вредных для человека. Даже большинство хищников, если к ним присмотреться, приносит своеобразную пользу. Крокодилы? Они поедают прежде всего большую рыбу, очищают водоемы от падали. Леопарды? Они уничтожают обезьян бабуинов, разоряющих поля в Африке. Ястребы и коршуны нападают в первую очередь на слабых и больных птиц, препятствуя возникновению эпидемий в среде пернатых. Такую же роль волки играют по отношению к лосям, лисы по отношению к зайцам и так далее.

Природа всегда старается установить определенное соотношение между численностью тех или иных видов. Одним из определяющих факторов тут являются условия года: много или мало выпало снега, вовремя ли пришла весна, достаточно ли дождей пролилось летом. Это определяет кормовую базу животных. Здесь вступает в действие сложная цепочка причин и следствий. Скажем, неурожай орехов в тайге вызывает сокращение численности белок. Но поскольку белки служат пищей для куниц, последним тоже приходится несладко. Они вынуждены больше «нажимать» на птиц — тетеревов и рябчиков.

В подобной ситуации возникает целый ряд проблем для охотоведов. Как планировать охоту? На какое количество пушнины можно рассчитывать? Сколько понадобится охотничьих припасов для промысловиков? Пока на подобные вопросы приходится давать весьма и весьма приближенные ответы. Однако в дальнейшем научный подход к организации охотничьего хозяйства позволит делать строго обоснованные прогнозы численности тех или иных животных. Эти прогнозы будут составляться примерно по такой схеме. В прошлом году в данном районе было столько-то куниц, весна обещает быть холодной, значит, половина самок будет иметь в среднем лишь по два детеныша вместо обычных трех — шести. Теперь можно подсчитать численность куниц к началу охотничьего сезона и исходя из нее установить разумную норму отстрела. Видимо, в таких расчетах понадобится помощь вычислительной техники.

Плановая система хозяйства — одно из самых больших преимуществ социалистической экономики. Планируется многое: подготовка кадров и выплавка стали, добыча нефти и производство зерна. Сейчас ученые видят возможность планировать и продукцию охотничьих угодий. Осуществить эту задачу помогут переписи, которые проводятся охотоведами.

В. Ковалевский

ПО СЛЕДАМ ДРЕВНЕГО ЭПОСА И ЛЕГЕНД

Право, только самые предвзятые мнения заставляют нас считать ложным то, что ново слуху, или зрению непривычно, или кажется превышающим понимание; если же посмотреть внимательно, то увидишь, что это все не только очевидно соображению, но и для исполнения поистине легко.

Апулей

Автохтонность развития земной цивилизации настолько очевидна, что в доказательствах не нуждается. Это мнение широко распространено и по сей день. Однако вспомним древнее индийское изречение: «Очевидность мешает видеть внутренние течения».

Еще в 1930 году профессор Н. А. Рынин предположил, что в фольклоре различных народов мира имеются свидетельства контактов землян с инопланетными разумными существами: «Если мы обратимся

к сказаниям и легендам седой старины, то заметим странное совпадение в легендах стран, разделенных между собой океанами и пустынями. Это совпадение заключается в том, что во многих легендах говорится о посещении Земли в незапамятные времена жителями иных миров. Почему не предположить, что в основе этих легенд все же лежит какое-то зерно истины?»

Впрочем, в трудах самого Рынина эта идея развития не получила, да и вообще до конца пятидесятих годов проблемой контактов между различными цивилизациями занимались в основном лишь писатели-фантасты. Эта проблема приобрела права гражданства лишь после того, как проникновение земной науки в космос стало свершившимся фактом.

В настоящее время мыслимы следующие типы контактов:

1. Межзвездная связь (радио-, оптическая или какая-либо другая).
2. Посещение земными космонавтами обитаемых планет.
3. Посещение Земли инопланетными разумными существами.

Понятно, что при разработке проблемы наиболее интересны возможные контакты землян с цивилизациями, ушедшими дальше нас по пути развития. При этом второй тип контакта исключается. (Легко понять, что более развитая цивилизация раньше обнаружит нас, чем мы ее.) Следовательно, возможны либо первый, либо третий типы. За последние годы появилось немало работ, посвященных различным аспектам проблемы контактов цивилизаций, и в подавляющем их большинстве рассматривается лишь первый тип контакта.

Несколько лет назад была опубликована гипотеза кандидата физико-математических наук М. М. Агреста, в которой некоторые предания и памятники материальной культуры народов Ближнего Востока связывались с контактом третьего типа. А немного позже на кафедре классической филологии Ленинградского университета состоялся доклад кандидата филологических наук доцента В. К. Зайцева «Космические реминисценции в памятниках древней письменности». В нем с позиций гипотезы контактов рассматривалась легенда о Христе.

При всей несхожести гипотез Агреста и Зайцева (пожалуй, единственно общей «точной соприкосновения» является легенда о вознесении Еноха на небо, которую оба автора рассматривали как свидетельство контакта землян с инопланетными разумными существами) они едины в одном: предполагается, что палеокосмонавты пробыли на Земле не очень долго (несколько лет). Впрочем, факты, использованные Агрестом и Зайцевым, и не позволяют сделать иного вывода. Но значит ли это, что отсутствуют факты, которые могут служить свидетельством длительного пребывания на Земле инопланетных космонавтов? Интересной в этом смысле оказалась древнеиндийская литература.

Вот, например, описание совершенно исключительного полета:

«Глава сказал:

Твое тело, пожиратель ходящих на чреве, в движение
Кажется облаченным в сиянье, как тысячелучистый Вивасван при восходе.
О летучий, я вижу, что на пути как бы стремишься навстречу
Стоящие впереди деревья, они ломаются от [взмаха] крыльев;
Земля вместе с морями, лесами, борами, горами
Как бы взметается вихрем твоих крыльев!
Вместе с рыбами и змеями в кругу как бы вздымаются воды
От урагана, буйного ветра твоих крыльев!
Я вижу многообразных рыб, чудовищ «тимитимангала»,
Нагов и лица людей, одержимых безумьем;
Мой слух оглушен ревом великого вихря,
Не чувствую своего тела, не вижу, не слышу!
Двигайся тише, владыка, вспомни, [как страшно] убить брамина.
Не видно ни солнца, отец, ни сторон, ни пространства!
Я вижу лишь тьму, твоего тела не различаю,
[Лишь] как две благородных жемчужины твои глаза я вижу, яйцерожденный!
Даже тела ни твоего, ни своего я не вижу,
[Но] с каждым взмахом я вижу исходящее из тела пламя!» *

* «Махабхарата», т. 3, «Горец», кн. V, кн. «Путешествие Бхагавана», гл. III, шлоки 6—14. Пер. Б. Л. Смирнова.

Так описывать полет мог лишь человек, лично испытывавший его. Обратим внимание на фразу: «...с каждым взмахом я вижу исходящее из тела пламя!» Поскольку описывается полет брамина на гигантской птице — царе пернатых — Гаруде, такое упоминание по меньшей мере странно и наводит на мысль о пламени, возникающем при работе реактивного двигателя...

В другом месте «Махабхараты» повествуется о том, как царь Васу получил от властелина богов Индры «хрустальную колесницу»:

«Индра сказал:

...Нет для тебя ничего неведомого, что может быть в трех мирах. Ты получишь от меня дивную великую хрустальную колесницу, способную двигаться по воздуху, — такую, какой пользуются боги в воздушном пространстве. Ты один среди всех смертных, пребывая на лучшей из колесниц, будешь странствовать над землей, точно сам бог во плоти» *.

Очень интересно описание этой колесницы:

«Она обладала блеском раскаленного золота... издавала стук, подобный грохоту облаков... И на чудесной колеснице было древно знамени, которое казалось неприкрепленным к ней и было сделано богами... Божественное, несравненное древко знамени не задевало за деревья и не повреждалось оружием, о царь, хотя и было видно для богов и людей» **.

Некоторые санскритские тексты даже описывают устройство воздушных колесниц, или виман.

Конечно, было бы наивным надеяться понять на основе этих описаний устройство «воздушных колесниц» и установить, таким образом, степень технического совершенства их конструкций. И все же описания виман весьма и весьма любопытны.

Дикшитар в книге «Война в древней Индии» *** сообщает, что в некоторых санскритских текстах воздушным колесницам приписывается способность совершать полеты в «солнечной области» и дальше — в «звездной области». Такое утверждение на первый взгляд кажется совершенно фантастическим. Ну, а что сказать о таком отрывке из «Махабхараты»?

«Бесконечно это пространство, населенное совершенными и богами, Полно разными отрядными обитателями, их конца не достигнуть. Выше и ниже их пути не видно ни луны, ни солнца: Там светозарные боги, огнецветные, солнцами блистают, Но и те рубежа неба, распростертого мощно, не видят; Трудно его достичь, оно бесконечно, безгранно... Светозарными, блистающими все дальше и дальше Преодолевается это пространство, неизмеримое даже для суров» ****.

* «Махабхарата», кн. I, «Адипарва», гл. 57. Пер. В. И. Кальянова.

** Там же, кн. 2, «Сабхапарва», гл. 22.

*** *Dikshitar V. R. War in Ancient India. Madras, 1944.*

**** «Махабхарата», т. 5, «Мокшадхарма», «Беседа Бхригу и Бхарадваджи», гл. 182, шлоки 24—27. Пер. Б. Л. Смирнова.

Можно, конечно, просто отмахнуться от него или объявить высказанные в этом отрывке мысли «гениальной догадкой древнего мыслителя». Но не слишком ли она гениальна?

В «Рамаяне» рассказывается о Пушпака-вимане — летающей колеснице, принадлежавшей богу сокровищ Кубере (Вайшраване), но отнятой у него демоном Раваной.

Рама, победив Равану, воспользовался «ходящей по воздуху, сияющей колесницей Пушпака, чтобы вернуться в свою столицу Айодхью (в «Малой Рамаяне» — только чтобы перелететь из Ланки на материк). По пути Рама с высоты показывал Сите (жене Рамы, похищенной Раваной) места сражений, города...

Только ли порождение творческой фантазии подобные «движущиеся по желанию» летающие колесницы? А если они существовали, то вряд ли можно считать, что такие летательные аппараты были созданы на Земле. Остается предположить контакты землян с инопланетными космонавтами.

Сколь долго продолжались эти контакты? Но сначала о самой правомочности такой постановки вопроса.

В 1928 году в брошюре «Воля Вселенной. Неизвестные разумные силы» К. Э. Циолковский писал: «Мы с трудом представляем себе что-нибудь выше земных существ по своим качествам и техническим средствам. Вот почему при таком узком кругозоре мы не допускаем и не представляем возможности вмешательства иных существ в земные дела. Ошибка небольшая. Она не в недостатках науки, а только в ограниченности выводов из нее. Масса явлений с этой узкой точки зрения остается необъяснимой». И дальше: «Отмечено в истории и литературе множество необъяснимых явлений. Большинство их, без сомнения, можно отнести к галлюцинациям и другого рода заблуждениям, но все ли? Теперь, ввиду доказанной возможности межпланетных сообщений, следует относиться к таким «непонятным» явлениям внимательнее...

Может быть, вмешательство иных существ в жизнь Земли еще не подготовлено развитием большинства людей. А может быть, оно бы повредило человечеству в настоящее время...

Можно, конечно, спорить по поводу толкования тех явлений, о которых говорит К. Э. Циолковский. Совершенно очевидно одно: игнорируя их, мы окажем плохую услугу делу познания и материалистического объяснения феноменов окружающего нас мира.

Перейдем теперь к конкретным фактам, позволяющим, на наш взгляд, предположить существование на Земле опорного пункта инопланетных разумных существ.

Из всех приведенных выше древнеиндийских описаний летательных аппаратов особое внимание привлекает описание Пушпака-виманы. Владельцем этой летающей колесницы был бог сокровищ Кубера, обитавший на горе Кайласа, которая расположена в 40 километрах к северу от озера Манассаровар (в северо-западной части Тибета). Как указывает «Махабхарата», именно

в этом районе находился некий неприступный для людей город. Его попытался было захватить Арджуна, но вот что из этого вышло:

«Прибыв в северную Хариваршу, Пандава, тот сын Пакашасаны, захотел покорить ту страну. Тогда стражники ворот с огромными телами, наделенные великой доблестью и силой, подойдя к нему, весело сказали такие слова:

«О Партха, тебе этот город никак не победить. Возвращайся отсюда, о счастливый, того, [что ты достиг], вполне достаточно, о Ачьюта! Тот человек, который вступит в этот город, безусловно не будет существовать. Мы довольны тобой, о герой! Твои победы вполне достаточны. И ничего здесь ни видно [такого], о Арджуна, что могло бы быть побеждено тобой. Здесь обитают северные куру, но здесь не может быть сражения. И даже, если ты войдешь сюда, о Каунтея, ты ничего не увидишь, ибо здесь ничего нельзя увидеть человеческим оком. Если же ты, о тигр среди мужей, желаешь приобрести здесь что-нибудь другое, то скажи — мы исполним это по твоей просьбе, о потомок Бхараты!»

Тогда, о царь, сказал им Арджуна, сын Пакашасаны:

«Я хочу достичь положения великодержавного государя для мудрого царя справедливости (Юдхистхиры). Я не вступлю в вашу страну, если это воспрещено людям. Пусть будет дано Юдхистхире что-нибудь в виде дани». И тогда они дали ему в виде дани небесные одежды и дивные украшения, диковинные шкуры зверей и животных» *.

В комментариях к «Сабхапарве» указывается, что Хариварша — «страна, отождествляемая с северной частью Гарвала и Хунадеши, где... будто бы находится сад Куберы».

Сведения о северной «Вознесенной» стране имеются также в другом месте «Махабхараты»:

«Над злом возвышается та страна, где вкушается блаженство; Вознесена она силой, а потому Вознесенной зовется, дваждырожденный! Это — вознесенного Золотого Ковша дорога; Считается, что она посредине между востоком и западом, Галава. В этом обширном северном крае, о бык среди дваждырожденных, Не живет человек жестокий, бесчувственный и беззаконный.

Здесь всегда созерцающих сиддхов, пребывающих недвижимо, Прекрасные колесницы, направляемые по желанию, Галава; Здесь те семь риши и богиня Арундхати; Здесь находится созвездие Свати, здесь помнят о его величии; Здесь, нисходя к жертве, Полярную Звезду укрепил Предок; Здесь созвездия, Луна и Солнце постоянно обходят круги; Здесь, лучший из дваждырожденных, врата Певчей страны охраняют, Совершая обход, правдивые, великодушные муні; Происхождение, потомство и подвиги неизвестны.

* «Махабхарата», кн. 2, «Сабхапарва», гл. 25, шлоки 9—16. Пер. В. И. Кальянова.

[Туда] манят тысячи вождевенных наслаждений, Галава,
Но как только человек проникает подальше,
Всякий раз, лучший из дваждырожденных, он погибает, Галава!» *

Представления о существовании в Гималаях некоей недоступной для людей области сохранились в Азии и по сей день. Пожалуй, наиболее полное описание этих представлений имеется в книге выдающегося русского художника Н. К. Рериха, который в 1925—1928 годах организовал экспедицию по Центральной Азии. Этой экспедицией был собран богатейший археологический, этнографический, фольклорный и лингвистический материал. Особое внимание Н. К. Рерих обратил на легенды о таинственной Священной Стране, якобы существующей в Гималаях. В Тибете эта страна называется Шамбалой.

«Седой, уважаемый Гур долины Кулу говорил нам: «В северной стране — в Утракане — на высоком нагорье живут великие Гуру. До этого места не дойти обыкновенным людям. Сами Гуру не выходят сейчас с высот — они не любят Калиюгу» **.

Местоположение Шамбалы точно не указывается, однако имеются некоторые косвенные указания:

«На вершинах Сиккима, в Гималайских отрогах, среди аромата баю и цвета рододендронов опять лама, подобный средневековому изваянию, указал на пять вершин Канченджанги и сказал: «Там находится вход в священную страну Шамбалы. Подземными ходами через удивительные ледяные пещеры немногие избранные даже в этой жизни достигали священного места. Вся мудрость, вся слава, весь блеск соборы там».

Ссылаясь на сведения, полученные от тибетских лам, Рерих пишет, что обитатели Шамбалы время от времени появляются в различных пунктах земного шара, поддерживая общение с «земными сотрудниками Шамбалы». Случается также, что последние получают приглашения посетить Шамбалу. Неосведомленные же люди чрезвычайно редко попадают туда, так как вблизи границ Шамбалы существуют своеобразные «системы защиты» от таких вторжений.

«Один из монгольских вождей сказал нам, как один бурятский лама после многих трудностей достиг Шамбалы и даже оставался там некоторое время... Упоминалось, что, когда этот лама с проводником достигли уже священной долины, они заметили совсем близко целый караван яков, груженных солью. Это были обычные тибетские купцы, которые в полном незнании проходили совсем близко от этого замечательного места. Но вся атмосфера вокруг этого места так сильно психологирована, что проходящие никогда не заметят то, что они не должны видеть».

О том, что собой представляет Священная Страна, Рерих, опираясь на легенду, говорит так: «Шамбала есть священное

* «Махабхарата», т. 3, «Горец», кн. V, кн. «Путешествие Бхагавана», гл. 110, шлоки 1—3; 13—19.

** Н. К. Рерих. Сердце Азии. Нью-Йорк, 1929.

место, где земной мир соприкасается с высшим состоянием сознания. На Востоке все знают, что существуют две Шамбалы: одна земная и другая невидимая».

Конечно, все эти ссылки как на древние, так и на современные источники не позволяют сделать каких-либо однозначных выводов. Не задаваясь такой целью, мы лишь хотели показать, что мысль Циолковского о происходящем *В НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ* контакте земной цивилизации с инопланетными разумными существами, может быть, и не лишена оснований. Насколько она отвечает действительности — покажет будущее.

В. Рубцов

За 456 дней шесть польских ученых и один журналист, не имеющие специальной подготовки в навигации, совершили кругосветное путешествие на двухмачтовой яхте „Смелая“. Они побывали в 14 странах, съели 4,5 тонны продовольствия, прошли более 42 тысячи километров. На экваторе путешественники переносили жару до 40 градусов в тени, а близ берегов Патагонии — мороз до 12 градусов. Им встречались плавающие льдины, сильные течения, многодневные бури.

Путешествие было организовано журналом „Познай мир“ и Польским географическим обществом. Команда провела научные исследования по метеорологии, геологии, географии, гляциологии и медицине. Особенно ценными были новые данные о балансе солнечного излучения на поверхности морей. По просьбе чилийских географов поляки первыми осуществили гидрографическое исследование реки Аконкагуа. Команда яхты привезла для польского географического общества 12 тысяч фотоснимков, 5 тысяч метров киноплёнки.

В Красном море Международная океанографическая экспедиция изучала районы, где солёность воды в 10 раз превышает среднюю норму, а температура воды — в 2 раза выше обычной. В этом месте на глубине двух километров ученые обнаружили богатые подводные залежи окислов и сульфидов серебра, цинка, меди, золота и марганца. Возможные запасы этих металлов оцениваются в несколько миллиардов долларов. Происхождение их приписывают активному проникновению солей через вулканические разломы в земной коре.

На одном из островов Сейшельского архипелага в Индийском океане растет кокосовая пальма, достигающая в высоту 80 метров. Плоды ее весят в среднем по 14 килограммов. Каждый орех может дать ведро кокосового молока. До сих пор ученым не удалось установить, почему ни в одном другом месте земного шара эта пальма не приживается. Даже на соседних островах ее орехи, посаженные в землю и обильно политые, не дают ростков.

После сильной и продолжительной бури огромная стая чаек налетела на рыбоперерабатывающий завод близ Портсмута. Голодные птицы за несколько минут разграбили все цехи и склады завода. Они не боялись залетать даже в маленькие помещения заводской дегустационной лаборатории.

На Ленинанканской селекционной станции в Армении недавно был выращен куст картофеля, один из клубней которого весил почти 2,5 килограмма. Этот мировой рекордсмен обязан своим сверхтяжелым весом превосходной вулканической почве с обилием микроэлементов.

Чтобы познать тайны северных сияний, американские ученые разработали проект специального электронного ускорителя. Этот прибор с помощью ракеты будет запущен на баллистическую траекторию, чтобы в верхней точке „выстрелить“ в сторону Земли потоком электронов. Ожидают, что столкновение электронов с молекулами газа в верхних слоях атмосферы вызовет искусственное полярное сияние диаметром до 10 километров.

Шаровая молния продолжает оставаться загадкой для науки. К настоящему времени удалось с достоверностью выяснить лишь то, что такие молнии зарождаются где-то на большой высоте, а затем спускаются вниз и хаотично блуждают над поверхностью земли. Как правило, взрывы шаровых молний не причиняют большого вреда. Энергетический потенциал шаровой молнии удалось определить совершенно случайно. Однажды молния размером с апельсин упала в цементную бочку с водой. Хозяин сада, где это произошло, вызвал по телефону ученых, сейчас же не замедливших появиться и начать свои измерения. Из бочки от взрыва молнии испарился всего один литр воды, а остальная нагрелась до 90 градусов Цельсия. Значит, в данном случае молния обладала в 2 раза меньшей энергией, чем такое же по объему количество расплавленного железа.

Новой спасательной лодке для моряков английские изобретатели придали форму батискафа. Однако абсолютную непотопляемость ей придает не форма, а материал, из которого сделан ее корпус,—пористая пластмасса. Лодка вмещает около 40 человек. Для них имеются сиденья и койки, предусмотрена даже туалетная комната. Запас воды и пищи рассчитан на неделю. Лодка имеет устройство, в котором морская вода выполняет роль электролита. При спуске на воду в случае аварии это устройство автоматически начинает вырабатывать электроэнергию для передачи сигнала „SOS“. Сила сигнала вполне достаточна для его пеленгации.

Факты подобраны Г. Малиничевым

Об авторах статей

Гурский Олег Николаевич, член Союза журналистов. Родился в 1928 году в Армавире. Окончил факультет журналистики МГУ. Публиковаться начал как переводчик с языка урду рассказа «Муби» из сборника «Мать ветров» Кришана Чандра. Автор многих статей, рассказов, стихов и рецензий для газет и журналов. В последнее время отдает дань жанру философской фантазии. Публиковался в предыдущем выпуске альманаха. Сейчас работает над фантастической повестью «Прозрение» и фантастическим рассказом «Человек с медальоном».

Верин Илья Львович, физик. Родился в 1919 году в Горьком. Автор трех монографий и тринадцати статей по теоретической физике. Имеет десять авторских свидетельств на изобретения. Им написано девять сценариев, по которым сняты научно-популярные и учебные кинофильмы. В сборнике выступает впервые. В творческих планах автора научно-художественная книга «Где природа хранит информацию» и материал на эту тему для следующего выпуска «На суше и на море».

Гуляев Валерий Иванович, кандидат исторических наук. Родился в 1938 году в Москве. Окончил исторический факультет МГУ по специальности археология, научный сотрудник Института археологии АН СССР. Автор пятнадцати научных статей и монографии «Древние цивилизации Центральной Америки». В альманахе публикуется второй раз. В настоящее время работает над научно-популярной книгой «Америка и Старый Свет в доколумбову эпоху».

Подольный Роман Григорьевич, член Союза журналистов. Родился в 1933 году в Москве. Работает в журнале «Знание — сила». Автор пяти научно-популярных и научно-художественных книг и около ста научно-популярных статей. Им написано также около двадцати рассказов, в том числе и фантастических. В альманахе публикуется впервые. Сейчас работает над книгой «Как рождаются, живут и не умирают народы».

Василевский Лев Петрович, литератор, член Союза журналистов. Родился в 1903 году в Курске. Автор двух научных монографий и около ста рассказов, очерков и статей. Им сделано семь переводов художественных книг. В альманахе печатался трижды.

Холодов Юрий Андреевич, кандидат биологических наук. Родился в 1931 году в Москве. Научный сотрудник Института высшей нервной деятельности АН СССР. Автор монографии и свыше пятидесяти научных статей в области физиологии животных. В сборнике публикуется впервые.

Вилинбахов Вадим Борисович, кандидат исторических наук. Родился в 1924 году в Ленинграде, работает в ЛГУ. Автор пятидесяти семи научных и научно-популярных статей. Публиковался в предыдущем сборнике.

Старикович Станислав Францевич, журналист. Родился в 1937 году в Москве. По образованию географ. Работает редактором-составителем географического научно-популярного ежегодника «Земля и люди». Автор тридцати научно-популярных статей и очерков. В альманахе публикуется вторично.

Малиничев Герман Дмитриевич, член Союза журналистов. Родился в 1926 году в Москве. Публиковаться начал как автор научно-популярных статей в 1952 году в журнале «Техника — молодежи». Многие его очерки и статьи напечатаны в газетах «Комсомольская правда», «Неделя», «Москоу Ньюс», журналах «Вокруг света», «Огонек» и других изданиях. В альманахе публиковался неоднократно. В настоящее время работает над серией научно-фантастических рассказов.

Ковалевский Владимир Степанович, член Союза журналистов. Родился в 1936 году в Новосибирске. По образованию инженер, занимается переводами и журналистикой. Автор многих научно-популярных статей в журналах «Знание — сила», «Юный техник», сотрудничает с АПН и Всесоюзным радио. В сборнике публиковался трижды.

Варшавский Самуил Романович, географ. Родился в 1906 году в Днепропетровске. Автор около семидесяти научных и научно-популярных статей в научных изданиях, а также журналах «Вокруг света», «Техника — молодежи», «Наука и жизнь» и других. Тематика статей в основном относится к истории географических знаний и исторической географии. В сборнике публикуется впервые.

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Коротеев. РОДНОЙ БРАТ ЖЕНЬШЕНЯ. Повесть. Рис. худ. В. Сурикова	7
Николай Димчевский. ТАНЕЦ АНИТРЫ. Рассказ. Рис. В. Белова	49
Александр Иванченко. ТРУБКА КОРСАРА. Очерк. Фото автора. Рис. О. Савостюка и Б. Успенского . . .	56
Г. Гунн. СКАЗАНИЕ О ПУСТОЗЕРСКЕ. Из дневника путешествия по Печоре. Рис. Г. Чеховского	99
Евгений Федоровский. ДОЗОРНЫЕ ОТЧАЯННЫХ ГОР. Очерк. Рис. О. Савостюка и Б. Успенского	110
Н. Фотьев. МЕЛКИЕ РАЗНОГЛАСИЯ. Рассказ. Рис. В. Карабута	144
Вяч. Пальман. ГОРНОЙ ТРОПОЙ КАВКАЗА. Очерк. Рис. О. Савостюка и Б. Успенского	153
Теодора Кребер. ПОСЛЕДНИЙ ВОЛЬНЫЙ ИНДЕЕЦ АМЕРИКИ. Рис. В. Носкова	170
Арк. Локерман. ДУМАЮЩИЙ МЕДВЕДЬ. Рассказ. Рис. А. Колли и А. Чуракова	192
Вл. Флинт. АМБОСЕЛИ — СЕРДЦЕ МАСАЙСКИХ СТЕПЕЙ. Очерк. Фото автора. Заставка худ. В. Найденко . . .	205
Е. Васильева, И. Халифман. ВТОРОЙ ВАРИАНТ. Очерк. Рис. М. Сергеевой	215
Леонид Тендюк. ОГНЕДЫШАЩАЯ ЗЕМЛЯ. Очерк. Рис. А. Шикина	238
Рэм Петров. СТАРАТЕЛИ. Очерк. Рис. В. Карабута . . .	246
Джеральд Даррелл. ВСТРЕЧИ С ЖИВОТНЫМИ. Отрывок из книги (перевод с английского Э. Я. Полиенко). Рис. М. Сергеевой	254
В. Рыбин. НАШЕСТВИЕ РЕЛИКТА. Очерк. Рис. Б. Лаврова	262
П. Д. Астапенко. РАБОТА ДЛЯ НЕПОСЕД. Записки «международного чиновника». Заставка худ. В. Найденко . . .	273
Герман Чижевский. ГАМАДРИАДЫ ПОДСТЕГЕГАЮТ В САДУ. Рассказ. Рис. автора	295
С. М. Успенский. ОСТРОВ ОШКУЕВ. Очерк. Фото автора. Заставка худ. В. Орловой	315
Марсель Омэ. СЫНОВЬЯ СОЛНЦА. Фрагменты из книги (перевод с немецкого Ю. С. Новикова). Фото из книги автора. Заставка худ. В. Найденко	329

А. Сосунов. ДЕД-ЛЕСОВИК С АЛЕУНА. Очерк. Рис. В. Сурикова	355
Александр Казанцев. «ЗАВЕЩАНИЕ» НИЛЬСА БОРА. Рассказ. Рис. В. Макеева	383
И. Забелин. «КАРА-СЕРДАР». Научно-фантастическая повесть. Рис. В. Носкова	407
Вс. Евреинов. ФЕНОМЕН ЛОКВУСА. Фантастический рассказ. Рис. В. Белова	441
Айзек Азимов. НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА. Фантастический рассказ (перевод с английского Д. А. Жукова). Рис. Ю. Нолева-Соболева	469
Чэд Оливер. ПОЧТИ ЛЮДИ. Фантастический рассказ (сокращенный перевод с английского Н. Кондратьева). Рис. Б. Диодорова	487
Н. Петров. В ОЖИДАНИИ ПЕРВОГО КОНТАКТА. О рассказах Чэда Оливера «Почти люди» и Айзека Азимова «Нечаянная победа»	516

ФАКТЫ. ДОГАДКИ. СЛУЧАИ...

Заставки худ. Н. Абакумова

А. Сазанов. СЛЕДЫ СХОДЯТСЯ В КОСМОСЕ	521
О. Гурский. ЕДИНОЕ НЕЧТО. Философская фантазия	539
И. Верин. ФУНДАМЕНТАЛЬНЫЙ КОД. Фантастические раздумья	547
В. Гуляев. СЛОВО О БУДИИИ	554
Р. Подольный. ДИКИЕ СТАНОВЯТСЯ ДОМАШНИМИ	565
Л. Василевский. КАК ВОЗНИКЛА ЛЕГЕНДА О РАЕ (Перевод с французского и публикация)	573
Ю. Холодов. В ЭЛЕКТРОМАГНИТНОМ МОРЕ	581
В. Вилинбахов. ДИРГЕМЫ ОТКРЫВАЮТ ТАЙНУ	587
Д. Л. Арманд. ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ	594
Ст. Старикович. ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ	595
Г. Малиничев. ГДЕ ЖЕ УМИРАЮТ СЛОНЫ!	609
С. Варшавский. ИХ БЫЛО ПЯТНАДЦАТЬ... Об одной нераскрытой тайне	614
В. Ковалевский. БОГАТСТВА ОХОТНИЧЬИХ УГОДИЙ	621
В. Рубцов. ПО СЛЕДАМ ДРЕВНЕГО ЭПОСА И ЛЕГЕНД	627
КОРОТКО О РАЗНОМ (Факты подобраны Г. Малиничевым)	
Об авторах статей	636

Н12 **На суше и на море. Повести. Рассказы. Очер-**
ки. Статьи. Ред. коллегия: Н. Я. Болот-
ников (сост.) и др. М., «Мысль», 1969.
639 с. с илл. и карт., 16 л. илл. (Путешествия.
Приключения. Фантастика).

Девятый выпуск художественно-географического сборника «На суше и на море» открывается повестью Николая Коротеева «Родной брат женьшеня» о корневщиках тасяного Приморья.

В сборник включены повести, рассказы и очерки о природе и людях Советского Союза и зарубежных стран, зарисовки из жизни животного мира, фантастические рассказы советских и зарубежных авторов. В разделе «Факты. Догадки. Случаи...» помещены статьи на самые разнообразные темы.

2-8
177-69

P2 + И

На суше и на море

Художественно-географическая книга

Редактор Н. Н. Пронин

Младший редактор А. Е. Попова

Художественный редактор А. Г. Шикин

Технический редактор В. Н. Корнилова

Корректоры Г. И. Замани, Л. Ф. Селютина

Сдано в набор 20 августа 1968 г. Подписано в печать 4 февраля 1969 г. Формат бумаги 60×90¹/₁₆, № 1. Усл. печатных листов 42 с вкл. Учетно-издательских листов 43,579 с вкл. Тираж 100 000 экз. А05119. Заказ № 3076. Цена 1 р. 66 к.

Издательство «Мысль». Москва, В-71, Ленинский проспект, 15.

Ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография имени А. А. Жданова
Главполиграфпрома Комитета по печати
при Совете Министров СССР. Москва, Ж-54, Валовая, 28

НЕЧАЯННАЯ ПОБЕДА

СЛЕДЫ СХОДЯТСЯ В КОСМОС

* ПРИРОДА И ЦИВИЛИЗАЦИЯ

ДИРГЕМЫ ОТКРЫВАЮТ ТАИНУ *

РАБОТА ДЛЯ
«ЗАВЕЩАНИЕ» НИЛЬС. БОРА
ГОРНОЙ ТРОПОЙ КАВ

* ПОСЛЕДНИЙ ВОЛЬНЫЙ ИНДЕЕЦ АМЕРИКИ

* СЫНОВЬЯ СОЛНЦА

* ГДЕ *

ТРУБКА КОРСАРА

ПОЧТИ ЛЮДИ

1р. 66к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВОСТОЧНЫЕ ИЗВЕСТИЯ»

на суше
и на море
1969